ПОЛАЦКІ МУЗЕЙНЫ ШТОГОДНІК

2011

НАЦЫЯНАЛЬНЫ ПОЛАЦКІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫ МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

ПОЛАЦКІ МУЗЕЙНЫ ШТОГОДНІК

2011

Полацк 2012

УДК 069(476.5)+97(476.5)(082)+574
ББК 79.1(4Беі)
П49

Друкуецца па рашэнні
навукова-метадычнай рады НПГКМЗ

Укладальнікі:
Т.А. Джумантаева,
намеснік дырэктара па навуковай рабоце
І.П. Воднева,
загадчык Краязнаўчага музея
С.В. Нікалаева
вядучы навуковы супрацоўнік Прыродна-экалагічнага музея

П35 **Полацкі музейны штогоднік**: (зборнік навуковых артыкулаў за 2011 г.) / уклад. Т.А. Джумантаева, І.П. Воднева, С.В. Нікалаева. — Полацк: НПГКМЗ, 2012. — 468 с.: іл.

Асаблівасці мовы і арфаграфіі аўтараў захаваны.

ББК 79.1(4Беі)+63.3(4Беі)+28.08(4Беі)

Змест

МАТЭРЫЯЛЫ НАВУКОВА-КРАЯЗНАЎЧАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ
да 85-годдзя Краязнаўчага музея ў г. Полацку

МАТЭРЫЯЛЫ СЕМІНАРА «ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

АРТЫКУЛЫ

Уступнае слова

Развіццё навукі ў айчынных музеях на сучасным этапе адбываецца на двух узроўнях: у якасці навуковых дысцыплін, якія чэрпаюць у музейных зборах свае крыніцы ведаў, і на ўзроўні музеялогіі, якая пачала вылучацца ў самастойную навуковую галіну ў другой палове XX ст. У 1977 г. у рамках Міжнароднага камітэта музеяў (ІКОМ) была створана Камісія па музеялогіі. У выніку яе працы стала відавочным, што музеялогія валодае ўласным аб'ектам пазнання, спецыфічнымі метадамі, тэрміналогіяй, тэарэтычнымі мадэлямі.

Так, аб'ект музеялогіі складаюць спецыфічныя адносіны чалавека да рэчаіснасці, якія адлюстроўваюцца ў захаванні і дэманстрацыі выбраных прадметаў. У рамках музеялогіі вывучаецца шырокае кола праблем, звязаных з узаемаадносінамі музеяў, рэчаіснасці і грамадства, адносінамі музеяў і музейных супрацоўнікаў да рэчаіснасці, а таксама з грамадскімі функцыямі музеяў (адукацыйнай, выхаваўчай і сацыяльна-псіхалагічнай). Адукацыйны аспект музеялогіі ўлічвае гнасеалагічную і інфармацыйную вартасць музейнага збору і творчае прымяненне тэорыі дакументавання і тэорыі навуковай інфармацыі. Выхаваўчы аспект уключае ідэалагічнае, светапогляднае, агульнакультурнае, эстэтычнае ўздзеянне прадметаў і музеяў на фарміраванне індывідуальнай і грамадскай свядомасці. Сацыялагічны аспект датычыцца даследавання пытанняў сацыякультурнага ўздзеяння музеяў на грамадства ў святле тэорыі культуры і катэгорый сацыялогіі і сацыяльнай псіхалогіі.

Трэба адзначыць, што музеялогія не звязана толькі з асэнсаваннем мінулага і сучаснасці, яна адначасова з выяўленнем заканамернасцей дадзенай рэчаіснасці прадстаўляе нам сродкі для таго, каб праграмаваць будучыню музеяў, арыентаваць музейнае развіццё ў суадносінах з перадумовамі яго аптымальнага выкарыстання. Музеялогія, такім чынам, адыгрывае пазнавальную ролю не толькі з пункту гледжання гісторыі і сучаснага стану музейнай справы, але і яе будучыні.

На сучасным этапе дзейнасці музеяў назіраюцца значныя змены: з'яўляюцца новыя віды і профілі музеяў, методыкі вывучэння музейных збораў, нязвыклыя экспазіцыйныя формы, трансфармуюцца ўзаемаадносіны музея і наведвальніка. Сёння музеі звяртаюцца непасрэдна да грамадства. Новыя экспазіцыйныя ідэі, зацвярджэнне музейнай педагогікі ў якасці самастойнага напрамку, выкарыстанне ў музейнай практыцы апошніх дасягненняў сацыялогіі, семантыкі, камп'ютарнай тэхналогіі і інш. ператвараюць традыцыйны музей у інтэграваны сацыяльны інстытут. Такім чынам, у паняцце музея ўключаецца любая ўстанова, якая займаецца рэчамі (ці інфармацыяй), іх захаваннем, аналізам і ацэнкай з пункту гледжання мінулага і сучаснасці. Значнасць жа такой установы залежыць ад яе інфармацыйнага і камунікатыўнага патэнцыялу, тэхнічных магчымасцей, наяўнасці кваліфікаваных спецыялістаў і дасканалай тэарэтычнай праграмы.

Відавочна, што музейная дзейнасць набывае ўсё большую сацыякультурную значнасць: узрастае роля музеяў у захаванні і інтэрпрэтацыі культурнай спадчыны. Перад музеем стаіць двaякая мэта: захаванне культурнай спадчыны для будучых пакаленняў і адкрыццё культурнай спадчыны для сучаснікаў.

У сваёй практычнай рабоце музей сёння выступае як складаючая частка гісторыка-культурнай прасторы, якая ўплывае на ступень і характар трансляцыі вопыту пакаленняў. Музей успрымаецца як храм, які жыве дзякуючы вернікам, таму што ён не толькі экспануе традыцыі, культурную спадчыну, але ўвасабляе іх і ўплывае на фарміраванне памяці пакаленняў. Музей сёння можна вызначыць як установу, якая глыбока і бясспрэчна ўкаранілася ў грамадскай свядомасці. Ён, як правіла, зыходзячы з лакальнай сітуацыі, вызначае гісторыка-культурную спадчыну любой тэрыторыі. Яго «разнастайнасць у адзінстве» культурнай прасторы знаходзіць баланс ці раўнавагу паміж індывідуальнай памяццю і агульнай гісторыяй і культурай айчыны. Што тычыцца музеяў-запаведнікаў, то яны наогул могуць служыць сімвалічнай крыніцай дыстантных вобразаў вялікага маштабу. Напрыклад, вобраз Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка рэдукуецца да аднаго сімвала — Сафійскага сабора; які ў сваю чаргу факусіруе ў свядомасці вобраз краіны ў цэлым. Сёння, напярэдадні святкавання 1150-годдзя першага згадвання пра Полацк у летапісах, гэта асабліва ўражвае.

Не толькі пра агульнавядомыя сімвалы, але і пра сціплыя музейныя прадметы розных часоў, якія захоўвае Запаведнік, пойдзе размова ў другім па ліку Полацкім музейным штогодніку. Навуковыя справаздачы за 2010 г., як і новыя краязнаўчыя адкрыцці, зробленыя падчас юбілейнай Краязнаўчай канферэнцыі ў 2011 г. (да 85-годдзя Полацкага краязнаўчага музея), стануць каштоўным здабыткам для тых, хто цікавіцца гісторыяй краю і ўдзелам музеяў у захаванні, вывучэнні і прэзентацыі гісторыка-культурнай спадчыны нашай Айчыны.

МАТЭРЫЯЛЫ
НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ
па выніках навукова-даследчай работы
супрацоўнікаў НПГКМЗ у 2010 г.

Воднева І.П.

Пачатковая адукацыя ў Полацкім марыявіцкім кляштары ў XIX ст.

Уступ

Да ўваходжання беларускіх земляў у склад Расійскай Імперыі пытаннямі адукацыі і выхавання дзяцей у Рэчы Паспалітай займалася Адукацыйная Камісія (1773–1796). Гэтае ведамства было першым у Еўропе Міністэрствам народнай асветы, якое выступала за свецкасць адукацыі, заснаванай на прынцыпе пераемнасці. Камісія прадугледжвала стварэнне 3-х асноўных форм навучання: ніжэйшай — з парафіяльнымі школамі, сярэдняй — з акруговымі і паўакруговымі і вышэйшай — з універсітэтамі. Паспяховае заканчэнне ніжэйшай і сярэдняй прыступак давала магчымасць працягнуць адукацыю на наступным узроўні. Дадзеная сістэма адукацыі лягла ў аснову і школьнай рэформы, якую Міністэрства народнай асветы Расійскай Імперыі пачало праводзіць на тэрыторыі Беларусі з пачатку XIX ст. Створанае ў 1803 г. Міністэрства народнай асветы выступала за прынцыпы пераемнасці, бессаслоўнасці і бясплатнасці адукацыі. Павевы еўрапейскай адукацыі, якія пераймала Расія ў XIX ст., не толькі закранулі форму і змест адукацыі, але сацыяльны і палавы склад навучэнцаў. Усё болей жадання вучыцца праяўляла жаночая палова насельніцтва. На тэрыторыі Рэчы Паспалітай выхаваннем шляхцянак звычайна займаліся жаночыя манаскія ордэны. У XVIII ст. на беларускіх землях найбольш актыўна дзейнічалі бернардзінкі, бенедыкцінкі, брыгіткі, дамініканкі і кармеліткі [**1**, с. 64]. Больш свецкаарыентаваную адукацыю давалі сёстры-візіткі і сакраменткі. З'яўленне гэтых ордэнаў прынесла ў Рэч Паспалітую моду на французкую адукацыю, якую маглі атрымаць толькі дзеці заможных шляхцічаў. Але, разам з тым, навучацца пры кляштарах маглі і дзяўчынкі са збяднелых сем'яў або сіроты. За іх адукацыю плацілі часцей за ўсё фундатары кляштараў, які загадзя агаворвалі сумы грошай, неабходных для навучання малалетніх выхаванак. На ніве жаночай адукацыі ў XVIII ст. вельмі актыўна працавалі і новыя жаночыя манаскія ордэны.

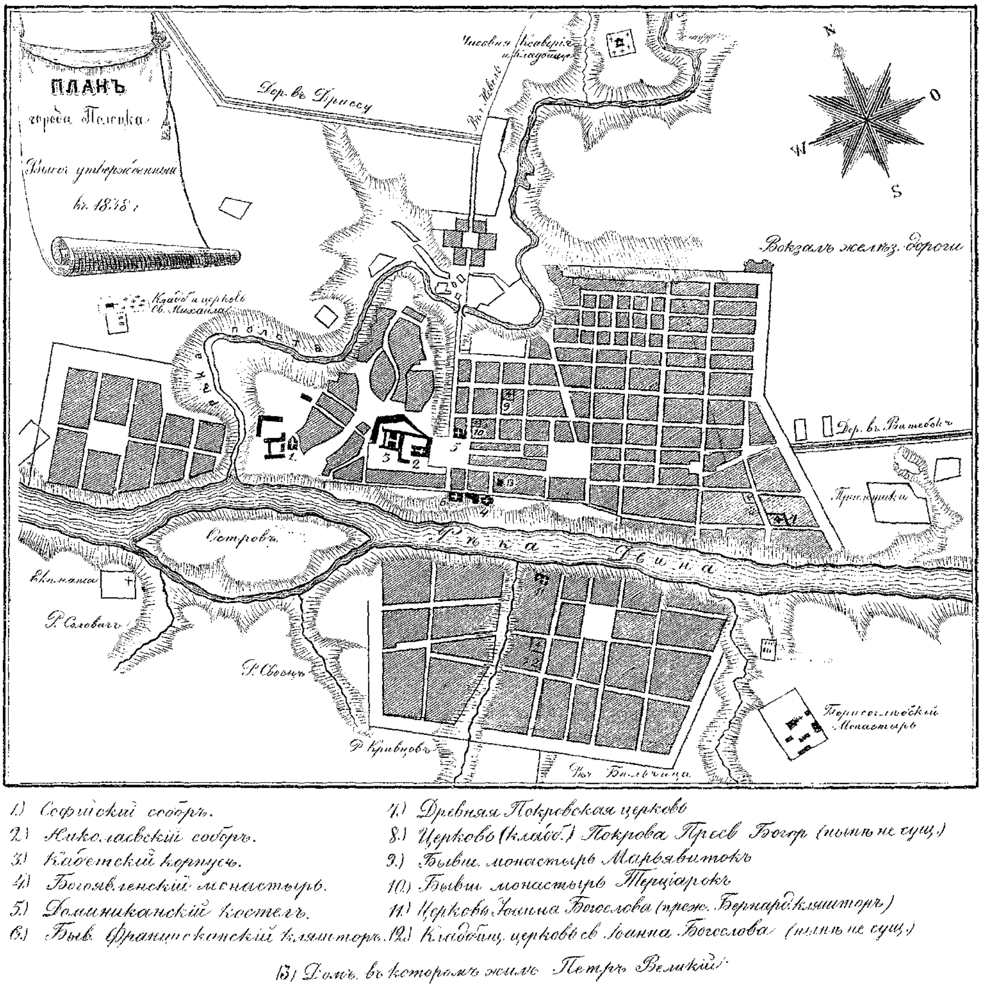
Па-першае, гэта сёстры-міласэрнасці, або шарыткі (напрыклад, у Вільні, Асвеі, Шчучыне), па-другое, сёстры-марыявіткі (Mariae Vitae). Менавіта апошнія заснавалі свой манастыр у Полацку, стварыўшы тым самым адну з першых жаночых гарадскіх навучальных установ.

Асноўная частка

24 кастрычніка 1673 г. былым піярам С. Папчынскім у Польшчы быў заснаваны ордэн Таварыства бязгрэшнага зачацця (займення) Дзевы Марыі (Congregatio Marianorum Immaculate Conceptionis). Члены ордэна называліся марыяне і марыявіткі. Паводле статута, галоўнай мэтай ордэна было пашырэнне культу Святой Марыі і душпастарская дзейнасць сярод простых людзей. Кляштары адыгрывалі вялікую ролю ў грамадскім жыцці краіны: займаліся выхаваннем моладзі і дабрачыннасцю, стваралі навучальныя ўстановы, канвікты (інтэрнаты), шпіталі. Звычайна пры кляштарах марыявітак адчыняліся невялікія школы для незаможных дзяўчынак. Вядома, што сёстры-марыявіткі шмат увагі надавалі прапагандзе і звароту ў каталіцтва яўрэек. Рэлігійная адукацыя і выхаванне спрыялі падрыхтоўцы дзяўчынак як добрых і паслухмяных гаспадынь. Але аналіз дакументаў дазваляе зрабіць высновы, што шмат увагі сёстры-марыявіткі надавалі і свецкім дысцыплінам, якія падымалі інтэлектуальны ўзровень навучэнак. Найбольш вядомымі манастырамі на тэрыторыі Беларусі былі Віленскі і Віцебскі. Акрамя іх, існавала яшчэ 18 дамоў сястёр-марыявітак, у тым ліку такі дом быў адкрыты і ў Полацку.

Згодна з ацалелымі дакументамі, марыявіцкі кляштар з'явіўся ў Полацку яшчэ ў XVIII ст. Ён адзначаны на гарадской карце 1778 г. як марыявіцкі манастыр, а не дом сясцёр [**2**, с. 73]. Манастыр сустракаецца і на плане г. Полацка 1838 г. **(мал. 1)**. Паводле дакументаў за 1858–1859 гг., яму належаць дамы, набытыя ў 1801 г., на вуліцах Спаскай і Плігаўскай. Дакумент 1863 г. дае нам падрабязны спіс пабудоў, размешчаных па адрасе: вуліца Плігаўская, дом № 128. Акрамя драўлянага корпуса, дзе жылі манашкі, да манастыра адносіліся лазня, стайня, дзве клеці і на мураваным падмурку капліца. Манастыру належаў таксама і дом № 199 па вуліцы Азараўскай, у якім жылі служачыя.

Пры кляштары ў 1814 г. быў адкрыты жаночы пансіён для дзяўчынак розных саслоўяў. Колькасць вучаніц амаль за 30 гадоў існавання дадзенай навучальнай установы не раз мянялася. Так, у 1825 г. там навучала-

Мал 1. Марыявіцкі кляштар на карце г. Полацка 1838 года.

ся 50 дзяўчынак (для параўнання: у 4-класным павятовым вучылішчы амаль праз 10 год колькасць складала толькі 76 хлопчыкаў), у 1831 – 40, у 1834 – 20, у 1837 – 35, у 1842 – 18, а ў 1843 – толькі 8.

У другой чвэрці XIX ст. неаднаразова разглядалася пытанне аб закрыцці кляштара. Прычынамі таму была палітыка, якую праводзіла Расійская Імперыя на тэрыторыі Беларусі пасля распаду Рэчы Паспалітай. Асабліва жорстка працэс адукацыі і выхавання быў узяты пад кантроль, як мясцовымі, так і губернскімі ўладамі, пасля польскага паўстання 1830–1831 гг. Але манастыр у Полацку застаўся. Новая пагроза навісла над школай марыявітак у пачатку 1840-х гг., калі ён стаў складаць канкурэнцыю свецкім прыватным жаночым пансіёнам. На жаль, другога наступу навучальная ўстанова, як і сам манастыр, не вытрымалі.

Жаночая школа марыявітак прыраўноўвалася да 1-класнага прыхадскога вучылішча і лічылася першай прыступкай у пачатковай школьнай адукацыі [**3**, лл. 20 адв – 22]. Аналіз праграмы навучання дазваляе нам вылучыць спіс прадметаў, якія выкладаліся ў школе. Гэта Закон Божы, чытанне, пісьмо расійскай мовы, пачаткі граматыкі, арыфметыка і рукадзелле. Па дакументах, якія захоўваюцца ў НГАБ, у 1831 г. Закон Божы і рукадзелле выкладала манашка кляштара Міхайлоўская, арыфметыку і геаграфію чытаў Тэафім Намайловіч [**4**, л. 57]. У 1842 г. большасць свецкіх прадметаў выкладаў стацкі саветнік, выкладчык Полацкага дваранскага вучылішча Аляксандр Плота (чытанне, пісьмо расійскай мовы, пачаткі граматыкі, арыфметыку). Асновы рэлігіі чытаў былы ігумен францысканскага кляштара, ксёнз Варфаламей Кутоўскі. А рукадзеллю навучала манашка Эмілія Маліноўская [**5**, лл. 1–2].

Згодна са справаздачай аб дзейнасці пачатковых навучальных установаў г. Полацка за 1842 г., школа сясцёр-марыявітак размяшчалася ў аднапавярховым драўляным доме кляштара і не мела сваёй бібліятэкі [**6**, лл. 1–2]. У дакуменце адзначалася даволі паспяховае авалоданне ведамі дзяўчынкамі, бацькі якіх часткова аплочвалі навучанне. Так, з 18 вучаніц 8 плацілі ў год па 50 рублёў срэбрам, а астатнія 10 – па 25 рублёў.

На жаль, 1843 г. стаў апошнім годам у жыцці пансіёна. Навучалася ў ім усяго толькі восем дзяўчынак: 7 – з дваранскіх сем'яў, 1 – дачка полацкага паштальёна. Узначальвала пансіён сястра Маеўская. Праўда, сам манастыр праіснаваў яшчэ 20 гадоў.

Дакумент 1863 г. дае нам падрабязны спіс пабудоў манастыра і спіс 13 сясцёр, на чале якіх стаяла Эмілія Маліноўская (50 год). Сярэдні ўзрост манашак – 58 гадоў [**7**, лл. 264–265]. Відаць, новых сясцёр у манастыр не бралі. У кляштары, як кажуць, дажывалі свой век жанчыны, якім мяняць месца жыхарства было ўжо даволі цяжка. Кляштар абслугоўвалі кухарка, пакаёўка і дворнік. Пры манастыры жылі яшчэ і 3 жанчыны з мяшчанак. Але праз 4 гады, 3 снежня 1867 г. Полацкі жаночы манастыр марыявітак быў зачынены.

Заключэнне

Такім чынам, з XVIII ст. па 1867 г. у Полацку дзейнічаў жаночы марыявіцкі кляштар, які размяшчаўся ў розныя гады на вуліцах Плігаўская, Азараўская, Спаская. Пры ім з 1814 па 1843 г. быў адкрыты жаночы пансіён для дзяўчынак розных саслоўяў. Амаль за 30 год існавання

школа, што прыраўноўвалася да 1-класнага прыхадскога вучылішча, займалася выхаваннем і адукацыяй дзяўчынак з сем'яў дваран і мяшчан. Забарона царскім урадам дзейнасці кляштараў і навучальных устаноў пры іх, канкурэнцыя са свецкімі жаночымі навучальнымі ўстановамі сталі прычынамі закрыцця марыявіцкай школы, якую можна лічыць адной з першых жаночых пачатковых устаноў горада Полацка.

Спіс літаратуры

1. Гардзіенка, Н.С. Кляштарнае выхаванне шляхцянак у Вялікім Княстве Літоўскім у XVIII ст. / Н.С. Гардзіенка // Адукацыя і выхаванне. – 2001. – № 4.

2. Дэйніс, І.П. Полацкая даўніна / І.П. Дэйніс. – Мінск: Медисонт, 2007.

3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Фонд 2507. – Воп. 1. – С. 87. Отчёт о состоянии учебных заведений Витебской Дирекции за 1837–1838 гг.

4. НГАБ. Фонд 3157. – Воп. 1. – С. 70. Отчёт по Витебской Дирекции училищ за 1831 год по 1 ноября.

5. НГАБ. Фонд 2507. – Воп. 1. – С. 184. Ведомость частных учебных заведений (состоящих) под ведомством Витебской Дирекции училищ. За первую половину 1842 года.

6. НГАБ. Фонд 2507. – Воп. 1. – С. 191. Ведомость об учебных заведениях Витебской Дирекции за 1842 год.

7. НГАБ. Фонд 2523. – Воп. 1. – С. 2. Маршруты кварталов г. Полоцка за 1863 г.

Гаўрылава С.В.

Асноўныя кірункі аднаўлення і развіцця г. Полацка ў 1944–1954 гг. Частка 1. Першыя крокі на шляху аднаўлення. Прамысловасць

За час, пакуль доўжылася Вялікая Айчынная вайна, народная гаспадарка Полацка моцна пацярпела. Нават тыя прадпрыемствы, што працягвалі поўнасцю або часткова працаваць у перыяд акупацыі, былі знішчаны падчас адступлення нямецкіх войскаў у ліпені 1944 г. У горадзе не засталося ніводнага працуючага прадпрыемства, камунальная гаспадарка прыйшла ў заняпад.

Пасля вызвалення ў Полацк пачалі вяртацца мірныя жыхары, прыбываць вайскоўцы і чыгуначнікі. З першых дзён пачаліся работы па аднаўленні вузла сувязі, шляхоў зносін з іншымі рэгіёнамі. Аднаўленчыя часці пабудавалі часовы чыгуначны мост праз Заходнюю Дзвіну, зрабілі чыгуначны мост праз Палату. На месцы спаленага Чырвонага моста быў узведзены часовы пешаходны.

З часу вызвалення да 1946 г. канторай сувязі была адноўлена міжгародняя кабельная сетка і абсталявана міжгародняя тэлефонная станцыя, а таксама абсталявана і пушчана новая тэлефонная станцыя «ЦБ» на 360 нумароў, праведзена 12 км тэлефонных ліній, прывешана 68 км тэлефонных правадоў, арганізаваны ўсе віды паштовых аперацый. Аднак яшчэ доўгі час ва ўстанаўленні сувязі заставалася шмат цяжкасцяў: на адной лініі былі падключаны па 3–4 абаненты, значная частка арганізацый і прадпрыемстваў увогуле не мела тэлефоннай сувязі, паштовая карэспандэнцыя дастаўлялася не ў тэрмін, дапускалася скажэнне тэкстаў тэлеграм, якасць абслугоўвання насельніцтва тэлефаністкамі і аперацыйнымі касірамі была нізкай [**8**].

З усіх відаў транспарту першым быў адноўлены чыгуначны. Ужо ў жніўні 1944 г. былі наладжаны рэгулярныя чыгуначныя зносіны: адзін раз у суткі хадзіў цягнік да Віцебска [**11**]. У хуткім часе быў адноўлены і гарадскі аэрадром. Паміж Полацкам і Мінскам летам 1945 г. была

ўстаноўлена авіялінія, на якой выкарыстоўваліся самалёты з невялікай колькасцю месцаў [3].

Першая гарадская электрастанцыя, арганізаваная ў памяшканні былой вадакачкі, дзе быў пастаўлены трафейны дызель з генератарам, пачала даваць ток з 1 верасня 1944 г. [11].

Вялікая ўвага гарадскіх улад надавалася аднаўленню камунальнай гаспадаркі. У канцы ліпеня 1944 г. на пасяджэнні гарвыканкама былі прыняты рашэнні аб першачарговых мерапрыемствах па аднаўленні камунальных аб'ектаў – лазні і вадаправода, якія павінны былі запрацаваць меней чым праз месяц, у жніўні.

Наладжвалася сетка кропак грамадскага харчавання і гандлю. Першыя крамы і сталоўка былі арганізаваны на гарадскім рынку, дзе захавалася частка драўляных гандлёвых радоў [11]. У канцы лета 1944 г. на сесіі гарадскога Савета дэпутатаў абмяркоўваліся пытанні па аднаўленні сеткі гандлёвых прадпрыемстваў і арганізацыі грамадскага харчавання. Дэпутаты адзначалі, што ў горадзе няма ніводнага памяшкання, падыходзячага для арганізацыі гандлю, за выключэннем 5 крамаў у розных раёнах горада і 1 сталоўкі, але яны лічыліся часовымі. На гэтым жа пасяджэнні разглядалася пытанне пра арганізацыю прамысловых прадпрыемстваў г. Полацка. З моманту вызвалення да гэтага часу ва ўцалелых пабудовах сельгасмайстэрняў па вул. Кастрычніцкай быў арганізаваны Полацкі гарпрамкамбінат, які ўжо адкрыў шавецкую і кравецкую майстэрні, гарбарны завод, кузню, заканчваў будаўніцтва Ксавер'еўскага млына. Каля млына адбудавалі мост праз Палату. Некаторы час ён заставаўся адзінай для транспарту пераправай праз Палату ў горадзе. Гарсаветам было прынята рашэнне аб адкрыцці бляшана-цвіковай вытворчасці, сталярнай майстэрні, стварэнні пры Ксавер'еўскім млыне філіяла лесазавода, аднаўленні сельгасмайстэрні. Ужо ў наступным месяцы рашэнне было выканана амаль цалкам. Да канца 1944 г. быў адкрыты яшчэ шэраг арцеляў і майстэрняў па вытворчасці тавараў шырокага спажывання. У канцы года пачалося будаўніцтва высакаводнага моста праз Заходнюю Дзвіну. Для нарыхтоўкі матэрыялаў Полацкі лясгас адвёў бліжэйшыя лесадзялянкі вайсковай часці [9].

Хуткімі тэмпамі ішло аднаўленне прадпрыемстваў і майстэрняў бытавога абслугоўвання насельніцтва, вытворчасці тавараў першай неабходнасці. У 1944 г. пры гаркамгасе запрацавалі кузня і слясарная майстэрня, рабочыя якой збіралі на пажарышчах жалезныя ложкі і

аднаўлялі іх, рамантавалі замкі, рабілі завесы, кручкі, клямкі і да т.п. [3]. З мэтай павелічэння продажу насельніцтву прадуктаў харчавання ў верасні 1944 г. пры гархарчпрамгандлі была створана падсобная гаспадарка. Яе прадукцыя выкарыстоўвалася ў справе наладжвання грамадскага харчавання ў горадзе [5]. Да канца года быў створаны Полацкі абласны Дзяржрыбпрамтрэст, якому падпарадкоўваліся Полацкі рыбгас, Казлоўскі і Браслаўскі рыбпрамгасы [9].

Асабліва хуткімі тэмпамі горад узнімаўся з руін пасля арганізацыі Полацкай вобласці. З 20 верасня 1944 г. Полацк стаў абласным цэнтрам. Новы адміністратыўны статус аказаў вялікі ўплыў на далейшае жыццё горада, увага партыйных і савецкіх органаў да яго аднаўлення і развіцця стала больш пільнай. У 1945–1946 гг. на аднаўленчыя работы толькі г. Полацку было адпушчана амаль 29 мільёнаў рублёў [9].

У пасляваенны час кожны жыхар горада зрабіў свой уклад у адраджэнне Полацка. 18 кастрычніка 1944 г. чарговая сесія гарсавета прыняла рашэнне аб удзеле ўсіх жыхароў горада ў аднаўленні камунальнай гаспадаркі. Удзел палачан у гэтай справе прымаў усё больш масавы характар. На гарадскія нядзельнікі па расчыстцы завалаў выходзілі цэлымі працоўнымі калектывамі. У горадзе праводзілася шмат суботнікаў па зносе непрыдатных каробак, расчыстцы мясцовасці, закладцы сквераў, алей і паркаў. На аднаўленчых работах на прадпрыемствах і чыгуначным вузле, вузле сувязі і іншых аб’ектах працавалі ваеннапалонныя, працоўныя па аргнаборы, жыхары горада, якія ўжо паспелі вярнуцца. Але без тэхнікі расчыстка ішла марудна, хоць на працу выходзілі некалькі сот чалавек. Для правядзення аднаўленчых работ Полацку былі выдзелены не толькі буйныя грашовыя сродкі, горад атрымаў частку дасланага ў БССР з іншых рэспублік прамысловага абсталявання, будаўнічых матэрыялаў. У абласны цэнтр даставілі абсталяванне для дзвюх электрастанцый. Розныя гарадскія службы атрымалі грузавыя аўтамашыны, бензін, коней і г.д. З прыбыццём бульдозераў і экскаватараў справа аднаўлення пайшла хутчэй.

З ліку непрацуючага гарадскога насельніцтва праводзілася мабілізацыя рабочых і возчыкаў з падводамі для работы ў будаўніча-мантажных трэстах, а таксама для нарыхтоўкі і вывазкі мясцовых будаўнічых і лясных матэрыялаў. З мэтай забеспячэння горада лесам для будаўніцтва дамоў была ўведзена працагужпавіннасць. На пасяджэнні аблсавета ў снежні 1944 г. дэпутаты, разгледзеўшы пытанне

«Аб мерапрыемствах па аднаўленні і развіцці мясцовай прамысловасці і прамкааперацыі вобласці на 1945 г.», прынялі рашэнне арганізаваць у I квартале наступнага года вытворчасць дахавых матэрыялаў для забеспячэння аднаўлення будынкаў у г. Полацку [**9**].

Згодна з вынікамі перапісу дробнай прамысловасці Полацка, на 1 студзеня 1945 г. у абласным цэнтры дзейнічалі: вадзяны млын «Ксаверыя» на р. Палата, мясакамбінат, рыбзавод, хлебакамбінат і хлебапякарня, плодавінзавод, 2 электрастанцыі, прамарцель «Чырвоны маяк», друкарня, гарвадаправод, леспрамгас і лясгас, паравознае дэпо ст. Полацк, майстэрні па пашыве адзення і абутку. Сярод працуючых былі адзначаны як зноў адкрытыя, так і часткова адноўленыя прадпрыемствы.

З 1945 г. у Полацк пачалі завозіць трафейныя матэрыялы, абсталяванне за кошт рэпатрыяцыі. У арганізацыі і на прадпрыемствы паступалі электраматэрыялы, кабінетныя падлогавыя гадзіннікі, швейныя машыны, піяніна, а таксама аўтамашыны розных марак. Аўтамабілі канцэнтраваліся ў двары лесатэхнікума і адтуль размяркоўваліся па ўстановах. Так, з 10 аўтамашын, атрыманых для вобласці, 8 былі перададзены Полацкаму аблбудтрэсту [**9**].

Перыяд існавання Полацкай вобласці прыпаў на дзве пасляваенныя пяцігодкі: 4-ю (1946–1950 гг.) і 5-ю (1951–1955 гг.). Іх планы аднаўлення і развіцця народнай гаспадаркі непасрэдна паўплывалі на жыццё Полацка. У верасні 1946 г. восьмая сесія Вярхоўнага Савета БССР першага склікання прыняла «Закон аб пяцігадовым плане аднаўлення і далейшага развіцця народнай гаспадаркі рэспублікі на 1946–1950 гг.», дзе былі намечаны больш высокія тэмпы развіцця народнай гаспадаркі БССР, чым па краіне ў цэлым. Планам прадугледжвалася выдзяленне вялікіх сродкаў на аднаўленне разбуранага горада, на наладжванне і далейшае развіццё прамысловасці. Галоўным кірункам пры аднаўленні горада было вызначана пераўтварэнне яго ў прамысловы вузел. У першай пасляваеннай пяцігодцы ў шэрагу задач было аднавіць прамысловасць і пераўзысці даваенны ўзровень ужо к 1950 г. Галоўная задача чацвёртага пяцігадовага плана — адрадзіць з руін і попелу горад, ператварыць яго ў магутны эканамічны і культурны цэнтр вобласці, адзін з прыгажэйшых гарадоў Беларусі.

Задачы па пераадоленні недахопаў першай пасляваеннай пяцігодкі былі прадугледжаны ў плане далейшага развіцця гарадской гаспадаркі. Буйны крок наперад прадугледжваў пяты пяцігадовы план, згодна з

якім у Полацку прадугледжвалася далейшае павелічэнне энергетычнай базы, развіццё новых вытворчасцяў, будаўніцтва завода шкловалакна. Адначасова з гэтым павінна было працягвацца пашырэнне працуючых прамысловых прадпрыемстваў, абсталяванне іх новай тэхнікай.

Прамысловасць

Адно за адным прымаліся рашэнні па аднаўленні прадпрыемстваў і арцеляў горада. Пастановай СНК БССР № 123 ад 08.02.1945 г. быў зацверджаны пачатак аднаўлення Полацкага птушкакамбіната. У 1945 г. пачалося аднаўленне плодавінзавода, была адноўлена арцель «Чырвоны возчык», прамарцель «Праўда», якая аб'ядноўвала механічны цэх па вырабу дзвярных і аконных пераплётаў, ложкаў і цэх халоднай апрацоўкі металу, прамарцель сляпых (у сувязі з чым быў праведзены ўлік сляпых па Полацкай вобласці) [**9**].

Для пашырэння вытворчых магчымасцяў прадпрыемствы атрымлівалі дадатковыя грашовыя сродкі і абсталяванне. У ліпені 1945 г. гарпрамкамбінат атрымаў дадатковыя капіталаўкладанні на суму 35 тыс. рублёў для даабсталявання лесазавода і абсталявання гантарэзнага і сталярна-бондарнага цэхаў [**8**]. Асабліва вострай была неабходнасць у абсталяванні для мясакамбіната, хлебакамбіната, плодавінзавода.

У красавіку 1945 г. Полацкі аблвыканкам прыняў рашэнне прыступіць да будаўніцтва ў былым будынку сельгасмайстэрняў НКМП БССР па вул. Кастрычніцкая, 5 ліцейна-механічнага завода. Аднак пачатак работ зацягнуўся амаль да канца года. У лістападзе 1945 г. аблсавет пацвердзіў рашэнне аб будаўніцтве завода і прыняў рашэнне перавезці станкаабсталяванне для завода з Мінска [**9**]. Было атрымана таксама некаторае трафейнае абсталяванне. Аднак хутка планы змяніліся і было вырашана ліцейна-механічны завод пераабсталяваць у завод кос, якіх на той час было вельмі мала, бо выпускаў іх адзін толькі ўральскі завод. Людзей адправілі вучыцца на Урал. Пачалася ўстаноўка адпаведнага абсталявання і яго тэсціраванне. Але нечакана прыйшло рашэнне аб адмене такой рэканструкцыі. Завод кос быў пераўтвораны ў завод сантэхвырабаў і сельгасінвентара [**11**]. Некаторы час яго асноўнай прадукцыяй былі сякеры. Аднак якасць іх была вельмі нізкай. Так, рабочыя, якія працавалі на будаўніцтве гарадскога кінатэатра ў 1948 г., скардзіліся на тое, што сякеры псаваліся так хутка, што праз 5–6 дзён выкарыстання былі ўжо не прыдатныя [**6**].

Вясной 1945 г. пачалося будаўніцтва гідраэлектрастанцыі на р. Палата каля Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра. Для паскарэння тэмпаў яе будаўніцтва аблсавет абавязаў арганізацыі і прадпрыемствы горада некаторы час кожны дзень выдзяляць рабочых з рыдлёўкамі. Аднак будаўніцтва ішло з вялікімі цяжкасцямі. Так, за зрыў будаўнічых работ быў зняты начальнік будаўніцтва, а для аднаўлення работ аблкамгасам былі выдзелены 32 рабочыя, у тым ліку 8 цесляроў з Шаркаўшчыны і 4 – з Відзаў [**9**]. У 1946 г. гідраэлектрастанцыя была пушчана. Меркавалася, што яна будзе даваць пры 2-х турбінах і 2-х генератарах 150–200 кВт/г, але працавала толькі 1 турбіна і давала да 75 кВт/г з-за малога вадазбору. Будаўніцтва гідраэлектрастанцыі не вырашыла праблемы асвятлення дамоў, вуліц і ўстаноў, таму паўстала пытанне пра аднаўленне ЦЭЦ. Прыступілі да рэканструкцыі пабудаванага да вайны будынка. Прыбыло абсталяванне станцыі, але яно не супала з запраектаваным і ляжала некалькі гадоў, пакуль яго не прыбралі. У канцы 1946 г. даў ток першы турбагенератар Полацкай ЦЭЦ магутнасцю 500 кВт. Торф для ЦЭЦ везлі з Обальскага торфазавода і іншых тарфяных прадпрыемстваў вобласці. У дапамогу першай турбіне і генератару даслалі энергацягнік і давялі магутнасць ЦЭЦ да 1500 кВт, а гідраэлектрастанцыя засталася як рэзервовая. Пуск гэтых станцый забяспечыў асвятленне і работу прадпрыемстваў на некаторы час. У наступныя гады працягвалася рэканструкцыя ЦЭЦ з мэтай давесці яе магутнасць да 3000 кВт і больш [**11**].

На 01.05.1945 г. у Полацку ўжо часткова ці поўнасцю былі адноўлены і пачалі вырабляць прадукцыю 12 прадпрыемстваў: мясакамбінат, вінзавод, рыбзавод, хлебапякарня, цагельны завод, 2 электрастанцыі, вадаправод, гарпрамкамбінат, лесазавод, гармалзавод, арцель «Харчавік», арцель «15 год БССР», арцель «Чырвоны пенсіянер», арцель «Чырвоны маяк», ботавая арцель, арцель шырспажыву. Усяго за 1945 г. было выпушчана прадукцыі больш чым на 3,5 мільёнаў рублёў [**8**].

У 1946 г. была арганізавана Полацкая ўтыльная арцель «Перамога». З мая 1946 г. дзейнічаў завод буддэталяў па вул. К. Маркса, 142. У Задзвінні былі пабудаваны майстэрні і інтэрнат аб'яднання сляпых, створаны вяровачная і валёнкавая майстэрні [**8**].

У ліпені 1946 г. у горадзе дзейнічалі 3 хлебапякарні магутнасцю 12 і 9 т у суткі, з якіх № 1 – па вул. Кастрычніцкай, № 2 – у Зялёным гарадку, хлебакамбінат і АПЗ ДН-7 па вул. Валадарскага на 4 т [**8**].

У верасні 1946 г. на пасяджэнні аблсавета разглядалася пытанне аб аднаўленні сродкаў сувязі Полацкай вобласці. Удзельнікамі было прынята рашэнне прыступіць да будаўніцтва Дома сувязі ў Полацку ў пачатку наступнага года і пусціць яго ў эксплуатацыю ўжо ў 1948 г. Планавалася ў адным будынку сканцэнтраваць усе прадпрыемствы і віды сувязі [**9**].

Прампрадпрыемствы горада выканалі план 1946 г. па выпуску валавай прадукцыі на 119 %, у грашовым эквіваленце – амаль на 3,5 мільёна рублёў больш, чым у 1945 г.

У студзені 1947 г. аблсаветам было зацверджана будаўніцтва лесапільнага завода і мэблевага цэха пры арцелі «Парыжская камуна» агульнай магутнасцю 5 тыс. м^3 піламатэрыялаў, якія б выпускалі мэблю на 500 тыс. рублёў у год [**9**].

У снежні 1947 г. быў поўнасцю адноўлены Механізаваны хлебазавод. На гэтую справу было затрачана амаль 2 мільёны рублёў, магутнасць завода складала 44 т хлеба ў суткі, аднак вытворчасць была загружана толькі на 50 % [**8**]. Пасля адмены карткавай сістэмы полацкі хлебакамбінат не здолеў наладзіць выпуск у дастатковай колькасці розных гатункаў хлеба. Вырабы былі кіслымі, гарэлымі, цеста – дрэнна замешаным. Камбінат атрымліваў сартавую муку і цукар для выпечкі французскіх булак, саек, піровжных, батонаў і інш., але вырабляў іх у невялікай колькасці.

Да канца 1947 г. у горадзе былі адноўлены і пабудаваны 22 прадпрыемствы: цагельны завод, завод будаўнічых дэталяў, рыбзавод, мэблевая фабрыка, гарпрамкамбінат і г.д. [8].

У 1947 г. прамысловасць Полацка выпускала важнейшыя віды прамысловай прадукцыі:

цагельны завод № 39	цэгла-сырэц, посуд ганчарны
завод буддэталяў	распілоўка лесу
птушкакамбінат	птушка бітая
мясакамбінат	мяса, каўбасныя вырабы, субпрадукты
малочны завод	масла, смятана, марожанае малочнае, сыркавае масла, шакаладнае малако
хлебакамбінат	хлебабулачныя вырабы

плодавінзавод	віно і сокі пладова-ягадныя
электрастанцыя	электраэнергія
рыбзавод	улоў рыбы
ліцейна-механічны завод	лыжкі, чыгункі, сякеры, ручкі дзвярныя
гарпрамкамбінат	рамонт металшырспажыву, вапна, піламатэрыял, бачкатара, абутак новы, рамонт абутку, швейныя вырабы, гонта, перамол зерня
арцель «Харчавік»	вафлі, раслінны алей, каўбаса, віно слабаалкагольнае, марожанае, квас
арцель «Чырвоны маяк»	абутак новы, рамонт абутку
арцель «15 год БССР»	швейныя вырабы, механічны цэх
арцель «Шырспажыў»	ганчарны посуд, валёнкі, вяроўка гаспадарчая
арцель «Чырвоны пенсіянер»	абутак новы, рамонт абутку, швейныя і трыкатажныя вырабы, валёнкі, ганчарны посуд
арцель «Парыжская камуна»	сталы абедзенныя і пісьмовыя, шафы для вопраткі і канцылярскія, табурэткі

Вытворчы план 1947 г. быў перавыкананы, што склала 109,1 % к мінулагодняму плану [**8**].

У 1948 г. былі адноўлены фабрыка індывідуальнага пашыву, другая чарга электрастанцыі на 500 кВт, павялічана магутнасць мясакамбіната, птушкакамбіната, цагельнага завода № 39, арганізавана металаарцель «Праўда» [**8**].

Сетка арцеляў аднавілася ў гэты час на 87 % к даваеннаму ўзроўню: у Полацку працавалі 10 арцеляў [**9**]. Патрабавалася яшчэ аднавіць трыкатажную арцель «8 сакавіка», хімічную, «2-й пяцігодкі», металаарцель «Зорка» [**8**]. Ужо існуючыя арцелі павялічвалі свае вытворчыя магчымасці. Так, арцель «Чырвоны пенсіянер» дадаткова арганізавала шавецкі і кравецкі цэхі, вытворчасць пірожных і тортаў; усяго ў гэты час

арцель аб'ядноўвала 15 цэхаў, якія выпускалі валёнкі, вяроўкі, харчовыя прадукты, праводзілі рэстаўрацыю прадметаў хатняга ўжытку.

З усіх арцеляў і прадпрыемстваў да 1948 г. толькі гарпрамкамбінат здолеў поўнасцю аднавіць свае памяшканні; план 1947 г. ён перавыканаў на 165, 2 % і асвоіў новыя віды прадукцыі: косныя брускі, дарную дошку, аднавіў атэлье мод, устанавіў другую піларуму [**8**].

Аднак выпуск прадукцыі арцелямі Полацка вёўся без уліку спажывецкіх запатрабаванняў, да гэтага часу не быў наладжаны выпуск крэму для ботаў, чарніла, воцату, фарбы, прадукцыя заставалася нізкай якасці, але высокай цаны (напрыклад, парты арцелі «Парыжская камуна» не адпавядалі ўзросту, для якога выпускаліся, у той жа час пры нізкай якасці цана складала 186 рублёў); у абласны цэнтр тавары завозіліся з іншых гарадоў: драўляныя вешалкі, кухонныя сталы, сякеры, прасы. Акрамя нізкай якасці прадукцыі, у арцеляў было дастаткова недахопаў, якія не адпавядалі пранцыпам савецкай вытворчасці: надомніцтва, сямейнасць, пранікненне ўласніка і інш. [**8**].

У 1948 г. папоўнілася абсталяванне лесазавода, пачаўся выпуск аконных пераплётаў, дзвярэй, падлогавай дошкі, плінтуса, налічнікаў і інш., на заводзе пастаянна працавалі 316 чалавек, у тым ліку 97 чалавек — моладзь са школ ФЗН [**8**].

Некаторыя прадпрыемствы ўзбуйняліся. Так, з-за знаходжання ў адным памяшканні, аднолькавай маламагутнасці і агульнага кіраўніцтва ў арцель «Чырвоны маяк» аб'ядналіся арцелі «Чырвоны маяк» і «15 год БССР» [**8**].

Абласная друкарня ў 1948 г. пераехала ў адноўленую даваенную пабудову на вул. Сака і Ванцэці. З 1950 г. тут пачалі асвойваць друкаванне каляровай прадукцыі спосабам высокага друку. У студзені 1954 г. у сувязі са скасаваннем вобласці друкарня стала гарадской. Усяго ў горадзе на той час працавалі 109 крамаў і ларкоў [**9**]. Пры арцелі «Шырспажыў» быў адкрыты пераплётны цэх. Цагельны завод перайшоў на круглагадовы рэжым работы замест сезоннага [**8**].

Прамысловасць Полацка за 1948 г. выканала план на 101 %, што склала 130,5 % да паказчыкаў 1947 г. Гэты 1 % быў роўны амаль 3,5 мільёнам рублёў. У лік перадавікоў трапілі гарпрамкамбінат, электрастанцыя, друкарня, арцель «Чырвоны пенсіянер», «Чырвоная вышывальшчыца» [**9**].

На 1949 г. быў запланаваны выраб 48 відаў прадукцыі [**8**]. У кастрычніку 1949 г. прамысловасць горада датэрмінова пераўзышла даваенны

ўзровень сярэднямесячнага выпуску прадукцыі. План 4-х год пяцігодкі быў выкананы на 116 %. Значна пашырыўся выраб цэглы, тавараў шырспажыву, валянага абутку, швейных вырабаў, мэблі і іншай прадукцыі.

У 1950 г. у абласным цэнтры працавалі ўжо ўсе прадпрыемствы, што дзейнічалі ў горадзе да вайны. У Полацку прайшла праверка законнасці існавання арцеляў прамкааперацыі і кааперацыі інвалідаў. У яе ходзе былі выяўлены парушэнні афармлення статутаў і захавання дакуметаў па дзяржрэгістрацыі, у большасці выпадкаў у іх не былі адлюстраваны віды дзейнасці арцелі, груба парушаліся правілы вырабу, захавання і ўліку квітанцый, у асобных арцелях парушаліся ўстаноўленыя нормы суадносін колькасці наёмных рабочых і служачых і непасрэдна членаў арцелі, найбольш гэтыя нормы былі парушаны ў арцелі «Чырвоны пенсіянер» — на 22,7 % перавышала колькасць наёмных, у арцелі «Чырвоная вышывальшчыца» гэтыя лічбы былі роўнымі [**8**].

Увага да аднаўлення абласнога цэнтра, як было адзначана вышэй, была пільнай. Часам мелі месца выпадкі, калі за невыкананне планаў асваення выдзеленых грашовых сродкаў аб'ект пазбаўляўся фінансавання ўвогуле. Так, планам капработ па Полацкім рыбгасе на 1949 г. прадугледжвалася будаўніцтва халадзільніка, вяндлярнага і сушыльнага цэхаў, але ў выніку дрэннага ходу работ адпушчаныя сродкі былі адкліканы Галоўрыбпрамам. На 1950 г. сродкі не адпусцілі, будаўніцтва прыпынілася, з-за чаго прадпрыемства пазбавілася магчымасці захоўваць і перапрацоўваць свежую рыбу, вытворчасць стала нерэнтабельнай [**8**].

У 1952 г. у Полацку працавалі прадпрыемствы і арцелі 19 асноўных галін прамысловасці: хімічнай, паліўнай, паліграфічнай, мастацкай, трыкатажнай, харчасмакавай, швейнай, тэкстыльнай, скураабутковай, сілікатна-керамічнай, мэблевай, дрэваапрацоўчай, металаапрацоўчай і інш. [**1**].

План 1952 г. прамысловасцю горада выкананы на 101,4 %, у т.л. прадпрыемствамі мясцовай прамысловасці — на 103, 4 %, арцелямі і прадпрыемствамі прамысловай кааперацыі і кааперацыі інвалідаў — на 99,9 %. Выпушчана валавай прадукцыі на 2110,4 тыс. рублёў, што на 14,3 % больш у параўнанні з папярэднім годам. З 20 прампрадпрыемстваў абласнога цэнтра план вытворчасці не выканалі 7, з 9 арцеляў — 2. Горш за ўсіх выйшаў на канец года рыбзавод, які план выканаў на 82,5 % са стратамі ў 65,1 тыс. руб. [**1**].

У разы вырасла заработная плата палачан. Да прыкладу, рабочыя на мясакамбінаце ў 1944–1945 гг. атрымлівалі ў сярэднім 234 руб., у 1952 г. — 6163 руб., на птушкакамбінаце — 172 руб. і 5224 руб. адпаведна, у арцелях гэтыя лічбы склалі 358 руб. і 5583 руб. Сярэдняя заработная плата на прадпрыемствах горада ў гэты час была роўная 6033 руб. Найбольш зараблялі на заводзе буддэталяў — 8606 руб., меней за ўсіх на мотарамонтным заводзе — 3720 руб. [**1**].

Пасля перабудовы кацельнай у 1953 г. магутнасць гарадской электрастанцыі ўзрасла ў 3 разы ў параўнанні з даваенным узроўнем. Станцыя была аснашчана найноўшым абсталяваннем, асноўныя працаёмкія працэсы былі аўтаматызаваны. Электрастанцыя пачала даваць энергію буйным населеным пунктам — Ветрына, Ушачам і калгасам Полацкага раёна [**5**].

Першая палова 1950-х гг. вызначалася павелічэннем выпуску прадукцыі прамысловасцю Полацка, асваеннем новых відаў прадукцыі, далейшай механізацыяй вытворчасці, ростам прадукцыйнасці працы, зніжэннем сабекошту прадукцыі; многія прадпрыемствы забяспечылі сістэматычнае перавыкананне вытворчых планаў, а таксама паспяховае выкананне замоў сельскай гаспадаркі.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Архіў Краязнаўчага музея – філіяла НПГКМЗ.

1) Итоги выполнения народнохозяйственного плана города Полоцка за 1952 год.

2) Сведения о выполнении производственного плана по валовой продукции в неизмен. ценах предприятиями союзно-республиканского, местного подчинения и артелями города Полоцка за октябрь месяц 1948 г.

3) Средняя оплата труда рабочих и служащих предприятий и учреждений города помесячно (руб.) в 1944–1945 гг.

2. Докладная записка по состоянию промышленных предприятий на 1.05.1945 г. // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 658. – Воп. 1. – С. 18. – Л. 18.

3. Дейнис, И.П. Полоцк в ХХ веке / И.П. Дейнис // НПГКМЗ. – ПГАЗ КП 5-2774. – С. 210–237.

4. Никитин, Г.А. Возрождение из руин и пепла / Г.А. Никитин // Полоцк: ист. очерк / АН БССР. Ин-т истории; редкол.: П.Т. Петриков (отв. ред.) и др. – 2-е изд., перераб и доп. – Минск: Наука и техника, 1987. – С. 225–233.

5. Мелешко, В.И. Город меняет свой облик. Улучшение жилищно-бытовых условий / В.И. Мелешко // Полоцк: ист. очерк / АН БССР. Ин-т истории; редкол.: П.Т. Петриков (отв. ред.) и др. – 2-е изд., перераб и доп. – Минск: Наука и техника, 1987. – С. 233–238.

6. Москов, Ф. О качестве топоров / Ф. Москов [и др.] // Большевистское знамя. – 1948. – 8 августа. – С. 2.

7. Переписка с республиканскими, областными и городскими учреждениями по вопросам восстановления и развития городского хозяйства и культуры, улучшения благосостояния трудящихся // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 658. – Воп. 1. – С. 57. – Л. 1, 7.

8. Протоколы заседаний исполкома Полоцкого горсовета депутатов трудящихся // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 658. – Воп. 1. – С. 12, 50, 52, 64, 65–67, 76–77.

9. Протоколы заседаний исполнительного комитета Полоцкого областного Совета депутатов трудящихся // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 686. – Воп. 1. – С. 16, 29, 31, 55.

10. Распоряжение № 25 от 28 апреля 1945 г. // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 686. – Воп. 1. – С. 28. – Л. 29.

11. Яшчэ грымелі баі. З успамінаў І.П. Дэйніса // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 2002. – С. 491–493.

Зуева Г.П.

Кнігі рускага грамадзянскага друку XVIII–XIX стст. у фондах НПГКМЗ

Сярод іншых кніжных калекцый у фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (НПГКМЗ) выдзяляецца даволі значная па аб'ёму і цікавая па складу калекцыя кніг рускага грамадзянскага друку XVIII–XIX стст. У гэту калекцыю ўваходзяць кнігі рознай тэматыкі, выдадзеныя на тэрыторыі Расіі грамадзянскім шрыфтам. Бясспрэчна, распрацоўка і ўвядзенне ва ўжытак грамадзянскага шрыфту склала цэлую эпоху ў рускай кніжнай культуры. Рускі грамадзянскі шрыфт быў уведзены Пятром I у 1708 г. для свецкіх выданняў. Работа па карэкціроўцы і ўстанаўленні складу новай азбукі працягвалася з 1708 да 1710 г. і канчаткова новая азбука была зацверджана Пятром 29 студзеня 1710 г. Рэформа была праведзена ў двух напрамках: у грамадзянскай азбуцы быў заменены склад літар і адначасова з гэтым была зменена графіка шрыфту. Пісьмо стала значна прасцей, а значыць — даступней. Новы шрыфт і новая азбука ўводзіліся ў процівагу кірыліцы, якая выкарыстоўвалася ў дапятроўскай Русі і якая пасля рэформы засталася прыналежнасцю кніг царкоўных. У Расіі ў пятроўскую эпоху ўпершыню было шырока арганізавана друкаванне свецкіх кніг па матэматыцы, ваеннай справе, медыцыне, геаграфіі, гісторыі, навігацыі і інш. Праўда, са смерцю Пятра I планамерная выдавецкая дзейнасць у Расіі замарудзілася, і з-за адсутнасці прыватнай ініцыятывы кнігі пачалі з'яўляцца толькі ў выніку ўрадавых указаў.

У фондах НПГКМЗ выданняў першай паловы XVIII ст., на жаль, няма. Увогуле, кнігі рускага грамадзянскага друку гэтага перыяду з'яўляюцца сапраўднай бібліяграфічнай рэдкасцю.

У другой палове XVIII ст. кнігавыданне ўступіла ў новы этап і перастала быць выключна прэрагатывай урада. Агульны ўздым інтэлектуальнага жыцця і абуджэнне цікавасці да літаратурнай і выдавецкай дзейнасці азнаменаваліся значным для таго часу павелічэннем колькасці друкарняў і выдадзеных імі кніг. Калі ў гады праўлення

Лізаветы Пятроўны ў Расіі існавала 8 друкарняў, то ў канцы XVIII ст. толькі ў Пецярбургу і Маскве іх налічвалася ўжо да 50 (з іх каля 30 прыватных). Трэба адзначыць, што ў апошнія два дзесяцігоддзі XVIII ст. колькасць грамадзянскіх друкаваных кніг хутка расла. Гэтаму ў многім садзейнічаў указ Кацярыны II «Аб вольных друкарнях» (1783 г.), які дазваляў адкрываць прыватным асобам уласныя друкарні спачатку ў Пецярбургу і Маскве, а затым і ў правінцыі. У гэтых друкарнях дазвалялася выдаваць кнігі на рускай і замежных мовах, з выкананнем пры гэтым адзінага патрабавання — «чтобы ничего в них противного законам Божиим и гражданским, или же к явным соблазнам клонящагося издаваемо не было». Першая вольная друкарня была адкрыта немцам Іаганам Міхелем Гартунгам у Пецярбургу каля 1769 г., але ёй дазвалялася друкаваць толькі замежныя кнігі. Праз некалькі гадоў, у 1776 г., Вейтбрэхт разам са Шнорам атрымалі права завесці друкарню для выдання не толькі замежных, але і рускіх кніг. Праз пэўны час адкрыліся друкарні Брэйткопфа, Навікова, Гіпіуса, Лапухіна і інш. Прыватныя выдаўцы, больш цесна звязаныя з чытачамі, сачылі за попытам на кнігу, былі больш зацікаўлены ў развіцці кніжнага гандлю. У фондах НПГКМЗ захоўваюцца кнігі XVIII ст., надрукаваныя ў прыватных друкарнях І. Лапухіна («Лѣтопись иже во святыхъ отца нашего Димитрія, митрополита Ростовскаго, новоявленнаго чудотворца...», 1784 г., КП8-4615), І. Шнора («Собраніе учрежденій и предписаній, касательно воспитанія въ России обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества, съ прочими въ пользу общества установленіями», 1789 г., КДФ2-713), І. Вейтбрэхта («Полный нѣмецко-россійской Лексиконъ...», 1798 г., КП16-16341) і інш.

Пераход ад XVIII да XIX стагоддзя быў даволі неспрыяльны для рускай грамадзянскай кнігі. Яшчэ ў канцы XVIII ст. (1896 г.) Кацярына II, напалоханая рэвалюцыйнымі падзеямі ў Францыі, забараніла ўсе прыватныя друкарні. На пачатак XIX ст. іх фактычна ўжо не існавала. Паказальным у гэтым плане быў наказ Кацярыны II свайму пераемніку: «Не допускай без ведома своего ни одной книги, ни газеты, ни карикатуры. Народ должен мыслить как государь. Ты должен вводить в среду народа просвещение настолько, насколько это не будет вредить ни тебе, ни им. Вообще раннее просвещение отнимает покой у государя и народа. Перо учёного приносит больше зла правительству, нежели войска. Сошли в Сибирь первого писателя, вздумавшего казаться государственным человеком» [**9**, с. 257]. Імператар Павел, нягледзячы на ўсё нежа-

данне прытрымлівацца курса сваёй маці, гэты наказ выканаў ў поўнай меры. Дастаткова прыгадаць загад ад 18 красавіка 1800 г. аб забароне ўвозіць кнігі з-за мяжы. Гэты ж загад значна абмяжоўваў выдавецкую дзейнасць і ў самой Расіі, паставіўшы яе пад поўны кантроль урада.

Праўда, праіснавалі такія абмежаванні нядоўга. З прыходам да ўлады маладога імператара Аляксандра I сітуацыя змянілася. Ужо праз 3 тыдні пасля ўступлення на прастол Аляксандр выдаў указ (31 сакавіка 1801 г.), які не толькі дазволіў увозіць кнігі з-за мяжы, але і адкрываць прыватныя друкарні. Лепшымі прыватнымі друкарнямі першай паловы XIX ст. з'яўляліся друкарні Плюшара, Глазунова, Смірдзіна, Праца, Бачарова і Ольхіна ў Пецярбургу, Селіваноўскага і Усевалажскага ў Маскве.

Нягледзячы на паступальнае развіццё кнігавыдавецкай справы ў Расіі ў першай палове XIX ст. існавалі стрымліваючыя фактары, якія перашкаджалі дзейнасці выдавецтваў і выдаўцоў. Сярод такіх стрымліваючых фактараў перш за ўсё трэба назваць цэнзуру. Уведзена яна была яшчэ ў XVIII ст. У 1802 г. папярэдняя цэнзура органамі нагляду паліцыі была заменена наступнай (г.зн., пасля выхаду кнігі). Папярэдняя цэнзура адсутнічала 2 гады, да зацвярджэння ў 1804 г. першага цэнзурнага статута, які быў даволі ліберальным.

Умовы развіцця кнігавыдавецкай справы значна змяніліся з 1825 г. Пасля паўстання дзекабрыстаў урад прыняў меры па падаўленні прагрэсіўнага друку. У 1826 г. выйшаў новы цэнзурны статут, які празвалі «чыгунным», паколькі ён быў гатовы, як казалі сучаснікі, «совершенно задавить книгу» [**5**, с. 74]. Артыкулы гэтага статута былі настолькі заблытанымі, што давалі магчымасць розным цэнзарам па-рознаму ставіцца да адной і той жа кнігі, прадастаўлялі поўную свабоду наглядальнікам за друкам. Кніга стала залежаць ад цэнзуры поўнасцю. Паводле гэтага статута, §151 якога абавязваў адшукваць дваякі сэнс у творы, як казаў С.М. Глінка, «можно было и «Отче Наш» перетолковать якобинским наречием» [**5**, с. 75].

Але ўжо ў другой палове XIX ст. у выдавецкай справе Расіі адбываюцца кардынальныя змены. Уступленне Расіі ў стадыю капіталізму выклікала хуткі, у параўнанні з папярэднім перыядам, рост выдавецкай справы і паліграфічнай вытворчасці. Развіццё асветы і культуры, змены ў гаспадарцы, шырокае распаўсюджванне прыкладных ведаў — усё гэта патрабавала значнага павелічэння выпуску кніг, часопісаў, газет. У другой палове XIX ст. павялічваецца колькасць як казённых, так

і прыватных друкарняў: у1861 г. існавала 164 друкарні па ўсёй Расіі, у 1864 — 181, у 1870 — 500, а ў 1894 — 1 315 [**5**, с. 182]. Змяніліся ў другой палове XIX ст. і ўмовы дзейнасці выдавецтваў. У 1865 г. былі зацверджаны так званыя «часовыя правілы аб друку». Папярэдняя цэнзура была заменена наступнай. Экзэмпляры выданняў да выпуску іх з друкарні ў продаж павінны былі падавацца для прагляду ў мясцовыя цэнзурныя камітэты, якія не забаранялі іх распаўсюджванне, але мелі права ўзбудзіць супраць выдаўца судовую справу. Умовы выпуску выданняў былі аблегчаны ў параўнанні з папярэднім перыядам, хаця ніякай свабоды друку ў Расіі не было. Тыя ж правілы патрабавалі ад выдаўцоў праяўляць вялікую асцярожнасць пры выбары кніг і артыкулаў для друку. Правіламі былі ў нейкай ступені аблегчаны ўмовы адкрыцця новых друкарняў, праўда, як і раней, адкрываць новыя паліграфічныя прадпрыемствы дазвалялася толькі асобам, у палітычнай добранадзейнасці якіх улады не сумняваліся. Такі парадак праіснаваў да 1881 г.

Паварот да рэакцыі ва ўсіх сферах жыцця краіны, які намеціўся пасля забойства Аляксандра II 1 сакавіка 1881 г., адбіўся і на палітыцы ў галіне друку. На яго абрынуліся сапраўдныя рэпрэсіі. Цыркуляры Галоўнага ўпраўлення па справах друку (а іх толькі за 1881 год было выдадзена больш за 50) забаранялі абмеркаванне многіх пытанняў грамадска-палітычнага жыцця краіны. Быў забаронены альбо прыпынены выпуск многіх перыядычных выданняў. Уся выдавецкая дзейнасць рэгламентавалася «Часовымі правіламі аб друку», зацверджанымі ў 1882 г. Новыя правілы давалі больш магчымасцяў цэнзуры і адміністрацыі для расправы з «неугодными» выдаўцамі і выданнямі. «Вообще цензура теперь самая строжайшая и придирчивая», — запісаў у дзённіку ў красавіку 1882 г. журналіст Г.А. Дэ-Волан [**4**, с. 32]. На пасаду начальніка Галоўнага ўпраўлення па справах друку быў назначаны Я.М. Феакцістаў (1883–1895 гг.). Па словах яго жонкі, ён заняў гэты пост з адзінай мэтай — «раздавить такую гадину, как «Отечественные записки». Вялікі ўплыў на яго аказаў К.П. Пабеданосцаў (былы настаўнік цара, обер-пракурор Сінода, адзін з галоўных ідэолагаў рэакцыі), які лічыў, што друк — «самая ужасная говорильня, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи, десятки тысяч вёрст разносит хулу и порицание на власть, посевает между людьми мирными и честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям» [**4**, с. 34–35].

Але ні цэнзура, ні іншыя неспрыяльныя фактары прыпыніць ці нават замарудзіць развіццё кнігадрукавання ў канцы XIX ст. у Расіі былі не ў стане. Адзін з самых вядомых даследчыкаў гісторыі рускай кнігі XIX ст. М.М. Куфаеў пісаў: «Было бы совершенно неправильно считать вторую половину 80-х и следующее десятилетие временем застоя и упадка книги. Реакция при Александре III и далее при Николае II, с теми же цензурными правилами и дальнейшими ограничениями свободы книги, с тою же практикой запрещений, предостережений, закрытием розничной продажи газет и журналов — всё это не убило книгу, спрос на которую теперь возрос и которая сама растёт и ищет читателя» [**5**, с. 185]. Аб паступальным руху кніжнай справы апошняй трэці XIX ст. сведчыць перш за ўсё колькасны рост паліграфічных прадпрыемстваў і кнігагандлёвых установ. У еўрапейскай Расіі з 1880-х да 1900-х гг. колькасць друкарняў і літаграфій узрасла амаль у 2 разы (з 1 035 да 1 979), выдавецтваў і ўстаноў кніжнага гандлю больш чым у 2 разы (1 377 — 2 964).

Па форме ўласнасці ўсе выдавецкія прадпрыемствы падзяляліся на казённыя і прыватныя. Калі ў XVIII — пачатку XIX стст. казённыя друкарні выпускалі большую частку кніжнай прадукцыі, то ў канцы XIX ст. на долю казённых (да іх адносяцца друкарні ўрадавых і навучальных устаноў) прыходзілася 8–10 % ад агульнага тыражу. Асноўная маса літаратуры выпускалася ў другой палове XIX ст. буйнымі прыватнымі прадпрыемствамі. Найбольшай прадукцыйнасцю вызначаліся друкарні Суворына, Вольфа, Маркса, Паўлянкова, Стасюлевіча, Сыціна, Кушнера, Валчанінава, Сойкіна, Дзеўрыена, Эфрона і інш. Некаторыя выданні гэтых друкарняў захоўваюцца ў фондах НПГКМЗ.

У другой палове XIX ст. у Расіі пачалі ствараццца карпаратыўныя аб'яднанні рускіх кніжнікаў. Стварэнне такіх саюзаў — адна з прыкмет другой паловы XIX — пачатку XX стст. Падобныя саюзы ў першай палове XIX ст. былі немагчымыя па палітычных прычынах. Любыя спробы аб'яднання з мэтай стварэння чыста асветніцкіх таварыстваў выклікалі ў Мікалая I негатыўную рэакцыю. У канцы 1850-х, ужо пасля смерці Мікалая, узнікла некалькі праектаў стварэння асветніцкіх аб'яднанняў. Першым такім аб'яднаннем у галіне кніжнай справы было Таварыства «Общественная польза», створанае ў 1860 г. Выдавала Таварыства літаратуру па розных галінах прыродазнаўчых і гуманітарных навук дзеля «просвещения народа». Напрыклад, такія кнігі: «Теорія теплоты изъ физики Дагена» (КДФ4-1773/266), выдадзенае Таварыствам

«Общественная польза» ў 1861 г., «Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края» (КП8-4343/42), выдадзенае ў 1890 г.

У калекцыі кніг рускага грамадзянскага друку шырока прадстаўлены выданні Пецярбургскай Акадэміі навук і Маскоўскага ўніверсітэта. Пецярбургская Акадэмія навук ад заснавання (1725 г.) стала адным з галоўных цэнтраў кнігавыдавецкай дзейнасці ў Расіі. На першы план яна вылучала выданне навуковай літаратуры. Са дня заснавання акадэмічнай друкарні і на працягу ўсяго XVIII ст. не было ў Расіі ніводнага больш-менш значнага пачынання ў галіне кніжнай справы, ініцыятарам і выканаўцам якога не з'яўлялася б Акадэмія навук і акадэмічная друкарня. Да 1801 г. гісторыя выдавецкай дзейнасці Акадэміі і яе друкарні была ў асноўным гісторыяй друку і кнігавыдання Расіі. І на працягу усяго XIX ст., нягледзячы на пастаяннае скарачэнне фінансавання самой Акадэміі і яе выдавецкай дзейнасці, акадэмічнай друкарні ўдавалася захоўваць славу лепшай друкарні для навуковых выданняў. Аўтарытэт гэтых выданняў увесь час заставаўся бясспрэчным. Кнігі ў акадэмічнай друкарні выдаваліся ў асноўным на рускай мове, але былі магчымасці друкаваць на многіх мовах свету. Друкарня па-праву ганарылася сваёй калекцыяй шрыфтоў, у стварэнні якіх прымалі ўдзел вядомыя вучоныя. У 1893 г. інжынер-тэхнолаг Трыпалітаў паведамляў, што там «демонстрируется оттиск молитвы «Отче наш» на 346 языках европейских и восточных, а также шкаф с матрицами свыше 5 тыс. штук». А. Бахціяраў адзначаў тады ж, што друкарня адзіная ў Расіі і нават у Еўропе, якае мае ўсе ўсходнія шрыфты — санскрыцкія, арабскія, кітайскія і г.д. [**4**, с. 137–138]. Выдаваліся падручнікі для акадэмічнага ўніверсітэта і гімназіі, тэхнічная, ваенная літаратура, сачыненні па гісторыі, геаграфіі і іншых навуках, календары, лексіконы, выдаваліся замежныя кнігі, перакладзеныя на рускую мову, шмат друкавалася навуковых прац расійскіх вучоных, у тым ліку М.В. Ламаносава. У 1760 г. убачыла свет яго гістарычная праца «Краткій россійскій лѣтописецъ», а трохі пазней ён падрыхтаваў да друку рукапіс першага тома «Древней Россійской исторіи отъ начала Россійскаго народа до кончины Великаго князя Ярослава Перваго или до 1054 года». Кніга выйшла ў свет у 1766 г., ужо пасля смерці Ламаносава. Экзэмпляр выдання захоўваецца ў фондах НПГКМЗ (КП8-4617). Яшчэ адна кніга з калекцыі НПГКМЗ, надрукаваная ў акадэмічнай друкарні ў 1774 г. — «Житіе и славныя дѣла Петра Великаго Самодержца Всероссійскаго съ предположеніемъ краткой

географической и политической исторіи о Россійскомъ государствѣ» (КП12-8019). Кніга ўпершыню выйшла ў 1772 г. у Венецыі, у друкарні Дзімітрыя Феадозія, на славенскай мове, а потым і на грэчаскай. У Расію кніг першага выдання трапіла мала, да таго ж яно было на малазразумелай у Расіі славенскай мове. Гэта і падштурхнула надрукаваць кнігу па-руску. На рускую мову яе пераклаў стацкі саветнік Стэфан Пісараў у Санкт-Пецярбургу пры Імператарскай Акадэміі навук. Да таго ж кніга была перапрацавана і дапоўнена князем М.М. Шчарбатавым. Першая глава выдання прысвечана кароткаму геаграфічнаму і палітычнаму апісанню Расіі, другая — старажытнай расійскай гісторыі, астатнія — дзейнасці Пятра І.

Пецярбургская Акадэмія навук рэгулярна выдавала «Ученые записки» па фізіка-матэматычнаму і гісторыка-філалагічнаму аддзяленнях і «Известия», а з 1862 г. замест іх пачаў выходзіць новы агульнаакадэмічны зборнік «Записки Императорской Академіи наукъ». Да 1895 г. выйшла 75 тамоў гэтага новага выдання, якое для рускіх чытачоў стала асноўнай крыніцай інфармацыі аб дзейнасці Акадэміі і працах яе навукоўцаў. Зборнік змяшчаў выпіскі з пратаколаў пасяджэнняў Агульнага сходу Акадэміі, справаздачы па трох яе аддзяленнях (фізіка-матэматычным, гісторыка-філалагічным, рускай мовы і славеснасці), артыкулы невялікага аб'ёму і паведамленні аб новых выданнях Акадэміі. У фондах захоўваюцца наступныя тамы «Записок...»: том 7 — 1865 г. (КДФ4-1930/160); том 14 — 1868 г. (КДФ4-1930/157); том 30 — 1877 г. (КДФ4-1772/315); том 44 — 1883 г. (КДФ4-1930/146).

Другой па значнасці друкарняй у Расіі XVIII–XIX стст. з'яўлялася друкарня Маскоўскага ўніверсітэта. Указ аб яе стварэнні быў падпісаны 5 сакавіка 1756 г., амаль праз год пасля заснавання самога ўніверсітэта. Ужо ў першы перыяд дзейнасці, з 1756 да 1779 г., было надрукавана каля тысячы кніг. Гэта творы рускай і сусветнай літаратуры, працы вучоных, папулярныя кнігі, падручнікі, перыядычныя выданні. Упершыню ў друкарні Маскоўскага ўніверсітэта былі выдадзены чатыры тамы з пяці «Исторіи Россійской» В.М. Тацішчава. 5-я кніга, прысвечаная падзеям XVI–XVII стст., выйшла толькі ў XIX ст. Васіль Мікітавіч Тацішчаў — вядомы гісторык, кнігалюб, збіральнік кніг. Ён сабраў даволі значную на той час бібліятэку (каля 1000 тамоў), якая складалася з самых розных кніг па філасофіі, гісторыі, палітыцы. Сам ён больш за ўсё цікавіўся гісторыяй і геаграфіяй, збіраў рукапісы гістарычнага зместу, якія паслужылі яму

важным матэрыялам пры стварэнні «Исторіи Россійской». Гэтая праца Тацішчава — першая зводная праца па гісторыі расійскай дзяржавы, над складаннем якой вучоны працаваў на працягу 30 гадоў. Але ў друку яна з'явілася толькі пасля смерці складальніка. Першы том, экзэмпляр якога захоўваецца ў фондах НПГКМЗ (КП8-4622), быў выдадзены ў 1768 г. Поўная назва выдання «Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусыпными трудами черезъ тритцать лѣтъ собранная и описанная покойнымъ тайнымъ совѣтникомъ и Астраханскимъ губернаторомъ, Васильемъ Никитичемъ Татищевымъ».

На працягу ўсяго XIX стагоддзя Маскоўскі ўніверсітэт заставаўся адным з галоўных цэнтраў навуковай выдавецкай дзейнасці. У другой палове XIX ст. ва ўніверсітэце працавалі такія выдатныя вучоныя, як В.В. Ключэўскі, К.А. Ціміразеў, М.В. Скліфасоўскі, Ф.Ф. Эрысман, У.В. Маркоўнікаў, А.Р. Сталетаў і інш. Універсітэт актыўна публікаваў іх працы (у 1884 г. — каля 70 прац, у 1894 г. — 200). Рэгулярна друкаваліся «Ученыя записки Императорскаго Московскаго Университета». У фондах НПГКМЗ знаходзяцца 29 выпускаў «Ученыхъ записокъ» канца XIX — пачатку XX стст.Увагі заслугоўвае і такое выданне універсітэцкай друкарні: Е.А. Ляцкій «Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлоруссовъ. Ч. 1. Пословицы, поговорки, загадки», 1898 г. (КП9-5571).

У пачатку XIX ст. пачалося вывучэнне самой кніжнай справы ў Расіі. Пачынаць прыходзілася з рэгістрацыі, інакш кажучы — з бібліяграфічнага апісання. У першай палове XIX ст. пачынаюцца першыя спробы стварэння бібліяграфічных каталогаў. Найбольш значнай ў гэтым плане з'яўляецца праца В.С. Сопікава. Ролю гэтага чалавека ў гісторыі расійскай бібліяграфіі цяжка пераацаніць. Васіль Сцяпанавіч Сопікаў адзін з першых прыйшоў да думкі скласці спіс усіх кніг, выдадзеных на славянскай і рускай мовах. Вынікам яго працы сталі 5 тамоў выдання «Опытъ россійской библіографіи, или полный словарь сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на Славенскомъ и Россійскомъ языкахъ, отъ начала заведенія типографій, до 1813 года...». 4 тамы гэтай працы былі надрукаваны пры жыцці Сопікава. У фондах НПГКМЗ захоўваюцца тры тамы: том 1 (КП8-4619); том 2 (КП8-4620); том 4 (КП8-4621). Першы том выйшаў у 1813 г. Пачынаецца ён «Предувѣдомленіем», у якім выказаны погляды Сопікава па тэарэтычных пытаннях і пададзены агульны нарыс гісторыі кнігадрукавання. Першы том «Опыта россійской библіографіи...» асабліва цікавы тым, што ён цалкам прысвечаны ста-

радрукам кірылаўскага шрыфту. Улічана 1737 выданняў, апісанні якіх размешчаны ў алфавітным парадку. На с. 9 пад № 72 апісана выданне Францыска Скарыны «Апостал» 1525 г. Апісанню адведзена 10 старонак. Пад № 108 – «Біблія Руска» Францыска Скарыны (пражскія выданні). Акрамя бібліяграфічнага апісання кніг, прыведзены тэксты тытульных лістоў, прадмоў і пасляслоўяў, звесткі пра гравюры, пра ацалелыя экзэмпляры. Апісваюцца ў першым томе і выданні Сымона Буднага, Мялеція Сматрыцкага, братоў Мамонічаў. Другі том «Опыта российской библіографіи» выйшаў у 1814 г., чацвёрты – у 1816 г.

Сярод людзей, якія да кнігі адносіліся як да вялікай каштоўнасці, можна назваць, акрамя В.С. Сопікава, яшчэ і графа М.П. Румянцава. Дзяржаўны дзеяч, калекцыянер, выдавец, мецэнат – Румянцаў вёў шырокую асветніцкую дзейнасць, якая дала імя таму напрамку, што выразіўся ў зборы і выданні важных гістарычных матэрыялаў – «Румянцаўская эпоха». Па яго ініцыятыве і пры яго ўдзеле ў 1834 г. была заснавана Археаграфічная камісія. Яна існавала пры Міністэрстве асветы і праводзіла інтэнсіўную дзейнасць па выданні матэрыялаў, якія адносіліся да рускай гісторыі. У фондах НПГКМЗ захоўваецца «Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по высочайшему повѣленію Археографическою коммиссіею. Том І. Лаврентіевская и Троицкая лѣтописи» (КП6-3003). Кніга выйшла ў Санкт-Пецярбургу, у 1846 г., у друкарні Эдуарда Праца. Акрамя Археаграфічнай камісіі, зборам і выданнем гістарычных матэрыялаў займалася «Общество истории и древностей российских» (ОИДР), заснаванае пры Маскоўскім універсітэце ў 1804 г. Гэта адно з найбольш аўтарытэтных навукова-гістарычных таварыстваў дарэвалюцыйнай Расіі, яго дзейнасць працягвалася да 1929 г. і садзейнічала вывучэнню не толькі гістарычнага мінулага Расіі, але і беларускага народа. Першапачатковай задачай «ОИДР» было выданне рускіх летапісаў, але ў далейшым кола яго дзейнасці расшырылася. «ОИДР» апублікавала ў перыёдыцы і асобнымі выданнямі значную колькасць пісьмовых гістарычных крыніц. У 1815 г. у Маскве ва ўніверсітэцкай друкарні выйшла кніга «Рускія достопамятности, издаваемыя обществомъ исторіи и древностей россійскихъ…» (КП8-4623). Найбольш вядомымі і важнымі выданнямі, якія паклалі пачатак спецыяльнай гістарычнай перыёдыцы ў Расіі, сталі «Чтения ОИДР» і «Временник ОИДР». Менавіта ў «Временнике ОИДР» былі апублікаваны ўсе тры статуты Вялікага Княства Літоўскага. «Старый Литовскій ста-

тутъ 1529 года» (КП4-2083) быў надрукаваны ў 1854 г. («Временник ОИДР», кн. 18). Гэта была першая ў Расіі публікацыя выдатнага помніка права Беларуска-літоўскай дзяржавы. Трэба адзначыць, што да XIX ст. Першы статут ВКЛ існаваў толькі ў рукапісным выглядзе. Раней за «ОИДР» ён выдаваўся двойчы: у 1800–1801 гг. у Варшаве і ў 1841 г. у Познані (лацінскім шрыфтам). А ў 1854 г. у Маскве ён быў надрукаваны ўпершыню на мове арыгінала. Нягледзячы на тое, што публікацыя Статута 1529 г., здзейсненая «ОИДР», мае шэраг сур'ёзных недахопаў, што зніжаюць яе навуковую каштоўнасць, сам факт такога выдання – вялікая заслуга «Общества». Маскоўскім выданнем Статута 1529 г. у другой палове XIX – пачатку XX стст. карысталіся буйнейшыя гісторыкі, якія займаліся вывучэннем сацыяльна-эканамічных і прававых адносін ВКЛ XV–XVI стст. Спасылкі на гэтае выданне сустракаюцца ў працах М.К. Любаўскага, І.І. Лапо, У.І. Пічэты і інш. Вялікая заслуга ў падрыхтоўцы і выданні Першага Статута ВКЛ належала сакратару «ОИДР» і рэдактару «Временника» ў той час Івану Бяляеву. Прафесар Маскоўскага ўніверсітэта, ён працаваў на кафедры рускага права і займаўся вывучэннем гісторыі Расійскай дзяржавы. Вынікам яго працы стала некалькі кніг «Разсказы изъ русской исторіи. Сочиненіе Ивана Бѣляева». У фондах захоўваецца кніга 4-я гэтай працы: «Исторія Полотска или Сѣверо-Западной Руси, отъ древнѣйшихъ временъ до Люблинской уніи. Часть первая. Строй жизни Полотска и Великаго княжества Литовскаго» (КП6-3007). Кніга выйшла ў Сінадальнай друкарні, у 1872 г. Гэта не адзінае выданне рускага грамадзянскага друку ў фондах НПГКМЗ, прысвечаная гісторыі Беларусі.

У 1855 г. у друкарні «III Отделенія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи» выйшла кніга «Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссии съ присовокупленіемъ и другихъ свѣдѣній къ ней же относящихся. Составлены Генералъ-Маіоромъ Мих. Осип. Безъ-Карниловичемъ» (КП6-3008). М.В. Без-Карніловіч – гісторык, краязнаўца, этнограф, вайсковы тапограф і статыстык – у 1831–1847 гг. кіраваў тапаграфічнай экспедыцыяй у Мінскай, Наўгародскай, Валынскай, Віцебскай, Магілёўскай губернях і Беластоцкай вобласці. Працаваў ў розных архівах. Аўтар прац па гісторыі Беларусі, якую абмяжоўваў Віцебскай і Магілёўскай губернямі (астатняя частка – Літва). Пра беларусаў пісаў як пра самастойны этнас, выключнае значэнне надаваў дзяржаўнасці Полацка, лічыў яго цэнтрам крывічоў. М.В. Без-Карніловіч сабраў краязнаўчыя звесткі і даў гі-

старычныя даведкі пра Віцебск, Полацк, Магілёў, Друцк, Лепель і іншыя беларускія гарады, апісаў помнікі дойлідства, археалогіі, этнаграфіі, побыт жыхароў Беларусі. Кніга ўяўляе каштоўнасць для тых, хто цікавіцца гісторыяй Беларусі.

Кнігі па гісторыі, археалогіі Расіі выдаваліся «Императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ». Яно мела некалькі аддзяленняў. У фондах захоўваюцца выданні Усходняга аддзялення: «Труды Восточного отделенія Императорскаго Археологическаго общества», друкарня «Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ», 1856 г. (КДФ4-1930/158); «Труды Восточного отделенія Императорскаго Археологическаго русского общества. Т. XX. Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Т. 1. Царствованіе Федора Иоанновича», Санкт-Пецярбург, 1890 г. (КДФ4-1772/336).

Выданнем археалагічных матэрыялаў займалася Пастаянная Археалагічная камісія, якая існавала пры Міністэрстве Імператарскага двара. Валодаючы значнымі сродкамі, яна ў серыі «Матэрыялы па археалогіі Расіі» выпусціла некалькі кніг. З 1890 г. Камісія пачала выпуск серыі «Древности Северо-Западного края», а з 1891 г. — «Древности Южной России». Сярод кніг, выдадзеных Камісіяй, у фондах захоўваецца кніга «Матеріалы по археологии России, издаваемые Императорскою Археологическою коммиссіею. № 10», Санкт-Пецярбург, 1893 г. (КДФ4-1930/147).

Цікавасць да гісторыі ў Расіі XVIII–XIX стст. была вялікай, і кнігі гістарычнай тэматыкі друкаваліся часта. У 1784 г. у Маскоўскай друкарні выйшла кніга «Лѣтописецъ, содержащій россійскую историю отъ 6714 (1206) лѣта, до 7042 (1534) лѣта, то есть до царствованія Царя Іоанна Васильевича, который служитъ продолженіемъ Несторову Лѣтописцу» (КП8-4616). Сярод кніг гістарычнай тэматыкі, што захоўваюцца ў фондах НПГКМЗ, можна назваць яшчэ і такія: «Древняя и Новая Россія, иллюстрированный историческій сборникъ. Томь III» (КП15-12304), друкарня Грацыянскага, 1875 г. — разам з іншымі матэрыяламі гістарычнага зместу ў кнізе змяшчаецца гісторыка-літаратурны нарыс «Сімяон Полацкі»; «Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ» (КДФ2-828), надрукавана ў Маскве ў 1855 г.; Е.Ф. Карскій «О языкѣ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей» (КП12-7324), Варшава, 1894 г.; «Очеркъ жизни и дѣятельности перваго русскаго печатника Ивана Федорова» (КП9-4956), Санкт-Пецярбург, 1883 г.

Вялікую каштоўнасць для супрацоўнікаў Музея беларускага кнігадрукавання мае акадэмічнае выданне – манаграфія П.У. Уладзімірава «Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ» (КП10-5968), Санкт-Пецярбург, 1888 г., якая з'яўляецца яго доктарскай дысертацыяй. Дадзеная праца стала паваротным пунктам у гісторыі скарыназнаўства. «Она охватила всю деятельность Скорины и рассмотрела ее со всесторонней полнотой», – пісаў У.І. Пічэта і працягваў: «...работа Владимирова была важным событием первостепенного научного значения, как превосходное исследование, в котором рассматривается жизнь и деятельность одного из великих белорусских культурных деятелей» [7, с. 52]. Манаграфія П.У. Уладзімірава да сённяшняга дня лічыцца грунтоўнай і добра дакументаванай працай у галіне скарыназнаўства. Кніга змешчана ў экспазіцыі Музея беларускага кнігадрукавання. У фондах НПГКМЗ захоўваецца і яшчэ адна праца П.У. Уладзімірава – «Начало славянскаго и русскаго книгопечатанія въ XV–XVI вѣкахъ» (КП8-4801), Кіеў, 1894 г.

Значную цікавасць у даследчыкаў гісторыі рускай кнігі выклікаюць выданні, прысвечаныя каранацыям рускіх манархаў. Росквіт каранацыйных зборнікаў у Расіі прыходзіцца на XVIII–XIX стст. – эпоху праўлення царскай дынастыі Раманавых. Першае па часе апісанне рускай каранацыі было выпушчана ў Санкт-Пецярбургу ў 1724 г. і было прысвечана ўрачыстаму каранаванню жонкі Пятра І імператрыцы Кацярыны І. Шэдэўрам паліграфічнага мастацтва XIX ст. стала шыкоўнае апісанне каранацыі Аляксандра ІІ і імператрыцы Марыі Аляксандраўны, якое выйшла ў Парыжы ў 1856 г. Экзэмпляр на французскай мове знаходзіцца ў экспазіцыі Музея беларускага кнігадрукавання. У фондах НПГКМЗ захоўваецца «Каранацыйны зборнік», які быў выпушчаны ў 1899 г. да ўрачыстага каранавання Мікалая ІІ і імператрыцы Аляксандры Фёдараўны. Каранацыйны зборнік Мікалая ІІ стаў апошнім апісаннем рускай каранацыі. Высокі ўзровень падрыхтоўкі выдання дазваляе назваць яго адным з лепшых за ўсю гісторыю выпуску каранацыйных альбомаў. Выдадзены ў 2-х тамах, ён утрымлівае не толькі апісанне самой працэдуры каранавання, але і самыя разнастайныя матэрыялы па гісторыі, падрыхтоўцы і правядзенні ўсіх папярэдніх рускіх каранацый. Першы яго том прысвечаны агляду каранаванняў ад візантыйскіх імператараў да Аляксандра ІІІ, а таксама падрабязнаму апісанню каранацыі Мікалая ІІ і Аляксандры Фёдараўны, якая праходзіла з 6

па 26 мая 1896 г. У другім томе апублікаваны ўсе нарматыўныя дакументы (указы, маніфесты, распараджэнні), звязаныя з каранаваннем, спісы ўдзельнікаў і гасцей, распарадак цырымоній, меню абедаў і праграмы канцэртаў, а таксама фотаздымкі членаў Дома Раманавых, замежных каранаваных асоб, усіх удзельнікаў і гасцей цырымоній. Над зборнікам працавалі вядомыя рускія гісторыкі, бібліёграфы і бібліяфілы: Е.В. Барсаў — этнограф, археолаг, сакратар «ОИДР», С.А. Белакураў — гісторык, археограф, член-карэспандэнт Пецярбургскай Акадэміі навук, кіраўнік Галоўнага архіву Міністэрства замежных спраў, А. Аршанеўскі і інш. Да афармлення зборніка былі прыцягнуты знакамітыя рускія і замежныя мастакі: М. Самокіш, В. Васняцоў, В. Сяроў, І. Рэпін, А. Бенуа, А. Лебедзеў, С. Васількоўскі, І. Пятроў-Ропет, К. Пярвухін, А. Эдэльфельт, Ф. Рубо, Ч. Фарэсцье і інш. Выданне «Каранацыйнага зборніка» здзейсніла «Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ», друк — «Общество скоропечатни Левенсона», якая атрымала за гэта званне «Поставщика Императорского двора». Выданне сапраўды выклікае цікавасць усіх, хто не абыякавы да гісторыі.

Гістарычная літаратура ў XIX ст., як бачым, займала значнае месца ў рэпертуары кнігавыдавецкай дзейнасці. Але гэта не адзіны тып выданняў, якія прадстаўлены ў фондах запаведніка. Значную частку калекцыі складае сацыяльна-эканамічная і прыродазнаўчая літаратура. У якасці прыкладу можна прывесці кнігі: «О производительныхъ силахъ Россіи, сочиненіе Л.В. Тенгоборскаго. Ч. 2. О мануфактурной промышленности» (КДФ4-1772/307), Санкт-Пецярбург, 1858 г., друкарня Куліша; «Г. Шульце-Геверлицъ. Крупное производство в Россіи» (КДФ4-1772/320), Масква, 1899; Н. Сибирцевъ «Черноземъ въ разныхъ странахъ. Публичная лекція, читанная въ Новоалександрійском Институтѣ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ 1897 г.» (КДФ4-1930/128), Варшава, 1898 г.; «В.И. Палладинъ. Анатомія растеній» (КДФ4-1772/349), Харкаў, 1895 г. Выдавецтвы выпускалі у свет творы выдатных заходнееўрапейскіх мысліцеляў, эканамістаў, сацыёлагаў, прыродазнаўцаў: Ч. Дарвіна, Т. Гекслі, Г. Бокля і інш. Сярод іх: «Чарльзъ Дарвинъ. Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль. Ч. 1, 2» (КДФ4-1772/347), Санкт-Пецярбург, 1870 г.

Сярод выдаваемых кніг вялікае месца займалі падручнікі, слоўнікі, даведачная літаратура: у 1788 г. у Санкт-Пецярбургу была надрукавана кніга «Всеобщее землеописаніе изданное для народныхъ училищъ Россійской Имперіи по Высочайшему повелѣнію царствующія

Императрицы Екатерины Вторыя. Ч. I» (КП8-4614) – кніга ўяўляе сабой падручнік па геаграфіі, першая частка якога прысвечана Еўропе; у 1898 г. у Маскве – «Самый полный общедоступный Словотолкователь и объяснитель 150000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ» (КП18-20321); у 1892 г. у Санкт-Пецярбургу – «Новый и полный самоучитель живаго английскаго слова...» (КП1-951).

Выдаваліся часта зборнікі цыркуляраў і інструкцый, справаздачы розных устаноў, статыстычныя матэрыялы. Такога роду выданні таксама ўваходзяць у калекцыю кніг рускага грамадзянскага друку.

Адной з самых вялікіх па тыражах з'яўлялася духоўна-багаслоўская літаратура. З'яўленне на кніжным рынку такой вялікай колькасці рэлігійнай літаратуры тлумачыцца не столькі попытам, колькі прапановай. У гэты час значна павялічылася колькасць царкоўнапрыходскіх школ, для якіх патрабавалася літаратура. Духоўнае ведамства, розныя царкоўныя таварыствы не сустракалі на шляху распаўсюджвання сваёй кнігі ніякіх перашкод, а толькі падтрымку з боку ўрада. Рэлігійная літаратура была вельмі танная і часта распаўсюджвалася бясплатна. Усе гэтыя фактары садзейнічалі яе росту. Акрамя таго, значная маса кніг ішла на задавальненне патрэб самой царквы, царкоўных бібліятэк, якія сталі паскорана ствараціца пры гарадскіх і сельскіх цэрквах у другой палове XIX ст. Некаторыя кнігі рэлігійнага зместу выходзілі тыражом у 30 і больш тысяч экзэмпляраў. Кнігі рэлігійнай тэматыкі, надрукаваныя грамадзянскім шрыфтам, таксама можна сустрэць у фондах запаведніка.

Значнае месца ў кніжным рэпертуары займала белетрыстыка. Для XIX ст., і асабліва для яго канца, характэрна было тое, што колькасць назваў выдадзеных кніг расла, але адначасова адбывалася змяншэнне тыражу выданняў. Гэтая з'ява тлумачыцца перш за ўсё тым, што ў вялікай колькасці мастацкія творы змяшчаліся ў часопісах і газетах. Рэдкі часопіс не меў аддзел белетрыстыкі, а многія перыядычныя выданні выдавалі яшчэ штомесячныя літаратурныя дадаткі. Напрыклад, «Ежемѣсячныя Литературныя приложенія при журналѣ «Нива». У фондах захоўваецца 7 экзэмпляраў канца XIX ст. і 7 – пачатку XX-га. Выдаваліся яны ў Санкт-Пецярбургу, у друкарні Маркса. У фондах запаведніка ёсць асобныя выданні і зборы твораў рускіх паэтаў і пісьменнікаў XIX ст.: В.А. Жукоўскага, М.А. Някрасава, І.І. Казлова, А.С. Пушкіна, А. Мельнікава-Пячэрскага (П.І. Мельнікава).

Такім чынам, у фондах НПГКМЗ захоўваецца даволі цікавая калекцыя кніг рускага грамадзянскага друку XVIII–XIX стст. У гэтай калекцыі прадстаўлены выданні па многіх галінах ведаў, мастацкая літаратура, рэлігійныя выданні. Хоць калекцыя не ахоплівае ўсёй друкаванай прадукцыі XVIII–XIX стст., але яна даволі значная па аб'ёму і пастаянна папаўняецца.

Спіс літаратуры

1. Динерштейн, Е.А. Некоторые проблемы истории русского книжного дела второй половины XIX в. / Е.А. Динерштейн // Федоровские чтения. 1982 / Е.А. Динерштейн. – М., 1987. – С. 205–211.

2. Динерштейн, Е.А. Российское книгоиздание (конец XVIII – XX в.) / Е.А. Динерштейн. – М: Наука, 2004. – 528 с.

3. Каханоўскі, Г.А. Без-Карніловіч Міхаіл Восіпавіч / Г.А. Каханоўскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1993. – Т. 1. – С. 340–341.

4. Книга в России, 1881–1895 / Российская национальная библиотека; под общ. ред. И.И. Фроловой. – СПб., 1997. – 430 с.

5. Куфаев, М.Н. История русской книги в XIX веке / М.Н. Куфаев. – М: Пашков дом, 2003. – 360 с.

6. Лукашин, А. Русские коронационные альбомы и сборники XVIII–XIX веков / А. Лукашин, А. Семина // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. – 2006. – № 4 (36). – С. 86–98.

7. Немировский, Е.Л. Франциск Скорина: жизнь и деятельность белорусского просветителя / Е.Л. Немировский. – Минск: Маст. літ., 1990. – 598 с.

8. Романова, Н.И. Книги русской гражданской печати XVIII в., изданные в Беларуси / Н.И. Романова // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. – Мінск. – 1997. – Вып. 2. – С. 59–66.

9. 400 лет русского книгопечатания. Русское книгопечатание до 1917 года / Академия наук СССР; редкол.: А.А. Сидоров [и др.]. – М: Наука, 1964. – 664 с.

Копыл С.П.

Жертвы «Урочища Пески»

В Полоцке немало мест, связанных с трагическими страницами Великой Отечественной войны. После освобождения города от немецко-фашистских захватчиков в июле 1944 г. общественность узнала о многочисленных захоронениях советских военнопленных и мирных граждан в городе и его окрестностях.

До XIX века правовое положение военнопленных определялось только волей победителя. Они могли использовать их в качестве заложников или рабов, могли насильно зачислить солдатами в армию-победительницу, а могли просто лишить жизни. Результатом Гаагских конференций 1899 и 1907 гг. стало принятие норм международного права в отношении военнопленных, которые давали последним возможность выжить в условиях неволи и вернуться домой по окончании войны. Развитием решений, принятых в Гааге, стали Женевские конвенции 1929 года. Одна из них содержала положения об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, другая – об обращении с военнопленными. К первой из них СССР присоединился в 1930 г. Вторую же конвенцию Советский Союз не поддержал. Именно это дало фашистской Германии формальный повод для бесчеловечного обращения с советскими военнопленными в годы Великой Отечественной войны.

Основным руководящим документом войны с СССР стала Директива № 21 верховного главнокомандования вооружёнными силами Германии от 18 декабря 1940 г., получившая условное наименование: «Вариант «Барбаросса» [**1**, с. 392]. По этой директиве вся полнота исполнительной власти в зоне боевых действий сосредотачивалась в руках главного командования вооружённых сил. Его генеральный штаб разработал и 13 апреля 1941 г. разослал исполнителям «Особые указания по обеспечению «Варианта «Барбаросса», часть «Ц». Согласно этому документу, на захваченной территории, в полосе от 2-х до 10-ти км от линии боевого соприкосновения, вся власть принадлежит командирам дивизий. За ней, на удалении от 20-ти до 50-ти км наступала зона

ответственности командующих армиями. И, наконец, далее шла полоса ответственности командующих группами армий [**2**, с. 4]. В войне с Советским Союзом фашистское руководство планировало пленить до 800 тыс. человек. Для их содержания разворачивалась система лагерей. На территориях Германии и генерал-губернаторства (Польша) в каждом военном округе дополнительно создавалось по одному стационарному лагерю для офицерского состава (Offizierlager – ОФЛАГ) и по 3–4 стационарных лагеря для солдат и сержантов (Stammannschaftslager – ШТАЛАГ). В среднем каждый такой лагерь был рассчитан на 10 тыс. человек. Для уничтожения больных, ослабевших от голода и непосильных работ, а также тех, кто не покорился «новому» порядку, предназначались концентрационные лагеря, находившиеся в ведении личного штаба рейхсфюрера охранных отрядов «СС» Г. Гиммлера. [**3**, с. 499]. Развёртывание стационарных лагерей вооружённых сил (вермахта) и концлагерей на оккупированных территориях СССР не предусматривалось. В ОФЛАГи и ШТАЛАГи военнопленные должны были поступать из зоны боевых действий через транзитные лагеря, иначе их называли пересыльными (Durchgangslager – ДУЛАГ) **(рис. 1)**.

22 июня 1941 г. вероломно, без объявления войны, Германия напала на СССР. Основной удар пришёлся по Белоруссии, где наступали войска группы армии «Центр». Охрана её тыла и поддержание оккупационного порядка среди местного населения возлагались на командующего 102-м тыловым районом, генерала пехоты фон Шенкендорфа. В его распоряжении было три охранных дивизии, моторизованный полицейский полк и пять окружных комендатур. Окружные комендатуры дислоцировались по округам. В вопросах учёта и передачи военнопленных в стационарные лагеря их комендантам подчинялись коменданты транзитных лагерей, организационно входивших в состав охранных дивизий. Лагеря, которые территориально планировалось развернуть в г. Полоцке и Полоцком районе, находились в ведении округа «К». На витебско-полоцком направлении во втором эшелоне 3-й танковой группы и 9-й армии продвигалась 403-я охранная дивизия под командованием генерал-майора фон Дитфурта **(рис. 2)**. Составной частью дивизии являлись три транзитных лагеря (ДУЛАГи 112, 125 и 155). Ещё весной 1941 г. лагеря были переформированы из ранее существовавших фронтовых лагерей сухопутных сил. В военных компаниях 1939–1940 гг. они накопили опыт по содержанию военнопленных польской, фран-

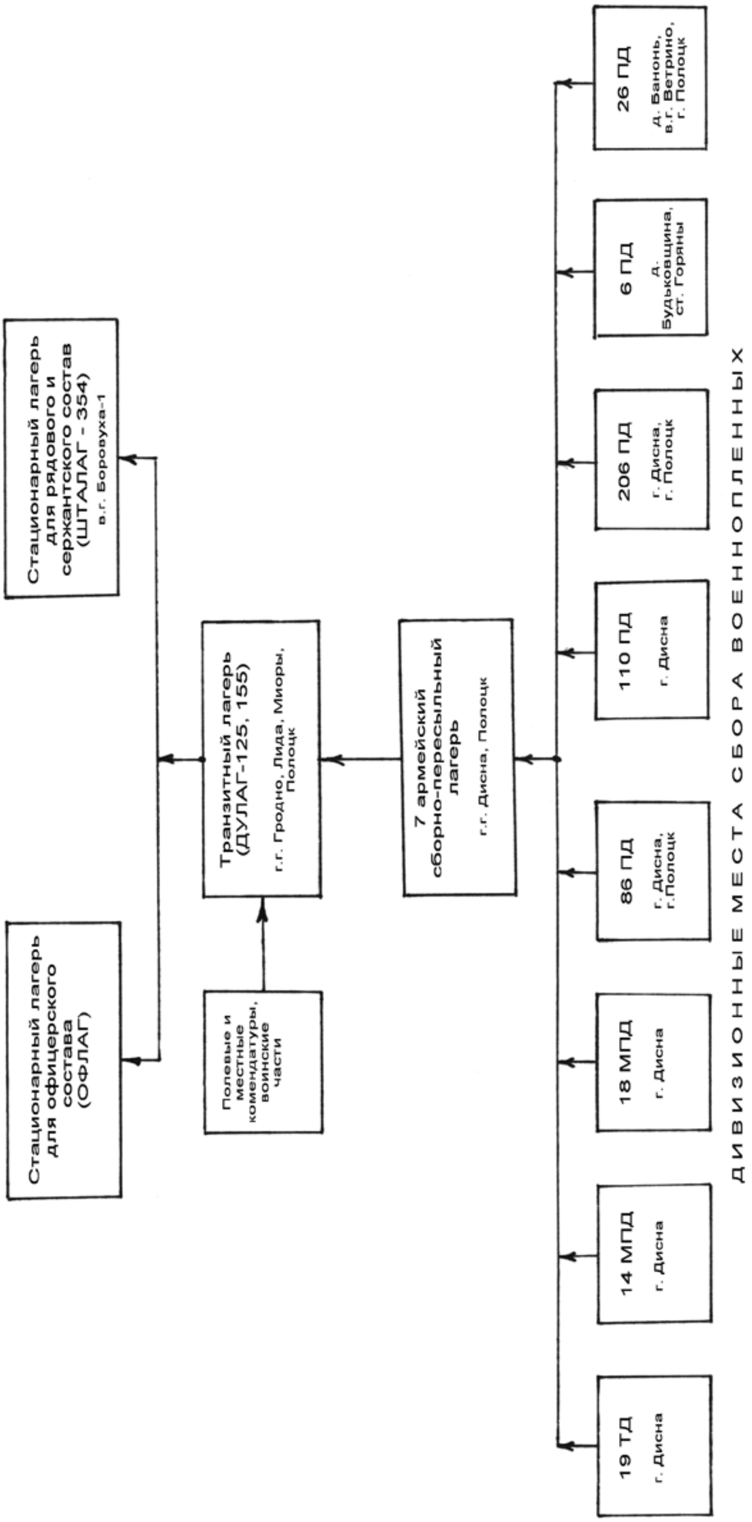

Рис. 1. Организация сбора и содержания советских военнопленных войсками группы армий «Центр» на полоцком направлении в 1941 г.

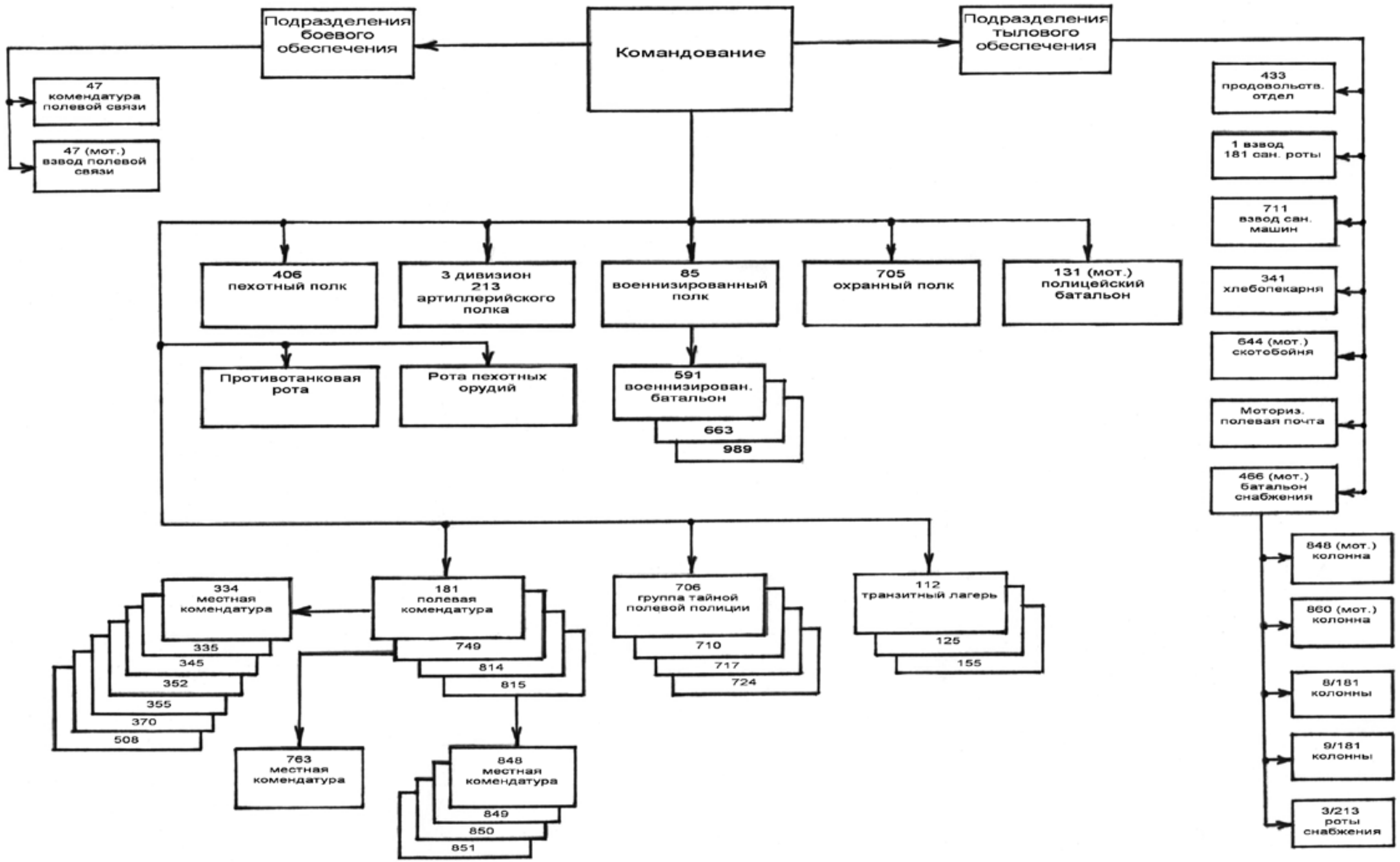

Рис. 2. Организация 403-й охранной дивизии группы армий «Центр» (1941 г.).

цузской, бельгийской и английской армий. Коменданты лагерей обладали большой административной самостоятельностью в принятии решений, отчитываясь перед командованием дивизии и комендантом округа. Для анализа обстановки и выявления настроения военнопленных в состав комендатур каждого лагеря включалось несколько офицеров военной контрразведки. Они принимали самое непосредственное участие в создании внутрилагерной администрации, а впоследствии и отбора добровольцев в антисоветские вооружённые формирования, включая и Русскую Освободительную Армию (РОА).

Количество пленных, захваченных немецкими войсками в первые недели войны, существенно превысило прогнозы гитлеровских генералов. Героически оборонявшие на протяжении 20 дней Полоцкий боевой участок войска 22-й армии Западного фронта также несли высокие потери, включавшие и пленённых военнослужащих. Так, за 15–18 июля 6-й армейский корпус (АК) вермахта отчитался о 750-ти, 23-й АК — о 2665-ти, а 57-й моторизованный АК — о 2663-х военнопленных.

Захваченных в ходе боёв советских военнопленных сгоняли на дивизионные сборные пункты. Зачастую это были хозяйственные или административные постройки и здания или просто участки местности, охраняемые патрулями. Какой-либо индивидуальный учёт пленных на этом этапе не производился. Медицинское обслуживание и питание не предусматривались. Воды, как правило, не давали, в туалет не выводили. Сборные пункты такого типа имелись в г. Дисна, д. Будьковщина, м. Ветрино, на ст. Горяны и в совхозе Банонь. Один из таких пунктов в Полоцке располагался у Софийского собора, на берегу Западной Двины.

Через несколько дней после пленения советские военнопленные передавались 7-ому армейскому сборно-пересыльному пункту, имевшему свои места для их содержания в городах Полоцке и Дисне. По своей штатной структуре армейский сборно-пересыльный пункт мог организовать усиленную охрану и конвоирование пленников до транзитных лагерей. Первых пленных, взятых на полоцкой земле, гнали в Лиду и Гродно. За день колонны проходили по 30–40 км [**4**, сс. 47, 55]. Утомившихся охранников периодически заменяли на отдохнувших солдат. Их перевозили на специально выделенных для этой цели автомобилях. Падающих от усталости или ослабевших от ран и голода военнопленных конвоиры добивали, часто не тратя патроны, а используя штык. Поэтому дороги, по которым гнали пленных, назывались

«дорогами смерти». В 1946 г. в Риге состоялся судебный процесс над бывшим командиром 403-й охранной дивизии фон Дитфуртом. Он показал, что в августе 1941 г. встретил одну из таких колонн. Старший офицер колонны доложил ему, что во время марша проводятся расстрелы военнопленных, назвав расстрелы «выстрелами облегчения» [**5**, с. 86]. При таком обращении до транзитных лагерей не доходило до 25 % пленников.

С 23 июня 1941 г. в городе Полоцке было развёрнуто несколько госпиталей, а в его окрестностях работали медсанбаты стрелковых дивизий. По мере оказания медицинской помощи раненых эвакуировали в тыл. Для этого использовался железнодорожный и автомобильный транспорт. 9 июля начались бои за г. Витебск. Дорога на Смоленск оказалась закрыта. Поток раненых пошёл через Невель и далее на Великие Луки. 12 и 13 июля 57-й немецкий моторизованный армейский корпус перехватил дороги на Идрицу и Невель. Эвакуация раненых прекратилась в самый разгар боёв на ближних подступах к Полоцку. Поэтому их скопилось в городе много. Основная масса размещалась в помещениях городской больницы, более известной, как «Красная больница». Ещё 3–4 июля персонал больницы эвакуировался на восток, поэтому раненые в её стенах оказались без квалифицированного ухода. Полочанин Г.В. Орлов рассказывал: «В июле 1941 г. немцы обнесли больницу колючей проволокой и со стороны Заполотья поставили вышку для часового. Прямо под открытым небом на земле лежали наши раненые бойцы. Их было очень много. Практически они занимали территорию от больницы до Западной Двины. Мы, мальчишки, подползали к колючей проволоке и бросали раненым бураки. С наступлением холодов колючую проволоку сняли. Раненые исчезли» [**6**]. Без медикаментов, продовольствия и надлежащего ухода большая часть из них погибла медленной смертью, несмотря на самоотверженный труд советских медиков из числа военнопленных. Хоронили погибших, скорее всего, непосредственно у стен Софийского собора. По мере выздоровления военнопленных отправляли в лагерь.

Документы свидетельствуют, что в границах современного Полоцка существовало два транзитных лагеря: ДУЛАГ-125 и ДУЛАГ-155. Они развернулись в августе 1941 г., когда немецкие войска во второй раз захватили г. Великие Луки, прорвав фронт 22-й советской армии и окружив часть её соединений. Свидетель и участник тех событий красноармеец

Д.Е. Быстряков, оказавшийся в плену, вспоминал: «Нас всех вывели из амбара и построили в одну шеренгу. Затем немецкие солдаты вывели из строя капитана и двух красноармейцев. Перед строем немецкие солдаты стали стрелять в упор в капитана, прострелив ему правую, затем левую руку, затем левую ногу и правую ногу. Когда капитан упал, один из немецких солдат нагнулся и ножом отрезал у него нос, затем уши и концом ножа выколол глаза. Тело капитана судорожно содрогалось, тогда другой солдат выстрелил ему в грудь и убил его. С двумя красноармейцами немецкие солдаты сделали то же самое. Все немцы были пьяны. После казни нам, оставшимся в живых, приказали закопать пленных, и нас опять загнали в амбар. Три дня нам не давали ни воды, ни хлеба» [**7**].

ДУЛАГ-155 занял здания части военного городка, расположенного в 4 км севернее Полоцка. Это место носило название: «Зелёный городок», ныне более известное как «Боровуха-3». По современным данным, в октябре 1941 г. в нём было до 12 тыс. пленников [**4**, с. 85]. Но уже к концу месяца все они, за небольшим исключением, были умерщвлены. Передав оставшихся в живых в стационарный лагерь для солдат и сержантов ШТАЛАГ-354 (военный городок Боровуха-1), администрация ушла следом за наступающей армией.

ДУЛАГ-125 на длительное время занял военный городок, который был построен в 20-х гг. прошлого столетия и именовался «Красный городок им. М.В. Фрунзе» (ныне Спасский городок). С прибытием в Полоцк оккупационной администрации всем военнослужащим Красной Армии, оказавшимся в городе или в окрестных деревнях, под страхом смертной казни было приказано зарегистрироваться в местной комендатуре или прибыть в расположение ближайшей воинской части. Её командир был обязан отправить их к коменданту местной или полевой комендатуры. К 10 августа было учтено 4300 человек. Они то и стали первыми узниками ДУЛАГа-125. Помещения, рассчитанные не более, чем на 4,5 тыс. чел., приняли от 15 до 20 тыс. военнопленных. Один из них, К.В. Кузовкин, рассказывал: «...Я в числе 5 тыс. 15 августа 1941 г. был этапирован из г. Витебска в г. Полоцк. В лагере находилось, кроме нашей партии, ещё около 15 тыс. чел.» [**8**, с. 76]. Основная масса военнопленных прибыла в него в октябре 1941 г. после катастрофы советского Западного фронта на московском направлении. Тогда немецкое командование доложило о пленении 663 тыс. чел. Трагедия лета повторилась в ещё большем

масштабе. Дороги, по которым проходили колонны военнопленных, были устланы трупами умерших и расстрелянных. Общее количество погибших на марше и при транспортировке достоверно не установлено. Сотрудники Генерального Штаба и Военно-мемориального центра Вооружённых сил Российской Федерации приводят цифру в 200–250 тыс. чел. [**9**, с. 455]. Тысячи из них пополнили ДУЛАГ-125 (**рис. 3**).

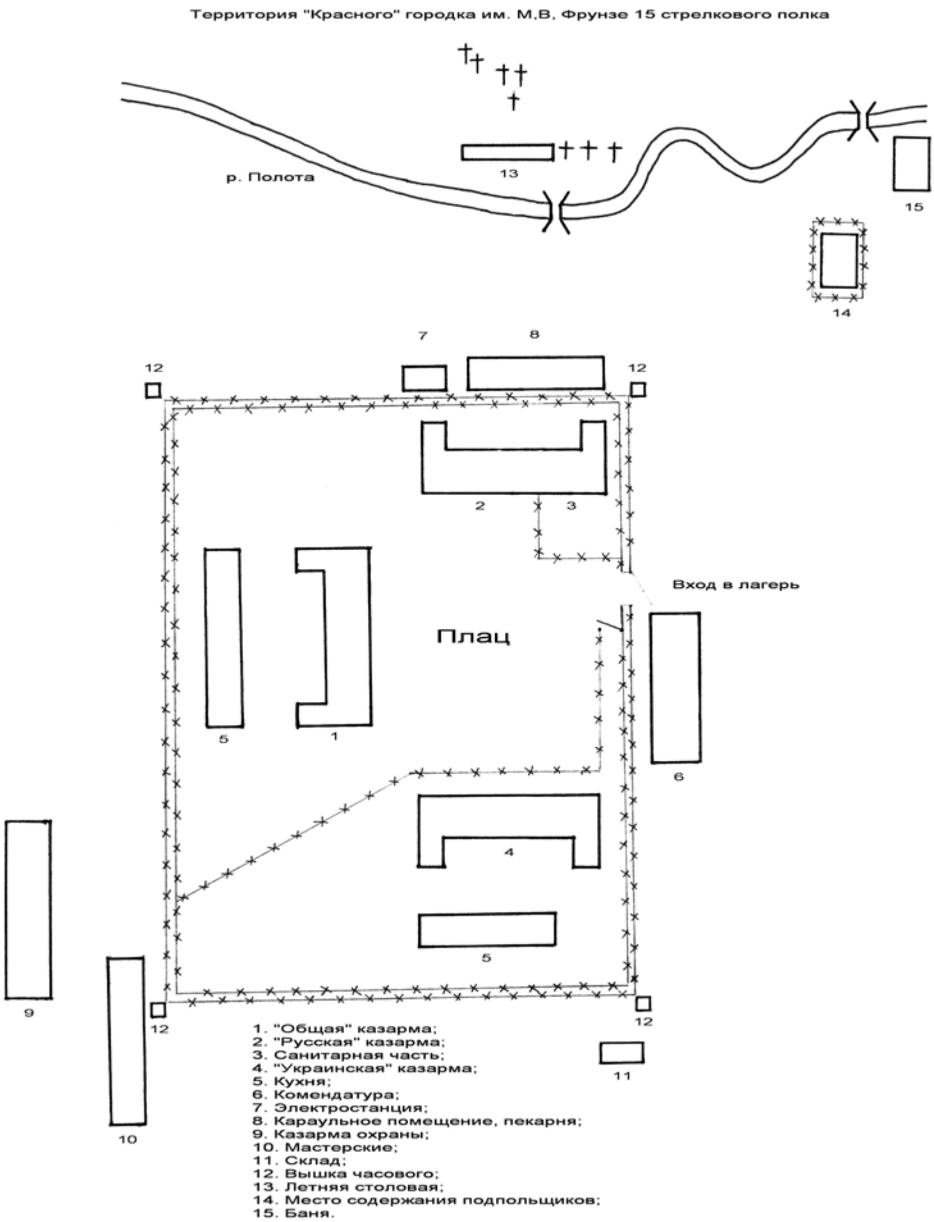

Рис. 3. Транзитный (пересыльный) лагерь ДУЛАГ-125.

За двойным забором из колючей проволоки, закреплённой на столбах высотой 4 метра, находились основные здания лагеря. Между рядами забора беглецов надёжно стерегла колючая проволока, растянутая по земле в виде спиралей «Бруно». На столбах как внешнего, так и внутреннего ограждения висели фанерные таблички с предупреждением: «Подходить к ограждению и перелезать через него — ЗАПРЕЩЕНО. Расстрел на месте». По периметру ограждения стояли вышки для часовых, дежуривших у пулеметов. В ночное время вокруг лагеря ходили парные патрульные, а с вышек территория освещалась прожекторами. Военнопленные, разделённые по национальностям, содержались в трёх казармах. В одной казарме, что стояла ближе к р. Полоте, проживали русские солдаты и сержанты. Здесь же содержалось около 100 командиров Красной Армии. Эту казарму так и называли — «Русская». Вторая казарма, так называемая «Общая», дала приют военнопленным многих национальностей, в том числе и русским. Третья казарма была огорожена отдельным забором из колючей проволоки. Здесь же здание кухни. Место это называлась «Украинская казарма», но вход в неё был свободный для всех. Немецкая администрация активно насаждала национальную неприязнь среди узников. Наряду с солдатами немецкой роты охраны лагерь сторожила рота из перешедших на немецкую службу бывших советских военнослужащих. Один взвод роты состоял из литовцев. Они были одеты в форму солдат национальной армии Литвы. Второй взвод роты охраны был набран из русских и украинцев. Они были одеты в немецкую поношенную форму без знаков различия. Командовал ими бывший майор Красной Армии Герасимчук. Личный состав имел на вооружении советские винтовки системы Мосина. Все охранники носили на головных уборах и на груди букву «П», вырезанную из латунной снарядной гильзы. Взводы жили на разных этажах казармы для охраны. Между литовцами и украинцами существовала неприкрытая вражда, временами выливавшаяся в драки. В роту охраны также входили немцы — выходцы из Поволжья. За пределами забора располагалось несколько зданий. В одном из них, со стороны Спасского монастыря, размещалась немецкая администрация лагеря во главе с подполковником Хензелем и его адъютантом лейтенантом фон Заером, а также военная контрразведка [**10**, с. 7]. Рядом со зданием — ворота в лагерь. В 1942 г. к годовщине его открытия здесь был установлен памятный знак из гранита с барельефом германского солдата в стальном

шлеме и надписью «Durchgangslager-125». Автор знака — военнопленный Ю. Бугров из Саратова. Со стороны р. Полоты располагались здания электростанции и пекарни. В последнем размещалось караульное помещение и немецкая рота охраны. По этой же стороне, ближе к монастырю — баня. Со стороны Лозовки — мастерские и казарма для роты охраны. Полновластным хозяином лагеря был её комендант — подполковник Хензель. Для непосредственного управления жизнью военнопленных за колючей проволокой им была назначена администрация лагеря из числа пленников. Она состояла из коменданта, его заместителя и внутренней полиции. Все они проживали на территории лагеря. Первое время комендантом был бывший полковник Щёлоков. Позже его заменил майор Лоренц, по национальности — немец. Весной-летом 1943 г., когда ДУЛАГ-125 в Полоцке был ликвидирован, всех поволжских немцев, в том числе и Лоренца, отправили на фронт. Внутренняя полиция лагеря состояла из выходцев среднеазиатских республик. Преобладали среди них казахи. Они были вооружены палками, кнутами или нагайками и следили за порядком на территории лагеря, в том числе и в казармах. Возглавлял полицию бывший старший сержант Красной Армии, как выяснилось, из богатого до революции рода.

Оккупанты широко использовали труд военнопленных. Ежедневно рабочие команды отправлялись на различного вида работы. Они восстанавливали мосты, грузили и разгружали вагоны на полоцких станциях, заготавливали лес и торф, ремонтировали дороги и многое другое. История сохранила немало свидетельств бесчеловечного отношения охранников к пленникам. Так, весной 1945 г. житель г. Полоцка И.М. Кищенко показал о массовом истреблении местного населения и военнопленных: «Военнопленные, работавшие на железнодорожном мосту, изнурённые голодом и работой, не в состоянии были работать. Немцы избивали их и расстреливали». Другой свидетель, О.Ф. Ободова, сообщила: «В лагерях над пленными красноармейцами страшно издевались, не кормили, избивали, заставляли работать по 15–18 часов в сутки. Тех, которые не в состоянии были идти на работу в связи с истощением, сажали в тачки и военнопленных же заставляли их везти. А если последние не в силах были везти, то их расстреливали» [**8**, с. 5, 6].

Строгий учёт пленных в лагере отсутствовал. Изначально немецкая администрация лагеря должна была ежедневно докладывать коменданту округа «К» по делам военнопленных об их количестве.

Делалось это для того, чтобы комендант округа регулировал отправку пленников в стационарные лагеря. Когда стало ясно, что лагеря подобного типа в Германии и Польше не в состоянии принять огромное количество заключённых, было принято решение превратить транзитные лагеря на оккупированных территориях в стационарные. Более того, в Белоруссии было создано два стационарных лагеря для офицерского состава. Поэтому ежедневный отчёт превратился в пустую формальность. И хотя на всех прибывших в ДУЛАГ-125 заводили первоначальный учёт в виде регистрационного списка, поверок по фамилиям до весны 1942 г. не проводилось. Точный учёт проводился только при формировании рабочих команд: здесь жёстко контролировалось, чтобы количество прибывших с работ было не меньше убывших на них. Поэтому всех умерших и погибших в ходе выполнения работ приносили с собой в лагерь.

Отсутствие должного учёта военнопленных усугубляло проблему их питания. До августа 1941 г. вообще не существовало никаких норм питания для транзитных лагерей. Кормили тем, что оставалось от немецких солдат или испорченными продуктами, которыми невозможно было кормить германскую армию. Только 6 августа 1941 г. командованием вермахта была подписана директива о снабжении советских военнопленных. Директива вводила нормы, которые назывались «достаточными по врачебному заключению». В соответствии с ними те, кто использовался на работах, должны были получать в день по 200 г хлеба, 13 г мяса, 15 г жиров и 20 г сахара. Почти два месяца спустя имперское министерство снабжения рекомендовало в качестве хлеба использовать своеобразную смесь: 50 % ржаных отрубей, 20 % отжимок сахарной свеклы, 20 % целлюлозной муки и 10 % муки, изготовленной из соломы или листьев [**11**, с. 79]. Нормы носили рекомендательный характер и не были обязательными к исполнению. В действительности всё обстояло гораздо хуже. Баланду, которую называли супом, варили из гнилой неочищенной картошки или не лущёной гречки. Один раз в день выдавали порцию хлеба. Хлеб получал старший группы военнопленных. Каждая такая группа имела свои самодельные весы, и дележ производился достаточно точно. Порции были маленькими, на их размере сказывалось и то, что охрана, внутренняя полиция, повара и работники кухонь питались за счёт своих вчерашних товарищей по оружию. Дошло до того, что командование немецкого строительного

батальона, заинтересованное в скорейшем восстановлении железнодорожного моста через Западную Двину, потребовало улучшить питание военнопленных. И комендант местной комендатуры распорядился выдавать работавшим на мосту пленным дополнительные обеды из столовой городской управы [**12**, с. 116]. Непосильный труд, недостаточное питание, издевательства, антисанитарные условия жизни привели к появлению вшей, а затем и к эпидемии сыпного тифа. Все работы за пределами лагеря были отменены. Если раньше каждый день умирало от 80 до 150 чел., то теперь смертность возросла до 200 чел. ежедневно. В так называемой «Русской» казарме на первом этаже размещалась санитарная часть. В ней работали врачи, средний и младший медперсонал из числа военнопленных. Военные медики в условиях отсутствия медикаментов и инструментария выполняли свой врачебный долг. Военврач Гуськов, исполняя обязанности начальника медсанчасти, обращался к своим подчинённым: «Наша задача – помочь соотечественникам, чем можем!» И его призыв нашёл отклик в сердцах врачей Н.Н. Веризубова, Немидина, фельдшера Е. Капчикова, санитаров А. Горбунова, Г. Горелова и многих других. Гуськов требовал, чтобы медперсонал всегда был опрятно одетым и выбритым. А тот в свою очередь добивался этого от больных. Первоначально часть больных размещалась в доме, стоящем за пределами лагеря. Его оградили двойным забором из колючей проволоки и охраняли патрулями. А.И. Шнеер (автор двухтомного исследования «Плен», посвящённого трагедии советских военнопленных 1941–1945 гг.) приводит данные, из которых следует, что в полоцком лагере немцы стали бороться с тифом, уничтожая заболевших. Затем, когда болезнь приобрела массовый характер, от расстрелов больных отказались. Немецкий комендант распорядился для выздоравливающих выделить барак общежития кирпичного завода. К весне 1942 г. эпидемия стала спадать сама собой. Из 15–20 тыс. военнопленных в живых осталось не более 3 тыс. чел. И немцы стали готовить их к отправке в Германию. Военнопленных разбили на партии по 100 чел., завели фамильный учёт, впервые за всё время перемыли в бане и расселили в соответствии с составом партий. В апреле 1942 г. 9 вагонов с пленными были отправлены, предположительно, во Франкфурт-на-Майне. Тяжело больных увезли в Могилёв. Всего было отправлено около 2 тыс. чел. В ДУЛАГе-125 осталось четыре сотни человек, подготовленных к отправке, и «обслуга». К этому периоду относится и расцвет «лагерного творчества», связанный

с попыткой немцев смягчить взрывоопасную обстановку в лагерях. В свободное от работы время было разрешено изготавливать кустарные поделки, шить обувь или предметы, необходимые в быту. За порцию хлеба изготавливали мундштуки для папирос, портсигары и пепельницы, рамки для фотографий и многое другое. Официально было разрешено иметь штатного парикмахера. В это же время была создана лагерная самодеятельность. Её руководителем назначили артиста Московского Малого театра Б.А. Нечеухина. Появились музыкальные инструменты: гармонь, балалайка, гитара, труба и кларнет. Особой популярностью пользовался хор. На его концерты охотно приходили и пленные, и немцы. Бежали из лагеря часто, и по-одиночке, и группами. Одни побеги были удачными, другие заканчивались трагедией. Сотни бывших военнопленных пополнили партизанские отряды окрестных районов. Бежал из санчасти А. Горбунов, сумев сохранить в неволе орден «Красная Звезда». В одном из отрядов бригады «Неуловимые» он стал начальником разведки. Бежал, будучи переведённым в городской госпиталь для раненых, военврач Гуськов. Бежал Григорий Солдатов, работавший там же водителем грузовой машины. На ней он и уехал к партизанам. В июле 1942 г. на смену 403-й охранной дивизии, переброшенной под Ростов-на-Дону, пришла 201-я охранная дивизия. В отличие от своей предшественницы, согласно штатам, она имела в своём составе не один, а три пехотных полка двухбатальонного состава каждый. Её основной задачей стала борьба с партизанами, и она оставила свой кровавый след на Витебщине. Полоцкий ДУЛАГ-125 перешёл в её подчинение. Комендантом лагеря был оставлен Хензель, получивший к этому времени звание полковника. Адъютантом коменданта был всё тот же лейтенант фон Заер [**10**, с. 7]. С новым подчинением связано ужесточение внутрилагерного режима.

В 1942 г. в доме, где сначала размещали больных сыпным тифом, появились новые пленники. Это были подпольщики и партизаны, выявленные агентами многочисленных немецких спецслужб. Кормили арестованных из лагерной кухни. Военнопленные, которые носили им еду, рассказывали, что арестованных допрашивали, применяя жестокие пытки. После допросов их расстреливали за р. Полотой. Свидетелем одного из таких расстрелов стала рабочая команда, возвращающаяся с железнодорожной станции Громы. В мае 1943 г. комендантом ДУЛАГа-125 был назначен полковник Дильманн. О его «деятельности»

лучше всего расскажет выдержка из докладной записки об итогах следствия по делу группы немецких преступников от 24 ноября 1947 г. № 2/3158. Следствие проводилось в г. Витебске. «Обвиняемый Дильманн показал: «Я поддерживал в лагере режим, который в итоге должен был привести и приводил к голодной смерти военнопленных. Ничтожный рацион питания приводил к истощению организма, а изнурительный труд от восхода до заката солнца ускорял окончательное его разрушение» [**13**, с. 225].

Общее количество убитых и умерших в полоцком транзитном лагере не поддается точному учёту. На данный момент списков его узников не обнаружено. Тела замученных и умерших от болезни закапывали на левом берегу р. Полота на бывшем стрельбище 15-го стрелкового полка 5-й Витебской стрелковой дивизии им. Чехословацкого пролетариата. Летом 1941 г. на этом месте рос сосновый бор. В нём было устроено два стрельбища, представлявшие из себя углубления в земле, обшитые брёвнами, выполнявшими роль пулеулавливателей. У воды размещался летний палаточный лагерь полка с летней кухней и столовой. От столовой был перекинут небольшой мост к военному городку. К осени 1941 г. все сосны были вырезаны военнопленными. Осталось пустынное песчаное место, таким оно выглядит и сейчас. Ежедневно на стрельбище рабочая команда копала могилы. По воспоминаниям Т. Муратова, выглядело это так: «Пристроившись к одной из колонн и ухватившись за тележку, впервые вышел я из лагеря. Человек сорок рыли могилу, шириной в два метра, глубиной — поменьше, а длиной — до бесконечности. Привезённые трупы укладывались поперёк этой могилы, сверху засыпались слоем земли. На том конце роют, на этом — хоронят. Тележку, на которую погружено 3–4 трупа, тащили человек десять. Если оторвёшься от тележки, получишь удар прикладом в спину, а свалишься — погрузят на ту же тележку и свезут на кладбище. Многие пленные, вывозившие трупы, уже не вернулись в лагерь: легли вместе с мертвецами…» [**14**, с. 51].

В «Урочище Пески» закапывали и жертв лагеря для гражданского населения. Лагерь для них размещался между оз. Волово и станцией Громы и просуществовал с 1942 г. по апрель 1944 г. Огорожен он был двойным забором из колючей проволоки и охранялся городскими полицаями под командованием немцев. Полицаи несли службу на трёх вышках. Заключённые жили в одноэтажном здании, разделённом на

две половины – мужскую и женскую. Кормили один раз в день. Была ещё одна категория жертв оккупационного режима, преданных земле в «Урочище Пески». Это – подпольщики и партизаны. Каждую неделю слободские дети, пасущие коров на близлежащем поле, становились свидетелями, как приезжали «черные воронки». Из них выгружали гражданских лиц и вели их к заранее выкопанным ямам. Расстреливали полицаи под руководством немцев. После ухода палачей видно было, как земля некоторое время ещё дышала.

В протоколе осмотра места массового захоронения в «Урочище Пески» от 26 марта 1945 г. отмечается, что «…на площади 200 м в длину и 75 м в ширину имеется множество ям различных размеров с останками жертв. Из этого множества были вскрыты две ямы. В одной, размерами 10х5 м, обнаружено большое количество человеческих костей и остатки воинской одежды. Во второй, размером 7х4 м, в массовом количестве обнаружены сожжённые человеческие кости» [**8**, с. 1]. Отмечалось, что со второй половины 1942 г. и до конца существования ДУЛАГа-125, немцы, заметая следы своих злодеяний, распорядились выкапывать и сжигать трупы погибших. Отсюда и многочисленные следы сожжённых человеческих костей. В акте работы Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию фактов злодеяний и зверств, совершённых немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками в период временной оккупации с 15 июля 1941 г. по 4 июля 1944 г. в г. Полоцке, говорится: «…немецко-фашистские захватчики в г. Полоцке истребили более 150 тыс. чел. советских людей – мужчин и женщин, детей стариков, в том числе и военнопленных более 100 тыс. человек» [**8**, с. 2]. Эта цифра основывается на показаниях многочисленных свидетелей. Но эксгумация захоронений не производилась. Ни тогда, в победном 1945 г., ни в более позднее время.

В 1941–1944 гг. жители Полоцка и Полоцкого района в полной мере испытали на себе «все прелести» оккупационной политики гитлеровского режима, носителем которой в первую очередь были вооружённые силы Германии.

Список литературы и источников

1. Советская Военная Энциклопедия: в 8 т. / пред. гл. ред. комиссии А.А. Гречко. – Москва: Воениздат, 1976. – 640 с.

2. Партизаны в битве за Москву. 1941–1942. Архивные документы и материалы; сост. М.М. Горинов, М.Ю. Моруков, И.В. Рыжова. – Москва: Главархив, Патриот, 2008. – 607 с.

3. Хёне, Х. Чёрный орден СС. История охранных отрядов / пер. с нем. Ю.Д. Чупрунова, О.И. Лемехова. – Москва: Олма-Пресс, 2004. – 542 с.

4. Лагеря советских военнопленных в Белоруссии, 1941–1945: справочник / авт.-сост. В.И. Адамушко [и др.]; редкол. В.И. Адамушко (гл. ред.) – Минск: НА РБ, 2004. – 192 с.

5. Шнеер, А. Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. – Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. – 623 с.

6. Личный архив автора.

7. Дюков, А. За что сражались советские люди? [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://liewar. ru /content/view/57/8/1/3. – Дата доступа: 16.09.2011.

8. Обобщённые сведения, акты о совершённых злодеяниях и др. материалы о зверствах немецко-фашистских захватчиков над советскими гражданами в г. Полоцке, Полоцкой обл. // Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). – Фонд р-7021. – Оп. 92. – Д. 220.

9. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил: статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева– М.: Олма-Пресс, 2001. – 68 с.

10. Кнатько, Г. Полоцк в годы оккупации (июнь 1941 – июль 1944). – НПИКМЗ. – МБС.

11. Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны / сост.: В. Селеменев, Ю. Зверев, К.-Д. Мюллер, А. Харитонов. – Дрезден-Минск, 2004. – 512 с.

12. Хазанский, В. Ася. – Москва: Политическая литература, 1963. – 144 с.

13. Выстояли и победили: свидетельствуют архивы / авт.-сост.: М.В. Пищулёнок, Т.В. Буевич, С.Ю. Каравка, С.Б. Шалаева. – Витебск, 2005. – 622 с.

14. Муратов, Т. Партизанское эхо. – Казань: Татарское книжное издательство, 1980. – 223 с.

Магалінскі І.У.

Вырабы з каляровых металаў гаспадарчага і бытавога прызначэння з тэрыторыі Полацка (X–XVII стст.)

У калекцыі археалагічных матэрыялаў, выяўленых на тэрыторыі Полацка, значную частку артэфактаў складаюць вырабы з каляровых металаў. Дадзеныя прадметы з'яўляюцца адлюстраваннем высокага ўзроўню развіцця рамеснай вытворчасці і звязаны з асноўнымі сферамі жыцця старажытных насельнікаў горада. Шматлікасць і тыпалагічная разнастайнасць артэфактаў вымагаюць правядзення іх сістэматызацыі і навуковага аналізу. У дадзенай рабоце разглядаецца такая катэгорыя вырабаў, як гаспадарчыя і бытавыя прадметы. Паводле сферы выкарыстанняіфункцыянальныххарактарыстыкунутрыгэтайкатэгорыі вылучаюцца асобныя групы і віды, якія, у сваю чаргу, падзяляюцца на тыпы і падтыпы ў адпаведнасці з марфалагічнымі асаблівасцямі асобных артэфактаў. Асноўную крынічную базу даследавання склалі прадметы, якія захоўваюцца ў фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка.

Група 1. Прылады працы і ўніверсальны інструментарый.

Каляровыя металы ўжываліся не толькі для вырабу ўпрыгажэнняў і ювелірных інструментаў. Падобная сыравіна выкарыстоўвалася таксама для вытворчасці асобных прадметаў гаспадарчага і бытавога прызначэння.

Падчас археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Полацка была выяўлена дастаткова прадстаўнічая калекцыя прыстасаванняў для лоўлі рыбы. У залежнасці ад спосабу лоўлі вылучаюць чатыры групы рыбалоўных снасцяў: колючыя прылады (прылады ўдарнага дзеяння), кручковыя снасці, сеткі, дапаможныя рыбалоўныя прыстасаванні [**21**; 22]. Усе полацкія артэфакты адносяцца да групы кручковых.

Від 1. Кручкі. Дастаткова прадстаўнічая калекцыя кручкоў складаецца з 10 экзэмпляраў. Паводле функцыянальнай класіфікацыі А.У. Кузы, усе кручкі з полацкай калекцыі адносяцца да тыпу вудзільных,

якія выкарыстоўваліся для індывідуальнай лоўлі рыбы. Да гэтага тыпу адносяцца прадметы з радыусам выгіну да 1,5 см. На думку даследчыка, падобныя кручковыя прылады з'явіліся на старажытнарускай тэрыторыі ўжо ў сярэдзіне X ст. [**21**].

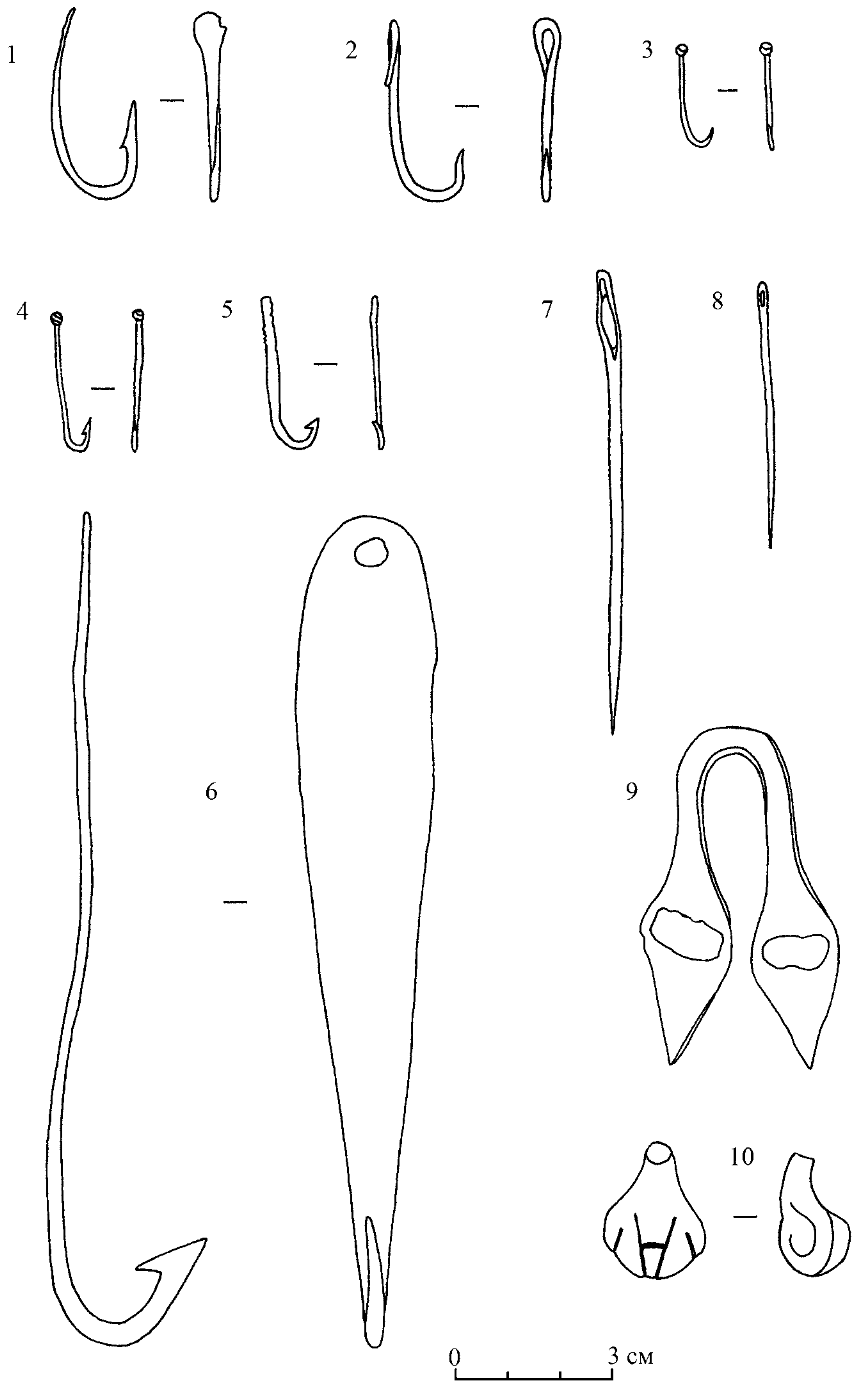
У адпаведнасці з дапоўненай намі марфалагічнай класіфікацыяй В.А. Мальм, заснаванай на спалучэнні асобных прыкмет (наяўнасць ці адсутнасць зубца, спосаб мацавання лескі), усе полацкія кручкі адносяцца да пяці асноўных тыпаў [**12**].

Тып 1. Кручкі з лапатачкай і зубцом (6 экз.). У падобных кручкоў адваротны канец расплюшчаны ў выглядзе лапатачкі для мацавання лескі (**мал. 1: 1**). Стрыжні такіх кручкоў круглыя ў сячэнні. Даўжыня вагаецца ад 1,9 да 3,7 см, радыус выгіну — 0,6–1,5 см, дыяметр дроту — 0,06–0,07 см.

Толькі адзін экзэмпляр кручкоў гэтага тыпу мае надзейную стратыграфічную прывязку. Ён паходзіць з матэрыялаў археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Вялікага пасада, якія праводзіліся С.В. Тарасавым у 1987 г. Прылада датуецца XII–XIII стст. Кручок знойдзены ў межах вытворчага ювелірнага комплексу, якія існавалі на месцы раскопу ў XII–XIII стст. [**20**]. Найбольш верагодна, што дадзены выраб адносіцца да прадукцыі мясцовых ювеліраў. Выпадкі выяўлення кручкоў з каляровых металаў на тэрыторыі сядзіб ювеліраў вядомы ў іншых старажытнарускіх гарадах [**18**].

Астатнія кручкі дадзенага тыпу паходзяць з прыватных калекцый мясцовых аматараў даўніны і з'яўляюцца выпадковымі знаходкамі (пераважна ў вусці Палаты). Гэтыя вырабы адрозніваюцца крыху меншымі памерамі, а таксама матэрыялам, з якога яны зроблены. У адрозненне ад меднага кручка з раскопак 1987 г., дадзеныя прадметы выкананы з металу жоўтага колеру (латунь). Найбольш верагодна, што латунныя кручкі, зробленыя з валочанага дроту, датуюцца больш позні́м часам. На гэта ўказвае іх адпаведнасць тэхналагічнай схеме, паводле якой зроблены іншыя латунныя прадметы з ювелірнай майстэрні першай паловы XVII ст., выяўленай на тэрыторыі Вялікага пасада ў 2005 г. [**3**; **4**, с. 171].

Тып 2. Кручкі без зубца з пяцелькай замест лапатачкі на супрацьлеглым канцы (1 экз.) (**мал. 1: 2**). Адзіны экзэмпляр такога кручка паходзіць з матэрыялаў археалагічных раскопак Д.У. Дука на Вялікім пасадзе ў 2005 г. Прадмет быў знойдзены ў межах вытворчага ювелірнага комплексу першай паловы XVII ст. Кручок зроблены з

Мал. 1. Вырабы з каляровых металаў гаспадарчага і бытавога прызначэння XI–XVII стст.:
1–5 — кручкі; 6 — блясна; 7–8 — іголкі; 9 — вушка катла; 10 — фрагмент вадалея.

меднага валочанага дроту круглага сячэння, яго даўжыня — 3,5 см, радыус — 1,3 см, дыяметр — 0,2 см.

Тып 3. Кручкі без зубцоў з галоўкай, утворанай накручваннем металічнага дроту вакол стрыжня (1 экз.) (**мал. 1: 3**). Прадмет дадзенага тыпу з'яўляецца выпадковай знаходкай і не мае надзейнай стратыграфічнай прывязкі. Відавочна, што такія кручкі рабілі са шпілек тыпу «пус епі», якія былі шырока распаўсюджаны на тэрыторыі Полацка. Як і шпількі, кручок зроблены з латуннага валочанага дроту круглага сячэння. Нягледзячы на той факт, што шпількі «пус епі» з'явіліся ва Усходняй Еўропе ў XIV ст., полацкія матэрыялы не даюць падстаў для датыроўкі мясцовых знаходак гэтым часам. Археалагічна выяўленыя шпількі на тэрыторыі Полацка датуюцца XVII ст. [**3**; **4**, с. 173; 19, с. 158]. Гэтым часам трэба датаваць і кручкі з галоўкай, утворанай накручваннем металічнага дроту вакол стрыжня. Даўжыня прадмета — 2,0 см, радыус — 0,5 см, дыяметр стрыжня — 0,05 см.

Тып 4. Кручкі з зубцом і галоўкай, утворанай накручваннем металічнага дроту вакол стрыжня (1 экз.) (**мал. 1: 4**). Дадзеныя вырабы цесна звязаныя з папярэднім тыпам і таксама датуюцца XVII ст. Даўжыня адзінага экзэмпляра прадмета гэтага тыпу — 2,6 см, радыус — 0,5 см, дыяметр стрыжня — 0,1 см.

Тып 5. Кручкі з зубцом і насечкамі для мацавання лескі (1 экз.) (**мал. 1: 5**). Адзіны экзэмпляр кручка гэтага тыпу адрозніваецца не толькі спосабам мацавання лескі, але і трохвугольным сячэннем. Прадмет выкананы з металу жоўтага колеру (латунь) і мае наступныя памеры: даўжыня — 3,1 см, радыус — 0,6 см.

Выраб паходзіць з прыватнай калекцыі і ў сувязі з гэтым не мае стратыграфічнай прывязкі, што ўскладняе яго датаванне. Найбольш верагодна, што як і іншыя латунныя кручкі з полацкай калекцыі, прадмет можа быць датаваны часам не ранейшым за XVII ст.

Від 2. Блёсны. Для лоўлі буйной драпежнай рыбы выкарыстоўваліся блёсны, якія таксама адносяцца да кручковых снасцяў. Звычайна блясна ўяўляе сабой пласцінку, падобную на рыбу, з кручком на адным канцы і адтулінай для лескі — на другім [**12**].

У полацкай калекцыі захоўваюцца дзве бронзавыя блясны (адна цэлая, а другая захавалася фрагментарна). Адзіны цэлы экзэмпляр паходзіць з прыватнай калекцыі (**мал. 1: 6**). Прадмет быў выяўлены ў вусці р. Палата ў 2005 г. Пласціна блясны выканана разам з масіўным, злёгку

выгнутым кручком. На супрацьлеглым канцы прадмета размешчана скразная акруглая адтуліна. Даўжыня прадмета — 15,9 см, радыус — 2,9 см, таўшчыня пласціны — 0,2 см. Да падобнага тыпу адносіцца і фрагмент блясны (кручок), выпадкова знойдзены мясцовым аматарам даўніны на тэрыторыі былога Запалоцкага пасада.

Падобныя блёсны выкарыстоўваліся ўжо ў XI–XIII стст., аднак працягвалі бытаваць і ў больш позні час [**12**; **16**].

З каляровых металаў выкананы таксама асобныя прыстасаванні ўніверсальнага прызначэння, якія маглі выкарыстоўвацца як рамеснікамі, так і простымі гараджанамі ў побыце. Да такіх прадметаў у полацкай калекцыі адносяцца іголкі і напарсткі.

Від 3. Іголкі. Іголкі ўяўляюць сабой ручныя інструменты для праколвання матэрыялаў і працягвання праз пракол ніці. Гэтыя прадметы выкарыстоўваліся ў асноўным для сшывання тканіны і скуры [**5**, с. 76]. У аснову класіфікацыі полацкіх іголак пакладзена форма іх вушак, якая адлюстроўвае тэхналагічныя асаблівасці вырабу дадзеных прадметаў. Восем іголак з полацкай калекцыі падзяляюцца на два асноўныя тыпы.

Тып 1 (швейныя) — іголкі, адметнасцю якіх з'яўляецца адсутнасць пашырэння стрыжня каля адтуліны для ніці (**мал. 1**: **8**). Да гэтага тыпу адносіцца 6 артэфактаў з полацкай калекцыі (з іх толькі адзін цэлы экзэмпляр). Падобныя вырабы маюць квадратнае (1 экз.) ці круглае сячэнне (5 экз.). Даўжыня іголак тыпу 1 вагаецца ад 3,9 да 7,1 см, дыяметр стрыжня — 0,08–0,2 см.

У наяўных полацкіх экзэмплярах іголак тыпу 1 заўважана адметнасць — адсутнасць характэрнага жалабка каля адтуліны, што не характэрна для наўгародскіх артэфактаў [**10**, с. 65–66].

Найбольш раннія іголкі тыпу 1 (3 экз.) паходзяць з матэрыялаў археалагічных даследаванняў 1987–1988 гг. на тэрыторыі Вялікага пасада і датуюцца XI–XII стст. Акрамя таго, адзін артэфакт датуецца XIII–XIV стст., а дзве іголкі былі выяўлены ў слаях XVII–XVIII стст.

Тып 2 (для шыцця цяжкіх тканін і скуры) — іголкі з пашыранай пляцоўкай на верхнім канцы стрыжня, у якой прабіта адтуліна для фіксацыі ніці (**мал. 1**: **9**). Большыя ў параўнанні з папярэднім тыпам вушкі прызначаліся для шыцця тоўстымі ніткамі.

У полацкай калекцыі да тыпу 2 адносяцца два артэфакты. Даўжыня прадметаў вагаецца ад 6,3 да 8,9 см, дыяметр стрыжня — 0,2–0,3 см. Іголкі тыпу 2 стратыграфічна датуюцца XVII ст.

Від 4. Напарсткі. Прыстасаваннем, якое служыла для абароны пальцаў падчас шыцця, з'яўляліся напарсткі. Іх форма ў асноўным адпавядае напарсткам, якія да нашага часу выкарыстоўваюцца ў побыце [7].

Адзін прадмет, які паходзіць з матэрыялаў археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Вялікага пасада ў 2005 г. і датуецца першай паловай XVII ст., уяўляе сабой невялікую латунную паўсферу вышынёй 1,3 см і дыяметрам 1,6 см, паверхня якой пакрыта невялікімі ямачкамі для ўпору іголкі.

Чатыры напарсткі XVII–XVIII стст. з раскопак С.В. Тарасава 1987 г. на тэрыторыі Вялікага пасада маюць форму ўсечанага конуса, іх паверхня пакрытая ямачкамі для ўпору іголкі. Вышыня прадметаў вагаецца ад 1,1 да 1,8 см, дыяметр — 1,3–1,6 см.

Від 5. Дэталь пэндзля. Выраб знойдзены падчас археалагічных даследаванняў 2007 г. на гарадзішчы і датуецца XI–XIII стст. Ён уяўляе сабой невялікую трубачку даўжынёй 4,5 см з разрэзам па ўсёй даўжыні. Пасярэдзіне трубачкі размешчана бронзавае кольца з арнаментам у выглядзе насечак. Дыяметр трубачкі — 0,4–0,5 см, канцы пашыраны, дыяметр кольца — 0,5 см, шырыня — 0,4 см. У адзін канец трубачкі ўстаўлялася драўлянае дзяржанне, у другі — ворс для малявання. Прадмет быў выяўлены ў адным пласце з кавалкамі вохры чырвонага і жоўтага колеру [2].

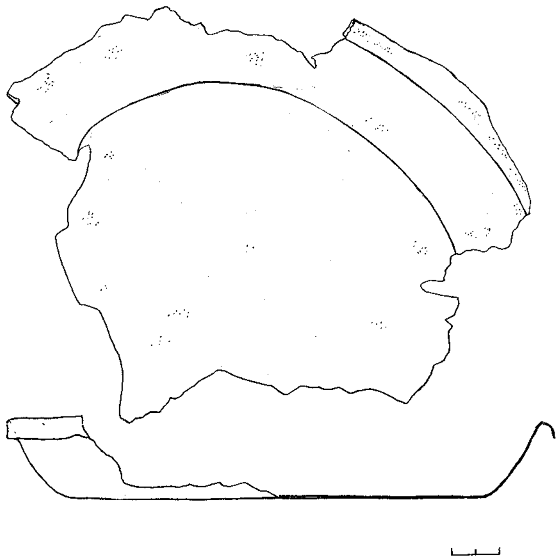
Група 2. Посуд і яго элементы.

У матэрыялах раскопак старажытнага Полацка дастаткова рэдка сустракаюцца фрагменты металічнага посуду. Найбольш распаўсюджанымі знаходкамі з'яўляюцца кацялкі і іх фрагменты, дэкаратыўныя і рамонтныя накладкі на драўляны посуд, вушкі і ручкі катлоў. У выніку вельмі дрэннай захаванасці шэрагу артэфактаў, выяўленых падчас археалагічных даследаванняў на тэрыторыі горада, у цяперашні момант у музейных зборах захоўваецца толькі частка выяўленых падчас раскопак прадметаў.

Від 1. Кацялкі, міскі і іх фрагменты. Да нашага часу захаваліся тры фрагменты металічнага посуду — гэта фрагмент міскі, кацялок і венца металічнай ёмістасці, верагодна, таксама кацялка.

Міска прадстаўлена фрагментам танкасценнай, неглыбокай ёмістасці, з адагнутым краем венца. Прадмет выкаваны з аднаго кавалка металу (бронза ці медзь). Выраб паходзіць з матэрыялаў раскопак

Д.У. Дука 2007 г. на гарадзішчы (**мал. 2**). Паводле спадарожных матэрыялаў міска датуецца ў межах XI–XIII стст. Дыяметр венца – каля 23,0 см, донца – каля 17,5 см, вышыня 3,5 см, таўшчыня пласціны – 0,2 см.

Мал. 2. Міска XI–XIII стст. (паводле Д.У. Дука).

Відавочна, што падобны посуд выкарыстоўваўся вышэйшымі слаямі насельніцтва старажытнага Полацка. На гэта ўказваюць і іншыя знаходкі з раскопак 2007 г. На думку Д.У. Дука, менавіта тэрыторыя гарадзішча з'яўлялася рэзідэнцыяй полацкіх князёў да XIII ст. [**2**].

Даследаванні апошняга часу паказалі, што асноўным вытворчым цэнтрам металічнага посуду ў XI–XIII стст. з'яўлялася Волжская Булгарыя. Менавіта з гэтай дзяржавай трэба звязваць знаходкі большасці металічных кацялкоў і місак. Вытворчасць падобных прадметаў была распаўсюджана таксама і ў асяроддзі фінскага насельніцтва паўночна-заходніх зямель Русі [**5**, с. 78; **15**]. У той жа час, нельга цалкам выключаць магчымасці вырабу міскі і мясцовымі майстрамі-ювелірамі ў Полацку.

XV–XVI стст. датуецца венца кацялка з раскопак Д.У. Дука ў 2008 г. на Ніжнім замку. Прадмет уяўляе сабой верхнюю частку ёмістасці ў выглядзе невялікай моцна дэфармаванай металічнай пласціны, адзін бок якой патоўшчаны і ўтварае венца. Даўжыня прадмета – 26,0 см, шырыня – 4,0 см, таўшчыня венца – 0,5 см, а таўшчыня пласціны – 0,1–0,15 см.

Вялікую цікавасць выклікае знаходка цэлага металічнага кацялка XVII ст., які быў выяўлены А.А. Салаўёвым падчас археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Вялікага пасада (вул. Ніжне-Пакроўская).

Прадмет мае ўсечана-канічную форму з невялікім пашырэннем каля аснавання, пукатае донца, адагнуты край венца, а таксама пару петлепадобных вушак для мацавання рукаяці на супрацьлеглых баках. Вушкі прымацаваныя да тулава кацялка чатырма заклёпкамі. Дыяметр венца ёмістасці – 24,4 см, донца – 20,0 см, вышыня – 13,0 см.

Акрамя гэтых прадметаў, пэўную цікавасць выклікаюць тры фрагменты металічных ёмістасцей (два венцы і ножка), якія паходзяць з прыватнай калекцыі і з'яўляюцца выпадковымі знаходкамі. Гэтыя прадметы належалі невялікаму па памерах посуду, які, найбольш верагодна, меў дачыненне да культавай сферы.

Від 2. Вушкі кацялкоў. Вельмі часта ў матэрыялах раскопак старажытных беларускіх гарадоў сустракаецца такая катэгорыя знаходак, як вушкі і ручкі кацялкоў. Гэтыя вырабы звычайна зроблены з медных пруткоў чатырохвугольнага сячэння, канцы якіх раскаваныя ў плоскія пляцоўкі акруглай формы (адзін ці два авалы). На некаторых вушках канцы маюць кроплепадобную завостраную форму.

Пасля таго, як расклёпваліся канцы, пруткі выгіналіся (петлепадобна ці дугападобна). Да ёмістасцей вушкі мацаваліся пры дапамозе заклёпак (ад дзвюх да чатырох) (**мал. 1: 9**). Даўжыня полацкіх вушак вагаецца ад 3,5 да 6,7 см, сярэднія памеры стрыжня – 0,35х0,35 см.

Вушкі на тэрыторыі Полацка былі выяўлены падчас даследавання на Вялікім пасадзе, Верхнім і Ніжнім замку, гарадзішчы. Прадметы зроблены з медзі і бронзы і сустракаюцца ў слаях XI–XVII стст. Абапіраючыся на наяўны матэрыял, можна меркаваць, што тыпалагічнай адметнасцю вушак старажытнарускага часу з'яўляецца наяўнасць адзінарнай плоскай пляцоўкі на канцах стрыжня, у той час як на вушках XVII ст. часцей за ўсё сустракаюцца двайныя пляцоўкі з кожнага канца прутка.

Від 3. Ручкі посуду. Металічныя ручкі ў матэрыялах раскопак Полацка сустракаюцца больш рэдка. Часцей за ўсё яны зроблены з пруткоў самага рознага сячэння. Паводле спосабу мацавання вылучаюцца два тыпы ручак.

Тып 1. Металічныя чатырохвугольныя ў сячэнні стрыжні, адзін канец якіх раскляпаны і адагнуты перпендыкулярна асноўнай плоскасці прутка.

Расляпаны канец злучаўся з ёмістасцю пры дапамозе заклёпак. У полацкай калекцыі вядомы адзін экзэмпляр падобнага вырабу (памеры прадмета: даўжыня – 9,3, сячэнне стрыжня – 0,6х0,4 см, расляпаная частка – 4,3х2,5 см), які паходзіць з матэрыялаў археалагічных даследаванняў 1960 г. на тэрыторыі Верхняга замка і датуецца XI–XIII стст.

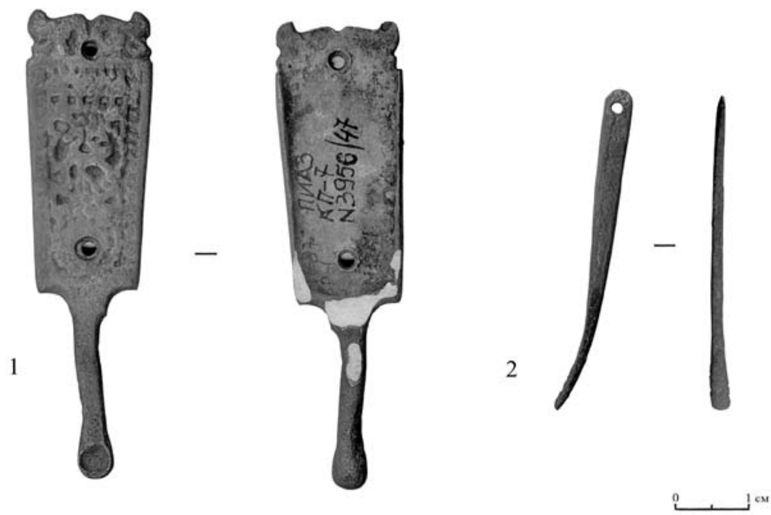
Тып 2. Металічныя стрыжні трохвугольнага сячэння. Часта на іх канцах размешчаны прыпаяныя петлепадобныя завяршэнні (кручкі). Такія прыстасаванні маглі выкарыстоўвацца ў якасці ручак кацялкоў (тады яны мацаваліся за іх вушкі) ці драўляных вёдзер. Памеры прадметаў разнастайныя (сярэдняе сячэнне стрыжня – 0,55х0,3 см), а знойдзены яны былі ў Полацку разам з характэрнымі матэрыяламі XII–XIII стст.

Фрагментам ручкі пасудзіны можна лічыць невялікую бронзавую птушачку, якая была выяўлена падчас археалагічнага вывучэння рэштак княжацкага церама ў 1979 г. П.А. Рапапортам. Даўжыня прадмета – 5,2 см, вышыня – 3,5 см, максімальная шырыня – 1,5 см.

Дадзены выраб з'яўляецца часткай ручкі бронзавага збана. Блізкія аналогіі полацкаму артэфакту знойдзены ў Ноўгарадзе. Падобныя артэфакты датуюцца X–XI стст. і паходзяць з Сярэдняй Азіі [**9**, с. 79; **19**, с. 170]. Аднак існуе і іншы пункт гледжання, паводле якога птушачка з'яўлялася часткай накрыўкі пасудзіны і служыла ўпорам вялікаму пальцу падчас разліву вадкасці [**11**, с. 58].

Від 4. Фігурныя і рамонтныя накладкі. Дастаткова часта ў матэрыялах археалагічных раскопак Полацка сустракаюцца рамонтныя накладкі на драўляны посуд. Звычайна яны ўяўляюць сабой невялікія металічныя пласціны, часта прамавугольнай формы, з адтулінамі для мацавання. Звычайна падобныя вырабы мацаваліся да посуду пры дапамозе заклёпак. Падобныя артэфакты сустракаюцца сярод матэрыялаў XI–XVII стст.

Вялікую цікавасць выклікае бронзавая накладка на драўляную чашу з выявай грыфона, якая была знойдзена падчас археалагічных даследаванняў на тэрыторыі гарадзішча і датуецца XI–XIII стст. Накладка ажурная, выгнутая, трохвугольнай формы (памер кожнага боку – 10,0 см). Вельмі выразная выява грыфона адпавядае вядомым усходнім узорам. На думку К.А. Лавыш, якая займалася вывучэннем гэтай накладкі, выраб можа з'яўляцца мясцовай копіяй, зробленай па візантыйскіх арыгіналах. Між тым, даследчыца не выключае цалкам і візантыйскага паходжання прадмета [**11**, с. 94].

Мал. 3. Капавушкі XVII ст.

Від 5. Фрагмент вадалея (?). Фрагментам вадалея (акваманіла) – ёмістасці для мыцця рук, можа з'яўляцца артэфакт, які паходзіць з прыватнай калекцыі. Прадмет выяўлены на тэрыторыі заходняй часткі былога Запалоцкага пасада. Выраб адліты з бронзы, мае памеры 2,6х2,0х1,5 см і ўяўляе сабой стылізаваную лапу жывёлы **(мал. 1: 10)**. Падобны артэфакт можа з'яўляцца часткай акваманіла ў выглядзе дракона ці льва. Такія вадалеі на старажытнарускай тэрыторыі з'яўляюцца заходнееўрапейскім імпартам і датуюцца XII–XIII стст. [**1**, с. 53].

Група 3. Прадметы асабістай гігіены.

Від. 1. Капавушкі. Да прадметаў асабістай гігіены адносяцца капавушкі (вухавёрткі) – прыстасаванні для чысткі вушэй ад серы. Звычайна яны маюць выгляд невялікай лыжачкі з пласцінчатай ці петлепадобнай рукаяццю [**13**]. Капавушкі з дрэва, косткі, шкла і металу – дастаткова вядомая туалетная прыналежнасць народаў Еўразіі. Яны вядомыя з эпохі бронзы і часта сустракаюцца на археалагічных помніках, пачынаючы з ранняга жалезнага веку. Універсальнасць формы капавушкі абумовіла выкарыстанне іх у побыце на працягу ўсяго сярэднявечча [**14**, с. 35; **17**, с. 2].

На тэрыторыі Полацка было выяўлена дзевяць металічных капавушак. Паводле формы рабочай часткі ўсе прадметы падзяляюцца на два тыпы:

Тып 1 – з рабочай часткай у выглядзе лыжачкі (8 экз.) **(мал. 3: 1)**;

Тып 2 – з рабочай часткай у выглядзе лапатачкі (1 экз.) **(мал. 3: 2)**.

У полацкай калекцыі найбольш шырока прадстаўлены капавушкі першага тыпу. Паводле формы рукаяці вылучаюцца вырабы трох падтыпаў.

Падтып А (5 экз.). Капавушкі з пласцінчатай рукаяццю. Ручкі такіх капавушак упрыгожаны арнаментам (геаметрычным, раслінным, зоаморфным), а таксама дэкаратыўнымі адтулінамі. Асноўная частка капавушак падтыпу А паходзіць з прыватных збораў. Толькі два прадметы былі выяўлены падчас археалагічных даследаванняў (раскопкі С.В. Тарасава 1987 г. на Вялікім пасадзе; раскопкі І.У. Магалінскага 2010 г. на Запалоцкім пасадзе). Археалагічны кантэкст знаходак дазваляе датаваць іх XVII ст.

Падтып Б (1 экз.). Капавушка з зоаморфным завяршэннем рукаяці. У Полацку знойдзены адзіны выраб гэтага падтыпу (раскопкі М.В. Клімава 2008 г. на Запалоцкім пасадзе). Прадмет завяршаецца зоаморфнай выявай (верагодна, сабачкі) [**8**, с. 13]. Блізкія па форме капавушкі былі знойдзены ў Навагрудку, дзе датуюцца XII ст. [**13**]. Гэтым часам трэба датаваць і полацкую знаходку.

Падтып В (1 экз.). Капавушка з петлепадобнай рукаяццю. Прадмет гэтага падтыпу быў выяўлены падчас археалагічных даследаванняў 1987–1988 гг. на тэрыторыі Вялікага пасада. Паводле вядомых аналогій дадзены выраб трэба датаваць XVII–XVIII стст. [**14**, с. 35].

Фрагментарная захаванасць астатніх капавушак не дазваляе адназначна аднесці прадметы да таго ці іншага падтыпу.

Капавушкі тыпу 2 прадстаўлены толькі адным артэфактам, які быў знойдзены падчас даследаванняў Д.У. Дука на Вялікім пасадзе. Стратыграфічна прадмет датуецца XVII ст. Выраб уяўляе сабой чатырохгранны ў сячэнні латунны стрыжань з адтулінай для падвешвання на адным канцы і рабочай часткай у выглядзе лапатачкі на другім. Капавушка паходзіць з матэрыялаў, атрыманых падчас вывучэння вытворчага ювелірнага комплексу першай паловы XVII ст.

Група 4. Розныя вырабы.

Від 1. Падсвечнікі. Металічныя падсвечнікі ў полацкай калекцыі прадстаўлены вырабамі двух тыпаў:

Тып 1. Цыліндрычныя;

Тып 2. Фігурныя.

Артэфакты першага тыпу маюць выгляд бронзавага цыліндра з невялікім венцам па краю. Падобныя прадметы на тэрыторыі Полацка

былі выяўлены падчас археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Вялікага пасада ў 1987 г. і стратыграфічна датуюцца XIV–XVI стст. Таўшчыня сценак такіх прадметаў — 0,15 см, дыяметр — 2,8 см, даўжыня цыліндрычнай часткі — 4,2 см.

Фігурныя бронзавыя падсвечнікі ў полацкай калекцыі прадстаўлены адным экзэмплярам. Выраб з'яўляецца выпадковай знаходкай і датуецца XVII–XVIII стст. Даўжыня прадмета — 6,5 см, шырыня — 3,0 см, дыяметр венца — 0,6 см.

Від 2. Дэкаратыўны цвік. Латунны дэкаратыўны цвік з полацкай калекцыі з'яўляецца выпадковай знаходкай. Прадмет датуецца XIII–XIV стст. і ўяўляе сабой невялікі завостраны стрыжань з акруглай плешкай. На вонкавай паверхні плешкі чаканным арнаментам імітуецца васьміпялёсткавая разетка. Вышыня цвіка — 1,1 см, памеры плешкі — 1,4х1,6 см.

Від 3. Праселкі. У якасці праселак могуць быць разгледжаны два артэфакты, якія былі знойдзены на тэрыторыі заходняй часткі былога Запалоцкага пасада і паходзяць з прыватнай калекцыі. Звычайныя каменныя праселкі ўяўлялі сабой цыліндрычныя ці біканічныя грузікі з адтулінай у цэнтры, якія надзяваліся на верацяно [**6**; **7**; **23**, с. 97]. Верагодна, свінцовыя праселкі выкарыстоўваліся такім жа чынам.

Полацкія свінцовыя праселкі адносяцца да двух тыпаў:

Тып 1. Біканічныя;

Тып 2. Колападобныя.

Памеры вырабаў адпавядаюць аналагічным каменным прадметам: вышыня — 0,6–0,9 см, дыяметр — 1,5 см. Найбольш верагодна, што падобныя праселкі маглі выкарыстоўвацца адначасова з каменнымі вырабамі з шыферу. У сувязі з гэтым, дадзеныя артэфакты трэба датаваць XI–XIV стст.

Від 4. Пакрыццё даху. Дахі старажытнарускіх храмаў пакрываліся ліставым свінцом. У матэрыялах археалагічных даследаванняў Полацка дастаткова часта сустракаюцца часткі свінцовага пакрыцця дахаў, пераважна ў выглядзе бясформенных аплаўкаў ці фрагментаў пласцін, часта з адтулінамі для цвікоў. Таўшчыня такіх пласцін у сярэднім роўная 0,1 см. Знаходкі гэтых прадметаў канцэнтруюцца пераважна ў тых частках горада, дзе ў старажытнасці размяшчаліся культавыя пабудовы. Датуюцца прадметы XI–XIII стст.

Від 5. Аконныя аправы. Падчас раскопак дастаткова часта сустракаюцца свінцовыя аправы, якія служылі для злучэння невялікіх

шкляных шыб. Падобныя вырабы можна ідэнтыфікаваць паводле наяўнасці адмысловага жалабка, у які ўстаўлялася шкло. Звычайна аправы даходзяць да нас у вельмі фрагментаваным выглядзе, што не дазваляе выявіць іх агульны памер. Мяркуючы па тым, што шыбы мелі разнастайную форму (прамавугольную, круглую, складаную), такую ж форму павінны былі мець і аправы. Аконныя аправы трэба датаваць у межах XVI–XVIII стст. [**4**, с. 180–181].

Такім чынам, каляровыя металы выкарыстоўваліся ў Полацку для вырабу некаторых прадметаў гаспадарча-бытавога прызначэння. Значная іх частка ў сувязі з высокім коштам сыравіны з’яўлялася часткай матэрыяльнай культуры вышэйшых слаёў насельніцтва. Гэта ўскосна пацвярджаецца і археалагічным кантэкстам знаходак асобных полацкіх артэфактаў. Так, бронзавая міска была выяўлена на тэрыторыі гарадзішча, дзе да XIV ст. знаходзілася рэзідэнцыя князя і баяр; акрамя таго, фрагмент збана X–XI стст. паходзіць з матэрыялаў раскопак княжацкага церама.

Найбольш верагодна, што большую частку прадметаў гаспадарчага і бытавога прызначэння рабілі майстры-ювеліры, якія валодалі сакрэтамі апрацоўкі сыравіны. Гэтая гіпотэза часткова пацвярджаецца і лакалізацыяй знаходак дадзенай групы прадметаў на тэрыторыі горада. Акрамя таго, асобныя тыпы вырабаў, відавочна, з’яўляюцца прадуктам мясцовай хатняй вытворчасці, не звязанай з ювелірным рамяством. Да такіх артэфактаў адносяцца рыбалоўныя кручкі тыпу 3 і 4, якія былі пераробленыя і прыстасаваны для патрэб рыбалоўства са шпілек «пус епі», а таксама рамонтныя накладкі, аконныя аправы і іншыя прадметы, выраб якіх не патрабаваў наяўнасці адмысловых ведаў і спецыяльнага прыстасавання.

Спіс літаратуры

1. Даркевич, В.П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) / В.П. Даркевич. — М.: Наука, 1966. — 148 с.

2. Дук, Д.У. Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. / Д.У. Дук // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі. — Полацк: НПГКМЗ, 2009. — С. 255–279

3. Дук, Д.У. Выратавальныя археалагічныя раскопкі на тэрыторыі Вялікага пасада Полацка ў 2005 годзе / Д.У. Дук // Веснік «ПДУ». Серыя А. Гуманітарныя навукі. — № 1. — 2007. — С. 5–23.

4. Дук, Д.У. Полацк XVI — XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д.У. Дук. — Наваполацк: ПДУ, 2007. — 268 с.

5. Зайцева, И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра / И.Е. Зайцева // Археология северноруcской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н.А. Макаров; Институт археологии РАН. — М.: Наука, 2007. — С. 57–142.

6. Звяруга, Я.Г. Рэчавы інвентар / Я.Г. Звяруга // Археалогія Беларусі. У 4 т. / Я.Г. Звяруга, Т.М. Каробушкіна, П.Ф. Лысенка, Г.В. Штыхаў; навук. рэд. П.Ф. Лысенка. — Мінск: Беларуская навука, 2000. — Т. 3: Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) — С. 370–423.

7. Калядзінскі, Л.У. Вырабы з каляровага металу / Л.У. Калядзінскі // Археалогія Беларусі. У 4 т. / пад рэд. В.М. Ляўко і інш. — Мінск: Беларуская навука, 2001. — Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. — С. 287–295.

8. Клімаў, М.В. Справаздача пра археалагічныя даследаванні ў г. Полацку ў 2008 г. / М.В. Клімаў // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі» НАН Беларусі. – № 2596.

9. Колчин, Б.А. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология / Б.А. Колчин, В.Л. Янин, С.В. Ямщиков. — М.: Искусство, 1985. — 167 с.

10. Колчин, Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / Б.А. Колчин // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. Труды новгородской археологической экспедиции. — М.: Наука, 1959. — С. 7–120.

11. Лавыш, К.А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.) / К.А. Лавыш. — Минск: Белорус. наука, 2008. — 208 с.

12. Мальм, В.А. Промыслы древнерусской деревни / В.А. Мальм // Труды государственного исторического музея. Вып. 32. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. — М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1956. — С. 106–139.

13. Мядзведзева, В.У. Капавушкі X–XV стст. з тэрыторыі Беларусі / В.У. Мядзведзева // Гісторыка-археалагічны зборнік. Вып. 23. — Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2007. — С. 144–152.

14. Постникова-Лосева, М.М. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. (территория СССР) / М.М. Постникова-Лосева, Н.Г. Платонова, Б.Л. Ульянова. — М.: Юнвес, 1995. — 370 с.

15. Розенфельдт, Р.Л. Металлическая посуда, кухонная и столовая / Р.Л. Розенфельдт // Древняя Русь. Быт и культура. — М.: Наука, 1997. — С. 38–41.

16. Сагановіч, Г.М. Прылады працы і побытавыя рэчы. Асартымент, тыпалогія, храналогія / Г.М. Сагановіч // Археалогія Беларусі. У 4 т. / пад рэд. В.М. Ляўко і інш. — Мінск: Беларуская навука, 2001. — Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. — С. 260–277.

17. Салангина, С.В. Копоушки как исторический источник (по материалам археологических памятников восточной Европы). Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.06 / С.В. Салангина. — Ижевск, 2004. — 19 с.

18. Салмина Е. В. О топографии находок рыболовных принадлежностей из раскопок в Пскове // Библиотекарь.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/78.htm — Дата доступа: 12.06.2011.

19. Седова, М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) / М.В. Седова. — М.: Наука, 1981. — 196 с.

20. Тарасаў, С.В. Сядзіба полацкіх ювеліраў XII–XIII стст. / С.В. Тарасаў // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. — Полацк: НПГКМЗ, 2003. — С. 267–272.

21. Тарасов И.И. Рыболовный инвентарь из раскопок в Старой Ладоге // Старая Ладога [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.oldladoga.ru/254.html — Дата доступа: 25.06.2011.

22. Чернецов, А.В. Земледелие и промыслы / А.В. Чернецов, А.В. Куза, Н.А. Кирьянова // Древняя Русь. Город, замок, село. — М.: Наука, 1985. — С. 219–243.

23. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. / Г.В. Штыхов. — Минск: Наука и техника, 1975. — 136 с.

Смирнова Т.Р.

Дидактическая игра как основной приём в изучении музейного предмета детьми дошкольного и младшего школьного возраста

Музейное образование является одной из главных составляющих воспитательно-образовательного процесса всех дошкольных учреждений и некоторых школ города.

Музей, понимаемый как коммуникативная система, предполагает общение посетителя с экспонатами и музейным пространством. Наиболее эффективными сегодня в музейной педагогике, особенно для детской аудитории, считаются методы свободного взаимодействия с музейной средой: интерактивные методы, ролевые игры, дидактические экспозиции, использование дидактических игр.

Игра — это вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением.

Традиция широкого использования дидактических игр в целях воспитания и обучения детей, сложившаяся в дошкольной педагогике, получила своё развитие в трудах многих учёных и педагогов.

Обращаясь к историческим основам дошкольной педагогики, можно констатировать тот факт, что дидактика имела свой долгий путь развития. Я. Коменский создаёт детские иллюстрированные энциклопедии о человеке, Ж.-Ж. Руссо излагает взгляды о соответствии природы ребёнка и естественных законов его развития, И. Песталоцци разрабатывает задачи, содержание и методы дошкольного воспитания ребёнка в семье [**22**].

Фридрих Фрёбель, выдающейся немецкий педагог первой половины 19 века, был убеждён, что задача первоначального образования состоит не в учении в обыкновенном смысле этого слова, а в организации игры. В разработанную Фридрихом Фрёбелем систему дидактических игр вошли игры с разными игрушками, материалами (мячом, кубиками, шарами, цилиндрами) [**21**]. Обязательным элементом большинства

дидактических игр были стихи, песни, рифмованные сказки, написанные Фрёбелем.

Елизавета Ивановна Тихеева, автор одной из первых отечественных педагогических систем дошкольного воспитания, заявила о новом подходе к дидактическим играм [**20**]. По мнению Е.И. Тихеевой, они являются лишь одним из компонентов воспитательно-образовательной работы с детьми наряду с чтением, беседой, рисованием, пением, гимнастикой, трудом. Обучающие задачи в предлагаемых Е.И. Тихеевой играх предусматривают формирование мыслительных операций (сравнение, классификация, обобщение), совершенствование речи (обогащение словаря, описание предметов, составление загадок), развитие умения ориентироваться в расстоянии, времени, пространстве. Содержанием дидактических игр стала окружающая жизнь со всем богатством мира природы, социальных связей, рукотворных предметов.

В советской педагогике система дидактических игр была создана в 60-е годы в связи с разработкой норм сенсорного воспитания. Её авторами являются известные педагоги и психологи: Л.А. Венгер, В.Н. Аванесова и другие [**12**]. Л.А. Венгер разработала систему дидактических игр по сенсорному воспитанию, которая была направлена на обучение детей точно, полно и расчленённо воспринимать предметы, их разнообразные свойства и отношения (цвет, форма, величина, расположение в пространстве). В последнее время поиски учёных (З.М. Богуславская, О.М. Дьяченко, Е.О. Смирнова и другие) идут в направлении создания серии игр для полноценного развития детского интеллекта, которые характеризуются инициативностью мыслительных процессов, переносом сформированных умственных действий на новое содержание [**6**].

Родоначальником теории игры в российской науке является К.Д. Ушинский [**22**]. В отечественной педагогике и психологии серьёзно разрабатывали теорию игры М.М. Бахтин, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин.

Задолго до того, как игра стала предметом научных исследований, она широко использовалась в качестве одного из важных средств воспитания детей. Время, когда воспитание выделилось в особую общественную функцию, уходит вглубь веков, и в такую же глубь веков уходит и использование игры как средства воспитания. Особое место игры в различных системах воспитания определялось тем, что игра в чём-то созвучна природе ребёнка. В игре формируется дружный коллектив,

развиваются навыки самостоятельного ведения игры, положительного отношения к труду.

Позиция понимания целесообразности игры в обучении детей дошкольного возраста вывела исследователей на проблему разработки дидактической игры.

Дидактическая игра — средство воспитания умственной активности детей, которое помогает сделать любой учебный материал увлекательным, облегчает процесс усвоения знаний, т.е. носит обучающий характер.

Методы дидактической игры помогают ребёнку научиться самостоятельно ориентироваться в музейном пространстве, активизируют познавательную деятельность в музее, формируют навыки самостоятельного поиска ответов на собственные вопросы. На современном этапе система образования построена на абстрактных понятиях, которые ребёнок воспринимает очень сложно. По мнению Е.Г. Вансловой, формировать систему ценностей, воспитывать философское понимание жизни, можно только опираясь на конкретику, в том числе на предметный мир [**4**]. Поэтому такую важную роль играет именно музейная педагогика, оперирующая знанием предмета.

На протяжении всех лет работы Детского музея, мы изучали влияние музейного предмета на эмоциональную сферу ребёнка, на формирование представлений об окружающем мире, изучали особенности поведения трудных детей и детей с особенностями психофизического развития в момент восприятия музейного предмета и знакомства с экспозицией [**13**, с. 39], [**14**, с. 64], [**15**, с. 55], [**16**, с. 48]. По-прежнему остаются актуальными вопросы:

- способствуем ли мы развитию личности индивидуального посетителя, формируем ли ощущение его собственной значимости в музейном пространстве?

- как активизировать контакт посетителя с музейным предметом и музейным пространством?

Для успешного решения этих задач мы стараемся выступать не в качестве транслятора информации, а стремимся быть организаторами познавательной деятельности детей. В процессе этой деятельности мы используем разные формы работы, с помощью которых формируем определённые представления, умения, добиваемся понимания предлагаемого материала.

Наиболее адекватными поставленной задаче, как с точки зрения дидактики, так и с учётом психологических особенностей дошкольников и младших школьников, являются дидактические игры.

Большая их часть ориентирована на репродуктивную деятельность ребёнка, на закрепление или проверку имеющихся знаний. Но ребёнка привлекает в игре не обучающая задача, которая в ней заложена, а возможность проявить активность, выполнить игровое действие, добиться результата. Мы не должны забывать, что дидактическая игра – основной вид деятельности старшего дошкольника. В младшем школьном возрасте интенсивно формируются познавательная сфера ребёнка, внутренний план действий, произвольность психических процессов, и лишь только к 15–16 годам ведущим видом деятельности становится познавательная.

Учитывая все эти факторы, в экскурсионной работе, на музейных занятиях, в индивидуальной работе с посетителями, мы всё чаще стали использовать комбинированные формы работы: информационное сообщение, дидактическую игру, карточки с заданиями, игровые задания на компьютере, настольно-печатные игры (как один из видов дидактической игры), ролевые игры. Наиболее эффективным, на наш взгляд, является применение дидактических игр.

У детей старшего дошкольного возраста накоплен определённый игровой опыт. В связи с этим мы в своей работе используем разные виды дидактических игр, в соответствии с классификацией, введённой современным педагогом-практиком Никишиной Г.А. [**10**]:

игры-эксперименты;

игры-моделирования;

игры-дизайн;

звукоречевые игры;

игры-фантазии;

дидактические игры с элементами драматизации.

На примере дидактических игр, используемых в экскурсиях, на музейно-педагогическихзанятияхдляформированияпространственно-временных представлений и знакомства с историей изобретения хронометрического прибора – часов, мы расскажем о технологии применения дидактических игр, методике их проведения и проследим этапы усложнения задач познавательного характера.

Итак, тема – «Часы».

Для детей 4–5-ти лет мы используем следующие дидактические игры:

- игра-драматизация «Говорят, часы бегут…»;
- звукоречевая игра «Помоги грустному будильнику собрать цифры»;
- звукоречевая игра «Закончи предложение».

Использование данных игр в работе с детьми младшего дошкольного возраста способствует решению следующих задач:

- уточнение, расширение представлений о предмете;
- формирование умений находить и называть детали предметов (в данном случае механических часов);
- обогащение словарного запаса: дети должны назвать хронометрические приборы по способу установки, перечислить детали часов, назвать материалы, из которых изготовлены корпуса часов и т.д.

Для детей 5–6-ти лет (тема та же) задачи усложняются и вводятся новые игры:

- игра-драматизация «Говорят, часы бегут…» используется уже как физминутка в развёрнутой игре «Помоги грустному будильнику». Дети играют по подгруппам, выполняя игровые задания (из предложенных цифр собрать циферблат на рисунке).

В игре «Закончи предложение» дополнительно используются карточки с названиями видов часов по способу установки: «напольные», «настенные», «настольные», «наручные», «дорожные». Дети должны самостоятельно соотнести карточки с музейным предметом. Целью этой игры является тренировка внимания, закрепление названий, которые дети получили в ходе экскурсии или музейно-педагогического занятия. Если группа активная, быстро справляется с заданиями, то нами используются дополнительные игры:

- игра-моделирование «Собери часы и назови, что для чего нужно»;
- звукоречевая игра «Рассмотри книгу «Часы без стрелок» и ответь на вопросы.

Таким образом, дидактические игры помогают нам решать такие задачи, как:

- активизация познавательной сферы, деятельности детей дошкольного и младшего школьного возраста;
- формирование интереса к восприятию информации, желание общаться со взрослыми;
- освоение детьми музейного пространства.

В работе с детьми 6–7-ми лет мы опираемся на сформированные у них

знания, умение чувствовать временные отрезки и соотносить эти ощущения со своими видами деятельности. С этой целью используются игры:

- игра-моделирование «Что можно сделать за одну секунду, за одну минуту, за месяц?..»;

- звукоречевая игра «Отгадай, сколько времени прошло?», «Предметы прошлого и настоящего».

Детям 7–8-ми лет мы предлагаем побывать в роли экспериментатора. Участникам игры предлагается материал для «изобретения» песочных, солнечных, водяных часов. Выполнение игровых действий способствует тому, что дети опытным путём убеждаются, что очень сложно придумать что-то новое, приходят к умозаключению, что механические часы — это великое изобретение человека. Данной возрастной категории даётся больший объём научной информации.

С детьми 8–9-ти лет мы играем в «философов». Ребята знают, что часы — это хронометрический прибор, позволяющий человеку ориентироваться во времени. А вот что такое «время», каким оно бывает, почему мы часто говорим, что время «бежит», «пролетело» или «остановилось»? Ответить на эти вопросы нам помогают игры:

- игра-фантазия «Можно ли время потрогать, понюхать?»;

- звукоречевая игра «Какое время мы назовём грустным, весёлым?»;

- игра-моделирование «Соотнеси название с нужной цифрой».

Подбор этих игр не был случайным. Система игр формировалась в результате кропотливой работы:

- проводили многократные наблюдения за детьми в процессе адаптации содержания игр на нашей экспозиции;

- анализировали характер ответов детей, интеллектуальный потенциал группы, эмоциональное состояние;

- корректировали методы и приёмы, темп проведения игр, моменты использования дидактических игр в групповой работе;

- учитывали эффективность решения обучающей задачи, активность детей в игре;

- устанавливали соответствие предлагаемой игры уровню интеллектуального развития детей того или иного класса, группы.

От музейного работника требовалось: хорошо знать содержание игры, уметь быстро объяснить ход и правила игры, чётко представлять, для чего эта игра используется, каких результатов нужно добиться,

определять свою роль в игре, умело и справедливо подвести итоги игрового действия, умение организовать группу и продолжить изложение экскурсионного материала.

Дидактические игры активизируют детское мышление, являются главной предпосылкой сознательного отношения к приобретению твёрдых, глубоких знаний. Игровые действия, которые разворачиваются в момент игры, включают детей в новую тему, в работу, которая становится богатой на эмоции и впечатления. Грамотное, умелое руководство и применение дидактических игр помогает сформировать и у детей, и у взрослых убеждение, что поход в музей может быть увлекательным, полным удивительных открытий путешествием, в ходе которого можно получить радость и удовольствие от познания неведомого мира вещей, природы.

Чтобы подтвердить наше предположение о том, что информация об истории привычных вещей для детей дошкольного и младшего школьного возраста диктует целесообразность использования дидактических игр, мы провели небольшое исследование.

Цель исследования: дидактическая игра как основной приём в изучении музейного предмета детьми дошкольного и младшего школьного возраста.

Задачи исследования:

1. Изучить эффективность дидактических игр и необходимость их использования на музейно-педагогических занятиях, экскурсиях.

2. Определить серии дидактических игр с учётом пространства Детского музея.

Объект исследования: дидактические игры по ознакомлению с музейным предметом в дошкольном и младшем школьном возрасте.

Предмет исследования: методика руководства дидактическими играми.

Гипотеза исследования: восприятие музейного предмета и музейного пространства будет более эффективным, если использовать систему дидактических игр.

В исследовании участвовали два класса детей младшего школьного возраста (8-ми лет) УО «Полоцкая государственная общеобразовательная средняя школа № 1» и две группы детей дошкольного возраста УО «Полоцкий государственный ясли-сад № 29». Всего в эксперименте участвовало 80 детей.

Для проведения эксперимента мы использовали следующие задания: «Какому самовару больше понравилось с вами играть», «Вспомни и повтори» (задания разработаны совместно с психологом дошкольного учреждения № 29 г. Полоцка Р.С. Попкович).

Эксперимент проводили в два этапа (на базе детского сада).

Дети прослушивали историю изобретения самовара, но сначала с использованием игр, сюрпризных моментов, песен и ролевых сюжетов, а через неделю тем же детям давалась только вербальная информация. Затем каждый участник эксперимента получал карточки с изображением эмоции радости и эмоции грусти. Детям предлагалось задание: «Какому самовару, на твой взгляд, понравилось занятие, а какому самовару было грустно. Положи соответственно карточки каждому самовару».

Результат: самовар, о котором рассказывали с использованием игр, получил 100 % выбор детьми двух экспериментальных групп. «Грустный самовар» дети предложили поставить рядом с первым («весёлым») и пожелали с ним поиграть.

Спустя ещё неделю этим же детям были предложены карточки с индивидуальными заданиями:

1) «Дорисуй, какой детали не хватает»;
2) «Закончи предложение».

Результаты: 75 % детей из двух групп самостоятельно справились с заданиями первого и второго предъявления, но 25 % детей в первом задании не сумели дорисовать некоторые детали (одна из причин – слабые графические навыки), а для выполнения второго задания им потребовалась помощь взрослого или дублирование задания с повторением материала.

Вывод: включение ребёнка в общение с музейным педагогом средствами дидактической игры способствует формированию познавательного интереса, т.к. знания в данной ситуации формируются усилиями своей мысли, а не памятью.

Исследование со школьниками проходило несколько в иной форме.

Для них была разработана игра-драматизация «Как чайнику надоело быть чайником». В целях эксперимента нами преднамеренно были определены дети, которые не принимали участия в игре. Помощник экспериментатора наблюдал за эмоциональным состоянием этих детей и, если ребёнок проявлял желание участвовать в групповом общении, педагог включал его в игру. Такой выбор ребёнка позволил нам констатировать факт, что ему хотелось общаться с музейным педагогом, вы-

ражать свой эмоционально-познавательный опыт.

Выводы:

1. Восприятие музейного предмета и музейного пространства детьми младшего школьного возраста более эффективно при использовании дидактических игр.

2. Включение ребёнка в дидактическую игру снимает эмоциональную напряжённость, помогает ребёнку проявить свои лучшие качества, способности.

Чтобы исследовать, насколько дети овладели информацией, полученной в ходе экскурсии, нам пришлось провести два эксперимента.

Во время первой встречи с детьми (тематическая экскурсия «Звуковоспроизводящие аппараты») учащиеся получили информацию согласно контрольному экскурсу. Затем в классе проводился индивидуальный опрос по карточкам, в которых детям нужно было ответить на вопросы, выявляющие качество запоминания прослушанного материала. На следующий день этим же детям данная тема раскрывалась с использованием дидактической игры, компьютерной игры с заданиями. Спустя неделю дети заполняли те же карточки, с теми же вопросами, которые были предложены ранее.

Результат: в первый раз самостоятельно ответили на вопросы 60 % детей. Особых эмоциональных впечатлений дети не выразили. Во второй раз ответили на вопросы 100 % детей, а задания показались им слишком лёгкими. При этом дети попросили с ними поиграть и дать дополнительные задания.

Выводы:

1. Применение дидактической игры на музейно-педагогических занятиях, экскурсиях позволяет активизировать контакт посетителя с музейным предметом и музейным пространством.

2. Игра-драматизация синтезирует познавательные, игровые, учебные навыки детей и формирует навыки исследования, экспериментирования и общения со взрослым.

3. Работа в экспозиции с использованием дидактических игр является эффективной в обогащении представлений об окружающем предметном мире.

4. Следует продолжить изучение целесообразности использования дидактических игр при проведении экскурсий, музейно-педагогических занятий, в работе с индивидуальными посетителями.

Список литературы

1. Артёмов, Е.Г. Музейно-педагогические технологии / Е.Г. Артёмов. – СПб., 2006. – 96 с.

2. Артемова, Л.В. Окружающий мир в дидактических играх дошкольников / Л.В. Артемова. – М.: Просвещение, 1992. – 96 с.

3. Бесова, М.А. Познавательные игры младших школьников / М.А. Бесова. – Минск: УП ИВУ Минфина, 2005. – 146 с.

4. Ванслова, Е.Г. Введение в мир деревянных пособий / Е.Г. Ванслова // [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.poznaika.by/?articles=14. – дата доступа: 09.02.2011.

5. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1983. – 3 т.

6. Дневник воспитателя: развитие детей дошкольного возраста. / под ред. О.М. Дьяченко, Т.В. Лаврентьевой. – М.: Издательство ГНОМ и Д, 2000. – 302 с.

7. Кон, И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 254 с.

8. Левыкина, К.Г. Музееведение / К.Г. Левыкина. – М.: Высш. школа, 1988. – 243 с.

9. Люблинская, А.А. Учителю о психологии младшего школьника / А.А. Люблинская. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.

10. Никишина, Г.А. Весь мир – игра / Г.А. Никишина. – Мозырь: Белый ветер, 2005. – 220 с.

11. Общая психология: учебник для студентов пед. институтов / под общ. ред. проф. А.В. Петровского. – М.: Просвещение, 1977. – 486 с.

12. Селевко, Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. / Г.К. Селевко. – М.: НИИ школьных технологий, 2006. – 1 т.

13. Смирнова, Т.Р. Развитие эмоциональной сферы ребёнка через восприятие музейного предмета / Т.Р. Смирнова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-практычнай работы ў 1999 г.) / укл. Т. Джумантаева. – Полацк, 2000. – С. 39–45.

14. Смирнова, Т.Р. Психологический аспект в работе с учащимися спецшколы по музейно-педагогическим программам / Т.Р. Смирнова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-практычнай работы ў 2003 г.) / укл. Т. Джумантаева. 2004. – С. 64–66.

15. Смирнова, Т.Р. Особенности восприятия экспозиции Детского музея детьми (дошкольного и младшего школьного возраста и учащимися с психофизическими особенностями развития) / Т.Р. Смирнова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-практычнай работы ў 2004 г.) / укл. Т. Джумантаева. – Полацк, 2005. – С. 55–63.

16. Смирнова, Т.Р. Роль игровых методик в формировании личностных качеств ребёнка / Т.Р. Смирнова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-практычнай работы ў 2006 г.) / укл. Т. Джумантаева. – Полацк, 2007. – С. 48–54.

17. Сорокина А.И. Дидактические игры в детском саду (ст. группы): пособие для воспитателей дет.сада / А.И. Сорокина. – М.: Просвещение, 1982. – 96 с.

18. Столяров, Б.А. Художественный музей в образовательном процессе / Б.А. Столяров, А.Г. Бойко. – СПб., 1989. – 319 с.

19. Столяренко, Л.Д. Основы психологии / Л.Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 448 с.

20. Тихеева, Е.И. // Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: http://www.ru.wikipedia.org. – Дата доступа: 09.02.2011.

21. Фрёбель, Ф. // Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: http://www.ru.wikipedia.org. – Дата доступа: 09.02.2011.

22. Фунтикова, О.А. Будущему педагогу о философских основах дидактики Фридриха Фребеля. / О.А. Фунтикова // [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Pfto/2010…/PD610_62.pdf. – Дата доступа: 09.02.2011.

Салаўёў А.А.

Гіпакаўсты полацкага калегіума (па матэрыялах даследаванняў карпусоў «А», «Б», «В», «Г»).

Слова «гіпакаўсты» ў перакладзе з грэчаскай мовы азначае падагрэў знізу. Гіпакаўсты («цёплыя падлогі») былі добра вядомы ў Рымскай імперыі, дзе іх будавалі ў тэрмах і інсулах (правобраз даходных дамоў) [**1**, с. 24–27]. У Сярэднявеччы гіпакаўсты выкарыстоўвалі пераважна ў феадальных замках. Пачатак Адраджэння і вывучэння антычнай спадчыны прыводзіць да пашырэння іх будаўніцтва ў палацах, замках і храмах. Падобныя ацяпляльныя сістэмы дазвалялі падтрымліваць гігіену ў памяшканні, былі даволі эканамічнымі, не займалі шмат месца і з'яўляліся бяспечнымі ў пажарных адносінах.

У Беларусі гіпакаўсты таксама вядомы. Іх рэшткі знайшлі ў манастыры бенедыктынак у Мінску XVII–XVIII стст. [**16**, с. 55]. Адным з элементаў ацяпляльнай сістэмы Полацкага калегіума таксама з'яўляліся гіпакаўсты. Езуіты, адзін з магутных ордэнаў каталіцкай царквы, паставілі на службу царкве ўсе дасягненні тагачаснай навукі і тэхнікі. Таму пры ўзвядзенні мураваных будынкаў шмат увагі надавалася дасканаласці архітэктурна-інжынерных збудаванняў, сярод якіх былі і ацяпляльныя сістэмы.

Пасля вялікага пажару (каля 1750 г.) архітэктарамі-езуітамі Я. Руофам і Т. Жаброўскім узводзяцца існуючыя зараз карпусы калегіума «А», «Б», «В», «Г». Гэтыя ж архітэктары маглі ўдзельнічаць і ў стварэнні першага гіпакаўста. Ён быў пракладзены ў трапезнай (корпус «Б»). Гэта адзінае памяшканне калегіума, падчас будаўніцтва якога, як паказалі натурныя даследаванні 2008–2011 гг., звычайнага пячнога ацяплення не прадугледжвалася.

Звесткі пра «цёплыя падлогі» сустракаюцца ў Інвентары полацкага калегіума 1807 г. і тычацца галоўнага Е-падобнага ў плане будынка. Яны знаходзіліся «в двойных комнатах», дзе «был кафельный пол, под которым шли ходы отопления». Вельмі каштоўнай крыніцай пры іх вывучэнні з'яўляецца план 1828 г., дзе зафіксаваны ўвесь першы паверх

карпусоў калегіума; на ім бачны абрысы гіпакаўста трапезнай, якая мела «пол деревянный, только в центре кафельный, который закрывал отопительную систему» [**8**, с. 7; 9, с. 5–6].

Разам з тым, рэшткі гіпакаўстаў, якія ў Інвентары 1807 г. не згаданы, прасочваюцца і ў корпусе «В», дзе былі каморы музыкаў і пекараў.

З гіпакаўстамі была цесна звязана канструкцыя падлогі памяшканняў калегіума, для пакрыцця якой выкарыстоўвалі квадратныя і прастакутныя пліткі, радзей цэглу. Асноўная маса знойдзеных плітак на ўсіх карпусах уяўляе сабой тэракотавыя, масіўныя вырабы з касымі баразнамі. Паколькі яны вельмі падобныя на цэглу, то складальнікамі Інвентара 1807 г. падлогі з іх названы «кирпичными» [**11**, с. 57: 12, с. 318–319]. Паліваныя пліткі, знойдзеныя падчас даследавання калегіума, прадстаўлены адзінкавымі знаходкамі, але менавіта яны звязаны з пакрыццём каналаў «цёплых падлогаў». Па таўшчыні яны часам удвая меншыя за тэракотавыя, на адвароце сустракаюцца ямкі для лепшага мацавання да рошчыны. На адным з экзэмпляраў быў нагар на адваротным баку, на астатніх — рэшткі гліны. Гэта гаворыць аб стварэнні пад імі чарнавой асновы з цэглы або тэракотавых плітак. З Інвентара 1807 г. вядома, што падлогі з паліваных плітак называліся «кафельными», і менавіта пад імі размяшчаліся ацяпляльныя каналы. Усе знойдзеныя кавалкі былі пакрыты глухімі эмалямі — сіняй, блакітнай, чорнай, белай. Так, напрыклад, на месцы ўзарванай часткі корпуса «А» і ўсходняга крыла будынка ў завале скляпення былі знойдзены кавалкі трохкутных і шасцікутных(?) вырабаў з сіняй і чорнай эмаллю [**3–7**]. Яны ўсе аднолькавай таўшчыні. Паводле плана 1828 г., тут было вялікае памяшканне з трыма вокнамі і ўваходам у цэнтры. Падобным да яго было памяшканне № 3 корпуса «Г», якое першапачаткова мела маленькае і вялікае вокны. На плане 1828 г. яно злучалася толькі з кухняй, але менавіта ў ім быў знойдзены вялікі ацяпляльны канал. Таму можна меркаваць аб месцазнаходжанні падвоеных пакояў з «цёплымі падлогамі» ў гэтых частках будынка. Пліткі з белай эмаллю знойдзены ў завале кафлі на паддашшы і сярод смецця, скінутага зверху, у трубе трэцяга паверха. Гэта былі добра абпаленыя трохкутнікі — разрэзаныя па дыяганалі квадраты (**мал. 1**) [**11**, с. 61 і 69: мал. 9; 13, с. 83, 93; мал. 6]. Кавалак пліткі з белай эмаллю сустрэты ў корпусе «В» падчас частковай расчысткі рэшткаў каналаў памяшкання № 1 на другім паверсе [**14**, с. 66]. Частка пліткі з сіняй эмаллю выпадкова трапіла ў запаўненне

Мал. 1. Паліваныя пліткі ад пакрыцця першапачатковай «цёплай» падлогі былой трапезнай у корпусе «Б».

нішы акна ў корпусе «А» над памяшканнем № 1 [**11**, с. 61 і 69: мал. 9]. Таксама кавалкі паліваных плітак знойдзены ў карпусах «Ж» і «З»; вывучэнне стратыграфіі месцаў знаходак сведчыць, што яны трапілі туды разам са смеццем з галоўнага будынка.

Печы для «цёплай падлогі» трапезнай, згодна з Інвентаром 1807 г., знаходзіліся ў падвале. Яны зафіксаваны на плане 1828 г. у выглядзе двух прамавугольных збудаванняў, размешчаных каля слупоў у цэнтральнай частцы падвала. Для эканоміі будаўнічага матэрыялу і захавання подаў топак ад вільгаці падмуркі печаў маглі быць у выглядзе цыліндрычных арак. Рэшткі падмуркаў падобнай канструкцыі выяўлены падчас натурных даследаванняў 2006–2008 гг. у корпусе «В». Там яны выкарыстоўваліся як пад папярочныя сцены будынка, так і пры ўзвядзенні адной з печаў на першым паверсе. Зараз падобная канструкцыя падмурка шырока выкарыстоўваецца ў кухонных (рускіх) печах [**2**, с. 63; 15, с. 45]. Зверху печы для «цёплай падлогі» ў былой трапезнай маглі завяршацца канічнымі цаглянымі шатрамі, якія на ўзроўні скляпення падвала пераходзілі ў жаравыя калодзежы. Ад іх пачыналіся ацяпляльныя каналы. Рэшткі шатроў і калодзежаў таксама не выяўлены, бо скляпенні над месцамі печаў былі цалкам разабраны і перакладзены ў

пачатку XX ст. з малафарматнай цэглы на цэментнай рошчыне.

Шурфы (Ш), закладзеныя ў цэнтры і каля сцен залы былой трапезнай, выявілі пад бетонам выразныя рэшткі каналаў, якія завяршаліся дымаходамі ў тоўшчы заходняй і паўднёвай сцен залы. Яны былі зроблены на вапнавай заліўцы. Шырыня каналаў, што знаходзіліся ў цэнтры залы, каля 16 см; іх было шэсць (Ш 2–4) (**мал. 2**). Таксама знойдзены каналы каля сцен трапезнай (**мал. 3**). Назіранні паказалі, што іх было па тры каля падоўжаных сцен (Ш 5–11). Знойдзеныя каналы мелі перагародкі з пастаўленай на рабро цэглы. Падчас іх даследавання выяўлены выразныя прыкметы іх пазнейшых рамонтаў і пераробак. У некаторых месцах сценкі каналаў маюць неахайную цагляную муроўку. У яе складзе быў знойдзены кавалак падлогавай эмалевай пліткі (**мал. 1**).

Каналы са слядамі рамонту адшуканы каля ўсходняй сцяны насупраць акна, пад месцам, дзе пасля 1831 г. была печ. Яны мелі перагародкі з кавалкаў цэглы. У муроўцы сценкі аднаго з каналаў быў знойдзены кавалак белаэмалевай падлогавай пліткі з нагарам. Ён аналагічны знаходцы цэлага вырабу, выяўленага

Мал. 2. Рэшткі каналаў у цэнтральнай частцы былой трапезнай у корпусе «Б».

Мал. 3. Рэшткі ацяпляльных каналаў каля ўсходняй сцяны былой трапезнай у корпусе «Б», ацалеў фрагмент першапачатковай пліткавай падлогі і рамонт перакрыццяў каналаў пячной кафляй.

падчас даследавання паддашша корпуса «А» ў 2004 г. [**13**, с. 83, 93; мал. 6]. Іх аднолькавая таўшчыня, характар ямак на адваротным баку, скошаныя грані, эмаль і глінянае цеста на зломе сведчаць пра тое, што яны належаць да аднаго пліткавага набору. Гэта адзінае месца ў трапезнай, дзе каналы захаваліся на ўсю вышыню, якая вагалася ў межах 17–25 см (Ш 7, 8, 10, 11). Пад кавалкамі абпаленай гліны былі знойдзены абрынутыя перакрыцці, для якіх выкарыстоўвалася хвалістая і плоская дахоўка. Увогуле, ацяпляльныя каналы ўяўлялі сабой дзве галіны, якія пачыналіся ад цэнтра залы, ад жаравых калодзежаў печаў, і потым разыходзіліся ў розныя бакі каля паўночнай сцяны памяшкання. Далей яны праходзілі каля ўсходняй і заходняй сцен залы. Часткова каналы былі перакрыты кафляй другаснага выкарыстання, аздобленай картушамі і медальёнамі са змешчанай рамкай. (**мал. 3**). Для гэтага румпы плітак былі абламаны і пры ўкладцы на сценкі каналаў іх пласціны «глядзелі» ва ўнутр канала, таму мелі моцны нагар (Ш 8).

Выяўлены ў муроўцы канала фрагмент эмаліраванай пліткі, як і знаходка на паддашшы, належалі аднаму першапачатковаму пліткаваму набору. Пра гэта сведчаць іх памеры, адбіткі драўлянай формы на скошаных гранях і ямкі на адвароце. Аналагічныя ім фрагменты, толькі з сіняй эмаллю, знойдзены ў будаўнічым смецці на корпусе «З». Такім чынам, у склад першапачатковага пліткавага набору трапезнай (корпус «Б») уваходзілі вырабы з белай і сіняй эмаллю. Яны былі ў форме трохкутнікаў і паралелепіпедаў (ромбаў), на адваротным баку меліся ямкі для лепшага мацавання рошчыны. Бакавыя грані вырабаў былі крыху скошаныя ва ўнутр. Таўшчыня гэтых плітак каля 3,2 см (**мал. 1**).

Трохвугольныя пліткі былі ў выглядзе палавінак разрэзанага па дыяганалі квадрата. Яны мелі вуглы 90°, 45° і 45°. Бакавыя грані трохкутных вырабаў былі аднолькавай даўжыні па 25,5–26 см кожная, а трэцяя, большая, — каля 36–36,5 см.

Пліткі ў форме паралелепіпедаў мелі вуглы 45° і 135°. Адна з граняў была меншая і адпавядала па даўжыні палове большай грані трохкутных плітак. Яе даўжыня складала 18–18,5 см, а большая была роўнай па даўжыні 25,5–26 см. Рэшткі гліны на гранях плітак сведчаць аб тым, што таўшчыня швоў паміж пліткамі складала каля 5 мм.

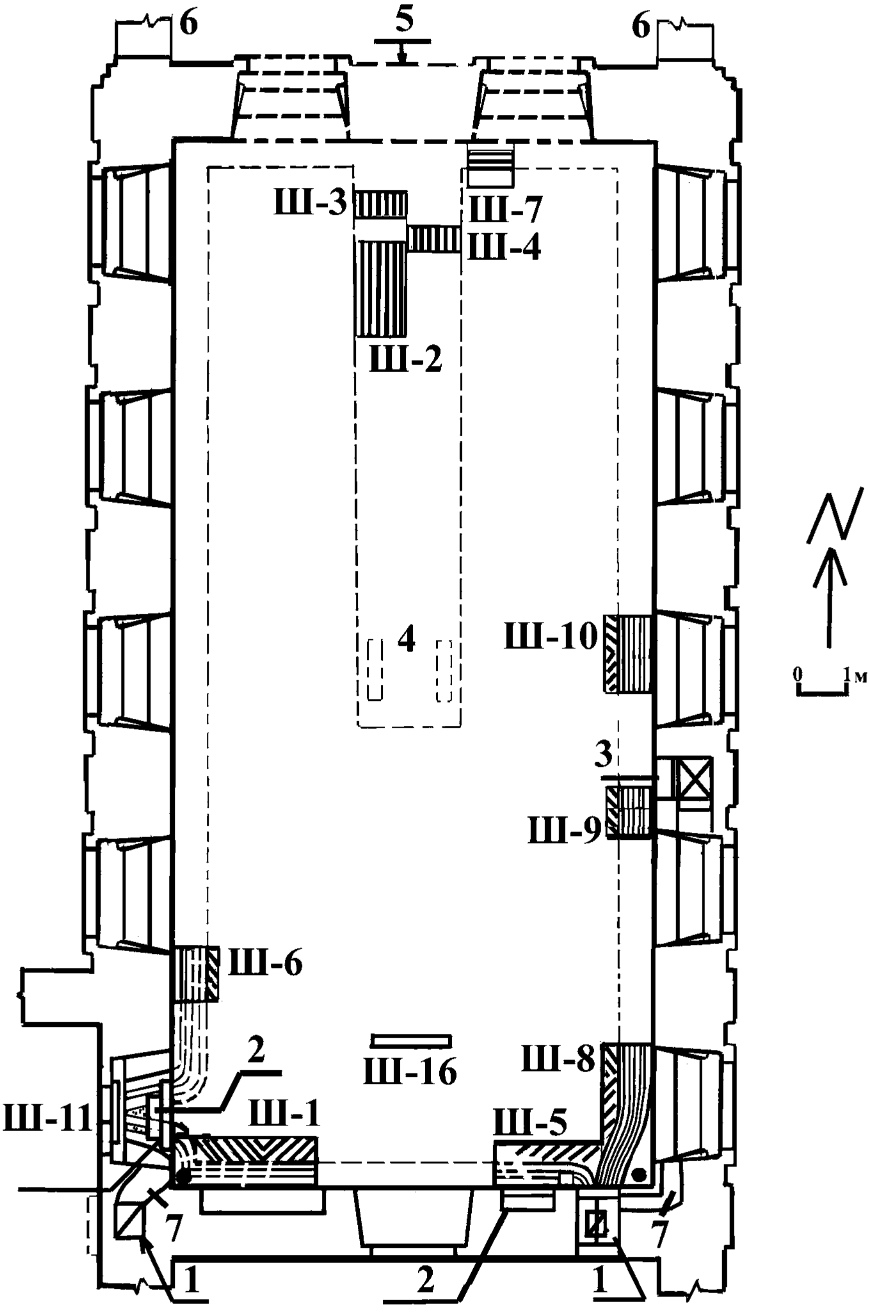
Такія суадносіны памераў вырабаў дазвалялі выкладваць геаметрычны арнамент такім чынам, каб пазбегнуць іх расколвання і падчэсвання. Дзякуючы гэтым суадносінам памераў і формаў плітак стала магчы-

ма аднавіць варыянты выкладзеных з іх арнаментаў, якія былі ўпісаны ў форму квадратаў каля 55x55 і 75x75 см, ці прамавугольніка 37x75 см (**мал. 5**). Агульная шырыня ацяпляльных каналаў у цэнтры трапезнай складала каля 1,9 м, таму пры аздабленні падлогі майстры для пакрыцця калярыфераў выкарыстоўвалі толькі тыя камбінацыі арнаментаў, што былі ўпісаны ў квадраты з бокам 55x55 см. Пліткавае пакрыццё над каналамі ў цэнтры залы мела агульную шырыню каля 2,2 м і нязначна выступала за межы сценак каналаў. Такім чынам, яно надзейна захоўвала драўляную частку падлогі ад пажару. Над каналамі каля сцен арнамент быў упісаны ў прамавугольнікі 37x75 см і квадраты з бокам 75x75 см. Шырыня каналаў уздоўж сцен дасягала 0,75 м, але і там пліткавае пакрыццё крыху навісала над каналамі збоку, дзе прымыкала драўляная падлога. Такім чынам, на аснове знаходак рэштак каналаў і плітак прапануецца варыянт магчымага знешняга аздаблення першапачатковай падлогі залы (**мал. 4**, **5**).

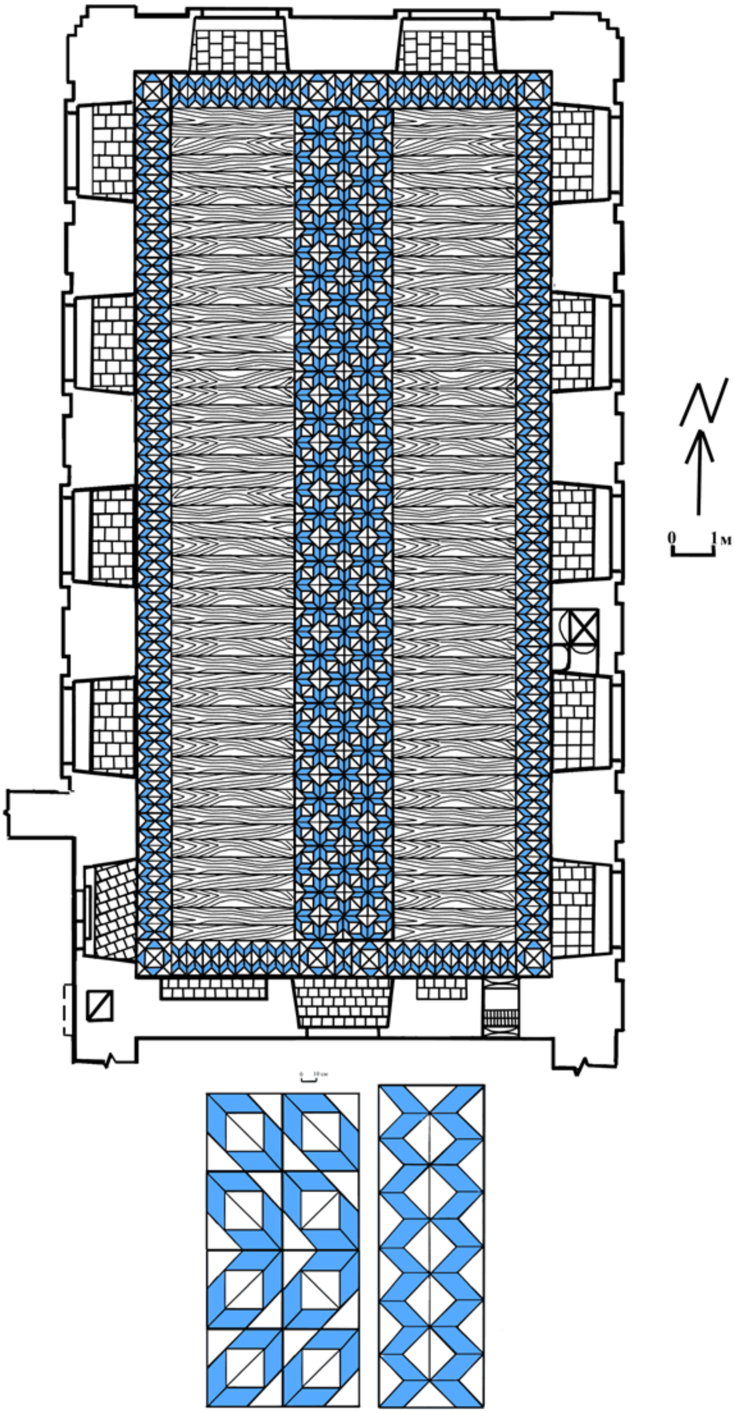
Таксама былі даследаваны месцы злучэння каналаў з вертыкальнымі дымаходамі, якія знаходзіліся з боку сяней і кухні, каля ўваходаў у трапезную. У паўднёвай сцяне корпуса «Б» за гадзіннікам размяшчалася арка, якая вяла ў сені (зараз карцінная галерэя, корпус «А»). Гэтая арка звычайна была закладзена і прызначалася для прачысткі дымахода ў месцы яго злучэння з ацяпляльнымі каналамі. Бліжэй да аркі ўсе тры каналы, якія праходзілі ўздоўж усходняй сцяны залы, звужаліся. Пасля прачысткі арка зноў закладвалася ў палову цэглы. З боку сяней (мастацкая галерэя) арка мела дзве прыступкі з пастаўленай на рабро цэглы.

Яшчэ адзін дымаход быў з боку кухні, якая знаходзілася ў корпусе «А». Каналы «цёплай падлогі», якія праходзілі ўздоўж паўднёвай і заходняй сцен трапезнай (корпус «Б»), зыходзіліся каля нішы з акном для падачы страў і на кухні паварочвалі ўлева. Першапачаткова на месцы гэтай нішы быў вялікі дзвярны праём з лучковай аркай. Ён злучаў абодва памяшканні. Пазней яго замуравалі. Пад гэтай муроўкай захавалася першапачатковае перакрыцце каналаў. Яго ніжні слой складала плоская дахоўка з паўкруглым тарцом, знятая «са сціплага калегіума», і масіўныя тэракотавыя падлогавыя пліткі, пакладзеныя па дыяганалі.

Паміж вертыкальнымі дымаходамі «цёплых падлогаў» трапезнай пад падлогай, уздоўж паўднёвай сцяны памяшкання, былі зроблены дадатковыя каналы, якія звязвалі іх напрамую (Ш 1 і 5). Яны праходзілі каля паўднёвай сцяны залы. Гэтыя каналы, магчыма, дазвалялі рэгуляваць рух гарачага паветра ў тым выпадку, калі адзін з вертыкаль-

Мал 4. «Цёплая» падлога былой трапезнай корпуса «Б». Размяшчэнне шурфаў і рэканструкцыя абрысаў ацяпляльных каналаў:
1 – першапачатковыя вертыкальныя дымаходы; 2 – вентыляцыйная шахта пачатку XX ст.; 3 – замураваны выхад на першапачатковы амбон; 4 – абрысы каналаў «цёплай» падлогі па выніках шурфоўкі; 5 – знесены прасценак першапачатковай паўночнай сцяны; 6 – сцены прыбудовы пачатку XX ст.; 7 – дымаходы печаў XIX – пачатку XX стст.

Мал 5. Варыянт верагоднага першапачатковага выгляду «цёплай» падлогі былой тарпезнай. Верагодныя камбінацыі арнаментаў з паліваных плітак пакрыцця падлогі.

ных дымаходаў патрабаваў тэрміновага рамонту. За кошт засланак з'яўлялаля магчымасць скіроўваць гарачае паветра да аднаго дымахода. Назіранні паказалі, што суадносіны даўжыні паміж каналамі «цёплай падлогі» і вертыкальнымі дымаходамі трапезнай, што месціліся ў сценах паміж карпусамі «А» і «Б», набліжаны да прапорцыі 5:7 (розніца ў 2 м). Гэтыя суадносіны былі блізкія да сучасных прапорцый паміж гарызантальным каналам і вертыкальным дымаходам 3:5 ці 4:5 (на 3–4 м вышыні трубы даўжыню гарызантальнага канала – «борава» – можна давесці да 5 м) [**2**, с. 157–158]. На дымаход вышынёй каля 25 м ад пода топкі (±1,5 м) даўжыню каналаў можна было зрабіць каля 35 м.

Назіранні паказалі, што першапачаткова зала была пабелена крэйдай, а крыху пазней пафарбавана ў сіні колер. Рэшткі першапачатковай фарбы захаваліся на адхонах акон. На аснове гэтага можна меркаваць аб аздабленні інтэр'ера залы ў бела-сініх колерах на працягу доўгага перыяду. Падобную гаму колераў маюць і рэшткі падлогавых плітак. Белыя і сінія вырабы ў выглядзе трохкутнікаў і паралелепіпедаў чаргаваліся ў шахматным парадку (**мал. 5**). На фоне халоднага белага і сіняга колеру плітак выдатна вылучаліся цёплыя карычневыя колеры драўляных сталоў, лавак, шафаў з посудам і той часткі драўлянай і пліткавай тэракотавай падлогі, што не мела ацяпляльных каналаў.

Наступны перыяд актыўнага будаўніцтва пачаўся пасля скасавання ў 1773 г. ордэна па ўсёй Еўропе. Расійская імператрыца Кацярына II забараніла публікацыю папскай булы і ўзяла езуітаў пад сваю абарону. Полацкі калегіум стаў адзіным прытулкам ордэна, таму ў Полацк пацягнуліся ўсе верныя сваім абетам езуіты, сярод якіх былі таленавітыя архітэктары, будаўнікі. Гэта стварыла ўмовы для мадэрнізацыі і перабудовы карпусоў полацкага калегіума, што прывяло да пашырэння будаўніцтва і ўжытку «цёплых падлогаў». Магчыма, у стварэнні апошніх, акрамя Г. Лянкевіча, прымалі ўдзел такія вядомыя архітэктары-езуіты, як Г. Грубер, А. Лазуровіч, Ф. Караў [**10**, с. 9]. Адначасова з будаўніцтвам новых гіпакаўстаў быў адрамантаваны і стары, які знаходзіўся ў трапезнай.

Археалагічныя даследаванні паказалі, што каналы ў трапезнай (корпус «Б») былі рэканструяваны ў апошняй чвэрці XVIII – пачатку XIX стст. У гэты час некаторыя патрушчаныя першапачатковыя пліткі з белай эмаллю былі выкарыстаны ў сценках новых каналаў. Таксама ля каналаў ў аконнай нішы быў знойдзены фрагмент падлогі са звычайных тэракотавых плітак (**мал. 3**). Адзін экзэмпляр меў скрыжаваныя

барозны. Пад імі ў пяску былі знойдзены кавалкі бутляў таго часу. Гэта можа сведчыць аб тым, што ад першапачатковага ўзроўню падлога трапезнай была паднята на 5–7 см.

Падчас аднаўлення падлогі аснова перакрыцця каналаў была складзена са старых кафляў са змешчанай рамкай і медальёнамі. Іх румпы былі наўмысна абламаны.

Сярод запаўнення каналаў былі знойдзены кавалкі незвычайных вырабаў, якія мелі рысы плітак падлогі і гладкіх кафляў (Ш 8). Знойдзеныя фрагменты былі з даволі тоўстымі вонкавымі пласцінамі, пакрытымі белай ці блакітнай эмаллю. Па форме яны нагадвалі трохкутнік, трапецыю ці квадрат. Але знізу да іх былі прымацаваны нізкія і шырокія румпы, якія знаходзіліся каля самага краю пласціны. Такім чынам, яны нагадвалі кафлі XIX ст. На аснове гэтых канструктыўных адметнасцяў можна меркаваць, што гэта своеасаблівыя пліткі падлогі. Яны былі выкарыстаны пры адным з рамонтаў «цёплых падлогаў» трапезнай. Майстар наўмысна зрабіў іх падобнымі да кафлі. Так іх было лягчэй абпальваць, а шырокая нізкая румпа дазваляла шчыльней запаўняць яе глінай пры ўкладцы падлогі.

Супастаўленне даследаваных рэшткаў каналаў, знойдзеных у іх археалагічных матэрыялаў і звестак Інвентара 1807 г. сведчаць аб тым, што рамонт падлогі трапезнай (корпус «Б») адбыўся недзе ў апошняй чвэрці XVIII — пачатку XIX стст. Вольная ад каналаў частка падлогі зноў пакрываецца дрэвам, што і зафіксавана ў Інвентары 1807 г. і на плане 1828 г.

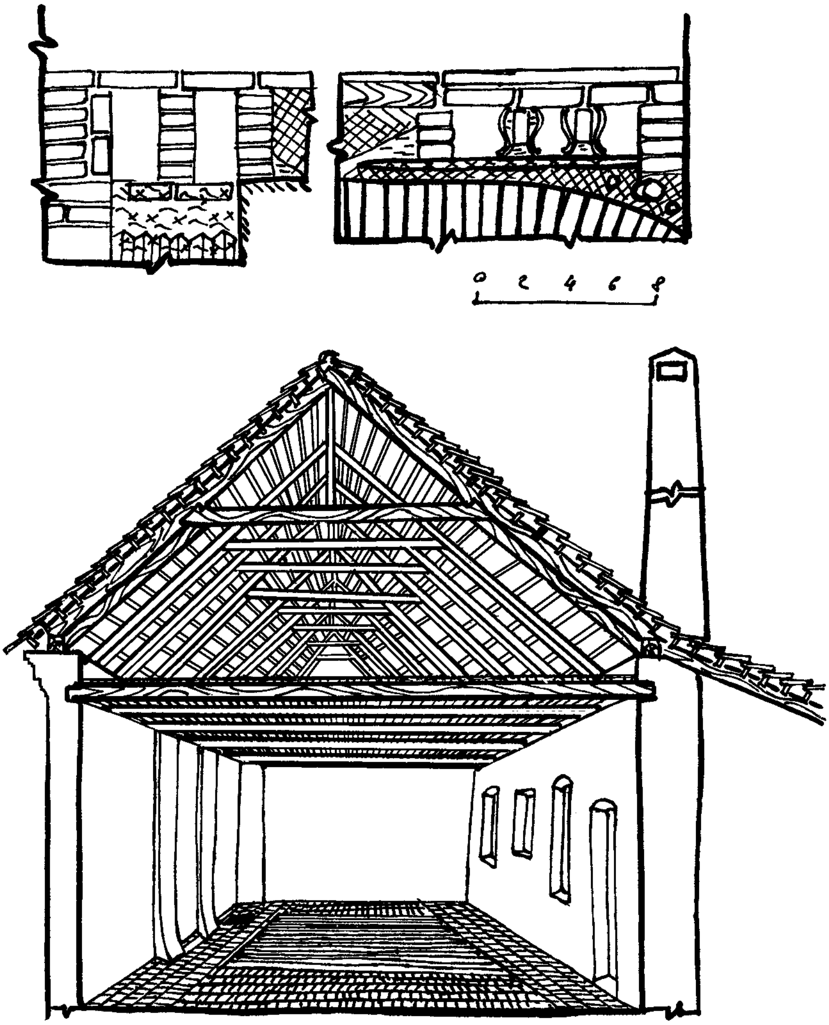
Сярод новых збудаванняў гэтага часу трэба згадаць вялікі ацяпляльны ход, які быў часткова ўскрыты ў памяшканні № 3 корпуса «Г». Даўжыня яго даследаванага адрэзка каля 9 м, канал ішоў уздоўж заходняй сцяны. Сячэнне канала 0,25х0,3 м, сценкі складзены з пальчаткі 30–31х12–13,5х7–8 см, падлога — з вапнавай рошчыны і абломкаў цэглы. Паўднёвы канец яго звужаецца, далей ён разбураны. Даследаванні засыпкі паказалі, што ён завяршаўся каля нішы, у якой зараз прабіты ўваход. У тоўшчы сцяны побач з ім знаходзіўся пячны праём. Падмурак печы не выўлены; магчыма, ён быў знішчаны падчас будаўніцтва каларыфера, таму сувязь паміж імі не высветлена. На плане 1828 г. гэта памяшканне ўвогуле не мае печак [**12**, с. 317–318].

Больш цікавыя матэрыялы дало вывучэнне двухпавярховага корпуса «В» — т. зв. «старога калегіума», збудаванага ў 1750 г. на рэштках будынкаў «сціплага калегіума» XVII ст. Пасля 1773 г. на месцы мансар-

ды корпуса «В» быў утвораны другі паверх. У выніку даследаванняў будынка знойдзены каналы «цёплых падлогаў» некалькіх канструкцый. Іх рэшткі выяўлены на першым паверсе, але большасць каналаў была знойдзена на другім. Яны былі пракладзены па скляпеннях [**15**, с. 44] першага паверха. Гарачае паветра падавалася з размешчаных унізе печак [**14**, с. 66–67; 15, с. 48].

Ад каналаў другога паверха над памяшканнем № 1 захавалася вапнавая заліўка з моцным нагарам. У выглядзе шырокай стужкі яна ішла ўздоўж сцен і ўтварала літару «П», звернутую вусцем на ўсход. Каля сцен быў цагляны выступ 25 см шырынёй. Ад цэнтра скляпення яго аддзяляла цагляная перагародка таўшчынёй 13,5–1,45 см. На заліўцы былі невысокія валікі з абпаленай гліны, з увагнутымі бакамі і плоскім верхам, на якім заўважаны адбіткі кантаў цаглін або падлогавых плітак. Пры іх расчыстцы знойдзена шмат кавалкаў хвалістай дахоўкі з нагарам, частка яе была ўмазана ў дно каналаў. Супастаўленне ўвагнутых бакоў валікаў з радыусам дахоўкі паказала, што яна змяшчалася ў сценках каналаў, каб палепшыць іх трываласць і цягу. Шырыня каналаў (паміж цаглінамі) была 13, 23, 25 і 26 см, што дазваляла перакрыць іх пліткай і цэглай. Кавалак тэракотавай пліткі меў шырыню каля 20 см. Валікі ў месцы паваротаў каналаў былі скошаны пад вуглом 45°, яны часткова былі знішчаны пры будаўніцтве печы ў ХІХ ст. Тры каналы каля паўночнай сцяны будынка мелі шырокі разрыў і невялікі цагляны выступ. Тут мог быць продух у выглядзе люка для выпуску гарачага паветра ў памяшканне пасля заканчэння палення печы. Зверху, магчыма, яны перакрываліся масіўнымі тэракотавымі пліткамі, якія з'яўляліся асновай пад эмалевыя вырабы (**мал. 6**) [**14**, с. 66–67].

Часта перагародкі паміж каналамі былі ў палову цагліны. Падобныя каналы знаходзіся ва ўсходняй частцы корпуса «В» на другім паверсе над памяшканнямі першага паверха № 10–13. Іх сячэнне каля 0,21х0,2–0,23 м. Каналы над памяшканнем № 10, знішчаныя ў 2003 г., магчыма, займалі ўсю прастору пад падлогай. Дымаход для падачы цяпла выходзіў з калідора першага паверха. У скляпенні памяшкання № 13 з першага паверха быў калодзеж 0,5х0,65 м, складзены на гліне з пальчаткі; яго сценкі мелі моцны нагар. З усходняга боку пачыналіся два каналы ўздоўж паўночнай сцяны (**мал. 6**). Да заходняй сценкі таксама прымыкаў канал, які ішоў уздоўж заходняй сцяны(?) памяшкання; яго сячэнне 0,25х0,25 м, узровень падлогі на рад цэглы ніжэй, чым

Мал. 6. Варыянты канструкцыі каналаў «цёплых» падлогаў і рэканструкцыя інтэр’ера залы з «цёплай» падлогай на другім паверсе корпуса «В».

у каналаў ва ўсходняй сценцы, з калодзежам ён звязаны праз акенца 0,25х0,2 м [**14**, с. 66–67].

Рэшткі каналаў у памяшканні № 13 корпуса «В», знойдзеныя на першым паверсе, прасочаны ў нішы ўсходняй сцяны, якая да 1828 г. была перароблена ў лесвіцу. У закладцы шмат падлогавых плітак featurerознага фармату. Дзякуючы гэтаму ацяпляльныя хады ацалелі на ўсю вышыню і захавалі сваё перакрыцце з квадратных плітак. Каналы былі сячэннем 0,25х0,2–0,22 м, іх перагародкі зроблены з пастаўленых на рабро на гліне

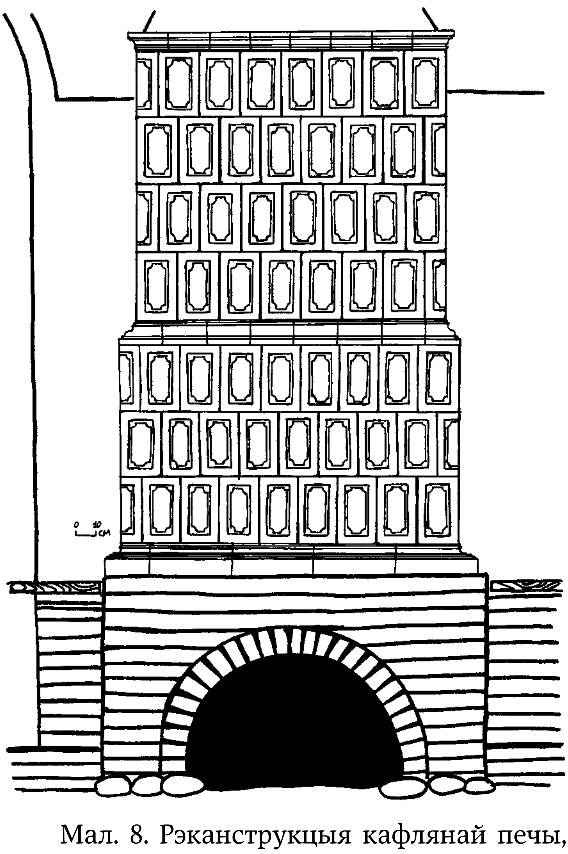
Мал. 7. Замураваныя ў нішы на першым паверсе корпуса «В» каналы «цёплай» падлогі.

падлогавых квадратных плітак ці цаглін. У самім памяшканні ацяпляльныя хады былі знішчаны (**мал. 7**). Ад іх захавалася толькі аснова ў выглядзе заліўкі з вапны і кавалкаў цэглы, якая ішла ўздоўж сцен паласой шырынёй каля 1 м. На раскрытых участках асновы бачны нагар у выглядзе палос. Іх шырыня адпавядала шырыні знесеных каналаў [**15**, с. 66–67].

У корпусе «В» былі сустрэты і рэшткі печаў для гіпакаўстаў. У памяшканні № 1 быў высокі падмурак прастакутнай печы, над ім – замураваны дымаход. Яе канструкцыю даследаваць не ўдалося.

Печ, якая знаходзілася ў памяшканні № 4 корпуса «В», падчас мадэрнізацыі корпуса, распачатай пасля 1773 г., таксама магла быць прыстасавана для абагрэву «цёплай падлогі» другога паверха. Прасочаны падмурак яе паўночнай сцяны, які захаваўся на вышыню аднаго рада цэглы. Ад падмурка яе паўднёвай сцяны ацалелі толькі невялікія камяні. Глыбіня залягання падэшвы падмурка печы – каля 1,2 м ад сучаснай бетоннай падлогі. Ён меў выгляд вялікай аркі, што абапіралася на каменныя падэшвы паўднёвай і паўночнай сценкі збудавання, і выконваў ролю падпечча ў кухонных печах – дазваляў эканоміць будаўнічы матэрыял і захоўваў под топкі ад вільгаці. З падмуркамі слупоў ён звязаны не быў. Печка была размешчана такім чынам, што ацяпляла памяшканне першага паверха ўсімі чатырма сценкамі і ўяўляла сабой сіметрычнае цаглянае збудаванне, якое

завяршалася канічным дахам. Дымаход вёў праз адтуліну скляпення і пад падлогай першага паверха ў тоўшчу сцяны другога паверха, якая была пастаўлена на рабро жорсткасці. Рэшткі падмуркаў печы перакрываў магутны пласт бітай кафлі сярэдзіны XVIII ст. і абпаленай гліны. Сценавая кафля мела памеры каля 34х20,5х8,5 см і глыбокія прафіляваныя нішы, частка вырабаў пакрыта карычневай палівай з жоўтымі плямкамі, кутнія кафліны былі двухчасткавымі. Карнізы былі гладкімі, прафіляванымі, трох відаў, самыя вялікія з іх, верагодна, размяшчаліся ў ніжняй частцы печы, іх памеры 42х21,5х16,0 см. Унутры яны мелі дадатковую цагляную перагародку з боку вусця румпы. Падобныя кафлі было зручна запаўняць глінай, а дзякуючы даўжыні прадухілялася дэфармацыя і ўсадка кафлянай «вопраткі» печы. Таксама знойдзены карнізы 22х13х13,5 і 21,0х10,5х14,5 см [**15**, с. 45–46]. На аснове знойдзеных рэштак падмуркаў і кафляў была праведзена рэканструкцыя яе магчымага знешняга выгляду (**мал. 8**) Падчас стварэння гіпакаўстаў на другім паверсе корпуса «В» будаўнікі перарабілі дымаход над печчу і змянілі накірунак такім чынам, што ён вёў не да трубы, а да каналаў «цёплай падлогі», якія праходзілі па перыметры залы над памяшканнямі № 1–4 першага паверха і злучаліся з вертыкальным дымаходам каля печы.

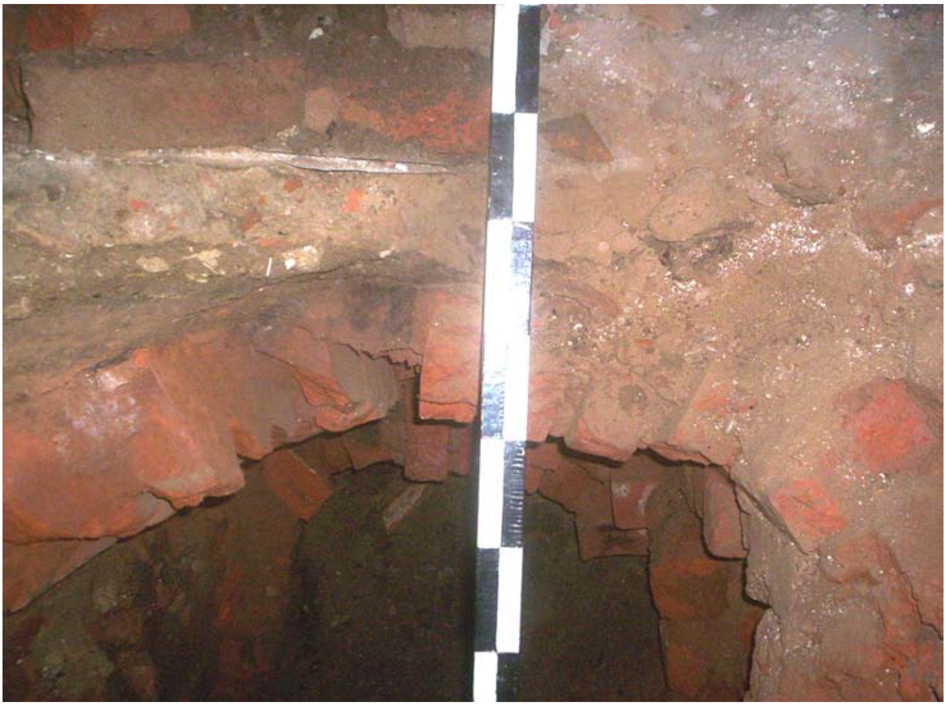
Мал. 8. Рэканструкцыя кафлянай печы, прыстасаванай для падагрэву «цёплай» падлогі на другім паверсе корпуса «В».

Гіпакауст над памяшканнем № 10 першага паверха корпуса «В», магчыма, быў звязаны дымаходам з пячным праёмам у калідоры першага паверха. Гэты праём быў перароблены са старажытнага ўвахода ў падвал былога «сціплага калегіума» апошняй трэці XVII — першай паловы

XVIII стст. шляхам яго частковай закладкі. Падлога праёма была выкладзена з кавалкаў прастакутных падлогавых плітак [**14**, с. 66–67].

Паміж памяшканняў № 11 і 13 некалі знаходзіліся сені (памяшканне № 12) з топкамі печаў сумежных памяшканняў [**15**, с. 48]. Падчас даследавання захаванай сцяны паміж памяшканнямі № 11 і 12 у яе тоўшчы сустрэты фрагменты першапачатковых дымаходаў. Таксама былі знойдзены рэшткі арачнага праёма, закладзенага пальчаткай. Першапачатковая яго шырыня — 0,95 м, але потым, з дапамогай абкладак адхонаў, яна была звужана да 0,65 м. Гэтыя пераробкі выкананы з пальчаткі, швы ўсіх муровак аднолькавыя па таўшчыні, таму, магчыма, яны зроблены хутка пасля ўзвядзення будынка. Знойдзены праём з'яўляўся скразным, таму з боку памяшкання № 11 ён быў закладзены, у ім была пакінута толькі топачная адтуліна 0,45х0,45м з вертыкальнымі сценкамі з пастаўленай на рабро цэглы. Побач з ім з боку гэтага памяшкання была яшчэ адна ніша з рэшткамі счасаных цаглін, шырынёй 0,4 і вышынёй да пяты аркі 1,25 м, у глыб яна звужалася. Пасля расчысткі яе позняй закладкі былі прасочаны рэшткі пятак яе лучковай аркі. Гэтыя праём і ніша мелі самастойныя дымаходы з нахілам да паўночнай сцяны памяшкання. Даследаванні з дапамогай шурфа ў прылеглай да іх паўночна-ўсходняй часткі памяшкання № 11 дазволілі знайсці толькі рэшткі падлогаў ад «сціплага калегіума» XVII ст., рэшткі печак XVIII ст. не знойдзены. Абмеры праёма з боку заходняй сцяны сеняў (памяшканне № 12) паказалі, што па вышыні ён каля 1,0 м да пяты аркі [**15**, с. 48]. Таксама даследавалася муроўка ўсходняй сцяны паміж памяшканнямі № 12 і 13 корпуса «В» для выяўлення рэштак пячнога праёма альбо топкі. Але іх знайсці не ўдалося з-за шматлікіх розначасовых закладак XIX — пачатку XX стст.

Распрацоўка правалу бетоннай падлогі ў памяшканні № 13 дазволіла знайсці ўнікальную па захаванасці двухкамерную печ памерамі ў плане каля 1,4х3,7 м з завалам кафлі другой паловы XVIII ст. Збудаванне выяўлена пад прабітым дзвярным праёмам. Яна была ўзведзена з пальчаткі 29х14–15х6,5–7 см. Раскапаная печ мела дзве камеры. Першая з іх, памерам 0,95х0,95 м, з'яўлялася пячным праёмам, закладзеным з боку памяшкання № 12. Яе сценкі захаваліся на вышыню да 1,2 м, адмостка не выяўлена, на бакавых сценках мелася вертыкальнае шво. Палова муроўкі была на вапнавай рошчыне, астатняя — на гліне і мела таўшчыню каля 14–15 см (у палову цагліны). Сценкі камеры мелі

Мал. 9. Рэшткі ніжняй топкі двухтопачнай печы (скляпенне і топачны праём) для падагрэву «цёплых» падлогаў у корпусе «В».

моцны нагар. У яе запаўненні было шмат кавалкаў зялёнапаліванай кафлі другой паловы XVIII ст. з выявай медальёна складанай формы і прафіляваных карнізаў. Частка іх мела нагар на румпе. У топку, наступную камеру, вёў праём памерамі 0,45х0,6 м; ён меў лучковую арку ў ½ цагліны. Топка ўяўляла сабой камеру шырынёй ад 0,95 да 0,75 м (звужалася ва ўсходнім накірунку) і даўжынёй каля 1,6 м, цэгла сценак і лучковага скляпення моцна патрушчана і мае нагар (**мал. 9**). Под меў значны нахіл да топачнага праёма. Вышыня камеры ад яго паверхні вагалася ад 0,4 да 0,6 м. Усходняя частка топкі была часткова перакрыта падмуркам другой печы з пальчаткі 1,1х1,3 м, гэта печ была пазначана на плане 1828 г. як праёмная. Распрацоўка ўсходняй часткі камеры дазволіла выявіць рэшткі двух каналаў шырынёй 0,3 і 0,25 м, іх падзяляла перагародка ў ½ цагліны (**мал. 10**). Побач з імі знойдзена цэлая кутняя карнізная зялёнапаліваная кафліна. Каналы выходзілі з-пад падмурка ўзведзенай пазней другой печы і далей пачыналася вапнавая заліўка, выкладзеная кавалкамі цэглы. Ад цэнтральнай часткі памяшкання іх адзяляла перагародка ў ½ цагліны (14–15 см), каля сцяны быў выступ каля 0,2 м, там жа знойдзены кавалкі хвалістай дахоўкі з нагарам. Прыгаданы

Мал. 10. Рэшткі ніжняй топкі двухтопачнай печы (з выхадамі каналаў) для падагрэву «цёплых» падлогаў у корпусе «В».

вышэй калодзеж з моцным нагарам у скляпенні гэтага памяшкання знаходзіўся дакладна над цэнтрам топкі. На захад ад яго, каля самай сцяны, была закладка з цэглы-пальчаткі яшчэ адной адтуліны, якая знаходзілася над пячным праёмам. Вакол абодвух адтулін ёсць сляды нагару на скляпенні. Большая пляма нагару вакол калодзежа каля 0,85х1,3 м.

У гэтай жа частцы памяшкання знаходзіцца глыбокая ніша, на месцы якой пазней было прабіта акно, яна памерам у плане 0,3х2,25 м і вышынёй каля 2,25 м. Усе гэтыя знаходкі і характар іх размяшчэння сведчаць аб наяўнасці яшчэ адной печы з асобнай топкай, якая была звязана з каналамі другога паверха корпуса «В». Менавіта да яе аздаблення адносілася вышэйзгаданая кафля другой паловы XVIII ст. з выявай медальёна складанай формы і прафіляваных карнізаў, знойдзеная ў ніжняй топцы і праёме пад бетонам [**15**, с. 48].

На аснове выяўленых знаходак корпуса «В» можна правесці спробы рэканструкцыі будовы гіпакаўстаў. Каналы першага паверха неаднаразова перабудоўваліся, першапачаткова яны былі толькі ў памяшканні № 13, але пэўны час яны праходзілі па перыметры памяшканняў як першага паверха корпуса «В», так і ўзарванага крыла трохпавярховага корпуса калегіума і мелі перагародкі з цэглы, пастаўленай на рабро (**мал. 7**). Іх было па тры з кожнага боку. Пакрыццё было з плітак рознага фармату [**14**, с. 67]. У выпадку, калі ацяпляльныя каналы мелі сумежныя памяшканні, дымаход, верагодна, размяшчаўся ва ўсходнім крыле трохпавярховага новага калегіума, над пячным праёмам каля келлі. Такім чынам, каналы дасягалі даўжыні каля 35 м, а вышыня дымахода дасягала 25 м, іх суадносіны былі ў прапорцыі каля 7:5. Калі каналы размяшчаліся толькі ў памяшканні № 13, іх даўжыня складала каля 25 м,

вышыня дымахода, з улікам значнай стромкасці схілу барокавага даху, была каля 15 м ад пода ніжняй топкі (±1 м). Такім чынам, іх суадносіны набліжаліся да прапорцыі 3:5 (на 3–4 м вышыні трубы даўжыню гарызантальнага канала – «борава» – можна давесці да 5 м). Падлога памяшкання № 13 была на 20 см вышэй за сучасную заліўку.

На другім паверсе каналы праходзілі па перыметры ўздоўж сцен залы і, магчыма, злучаліся з дымаходам і трубой над памяшканнем № 10. Таксама ў залы вёў жаравы калодзеж з металічнай накрыўкай і кратамі, праз яго выпускалі рэшткі цёплага паветра непасрэдна з топкі першага паверха пасля выпальвання (**мал. 6**).

Рэшткі печы для нагрэву гіпакаўстаў, знойдзенай у памяшканні № 13, былі на глыбіні каля 0,4 м ад узроўню падлогі XVIII ст. Зыходзячы з таўшчыні ніжніх сценак, можна меркаваць, што печ мела сценкі ў палову цагліны, пячны праём з'яўляўся адначасова і дымаходам (з-за нязначнай таўшчыні сцяны ён быў дабудаваны і звонку меў выгляд цаглянай пабеленай скрыні), куды выходзілі каналы першага паверха, і са знешняга боку не меў кафлянага аздаблення, бо сценкі яго былі толькі ў ½ цагліны. З кафлянай «вопраткай» была верхняя топка. З улікам вышыні нішы можна меркаваць, што і яна была вышынёй каля 1,8 м, у плане прастакутная, каля 1,8х0,9 м, замест скляпення быў шацёр з калодзежам. Ён зверху мог завяршацца люкам і кратамі. З боку памяшкання № 12 топачны праём нагадваў невысокія дзверы, разлічаныя на два топачныя праёмы. Вышынёй ён каля 1,5 м, шырынёй каля 0,65 м, бо з бакоў арка мела выступы ў палову цагліны, якія не дазвалялі газам з каналаў трапляць у памяшканне. Улічваючы глыбіню ніжняй топкі, можна меркаваць, што частка падлогі ў памяшканні № 12 перад праёмам была заглыблена на 1,2 м ад першапачатковай падлогі памяшкання № 13 і мела выгляд пляцоўкі (прыямка) каля 1,5х3,1 м [**15**, с. 48]. Такім чынам, дасягаліся неабходныя суадносіны даўжыні канала і вышыні трубы ад поду печы. Гэтага патрабавала неабходнасць стварэння моцнай цягі. У печах сучасных цяпліц, якія па канструкцыі падобны на старажытныя гіпакаўсты, суадносіны 3:5 ці 4:5 (на 3–4 м вышыні трубы, даўжыню гарызантальнага канала («борава») можна давесці да 5 м) [**4**, с. 157]. Падчас стварэння гіпакаўстаў полацкага калегіума, каб атрымаць моцную цягу, трубы з дымаходамі ад «цёплых падлогаў» імкнуліся размяшчаць у самых высокіх кропках дахаў карпусоў, як мага бліжэй да яго вільчака.

Сярод знаходак корпуса «З» (былая стайня) выяўленена некалькі падлогавых эмалевых плітак «цёплых падлогаў». Яны трапілі туды з кафляй ад разбураных печак, калі падчас рамонту 1831 г. з галоўнага будынка (пераважна з корпуса Г) сюды скідвалі будаўнічы друз. Гэта блакітна-эмалевыя вырабы ў форме паралелепіпеда. Па таўшчыні частка іх адрознівалася ад вырабаў, якія ўдалося прывязаць да корпуса «Б», але да канкрэтнага памяшкання корпуса «Г» іх прывязаць немагчыма з-за нязначнай даследаванасці апошняга.

Такім чынам, можна зрабіць наступныя высновы. Адразу пасля ўзвядзення карпусоў «А», «Б», «В» «Г» іх падлогі былі пакрыты цэглападобнымі пліткамі для пажарнай бяспекі. Першая «цёплая падлога» была зроблена толькі ў трапезнай (корпус «Б»). Гэта адзінае памяшканне, у якім гіпакаўст быў запраектаваны яшчэ на стадыі будаўніцтва корпуса. Пазней, пасля 1773 г., каларыферы з'явіліся ў некаторых келлях і памяшканнях корпуса «В» пры яго рэканструкцыі і надбудове другога паверха (**мал. 6**). Ацяпляльная сістэма ўяўляла сабой 2–3 каналы, якія ішлі ўздоўж сцяны і па цэнтральнай восі памяшкання. Топкі для іх размяшчаліся як у печах, так і пячных праёмах, часам на значнай глыбіні ад каналаў. Суадносіны вышыні дымахода трубы і даўжыні канала былі 3:5, 4:5, 5:7, тым самым яны набліжаліся да сучасных, характэрных для будаўніцтва печак цяпліц. У парадных памяшканнях падлогі аздабляліся каляровымі эмалевымі пліткамі, пераважна блакітнага, сіняга і белага колеру. Яны маглі ўкладвацца як на масіўныя тэракотавыя вырабы, так і на гліняную падушку.

Спіс літаратуры

1. Густав, Д. Ю. Зодчество Древнего Рима / Д. Ю. Густав // Летопись интелектуального зодчества. — 2004. — № 2. — С. 24–28.

2. Литавар, В.В. Как построить печь, камин, баню / В.В. Литавар, Г.Л. Койданов. — Минск: Ураджай 1999.

3. НПИКМЗ, Книга вспомогательного фонда (далее КВФ)-5 4607

4. НПИКМЗ, КВФ-5 4613

5. НПИКМЗ, КВФ-5 4616

6. НПИКМЗ, КВФ-5 4617

7. НПИКМЗ, КВФ-5 4618

8. Полоцк. Иезуитский коллегиум (Корпус «А») — Памятник архитектуры XVIII в. Комплексные научные изыскания. Историко-архивные и библиографические исследования: эскизный прект / Главное управление по реставрации и консервации памятников истории и культуры при СМ РБ; Белорусский реставрацоинный проектный институт. — Минск, 1994. — Том 2, книга 5.

9. Полоцк. Иезуитский коллегиум (Корпус «Б» и «В») — историко-культурная ценность. Комплексные научные изыскания. Историко-архивные и библиографические исследования / НТГП «Белинформ реставрация», комитет по реставрации и консервации памятников при Министерстве культуры Республики Беларусь. — Минск, 2001.

10. «Социокультурная функциональная, планировочная и архитектурная организация бывшего полоцкого коллегиума иезуитов». Отчёт о НИР / Пол. Гос. ун. — Новополоцк, 1996.

11. Салаўёў, А.А. Вынікі натурных даследаванняў на другім і трэцім паверхах корпуса «А» Полацкага езуіцкага калегіума падчас яго мадэрнізацыі / А.А. Салаўёў // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2006 г.). — Полацк: НПГКМЗ, 2007. — С. 33–62.

12. Салаўёў, А.А. Вынікі натурных даследаванняў на першым паверсе корпусаў «А» і «Г» Полацкага езуіцкага калегіума падчас рамонтна-рэстаўрацыйных работ / А.А. Салаўёў // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы V міжнароднай навуковай канференцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). — Полацк: НПГКМЗ, 2009. — С. 316–336.

13. Салаўёў, А.А. Археалагічнае вывучэнне паддашша корпусаў «А» і «Г» / А.А. Салаўёў // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі

(па выніках навукова-даследчай работы ў 2007 г.). — Полацк: НПГКМЗ, 2008. — С. 79–100.

14. Салаўёў, А.А. Даследаванні другога паверха корпуса «В» (падчас рамонту 2003–2008 гг.) / А.А. Салаўёў // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2008 г.). — Полацк: НПГКМЗ, 2009. — С. 60–81.

15. Салаўёў, А.А. Натурныя даследаванні падвала і першага паверха корпуса «В» былога езуіцкага калегіума ў Полацку / А. А. Салаўёў // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. — 2010. — № 1. — С. 42–51.

16. Трусов, О.А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв.: архитект.-археологический анализ / О. А. Трусов. — Минск.: Наука и техника, 1988. — 160 с., ил.

Сыревич И.В.

Полочане-медики – на фронтах Великой Отечественной войны

Праздник, пропахший порохом. Таким был и остаётся для нас День Победы. Летопись тех дней – это летопись беспримерного подвига. Подвига на фронте и подвига в тылу противника. Однако у той войны были и особые солдаты. Они вытаскивали из-под огня раненых, делали операции при свете свечей, отбирали у смерти тех, в ком теплилась хотя бы искорка жизни. Плечом к плечу с воинами Советской армии прошли дорогами войны и «солдаты в белых халатах».

В архиве Музея боевой славы г. Полоцка хранится альбом с воспоминаниями бойца комендантского взвода Н.А. Опекунова о боевом пути 489-го отдельного медико-санитарного батальона (МСБ) 174-й стрелковой дивизии под командованием А.И. Зыгина. Знаменательно то, что этот батальон, сформированный до войны в городах Шадринск, Чебаркуль и Челябинск, получил своё боевое крещение в районе Полоцка. С 3 по 16 июля 1941 года дивизия занимала оборонительный рубеж по линии Полоцк – Боровуха 1 – Борковичи (**рис. 1**). Шли тяжёлые кровопролитные бои. В этих условиях медсанбат принял первый поток раненых. Располагался он в сосновом лесу под Боровухой. Все подразделения были развёрнуты в палатках. Дивизия потеряла за 13 дней около 50 % личного состава. Вопрос эвакуации раненых не был ещё достаточно отработан: ж/д ст. Полоцк и Громы постоянно подвергались бомбёжке вражеской авиации, а транспорта не хватало. И всё же старались тяжелораненых после оказания помощи отправить в тыл. Альбом был подарен новополочанину Сидоренкову Ивану Кузьмичу, шофёру медицинской летучки, и его жене Анне Петровне, медику этого медсанбата (**рис. 2, 3**).

Медики не только спасали раненых. Когда требовала обстановка, они шли в разведку, на задание, вступали в схватку с врагом. Складная бритва и стальная пила-ножовка – «инструменты», которыми иногда приходилось ампутировать ноги; медицинская сумка, покрытая ржавыми пятнами крови; кусок холста, на котором оперировали. Где солдат, там и медик.

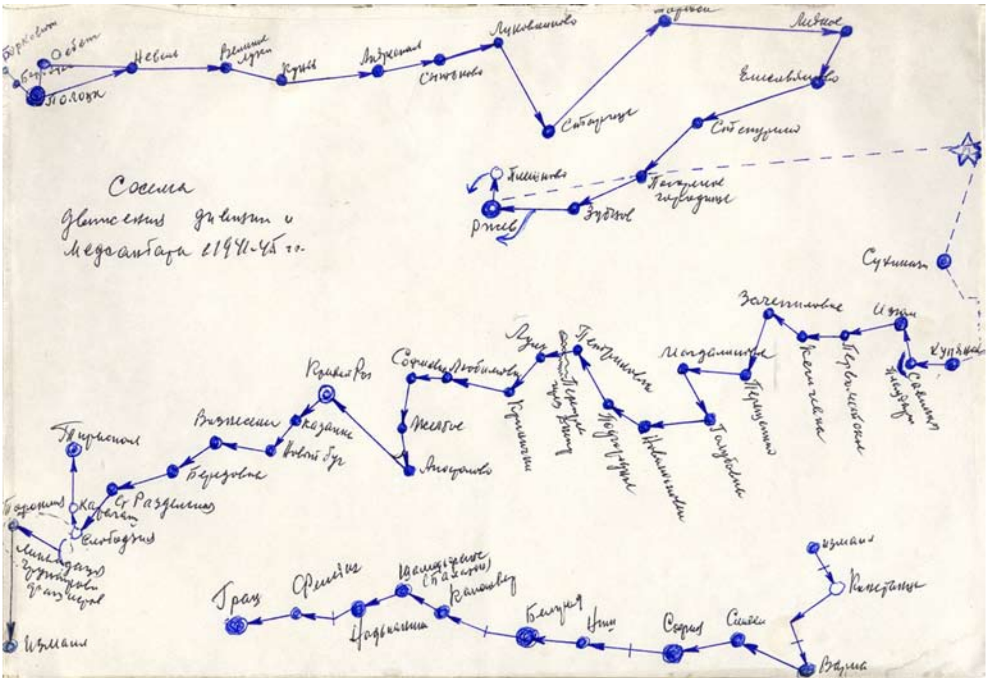

Рис. 1. Боевой путь 489-го отдельного МСБ 174-й стрелковой девизии А.И. Зыгина.

Рис. 2. Сидоренко Иван Кузьмич и Анна Петровна.

Рис. 3. Медики 489-го госпиталя 9 мая 1945 г.

Боевой путь медиков 431-го эвакогоспиталя

28 июня 1927 года из войскового лазарета 5-ой Стрелковой Краснознамённой дивизии им. Чехословацкого пролетариата в Полоцке был создан госпиталь на 100 коек. Он имел 4 отделения: хирургическое, терапевтическое, кожно-венерологическое и изолятор. К началу войны имелось:

100 коек хирургического отделения,

100 коек терапевтических,

20 коек ухо-горло-нос,

15 коек глазных,

25 коек нервных,

40 коек кожно-венерологического отделения.

В годы ВОВ госпиталь прошёл славный боевой путь. Размещался он в здании Кадетского корпуса и был переформирован в 431-й эвакогоспиталь на 800 мест. После Смоленского госпиталя он был вторым по вместимости койкомест. Многим десяткам тысяч советских воинов была оказана квалифицированная помощь. Дислокация 431-го эвакогоспиталя во время войны:

с 22 июня 1941 года по 11 июля 1941 года — г. Полоцк,

с 11 июля 1941года по 26 июля 1941 года в пути в Ур ВО,

с 26 июля 1941 года по 1 октября 1942 года — г. Серов, Свердловской обл.,

Рис. 4. Ветераны Полоцкого военного госпиталя.

с 15 ноября 1942 г. по 15 октября 1943 года город Ново-Завидово (юго-восточнее Калинина),

с 1 декабря 1943 г. по 1 октября 1944 г. — г. Смоленск,

с 1 октября 1944 г. по 1 декабря 1945 г. — г. Полоцк.

В нашем городе госпиталь работал до января 2003 года. 01.02.2003 г. он был расформирован (**рис. 4**).

Коллекцию материалов о военных фармацевтах, судьба которых связана с Полоцком, передала музею Садовникова Тамара Степановна. Это Калинин В.С., Сахнович М.М., Панченко А.А., Шухнов Н.А., Арефьев С.М. и др. медики. Также ею подарена книга «Фармацевты военного времени» и документальный фильм о медиках, снятый витебским ТВ.

Каждый день фронтовой жизни медиков был подвигом. И невольно встаёт вопрос: «А откуда люди брали силы, чтобы неделями не спать, сутками не есть, не отходить от раненых ни днём, ни ночью, несмотря на бомбежки и обстрелы. О чём они думали, о чём мечтали, были ли у них минуты радости на войне?».

Калидова (Берцман) Мария Соломоновна, медик 431-го эвакогоспиталя. Родилась в г. Полоцке 27 декабря 1922 года. Закончила в 1938

Рис. 5. Калидова Мария Соломоновна, медик 431-го эвакогоспиталя.

году двухгодичные курсы медсестёр. В сентябре 1939 года попала в Красную Армию в связи с освободительным походом в Западную Беларусь и Западную Украину. Оказывала помощь раненым. Мария Соломоновна вспоминает: «23 июня 1941 года я пришла добровольно в военкомат. Направили в 431 госпиталь Белорусского Краснознамённого округа в г. Полоцке. Меня встретили начальник госпиталя и комиссар. В палатах лежали довоенные больные. Вместе с солдатами я закупила необходимые медикаменты и бинты. Была одновременно и врачом, и медсестрой. 24 июня уже начали приезжать медики. За первые дни войны приняли около 50 человек эвакуированных раненых. Бойцов кормили, поили, заполняли фронтовые карточки и готовили к дальнейшей эвакуации. Полоцк всё время бомбили с воздуха вражеские самолёты. Было страшно. Больных прятали в подвал. С отступающими советскими войсками эвакуировали и госпиталь». За годы войны Мария Соломоновна воевала на 3-ем Белорусском и 1-ом Прибалтийском фронтах. Принимала раненых в эшелоны медико-санитарного поезда. Было очень тяжело. Не хватало воды, на сутки её выдавали по одному литру на человека. В 1945 году была вновь направлена в г. Полоцк. Ещё шла война. В госпиталь поступали тяжелобольные и раненые. Так сложилась судьба, что Мария Соломоновна встретила и закончила войну в Полоцке (**рис. 5**). 53 года отслужила она в Советской Армии и занесена на Доску Почёта госпиталя.

Калинин Виктор Иванович, провизор. Старший лейтенант медицинской службы, служил начальником снабжения эвакогоспиталя № 431. На пенсии работал сигнарантом аптеки № 77 г. Полоцка. Награды: орден «Красной Звезды», медали: «Георгия Жукова», «За боевые заслуги», «За победу над Германией». Приказом А.Г. Лукашенко от 26.06.2001 года № 1 ему присвоено звание «полковника». Умер в 2005 году в г. Полоцке.

Арефьев Сергей Михайлович, начальник аптеки эвакогоспиталя № 431. С 1916 по 1917 год был учеником, а затем лаборантом аптеки Петрозаводской губернской больницы. В 1931 году – помощником управляющего аптеки № 2 г. Ашхабада Туркменской СССР. С 1931 по 1934 год – заведующий экспедиторским складом в г. Ленинграде. С 1934 по 1937 год – управляющий складом Витебской базы Белветснабсбыт. В 1938 году Сергей Михайлович – начальник аптеки Полоцкого военного госпиталя, затем – начальник аптеки эвакогоспиталя № 431 Калининского фронта.

Сахнович Мария Моисеевна, эвакогоспиталь № 431. Родилась в 1902 году в г. Полоцке. Имела фармацевтическое образование. Согласно архивным данным г. Подольска, с 23 июня 1941 по 23 октября 1942 года состояла на службе в военном госпитале НКО № 431, затем переведена в военный госпиталь № 421. После войны Сахнович М.М. вернулась в родной Полоцк и работала заведующей аптекой областной больницы им. В.И. Ленина. Умерла в 1978 году.

Из воспоминаний ***Анны Борисовны Бережковой*** – медсестры эвакогопиталя № 2392. Анна Борисовна родилась в 1922 году в д. Гусаково Полоцкого района. В 1938-м, окончив семь классов Горянской школы, поступила на курсы медсестёр в г. Полоцке. По окончании учебы, в 1940 году, Анна Борисовна получила распределение в областную больницу г. Пинска (это была 1-ая Советская больница) на должность медсестры хирургического отделения.

Рис. 6. Анна Борисовна Бережкова, медик эвакогоспиталя № 2392.

Началась война. 23 июня Анна Борисовна уже была в военкомате и получила повестку. Её определили медиком в Пинский эвакогоспиталь № 2392 (**рис. 6**). Девушке выдали гимнастёрку, брюки и яловые сапоги. Отсюда молодую медсестру за-

брали в полковой медпункт в Житковичах. Там, в лесу, учили оказывать помощь в полевых условиях. Затем отправили в медпункт артиллерийского полка. Жили в машине. Радостью было помыться и переодеться. Затем в г. Гомеле грузили раненых в эшелон и отправляли на восток.

В Брянской области, на железнодорожной станции Кочетовка, раненые находились в клубе и в школе. Закон у медсестёр был один — что бы ни случилось, ты должна быть с ранеными. Голод, бомбежка. Таковы были будни медсестры Анны Борисовны Бережковой до марта 1942 года. С 13 марта по 5 мая 1942 года она сама лечилась в инфекционном госпитале в Торопце с диагнозом — брюшной тиф. Дальше был город Кимры. 43-я Армия, Калининский фронт. Смоленская область, Ильинский район деревни Сазоненки, Турлаково. Деревня Мартянково Октябрьского района Калининской области запомнилась тем, что дали приказ: «Вот вам амбар, свинарники, и чтобы через 24 часа здесь начал свою работу санитарный отряд 43-й Армии». Надо было вывезти навоз, побелить известью стены, покрасить нары. Работали все: врачи, медсёстры, санитары. Анна Борисовна ухаживала за 28-ю ранеными офицерами, а когда они эвакуировались, она узнала, что одного офицера они выбрали «комендантом», и он назначал часового, чтобы тот стоял у топчана и караулил недолгий сон медсестры. Особенно запомнился один случай. Привезли офицера Павла Федотова, раненого в левую руку. У него началась газовая гангрена. Просил: «Не отрезайте мне руку, доктор, как я в разведку пойду? Доктор, ты же мой земляк, не отрезай руку!» И доктор рискнул, сделал надрез по всей руке и с высокой температурой отправил бойца в амбар. Всей деревней выхаживали Павлика, затем отправили в тыл. Спустя недолгое время в деревне Фофаново Анна Борисовна встретила этого бойца — здорового, весёлого, со словами благодарности — и переписывалась с ним почти всю войну. Анна Бережкова вспоминает: «Мы делали всё возможное, отдавали свою кровь, тепло души, чтобы скорее поставить раненых на ноги, дать им возможность снова вернуться в строй. Порой сердце сжималось от боли и горя — сколько жизней унесла война, сколько мужей, сыновей и отцов не дожили до Дня Победы. Их до сих пор оплакивают родные и близкие. Молодые ребята уходили из жизни, а как им хотелось жить! Мы, медики, видели их последними и слышали их последние слова. День Победы я встретила в Восточной Померании. Помню, какая радость была. Ведь это счастье — жить под мирным небом, не знать ужасов войны. Пусть помнит об этом наша

молодёжь. Надо любить свою Родину и свою землю, крепить дружбу и беречь мир. Это наш наказ. Наказ тех, кто воевал за Победу» [**1**].

В целях лучшего обобщения и быстрого распространения передового опыта медицины в лечении раненых и больных на фронтах в ноябре 1942 года в Ленинграде (Санкт-Петербурге) был создан Военно-медицинский музей. Примеров доблести и мужества военных медиков было немало. Именно в этом музее по сей день находится в экспозиции материал о нашей полочанке, медсестре Зинаиде Туснолобовой-Марченко, которая в годы войны чудом выжила, но осталась инвалидом на всю жизнь [**2**].

Зинаида Михайловна Туснолобова-Марченко родилась 23 ноября 1920 года в г. Полоцке, а её юность прошла на Кузбассе. Зина работала на шахте, была секретарём комсомольской ячейки. Когда началась война, она пошла на курсы медсестёр и после их окончания была назначена санинструктором стрелковой роты. С апреля 1942 г. полк, в котором служила Туснолобова, участвовал в боях на Воронежском фронте. За 8 месяцев медсестра вынесла с поля боя более 120 раненых бойцов и была награждена орденом Красного Знамени и Красной Звезды. В феврале 1943 г. в боях за станцию Горшечная Курской области З. Туснолобова была тяжело ранена. Чудом молоденькая медсестра осталась живой, около суток пролежав на февральском морозе. На второй день её нашли советские разведчики и принесли в полевой госпиталь. Началась упорная борьба за жизнь Зины. Врачи делали всё возможное, но началась гангрена. Чтобы спасти её жизнь, врачи были вынуждены ампутировать руки и ноги. Долгие месяцы провела Зина в разных госпиталях, перенесла много трудных операций. Она обратилась к бойцам и командирам, которые готовились к штурму Полоцка и других белорусских городов со словами: «Солдаты! Я была вашим товарищем, шла с вами в одном строю. Теперь я не могу больше воевать... Мне 23 года, 15 месяцев лежу прикованная к больничной кровати. У меня нет ни рук, ни ног. Это сделали фашистские изверги. Прошу вас, отомстите за меня, за мой родной Полоцк! За нашу замученную землю, за нашу растоптанную молодость!». Шли на врага танки, несли смертельный груз самолёты, на башнях и фюзеляжах было написано: «За Зину Туснолобову!». Её имя стало легендарным и известным на всех фронтах, её воля и мужество удивляли. Слова «За девушку из Полоцка!» стали клятвой защитников нашей Родины 1944 года [**5**]. После войны

З.М. Туснолобова-Марченко жила в своём родном городе, вышла замуж, родила и вырастила двоих детей. Она училась писать и всем отвечала на письма, занималась общественной деятельностью. В 1957 г. Зинаида Михайловна Туснолобова-Марченко была удостоена звания Героя Советского Союза. В 1965 году Международный комитет Красного Креста за самоотверженность, проявленную на поле боя при спасении раненых, наградил её медалью Флоренс Найтингейл (**рис. 7**) [7, с. 170–173]. До сих пор в Музей боевой славы приходят письма с просьбой описать дальнейший жизненный путь этой смелой женщины.

Рис. 7. Медаль имени Флоренс Найтингейл.

Плинокос Надежда Лазаревна и Плинокос Иван Михайлович, 53 МСБ 5 ГВТА. Надежда Лазаревна родилась в 1926 году в Кировоградской области Евградковского района в с. Красноселье. С началом войны ушла в партизанский отряд. Когда пришла Красная Армия, попала на Украинский фронт. Там и встретила свою любовь, Ивана Михайловича. В 1943 году, когда воевали на 3-м Белорусском фронте, поженились и вместе прошли по дорогам войны в составе 53-го МСБ. Муж был фельдшером, а Надежда Лазаревна – медсестрой. Три года мужественная девушка перевязывала раненых, вынося их с поля боя. Вся шинель, санитарная сумка и сапоги были прострелены. В 1944 году с боями освобождали Витебскую область (Верхнедвинский район). Затем бригаду перебросили в Восточную Пруссию, Польшу. В 1951 году мужа отправили в Венгрию. После возвращения работал рентгенлаборантом в в/ч № 29212 (Баравуха 3), затем в Полоцком госпитале № 431. Оба имели

Рис. 8. Плинокос Надежда Лазаревна на фронте.

много орденов и медалей. В семейном архиве сохранилось фото, на котором запечатлён момент награждения Надежды Лазаревны весной 1944 года **(рис. 8)** [**1**].

Судьба связала с фронтом и ***Матуша Василия Трофимовича.*** Этому человеку пришлось пережить три войны. Но Василий Трофимович с честью выполнил долг медика. Сейчас он живёт в нашем городе. Родился в 1918 году на Украине. Учился в медицинском техникуме, затем в зубоврачебной школе в Днепропетровске. 19 ноября призвали в армию в Ленинградский военный округ. В декабре отправили на финскую войну в медсанбат 163-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии. Дивизия размещалась на берегу Ладожского озера. Когда сообщили о начале Великой Отечественной войны, вечером уже были в Риге. Попали под бомбёжку, и дивизия была разбита. Вернулись в Нарву, чтобы пополнить дивизию. Во время блокады медсанбат сначала находился в Капорской губе, затем в самом Ленинграде **(рис. 9)**. После прорыва блокады с боями дошли до Литвы. Когда заканчивалась война, дивизию из Выборга отправили на Дальний Восток. По дороге узнали о том, что наступила Победа. В 1950 году дивизию добровольцами отправили в Китай. Шла война с Северной и Южной Кореей. Спасали раненых. Псевдоним у Василия Трофимовича был «капитан Ван-тин-ка». Там находились три года. До 1980 года нельзя было никому рассказывать о Корейской войне. После войны служил в Мурманской области, затем

Рис. 9. Матуш Василий Трофимович во время операции.

в Москве, Минске. В 1956 году отправили в Полоцкую дивизию. Василий Трофимович награждён двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны, 25-ю медалями **[1]**.

Фронтовыми дорогами пришлось идти и полочанину ***Сущину Моисею Абрамовичу.*** Родился Моисей Абрамович в 1922 году в Полоцке по улице Ленина. В семье было 6 детей. 22 июня троих братьев забрали на фронт. Началась эвакуация из Полоцка. С семьёй дошли до Невеля, Великих Лук. Там всех погрузили в теплушки и повезли на Восток. Приехали в Вятку. Военкоматом был направлен в Свердловск (Екатеринбург). Там учился на военного фельдшера. 15 марта 1942 года Моисея Абрамовича отправили в Забайкало-Амурский военный округ (г. Чита). Там назначили старшим фельдшером автотранспортного батальона 84-й танковой дивизии 17-й Армии. В июне 1942 года отправили на Маньчжурскую границу, где дислоцировалась 8-ая Японская армия. В сентябре 1945 года переведён в 139-й отдельный батальон связи. Было много раненых, которым оказывали помощь и отправляли в медсанбаты. После войны продолжал служить до декабря 1946 года. Затем закончил Минский финансовый техникум и работал в финансовом отделе Полоцкого горисполкома на должности старшего инспектора государственных доходов. В 1983 году ушёл на пенсию. С 1997 года

жил в Израиле и принимал активное участие в Совете ветеранов г. Лод. Постановлением Гнессета награждён израильским знаком «Борец с нацизмом» (55 лет Победы). В 2004 году вернулся в Полоцк [**1**].

Не менее тяжёлая судьба выпала на долю медиков партизанских формирований. Им также приходилось ходить на задания, делать сложные операции в тёмных землянках. Многие из них погибали, спасая жизнь другим.

Партизанская бригада «Неуловимые»

Командир одного из отрядов бригады «Неуловимые» М. Чеверикин, в газете «Химик» от 8 марта 1984 года вспоминает:

«В начале войны на Полотчине жило немало девушек, окончивших Полоцкое медучилище. Они боролись с врагом наравне с мужчинами. Все они, не колеблясь, вступили в партизанские отряды, где так нужны были их умелые, чуткие руки. Война перечеркнула их девичьи планы. Врачи и медсёстры проводили большую санитарно-эпидемиологическую работу, собирали по деревням необходимый материал и делали из него бинты, салфетки, жгуты. При бригаде «Неуловимые» врачами были Молодцов Сергей Максимович, Кудинов Василий Васильевич, Акимов Гервасий Гаврилович, Савкова Анна Алексеевна, Белаш Дмитрий Петрович, Ермаков Александр Степанович, Шевченко Клавдия Прокофьевна, Кулакова Наталья Фёдоровна.

Список медсестёр бригады «Неуловимые»:

1. Чеверикина (Шевченко) Екатерина Антоновна.
2. Карасёва Евдокия Егоровна – отряд Меркуля.
3. Кедик (Лемехова) Надежда Матвеевна – отряд Кедик.
4. Тищенко (Буевич) Нина Афанасьевна – отряд Тищенко.
5. Морозова (Стержанова) Татьяна Ивановна– отряд Никитина.
6. Яковлева (Семчёнок) Елена Фоминична – отряд Мышко.
7. Ильюшенко (Посняченко) Евдокия Павловна.
8. Павлюченко Александра Никандровна – была при бригаде.
9. Пугачёва (Касьян) Наталья Кузьминична.
10. Павловская Мария Андреевна – отряд Щербина.
11. Колтунова Нина Николаевна – отряд Комлева.
12. Лобач (Хлудкова) Надежда Даниловна – отряд Меркуля.
13. Лебедева (Жукова) Любовь Фёдоровна – отряд Александрова.

14. Тюрина Антонина Николаевна — отряд Широкова.
15. Шинкорова (Ларкова) Мария Яковлевна — отряд Шинкорова.
16. Каркач Александра Васильевна — отряд Лубяникова [**11**].

Семчёнок (Яковлева) Елена Фоминична. В «Медицинской газете» от 8 мая 1981 года есть статья под названием «Медсестра из легенды». В ней рассказывается о нашей землячке из Слободы, медсестре Елене Семчёнок. Перед войной она закончила Полоцкое медучилище. В ноябре 1942 года стала бойцом отряда Мышко бригады «Неуловимые». Она была верным помощником врача Анны Алексеевны Савковой. Но главное испытание Лены было впереди [**4**].

Из воспоминаний командира партизанской бригады М.С. Прудникова в книге «Разведчики «Неуловимых»:

«Подпольный госпиталь отряда Мышко размещался недалеко от хутора Смоловка Полоцкого района. Зимой 1943 года командование узнало, что немцы собираются проводить карательную экспедицию. Поступил приказ на отступление. А в отряде — тяжелораненые. И командир принимает решение — шестерых раненых оставить в землянке. Лена согласилась остаться вместе с ними. 42 дня находилась она под землёй с больными. А наверху были фашистские каратели» [**8**].

Из воспоминаний самой Елены Семчёнок: «Я прекрасно понимала, что кроме меня остаться некому. Когда уходили наши, выступили слёзы. Тогда, по молодости, я не оценивала всей опасности. Собрала в землянку всё, что было под руками, — хлеб, мясо, несколько кг свиного сала, бидон с водой. Был и «медицинский инвентарь»: нож, бритва, бинты, флакон с йодом. После ухода партизан повалил такой снег, что землянка снаружи вскоре превратилась в неприметный бугорок. И потянулись дни и ночи. Сначала пробовала подсчитывать, но потом поняла, что бесполезно. Слышала, как проходили возле землянки немцы с собаками. Делала перевязки, давала лекарства раненым, поила и кормила их. И так 42 дня. Силы и продукты были на исходе. Решили выползти наверх. Вдвоём с раненым бойцом открыли дверь. От чистого воздуха и света зашатало, подступила тошнота. Поползли к бывшей стоянке. Вот тут-то и повстречали нас партизанские разведчики» [**10**].

Все шестеро бойцов, которых выхаживала Лена, остались живы. За этот подвиг девушка была награждена орденом Отечественной войны I степени. После войны Елена Семчёнок ещё 15 лет передавала свой опыт молодому поколению. К сожалению, героини уже нет в живых.

Чеверикина Екатерина Антоновна, медсестра отряда «Неуловимые». Екатерина Антоновна родилась в 1922 году в д. Дмитровщина Полоцкого района. Закончив школу, в 1938 году поступила в Полоцкую двухгодичную школу медсестёр. Работала в больнице г.п. Красное Радошковичского района. Накануне войны приехала к матери и оказалась на оккупированной территории. Вместе с молодёжью собирала оружие, оказывала помощь красноармейцам, бежавшим из плена. В июне 1942 года вступила добровольно в бригаду «Неуловимые». Ездила с партизанами по деревням Заенки, Лукавцы и собирала простыни и рубахи для раненых солдат. В отряде шили бинты, салфетки, сортировали медикаменты. Смирнова Вера Наумовна и Мурашко Надежда Никитична доставали через военнопленных врачей Молодцова С.М. и Белаша Д.П. хирургические принадлежности. С санитарной сумкой не расставались никогда. Лечить партизан приходилось в лесных чащах, на болотах, во время коротких стоянок.

В зимних боях с карателями в 1943 году было много раненых. Их старались отправлять с партизанского аэродрома в Селявщине за линию фронта. Но это не всегда удавалось. Отряд оказывал помощь и местному населению. Больных сыпным тифом и чесоткой смазывали раствором тола на молоке. Цингу лечили молодой хвоей сосны, которую заливали кипятком и настаивали. Получался ароматный раствор цвета лимона. Принимали внутрь по 100 граммов 3–4 раза в день. Как потогонное средство принимали раствор липового цвета и малинника. Неоднократно Екатерина Антоновна ходила в разведку. В Полоцке связывалась с евреями, находившимися за колючей проволокой, на воротах Красной больницы проверяла списки пленных, находившихся в лазарете [**6**]. Ещё до окончания войны девушка вышла замуж за командира отряда Михаила Чеверикина. После войны Екатерина Антоновна работала в Полоцкой городской больнице и в военном госпитале № 29218. Награждена многими правительственными наградами.

Спецотряд «Боевой»

В марте 1942 года в наш тыл пришёл отряд особого назначения «Боевой», который дислоцировался на территории нескольких районов, в т.ч. и Полоцкого. Пополнялся за счёт местного населения. Ушла в отряд и полочанка ***Нина Михайловна Прокопьева.***

О том, что началась война, 18-летняя красавица Нина из д. Ульяновка Полоцкого района узнала наутро после выпускного бала. Из воспоминаний Нины Прокопьевны: «Через нашего секретаря сельсовета Ивана Тишаловича я с лета 1941 года поддерживала связь с партизанским отрядом «Боевой». Так я стала регулярно ходить на задания в Боровуху, Дриссу, Полоцк. Перед блокадой партизанской зоны оставаться дома стало опасно и я ушла к партизанам. В отряде прошла курсы подготовки медсестёр и помогала врачам ухаживать за ранеными. Ходила на боевые задания: минировали шоссе, подрывали ж/д рельсы. Девчонкам, а их было в «Боевом» шестеро, делить с мужчинами суровый быт было нелегко. Случалось, что и волосы примерзали к подушке, и по болотам ранней весной и поздней осенью приходилось ходить». Постепенно девушка заметила, что начальник разведки, Александр Прокопьев, к ней неравнодушен. В июне 1944 года, когда соединились с частями Красной Армии, предложил стать его женой [3]. Любовь, зародившаяся в партизанском отряде, оказалась настоящей. 50 счастливых лет они прожили вместе. Сейчас Нина Михайловна живёт в Могилёве.

Рис. 10. Бобчёнок Евгения Ивановна.

Партизанскими тропами вместе с Ниной Михайловной прошла и ***Бобчёнок Евгения Ивановна*** – медсестра партизанского отряда «Боевой» **(рис. 10)**. Евгения Ивановна родилась 18.08.1923 года в д. Переки Верхнедвинского района. После окончания Витебской фельдшерско-акушерской школы в 1941 году, девушка вернулась домой, к родителям. Началась война. Фашисты издевались и убивали ни в чём не повинных людей. Когда образовалось Соколищенская подпольная организация, руководимая комсомольцем Павлом Куксёнком, Евгения Ивановна стала подпольщицей. Партизанским отрядам были очень нужны медики, и Женя, не раздумывая, ушла в спецотряд КГБ «Боевой». Она ходила на задания, лечила и перевязывала раны. «Дорогая

сестричка» — так ласково называли её бойцы. Летом и зимой домом для Жени и партизан стал лес. Построили землянки в два наката. Печку топили только днём. Медицинские инструменты стерилизовали в растворе из еловых шишек. Перевязочного материала было мало. Для человека в тяжёлом состоянии надо было находить добрые слова, потому что доброта — самое хорошее лекарство.

В отряде «Боевой» медицинскую службу возглавлял доцент, фармаколог, Константин Станиславович Шадурский. Евгения Ивановна вспоминает то далёкое время, когда в отряде появилась чесотка. Серную мазь готовили сами на животном жире, ведь вазелина не было. Топили баню, а потом, собрав «чесоточников», мазали струпья. Так победили и чесотку. Отряд «Боевой» насчитывал уже 800 человек. Прибавилось работы и медсёстрам. Часто бывала на волосок от смерти, и некогда было думать о жизни [**3**, с. 180–183]. Как малый ребенок, радовалась она встрече с частями Советской Армии. Женя, не раздумывая, сразу же вернулась в свой любимый город Полоцк и поступила работать по своей специальности в городскую больницу. 38 лет проработала старшей медсестрой и акушеркой родильного отделения больницы имени Ленина в г. Полоцке. Тысячи младенцев прошли через её заботливые руки. Любили её и здесь за работоспособность и умение. Об этом красноречиво говорят десятки поощрительных грамот, которыми она награждена. Её авторитет среди медицинского персонала был огромен. Ей первой присвоено звание «Отличник медицинской службы». Награждена правительственными наградами.

Бригада имени Чапаева

Создана в июне 1942 года на территории Ушачского района. Диверсии проводили и в Полоцком районе. Одна из них — операция «Звёздочка» — по спасению детей Полоцкого детского дома. Бригадный госпиталь размещался в д. Рыбаки Ветринского района, позже в д. Передовые. Он был рассчитан на 30 коек. Санитарную службу возглавляла ***Анастасия Львовна Вейнберг.*** Она вместе с доктором ***Наумом Семёновичем Леках*** осматривала спасённых детей из детдома. Малыши смотрели на них, как на сказочных Айболитов. Дети болели тифом, были истощены и нуждались в длительном лечении [**9**].

Историческая справка: Анастасия Львовна Вейнберг, род. в 1898 г. в Витебске. Заслуженный врач БССР (1964 г). Окончила гимназию, фельдшерско-акушерский техникум и медицинский институт в Витебске.

С 1941 года работала в Зарочанском врачебном участке. Во время ВОВ была начальником санитарной службы бригады им. Чапаева. С 1944 по 1967 год работала в Ушачской райбольнице. Умерла в 1971 году.

Историческая справка: Леках Наум Семёнович, род. в 1912 г. Майор. На фронте с 1943 г. Партизанский доктор. Награждён орденом Отечественной войны 2-ой степени. Жил в г. Полоцке. Уехал в Израиль.

Глинскис (Кирей) Вера Васильевна родилась в 1923 году в Рассонском районе. Закончила Полоцкую школу медсестёр. Получила звание лейтенант медицинской службы. 22 июня была в Полоцке, военком оставил при Красном кресте. Когда началась оккупация, ушла в Рассонский район. Молодёжь организовала подпольные группы, которые постепенно переросли в бригаду им. Рокоссовского. Попала в отряд Сергея. С июня 1942 года участвовала в разведке и боевых операциях, в том числе и в Полоцке. Перевязывала и лечила раненых партизан. В сентябре 1943 года по случаю ранения эвакуировали в советский тыл. В августе 1944 года из госпиталя вернулась в Полоцк, работала на ж/д вокзале в комнате матери и ребёнка.

Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян писал: «То, что сделано советской военной медициной в годы минувшей войны, по всей справедливости можно назвать подвигом **(рис. 11)**. Для

Рис. 11. Памятник медикам-героям в Москве.

нас, ветеранов ВОВ, образ военного медика останется олицетворением высокого гуманизма, мужества и самоотверженности». Военные медики возвратили в строй 72,3 % раненых. Это более 10 294 368 человек. Вернулись в свои части и продолжали сражаться с врагом 90,6 % или более 6,5 миллионов солдат и офицеров, попавших в госпиталя. Такие высокие показатели работы военной медицины не имела ни одна армия других стран. Ещё А.П. Чехов писал: «Профессия врача — подвиг. Она требует самоотвержения, чистоты души, чистоты помыслов». Медики с честью и достоинством выполнили предназначение врача [**2**].

Список литературы

1. Архив Музея боевой славы. Личные воспоминания медиков войны.

2. Елкина, С. Память / С. Елкина // Медицинская газета. — 1980. — 9 мая.

3. Капустёнок, Г.В. Человек из легенды / Г.В. Капустёнок. — Липецк: Госкомпечать РФ, 1998. — С. 180–181.

4. Колпаков, Л. Медсестра из легенды / Л. Колпаков // Медицинская газета. — 1981. — 8 мая.

5. Липский, В.С. Крутые вёрсты / В. Липский. — Москва: Политиздат, 1981.

6. Лобанок, В.Е. Партизаны принимают бой / — В.Е. Лобанок. — Минск: Беларусь, 1976.

7. Павленко, А.Я. Пока живу — помню / А.Я. Павленко. — М: ООО «Алмаз», 2006.

8. Прудников, М.С. Разведчики «Неуловимых» / М.С. Прудников. — М.: Советская Россия, — 1972. — 288 с.

9. Тябут, Д.В. Сквозь огонь / Д.В. Тябут. — Минск: Беларусь, 1979.

10. Чеверикин, М. На волосок от смерти / М. Чеверикин // Советская Белоруссия. — 2004. — 11 мая.

11. Чеверикин, М. По жизни с вами рядом / М. Чеверикин // Химик. — 1984. — 8 марта.

МАТЭРЫЯЛЫ
НАВУКОВА-КРАЯЗНАЎЧАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ
да 85-годдзя Краязнаўчага музея ў г. Полацку

Падсумаванне

8–9 снежня 2011 г. у г. Полацку прайшла навукова-краязнаўчая канферэнцыя, прысвечаная 85-годдзю Полацкага краязнаўчага музея. Гэта была ўжо трэцяя па ліку канферэнцыя за апошнія 15 год. У яе рабоце прынялі ўдзел вядомыя краязнаўцы Полаччыны і Віцебшчыны, навуковыя супрацоўнікі інстытутаў, універсітэтаў і музеяў Беларусі, настаўнікі школ, спецыялісты архіваў і бібліятэк. У параўнанні з мінулай канферэнцыяй колькасць удзельнікаў значна павялічылася.

Тэматыка выступленняў ахоплівала разнастайны спектр пытанняў гісторыі і культуры Полаччыны ад часоў Полацкага княства і па сённяшні дзень. У дакладах былі прадстаўлены вынікі краязнаўчых пошукаў і дасягненняў за апошнія гады. На канферэнцыі абмяркоўваліся пытанні супрацоўніцтва Краязнаўчага музея з навучальнымі ўстановамі горада і раёна, адзначаліся поспехі ў сумесных праектах — краязнаўчых чытаннях, конкурсе экскурсаводаў, музейна-педагагічных занятках для вучняў пачатковай і сярэдняй школ, выказваліся прапановы па далейшым развіцці і ўдасканаленні ўзаемадзеяння ўстаноў культуры і адукацыі. Дакладчыкамі ўздымаліся праблемы стварэння інфармацыйнага рэсурсу, дзе вучні школ і навучэнцы сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў могуць знайсці дакладную інфармацыю краязнаўчай тэматыкі.

Цікавасць да канферэнцыі з боку навукоўцаў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі з'яўляецца доказам папулярнасці канферэнцыі ў навуковым асяроддзі. Удзельнікі адзначылі неабходнасць і важнасць правядзення канферэнцыі, яе ўклад у развіццё краязнаўчай думкі ў рэгіёне, значнае павелічэнне інтарэсу прафесійных гісторыкаў і краязнаўцаў-аматараў да гісторыі Полаччыны.

Па выніках канферэнцыі плануецца выданне яе матэрыялаў.

Бараненка В.В.

Полацкая абнаўленчая кафедра ў 1926–1933 гг.

Гісторыя Рускай Праваслаўнай Царквы ў XX стагоддзі ўяўляе сабою апісанне трагічных падзей ганенняў і пакут Царквы. Следствам чаго было ўзнікненне шматлікіх расколаў і настрояў, якія з'явіліся вынікам дзейнасці савецкай улады па разбурэнні Царквы. Адным з самых значных і цяжкіх па сваіх наступствах для царкоўнага жыцця першай паловы XX стагоддзя быў абнаўленчы раскол, які атрымаў свой пачатак у 1922 годзе і праіснаваў да сярэдзіны XX стагоддзя. Адначасова з кананічнымі царкоўнымі структурамі былі заснаваны абнаўленчыя епархіі, якія ў хуткім часе ўвайшлі ў Беларускую аўтаномную мітраполію. Не выключэннем стала і Полацка-Віцебская епархія.

Як казалася раней, рух, атрымаўшы свой пачатак з 1922 г. на тэрыторыі Віцебскай абнаўленчай епархіі, да сярэдзіны 1920-х гг. стаў змяншацца. Прычынай гэтага было шмат фактараў:

1) немалаважную ролю ў паслабленні абнаўленчага руху адыгралі веруючыя; яны адмоўна аднесліся да ўсіх рэформаў абнаўленцаў, што выклікала цяжкае матэрыяльнае становішча абнаўленчых святароў і знікненне абнаўленчага руху ў цэлым;

2) ціханаўцы, карыстаючыся сувязямі і асабістымі кантактамі, вялі працу па прыцягненні sапернікаў на свой бок; акрамя рассылкі лістоў, у якіх распаўсюджваліся чуткі аб масавым пераходзе з абнаўленчаства, ціханаўцы таксама рабілі спробы па выкрыванні абнаўленцаў, называючы апошніх «без благодарными» і «неканоническими»;

3) абнаўленцы на чале з епіскапам Гаўрыілам Свідэрскім былі безыніцыятыўныя, карыслівыя, імкнуліся толькі атрымаць плату за выкарыстанне рэлігійных абрадаў і адлічэнні са сродкаў епархіяльнага ўпраўлення;

4) прычына спаду абнаўленчага руху, як лічыў Беларускі абнаўленчы сабор, была ў раз'яднанасці царкоўных абшчын.

У выніку было прынята рашэнне аб скліканні з’езда духавенства і веруючых Полацкай акругі і Себежскага павета ў горадзе Полацку 21 снежня 1926 г.

На з’ездзе, які адбыўся, было вырашана для Полацкай грамадзянскай акругі і Себежскага павета адкрыць праваслаўную епархію, зыходзячы з той акалічнасці, што ў Полацку і ў яго ваколіцах існуюць у значнай колькасці прадстаўнікі розных веравызнанняў, сект і толкаў, таму ў горадзе Полацку патрэбен вучоны Архіпастар, які можа ўсялякаму дапытліваму даць адказ пра сваё спадзяванне. Таксама было створана часовае епархіяльнае ўпраўленне, у склад якога абралі старшынёй протаіерэя а. Васіля Капацкага, таварыша старшыні а. Сергія Лазур’еўскага і кандыдатамі да іх святароў а. Рыгора Пакроўскага і а. Феадора Савіцкага ад духавенства акруг. Членамі епархіяльнага ўпраўлення ад веруючых – Ніканора Сцяпанавіча Гарніцкага і Васіля Паўлавіча Лявіцкага, кандыдатамі да іх – Макара Аляксеевіча Каралькова і Еўфрасінню Давыдаўну Вандаловіч [**3**, с. 4].

Усе вышэйназванныя асобы былі абраны аднагалосна, акрамя В.П. Лявіцкага, абранага пры адным голасе супраць і адсутнасці ўстрымаўшыхся [**3**, с. 4 адв.]. Міран з правінцыі было толькі 8 чалавек, 5 святароў, 2 благачынныя ад 10 акруг і 2 дыяканы [**8**, с. 174].

Упраўленне новай епархіяй часова было пакінута за віцебскім абнаўленчым архірэем Аляксандрам Шчарбаковым. Актывізаваўся абнаўленчы рух: пачаліся захопы праваслаўных храмаў. Так, акрамя Мікалаеўскага і Сафійскага сабораў, абнаўленцы завалодалі саборнай царквой Спаскага манастыра і царквой мястэчка Струні, якая размяшчалася непадалёк ад горада [**8**, с. 174].

Аднак сітуацыя ў цэлым па епархіі складвалася неадназначна. У другім кафедральным горадзе Полацкай епархіі, Себежы, падзеі адбываліся інакш. Уся Себежская акруга падтрымала дэкларацыю мітрапаліта Сергія (Старагародскага) і належала да юрысдыкцыі патрыяршай Царквы. Сітуацыя, якая склалася, не дазволіла абнаўленцам замацавацца ў акрузе [**8**, с. 174].

Даючы характарыстыку становішчу, якое склалася пасля абвяшчэння новай епархіі, упаўнаважаны ад абнаўленцаў зазначаў, што з себежскага павета толькі чатыры прыходы прызналі абнаўленчаства, астатнія – ціханаўскія [**3**, с. 29 адв.].

У жніўні 1927 года на полацкую абнаўленчую кафедру быў назначаны архіепіскап Мсціслаўскі Сергій Дабрамыслаў. На гэты момант Полацкая абнаўленчая епархія налічвала ў сваіх межах 72 царквы і 65 святароў [**4**, с. 1]. Стан большасці храмаў жадаў быць лепшым. Так, будынак Мікалаеўскага кафедральнага сабора, грандыёзны па сваіх памерах, быў запушчаны; саборная абшчына – бедная і малаколькасная, таму правесці неабходны рамонт сваімі сіламі не мела магчымасці.

Знаходжанне Сергія Дабрамыслава на полацкай кафедры было нядоўгім. За гэты перыяд становішча абнаўленцаў пагоршылася: за адзін год колькасць абнаўленчых цэркваў паменшылася да 66. У выніку вялікіх дзяржаўных падаткаў і беднасці абнаўленчых абшчын, 60 % з якіх не выплаціла ўзносаў яшчэ за 1927 г. [**8**, с. 176].

У такіх складаных умовах на полацкую кафедру быў прызначаны Ніл Ушакоў. У Полацк ён прыбыў 12 лістапада 1928 года. У хуткім часе паміж епіскапам Нілам і прадстаўнікамі мясцовага духавенства адбыўся канфлікт. Так, у сваім даносе Беларускаму сіноду епіскап адзначаў: «Капецкий (настаяцель Мікалаеўскага кафедральнага сабора – аўт.) имел неосторожность выявить свою наклонность к рублю… Получилось так, что для духовенства все и еще община их кормила. Я не вытерпел и разнес всех по-военному. После этого он стал шелковым, да и другие бати присмерели, когда увидели, что не на тихого напали. Я матку-правду в глаза луплю» [**5**, с. 22].

Праз месяц на епархіяльным з'ездзе 22 студзеня 1929 г. Ніл Ушакоў закрануў актуальныя пытанні царкоўнага жыцця. Аднак чакаемага выніку не адбылося. Царкоўны ўплыў на жыццё народа слабеў, прыналежнасць да царквы ў шматлікіх выпадках рабілася калі не прытворнай, то фармальнай, паказной. Гублялася духоўнае яднанне мясцовага духавенства. «Кончилось заседание, и вижу, что наша собранность напоминает басню Крылова «Лебедь, рак и щука». Поэтому решает только один епископ. С деньгами дело еще хуже. Правда, священники очень бедны или же умеют ловко притворяться. Но главная вина за прошлое духовенством возлагается на Синод. Так, например, протоиерей Покровский говорил, что Синод может и подождать, так как слишком много пропало его денег. Он посылал на «Белорусский вестник», газету не получил, посылал на 10 календарей, прислали 1, и тот московского издания, посылал на пасхальную кассу – где она? [**5**, с. 22].

У 1929 годзе дзяржаўная палітыка ў дачыненні да абнаўленчаскага расколу змянілася. У першую чаргу гэта выявілася ў закрыцці храмаў, не зважаючы, да якой царкоўнай плыні яны належалі.

Сакратарыят ЦК КП(б)Б указваў Полацкаму, Магілёўскаму і Бабруйскаму акружным камітэтам аб недапушчальнасці нядбайных адносін да антырэлігійнай працы (на працягу 1928 г. не разглядалася ніводнага сталага пытання аб антырэлігійнай працы) [**2**, с. 16].

У выніку пачатку калектывізацыі ўзмацніўся кантроль з боку Аб'яднанага дзяржаўнага палітычнага ўпраўлення за ўсімі працэсамі, звязанымі з рэлігійным жыццём грамадства. З мэтай дыскрэдытацыі царквы органы дзяржаўнай бяспекі праводзілі адпаведныя мерапрыемствы. Для гэтага яны ініцыявалі адмову асобных святароў ад сану, пераводзілі святароў, якія карысталіся аўтарытэтам, у другасныя прыходы, да непакорлівых ужываліся такія формы ўздзеяння, як арышт і ссылка, якія ажыццяўляліся без уліку сану і ўзросту. Такі лёс напаткаў і Пашына Васіля Дзмітрыевіча, які служыў другім святаром у саборы Раства Хрыстова ў Себежы, выкладаў Закон Божы ў Себежскім гарадскім 4-класным вучылішчы. Арыштаваны 25 лістапада 1929 г. з шэрагам іншых святароў епархіі за «антысавецкую агітацыю» і асуджаны да 5 гадоў канцлагера, пасля чаго яго далейшы лёс невядомы [**1**, с. 155].

Пасля таго, як Аляксандр Шчарбакоў пакідае віцебскую кафедру і пераязджае ў Маскву, на яго месца ў снежні 1929 г. назначаюць Ніла. Вакантнае месца займае бабруйскі епіскап Іаан Глыбоўскі. Прыбыў ён у Полацк 11 лютага 1930 г. Аднак праз два тыдні яго арыштоўваюць за няплату за Мікалаеўскі сабор і прыгаворваюць да аднаго году турэмнага зняволення. Беларускі Сінод вырашае назначыць на полацкую кафедру вікарнага епіскапа. Ім стаў настаяцель протаіерэй Васіль Пакроўскі.

На тэрыторыі Полацкай епархіі, як і на ўсёй тэрыторыі Беларусі, праводзілася кампанія па зачыненні храмаў. Дзеючых абнаўленчых храмаў засталося 47, прычым 17 цэркваў было закрыта, 6 святароў адракліся ад сану. У маі 1930 г. Мікалаеўскі сабор у Полацку быў закрыты ўладамі. Архірэйская кафедра перамясцілася ў Свята-Духаў храм [**8**, с. 178].

У пачатку студзеня 1931 г. у Полацк са зняволення вяртаецца епіскап Іаан Глыбоўскі. На гэты час у Полацкай епархіі налічвалася «46 цэркваў, пры 29 меліся святары, пры астатніх вакансіі. Гэтыя апошнія рэдка абслугоўваліся святарамі суседніх цэркваў. Дабрабыт цэркваў быў няважны, начынне беднае, сродкаў на пагашэнне страхоўкі

будынкаў і іншых падаткаў і на непасільную дапамогу духавенству не хапала. Некаторыя храмы састарэлі і патрабавалі неадкладнага рамонту. Вернікі ў большасці ўстрымліваліся ад рамонту, будучы самі абцяжараны іншымі патрэбамі» [**6**, с. 37]. Прафесіяналізм святароў таксама жадаў быць лепшым. Епіскап Полацкі і Лепельскі Іаан Глыбоўскі ў рапарце Беларускаму Свяшчэннаму Сіноду паведамляў: «Их образование неважно. Только 4 священника с семинарским образованием, прочие окончили духовное либо начальное училища или домашнего обучения. Они плохо знакомы с богословием. Мне приходилось с некоторыми беседовать на религиозные темы и многие оказались профанами даже в простых вещах. Недостаток духовного образования плохо отзывается и на религиозных убеждениях духовенства (некоторые халатные в профессиональных отношениях к своим обязанностям)» [**6**, с. 37].

У наступныя гады канфлікт паміж архірэем і мясцовым духавенствам не згасаў. Так, у сваім пісьме Беларускаму Сіноду Іаан пісаў: «Служу я церкви около полстолетия, не было того, чего я сподобился в Полоцке из-за провокаций низкопробных людей. 25 лет я служил благочинным и при строгом епархиальном режиме выходил неопороченным, и духовенство ко мне благоволило. А тут на старости лет выходит как будто переродился и сделался корыстолюбцем и беспринципным самолюбцем» [**6**, с. 1].

17 ліпеня 1933 г. у Віцебску адбыўся епархіяльны з'езд. На ім было вырашана зноў аднавіць епархіяльнае ўпраўленне, а таксама было прынята рашэнне аб скасаванні Полацкай і Аршанскай епархій, далучыўшы іх да Віцебска. На Віцебскую кафедру быў абраны Сергій Дабрамыслаў, які ў 1927–1928 гг. узначальваў Полацкую абнаўленчую епархію. У выніку аб'яднання прыходы епархіі ў новых межах былі падзелены на тры благачынні з 20 царквамі: Віцебскае, Полацкае і Дрысенска-Асвейскае. Прычым Полацкае благачынне налічвала 9 цэркваў. У самім Полацку функцыянавалі два абнаўленчыя храмы — Свята-Духаў сабор і царква Святога Апостала і Евангеліста Іаана Багаслова [**7**, с. 84–85]. Дрысенска-Асвейскае благачынне налічвала 7 храмаў [**7**, с. 3].

Такім чынам, абвяшчэнне Полацкай абнаўленчай епархіі ў 1926 годзе было абумоўлена паслабленнем абнаўленчага руху на тэрыторыі Віцебскай абнаўленчай епархіі. Кіраўніцтва Віцебскай епархіі і Беларускі Свяшчэнны Сінод звязвалі гэта з раз'яднанасцю прыходаў епархіі на вялізнай тэрыторыі.

Рэарганізацыя полацкай кафедры і далучэнне яе да Віцебскай абнаўленчай епархіі не спыніла далейшы ўціск з боку дзяржавы. У 1937 годзе былі зачынены апошнія дзеючыя храмы Полацка. Малітоўнае і літургічнае жыццё ў Полацку працягвалася праз патаемнае здзяйсненне набажэнстваў і абрадаў.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Маракоў, Л.У. Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі 1917–1967: энцыклапедычны даведнік у 2-х тамах / Леанід Маракоў — Мінск: Беларускі Экзархат, 2007. — Т. 2. — 464 с.
2. Нацыяльны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ) — Фонд 4-п. — Воп. 1. — Спр. 4125.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Рэспублікі Беларусь у г. Мінску (НГАБ). — Фонд 2786. — Воп. 1. — Спр. 216.
4. НГАБ. — Фонд 2786. — Воп. 1. — Спр. 315.
5. НГАБ. — Фонд 2786. — Воп. 1. — Спр. 396.
6. НГАБ. — Фонд 2786. — Воп. 1. — Спр. 501.
7. НГАБ. — Фонд 2786. — Воп. 1. — Спр. 567.
8. Шиленок, Д. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939) / Д. Шиленок. — М.: Крутицкое подворье, 2006. — 218 с.

Баўтовіч М.М.

Гравюра Полацкага езуіцкага калегіюму 1785 г.

Полацку не пашчасьціла на захаванасьць графічных выяваў гарадзкога краявіду мінулых стагодзьдзяў. Не выключэньнем і стагодзьдзе васямнаццатае. Апрача схэматычных замалёвак некалькіх пабудоваў з расейскага «*Plan von Polocko anno 1707*» і нагэтулькі ж схэматычнае выявы бэрнардынскага манастара з мапы Гірша Ляйбовіча «*Provincia Litvana Ord. S. Francisci O. Sdm. Observation*» (~1760 г.) пахваліцца амаль няма чым. Захавалася толькі адна паўнавартасная выява, на якой адлюстраваны двор Полацкага калегіюму айцоў езуітаў у 1785 годзе. З гэтае прычыны варта ўважліва паставіцца як да досьледу самой гравюры, гэтак і да падзеяў і асобаў, што могуць быць павязаныя зь ёй.

Падаецца, упершыню гравюра калегіюма была надрукаваная ў 1885 годзе ў кнізе Аляксандра Брыкнэра *«Гісторыя Кацярыны Другой»* [**1**, с. 643] разам з працяглым надпісам: «*Езуіцкая калегія ў Полацку, у Кацярынінскі час. З арыгінальнага малюнка, зробленнага генэралам езуіцкага закону Грубэрам (са збору Дашкова П.Я)*». Верагоднае сёньняшняе месца знаходжаньня выявы: зборы Дзяржаўнага гістарычнага музэю ў Маскве, куды ў 1924 годзе паступіла калекцыя Паўла Дашкова (1849–1910). Ад таго часу ў працах, што закраналі гісторыю дзейнасьці езуіцкай навучальнай установы, сама выява і паведамленьні пра дзейнасьць Габрыэля Грубэра часьцяком зьмяшчаліся побач.

У 1905 годзе Ян Марэк Гіжыцкі ў сваёй працы *«Матэрыялы да гісторыі Полацкай Акадэміі і залежных ад яе школ»* зьмясьціў выяву пад іншай назвай — *«Унутраныя галерэі ў Полацкім калегіюме. Паводле гравюры XVIII ст., што знаходзіцца ў зборах доктара Лясоцкага з Налэнчова»* [**2**, с. 57]. Удзельнік паўстаньня 1863 году і знакаміты зьбіральнік Вацлаў Лясоцкі дзьве траціны сваёй калекцыі падараваў у 1906 г. Нацыянальнаму музэю ў Кракаве, рэшту падзялілі між сабой музэі ў Налэнчове і Любліне. Магчыма, у адным са згаданых музэяў выява захоўваецца і сёньня.

Антон Урбанскі ў кніжцы з прарочай назваю (зважаючы на лёс касьцёла Сьв. Сьцяпана і ня толькі яго) *«Пахавальны звон на папялішчах*

Літвы і Русі», што ўбачыла сьвет у Варшаве ў 1928 годзе, зьмясьціў гравюру, суправадзіўшы яе наступным подпісам: *«Полацк. Акадэмія і калегіюм Сьцяпана Батуры».* Паводле вонкавых прыкметаў, гэты асобнік гравюры адрозны ад папярэдніх. На жаль, аўтар не пазначыў ані ўладальніка, ані месца захоўваньня [**3**, с. 159].

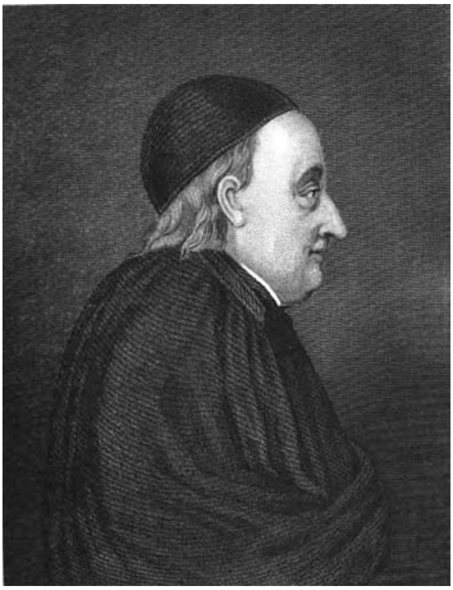
Урэшце ў 2005 годзе выкладчык Беларускага ўніверсітэту культуры мастак Уладзімір Рынкевіч выявіў у зборах былое бібліятэкі ўнівэрсітэта Сьцяпана Батуры ў Вільні адзін з арыгінальных адбіткаў, што дазволіла ўдакладніць аўтара твору і шырэй паглядзець на час і варункі стварэньня выявы [**4**, с. 52–54].

Яшчэ ў 1803 годзе ксёндз Папроцкі, паведамляючы ў «*Варшаўскай газэце*» пра абраньне Грубэра генэралам Таварыства Ісуса, згадаў пра ягонае маляваньне ў Варшаве на замову караля Станіслава Аўгуста Панятоўскага нейкіх карцінаў, якія манарху прыйшліся даспадобы [**5**, с. 978].

Шкада, але ані саміх тых карцінаў, ані нават іхных назваў не захавалася. Дасьледчыкі творчасьці сяброў Таварыства Ісуса Ян Паплятэк і Ежы Пашэнда мяркуюць, што карціны, асабліва тыя, якія Грубэр маляваў у Полацку, забралі з сабой беларускія езуіты, ад'язджаючы ў 1806 г. на місію да Злучаных Штатаў [**6**, с. 120]. Паводле паведамленьня Эдварда

Мал. 1. Выгляд калегіюму айцоў езуітаў у Полацку
(аўтар Габрыэль Грубэр, 1785).

Мал. 2. Габрыэль Грубэр
(аўтар Джордж Стодарт, 1853).

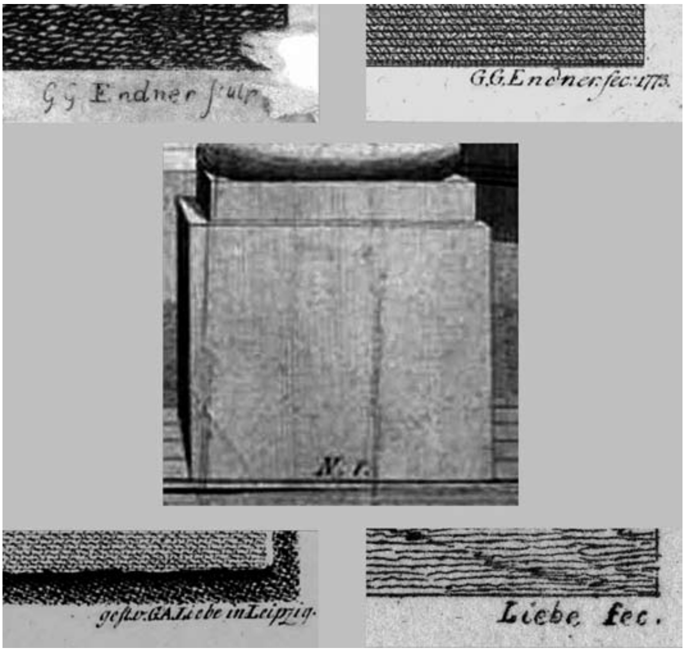
Раставецкага на муры калегіюма воднымі фарбамі Грубэр намаляваў выгляд даўгога калідору гэтак рэалістычна, што некаторыя госьці ўспрымалі яго за сапраўдны. Апрача таго, барон Раставецкі дадае, што з двух малюнкаў Грубэра ў Ляйпцыгу былі зробленыя гравюры: «*інтэр'ера калегіюму*» Готлябам Аўгустам Лібэ і «*двара калегіюму*» — Густавам Георгам Энднэрам [7, с. 189]. Сёньня гэтыя гравюры невядомыя, але маем спадзеў, што некалі яны знойдуцца.

Брыкнэр, зьмяшчаючы ў сваёй кнізе выяву калегіюма, не абцяжарыў сябе тлумачэньнямі, чаму вызнае за аўтара «езуіцкага генэрала». Гіжыцкі з Урбанскім увагі аўтарству ўвогуле не надавалі. Усе зьмешчаныя ў кнігах выявы ў рознай ступені абрэзаныя, таму толькі гравюра з бібліятэкі Віленскага ўнівэрсітэту дазволіла пацьвердзіць аўтарства Грубэра. Па-за рамкай выявы ў левым ніжнім куце зьмешчаны надпіс *«G. Gruber S.I. des.»* (скарот францускага дзеяслова *dessiner* — маляваць).

Належыць яшчэ раз адзначыць, што Раставецкі, пішучы пра мастацкую спадчыну айца Габрыэля, ня меў на ўвазе нашую выяву (калі не зважаць на падабенства з гравюрай апісаньня выявы на муру калегіюма), бо на гравюры ініцыялы згаданых гравёраў адсутнічаюць. Аднак у цэнтры ў ніжняй частцы калёны маецца крыптаграма *«N.I.»,* верагодна, за якой, як слушна адзначыў Уладзімір Рынкевіч, і схаваўся гравёр.

Надзвычай цікавымі ёсьць іншыя надпісы па-за рамкай. На выяве, зьмешчанай Янам Маракам Гіжыцкім, маецца працяглы, але з прычыны слабое якасьці амаль нечытэльны надпіс па-францыску. Зразумець можна толькі асобныя словы *«Il faut regarder … a la distance … pouces …» (Трэба паглядзець … на адлегласьці … цалі …).* Рука ня надта ўпэўненая, можна меркаваць, што надпіс пакінуты нейкім навучэнцам калегіюму.

Болей маецца надпісаў на віленскай гравюры. Гэтак у правым верхім куце нечая рука напісала па-францыску: *«Vue du College de PP. Jesuites au*

Мал. 3. Подпісы Энднэра, невядомага гравёра і Лібэ.

1785 à Polock» (Выгляд калегіюму айцоў езуітаў у 1785 годзе ў Полацку). Напісаньне літараў на гэтай выяве адрознае ад напісаньня на папярэдняй. Відаць, што чалавек, які пакінуў надпіс, стала працаваў зь пяром і паперай. Пазьней, магчыма ўжо ў часе знаходжаньня выявы ва ўнівэрсітэцкай бібліятэцы, зьявіўся друкаваны пераклад згаданага надпісу на польскую мову: «*Widok Kollegium OO. Jezuitów w Połocku R. 1785».*

Унізе гэтак сама ад рукі зьмешчаны надпіс у францускай мове: *«Dedicé à Son Excellence Michel».* Але апошняе слова зацёрта, пэўна, асоба, што пісала, вырашыла паправіць сябе і дадала: *«Monsieur le Comte Michel*». Што цалкам перакладаецца як *«Прысьвячэньне Яго Высакароднасьці спадару графу Міхалу».* Пазьней па-польску такімі самымі друкаванымі літарамі, як у верхняй частцы, было дадана прозьвішча *«Борх».* Ёсьць падстава ўважаць за аўтара прысьвячэньня самога Габрыэля Грубэра. Хто ж тады Міхал Борх, якому прысьвечаная гравюра?

Міхал Ян Борх быў сынам вялікага канцлера кароннага Яна Борха. Эрудыт, літаратар, нястомны дасьледчык. Пасьля сканчэньня піярскага калегіюма ў Варшаве пайшоў на вайсковую службу. Быў паранены ў часе Барскай канфэдэрацыі, баронячы караля Станіслава. Даслужыўся да палкоўніка гусарскай харугвы, але захоплены кнігай Патрыка

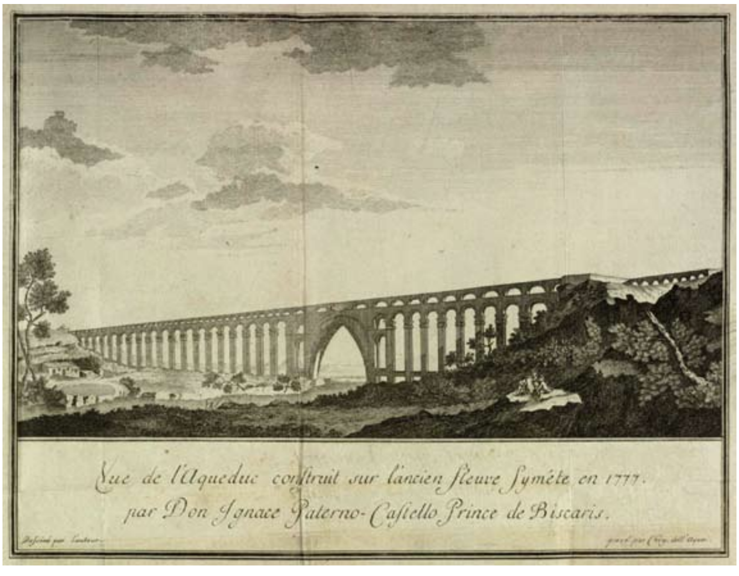
Мал. 4. Міхал Борх у часе падарожжа па Сіцыліі (аўтар Людвіг Гутэнбрун, 1778).

Брайдана *«Падарожжа па Сіцыліі і Мальце ў шэрагу лістоў да Вільяма Бэкфарда, гаспадара Самэрлі ў Сафалку»* [**8**], вырашыў пакінуць службу і праехаць па мясьцінах, апісаных шатляндзкім вандроўнікам.

Цягам двух гадоў (1777–1778) Міхал Ян падарожнічаў па поўдні Італіі, жыў на Сіцыліі, на астравах Гоца і Мальта ў Міжземным моры. На Мальце быў адзначаны тытулам балі Мальтыйскага закону. Пазьней неаднаразова наведваў гэтыя мясьціны. Вынікам сталася выданьне каля дзясятка разнастайных кніг у мовах францускай, італьянскай, нямецкай. Тэматычны дыяпазон выданьняў вялікі: ад одаў, падарожных нататак, апісаньня П'емонцкіх грыбоў да працаў па мінералёгіі [**9**]. Вялікі нямецкі паэт Ёган Гётэ, які празь дзесяць гадоў зьдзейсьніў падарожжа па Італіі, неаднойчы ў сваіх лістах згадваў Борха [**10**, с. 251, 294]. Вярнуўшыся на радзіму, Міхал Ян зноў паступіў на вайсковую службу ў чыне генэрал-лейтэнанта. У 1781–1787 гадах быў абозным Вялікага Княства Літоўскага. 28 сакавіка 1783 г. атрымаў ад аўстрыйскага імпэратара тытул графа Рымскай імпэрыі. У 1787–1791 гадах займаў пасаду ваяводы Бэлзскага. Да гэтага пэрыяду належаць ягоныя выданьні *«Прамова Ягамосьці пана Міхала Борха, абознага В.К. Літоўскага, як пасла зь Ліфляндзкага княства, у пасольскай ізьбе 28 лістапада 1786 году»* і франкамоўная вершаваная трагедыя ў пяці актах «*Віктар Амадэй»*, што ўбачыла сьвет у Варшаве ў 1789 г. [**11**]. Выйшаўшы ў адстаўку, Борх захапіўся ўладкаваньнем сядзібы ў Варклянах (цяпер Латвія). Паводле ягонае замовы і пры беспасрэдным удзеле італьянскі архітэктар Мацоці збудаваў велічны палац з паркам, зафіксаваны пазьней Напалеонам Ордам. Да гэтага часу належыць шэраг твораў і перакладаў Борха: ад паэмы *«Станіславіяда або шчасьлівае выратаваньне Станіслава II, караля Польшчы»* да

жыцьцяпісу графа Георга Браўна і апісаньня *«Сынтыментальнага саду замку Варкляны графа дэ Борха на Белай Русі»* [**12**]. Дасьледчык гісторыі Ліфляндыі барон Густаў Мантэйфель, надта крытычна ставячыся да творчасьці, працы і касмапалітычных поглядаў графа Борха, пісаў: *«зусім не бяз здольнасьцяў, але надта павярхоўны і нечувана марны, бо ўсім па чарзе займаўся»* [**13**, с. 34135]. Аднак грамадзкасьць ацаніла ягоную дзейнасьць трохі інакш, бо яшчэ пры жыцьці граф стаўся сябрам шаснаццаці эўрапэйскіх акадэміяў, а ў 1786 г. быў абраны сябрам Імпэратарскага вольна-эканамічнага таварыства ў Пецярбургу. Ліставаўся Міхал Борх зь вядомымі асобамі свайго часу з Італіі, Францыі, Швайцарыі, Нямеччыны: мысьляром і правазнаўцам Чэзарэ Бэкарыя, абатам Фэрдынанда Гальяні, драматургам П'етра Мэтастазіё, філёзафам і асьветнікам Франсуа Мары Вальтэрам, натуралістам і біёлагам Жоржам Луі Буфонам, фізікам і матэматыкам Даніэлем Бэрнулі, гісторыкам Ёганам Мюлерам, географам і прыродазнаўцам Петэрам Сімонам Паласам [**14**, с. 219–223]. Борх прызнаецца закладальнікам падмуркаў такой галіны геахіміі, як біягеахімія. Ягонае прозьвішча замацавалася за адным зь відаў марскіх бесхрыбетных брахіяподаў «*Bicarinatina borchi*».

Калі і дзе маглі пазнаёміцца Грубэр з Борхам і што іх лучыла? Найверагодней, сустрэча адбылася ў Варшаве, дзе пэўны час у 1784 г.

Мал. 5. Выгляд аквэдуку на рацэ Сімета ў Сіцыліі
(аўтар Міхал Борх, 1777)

знаходзіўся Грубэр і дзе амаль стала ў часе свайго абозьніцтва ва ўласным нядаўна адноўленым палацы на вул. Мядовай жыў Міхал Борх. Ня выключана, што Борх, маючы сталыя кантакты з элітамі Італіі, Францыі і Аўстрыі, стаўся той асобай, празь якую аўстрыйскі езуіт трапіў да каралеўскага замку і пазнаёміўся са Станіславам Аўгустам Панятоўскім. Пасьля адстаўкі, паводле сьведчаньня Густава Мантэйфеля, граф асеў у сваім маёнтку ў *«Варклянах у Рэжыцкім павеце, акружаны езуітамі, заглыбіўся ў рэлігійную практыку і пісьменства»*. Езуіты, зразумела, былі полацкія. Між іх вылучаўся Габрыэль Грубэр, які ў тым часе кіраваў рэстарацыяй касьцёла Сьв. Сьцяпана ў Полацку, арганізацыяй музэя і бібліятэкі. Яднаў іх згаданы ўжо хрысьціянскі касмапалітызм, прага да ведаў, бо абодва былі вялікімі эрудытамі, а мо і тое, што Борх належаў да вядомага роду, які даў каталіцкай царкве гэткіх асобаў, як папы Каліст III (1378–1458) і Аляксандар VI (1431–1503), кардынал Францыск де Борха (1441–1511) і трэці генэрал Таварыства Ісуса і каталіцкі сьвяты Францыск Борджа (1510–1572). Яднала і тое, што абодва не цураліся выяўленчага мастацтва, сьведчаньнем таму ня толькі выява калегіі Грубэра, але і шмат малюнкаў Міхала Борха зь ягонае кнігі *«Лісты з Сіцыліі і Мальты»* [**15**, с. 11, 24, 103, 112, 207].

Мал. 6. Архітэктурная фантазія (аўтар Бэрнарда Белота, 1765).

Агульнасьць поглядаў, зацікаўленьняў маглі стацца завадовымі прычынамі прысьвячэньня.

Чаму Габрыэль Грубэр прысьвяціў менавіта гэтую гравюру? На нашую думку, яшчэ і таму, што першаўзорам для яе сталася карціна вядомага італьянскага мастака Бэрнарда Белота, якая ў часе аўдыенцыі ў караля знаходзілася ў каралеўскім замку ў Варшаве (цяпер у Нацыянальным музэі) [**16**, il. 20], і гравюра нагадвала абодвум аб памятнай падзеі.

Пэўнае перайманьне, відаць, ня столькі ў арках і вазонах, што ўласьціва той эпосе, але болей у наўмысна «прылепленым» да калёны на пярэднім пляне аркушы паперы з надпісам. Дзе ў Грубэра маецца: «*Gymnasium Polocense Societatis Iesu DDD 1785*», у Белота — надпіс з «*Паэтычнага майстэрства*» Гарацыя: «*Pictoribus atque poetis quidlibet audendi simper fuit aequa libertas*» *(Мастакам, як і паэтам, заўсёды дазвалялася сьмеласьць)* [**17**] — словы блізкія і зразумелыя езуіцкаму творцу. Дасьледчыкі мастацтва далі карціне Белота назву «*Архітэктурная фантазія з аўтапартрэтам Белота ў адзеньні венецыянскага патрыцыя»,* падкрэсьліўшы тым адсутнасьць повязі між зьмешчаным на карціне і нейкім канкрэтным месцам, часам. Зважаючы на гэта, мусім уважлівей прыглядзецца і да полацкай выявы. Пэўныя фантазіі прысутнічаюць і тут. Ад пачатку кідаецца ў вочы штучнасьць зьмешчаных на пярэднім пляне калёнаў зь перакрыцьцём, якія нічога не трымаюць, але зьяўляюцца нібы брамаю ў іншы сьвет. Рэалістычнасьць іх пад вялікім сумневам. Гэтаксама непраўдзівай падаецца выява карабля ў канцы галерэі. Насамперш таму, што, калі глядзець з азначанае кропкі ўздоўж мура калегіюму, позірк назіральніка мусіць спыніцца на перашкодзе, якой зьяўляецца выступ Верхняга замку з храмам Сафіі і збудаваным у 1768 годзе базыльянскім манастыром. Яны амаль цалкам перакрываюць дзьвінскі краявід. Што ж тады сапраўднага? Мо надпіс *«Catharinae Magnae conservartrici Societatis Iesu» (Кацярыне Вялікай, захавальніцы Таварыства Ісуса)* над бакавым уваходам у касьцёл Сьв. Сьцяпана або галерэі, або архітэктурнае аздабленьне калегіяльнага будынку? Адпаведным рэчаіснасьці падаецца разьмяшчэньне касьцёлу і калегіі. Што да галерэяў, варта вярнуцца да паведамленьня Раставецкага аб выяве на муры калегіюма. Верагодна, гэтая архітэктурная фантазія сталася прататыпам карціны, намаляванай пазьней на муры будынку музэя, які быў збудаваны паводле праекта Грубэра ў 1785–1788 гадах.

Пасьля скону ў 1810 г. Міхала Яна Борха сабраная ім вялікая мінералягічная калекцыя і бібліятэка даўгі час захоўваліся ў Варклянскім палацы, пакуль у 1870 г. спадкаемцы не перадалі калекцыю ў Курляндзкі музэй у Мітаве (цяпер Елгава, Латвія). Пазьней паступова пачала разыходзіцца і бібліятэка, хаця на пачатку XX ст. барон Мантэйфэль карыстаў зь ейных збораў, між якіх, дарэчы, былі і творы былога ўладальніка Варклянаў. Верагодна, адтуль выява празь нейкі час павандравала да сховаў бібліятэкі адноўленага ў 1919 годзе Віленскага ўнівэрсітэту.

Спіс літаратуры

1. Брикнер, А.Г. История Екатерины Второй. Ч. IV (Внутренняя политика) / А.Г. Брикнер. – СПб., 1885.

2. I.G. Materyały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych / Jan Gizycki. – Kraków, 1905.

3. Urbański, A. Podzwonne na zgliszczach Litwy i Rusi / Antoni Urbański. – Warszawa, 1928.

4. Рынкевіч, У. Прышэлец з гістарычнай прасторы / Уладзімір Рынкевіч // Мастацтва. – Мінск, 2005. – № 4.

5. Paprocki, X. Z Warszawy 18 Lipca / X. Paprocki // Gazeta Warszawska. – Warszawa, 1803. – Nr. 57.

6. Poplatek, J. Słownik jezuitów artystów / Jan Poplatek, Jerzy Paszenda. – Kraków, 1972.

7. Rastawiecki, E. Słownik malarzów polskich, tudzież obcych w Polsce osiadłych lub czasowo w niéj przebywających / Edward Rastawiecki. – Warszawa, 1850. – T. I.

8. Brydone, P. A Tour Through Sicily and Malta: In a Series of Letters to William Beckford, Esq. of Somerly in Suffolk / Patrick Brydone. – London, 1773; 1774; 1775.

Brydone, P. Voyage en Sicile et à Malthe / Patrick Brydone. – Paris, 1775; – Neuchatel, 1776.

9. Borch, M. Oda de signor conte Michaele di Borch tradotta dalla signora D. Anna Amalia Gentile Fra gli Ereini licori pacicoatica et recitata nella conversazione galante del signor principe di Campofranco. – Palermo. 1777; II principio dell' electricismo & Le principe de l'électricité. – Palermo, 1777; Lythologie Sicilienne ou Catalogue raisonnée de toutes les pierres de la Sicile propre à embellir le cabinet d'un amateur. – Naples, 1777; Lythologie Sicilienne, ou connaissance de la nature des Pierres de la Sicile. – Rome, 1778; Vers francois pour l'académie des pasteurs hereniens, faits par monsieur le comte de Borch, de plusieurs académies, connu sous le nom d'Energo Ipso-Cremio. – Palerme; La fidelité recompensée. – Romae; Minéralogie Sicilienne docimastique et metallurgique, ou connaissance de tous les minéraux que produit l'ile de Sicile avec les details des mines et des carriéres et l'histoire des travaux anciens et actuels de ce pays. Turin, 1780; Lettres sur les truffes du Piemont. – Milano, 1780; Lettres sur la Sicile et sur l'ile de Malthe. – Turin, 1782. – T. I–II.; Briefe über Sicilien und Maltha. – Bern, 1783.

10. Goethe, J. W. von Werke: Kommentare und Register. Autobiographische Schriften III / Johann Wolfgang von Goethe. – Hamburg, 1994. – Band 11.

11. Borch, M. Głos J.W. Jmci Pana Michała Borcha oboźnego W. X. Litewskiego jako posła z Księstwa inflandzkiego w izbie poselskiej w dniu 28 8bra a. 1786. miany. – 1786; Victor Amedée, tragedie en cinc actes et en vers. – Varsovie. 1789.

12. Borch, M. La Stanislaide ou L'heureuse delivrance de Stanislas II. – Varsovie, 1791; Uwagi nad chorobami, wadami i uszkodzeniami wszelkiego gatunku drzew owocowych i do budowy zdatnych prez G. Forsyth ogrodnika J.K. Mci Angiel. w Kensington. – Warszawa, 1791; Histoire de la vie du Comte George de Browne, Comté du Saint-Empire, Gouverneur-Général de Livonie et d'Esthonie, général en chef des armées de Sa Majesté l'impératrice de toutes les Russies. – Riga, 1794; Leben des Reichsgr. Georg von Browne, General-Gouverneur von Liefland und Esthland, Oberfeldherr der Russischen Armeen. – Riga, 1795; Jardin sentimental du château de Warkland dans la Comté de Borch en Russie Blanche. – Varsovie, 1795; Oberon, poéme en douze chants par Monsieur Wieland ecrit en allemand et traduit en français par Mr le comte de Borch. – Basle, 1798.

13. Manteuffel, G. Nieco z dziejów dawnego księstwa inflanckiego i wybitniejszych postaci tego województwa od XVII do XIX stulecia / Gustaw Manteuffel // Z okolic Dźwiny. – Wilno, 1912.

14. Recke, J.F. von. Allgemeines schriftsteller- und gelehrten-lexikon der provinzen Livland, Esthland und Kurland. A–F / Johann Friedrich von Recke, Karl Eduard Napiersky. – Mitau, 1827.

15. Borch, M. Lettres sur la Sicile et sur l'ile de Malthe de Monsieur le Comte de Borch de plusieurs academies a M. le C. de N. écrites an 1777. Pour servir de supplément an voyage en Sicile et a Malthe de Monsieur Brydonne. Ornées de la carte de l'Etna, de celle de la Sicile ancienne et moderne avec 27 Estampes de ce qu'il y a de plus remarquable en Sicile. / M. Borch. – Turin, 1782. – T. II.

16. Kozakiewiczowa, H. Bernardo Bellotto zwany Canaletto / Helena Kozakiewiczowa, Stefan Kozakiewicz. – Warszawa, 1980.

17. Quintus Horatius Flaccus. Ars Poetica, 9–10. – Рэжым доступу http://www.thelatinlibrary.com/horace/arspoet.shtml

Богданович Е.С.

Городское отделение Белорусского добровольного общества охраны памятников в 1966–1985 гг.

Большое значение в развитии краеведения Белоруссии сыграло Постановление ЦК КП Белоруссии и Совета Министров БССР от 19 июня 1965 г. «О создании Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры», массовой общественной организации, призванной содействовать осуществлению мероприятий партии и правительства по охране памятников истории и культуры.

I Учредительный съезд Белорусского добровольного общества (БДООПиК) состоялся 7 декабря 1966 г. В его работе приняли участие представители общественности, видные деятели науки и искусства, ответственные руководители министерств и ведомств.

Съезд принял устав общества, основной целью которого являлась активизация содействия осуществлению мероприятий и широкой пропаганде и сбережению историко-культурного наследия народа. Общество строило свою работу на основе принципов демократического централизма, широкой инициативы, самодеятельности в тесном контакте с другими общественными организациями и государственным аппаратом [ф. 721, оп. 1, д. 3, л. 1–6].

Основными задачами, согласно Устава БДООПИК, являлись:

- привлечение широких слоёв населения к непосредственному участию в охране памятников истории и культуры;
- активное содействие государственным органам охраны памятников в их работе по сохранению, пропаганде и реставрации памятников, благоустройству памятных мест;
- пропаганда среди населения знаний о памятниках истории и культуры и воспитание на этой основе любви к Родине, её истории и культуры в целях осуществления стоящих перед Обществом задач;
- организация и привлечение в члены Общества широких слоёв

населения, а также предприятий, учреждений и организаций;

- участие в выявлении, изучении и охране всех видов памятников истории и культуры, осуществление общественного контроля за сохранностью и правильным использованием этих памятников, разработка предложений и рекомендаций и внесение их в соответствующие органы, а также принятие мер к их осуществлению силами Общества;
- проведение с помощью общественности и населения мероприятий, способствующих обеспечению сохранного и благоустроенного содержания памятников, организация шефства предприятий, учреждений, организаций, колхозов, совхозов, школ и других учебных заведений над памятниками истории и культуры;
- участие в рассмотрении государственными органами и другими организациями вопросов об охране и пропаганде памятников истории и культуры;
- организация широкой пропаганды памятников истории и культуры среди населения, советских и иностранных туристов путём проведения лекций, выставок, экскурсий, выпуска в установленном порядке научно-популярной литературы, рекламных материалов, сувениров, а также посредством использования периодической печати, кино, радио, телевидения, издательская деятельность по вопросам охраны и пропаганды памятников;
- оказание содействия школам и другим организациям в проведении воспитательной работы среди детей и молодёжи с использованием памятников истории и культуры, в приобщении детей и молодёжи к изучению памятников и участию в их охране;
- организация в установленном порядке конкурсов на создание литературно-художественных произведений, фотографий, сувениров, популяризирующих памятники истории и культуры;
- установление связи с государственными, общественными, научными, хозяйственными органами БССР и других союзных республик в целях привлечения их к изучению, охране и пропаганде памятников истории и культуры;
- организация в установленном порядке сотрудничества с зарубежными организациями по вопросам охраны памятников;

- изучение и пропагандирование передового опыта привлечения общественности к охране памятников истории и культуры, обобщение достижений отечественной и зарубежной науки и практики по охране памятников, способствование разработке новых научных проблем в этой области, организация на общественных началах научно-исследовательской работы по изучению и охране памятников истории и культуры, разработка предложений по тематике научно-исследовательской и издательской работы по этим вопросам;
- созыв в установленном порядке совещаний, семинаров, конференций по вопросам изучения охраны и пропаганды памятников истории и культуры;
- провeдедение мероприятий по повышению научной и художественной квалификации членов Общества (курсы, семинары, лектории, выставки, экспедиции, экскурсии и т.п.);
- организация в установленном порядке в соответствии с целями и задачами Общества мастерских, магазинов и других предприятия [ф. 721, оп. 1, д. 3, л. 2].

Членами общества могли быть граждане СССР, достигшие 16-летнего возраста, а также государственные предприятия, учреждения, организации, учебные заведения, общественные организации (в качестве коллективных членов) [ф. 721, оп. 1, д. 3, л. 3].

В г. Полоцке городское отделение Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры было ***создано 15 июля 1965 года решением Полоцкого исполкома городского совета народных депутатов трудящихся № 214.*** В состав организационного комитета вошли 11 человек, председателем был назначен директор краеведческого музея Н.М. Козленок, его заместителями — С.А. Клоков, директор СШ № 8, и Н.А. Манис, директор СШ № 13 [ф. 721, оп. 1, д. 1, л. 1].

С первых дней своей работы городское отделение стало создавать первичные организации на предприятиях и в организациях города, активно включились в работу учебные заведения города.

Основной своей задачей городское отделение видело в систематической и планомерной работе по выявлению, учёту и изучению памятников истории и культуры, по использованию всего многообразия историко-культурного наследия Полотчины в целях пропаганды и изучения истории родного края.

Городское отделение занималось вопросами ремонта и реконструкции памятников архитектуры, курировало вопросы развития школьного краеведения в учебных заведениях города, вело широкую лекционно-пропагандистскую работу; члены Общества участвовали в археологических раскопках, проводимых на территории Полоцка в 1960–1980-х гг., совместно с краеведческим музеем создавали картотеку памятников и памятных мест Полотчины, составляла исторические справки с приложением фотографий и схем [ф. 721, оп. 1].

Благодаря усилиям городского отделения на могиле белорусского поэта Янки Журбы, который похоронен на Ксаверьевском кладбище в г. Полоцке, в 1970 году был установлен обелиск [ф. 721, оп. 1, д. 14, л. 26].

Также при содействии городского отделения, как на общественных началах, так и на собранные коллективами пожертвования, а также из средств общества были установлены [ф. 721, оп. 1, д. 14, л. 6]:

- памятник Татьяне Мариненко (1970) возле педучилища;
- бюст Герою Советского Союза полочанину И.Е. Алексееву (1969) возле СШ № 12;
- памятник И. Айтыкову (1969) возле проходной мясокомбината;
- обелиск в честь войск 1-го Прибалтийского фронта (1965) на въезде в город со стороны микрорайона Новка;
- были обновлены памятники на братских могилах воинов, погибших при освобождении Полоцка (Фатыновское, Ксаверьевское, Красное, Громовское кладбища);
- памятник В. Азину (1979) возле СШ № 10;
- памятник А. Горовцу (1973) возле здания лесного техникума;
- памятник учителям и ученикам СШ № 7 (1967) во дворе школы;
- реконструкция памятника «Освободителям Полоцка» (1981) в центре города;
- памятник экипажу танка Т-34 Героя Советского Союза В. Халева (1980);
- памятник Ф. Скорине (1974).

В период с 1965–1980-х гг. в городе было установлено более 30-ти мемориальных досок.

Городское отделение проводило большую просветительскую работу. При отделении работало две лекторские секции: исторической и боевой революционной славы. Много лет в состав этих секций входили местные краеведы И.П. Дейнис, Н.А. Манис, И.С. Вильчинский,

С.А. Клоков, а также представители краеведческого музея, учителя истории [ф. 721, оп. 1, д. 57, л. 1].

Так, например, в 1975 году было прочитано 320 лекций, в чтении которых принял участие 71 лектор, наиболее активными были Клоков С.А. – 45 лекций, Манис Н.А. – 24 лекции [ф. 721, оп. 1, д. 47, л. 1].

Тематика лекций была очень разнообразной, но в основном связаной с историей родного края: «Археологические памятники Полотчины», «Оборона Полоцка в 1941 г.», «Легендарный рыцарь Октябрьской социалистической революции (В.М. Азин)», «Война 1812 года на Полотчине», «По пути социалистического строительства» и др. [ф. 721, оп. 1].

Городское отделение и городской Дом культуры широко практиковали массово-политические формы пропаганды памятников истории города, героических дел земляков. Среди них цикл вечеров-встреч с ветеранами гражданской и Великой Отечественной войн. Специфической формой работы Полоцкого отделения общества охраны памятников совместно с ГорОНО являлись лекции-экскурсии. В 1968 году было проведено 146 лекций-экскурсий, а за 8 месяцев 1969 г. – 184 лекции-экскурсии с группами экскурсантов с разных городов и районов республики [2, с. 20–21].

Результатом широкой разъяснительной работы среди населения об охране памятников археологии (С.А. Клоков, И.П. Дейнис) стали обращения граждан в краеведческий музей с информацией о находках или нарушениях. Городским отделением были установлены охранные доски на местах археологических памятников (Верхний и Нижний замок, городище и др.), а также выделены средства из членских взносов на реставрацию Софийского собора, Богоявленского собора, Братской школы.

Городское отделение выпускало брошюры, оформляло передвижные фотовыставки, публиковало на страницах местной газеты большое количество статей, очерков по истории города. Организовывало городские конкурсы и акции. Об опыте работы Полоцкого отделения БРООПИК в 1969 году республиканским методическим советом культурно-просветительской работы Министерства культуры БССР была издана брошюра.

Традиционными для города стали месячники по благоустройству памятников истории и культуры, ежегодно 1 сентября во всех школах проходили уроки мужества, с обязательным посещением исторических

памятников, операции «Обелиск» и «Неделя героев» и другие мероприятия [ф. 721, оп. 1, д. 37, л. 5].

Для организации работы с молодёжью при городском отделении 5.10.1970 г. совместно с горкомом комсомола была создана молодёжная секция [ф. 721, оп. 1, д. 14, л. 24].

Основной целью создания секции была организационно-методическая помощь молодёжным организациям. Основной задачей являлась пропаганда среди детей и молодёжи знаний о памятниках истории и культуры, воспитание на этой основе чувства патриотизма, любви к Родине, её истории [ф. 721, оп. 1, д. 8, л. 1].

Создание молодёжной секции при Белорусском добровольном обществе охраны памятников истории и культуры (БДООПИК) дало толчок к развитию молодёжного краеведческого движения.

Работа секции координировала развитие краеведения в школах и учебных заведениях. Традиционными стали летние походы по местам боевой славы, исследовательская работа по сбору материала по заданию городского отделения БДООПИК. В городе в учебных заведениях были открыты школьные музеи, уголки воинской славы, а также работали краеведческие объединения и кружки.

На высокий уровень была поставлена работа в средних школах № 3, 5, 8, лесном техникуме, педучилище [ф. 721, оп. 1, д. 14, л. 18].

В городе Полоцке в каждом учебном заведении были созданы юношеские первичные организации, работа в которых велась по выполнению заданий городского отделении БДООПИК, шефству за закреплёнными памятниками истории и культуры, а также сбору материалов для школьных музеев.

Изучение родного края немыслимо без собирания памятников, документов и материалов. Как в научном, так и в педагогическом отношении экспедиция, туристский поход значительно теряют свою ценность, если они не планируют сбора материалов или коллекций, а коллекционирование требует организации музея.

Бурное развитие школьного краеведения 1960–1980-х гг. привело к массовому движению за создание музеев различных профилей: боевой и революционной славы, историко-краеведческих, этнографических и т.д.

Школьные музеи получили широкое педагогическое признание, давая учащимся навыки исследовательской работы, активизируя их

творческую деятельность. Музеи явились средством воспитания и приобщения молодёжи к общественно-полезному труду [**1**, с. 200].

Безусловно, город Полоцк не стоял в стороне от общей тенденции развития школьных музеев. На протяжении 1960–1980 гг. в городе было создано на общественных началах шесть школьных музеев: историко-краеведческий — СШ № 3; мемориальные — СШ № 2, 5, 8(10); Боевой славы — СШ № 12; лесного хозяйства — лесной техникум.

В 1969 году лучшей первичной организацией и юношеской секции городского Общества охраны памятников была СШ № 12. Она занимала второе место в области и первое в городе по туристско-краеведческой работе. Красные следопыты школы шефствовали над братской могилой на станции Громы. Вели переписку с родными погибших воинов. Инициатором и организатором всей этой работы являлся директор школы, активист Общества Канапаев Анатолий Алексеевич [**2**, с. 12].

Лучшим школьным музеем в городе в 1972 году считался историко-краеведческий музей в СШ № 3, открытый в 1967 г. В школе была одна из самых активных юношеских первичных организаций городского отделения БДООПИК. Музей имел в своих фондах 482 экспоната: в разделе «Древний Полоцк» — 107, в разделе «Великая Отечественная война» — 112, в разделе «Народное хозяйство г. Полоцка» — 58. Располагался в учебном классе площадью 52 м^2. Руководил музеем на протяжении 1967–1975 гг. учитель истории Бесецкий Г.И. Учащиеся школы принимали активное участие в археологических раскопках, проводимых в Полоцке. Традиционными формами работы были торжественные линейки и пионерские сборы, приём в пионеры, комсомол, уроки мужества, ленинские зачёты, встречи с ветеранами войны и труда, тематические и обзорные уроки по истории и другим учебным дисциплинам. Музей принимал участие в республиканском смотре школьных музеев [ф. 721, оп. 1, д. 30, л. 1–14].

Большая поисковая работа по увековечиванию памяти советских воинов была проведена первичной организацией средней школы № 2. В 1972 году учащимся школы было поручено взять шефство над воинским захоронением на кладбище, которое находилось за пределами города (в настоящее время микрорайон Боровуха-2), где были похоронены воины, умершие от ран в госпитале, находившемся на территории Боровуха-2 в 1944 году. На месте захоронения воинов стоял обелиск, на котором была надпись: «Здесь похоронен Белькович В.И. 1925 г.р. и 92 человека, имена которых неизвестны». Эта надпись и послужила поводом

для поисков. Под руководством преподавателя Колачева Г.А. был создан отряд «Красные следопыты». В результате переписки с Министерством обороны СССР, Музеем Военно-медицинской академии были установлены имена 104 воинов, родственники выслали следопытам 60 фотографий воинов, захороненных на кладбище. 9 мая 1973 года на воинском кладбище состоялся митинг, на котором присутствовали родственники погибших солдат. На основе собранных материалов в школе был создан уголок воинской славы [ф. 721, оп. 1, д. 36, л. 4].

Необходимо отметить также большую воспитательную работу по пропаганде памятников истории и культуры, которая проводилась в средней школе № 5. В школе работала самодеятельная киностудия, которой руководил учитель истории Вериго О.И., где были созданы три кинофильма о бригаде «Неуловимые», «Поиск продолжается» и о партизанской борьбе на территории Освейского района. Материалы для кинофильмов были собраны в туристских походах. Все три кинофильма отмечены в 1968–1969 гг. грамотами и дипломами горкома комсомола и ГорОНО, обкома комсомола, облсофпрофа, Министерства просвещения БССР. По инициативе активистов первичной организации СШ № 5 учащимися было взято шефство над могилой лейтенанта Игоря Страшинского, похороненного в д. Струнье. Ребята вели переписку с родственниками погибшего, которые проживали в Москве. Также по инициативе ребят на деньги от собранного металлома возле школы был установлен в 1970 г. памятник Павлику Морозову [ф. 721, оп. 1, д. 8, л. 2].

Кроме поисково-исследовательской работы, учащиеся вели большую шефскую работу над закреплёнными за каждой школой памятниками истории и культуры, организовывали походы и экскурсии на предприятия города, в музеи, выезжали на экскурсии в города Минск, Москву, Ленинград и другие города.

Численность членов городского отделения возрастала от года к году. Если на 1 января 1971 года в состав входило 83 первичные организации общей численностью 12988 человек, из которых 7243 взрослые и 5745 юношей, то в 1979 г. — 105 первичных организаций с общим составом 23266 человек, из них 13356 взрослых и 9910 юношей (школьников) [ф. 721, оп. 1, д. 65, л. 1].

Возглавляли городское отделение БДООПИК следующие председатели президиумов, которые избирались на отчётно-выборных собраниях: 1966–1968 гг. — Печёнкин Я.М. заведующий филиалом областного

архива в Полоцке; 1969–1971 гг. — Клоков С.А., директор средней школы № 8 г. Полоцка; 1971–1973 гг. — Матюшкин И.А., заведующий Историко-археологическим заповедником; 1973–1975 гг. — Алексеев М.И., научный сотрудник Краеведческого музея; 1975–1980 гг. — Рудова Т.Д., заведующая отделом культуры Полоцкого горисполкома.

Таким образом, на протяжении 1965–1980-х гг. в Полоцке была создана и действовала общественная организация, которая координировала работу по краеведению среди населения города. Основной целью созданного Общества стала активизация содействия осуществлению мероприятий по широкой пропаганде и сбережению историко-культурного наследия Полотчины и республики. Важной ролью, которую сыграло городское отделение Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры в развитии краеведения в городе, стало то, что было сформировано общественное движение, направленное, прежде всего, на охрану и сохранение исторического наследия Полоцка. Через систематическую и планомерную организацию своей работы члены Общества собирали материал по истории города, записывали воспоминания очевидцев событий, пополняли фонды историко-культурного заповедника, участвовали в археологических раскопках, помогали в сборе материала для республиканского сборника памятников истории и культуры. В городе была сформирована и хорошо отлажена система просветительской работы. В учреждениях образования стала развиваться туристско-краеведческая и поисковая деятельность среди школьников города.

Список литературы

1. Методика историко-краеведческой работы в школе: пособие для учителей / Н.С. Борисов, В.В. Дранишников, П.В. Иванов, Д.В. Кацюба; под ред. Н.С. Борисова. — М.: Просвещение, 1982. — 223 с.

2. Селязнёва, А. З чаго пачынаецца Радзіма… (з вопыту работы Полацкага гарадскога і раённага аддзяленняў Таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры Віцебскай вобласці) / А. Селязнёва, А. Сурыновіч (рэд.); Рэспубліканскі метадычны кабінет культурна-асветнай работы Міністэрства культуры БССР. — Мінск: БРТАПГіК, 1969. — 23 с.

4. Городское отделение Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры // Зональный государственный архив в г. Полоцке. — Фонд 721. — Оп. 1. — Д. 1, 3, 8, 9, 14, 30, 36, 37, 47, 57, 65.

Борун Е.Н.

Материальное положение и хозяйственная деятельность Полоцкого Борисоглебского заштатного монастыря (середина XIX – начало XX вв.)

В статье представлены результаты анализа материального положения и хозяйственной деятельности древнего Полоцкого Борисоглебского монастыря в период его определения в заштатные обители Полоцкой епархии. С 40-х гг. XIX до начала XX в. монастырское хозяйство находилось в глубоком кризисе, в результате которого обитель была окончательно уничтожена в 20-е годы XX века.

Введение

Цель данной работы – выявить особенности материального положения и хозяйственной деятельности Полоцкого православного Борисоглебского монастыря в середине XIX – начале XX веков.

При написании работы использовались историко-генетический, количественно-статистический и описательный методы, что в сочетании с общенаучными методами (анализ, синтез, обобщение, сравнение) позволило комплексно раскрыть предмет исследования.

Основная часть

После перехода из унии в православие Борисоглебский монастырь лишился своих многочисленных поместий, взамен получив по положению Свода Законов Российской Империи (Т. X, ч. 2, с. 346) из государственного фонда земельные и лесные угодья, мельницу и озеро.

Во владении монастыря находилось 150 десятин пахотной земли и сенокосов в урочищах Менник и Федоровщина, 150 десятин лесных угодий из числа так называемой «казённой дачи» в урочище Дуборник, Городецкая мельница на р. Бельчанке и Черсвядское озеро в Лепельском уезде. Два последних сдавались монастырским руководством в аренду частным лицам, что составляло значительную дополнительную при-

быль обители. Согласно рапорту игумена Борисоглебского монастыря Фавста Соболевского от 27 мая 1844 г., мещанин И. Реут за аренду и улов на Черствятском озере ежегодно выплачивал 200 рублей серебром, а мещанин А. Ясевич за пользование Городецкой мельницей – 110 рублей [**1**, л. 2–3]. Для обработки земельных угодий и ведения хозяйства к монастырю было приписано 26 штатных служащих из числа жителей деревень Струнье, Юровичи, Бецкое, Турец Полоцкого уезда [**2**, л. 5], оплата их работы шла за счёт казны епархиального руководства в размере 21 руб. 40 коп. в год [**3**, л. 1].

В 1845 году число штатных служащих было сокращено до 15 человек (8 мужчин и 7 женщин) [**4**, л. 12–13]. С 1842 по 1845 год монастырь по распоряжению епархиального начальника получал денежное пособие для выплат жалования настоятелю и одному иеромонаху [**4**, л. 10].

По описи имущества от 1842–1843 гг. хозяйство монастыря состояло из: сельскохозяйственных животных (коней – 3, коров – 11, телят – 4, быков – 9, коз – 5, овец – 18, свиней – 26); птицы (гусей – 20, индюков – 5, уток – 16, кур – 19). Годовой намолот зерна с земельных угодий составлял: ярового хлеба – 7 пудов, овса – 4 четверти, ячменя – 6 пудов, ржи – 7 пудов, гречки – 1 пуд. С восьми монастырских полей в снопах на 1843 г. всего было собрано 289 коп. овса, ячменя, ржи, гороха, льна, 23 бочки картофеля, 1 бочка бобов, 6 бочек льняного и конопляного семени. Помимо того, при монастыре действовала винокурня, в которой изготавливалось до 30 вёдер спирта в год [**2**, л. 27; 5, л. 9; 6, л. 5]. Прибыль шла на собственные нужды немногочисленного причта.

Монастырю в середине XIX – начале XX вв. также принадлежали: культовые здания – церковь Св. Бориса и Глеба и церковь Св. Параскевы, колокольня; хозяйственные здания – двухэтажный жилой дом с 21 кельей, жилой дом для работников, амбар, хлев, скотник, гумно, ток, овин.

В 1852 году была проведена частичная реставрация Борисоглебского храма, на сумму в 500 рублей серебром, пожертвованную петербургским мещанином купцом первой гильдии Павлом Кудряшевым. К алтарной части старинной стены была пристроена новая каменная ризница, через неё сделали вход в церковь. Крыша получила вид шатра на три ската и была покрыта листовым железом вместе с пристроенной к ней луковицеобразной головой [**7**, л. 360].

С 1845 и до конца 60-х гг. XIX века по Указу Полоцкой Духовной консистории № 2918 Бельчицкий монастырь был переведён на частич-

ное казённое содержание. Финансирование обители осуществлялось в размере 290 рублей серебром в год [**1**, л. 2 об.]. Подобное дополнительное финансирование было не свойственно заштатным монастырям в целом, они должны были содержать себя за счёт так называемых безгрешных доходов от различных промыслов, сдачи в аренду монастырских земель и от культовых святынь. Вероятно, в данном случае это была необходимая мера, так как в монастыре практически отсутствовал клир (в 1864 году было 2 человека).

К концу 60-х годов религиозная, хозяйственная деятельность монастыря окончательно пришла в упадок. Согласно «Ведомости о состоянии Полоцкого заштатного Борисоглебского монастыря за 1864 г.», составленной игуменом Сергием, и актов осмотра церквей г. Полоцка Витебского губернского церковно-строительного присутствия за 1868 г., состояние старинных храмов на территории монастыря уже в 60-х гг. XIX ст. было близким к полному разрушению [**7**, л. 355–368; **1**, л. 2–4].

Главная церковь Бельчицкого монастыря в имени Св. Бориса и Глеба находилась в аварийном состоянии – её деревянный купол, крытый железом, дал трещины, потому посещение храма прихожанами было остановлено.

Редкие богослужения по наиболее значительным православным религиозным праздникам проходили во второй монастырской церкви, Св. Параскевы Пятницы, строение которой сохранилось лучше: к храму была пристроена новая деревянная колокольня, крытая железом, и узкий, тоже деревянный, коридор, который соединял Пятницкую церковь с жилым двухэтажным монастырским домом. Внутреннее убранство обоих храмов было очень скромным: иконостасы, «царские ворота» и старинные иконы требовали срочного ремонта и реставрации [**1**, л. 1–2].

Все хозяйственные постройки: деревянный жилой монастырский дом и большое количество хозяйственных строений (двухэтажный амбар с «гонтовой крышей», конюшенный хлев, жилое помещение для рабочих, скотник, гумно, ток, овин) не использовались по назначению [**1**, л. 1–2].

В начале 70-х гг. XIX в. старинный храмовый комплекс и хозяйственные постройки Бельчицкой обители исследовал и описал историк-краевед А.М. Сементовский: «...почти насупротив ворот стоит небольшое четырехугольное с растрескавшимися и почерневшими стенами, венчанное поверх плоской крыши небольшим куполом здание глав-

ной монастырской церкви во имени св. Бориса и Глеба. В нескольких шагах левее Борисоглебской церкви стоит двухэтажный, деревянный, неоштукатуренный дом, назначенный для жилья игумена и братии; дом этот связан длинным, но узким бревенчатым коридором с другим монастырским храмом, т.е. с теплой церковью Св. Параскевии… Своды и стены дали сильные трещины, возможно, очень скоро храмы придут в состояние полного разрушения» [**8**, с. 42,45]. По причине аварийного состояния в Борисоглебском храме не проводилось богослужения.

По инициативе Витебской архивной комиссии, члены которой неоднократно обращались за поддержкой в императорскую Московскую археологическую комиссию, в 1907–1908 гг. был сделан капитальный ремонт здания Борисоглебского храма. В результате проведённых работ была пристроена новая апсида и деревянный притвор, произведена замена повреждённых каменных сводов новыми деревянными; внутри стены церкви были покрыты масляной краской, а снаружи — штукатуркой [**9**, л. 57]. Для осмотра проведённой реставрации в Полоцк был командирован член императорской Московской археологической комиссии академик П.П. Покрышкин, который отмечал, что в результате ремонтных работ были утрачены старинные оригинальные черты архитектуры церкви Бориса и Глеба и ценные фресковые росписи XII в. [**10**, с. 33].

После того, как в 1879 году Борисоглебский монастырь был приписан к Спасо-Евфросиниевскому, он фактически утратил свою собственность. Всё его имущество, постройки и земельные угодья стали принадлежать Спасскому монастырю.

Вывод

С XIX века Борисоглебская обитель постепенно отошла на периферию религиозной жизни города. Период её существования с 40-х гг. XIX до начала XX в. был отмечен глубоким кризисом, который привёл к окончательному уничтожению монастыря в 20-е годы XX века. Отсутствие штата иеромонахов и послушников стало как причиной прекращения духовно-религиозной деятельности, так и главным фактором хозяйственного упадка Бельчицкой обители.

Список литературы

1. Ведомость о состоянии заштатного Борисоглебского монастыря за 1864 г. // Национальный исторический архив Беларуси, г. Минск (НИАБ). – Фонд 2904. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1–5.

2. Дело о наделении Полоцкого Борисоглебского заштатного монастыря земельными угодьями (1843 г.) // НИАБ. – Фонд 2694. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 5, 27.

3. Дело о взыскании оброчных денег с монастыря за состоявших в его ведении государственных крестьян за 1848 г. // НИАБ. – Фонд 2904. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 1–2.

4. Дело о предоставлении настоятелями клировых ведомостей монастырей, ведомости о количестве при них церквей и числе церковнослужителей по епархии за 1845 год // НИАБ. – Фонд 2694. – Оп. 1. – Д. 191. – Л. 9.

5. Дело о назначении иеромонаха И. Блыщинского настоятелем Полоцкого Борисоглебского монастыря // НИАБ. – Фонд 2694. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 1–10.

6. Дело по обвинению монахов Полоцкого Борисоглебского монастыря в употреблении изготовляемой в монастыре водки (1843 г.) // НИАБ. – Фонд 2694. – Оп. 1. – Д. 92. – Л. 2–5.

7. Акты осмотра церквей г. Полоцка и уезда Витебского губернского церковно-строительного присутствия за 1868 г. // НИАБ. – Фонд 2503. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 35–379.

8. Сементовский, А. Полоцкий Борисоглебский монастырь / А. Сементовский // Полоцкий летописец: историко-литературный журнал. – 1992. – № 1. – С. 42–47.

9. Акты осмотра церквей г. Полоцка и уезда Витебского губернского церковно-строительного присутствия за 1904 г. // НИАБ. – Фонд 2694. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 53–57.

10. Селицкий, А.А. Живопись Полоцкой земли XI–XII вв. / А.А. Селицкий. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 173 с.: ил.

Будзько І.У.

Полацкае Евангелле канца XII ст.: лінгватэксталагічныя адметнасці, падрыхтоўка да выдання

Гістарычная Полаччына адыграла вырашальную ролю ў развіцці і распаўсюджванні кірыла-мяфодзіеўскай літаратурна-пісьмовай традыцыі на ўсходнеславянскіх землях. У выніку гістарычных катаклізмаў, войн, разбурэння і вынішчэння гэтага рэгіёну шматлікія пісьмовыя здабыткі мінулых часоў аказаліся па-за межамі Полацка і нават Беларусі. Сёння мы вывучаем рукапісы старажытных евангелляў, якія захоўваюцца ў кнігасховішчах Санкт-Пецярбурга, Масквы, Кіева, імкнучыся вылучыць сярод іх тыя, якія былі перапісаны ў культурным цэнтры старажытных крывічоў. Знакавае месца ў гэтым шэрагу належыць Полацкаму Евангеллю к. XII ст., якое зараз захоўваецца ў Расійскай дзяржаўнай бібліятэцы (аддзел рукапісаў, шыфр *Погод. 12*). Гэта самы ранні рукапіс Евангелля, які мае дачыненне да Беларусі (раней за яго датуецца толькі Тураўскае Евангелле – канца XI ст., але ад яго захавалася толькі 11 аркушаў і даследчыкі схіляюцца ўсё ж такі да таго, што помнік узнік у Кіеве). Рукапіс Полацкага Евангелля (ПЕ) некалі належаў Троіцкаму манастыру ў Полацку, захавалася 170 аркушаў, няма прынамсі адной пятай часткі тэксту. Чатыры аркушы гэтага помніка захоўваюцца ў Маскве (Дзяржаўны гістарычны музей) і вядомыя ў літаратуры як «Лісткі Ундольскага». Рукапіс напісаны ўставам, ініцыяльныя застаўкі візантыйскага ўзору. Па тыпалогіі апракасаў – поўны. Пры складанні табліцы евангельскіх чытанняў вызначаны страчаныя часткі тэксту (што ў будучым дазволіць спрасціць пошук гэтых старонак ў кнігасховішчах): адсутнічае кавалак чытання ў суботу 2-га тыдня па Вялікадні, нядзелю і панядзелак 4-га тыдня па Вялікадні, няма чытанняў на ўвесь 5-ы тыдзень па Вялікадні, чытанняў у пятніцу і суботу 6-га тыдня, на 1-шы, 2-гі і часткова 3-ці тыдзень пасля Тройцы, на 17-ы тыдзень пасля Тройцы і г.д. Аднак самыя вялікія прабелы тычацца Страснога тыдня, што дае меркаваць пра невыпадковае знікненне ста-

ронак. Хутчэй за ўсё, старонкі былі ўзятыя з рукапісу і перанакіраваныя ў іншую царкву менавіта з богаслужбовымі мэтамі.

Асаблівасці дыстрыбуцыі некаторых варыянтных графем у ПЕ заключаюцца ў наступным. У помніку назіраецца сталая замена **ѫ** (**ѭ**) на *оу*, у рэдкіх выпадках на **ү** і **ȣ**: **вѣроүющимъ, блхоу, сапогоу, соуть, идоуща, моужь, осоужение, ѿсоудоу, ѿкоудоу, въ славоу, блхоу,** (**на**) **недоужьнъıихъ, глхоу, соуботѣ, коупиша, стоуденьць; мьздоу, имоуть, водоу живоу, моужа; вѣроу, юмȣ**; нявытрыманасцю нормы характарызуецца ўжыванне *ю* на месцы **ѫ** пасля шыпячых і *ц*: **вложю, ѿрѣшю, нечю** (АЕ[1]– **нечоу**), **оцю, чюдесъ** (АЕ – **чоудесъ**), **въскрѣшю**; у пазіцыях пасля *j* стала пішацца *ю*: **юже, бесѣдоующема, свою, змию, смоковьницею.** Пры вывучэнні асаблівасцей дыстрыбуцыі графем, якія адлюстроўвалі названы галосны гук, заўважана, што варыянты *у* і **ȣ** сустракаюцца пераважна толькі ў канцы радка (графемы **ȣ** выключна ў канцы): **кокошниць оукрȣ / хъ, не повѣжь никомȣ /, пакъı възложи рȣ / цѣ** і інш. Юс вялікі сустракаецца спарадычна, асаблівай спецыфікі ў яго ўжыванні не заўважана: **на овчи кѫпели, месиѭ.** Замена **оу** на **ү** таксама абумоўлена пазіцыяй графемы ў тэксце: бліжэй да канца радка назіраецца вялікая колькасць такіх замен. Напрыклад, **и пасха и искахү /, же ютери к немү рѣ /, рече к томүже не /, въсѧ гднъ домү рeч /, ше ютери къ ісү /, и начаша въ күпь /** і г.д. Такім чынам, дыстрыбуцыя названых графічных сродкаў у пераважнай большасці залежала ад чыста тэхнічных прычын: калі трэба было сэканоміць месца ў радку, пісец рэдукаваў дыграф або пісаў графему **ȣ**.

Аналагічна можна растлумачыць варыянтнае напісанне графем **и** / **ї**, **о** / **ѡ**, якія ўжываліся для абазначэння гука [і], [о] адпаведна. Па ўсім помніку пераважае літара **и**: **вънидe, брати, тържьникомъ, и реч, имамъ** і г.д., літара **ї** ўжываецца ў канцы радка: **много дни и блї /, нѣ же вашемь пї /, ще же невѣроующї / мъ, ници и мъıтари прї / шьдъше, зоумѣва ю и прї / носить; истиною ибо ѡ / ць, столоу соудаще ѡ / бѣманадѣсѧте, нъ тъкмо иѣрещ / мъ, ища поко и не ѡ / брѣтаюто.** У позніх рукапісах такой заканамернасці не назіраецца. Відавочна, перарвана традыцыя.

На марфалагічным узроўні выяўлены наступныя асаблівасці:

а) флексія *-ови/еви* ў назоўніках м.р. у форме *Datsg* скланення на **о/*jo*: **бви** (але сустракаецца і **боу**), **иерѣови,** (**ѩвисѧ**) **мирови, къ ісви, архитриклинови, иоанови, архисоунагогови, кесареви;**

[1] Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. Факсимильное воспроизведение. – Ленинград – Москва, 1988.

б) флексія *-и* ў форме *Gsg* назоўнікаў скланення на **o/*jo*: ꙗко приближиса къ вратомъ градоу, тут жа народъ многъ бѣ ѿ града с нею;

в) канчатак *-ть* у дзеясловаў *3sg* і *pl*: дасть, имать, разоумѣеть, прикасають бо са, молахоуть; аднойчы памылкова прэзентнай аснове нададзена флексія інфінітыва: сътворати (замест створать);

г) звяртае на сябе ўвагу і спецыфіка дзеяслоўнага кіравання: *Acc* часта замяняецца на *Gen*: имать … живота вѣчьнаго (замест животъ), дасть … хлѣба истиньнаго (замест хлѣбъ); дадзеная марфалагічная рыса лакалізуецца сёння цэнтральнымі і паўднёва-заходнімі беларускімі гаворкамі, але спарадычна сустракаецца на Магілёўшчыне і Полаччыне (ДАБМ[2], к. № 211);

д) зваротны займеннік себе ў формах Dat-Abl у ПЕ адзначаецца ў формах, якія адпавядаюць старaславянскай норме, за некалькімі выключэннямі: та бесѣдоваше къ собѣ о всѣ (чытанне на аўторак светлага тыдня); не могоу азъ творити о собѣ ничсоже (чытанне ў чацвер другога тыдня пасля Вялікадня); юже видаще о собѣ вѣсте оубо ꙗко ѡцю своюмꙋ; напамать ї собѣ и дитати;

5. Сярод лакальных рыс, адзначаных у ПЕ, звярнулі на сябе ўвагу наступныя:

а) пераход *ие (а) > je (а)*: тиверыꙗдьскаго, абые, пьюте, пыꙗи, пьють, пыꙗ, оубьють, самарьискъ, дныю, льстыю, вѣтвые, людые, татые, кръвыю, велью і інш.;

б) цоканне (нераспадабненне і ўзаемазамена фанем *ц* і *ч*): наричаютьса, наричаемыи, чата, члвцьскаго, чл҄вцскъ, въ оцесѣ, личемѣри, пцѣтеса, концина, вдовича, отроца;

в) аканне: арамаѳы, araматы, праказа;

г) зацвярдзенне *р*: оумроша (замест оумрѣша — АЕ), тръхъ, горко; што пацвярджаецца варыянтнасцю напісання займенніка ютери, ютеры, ютеръ, лицемѣръ; гіпермяккасць названай фанемы таксама характэрная для полацка-смаленскіх гаворак: ѿ трапезы;

д) пераход *о > и*: въ оутроубоу, въ соубоутоу (рыса ўсходніх беларускіх гаворак, ДАБМ, к. № 35);

е) пераход *ѣ > і*. Гэтая з’ява прысутнічае ў ПЕ невыразна, толькі ў флексіях і граматычных фармантах, што можа быць растлумачана цьмянасцю артыкуляцыі і ўзаемаўплывам розных тыпаў скланення: слоушаꙗ словеси (замест словесе), въ храми (замест въ храмѣ), а такса-

[2] ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. – Мінск, 1968.

ма гіперправільная форма **створьшеи** (замест **сътворьшии**). Па аналогіі з гэтым пераходам адзначаны выпадкі пераходу *е* ў *і*: **лжисвѣдетель**;

ж) як і ў шмат якіх помніках старабеларускага пісьменства, у ПЕ назіраецца змяшэнне губных па цвёрдасці – мяккасці, гэтую з'яву даследчыкі звязваюць з балцкім уплывам: **моуромь** (параўн. **мюро**).

Пры падрыхтоўцы да выдання помніка быў ажыццёўлены камп'ютарны набор тэксту, тэкст разбіты на асобныя словы, прастаўлены евангельскія главы і вершы, а таксама зачалы для больш зручнага карыстання святарамі-сучаснікамі, расчытана першая старонка рукапісу (пасля рэстаўрацыі):

Зач. 1 **Єуаг съ бмь**
Ін. **починаѥм ѿ иоана** +
1:1 **Искони бѣ сло**
во и слово бѣ
ѿ ба и бъ бѣ
2 **слово · се бѣ и**
скони ѿ ба вс...
3 **...ѣмь быша и**
бе ... него не ...
4 **не бы ѥже и...**
... мъ животъ
бѣ и животъ бѣ
5 **свѣтъ чкомъ**
и свѣтъ въ тмѣ
свѣтитьсѧ и ть
6 **ма ѥго не обѧтъ**
...ыт...
...

...
7 **въ съвѣдѣтел...**
ство да съ...
тельств...
свѣтѣ...
8 **...оу им...**
не бѣ тъ свѣтъ...
да свѣдетель...
9 **ѥть о свѣтѣ...**
свѣтъ истинъı
... иже просвѣща
ѥт... всѧкого чка
гр...доущаго въ
10 **миръ · въ мирѣ б...**
и миръ тѣм...
и миръ ѥго не по
11 **зна · въ св... при**
де и сво...

Полацкае Евангелле – выдатны помнік старабеларускай культуры, які з'яўляецца бясспрэчным фактам пранікнення і шырокага распаўсюджання праваслаўнай веры на беларускіх землях ужо ў самыя раннія часы засваення ўсходнімі славянамі хрысціянства. Лінгвістычныя асаблівасці помніка сведчаць аб тым, што перапісчык яго быў носьбітам крывіцкага дыялекту, у той жа час выдатны ўстаў, візантыйскія ініцыялы і практычна беспамылковае ўжыванне рэду-

каваных дазваляюць вызначыць самую познюю мяжу ўзнікнення рукапісу — першая трэць XIII ст.

У 2012 годзе плануецца выданне гэтага помніка пісьменства пры непасрэдным удзеле Беларускай Праваслаўнай Царквы. У выданні будуць змешчаны факсіміле твора, расчытаны тэкст, у якім будуць пазначаны інтэрвалы паміж асобнымі словамі, а таксама прастаўлены евангельскія главы і зачалы. Выданне будзе змяшчаць таксама навуковыя каментары да рукапісу, яго тэксталагічных і лінгвістычных асаблівасцей.

Гаврилова С.В.

Спасо-Евфросиньевский монастырь в 1920-х гг.

История Спасо-Евфросиньевской обители, насчитывающей более 8 столетий, таит в себе ещё немало загадок. Даже события, казалось бы, недавнего XX столетия часто скрыты завесой прошедших десятилетий. В памяти людей остались лишь самые запоминающиеся, порой трагические, страницы. Такие, например, как конфискация имущества монастыря или вскрытие мощей преподобной Евфросинии в 1922 г. Вновь открытые документы позволяют сегодня дополнить известные ранее факты и восполнить отдельные пробелы новыми сведениями.

В период Первой мировой войны сёстры и имущество Спасо-Евфросиньевского монастыря были эвакуированы в Ярославскую губернию, где разместились в Богоявленском Авраамиевом монастыре г. Ростова. Более чем на пять последующих лет Ростов Великий станет для обители вторым домом. Игуменья монастыря Елена (Екатерина Волкова) вернулась в Полоцк, предположительно, ещё в 1918 г. после освобождения города от немецкой оккупации. В монастыре она возглавила Спасский детский дом [**4**]. По всей видимости, она приехала не одна, и к возобновившим свою деятельность сёстрам стали присоединяться женщины. Не раз предпринимались попытки к возвращению имущества из эвакуации. Во время белопольской оккупации 1919–1920 гг. на территории монастыря проводились богослужения [**5**, с. 93]. После освобождения города в августе 1920 г. монастырские строения осмотрела Уездная комиссия по охране памятников старины и искусства, которая высказалась за необходимость возвращения «из Ростова (Яросл. губ.) всего эвакуированного имущества церкви, для чего, по словам монахинь, потребуется около 3-х товарных вагонов» [**3**, л. 43 об]. В ноябре того же года игуменья ходатайствовала перед членами Комиссии о возвращении эвакуированных ценностей [**7**, л. 226], которое откладывалось из-за оккупаций города немецкими и белопольскими войсками. Вероятнее всего, это событие произошло только в 1921 г.

К тому времени, 26 апреля 1920 г., в Ростове первый раз были вскрыты мощи преподобной Евфросинии и конфискована большая часть имуще-

ства полоцкой обители. Но и после возвращения в Полоцк сёстры не обрели покоя. В 1922 г. наиболее ценное имущество Спасо-Евфросиньевского монастыря очередной раз подверглось конфискации. В протоколе подкомиссии по изъятию церковных ценностей при Полоцком уездном исполкоме была отмечена необходимость вскрытия мощей «с целью обнаружения ценностей, а также разоблачения обмана», на чём настаивали отдельные члены подкомиссии [**8**, л. 68 об]. Через 10 дней после конфискации повторно были вскрыты мощи преподобной Евфросинии. За «явное укрывательство» ценностей игуменью Елену вместе с другими сопротивлявшимися разграблению арестовали [**8**, л. 68].

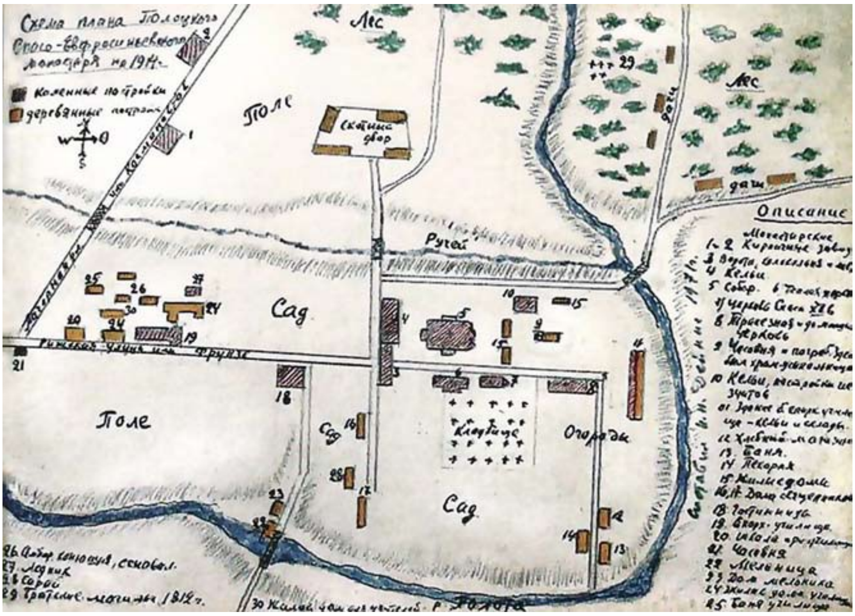

Рис. 1. Схема плана Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря на 1914 г. Автор И.П. Дейнис.

Несмотря на все тяготы, в первой половине 1920-х гг. монастырю принадлежали луга, фруктовые сады, ухоженные огороды, большое хозяйство, содержавшееся в образцовом порядке: породистые коровы, лошади, козы, куры. Сельскохозяйственные работы занимали большую часть года; зимнее время посвящалось рукоделиям. Сёстры шили стёганые одеяла, вязали пуховые платки, перчатки, рукавицы, чулки, кофты. Их изделия пользовались большим спросом у населения [**22**, с. 2]. Некоторые монахини и послушницы работали педагогическими и техническими служащими при детском доме, число воспитанников которого постоянно увеличивалось [**4**].

Однако единолично владеть всем принадлежавшим монастырю имуществом община уже не могла. Монахиням приходилось делить монастырские помещения с солдатами 5-й стрелковой дивизии. Казарма 3-го батальона 41-го полка размещалась в 17 небольших комнатах, бывших монашеских кельях. По заключению осмотра, проведённого 8 декабря 1921 г., эти комнаты, рассчитанные на 2–3 монахинь, вмещали по 20–30 солдат; сами помещения очень ветхие, печи полуразрушены, во многих окнах разбиты стёкла [**2**, л. 1 об]. Служившие в детдоме учительницы жили в одном здании с ребятами (старое здание Епархиального училища), остальные монахини занимали, вероятно, здание трапезной. С 1921 г. зданиями бывшего женского Епархиального училища, монастырской гостиницы и окружающими землями владел Полоцкий лесной техникум [**5**, с. 281].

В августе 1922 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет издал постановление о регистрации религиозных обществ. Община при Спасо-Евфросиньевском монастыре в составе 23 верующих была зарегистрирована одной из первых. Уже 20 августа был заключён договор и составлена церковно-ризничная опись, где среди прочего был отмечен «животворящий крест Господень с частицей древа креста Господня и капля крови его в металлическом футляре», известный как Крест Евфросинии Полоцкой [**17**, л. 7]. Согласно содержанию документа, отдельные культовые предметы были водворены на место в

Рис. 2. Ариадна и Тамара Червинские, середина 1920-х гг. Воспитывались в Полоцком Спасском детском доме в 1922–1924 гг.

Крестовоздвиженском соборе, Спасо-Преображенской и Алексеевской церквях. Помещение же Свято-Евфросиниевской церкви выполняло роль хранилища остального имущества.

Зарегистрированные религиозные общества обязаны были выплачивать государству арендную плату и страховые взносы. На октябрь 1924 г. за общиной числилась недоимка по оценочному сбору со строений, земельной ренте и страховке в сумме 978 рублей 25 копеек [**9**, л. 39 об]. Но из-за малочисленности общины такая сумма не могла быть выплачена.

В 1924 г. обитель была официально закрыта властями, в нескольких монастырских строениях разместился Полоцкий районный исполком. Монастырский детский дом был расформирован. Детей перевели в другие заведения [**19**, с. 1]. Несколько старших воспитанниц остались при монастыре. Полоцкий лесной техникум «с экскурсионной и научной целью» приводил группы учащихся в монастырские храмы [**6**, л. 117]. Монастырь был преобразован в сельскохозяйственную артель «Спас», хотя религиозная община продолжала действовать и к 1925 г. насчитывала 60 человек [**16**, л. 68 об]. Артель была организована на бывшей огородной земле Спасо-Евфросиньевского монастыря и управлялась игуменьей Еленой и монахиней-казначеей Ларисой (Александрой Ксюниной). Первоначально в список артели были занесены все монахини (146 человек), находившиеся в монастыре в момент его закрытия [**20**, с. 2]. Так как ранее они занимались рукоделием, при артели решено было организовать ткацкую мастерскую. Бывшую учительницу монастырского детского дома С.П. Червинскую артель командировала в г. Витебск, где ткацкому делу её обучал И.И.Червинко — член авангардного художественного общества «УНОВИС», организованного К. Малевичем. После её возвращения артель закупила несколько ткацких станков, и мастерская при монастыре работала ещё около года [**19**, с. 1].

Рис. 3. Софья Петровна Червинская, 1910–1916 гг. Работала в школе при монастыре в 1922–1924 гг., позже приняла монашеский постриг под именем Рафаила.

Постепенно бывшие монастырские земли и постройки перешли во владение органам власти и ведомствам. В январе 1925 г. 15 десятин земли, арендуемой монашеской общиной, были отведены воинским частям под строительство [**10**, л. 81]. В следующем месяце в Полоцке разместили 15-й стрелковый полк 5-й стрелковой дивизии, для которого отвели помещения на территории монастыря. В апреле того же года имевшиеся свободные помещения были переданы Военведу для размещения отряда воздушного флота [**11**, л. 229]. В помещении бывшего детдома разместили дом отдыха, и бывшим воспитанницам было поручено охранять от «отдыхающих» сохранённый за артелью фруктовый сад [**23**, л. 5]. Вероятно, уже к лету 1925 г. монастырскую артель выселили из занимаемых помещений, отведя её членам несколько десятков гектаров на пустыре в полукилометре от деревни Сосница.

Видимо, сразу после этого, 2 июня 1925 г., Полоцкий райисполком выступил с ходатайством о передаче ему 2-этажного здания, освобождённого сельхозартелью Спасо-Евфросиньевского монастыря [**12**, л. 303 об]. В тот же день Комиссия по охране памятников искусства, старины и природы при Инбелкульте взяла на учёт Спасо-Преображенскую церковь и Крест Евфросинии Полоцкой [**1**, л. 5]. К концу месяца все освободившиеся помещения были распределены. В 2-этажном флигеле при въезде на территорию монастыря разместили Кредитное товарищество, Народный суд, фельдшерский пункт, общежитие служащих райисполкома. Сам комитет разместился в 2-этажном большом доме во дворе монастыря, рядом с которым в деревянном доме разместилась районная милиция. Под квартиру председателя районного исполкома был занят маленький деревянный флигель. Здание Свято-Евфросиниевской церкви было превращено в клуб райисполкома, которому отошли и некоторые хозпостройки. Остальные здания были закреплены за Военведом: 2-этажный кирпичный флигель, 2-этажный деревянный дом, скотный двор со всеми постройками, расположенные рядом два небольших домика, здание собора, дровяной склад [**13**, л. 168]. Лесной техникум для размещения сотрудников комитета передал исполкому два деревянных флигеля, а здание бывшей монастырской гостиницы — Военведу; часть принадлежавшей техникуму бывшей монастырской земли была отведена под плодопитомник. На территории учебного заведения оказались бывший монастырский сад, дома священнослужителей и сад возле них. Богатый садовый урожай поступал не только в столовую

техникума, но и шёл на продажу, выручку от которой тратили на питание учащихся, а также на содержание общежитий [**5**, с. 282]. Возле бывшего Спасо-Евфросиньевского монастыря началось строительство военного городка. На земле, обрабатывавшейся артелью, разместилось подсобное полковое хозяйство. Позже эта земля была включена в состав колхоза «Путь Ленина» [**21**]. Соборная церковь монастыря перешла во владение обновленцам, которые заключили с властями договор на её аренду, предположительно, в 1926 г., после организации Полоцкой обновленческой кафедры [**18**, с. 174].

Рис. 4. Ариадна Фаддеевна Червинская (во втором ряду вторая слева) среди детей, внуков, правнуков. Ростов-на-Дону, 2006 г.

На сегодняшний день сохранились лишь отрывочные сведения о существовании артели после её изгнания с территории монастыря. Наиболее полно этот период отражён в мемуарах одной из воспитанниц монастырского детского дома — Ариадны Фаддеевны Червинской, детство которой прошло среди сестёр Спасо-Евфросиньевского монастыря. Воспоминания А.Ф. Червинской открыли исследователям многочисленные факты. Местность, куда выселили артель, некогда представляла собой участок векового хвойного леса, который ещё в Первую мировую войну немцы вырубили и вывезли. Вокруг этого пустыря, усеянного пнями, располагались деревни, поля которых примыкали к границам пустыря. Из Полоцка туда приехало около половины насельниц. В сентябре 1925 г. в артели насчитывалось 78 членов [**15**, с. 97]. Оставшиеся в городе находи-

лись при Софийском соборе, Богоявленской, Свято-Духовской и Спасо-Евфросиньевской церквях в качестве псаломщиц, певчих или занималась рукоделием, проживая на частных квартирах [**20**, с. 2]. С сёстрами переехали и некоторые девочки — бывшие воспитанницы детского дома. Игуменья Елена была назначена председателем правления артели, монахиня Лариса — секретарём правления. Монахиням-артельщицам пришлось вручную корчевать огромные пни, оставшиеся от спиленных деревьев. Эти пни и дали название артели — «Пеньки». Расчищенные участки земли распахали, посеяли рожь, ячмень, овёс, высадили картошку, морковь, репу, брюкву, лук, свёклу. Все работы выполняли сами артельщицы, только в летний сезон нанимали одного-двух работников-мужчин.

В «Пеньках» были построены 9 домов [**21**]. Избы из круглых брёвен были покрыты гонтом, почти во всех стояли русские печи. Один дом был игуменским: половину его занимали игуменья с казначеей, во второй половине жили девочки-сироты. В одной избе была устроена домовая церковь, куда приходили на службы старики из соседних деревень. Священника в «Пеньках» не было. Его приглашали из города по большим праздникам. В остальных домах проживали бывшие монахини и находилась артельная столовая. В «Пеньках» имелся скотный двор и другие хозяйственные постройки. Артельное хозяйство было большим: коровы, козы, лошади, куры. В пищу употребляли, в основном, плоды собственных трудов. Из продуктов закупались лишь соль, сахар, крупа, льняное и конопляное масло. Большим подспорьем в питании были грибы, росшие в изобилии в окрестных лесах. Грибы и ягоды в различных видах заготавливали на зиму. Артельное хозяйство процветало. Для обучения туда присылали студентов-практикантов из сельскохозяйственных вузов.

Несмотря на то, что артель, в которой в 1928 г. насчитывалось 35 человек (игуменья, 13 монахинь, послушницы), имела хозяйственные достижения, применяла культурную обработку земли, власть была намерена её ликвидировать. В 1929 г. было объявлено о ликвидации артели, выселении её бывших членов и распродаже скота. Вскоре состоялись аресты. Под суд за организацию лжеколхоза были отданы игуменья Елена, монахини Лариса и Рафаила (имя С.П. Червинской в монашестве, принявшей постриг незадолго до этого). Их приговорили к трём годам лишения свободы и определили в Полоцкий исправдом, а позднее перевели в Витебский центральный женский исправдом. В «Пеньках» оста-

лись лишь 4 бывшие воспитанницы детдома. Территория «Пеньков» вместе со всеми, в том числе и несовершеннолетними, членами артели была включена в состав колхоза «Парижская коммуна», организованного на базе близлежащих крестьянских хозяйств с центром на станции Горяны. В своём отчёте за 1929–1930 гг. Полоцкий райисполком отмечал, что «колхоз «Пеньки», основанный бывшими монашками, превратился в монастырь, и был распущен» [**14**, с. 100]. За хозяйством больше никто не присматривал. На скотном дворе поселили колхозных свиней, уход за которыми был возложен на новоиспечённых колхозниц.

Через полтора года из исправдома были освобождены игуменья Елена и монахиня Лариса, которые вернулись в Полоцк, где на окраине города сняли небольшую квартиру, а также монахиня Рафаила, которая приехала в «Пеньки».

О дальнейшей судьбе сестёр Спасо-Евфросиньевской обители известно немного. Игуменья и казначея, видимо, в скором времени переехали в г. Воронеж, родной город монахини Ларисы. Игуменья Елена в преклонном возрасте скончалась и была похоронена на Северном кладбище г. Омска.

Первая мировая война стала причиной, по которой опустел один из древнейших белорусских монастырей. Меняющийся политический строй затронул привычный уклад жизни сестёр обители. В 1920-х гг. Спасо-Евфросиньевский монастырь постепенно лишился самого ценного культового имущества и своих святынь – мощей и Креста преподобной Евфросиньи Полоцкой. Многочисленные монастырские постройки и земли были объявлены государственной собственностью. Со временем сёстрам не нашлось места в стенах родной обители. Они продолжили в тайне совершать иноческий подвиг, даже когда монастырь был закрыт. Сестринская община, преобразованная в сельхозартель, смогла и на пустыре недалеко от д. Сосница и ст. Горяны наладить новую жизнь, практически полностью обеспечив себя всем необходимым и предоставив местным жителям возможность посещать церковные службы. Несмотря на все сельскохозяйственные достижения, представители власти разрушили новый уклад жизни бывшего монастыря. Только во время немецко-фашистской оккупации сёстры смогли вернуться в стены своей обители.

Список литературы и источников

1. Акт Камісіі па ахове помнікаў мастацтва, старажытнасці і прыроды пры Інбелкульце аб абвяшчэнні дзяржаўнай маёмасцю помнікаў мастацтва і старажытнасці на тэрыторыі г. Полацка і ў яго ваколіцах ад 2 чэрвеня 1925 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 81.

2. Акт № 1 санитарной пятёрки 41-го полка о состоянии помещений, которые занимают солдаты от 8 декабря 1921 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 51. – Оп. 1. – Д. 25.

3. Акт № 12 Полоцкой Уездной Комиссии по охране памятников старины и искусства об обследовании Спасо-Евфросиньевского монастыря от 15 августа 1920 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 54. – Оп. 1. – Д. 343.

4. Гаврилова, С.В. Полоцкий Спасский детский дом / С.В. Гаврилова // Монастырь у церкви Спаса [Электронный ресурс] / Сайт Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря. – Полоцк, 2009. – Режим доступа: http://spas-monastery.by/library/articles_and_publications.php?id=1348 – Дата доступа: 05.12.2011.

5. Дейнис, И.П. Полоцк в XX веке / И.П. Дейнис. – 308 с. (НПИКМЗ, КП 19-2345).

6. Заявление Полоцкого лесного техникума от 16 февраля 1925 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 42а.

7. Протокол заседаний Полоцкой Уездной Комиссии по охране памятников старины и искусства от 6 ноября 1920 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 54. – Оп. 1. – Д. 3.

8. Протокол заседания Подкомиссии по изъятию церковных ценностей при Полоцком Уездисполкоме от 3 мая 1922 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 51. – Оп. 1. – Д. 91.

9. Протокол совещания Полоцкого Окружного Коммунального отдела совместно с представителями Полоцкого ОКФО и Госстраха по вопросу о ликвидации недоимок, числящихся на госимуществе, находящихся в аренде у религиозных общин, от 17 октября 1924 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 42а.

10. Протокол № 1 заседания президиума Полоцкого окружного исполнительного комитета от 7 января 1925 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 225. – Оп. 1. – Д. 2.

11. Протокол № 17 заседания президиума Полоцкого окружного исполнительного комитета от 24 апреля 1925 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 225. – Оп. 1. – Д. 2.

12. Протокол № 23 заседания президиума Полоцкого окружного исполнительного комитета совместно с председателями РИКов от 2 июня 1925 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 225. – Оп. 1. – Д. 2.

13. Протокол № 28 заседания рабочей тройки Полоцкого окрисполкома от 23 июня 1925 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 225. – Оп. 1. – Д. 2.

14. Са справаздачы Полацкага райвыканкома // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацкага р-на. – Мінск: Выш. шк., 1999. – С. 100–101.

15. Сельскагаспадарчыя кааператывы // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацкага р-на. – Мінск: Выш. шк., 1999. – С. 97–98.

16. Церковно-ризничная опись Полоцкого Спасо-Евфросиньевского женского монастыря за 1922 год от 20 августа 1922 г. // Государственный архив Витебской области. – Ф. 1821. – Оп. 1. – Д. 133.

17. Список о количестве в Полоцком округе религиозных культов // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 42а.

18. Шиленок, Д. История Полоцкой обновленческой кафедры / Д. Шиленок // Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939) // Д. Шиленок. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2006. – С. 171–181.

Архив Краеведческого музея – филиала НПИКМЗ.

19. Воспоминания С.П. Червинской: рукопись. – Ростов-на-Дону, 1978. – 3 с.

20. Дополнение к докладу о монастырях, находящихся на территории БССР… от 29.09.1928 г.: рукопись. – Полоцк, 2005. – 2 с.

21. Интервью с В.Д. Егоровым: рукопись. – Полоцк, 2007. – 1 с.

22. Мемуары А.Ф. Червинской: рукопись. – Ростов-на-Дону, 2009. – 47 с.

23. Переписка с О.А. Лукьянченко: рукопись. – Ростов-на-Дону – Полоцк, 2011 г. – 21 с.

Галубовіч В.У.

Полацкі бунт Корсакаў 1641 года: крымінал ці праява непавагі да ўлады?

Погляд на гісторыю як унікальнае адгалінаванне літаратурнай працы дае амаль неабмежаваныя магчымасці для інтэрпрэтацыі асобных гістарычных падзей, якія, з пункту гледжання паўнавартаснага навуковага даследавання, з'яўляюцца безнадзейнымі з-за абмежаванасці крынічнай базы і, адпаведна, малой верагоднасці знайсці іх працяг. Уласна такі выпадак стаў падставай для падрыхтоўкі дадзенага артыкула.

Не сакрэт, што прыватныя архівы з'яўляюцца складанымі паводле крыніц камплектацыі зборамі і могуць утрымліваць унікальныя дакументы. У Архіве Радзівілаў, што зберагаецца ў варшаўскім Галоўным архіве старажытных актаў, знаходзіцца шэраг асобных аддзелаў, куды ўваходзяць дакументы звязаных з Радзівіламі уплывовых родаў Вялікага Княства Літоўскага, у тым ліку дакументы знакамітага роду Кішкаў, апошнія прадстаўнікі якога па мужчынскай лініі жылі да сярэдзіны XVII ст. Між іншымі тут зберагаюцца матэрыялы з асабістага архіва Януша Кішкі, полацкага ваяводы ў 1621–1653 гг. Менавіта ў россыпе дакументаў гэтага магната была выяўлена цікавая судовая пастанова, у якой апісваецца адзін неардынарны выпадак, што меў месца ў Полацку ў 1641 г. [**5**, s. 26]. Змест справы выглядае наступным чынам.

28 верасня 1641 г. вялікі князь літоўскі і кароль польскі Уладзіслаў Ваза падпісвае мандат (*Дакумент быў выдадзены ў Варшаве ў час звычайнага сойма, які пачаўся 20 жніўня і скончыўся 4 кастрычніка 1641 г. Гэтая справа, напэўна, не была ў той дзень найважнейшай для манарха, які займаўся ў сенаце гучным працэсам паміж кракаўскім кашталянам і князем Вішнявецкім. Відавочна, што позва была падпісана мімаходам, без унікання ў дэталі* [**8**, s. 267]), на падставе якога на задворны каралеўскі суд быў выкліканы шэраг жыхароў Полацкага ваяводства, а менавіта: Тобіяш Дзмітравіч Корсак, яго жонка Ганна Скапоўна, іх сын Станіслаў, а таксама Міхаіл, Абрам, Захарыяш і Багдан Корсакі ды Павел Ісакоўскі. Усе пералічаныя былі названыя

«*прынцыпаламі*», гэта значыць, завадатарамі ўсёй справы, і абавязваліся з'явіцца пасля перадачы ім позвы на двор манарха праз восем тыдняў у выпадку яго знаходжання ў Кароне Польскай альбо праз чатыры тыдні – у ВКЛ. Падставай для «запрашэння» вышэйназваных асобаў у суд стала скарга полацкага ваяводы Януша Кішкі, змест якой змусіў інстыгатара ВКЛ (публічны абвінаваўца ў задворным судзе, у 1641 г. гэту пасаду займаў каралеўскі сакратар Стэфан Хшанстоўскі) распачаць належныя судовыя дзеянні [**10**, S. 48–49]. Што ж выклікала асабістую інтэрвенцыю Януша Кішкі, якога ўнутраныя справы Полацкага ваяводства ніколі асабліва не клапацілі?

Пачатак гэтай гісторыі толькі на першы погляд мае выключна крымінальны характар. У ноч з ***7 на 8 сакавіка 1641 г.*** у час знаходжання ў Полацку Станіслаў Корсак на чале ўласнай чэлядзі «*напаў моцна гвалтам на слабаду нашую Бельчыцкую, да ваяводства полацкага прыналежную*». Невядома, што было мэтай наезду, але ў выніку Корсак пасярод ночы «*па-тыранску дасмерці забіў*» мешчаніна Давіда Яновіча, а двух ягоных малых дзетак забраў у няволю разам з маёмасцю. Ужо на раніцу злачынца быў па гарачых слядах злоўлены, дастаўлены ў Полацк і кінуты ў замкавую вязніцу [***5***, s. 26].

Учынак С. Корсака адразу апынуўся ў цэнтры ўвагі, паколькі быў здзейснены прадстаўніком самага заўважнага мясцовага шляхецкага роду, да таго ж, у час правядзення сесіі гродскага суда, такім чынам, «*зневажаючы нашу зверхнасць і права паспалітае*». Паводле дзейснай на той час рэдакцыі Статута ВКЛ, такі ўчынак кваліфікаваўся як злачынства ***тоеснае абразе асобы гаспадара*** і жорстка караўся: «*Пакли ж бы хто кого такою бронью, з рушницы або з лука и якою кольвек стрельбою забил, а был бы на горачом учинку поиман, альбо за заказом врядовым сам в право вдавшися, а слушным правным доводом в том переконан, таковый горло тратит*» [**4**, с. 87]. Але ці мала было такіх выпадкаў? Напэўна, абыйшлося б тут і без умяшальніцтва ваяводы, каб падзеі не набылі працяг у стылі, уласцівым амерыканскім вестэрнам.

Пра арышт С. Корсака неўзабаве даведаліся яго бліжэйшыя сваякі, якія, не прамарудзіўшы шмат часу, прадпрынялі крокі па арганізацыі вызвольнай акцыі «*узрушваючы паспаліты спакой і ўсчыняючы бунт ў нашай дзяржаве, не зважаючы на суровасць права*». Прадстаўнікі клана і, найперш, бацька злачынцы – Тобіяш Корсак, распрацавалі і ажыццявілі імклівы план. Сабраны імі атрад з некалькіх дзясяткаў

па-вайсковаму ўзброеных людзей, касцяк якога склалі самі Корсакі, рушыў да полацкага замка акурат у час, калі там адбывалася ***пасяджэнне гродскага суда!*** Цалкам усведамляючы наступствы сваіх дзеянняў, нападнікі дабраліся да месца, дзе знаходзіўся Станіслаў Корсак, ***пабілі і пасеклі замкавую пяхоту, якая яго сцерагла, збілі з дзвярэй вязніцы замок, пасля чаго, вызваліўшы злачынцу, беспакарана пакінулі замак*** [**5**, s. 26]. На жаль, далейшы лёс гэтай справы невядомы. Магчыма, даследаванне корпуса судовых кніг Метрыкі ВКЛ за пачатак 40-х гадоў XVII ст. дазволіць высветліць, чым усё скончылася, тым больш, што мандат сапраўды быў прадстаўлены абвінавачаным, але невядома, ці яны з'явіліся на разгляд справы.

Сам факт такога ўчынку быў праявай адначасова скрайняй знявагі і законнасці, і ўлады. Найперш, у гэтай сітуацыі цярпеў аўтарытэт полацкага ваяводы, пад вяршэнствам якога дзейнічаў гродскі суд, бо ваявода прызначаў склад судовых ураднікаў, да таго ж пацярпелі ваяводскія слугі, якія знаходзіліся ў замку. На такі факт, які далёка выходзіў за межы прынятых і нават дапушчальных нормаў, Януш Кішка вымушаны быў сам адрэагаваць, а не чакаць, пакуль справа, абмінаючы яго, дойдзе да караля.

Магчымай прычынай маштабнай антыпраўнай акцыі стала ўпэўненасць Корсакаў ва ўласнай беспакаранасці. Прадстаўнікі гэтага разгалінаванага і, бадай, самага ўплывовага ў Полацкім ваяводстве шляхецкага роду і раней выступалі арганізатарамі антызаконных мерапрыемстваў. Чаго варта толькі разбурэнне полацкага кальвінскага збора, учыненае ў ліпені 1638 г. вучнямі базылянскай школы, якімі кіравалі Корсакі [**6**, s. 464]. Ажыццяўленне пакарання за гэта злачынства ад полацкага ваяводы патрабаваў сам Уладзіслаў Ваза, што дае падставы сцвярджаць пра нежаданне мясцовай улады несці адказнасць за ўласную бяздзейнасць.

Як відаць, мясцовая шляхта дапускала пэўную свабоду ў адносінах да ваяводы, а ў яго асобе – да манарха. Тое, што Я. Кішка быў вымушаны карыстацца прававымі сродкамі для здзяйснення сваёй улады, сведчыць не толькі пра высокую прававую культуру правячай эліты ВКЛ, але і абмежаванасць наяўных механізмаў уздзеяння на грамадства зверху.

Галоўным абвінавачаным і арганізатарам бунту называецца Тобіяш Корсак. У польскіх гербоўніках такое імя сапраўды сустракаецца, больш таго, слушна названа і імя яго жонкі Ганны [**7**, s. 188–189; 9, s.

225]. Паводле гэтых звестак, Тобіяш, альбо Фабіян, адносіўся да галубіцкага адгалінавання роду Корсакаў і быў сынам Рамана Фёдаравіча Корсака, што супярэчыць звесткам з нашага дакумента, дзе бацькам Тобіяша названы Дзмітр. Няма ў гербоўніках і звестак пра сына Тобіяша — Станіслава. Цікава, што сярод патрапіўшых пад суд апынулася і жонка Тобіяша, відаць, актыўная ўдзельніца вызвалення з турмы свайго сына.

Якое пакаранне панеслі ўдзельнікі штурму полацкага замка, сказаць складана, але ўпэўнена можна сцвярджаць, што, прынамсі, галоўны абвінавачаны жыццё не страціў. Так, амаль праз дзевяць гадоў пасля здарэння імя Тобіяша Дзмітравіча Корсака сустракаецца ў некалькіх справах актавай кнігі полацкага магістрата (ад 17 студзеня 1650 г.), дзе ён выступае ў якасці пазычальніка грошай полацкім мяшчанам [**1**, с. 53, 55–56]. Актавыя крыніцы дазваляюць выправіць наяўныя памылкі з гербоўнікаў адносна Т. Корсака. Справа ў тым, што ў адным з дакументаў сам Т. Корсак называе сябе «*хоружычъ воеводъства Полоцъкого*» [**1**, с. 55]. Гэта адназначна ўказвае на тое, што ён быў сынам Дзмітра, адзінага з Корсакаў з такім іменем, які займаў урад полацкага харужага ў 1589–1594 гг. [**3**, с. 74]. Адсюль становяцца зразумелымі падставы рашучасці Тобіяша, які рызыкнуў у 1641 г. вызваляць сына, маючы ўжо як мінімум пяць дзясяткаў гадоў. Верагодна, што салідны для тых часоў узрост «харужыча» дазволіў яму не зважаць на наступствы сваіх дзеянняў. Дарэчы, і яго сын-крымінальнік Станіслаў Корсак шчасліва пераўжыў каралеўскі суд і, па дакументах, жыў яшчэ ў 1650 г. [**1**, с. 100]. Цікава, што абодва Корсакі пазычалі полацкім мяшчанам грошы, магчыма, займаліся ліхвярствам.

Сакавіцкія падзеі 1641 г. добра ілюструюць магчымасці грамадскага супраціву, няхай і ў крымінальным кантэксце. Усведамленне пра магчымасць такіх акцый, несумненна, стрымлівала мясцовыя ўлады ад ціску на грамадства. Вельмі верагодна, што стаўленне да ваяводы было праявай барацьбы шляхты за вяртанне ў практыку традыцыі абрання полацкіх ваяводаў [**2**, с. 39]. Пасіўная пазіцыя Януша Кішкі ў адносінах парушэння права стымулявала грамадства да рэалізацыі антыпраўных ініцыятываў.

Спіс літаратуры

1. Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г.: зб. дак. – Мінск: Беларус. навука, 2006. – 270 с.

2. Галубовіч, В.У. Полацкія ваяводы ў XVII ст. / В.У. Галубовіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 11. – С. 36–41.

3. Радаман, А. Земскія ўраднікі Полацкага ваяводства (другая палова XVI – першая палова XVII стст.) / А. Радаман, В. Галубовіч, Д. Вілімас // Commentarii polocenses historici. – 2004. – T. I. – C. 73–80.

4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. – Мінск: БелСЭ, 1989. – С. 573.

5. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiłłów, dział X, sygn. 643.

6. Kempa, T. Wobiec kontrreformacji. Protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007. – S. 464.

7. Boniecki, A. Herbarz Polski / A. Boniecki. – Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie, 1907. – Cz. 1. – T. XI. – 398+IV s.

8. Radziwiłł, A.S. Pamiętniki o dziejach w Polsce. / A.S. Radziwiłł. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. – T. 2. – 554 s.

9. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej.– Warszawa: Skład główny księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1910. – T. VII. – 388 s.

10. Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku: Spisy / Pod red. A. Gąsiarowskiego. – Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1994. – T. 11: Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy / Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba; PAN. Bibl. Kórnicka. – 255 s.

Громакова Г.П.

Научно-исследовательская деятельность младших школьников как средство развития интереса к краеведению

Современные приёмы и методы обучения предполагают повышение мотивации учащихся в сфере получения знаний. Одним из стимуляторов роста интереса учащихся к овладению знаниями является исследовательская деятельность самих детей. Природа наделила человека способностями к исследованию. Но эта способность нуждается в поддержке для развития. Подготовка ребёнка к исследовательской деятельности, обучение его умениям и навыкам исследовательского поиска становится важнейшей задачей современного образования.

Ребёнок, только начинающий учиться, очень мало знает о том уголке страны, где он живёт. Дом – детский сад – двор – школа – границы мира постепенно расширяются, и маленький человек начинает задавать всё больше и больше вопросов.

Цели исследовательской работы:

1) формирование навыков познавательной деятельности:
   - работа с информацией,
   - организация рабочего пространства и времени,
   - рациональное использование знаний,
   - потребность в познании,
   - расширение кругозора;
2) формирование коммуникативных умений:
   - публичные выступления,
   - диалоговое общение;
3) возможность самореализации:
   - повышение уровня самостоятельности.

Требования к исследовательской деятельности:

1) опора на собственный опыт ребёнка,
2) обучение в действии,

3) побуждение к экспериментированию и наблюдению,
4) чередование индивидуальной и коллективной работы.
Условия для развития умений исследовательской деятельности:
1) целенаправленность и систематичность,
2) мотивированность,
3) творческая среда,
4) психологический комфорт,
5) личность педагога,
6) учёт возрастных особенностей.

Исследовательская деятельность в 1–4-х классах:

- *1 класс* – ведётся пропедевтическая работа (частично-поисковая под руководством учителя, уроки-исследования, кратковременные исследования).
- *2 класс* – специальные занятия (1 час в неделю).

Направления работы: 1) знакомство с теоретическими понятиями, 2) коллективные исследования по определённому плану, 3) использование проблемных и поисковых методов на уроках, 4) выявление различных свойств, действий предметов, 5) подготовка самостоятельного долговременного исследования.

- *3 класс* – дополнительно: 1) самостоятельное долговременное исследование, 2) обсуждение хода исследований на занятиях.
- *4 класс* – обобщение полученных знаний.

Исследовательская работа в городе со столь древней историей не может не заинтересовать учителя, поскольку несёт в себе огромный образовательный, воспитательный и развивающий потенциал. Главными целями этой работы являются обогащение духовного мира ребёнка, формирование патриотизма. Развитие эстетических чувств и художественного вкуса на основе знакомства с культурно-историческими ценностями Полоцка. Широкие возможности, открывающиеся в рамках краеведения, вместе с тем возлагают и определённую ответственность, ведь главная задача учителя состоит в том, чтобы знания, переданные детям, в конечном счёте стали основой духовности, правильного эмоционального восприятия.

Как же добиться того, чтобы за сухими историческими фактами дети ощутили пульс жизни ушедших поколений, чтобы выдающиеся люди минувших времён стали для них понятны и близки, чтобы до-

блесть предков затронула их души, рождая чувство гордости за родную землю. Одним из способов достижения данных целей мы увидели метод проектов.

Таким образом, в 2008 году на базе 1-х классов был запущен проект ***«Любимому городу посвящается...»***.

Принципы метода проектов:

1) совместная инициатива учащихся и учителя,

2) значимость проекта для окружения учащихся,

3) работа — модель серьёзной научной работы,

4) педагогическое значение проекта,

5) гибкая структура плана,

6) постепенное продвижение к цели.

Цель данного проекта — изучить историю родного города.

Задачи:

- повышение мотивации к обучению;
- расширение кругозора;
- получение навыков исследовательской работы;
- развитие речи и обогащение словаря;
- воспитание патриотизма, гуманного отношения к окружающим;
- создание условий для максимальной самореализации каждого ученика;
- приобщение родителей к совместной деятельности.

Участники проекта — ученики 2–4-х классов и их родители.

Этапы проекта:

- подготовительный этап, вхождение в проект — 1класс (2008–2009),
- 1 этап — 2 класс (2009–2010),
- 2 этап — 3 класс (2010–2011),
- 3 этап — 4 класс (2011–2012).

Направления работы по проекту:

- Май 2010 г. — работа по проекту ***«История одного памятника»***.
- Май 2010 г. — май 2011 г. — работа по проекту ***«История одной улицы»***.

Примерный перечень освещаемых вопросов ***по 2 этапу «История одной улицы»****:*

1. *Сколько лет, сколько зим...*

- время основания улицы (цитаты из исторических, литературных источников);

- причина основания (экономическая: торговля, ремесло; расширение территории; мистическая и т. д.);

- наглядный материал (рисунки, зарисовки из архивных документов).

2. ***Чья это улица, чей это дом ...***

- особенности жителей (ремесло, вклад в историю города, республики, наличие или отсутствие мемориальных досок);

- особые сооружения, знаковые места (предания, легенды, слухи).

3. ***Менялась жизнь – менялся облик улицы...***

- реконструкция (зданий, территории);

- переименование (причины и инициаторы);

- потери / приобретения (нововведения) и их значение для улицы и горожан;

- влияние истории города на историю улицы (какие знаковые события на ней происходили).

4. ***Ты одна из многих, но без тебя нет города...***

- значение улицы в жизни города (экономическое, архитектурное, историческое);

- и горожан (культурно-духовное).

5. ***Что ждёт тебя?..***

- требуется ли благоустройство, в каком виде (описание предполагаемых работ, рисунки, чертежи);

- устраивает ли современное название (стоит переименовать –вернуть историческое, дать новое и почему это следует сделать).

6. ***Пройду по милой улице...***

- особенно привлекательные места данной улицы (фото, рисунки, стихи) и почему? (историческое место, семейная история и т.д.).

7. ***Размышление по поводу...***

- стоит ли уделять внимание (материально – реконструкционное) старым улицам, когда столько новых?

- Май 2011 г. – май 2012 г. – работа по проекту ***«Настоящий полочанин»***.
- Май 2012 г. – проведение праздника ***«Моему городу посвящается»*** (к 1150-летию г. Полоцка).

Ожидаемые результаты:

- сплочение коллектива единомышленников в ходе совместной творческой и исследовательской работы;

- воспитание патриотизма на основе результатов исследований;
- обучение приёмам исследовательской работы с книгами, в музеях, на выставках;
- приобретение коммуникативных навыков;
- формирование на более высоком уровне общеучебных навыков;
- развитие речи и обогащение словаря;
- активное участие родителей в школьной жизни ребёнка;
- развитие интереса к краеведению.

Достигнутые результаты:

В ***2009–2010 гг.*** в работе над проектом ***«История одного памятника»*** приняло участие 8 учащихся 2-х классов: Касперский И., Позняков Т., Пискун П., Козаредов В., Черленок П., Жолонковский В., Болдыш Н., Сташкевич Д. В результате выступления на школьной конференции право представлять свои работы на уровне города получили: Козаредов В., Черленок П., Касперский И., Позняков Т., Болдыш Н. Дипломы получили: Касперский И., Козаредов В.

Темы работ: «История памятника Всеславу Чародею», «История памятника Евфросинии Полоцкой», «История памятника 1812 года». «История будущего памятника И. Хруцкому».

В ***2010–2011 гг.*** участие в работе над проектом ***«История одной улицы»*** приняли участие 6 учащихся 3-х классов: Козаредов В., Пискун П., Черленок П., Жолонковский В., Сташкевич Д., Нестерук Е. На городскую конференцию были выдвинуты: Козаредов В., Жолонковский В., Черленок П., Сташкевич Д. Дипломы получили Козаредов В. и Черленок П.

Темы работ: «История Стрелецкой улицы», «История Нижне-Покровской улицы», «История улицы Зыгина», «История улицы Хруцкого».

Таким образом, исследовательская работа идёт и приносит детям и их родителям удовлетворение от того, что с каждой новой работой границы их кругозора расширяются и растёт чувство гордости за свой город, его историю, которой нет и не будет без настоящего.

Интересным продолжением данной работы было бы сотрудничество с Краеведческим музеем нашего города в плане выпуска брошюр по освёщенным детьми направлениям, и как продолжение краеведческой работы – совместный проект ***«Полоцк устами детей, но по-взрослому»***.

Список литературы

1. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля / Л.В. Алексеев. – Полоцк, 2007. – С. 35. – (Наследие Полоцкой земли, вып. 5).

2. Арлоў, У.А. Таямніцы Полацкай гісторыі / У.А. Арлоў – Мінск: Папуры, 2008. – 608 с.

3. Бесова, М.А. Воспитательная работа в начальной школе: теория, методика, технология. / М.А. Бесова – Мозырь: Белый ветер, 2006. – 190 с.

4. Городская комплексно-целевая программа «Мы – полочане». – Полоцк, 2009.

5. Котович, Н.К. Научно-методические основания инновационной работы по проекту «Внедрение авторской модели воспитания в краеведческой деятельности» / Н.К. Котович // Адукацыя і выхаванне. – 2009. – № 3.

6. Полоцк: ист. очерк / под ред. П.Т. Петрикова. – Минск, 1987. – С. 320.

7. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды / М. Ермаловіч. – Мінск: Маст. літ., 2001. – 366 с.

8. Сувора, С.І. Краязнаўчая работа – шлях да выхавання школьнікаў у нацыянальных традыцыях / С.І. Сувора // Праблемы выхавання. – 2007. – № 6.

9. Трыгорлава, Л.Б. Віртуальная экскурсія «Горад над Дзвіной…» / Л.Б. Трыгорлава // Народная асвета. – 2010. – № 1.

Густова Л.А.

Певческий канон в современной литургической культуре православной традиции (на примере литургического пения в полоцких православных храмах)

Литургическая культура представляет собой значительное явление человеческой деятельности. Литургической называется только христианская культура в рамках общественного богослужения («Литургия» – греч. λειτουργία – «служение», «общее дело»). Литургическая культура канонична, но не абстрагирована от временных и динамических параметров поступательного процесса развития человеческого общества. Современная литургическая культура является, с одной стороны, фазой динамического процесса формирования человеческой культуры, а с другой – «альфой и омегой» её долгого пути развития.

Вектор развития полоцкой литургической культуры начался, несомненно, задолго до учреждения Полоцкой епархии. Письменные источники свидетельствуют, что в X в. рядом с городом Полоцком существовала церковь Св. Иоанна Крестителя и около неё был похоронен святой Торвальд, крестивший исландские земли [**2**, с. 53]. Очевидно, что до освящения полоцкого храма Св. Софии в 1055 г. богослужения совершались в действующих церквях, например, в церкви Пресвятой Богородицы, построенной, по утверждению белорусского историка С. Тарасова, в 997 г. [**5**]. Мы предполагаем, что макет именно этой церкви (выполненный Г.В. Штыховым) в настоящее время находится в Художественной галерее г. Полоцка и обозначен как «церковь XII в. на детинце». Своё предположение мы основываем на утверждении Г. Вагнера о том, что в древнерусских княжеских городах (а Полоцк таковым являлся) церкви, во-первых, строили в непосредственной близости от княжеского терема [**1**]. А во-вторых, напрашивается аналогия с другими древнерусскими городами Киевского княжества. В столице князь обязательно строил церковь, посвящённую Пресвятой Богородице. Такова Десятинная церковь в Киеве, построенная князем Владимиром в период 986–996 гг. Таковой могла

Рис. 1. Церковь XII в. на детинце (макет выполнен Г.В. Штыховым).

бы быть и церковь Пресвятой Богородицы, которая стояла в непосредственной близости с выстроенным в 1055 г. храмом Св. Софии.

Не осталось источников, которые могли бы пролить свет на тайну развития белорусской литургической культуры в X–XIV вв. Несомненно, что в это время происходил процесс адаптации классического (византийского) гласового богослужебного певческого искусства к восточнославянскому типу интонационно-музыкального мышления [**2**, с. 77–82]. Древнейшие богослужения после 992 г. совершались по Студийско-Алексиевскому Уставу, а в княжеских и митрополичьих кафедральных соборах службы совершались по Песенному последованию Великой церкви – храма Св. Софии в Константинополе[1]. С XIII по XV в. Студийский Типикон (Устав) постепенно вытесняется Иерусалимским.

Каноническая гимнография начала формироваться в Полоцке приблизительно с конца XII в., когда появились первые стихиры, посвящённые прославлению памяти св. Евфросинии Полоцкой. Н. Серёгина утверждает, что первой была создана стихера (славник) «Придѣте, лю-

[1] Как и в аналогичных храмах Киевской Руси, что объясняется несомненным влиянием киевской богослужебной культуры. Это и не могло быть иначе, потому что епископы, которые поставлялись на белорусские кафедры, были выходцами из Киево-Печерской лавры.

бомудрьнии», которая находится в пергаменном стихираре конца XII в.[2] [**4**]. Эта стихира, вероятно, была создана в одной из полоцких обителей. А. Мельников предполагает, что это песнопение было создано либо в Свято-Преображенском, либо Богородичном монастырях, возведённых Преподобной в 50-е гг. XII в. [**3**, с. 29]. Гимнография преп. Евфросинии расширялась, приращивались всё новые жанры, появились канон, акафист Преподобной, в 1910 г. — служба на перенесение мощей преп. Евфросинии.

Литургическое пение является постоянно развивающимся феноменом, типы и стили которого представляют нематериальное культурное наследие белорусов. Роль литургического пения в истории культуры г. Полоцка значительна и определяюща.

Певческий канон в литургической культуре — явление неизменяемое, представляющее собой определённый корпус богослужебных текстов, исполняемый в определённое время и определённом месте, т.е. литургический текст богослужения, который нужно распеть. Каждый элемент музыкального текста литургического пения имеет реляционные свойства и от первого прозвучавшего тона до последнего являет некую систему отношений, которая затрагивает не только музыкальные звуки, но вплетает в звуковую атмосферу запах ладана, пластику движущихся священнослужителей, световую драматургию и т.д.

Певческий канон в православной литургической культуре г. Полоцка, основанный на Иерусалимском уставе, в современной трактовке представляет различные виды богослужебного пения. В г. Полоцке звучит литургическое пение монастырского и приходского вида.

В Св.-Евфросиниевском женском монастыре каноническое пение представлено унисонным (знаменным) и многоголосным стилями пения. Древние знаменные напевы, которые исполняет монашеский богослужебный хор, выполняют естественную для богослужения функцию — сопровождать сакральные действия священнослужителей. Интерпретация литургического пения древней Церкви делает его жизнь бесконечной, а сам музыкальный текст может иметь только вариантную форму существования. Монашеский унисон звучит кристально чисто — и в музыкальном, и в духовном (молитвенном) отношении. Актуализация древнего музыкального текста в литургическом пении

[2] Рукопись XII в. представляет собой Триодный стихирарь, записанный писцом Иоанном.

Св.-Евфросиниевского монастыря символизирует соборное сослужение и пение ангелов и людей, являет образ духовного восхождения, стремления к Христу всей иерархии — земной и небесной.

Рис. 2. Хор Свято-Евфросиниевского монастыря г. Полоцка.

Канонические тексты, на первый взгляд, требуют некоего канонического их воплощения в отношении темпоритма, характера звучания и т.д. Однако различные условия исполнения литургических песнопений вызывают разную их музыкальную интерпретацию. Музыкальная трактовка канонических богослужебных текстов связана с особенностями темпоритма богослужения, своеобразной сценографией, драматургией света на богослужении.

Выбор композиции, например, Предначинательного псалма на вечерне и Полиелея на утрене зависит от размеров храма. В небольшом по площади храме преп. Евфросинии Полоцкой названные песнопения должны иметь небольшую длительность звучания для того, чтобы служащий священник успел закончить каждение храма до окончания Предначинательного псалма. Поэтому наиболее часто в этом храме звучит Предначинательный псалом Д. Алеманова. В огромном Крестовоздвиженском храме этот же псалом должен звучать более продолжительное время, поэтому в данном храме в начале Всенощного бдения звучат композиции Н. Кедрова, различные обработки знаменного распева.

Характер некоторых песнопений (таких, как Предначинательный псалом, гимн «Свете тихий» на вечерне, Полиелей, тропари на «Бог

Господь» и Великое славословие на утрене) зависит от особенностей динамики освещения в храме. В определённые моменты богослужения свет выделяет отдельные изображения и отдельные предметы, организуя как восприятие всего храмового пространства, так и логику прочтения его наиболее значимых элементов. При этом ***художественно-драматургическая составляющая*** этой части богослужения представляется равноценной ***обрядово-символической***, что подчёркивает динамика и характер интерпретации исполняемых песнопений: гимн «Свете тихий» и Великое славословие исполняются тихо и сокровенно, Предначинательный псалом, Полиелей, тропари на «Бог Господь» — торжественно, возвышенно-радостно. Однако необходимо подчеркнуть, что сакральное пение хора Св.-Евфросиниевского монастыря имеет необыкновенно нежный, но вместе с тем сосредоточенный характер, что углубляет молитвенное состояние и исполнителей, и реципиентов.

В Св.-Богоявленском кафедральном соборе и Св.-Покровской церкви г. Полоцка литургическое пение представлено исключительно многоголосным стилем пения. В зависимости от количества певчих, присутствующих на богослужении, на клиросах звучит трёх- и четырёхголосное пение в хоральном стиле, преимущественно в узком гармоническом изложении. Служебная и сопровождающая функциональная парадигма такого стиля литургического пения дополняется интеллектуально-моделирующей парадигмой, целью которой становится тонкое интеллектуальное наслаждение.

Таким образом, певческий канон в современной литургической культуре православной традиции г. Полоцка представляет различные стилевые типы литургического пения с разнообразными видами функциональных парадигм.

Список литературы

1. Вагнер, Г.К. Искусство мыслить в камне: (опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры) / Ин-т археологии. – М.: Наука, 1990, II полугодие. – 256 с., илл.

2. Густова, Л.А. Музыкально-певческая культура Православной Церкви Беларуси. – Минск: Бестпринт, 2006. – 169 с.

3. Мельников, А. Путь непечален: исторические свидетельства о святости Белой Руси / А. Мельников. – Минск: Изд-во Белорусской Православной Церкви, 1992 – 592 с.

4. Серегина Н.С. Стихиры Евфронисии Полоцкой // Песнопения русским святым: по материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирирь месячный» / Наталия Семеновна Серегина // Росс. ин-т истории ис-в. – СПб., 1994. – С. 123–133.

5. Тарасаў, С.В. Узнікненне дзяржавы і царквы на Беларусі ў X–XIII стст. // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: новыя канцэпцыі і падыходы: у 2 ч. / Усебеларус. канф. гісторыкаў, Мінск, 3–5 лют. 1993 г. / С.В. Тарасаў. – Мінск, 1994. – Ч. 1: Гісторыя Беларусі. – С. 34–38.

Дедюлина Л.Б.

Исследователи Полоцка XVI – начала XXI вв.

В отделе маркетинга центральной библиотеки им. Ф. Скорины возникла идея: к юбилею Полоцка создать что-то интересное, масштабное, отражающее историю нашего города.

Идею воплотили в проекте «Исследователи Полоцка XVI – начала XXI вв.». При подготовке использовались данные, включённые в краеведческую картотеку Полоцкой городской центральной библиотеки им. Ф. Скорины, где собрано около 20 тыс. записей о Полоцке, а также «Новыя кнігі», «Кніжны летапіс», «Летапіс газетных артыкулаў», «Летапіс часопісных артыкулаў», «Новая літаратура па гісторыі і гістарычным навукам» (1990, 1991, 1992, 1993).

В подборе материалов к указателю помогали заведующая Краеведческим музеем Воднева Ирина Петровна и краевед Карасёв Виктор Романович. По итогам работы появился биобиблиографический указатель «Исследователи Полоцка XVI – начала XXI вв.», куда вошла информация о жизни и деятельности людей, которые занимались изучением Полоцка в этот период.

Указатель делится на четыре части: первая рассказывает об изучении Полоцка в XVI – первой половине XIX вв.; вторая часть – об изучении Полоцка во второй половине XIX – первой половине XX вв.; третья – об изучении Полоцка во второй половине XX – XXI вв.; четвёртая – посвящена полоцким краеведам-любителям, музейным работникам, библиотекарям, журналистам, писателям, учителям и т.д. К каждой фамилии приведены краткие биографические данные, список материалов, изданных данным автором, а также список изданий, в которых рассказывается о жизни и деятельности краеведа. В указателе 279 персоналий (первоначально было 150).

Часть 1. Исследователи Полоцка XVI – первой половины XIX вв.

К этому периоду относится 39 персоналий.

Одно из первых описаний Беларуси (в том числе и Полоцкого

края) оставил Сигизмунд Герберштейн (1486–1566). Он дважды посещал Москву и Новгород, и в результате этих поездок появились «Записки о Московии».

В своей работе «Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся» (1855) М. Без-Корнилович собрал исторические и другие сведения о более чем 140 городах (в т.ч. и о Полоцке), местечках и селениях Витебской и Могилёвской губерний.

Про Беларусь конца XVI – начала XVIII вв. писали не только путешественники, но и учёные-историки, например, Джордж Браун. Его сочинение было очень подробным, насыщенным бытовыми реалиями и деталями.

В середине XVIII в. Игнатий Кульчицкий занимался изучением Креста Евфросинии Полоцкой.

Одним из первых российских исследователей, кто проанализировал исторические события на Беларуси, являлся Василий Татищев. Сведения о существовании Полоцкой летописи дошли до нас благодаря именно В.Н. Татищеву, изучавшему её и отразившему некоторые моменты в своей «Истории Российской». Он сделал попытку периодизации истории Полоцкого княжества, определив три периода: местного княжения, вечевой и в составе ВКЛ.

В конце 1850-х гг. в Витебске становится широко известным имя Ксенофонта Говорского, археолога, историка, издателя, редактора неофициальной части «Витебских губернских ведомостей», в которых Говорский достаточно активно печатал итоги своих исторических и археологических изысканий, к примеру, «Исторические сведения о Полоцком Софийском соборе». Говорский был одним из первых, кто познакомил российскую общественность с археологическим достоянием Придвинского края. В начале 1850-х гг. он исследовал 10 курганов на Полотчине, впервые описал их строение, а также развалины у Бельчицкого монастыря около Полоцка, имевшего в древности оборонительные укрепления. Итоги исследований были напечатаны в «Записках императорского Археологического общества». Говорский планировал изучить всю территорию Полоцкой земли. Он много сделал, однако, как заметил исследователь Л. Алексеев, только часть его наследия стала достоянием науки.

Часть 2. Исследователи Полоцка второй половины XIX – первой половины XX вв.

К этому периоду относится 60 персоналий.

Большой вклад в краеведение Беларуси внёс Дмитрий Иванович Довгялло. Занимаясь археографической работой и преподаванием в Витебске и Вильно, он опубликовал массу краеведческих статей и очерков в различных (преимущественно виленских) изданиях, например, «Крест преподобной Ефросинии, княжны Полоцкой» (1895), «Памяти настоятельницы Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря игуменьи Евгении (Говорович)» (1900) и т.д.

Во второй половине XIX в. появляются книги по истории Беларуси и Полоцкой земли А.М. Семевского «Белорусские древности» (1890), А.П. Сапунова «Река Западная Двина» (1893) и др.

Первым монографическим исследованием, посвящённым исключительно истории Полоцкой земли, является работа В.Е. Данилевича «Очерки истории Полоцкой земли до конца 14 столетия». Монография была написана при участии В.Б. Антоновича и М.В. Довнар-Запольского.

В начале XX в. изучением исторических связей латышей и белорусов, договорных грамот Полоцка и Риги, составлением библиографии по истории Беларуси занимался Болеслав Брежго, автор более 120 печатных работ, около 30 из которых посвящены истории Витебска и Полоцка.

В советской исторической и юридической науке значительный вклад в изучение средневековой Беларуси, и в частности Полотчины, внесли видные учёные: В.И. Пичета, А.П. Сапунов, В.К. Стукалич, Л.В. Алексеев и др. Так, в сборнике «Чатырохсотлецьце беларускага друку, 1525–1925» (1926) В. Пичета сделал историографический обзор публикаций, посвящённых деятельности белорусского первопечатника, которые вышли в период с 70-х гг. XVIII в. по 20-е гг. XX в. 36 работ посвятил Полоцку известный историк Полотчины и Витебщины Алексей Парфёнович Сапунов.

Часть 3. Исследователи Полоцка второй половины XX – первой половины XXI вв.

К этому периоду относится 110 персоналий.

Существенно изменился характер изучения древнерусского зодчества в послереволюционные годы. Практическая реставрация памят-

ников и их раскопки получили, в отличие от большинства дореволюционных исследований, целеустремлённый характер, что позволило проводить их на высоком научном уровне.

После Октябрьской революции архитектурная археология в БССР начинает бурно развиваться. Серьёзные исследования 1920–30-х гг. памятников Полоцка принадлежат И.В. Моргилевскому, Н.И. Брунову, И.М. Хозерову и др. Раскопки полоцких храмов XII в., проведённые на высоком научном уровне И.М. Хозеровым, дали начало выделению самостоятельной полоцкой архитектурной школы.

В 1928 г. интересные разведки провёл в городе Полоцке А.Н. Левданский. Он высказал мысль о том, что первоначальным ядром города было городище, служившее укреплённым Кремлём вплоть до XII в. А.Н. Левданский раскопал в белорусском Поозерье свыше 100 курганов.

Новый этап развития белорусской архитектурной археологии начался в послевоенные годы. Он характеризуется большим объёмом поисковых работ, в результате которых найдены десятки ранее неизвестных архитектурных памятников. Раскопки Н.Н. Воронина, В.Р. Тарасенко, М.К. Каргера, П.А. Раппопорта, В.А. Булкина позволили по-новому понять и объяснить сложные процессы становления и развития архитектуры западных земель Киевской Руси, окончательно выделить полоцкую и гродненскую архитектурные школы.

По различным вопросам политической истории, культуры, архитектуры и археологии написано большое количество работ. Следует отметить исследования в середине XX в. В.А. Булкина по реконструкции коммуникационных путей Полоцкого княжества. Валентин Александрович Булкин провёл исследования памятников древнерусской архитектуры в Полоцке и других городах Беларуси. Он интересовался историей архитектуры XI–XVI вв. Им было опубликовано около 200 научных работ, в том числе и работы о Полоцке.

А. Насонов, Л. Алексеев, Г. Семенчук изучали процессы формирования государственной территории и складывания границ Полоцкой земли в X–XII вв. С середины XX в. исследованием Полоцка стал заниматься Л. Алексеев, профессор, доктор исторических наук (г. Москва). Большое влияние на молодого учёного Алексеева оказал его научный руководитель, крупнейший советский археолог и историк академик Борис Александрович Рыбаков. В 1955 г. Л.В. Алексеев защищает кандидатскую диссертацию на тему «Полоцкая земля в X–XII вв.». Среди

последних особенно важным представляется цикл публикаций, посвящённых шедевру древнерусского ювелирного искусства, пропавшему в годы Великой Отечественной войны – Кресту Евфросинии Полоцкой. Алексееву довелось найти фотографии Креста, впоследствии по этим фотографиям велись работы по его воссозданию.

Отдельные вопросы социально-экономического и политико-правового развития Полотчины были разработаны А.Л. Хорошкевич, ей также принадлежит издание торговых договоров, вошедших в историю под названием «Полоцких грамот».

Начиная с 1957 по 1963 г. в Полоцке осуществлялись новые раскопки на больших площадях. В разное время ими руководили М.К. Каргер, А.Г. Митрофанов, В.Р. Тарасенко, Г.В. Штыхов, Н.И. Зданович и др.

В конце 1950–1960-х гг. началось масштабное археологическое изучение города Георгием Штыховым, результатом которого стала книга «Древний Полоцк» (1975). С того времени до середины 1980-х гг. в научном мире твёрдо укрепилось мнение, что Полоцк X в. – времени соперничества полоцкого князя Рогволода и новгородского князя Владимира Святославича, впоследствии ставшего киевским правителем и крестителем Руси, – представлял собой небольшое (менее гектара) укреплённое городище, а также расположенное рядом селище площадью 0,24 гектара.

С конца 1960-х г. начались раскопки памятников истории XIII–XVIII вв. Результаты этих исследований, опубликованные в основном в работах М.А. Ткачёва, дополнили разделы истории архитектуры Беларуси, посвящённые ранней готике и фортификации.

В 1986 г. археолог Сергей Тарасов открыл основную часть древнего полоцкого селища на площади уже не менее 8 гектаров. Как выяснилось, именно это поселение стало основой для формирования в XI в. будущего Великого посада – основной градообразующей единицы средневекового Полоцка.

И в XXI в. продолжается изучение Полоцкой земли. В 2008 г. Янис Евдокимович Радионов защитил диссертацию на тему: «Историко-правовые основы формирования и развития государственности Полоцкого княжества в контексте эволюции политико-правового строя Великого княжества Литовского и Русского в XI–XVI вв.».

С 2000 г. археологические раскопки стали ежегодными и проводятся на базе Полоцкого государственного университета под руководством Д. Дука.

Часть 4. Полоцкие краеведы.

К этому периоду относится 66 персоналий.

К числу самых серьёзных исследователей Полоцка можно отнести Почётного гражданина г. Полоцка Ивана Петровича Дейниса. Его рукописи сегодня хранятся в фондах НПИКМЗ и стенах ПЗА.

Весомый вклад в изучение истории Полоцка внесли краеведы, увлекающиеся историей Полоцка, братья Алексей и Андрей Буховецкие, которые являются активными участниками археологических раскопок и дарителями НПИКМЗ.

В прошлом году на презентации книги Николая Пивовара «Краеведы Витебщины 2-й половины XX — начала XXI вв.», мы поняли, что находимся на правильном пути, и продолжили работу в этом направлении. Результатом работы явилась библиографическая база данных «Исследователи Полоцка XVI — начала XXI вв.».

Работа над указателем продолжается и сейчас, планируется его закончить к юбилею города — к 1150-летию Полоцка.

Археологические исследования в Полоцке продолжаются, интереснейшие открытия ещё ожидаются впереди, и появятся новые люди, которые будут заниматься изучением древнего города, они пополнят наш указатель в будущем.

Дожина Н.И.

Старообрядческие нотированные книги в собраниях Полоцка

Живых свидетельств музыкальной культуры древнего Полоцка — первого города на белорусской земле, откуда берут своё начало белорусская история, государственность и культура, — сохранилось немного. Отсутствие письменных источников и недостаточное количество археологических данных о них, к сожалению, не позволяют должным образом осветить глубинный процесс зарождения и становления певческих традиций на Полоцкой земле [**1**]. Рукописные и старопечатные богослужебные книги XVIII–XX вв., пожалуй, можно считать той нитью, которая соединяет истоки и современность в нашей духовной музыкальной культуре. Их изучение, анализ, систематизация и палеографическое описание на сегодняшний день не просто чрезвычайно актуальны, но могут пролить свет на некоторые неясные страницы музыкального искусства как древнего, так и современного Полоцка.

Научное изучение палеографических особенностей певческих книг полоцких собраний — цель настоящей статьи. В ходе изучения певческих книг полоцких собраний — Музея книгопечатания, Музея-библиотеки Симеона Полоцкого — и благодаря вниманию и участию научных сотрудников музеев было выявлено 6 единиц хранения Почти все книги выставлены в экспозиционных залах. Среди них — 4 рукописи («Азбука», два «Обихода» и сборник «Азбука и Октоих») и 2 старопечатные книги («Обиход» и «Ирмологий»).

По внешнепалеографическим признакам почти все книги полоцких собраний относятся к поморской беспоповской традиции, охарактеризованной в трудах Ф. Панченко [**2**]. Как отмечает этот исследователь, большинство рукописей поморской старообрядческой традиции «было создано в XVIII – первой половине XIX в. в книгописных мастерских крупнейшего старообрядческого культурного центра – Выголексинского общежительства. Здесь сформировался «канон» поморской певческой книги, отсюда шло распространение книг по всему старообрядческо-

му миру». Панченко также указывает на то, что описание поморских певческих рукописей «дает уникальную информацию о богослужебной практике старообрядцев-поморцев, исчерпывающе выявляет обиходный певческий репертуар поморцев, значительно расширяет наши знания о художественных вкусах и интересах старообрядцев» [3].

Много рукописных и старопечатных книг, созданных в традициях поморского «канона» в разных местах проживания староверов-поморцев, сейчас находятся на территориях их компактного расселения, в т.ч. на севере и северо-западе Беларуси в собраниях музеев, библиотек, личных архивах, у староверов-библиофилов, собраниях старообрядческих общин, научных организаций. Исследователи истории и культуры белорусского старообрядчества А. Гарбацкий, Т. Короткая, Е. Прокошина считают, что многие рукописи перевозились староверами в связи с притеснениями властей и гонениями со стороны царизма. Начав свои переселения в разные регионы с конца XVII в., они продолжали странствовать в течение двух столетий вплоть до XX в. На белорусские территории они переселялись из Московской, Костромской, Калужской, Вологодской, Нижегородской, Ярославской и многих других губерний. Постепенно старообрядческие поселения появлялись в северной, северо-западной и северо-восточной частях Беларуси (современная территория Витебской, Могилёвской, Гомельской, отчасти Минской областей). В северо-восточный регион попали в большей степени поповцы, или т.н. беглопоповцы ветковского согласия. На севере и северо-западе поселились в основном старообрядцы-беспоповцы, беглые из Поморья и Новгорода — поморцы, федосеевцы, филипповцы, — осевшие в Полоцке, Браславле, Витебске, Лепеле, Орше и других городах и местечках Витебского и Полоцкого воеводств.

Пристальное изучение культурных традиций староверов этого региона не проводилось ранее ни белорусскими, ни российскими учёными, а вместе с тем, статистика показывает, что количество старообрядцев-беспоповцев этих территорий значительно больше на сегодняшний день в Беларуси по сравнению с численностью старообрядцев поповского согласия. Беспоповцы-поморцы оставили не только богатое книжно-певческое наследие — рукописи и старопечатные издания нотированных и ненотированных богослужебных книг, — но и литературно-полемические произведения, памятники быта и народного творчества, художественные, иконописные и архитектурные памятники.

Рукописи и старопечатные крюковые книги полоцких собраний представляют значительный научный интерес с точки зрения изучения типологии, содержания книг, их исторических судеб, отражённых в многочисленных записях. Анализ исторического содержания записей, маргинальных помет, штампов-печатей показал, что книги описываемых собраний были созданы или переписаны в XVIII–XX вв. местными жителями. В них находим имена следующих владельцев: Л.А. Рейшера (КП11-6798), Ф.С. Рубина (КП19-23244), С.Н. Логинова (КВФ2-822), И.Е. Овсянкина (КП15-12785), В.С. Пашкевич (КП14-9611), А.П. Ефимова (КП4-2228), проживавших в Полоцке, Новополоцке, Великих Луках и других городах. Штампы, обнаруженные на листах книг, сообщают интересную информацию о предыдущем местонахождении книг. В этом отношении особенно показательны книги со штампами-печатями типографии Преображенского богодельного дома г. Москвы (КП15-12785) и оригинальный штамп в круглой орнаментальной раме с текстом «Съ рукописи Л.Ф. Калашникова / издатели старообрядцы Л. Калашниковъ и С.Д. Чистов // печатано в фотолитотипографии С.В. Кульженко в Киеве» (КП 14-9611).

Общепалеографическое описание книг включает в себя сведения о названии, датировке, формате, объёме, характере почерков и переплёте книг. Название памятника, представляющее, как правило, тип певческой книги, не всегда присутствует в самоназвании рукописей. Это связано часто с утерей титульных листов, содержащих самоназвание, и, как следствие, не всегда верное определение типа певческой книги в музейном каталоге.

Датировка рукописных книг, установленная на основании атрибуции фабричных бумажных знаков — филиграней и штемпелей, — указала на следующие очевидные факты. Все рукописи собраний были созданы в период со 2-й пол. XVIII по 1-ю пол. XX в. Исследование и идентификация бумаги показали, что в книгах использовалась по большей части бумага производства крупнейших бумажных отечественных и зарубежных фабрик XVIII–XIX вв.: в трёх рукописях собраний используется бумага со знаками различных бумажных фабрик, остальные книги, преимущественно конца XIX и XX вв., в т.ч. печатные, выполнены на бумаге без филиграней.

Наиболее распространёнными элементами орнамента рассматриваемых нотированных книг являются киноварные инициалы, за-

ставки, рамки, реже встречаются концовки. Декоративно украшенная вязь и «псевдовязь»[1] используются в написании заголовков практически всех книг. Особой изысканностью вязи отличаются рукописный «Обиход» (КП19-23244) с высокими, словно «вытянутыми» узкими буквами и старопечатный «Обиход» (КП14-9611), содержащий двухцветную вязь. Довольно часто встречаются примитивные образцы псевдовязи. Искусные, большие (во весь лист) инициалы – редкость в украшениях полоцких книг. В большинстве рукописей они небольшие, выполненные с разной степенью мастерства. Исключение составляет старопечатный «Ирмологий» (КП15-12785). Его орнамент составлен из барочных заставок и рамки, занимающих целый книжный разворот. Характерными элементами рисунка больших инициалов и заставок являются птицы с ягодами в клюве и цветочно-растительные мотивы, типичные для поморских орнаментов. Все описанные компоненты орнаментации большинства рукописных и печатных книг соответствуют, таким образом, основным чертам художественного оформления рукописей поморской старообрядческой традиции, образец которой сложился к концу XVIII в. на Выгу. Даже в старопечатных книгах этот образец сохраняется, что свидетельствует об устойчивости данной старообрядческой книгописной оформительской традиции и практики.

Богослужебный церковнославянский текст записан в рукописях в раздельноречной редакции, и лишь в одной – в истинноречной (КП14-9611). Обращает на себя внимание нотация: певческий текст пяти книг записан пометной беспризначной знаменной нотацией – нормой для беспоповской старообрядческой певческой книгописной традиции. Только одна книга – старопечатный «Обиход» (КП14-9611) – содержит пометную призначную нотацию, характерную для певческих книг поповского согласия.

Яркая черта музыкально-певческого оформления полоцких книг – наличие многораспевности, присущей большей частью «Обиходам». В трудах М.В. Бражникова это объясняется тем, что «ввиду повседневности богослужения Обихода, на его напевы в наибольшей степени воздействовали «слушатели», создававшие «новые песнопения и варианты уже существующих» [**4**]. В книгах часто встречаются указания на некоторые распевы – «Большим роспевом» (КП19-23244), «деме-

1 Термин Г. Маркелова, обозначающий внешнее подражание вязи, не содержащее лигатурного начертания букв.

ством», «путь», «другий», «ин», «знамя среднее», «Тихфинскаго роспеву», «ин перевод» (КП4-2228), «демеством большим» (КВФ2-822), которые указывают на варианты распевов как целых песнопений, так и отдельных строк, формул напевов. Как видно, монастырский распев «Тихфинский» встретился единично, только в одном песнопении (КП 4-2228), целые блоки песнопений распеты в разных певческих стилях – демественном, большом демественном, путевом, большом и среднем знаменном.

Итак, рассмотрение палеографических особенностей певческих книг полоцких собраний в контексте духовной музыкальной культуры того времени, когда они создавались и использовались в богослужебной практике, указали на следующий очевидный факт: большинство книг (за исключением одной) принадлежит поморской беспоповской старообрядческой традиции, существующей в полоцких землях уже ни одно столетие.

Список литературы

1. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля / Л.В. Алексеев. – Полоцк: Полоцк. книжн. изд-во, 2010. – С. 20.

2. Панченко, Ф.В. Рукописное наследие выговских мастеписцев: история, традиция, творчество: дис. …канд. искусствоведения: 17.00.02. / Ф.В. Панченко; Санкт-Петерб. гос. консерватория. – СПб., 2002. – 301 с.

3. Описание рукописного отдела Библиотеки РАН: в 9 т. / РАН. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1989–2001. / сост. Ф.В. Панченко. – СПб, 2001. – Т. 9. – Вып. 1.: Певческие рукописи выголексинского письма XVIII – первая половина XIX в. – С. 3.

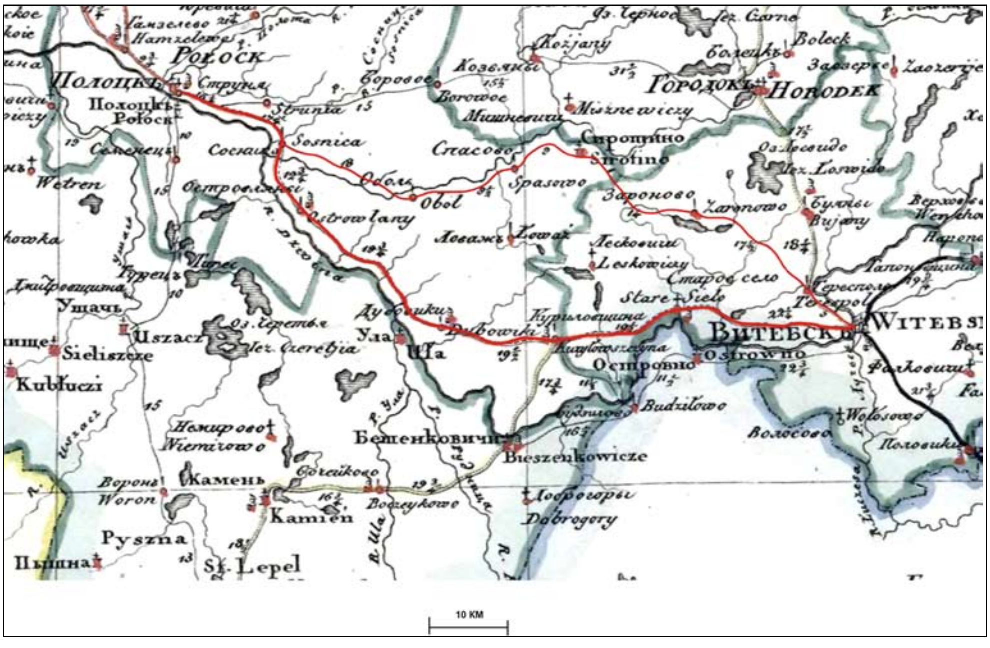
4. Бражников, М.В. Краткие методические указания и схемы по описанию древнерусских певческих рукописей / М.В. Бражников // Методическое пособие по описанию слявяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. – М., 1973. – Вып. 1. – С. 155.

Езавітава В.А.

Сухапутныя шляхі зносін XVIII – пач. XX стст. Віцебскі напрамак

Дарога – адна з найстаражытнейшых форм камунікацыі. Дзякуючы разгалінаванай сістэме дарожных паведамленняў адбывалася функцыянаванне гандлёвых стасункаў і палітычных адносін.

Падзел Рэчы Паспалітай і далучэнне беларускіх зямель да Расіі паўплывалі на развіццё шляхоў зносін. У апошняй чвэрці XVIII ст. Расія стала актыўна займацца развіццём сухапутных дарог. Пачаў змяняцца не толькі знешні выгляд магістраляў, а таксама паглыбілася іх палітычнае, эканамічнае і ваеннае значэнне. На тэрыторыі Беларусі такія змены былі абумоўлены памежным становішчам краіны. Кантроль над Літвой, Украінай і Рэччу Паспалітай у значнай ступені залежаў ад беларускай камунікацыйна-транспартнай сістэмы [**5**, с. 483].

Мал. 1. «Кацярыненская дарога» на карце 1823 г.

Калі разглядаць сухапутныя шляхі зносін XVIII – пач. XX стст. у напрамку Полацк – Віцебск, перш за ўсё размова пойдзе аб так званым «Кацярынінскім шляху». Аднак, падчас даследавання вызначылася цікавая акалічнасць – дадзены тапонім належыць адразу дзвюм дарогам у накірунку Полацк – Віцебск. Адна з дарог праходзіла праз вёскі Астраўляны, Дубовікі, Курылаўшчына, другая – праз Обаль, Сіроціна (адгалінаванне на Гарадок), Заронава **(мал. 1)**.

Паходжанне тапоніма «Кацярынінскі бальшак» сярод мясцовага насельніцтва тлумачыцца тым, што імператрыца Кацярына ІІ нібыта «будавала дарогі»[1], або проста суадносяць з яе іменем: «Кацярынаўскі, кацярынаўскі… Кацярына наверна царыла тут»[2]. Аднак фіксуюцца таксама звесткі аб падарожжы, здзейсненым Кацярынай ІІ: «Можа яна ў Полацкае княжаства ехала па етай дароге»[3].

Дарожнае будаўніцтва сапраўды ў некаторай ступені звязана з іменем імператрыцы. Галоўным чынам па яе загаду пачало адбывацца рэфармаванне сістэмы транспартнай інфраструктуры. У 1786 г. у Расіі была створана «Камісія аб дарогах у дзяржаве». Калі раней дарожная сістэма была дэцэнтралізавана, то з гэтага часу з'яўляюцца агульнадзяржаўныя трасы. У 1809 г. была ўведзена 5-ступенчатая класіфікацыя дарог у дзяржаве (шляхі галоўных, вялікіх зносін, губернскія, павятовыя, сельскія дарогі) [**5**, с. 486]. Прамежак трасы Полацк – Віцебск уваходзіў у склад шляху вялікіх зносін Рыга – Смаленск.

Дарожная рэформа не прадугледжвала будаўніцтва новых дарог, у яе аснову было пакладзена ўдасканаленне ўжо існуючых шляхоў. Інжынернае вырашэнне для дарог беларускіх губерняў распрацавана шатландскім інжынерам Мак-Адамам. Дарогі будаваліся на невялікім насыпе з бакавымі кюветамі, мелі абцякальны папярэчны профіль, які дапамагаў адводзіць ваду. Грунт добра ўшчыльняўся, пры неабходнасці рабілася дадатковая пясчаная падсыпка і брукаванка **[5**, с. 488**]**.

Нягледзячы на тое, што два шляхі функцыянавалі адначасова, дадзеныя змены датычыліся найбольш эканамічна важнага і кароткага шляху. Мясцовыя жыхары да гэтага часу адзначаюць яго добрую захаванасць: «У Шашах пра'ходзіў Кацяріненскій тракт чэраз лес. Дарога

[1] Зап. аўтарам у 2009 г. ад Езавітавай (Фядура) Таццяны Афанасьеўны, 1934 г.н., у г.п. Обаль (ур-ка в. Шашы) Шумілінскага р-на.

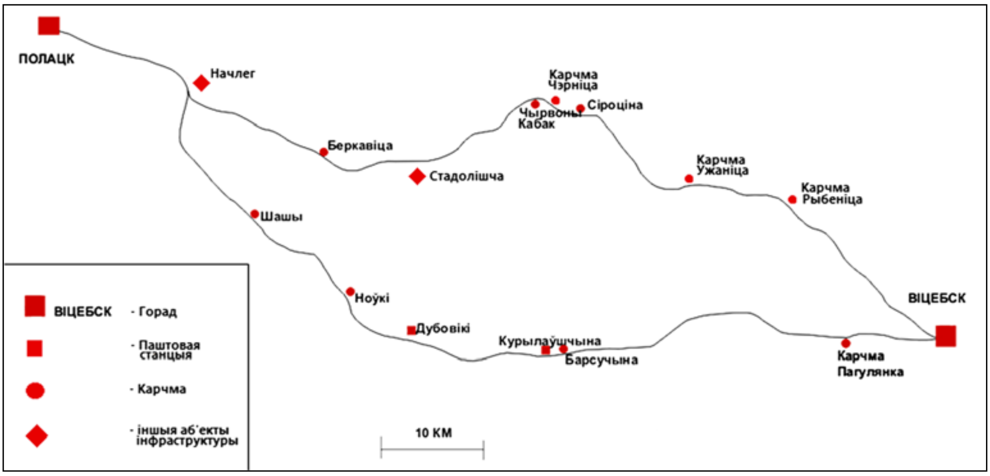
[2] Зап. аўтарам у 2011 г. ад Івана Міхайлавіча у в. Галі Шумілінскага р-на.

[3] Зап. аўтарам у 2008 г. ад Езавітавай (Фядура) Таццяны Афанасьеўны, 1934 г.н., у г.п. Обаль (ур-ка в. Шашы) Шумілінскага р-на.

была харошая»[4]; «Кацярынаўскі бальшак… Абыкнавенная дарога метраў шэсць»[5]. У дачыненні да напрамку Полацк – Сіроціна – Віцебск храністы сярэдзіны XIX ст. адзначалі цяжкія ландшафтныя ўмовы, а таксама дрэнны стан дарогі: «Вся дорога начиная от Витебска кроме местных препятствий содержится дурно, мосты неисправны, так что по ней осенью и весной с большим трудом проедеш на простой крестьянской телеге» [**2**, с. 117].

Характэрнай рысай «Кацярынінскіх дарог» была абсадка дрэвамі: «прымячательнасць етай дарогі была у тым, што яна была абсажана з абоіх старон – бярозамі. І бярозы еты, сягоння я не уверана, можа адна ці дзве і астанецца – Кацяріненскія бярозы»[6]. У свой час у накірунку Сіроціна рабіліся дубовыя пасадкі. Калі раней дадзены прыём выкарыстоўваўся ў мэтах асушэння дарог ці абазначэння маршруту, з моманту рэфармавання яны служаць пераважна для надання стылявога адзінства трас.

Калі звярнуць увагу на прыдарожную інфраструктуру, можна адзначыць шырокую сетку прыдарожных будынкаў [**2**], [**6**], [7], (**мал. 2**).

Мал. 2. Сетка прыдарожнай інфраструктуры сярэдзіны XIX – пач. XX стст.

Калі ў Рэчы Паспалітай найбольш характэрнымі прыдарожнымі збудаваннямі былі стадолы і корчмы, то ў беларускіх губернях Расіі на

[4] Зап. аўтарам у 2008 г. ад Езавітавай (Фядура) Таццяны Афанасьеўны, 1934 г.н., у г.п. Обаль (ур-ка в. Шашы) Шумілінскага р-на.
[5] Зап. аўтарам у 2010 г. ад Косцюшава Міхаіла Іванавіча 1937 г.н., у в. Слудашы Шумілінскага р-на.
[6] Зап. аўтарам у 2008 г. ад Езавітавай (Фядура) Таццяны Афанасьеўны, 1934 г.н., у г. п. Обаль (ур-ка в. Шашы) Шумілінскага р-на.

мяжы XVIII – XIX стст. такімі збудаваннямі сталі спецыяльна ўзведзеныя паштовыя станцыі. Гэта вызначалася перш за ўсё зменамі характару транспартных зносін, якія пераважна сталі афіцыйнымі і кантраляваліся дзяржавай (выдача прыдарожных дакументаў, кантроль на дарогах).

На адрэзку Полацк – Віцебск налічваецца дзве паштовыя станцыі, якія размешчаны на значных дарожных скрыжаваннях (ст. Курылаўшчына – скрыжаванне дарог на Бешанковічы, ст. Дубнікі – на Лепель праз Вулу).

Міфапаэтычнае светаўспрыманне народа таксама захавала інфармацыю аб некаторых аб'ектах сакральнай геаграфіі, звязаных з функцыянаваннем «кацярынінскай дарогі». Адметна тое, што абодва помнікі знаходзяцца на дарозе, якая злучае паміж сабой два «кацярыненскія шляхі». Адзін з аб'ектаў – Вялікі (Чортаў) валун ля в. Горкі Шуміліскага раёна (**мал. 3**). Згодна з паданнем, валун мае здольнасці блытать шляхі і прымушаць блукаць падарожных; лічыцца, што побач з камянём жывуць нячысцікі [**4**].

Мал. 3. Вялікі (Чортаў) камень,
в. Горкі, Шумілінскі р-н.

Другі аб'ект – «Святая крыніца ў в. Лоўжа (**мал. 4**). Час функцыянавання «святога калодзежа» датуецца XVI ст., што пацверджана нумізматычнымі знаходкамі, зробленымі падчас аднаўлення святыні. Згодна з паданнем, зафіксаваным сярод мясцовага насельніцтва,

Мал. 4. «Святы» калодзеж, в. Лоўжа, Шумілінскі р-н.

імператрыца Кацярына «ехала — папіла вады з этага калодца і ізлечілась»[7].

Варта адзначыць, што сучасная траса Полацк — Віцебск пачала праектавацца ў сярэдзіне XIX ст.: «Линия шоссе отъ г. Витебска через г. Полоцк къ г. Ригъ. На ней никаких работ ещё не производилось, исключая вырубленые просеки через леса и то до гор. Полоцка, дале же делаються только изыскания» [**2**, с. 60]. Аднак трэба заўважыць, што ў сістэме гандлёвых стасункаў галоўную ролю па-ранейшаму адыгрываў рачны шлях па Заходняй Дзвіне [**1**, с. 13].

Такім чынам, улічваючы спецыфіку дарожнага рэфармавання на тэрыторыях беларускіх губерняў, можна адзначыць, што ўпарадкаванне транспартнай інфраструктуры ў накірунку Полацк — Віцебск адбывалася з улікам мясцовых асаблівасцей. Канструяванне знешняга выгляду дарог праводзілася на падставе агульнадзяржаўнай канцэпцыі, улічваючы асаблівасці ландшафту. Так, можна зазначыць, што падчас будаўніцтва магістралі былі выкарыстаны найбольш эканамічна выгадныя шляхі. Акрамя таго, у міфапаэтычнай свядомасці насельніцтва замацавалася мясцовая назва дарогі — «кацярынінская». Інфармацыя аб функцыянаванні дадзеных шляхоў галоўным чынам прывязана да аб’ектаў сакральнай геаграфіі, а таксама звязана з усведамленнем сувязі паміж вобразам Кацярыны II і будаўніцтвам дарог.

[7] Зап. аўтарам у 2010 г. ад Сцяпанавай Аляксандры Анісімаўны, 1932 г.н., і Бялескай Вольгі Гаўрылаўны ў в. Лоўжа Шумілінскага р-на.

Спіс літаратуры

1. Аб гандлі беларускіх губерняў з Рыгай і парадак спагнання пошлін з тавараў (1776) // Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі / пад рэд. Н.М. Нікольскага. – Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1940. – Т. 2 (1772–1903).

2. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Витебская губерния. – СПб.: Типография Департамента Ген. Штаба, 1852. – Т. 8, ч. 1. – 288 с.

3. Географический атлас Российской Империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского, расположенный по губерниям на двух языках / под ред. В.П. Пядышева – СПб., 1823.

4. Карпс, Е. Великан из ледникового периода / Е. Карпс // Знамя юности. – 2006. – 24 нояб.

5. Лакотка, А.І. Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце: у 4 т. / А.І. Лакотка. – Мінск: Бел. навука, 2007. – Т. 3, кн. 1: 2-я пал. XVIII – 1-я пал. XIX ст. – 502 с., іл.

6. Параскевін, В. Малыя рэкі нашага краю: Усыса / В. Параскевін // Герой працы. –2007. – 27 крас.

7. Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год / под ред. А.П. Сапунова. – Витебск, 1914.

Захарова Е.Л.

Деятельность Полоцкого областного государственного архива (1944–1954 гг.)

Началом создания государственных архивных учреждений в г. Полоцке стало образование в январе 1925 г. Полоцкого окружного отделения центрального архива БССР, в 1927 г. преобразованного в окружной архив. С ликвидацией в 1930 г. окружного административно-территориального деления в Белоруссии Полоцкий окружной архив был ликвидирован, а его фонды переданы в архив Октябрьской революции Витебского отделения Центрального архива. В 1937 г. в городе Полоцке был образован районный государственный архив, который находился в здании райисполкома по ул. Надвинской — К. Маркса 10/21.

Во время войны, в 1941 г., во время налёта немецкой авиации на г. Полоцк в здание, где располагался архив, попала бомба, и он был полностью уничтожен. Здание сгорело вместе с хранившимися в нём документами. К началу войны в архиве хранились документы за 1919–1938 гг. Количество единиц хранения составляло 15 150.

3 июля 1944 г. Полоцк был освобождён от немецко-фашистских захватчиков. Началось строительство мирной жизни. 20.09.1944 г. была создана Полоцкая область — административно-территориальная единица с центром в г. Полоцке, которая просуществовала до 08.01.1954 г. Она включала в себя 6 городов: Браслав, Глубокое, Дисна, Докшицы, Миоры, Полоцк; 6 городских посёлков: Освея, Ветрино, Видзы, Россоны, Ушачи, Шарковщина; 15 районов: Освейский, Ветринский, Дриссенский, Полоцкий, Россонский, Ушачский, Браславский, Видзский, Глубокский, Дисненский, Докшицкий, Дунилавичский, Миорский, Плисский, Шарковщинский; 217 сельсоветов.

Согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров БССР «О возобновлении деятельности Государственных районных архивов на территории, освобождённой от немецко-фашистской оккупации» от 27.01.1944 г. в Полоцке в 1944 г. был образован архивный отдел области, с конца 1944 г. — областной государственный архив.

Точной даты образования областного государственного архива Полоцкой области установить не удалось. За дату образования архива взят первый приказ о приёме на работу начальником облгосархива Полоцкой области старшего сержанта Котовича Антона Иосифовича, который датирован 18.12.1944 г. [**1**, д. 1, л. 2].

Первой серьёзной проблемой, с которой столкнулся Полоцкий областной архив во время становления, была проблема помещения. Город был разрушен почти до основания. Облгосархив Полоцкой области за четыре года своего существования сменил много адресов. Архивный отдел и облгосархив располагались в одной комнате в здании с УНКВД Полоцкой области. Но помещение было мало приспособленным и не соответствовало нормам и требованиям размещения архивов: «…первая комната под архивохранилищем проходная…, отдел секретных фондов от общей рабочей комнаты отделён дощатой перегородкой» [**2**, д. 23, л. 14]. Отсутствовали архивохранилище и читальный зал. Именно вследствие всех вышеперечисленных причин в 1946 г. Полоцким исполкомом было принято решение о перемещении архива в здание Софийского собора. Одновременно проектно-сметным бюро при Полоцком горкомхозе был разработан проект восстановления здания для Полоцкого областного государственного архива по ул. Надвинской. Управление при СМ БССР на ремонт и восстановление Софийского собора, как памятника старины, выделило архиву 30 тысяч рублей и наряды на строительные материалы в количестве 3 тонн кровельного железа, 100 квадратных метров стекла, 200 килограммов гвоздей и 60 кубометров леса.

Но строительство двигалось очень медленно, и начальник архивного отдела УМВД Полоцкой области тов. Сорокин на совещании в облархиве призывал работников архива помочь строительству: «Плохо дело состоит со строительством помещения, предназначенного для облгосархива, восстанавливается медленно, нужно ускорить строительство, принять активное участие в проводимых воскресниках» [**2**, д. 23, л. 14].

Вот как об этом вспоминает Я.М. Печёнкин: «К 1948 году хозяйственным способом и со своим непосредственным участием в восстановительных работах обустроили под областной архив здание Софийского собора, которое до войны использовали как зернохранилище и осталось после него в запущенном состоянии» [**4**, д. 1, л. 2].

Общими усилиями здание было отремонтировано, и в мае 1949 г. Государственный архив Полоцкой области получил в своё распоряже-

ние здание Софийского собора, где расположился в его алтарной части. Интересен и такой факт, что в помещении архива была организована круглосуточная милицейская охрана.

В соответствии с Постановлением СНК БССР от 05.11.1944 г. № 874 было разработано штатное расписание Государственного архива Полоцкой области. Согласно этому штатному расписанию, облархив состоял из 6 структурных подразделений и 20 штатных единиц.

Структура архива:

1) руководство;
2) отдел общих фондов;
3) отдел секретных фондов;
4) отдел научно-справочной литературы;
5) читальный зал;
6) административно-обслуживающий персонал.

Созданный Государственный архив Полоцкой области был подчинён архивному отделу УНКВД Полоцкой области.

Начальником архива был назначен, как уже сообщалось выше, Котович Антон Иосифович, начальником секретных фондов – Точило Василий Савельевич, отдела общих фондов – Тошкевич Ольга Николаевна, старшим научным сотрудником архивного отдела УМВД Полоцкой области – Печёнкин Яков Михайлович. Упоминаются также фамилии Храмович, Литвиненко, Пескарёва.

Согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров БССР от 01.07.1944 г. № 45 первоочередной задачей архива являлась сохранность документальных материалов Государственного архивного фонда, оставшихся на территории Полоцкой области, освобождённой от немецко-фашистских захватчиков. «…Совет Народных Комиссаров Белорусской ССР постановляет:

1. Предложить архивным органам НКВД БССР немедленно по освобождении районов Белорусской ССР от немецко-фашистских войск взять на учет все оставшиеся документальные материалы государственных и ведомственных архивов, а также материалы учреждений, организаций и предприятий, существовавших в период немецко-фашистской оккупации.

2. Запретить уничтожение каких бы то ни было материалов (общих, секретных, технических и т.п.)… как в архивах, так и в процессе

текущего делопроизводства учреждений, организаций и предприятий без разрешения Архивного отдела НКВД БССР» [**9**, с. 41].

В постановлении Совета Народных Комиссаров БССР от 5 декабря 1944 г. № 46 содержится следующее уточнение: «… передавать архивным органам все безнадзорные документальные материалы, а также обнаруженные делопроизводственные и печатные материалы немецкого командования и органов «Самоуправления» [**9**, с. 45].

В связи с этим Полоцким архивом в 1945–1948 гг. была проделана огромная работа по розыску и сбору уцелевших документов и материалов за 1918–1941 годы, находившихся на территории г. Полоцка и Полоцкого района. Это были уцелевшие материалы за 1918–1941 годы, а также письма, дневники и др. документы военного времени.

К концу 1945 г. сотрудникам удалось собрать в архив 3 тонны листовой россыпи, из которой затем были сформированы 38 архивных фондов.

В виду отсутствия помещения для хранения и условий для обработки собранных документальных материалов работа двигалась медленнее, чем требовалось. Сказывалась также низкая квалификация работников облархива. Из воспоминаний М.Я. Печёнкина: «Подготовленных кадров для укомплектования штата не было. На должности руководящих и специалистов принимались люди со средним образованием, имевшие опыт работы с документами в учреждениях и даже без него. Так я, например, сразу был принят на должность научного сотрудника в областной архив» [**4**, д. 1, л. 5]. Для упорядочения данной работы составлялись планы работ — как на год, так и квартальные. Каждый год производился анализ работы. Для этого каждое структурное подразделение на производственных совещаниях регулярно отчитывалось перед архивным отделом УМВД Полоцкой области. Выявлялись недостатки в работе сотрудников и разрабатывались мероприятия по их устранению.

Отрицательно на работу этого периода влияла недостаточная квалификация работников. На совещании заведующих госархивами Полоцкой области, состоявшимся 6 мая 1947 г., отмечалось следующее: «Учебные пособия и директивы по архивному делу не изучают. …Над собой не работают для получения общеобразовательных знаний» [**1**, д. 11, л. 5].

Медленному продвижению фондирования документов были и объективные причины: большая текучесть кадров, было очень плохо с

материалами для оформления дел (не было обложек, клея, шпагата, ярлыки изготавливали сами). На всех работников была всего лишь одна пишущая машинка, не хватало пищей бумаги.

Быстрее пошла работа в 1949 г. в связи с тем, что облархив Полоцкой области переехал в отдельное помещение в отремонтированном здании Софийского собора. Увеличил темпы обработки документов и тот факт, что в 1951 г. в помощь работникам облархива были командированы специалисты из других районов. Это были специалисты из Гомельской и Могилёвской областей.

Среди собранных печатных материалов в архив попало достаточно много печатной продукции, издаваемой на временно оккупированной территории данного региона в 1941–1944 гг. на русском, белорусском, немецком, польском языках. Из воспоминаний М.Я. Печёнкина: «…Секретной частью к этому времени было разыскано и принято на хранение около 2 тысяч единиц документов учреждений немецкой оккупации» [**4**, д. 1, л. 4]. После проведения экспертизы данных документов часть их была уничтожена – что-то сдавалось в приёмные пункты как макулатура, а что-то уничтожалось путём сожжения после составления соответствующего акта. Например, согласно акту от 2 февраля 1949 г., специально созданная экспертная комиссия Государственного архива Полоцкой области на основании приказа начальника Госархива № 3 от 10 февраля 1949 г. «отобрала в макулатуру неподлежащую дальнейшему хранению литературу периода оккупации. Всего было сожжено – 1136 экз.» [**1**, д. 22, л. 15].

В 1948 г. из Витебского облгосархива поступило 300 фондов, включавших в себя 49 000 единиц хранения. Документы поступали также из ЦГА Литовской ССР, ЦГА БССР, Госархива Минской области и других архивов. К концу 1948 г. областной архив насчитывал уже 419 фондов, 64 764 дела. На 1 апреля 1949 г. на хранении в архиве находилось 418 фондов из 53 108 единиц хранения, из которых было обработано всего 72 фонда объёмом 15 140 единиц хранения. К концу 1951 г. было закончено упорядочение документальных материалов, в следствие чего фонд архива насчитывал уже 425 фондов общей численностью 67 700 единиц хранения.

Я.М. Пёченкин пишет в своих воспоминаниях: «В целом это были документы большого научно-исторического и практического значения. Однако, они достались нам в плохом физическом состоянии: разбитые,

разрозненные, неполные по составу, с истекшими сроками хранения, без необходимого учета, а некоторые — в листовой россыпи. Все это требовало неотложного проведения научной обработки. Путем применения так называемого сокращенного цикла обработки с использованием практической помощи архивистов Гомельской и Могилевской областей (они работали около 3-х месяцев), людей, владеющих немецким языком, научно-техническую обработку документов первого поступления завершили в 1952 году» [**4**, д. 1, л. 4].

Упорядоченные документы нуждались в строгом учёте и грамотном научно-справочном аппарате. Для этих целей составлялись инвентарные описи и заполнялись карточки на каждую организацию. К каждому фонду писались историко-архивные справки. Эта работа требовала разносторонних знаний, была очень кропотливой, но очень необходимой. Все недостатки в составлении историко-архивных справок того времени, к сожалению, оставили тёмные пятна в истории организаций Полоцкого района навсегда. Большой и сложной работой являлась работа по составлению схем систематизации документальных материалов. Для этих работ привлекались специалисты из разных организаций и учреждений, налаживались связи с партийно-советскими органами.

Одной из важнейших задач, поставленных государством перед архивами, была организация работы читальных залов в госархивах республики. Организации, научные работники могли использовать документы, которые находились на хранении в архивах, прежде всего через читальный зал.

До конца 1949 г. в облгосархиве Полоцкой области отсутствовал читальный зал. Только после переезда в реставрированное здание Софийского собора появилась возможность выделить помещение, и он начал полноценно функционировать в облгосархиве только в 1952 г.

Согласно постановлению Совета Народных Комиссаров БССР от 5 декабря 1944 г. № 46 во всех организациях необходимо было организовывать делопроизводство и ведомственное хранение документов. Контроль за ведением делопроизводства и ведомственным хранением документов в организациях и учреждениях был возложен на областные и районные архивы. Это была огромнейшая и труднейшая задача, к реализации которой Полоцкий облгосархив приступил с первого дня своего существования.

Для контроля и оказания методической помощи всем организациям Полоцкой области необходимо было провести регистрацию ведомственных архивов учреждений и сбор сведений о них.

Для контроля организации делопроизводства в учреждениях и организациях архивом постоянно проводились проверки на местах. За 1947 год «произведено 59 обследований текущего делопроизводства и архивной части документальных материалов в районе, из них первичных 10, вторичных 45, очередных 4. С секретарями сельских Советов проведено 2 коллегиальных совещания по вопросу улучшения состояния документальных материалов в учреждениях» [**2**, д. 14, л. 1]. За 1948 г. проведено более 250 обследований, большое количество персональных инструктажей и шесть массовых консультаций. По результатам таких проверок составлялись акты. На местах проверялось общее состояние текущего делопроизводства, архивная часть документации в районных учреждениях, состояние и организация работы по экспертизе ценности документальных материалов, работа по подготовке документальных материалов сельских советов и колхозов за 1944–1946 гг. к сдаче на хранение в архивы.

Фактом, который говорит сам за себя, свидетельствующем о конкретных результатах работы госархива, является то, что «...делопроизводство за 1947–1949 гг. в подавляющем числе учреждений ведется правильно, в соответствии с требованиями инструкции для работы ведомственных архивов;

В некоторых районах... руководители учреждения сами обращаются к завархивам с просьбой принять обработанные документы в архив...» [**1**, д. 29, л. 3].

В целях сохранности документов организаций и учреждений местными исполнительными комитетами был принят ряд решений и постановлений, обязывающий руководителей всех уровней организовать подготовку и сдачу документов в соответствующие государственные архивы.

В Полоцком районе плановая сдача документов в облгосархив Полоцкой области была предписана решением исполкома Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся от 04.02.1953 г. № 58: «Обязать руководителей предприятий, учреждений и организаций городского подчинения:

1) приступить к оформлению и сдаче в Полоцкий областной государственный архив всех имеющихся более ценных документальных

материалов за 1944–1947 годы независимо от места их хранения...» [**2**, д. 60, л. 5].

Для качественного и полного выполнения поставленных задач в архиве было развёрнуто социалистическое соревнование. Работники архива брали на себя социалистические обязательства и боролись за их своевременное выполнение. Итоги социалистического соревнования регулярно подводились и освещались в стенгазете архива.

В архиве было организовано изучение постановлений руководящих органов и методической литературы по архивному делопроизводству. Это способствовало повышению квалификации работников облгосархива и качества их работы.

Очень важным источником комплектования для областного архива были документы ликвидируемых областных организаций и учреждений. Требовалось много усилий, чтобы выполнить этот огромный фронт работы. Я.М. Печёнкин об этом вспоминает так: «Требовалась оперативность, мобилизация всех сил для того, чтобы выполнить работы в установленный ограниченный срок на ликвидацию за полтора-два месяца. Таких учреждений и организаций было около 80. Архив справился с задачей. Было подготовлено и принято около 35 тыс. дел за 1944–1953 гг.» [**4**, д. 1., л. 6].

Таким образом, к 1954 г. в госархиве Полоцкой области было собрано большое количество документов, отражающих историю Полоцкого края начиная с 1918 г. Они освещают вопросы установления Советской власти, восстановления и развития народного хозяйства после гражданской и Великой Отечественной войн, развития науки, культуры, образования, здравоохранения, физкультуры, спорта и др.

В архиве собраны документы:

- по расследованию злодеяний, совершённых немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны, списки репатриированных граждан по Дриссенскому, Лепельскому, Освейскому, Россонскому районам и по г. Полоцку;

- фонды Бигосовской и Фариновской таможен содержат Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР, циркуляры, приказы, распоряжения таможенных Учреждений; протоколы технических совещаний работников таможни, а также дела по задержанию лиц с контрабандными товарами;

- фонды Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Полоцкой области содержат

сведения о количестве православных церквей и молитвенных домов, а также православном духовенстве;

В 1953–1954 годах архив начал проводить работу по реставрации довоенных документов, преследуя одну цель – донести это бесценное наследие до наших дней.

В связи с ликвидацией Полоцкой области Полоцкий областной архив в марте 1954 г. реорганизован в Полоцкий городской государственный архив. В 1963 г. городские и районные архивы были ликвидированы и на их базе созданы филиалы государственных архивов областей. Филиал государственного архива Витебской области в г. Полоцке насчитывал в то время 1154 фонда.

Но история учреждения – это не только планы, отчёты, цифры основных показателей. За всеми этими данными и цифрами стоят люди. Это их труд претворяет в жизнь планы любой организации или учреждения. Именно поэтому в завершение своей работы мне хотелось бы вкратце остановиться на личности Я.М. Печёнкина, который пришёл работать в архив в качестве научного сотрудника в 1945 г. и проработал в нём всю свою трудовую жизнь вплоть до своего ухода на пенсию в 1986 г. Более того, с 1954 по 1986 г. Яков Михайлович был директором архива.

Яков Михайлович Печёнкин родился 19 марта 1924 г. на Полотчине в деревне Щеперня-2 Артейковичской волости. В 1939 г. с семьёй переселился в колхозный центр в д. Федотенки. В 1941 г. окончил 8 классов местной школы (теперь она Зелёнковская) [**8**].

Внезапная война и оккупация прервали мирную жизнь Якова Михайловича и заставили взяться за оружие. 16 июня 1942 г. он вступил в партизанское формирование, создавшееся в северо-западных районах Витебской области. Служил рядовым бойцом, подрывником спецбригады «Неуловимые», «2-ой Латышской» (комбриги Прудников, Крывский). С выходом партизанских бригад и отрядов со своей зоны за линию фронта был прикомандирован с 1 января 1944 г. к 39-му стрелковому полку 4-ой Беженской дивизии 1-го Белорусского фронта. Дивизия вела наступательный бой на севере Украины. 30 апреля 1944 года на Волыни под Ковелем был тяжело ранен. После госпиталей и лечения 14 сентября того же года отправлен домой. На фронтах войны находились его отец – Михаил Фёдорович (1902 г. рождения) и брат Николай (1926 г. рождения). К моменту возвращения Якова Михайловича домой отец погиб [11].

После выздоровления был демобилизован из армии по инвалидности и с 1945 г. начал свою трудовую деятельность. 4 февраля 1945 г. принят на работу научным сотрудником отдела общих фондов государственного архива Полоцкой области.

Параллельно с работой получил среднее образование, приобрёл профессию историка-архивиста. Вот как об этом вспоминает он сам: «Вместе с двумя товарищами по работе был направлен на республиканские курсы архивных руководящих и научных работников в г. Минск. На курсах читали лекции и давали практику высококвалифицированные специалисты с довоенной подготовкой». Курсы Яков Михайлович закончил 25 августа 1945 г. успешно с благодарностью зам. наркома НКВД БССР по кадрам полковника Хоняка.

С декабря 1947 г. работал старшим научным сотрудником архивного отдела УМВД Полоцкой области, с сентября 1949 г. — начальником отдела общих фондов Госархива Полоцкой области. С мая 1954 года Печёнкин назначен заведующим полоцким городским госархивом, с января 1964 г. по октябрь 1986 г. он работал директором филиала госархива Витебской области в г. Полоцке. С октября 1986 г. — на пенсии [6, с. 37].

За участие в Великой Отечественной войне Я.М. Печёнкин награждён орденом Отечественной войны 1-ой степени, орденом Красной Звезды и 4 медалями: «За боевые заслуги», «За отвагу» и др.; за плодотворную работу и активное участие в общественной жизни занесён в Книгу Почёта Главархива под номером 1, награждён двумя грамотами Президиума Верховного Совета БССР, грамотами руководства Витебской области, г. Полоцка и архивных органов.

Яков Михайлович Печёнкин провёл большую работу по сборам, восстановлению, упорядочению и учёту архивных фондов, приведённых в хаотическое состояние за годы войны. За время его руководства архивом введено в строй новое здание. Им была проведена большая работа по выявлению документов для сборников, подготовки к изданию «Путеводителя по Госархиву Витебской области и его филиалу в городе Полоцке» (1972 г.), популяризации архивных материалов через печать, радио, выставки [8].

Умер Яков Михайлович Печёнкин 22 мая 2004 года.

Список литературы и источников

1. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 663. – Оп. 1.

2. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 780. – Оп. 1–2.

3. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1185. – Оп. 1.

4. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1164. – Оп. 30.

5. Витебщина архивная: история, фонды, персоналии (сер. XIX – XX вв.) / составитель М.В. Пищуленок. – Минск: БЕЛНИИДАД, 2002. – 213 с.

6. Витебщина архивная в начале XXI века: связь времен // составитель Т.В. Буевич. – Витебск: Витебская областная типография, 2008. – 192 с.

7. Память. Гісторыка-дакументальная хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Полацк. – Мінск.: БелЭн., 2002

8. Партызан і дырэктар Якаў Пячонкін // Полацкі веснік. – 2001. – № 52.

9. Перечень основных Указов Президиума Верховного Совета БССР и постановлений СМ БССР по истории госучреждений. – Минск, 1956.

10. Прокофьев, В.А. Среди свидетелей прошлого. – М.: Молодая гвардия, 1964.

11. Пячонкін, Я. Не скарыліся // Сцяг камунізму. – 1974. – № 101.

12. Чудакова, М.О. Беседы об архивах. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 222 с.

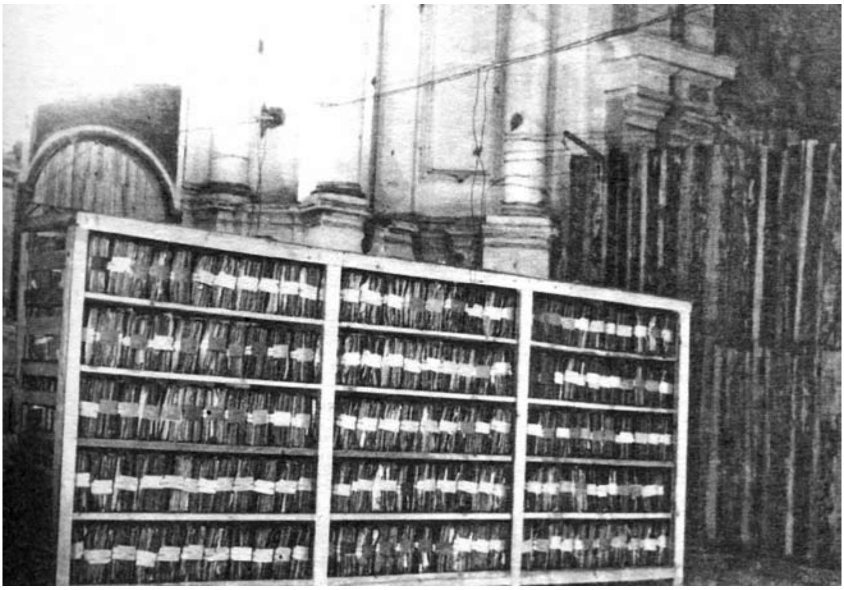

Рис. 1. В архивохранилище Государственного архива Полоцкой области, расположенном в здании Софийского собора. 1952 г.

Рис. 2. В рабочей комнате Государственного архива Полоцкой области. 1952 г.

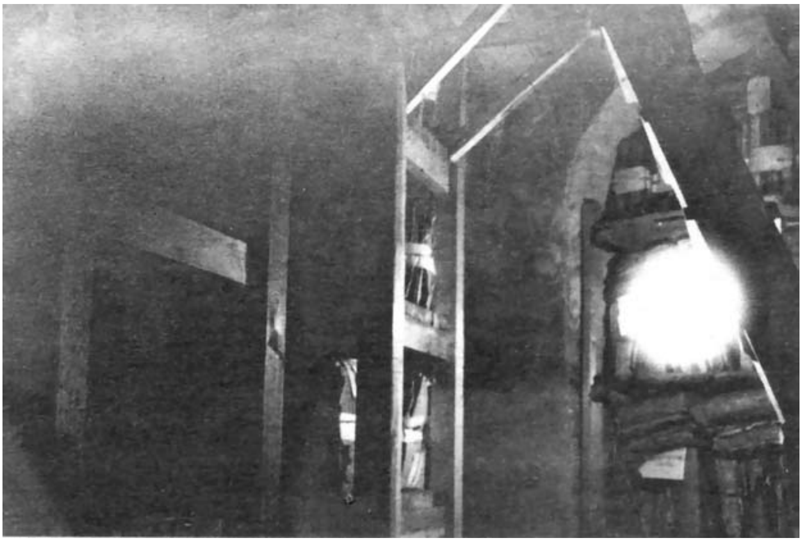

Рис. 3. В хранилище секретных фондов Государственного архива Полоцкой области. 1952 г.

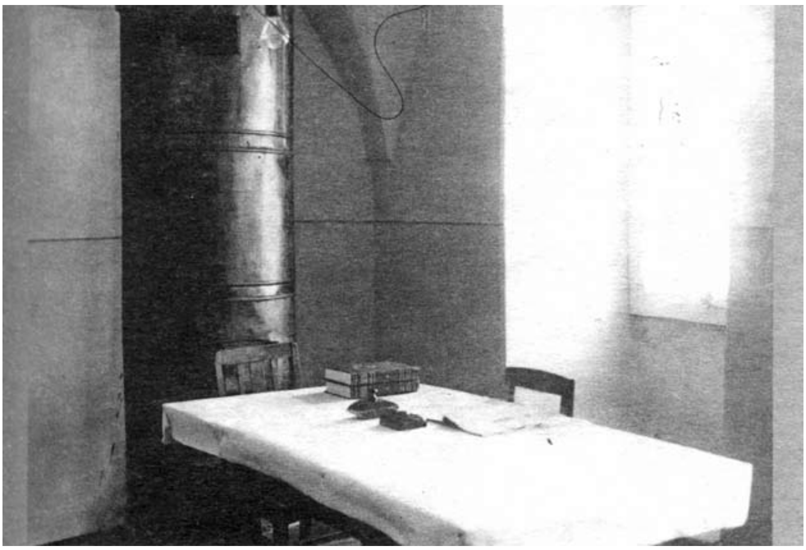

Рис. 4. В читальном зале Государственного архива Полоцкой области. 1952 г.

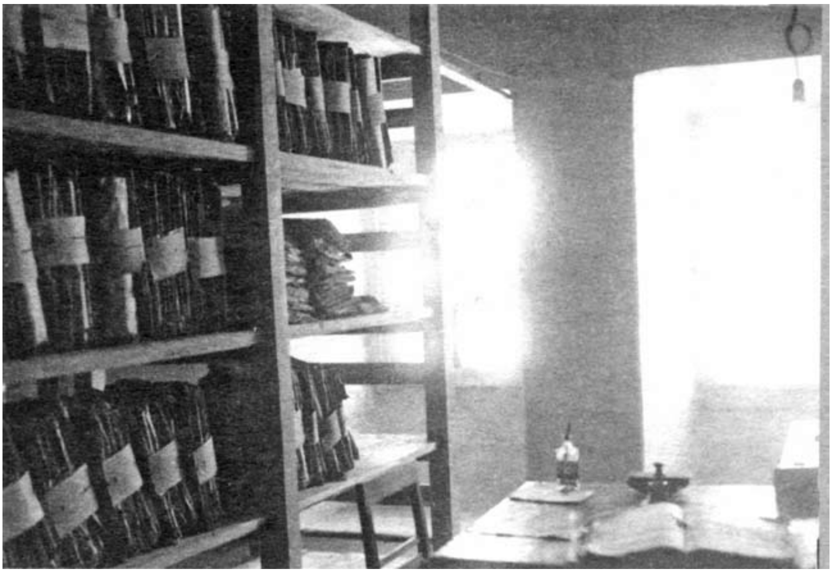

Рис. 5. Рабочее место в архивохранилище, расположенном в здании Софийского собора. 1952 г.

Рис. 6. Сотрудники Государственного архива Полоцкой области.

Карасёў В.Р.

Спадчына. Козел-Паклеўскія і Быкаўшчына

Адной з прыгажэйшых і цікавейшых мясцін Полаччыны з'яўляецца вёска Быкаўшчына — былая панская сядзіба Козел-Паклеўскіх, у якой да нашага часу захаваліся не толькі сядзібны дом, але і многія гаспадарчыя пабудовы, і рэшткі былой прысады. Гэта сапраўды вельмі прыгожы куточак Полацкай зямлі з сад-гарой і рачулкай Гарадзёнкай.

Былая сядзіба, як помнік архітэктуры і паркавай гаспадаркі панскай сядзібы XIX стагоддзя, дзякуючы намаганням У. Яцкевіча і В. Карасёва ў 2003 годзе ўзята пад ахову дзяржавы і ўключана ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцяў Рэспублікі Беларусь. Будзем спадзявацца, што кіраўніцтва Ветрынскай школы-інтэрната і ўлады зберагуць для нашчадкаў гэты помнік.

Шляхецкі род Казелаў з уласным гербам паходзіць з Прыдняпроўя і вядомы з XV стагоддзя. Дзесьці ў XVII стагоддзі прадстаўнікі гэтага роду з'явіліся на беларускіх землях, займалі розныя высокія пасады ў Вялікім Княстве Літоўскім і сталі звацца Козел-Паклеўскія ад назвы іх маёнтка Паклева ў Ашмянскім павеце.

У канцы XVIII стагоддзя ўтварыліся дзве новыя галіны гэтага роду: літоўская і віцебская. Цэнтрам віцебскай галіны і была сядзіба ў вёсцы Быкаўшчына.

Згодна з дакументамі Нацыянальнага гістарычнага архіва, уладальніца Быкаўшчыны Ганна Спінкава-Казелава жыла тут з 1793 года са сваім братам Вікенціем і сёстрамі Францішкай і Антанінай. Ім належала каля 500 дзесяцін зямлі і лесу.

У Ганны і яе мужа Фамы ў 1809 годзе нарадзіўся сын, якога назвалі Альфонсам. Менавіта яму ад маці дастаўся ў спадчыну маёнтак Быкаўшчына, і менавіта ён пакінуў знакавы след у гісторыі Расіі, а нам застаўся перабудаваны ім двухпавярховы драўляны дом і шэраг гаспадарчых пабудоў з цэглы і каменняў.

Архіўныя звесткі пра сядзібы Быкаўшчына, Забалацце, Двор Вараноўчына і іх гаспадароў значна дапоўнены з кніг, што перадалі ў гэ-

тым годзе аўтару дадзенай публікацыі нашчадкі Місунаў, уладальнікаў Забалацця — радзімы знакамітай Ганны Місуны, і Шыстоўскіх, уладальнікаў суседняй з Місунамі сядзібы Двор Вараноўшчына: з Фінляндыі — кнігу Альгерда Місуны «Успаміны», з Польшчы — кнігу Марыі Гушча-Вінеска «Род Шыстоўскіх». Аказваецца, род Козел-Паклеўскіх быў у сваяцтве з родам Місунаў, а дакладней: Альфонс Фаміч Козел-Паклеўскі быў братам Францішкі, жонкі Ёзэфа Місуны, а дачка Ганны і Фамы Анэля была замужам за Іосіфам Місуна.

На каталіцкіх могілках Шыстоўскіх, на якіх, дарэчы, была вялікая каменная капліца, спачываюць нябожчыкі з роду Шыстоўскіх, Місунаў і Козел-Паклеўскіх.

Але вернемся да ўладара Быкаўшчыны Альфонса Фаміча (герб «Козел II»).

Пасля заканчэння школы піяраў у Полацку ён паступіў на факультэт права Пецярбургскага ўніверсітэта («Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» (т. 4) памылкова называе Віленскі ўніверсітэт). У час вучобы ён пазнаёміўся і пасябраваў з князем Пятром Гарчаковым, братам тагачаснага канцлера. Князь зацікавіўся ім і калі стаў генерал-губернатарам Заходняй Сібіры, запрасіў да сябе ў Табольск на пасаду чыноўніка па асобых даручэннях. Для маладога хлопца, які толькі закончыў універсітэт, кар'ера была ашаламляльная. Альфонс пакінуў гаспадарку і маці пад апеку Шыстоўскіх і рушыў шукаць шчасця ў Сібіры. З сабой ён прывёз немалую суму грошай у асігнацыях. Абставіны і высокая пасада далі яму магчымасць выкарыстаць выпадак. Нечакана рана для Сібіры наступіла зіма, рэкі замёрзлі і вялікі транспарт збожжа аказаўся скаваным лёдам. Купцы прыехалі ў сталіцу Заходняй Сібіры Табольск шукаць крэдыты, каб выратаваць транспарт. Альфонс скарыстаў адчай купцоў і па нізкіх цэнах скупіў збожжа на баржах, пачакаў вясны і прадаў яго з вялізным прыбыткам. Гэта і было пачаткам яго дзейнасці як прадпрымальніка.

Скора ён пакінуў службу, заняўся дастаўкай ураджаю і стаў манапалістам у гандлі збожжам. Купіў два вінакурныя заводы, набыў паравыя рухавікі для перавозкі барж са збожжам і стаў бесканкурэнтным у справе дастаўкі зерня. Гэта былі першыя паравыя рухавікі ў Сібіры. Альфонс Козел-Паклеўскі лічыцца заснавальнікам рачнога параходства Сібіры.

Ён развіваў пасажырскія паслугі па рэках Заходняй Сібіры. Арганізаваў уласную прамысловую кампанію ў Табольскай і Цюменскай губернях,

будаваў шахты, фабрыкі і заводы і гэтым прымаў удзел у асваенні Сібіры. Яго кампанія выпрабляла пятую частку расійскага спірту.

Менавіта ў гэты час ён у сваім маёнтку Быкаўшчына распачаў вялікае будаўніцтва: новы двупавярховы дом, стайні, зерняток, зернясховішча, кавальня, цудоўны парк, цэнтральная прысада, сажалкі і масты. Чатыры сажалкі злучаліся паміж сабой грунтовымі водамі і таму заўсёды былі чыстымі. Былы дырэктар школы-інтэрната А.І. Акуленка расказваў, што пры правядзенні меліярацыйных работ па расшырэнні берагоў Гарадзёнкі (цяпер гэта невялікае возера), аднавіць злучэнне тых сажалак не атрымалася.

Альфонс Козел-Паклеўскі актыўна займаўся дабрачыннасцю і гэтым пакінуў пра сябе добрую памяць: пабудаваў касцёлы ў Екацярынбургу і Омску, будаваў школы, дзіцячыя прытулкі, падтрымліваў сасланых у Сібір удзельнікаў паўстання 1863 года, аказваў дапамогу палякам. Ён узяў пад апеку жонку і траіх малалетніх дзяцей тагачаснага гаспадара Забалацця Адольфа Місуны, які па запрашэнні Альфонса працаваў у Сібіры і рана памёр. Калі дзеці падраслі, Сафія Місуна разам з імі з'ехала ў Варшаву.

За сваю дабрачыннасць Альфонс Фаміч атрымаў ад Папы Рымскага ордэн Святога Яна Ерусалімскага, а ўладамі Расіі адзначаны ордэнам Святога Станіслава першай ступені.

Памёр сапраўдны стацкі саветнік Альфонс Паклеўскі-Козел у 1890 годзе і быў пахаваны на каталіцкіх могілках побач з маці.

Спадчына «караля Сібіры», так называлі Альфонса Фаміча, засталася яго шасці дзецям. А спадчына гэта была вялізная: пяць буйных прамысловых прадрыемстваў, дзве дражджавыя фабрыкі ў Табольску і Омску, капальні азбесту, золата, медзі, два шклозаводы, а ў Вяцкай губерні — два заводы жалеза. На яго прадпрыемствах працавала шэсць тысяч рабочых.

Працягвалі справу бацькі яго сыны: спачатку Альфонс, а пасля яго да самай рэвалюцыі 1917 года — Ян. Сын Станіслаў стаў дыпламатам, быў паслом Расіі ў Токіо і ў Лондане. Дачка Ганна вышла замуж за барона Розенкампфа, уладальніка маёнтка Сэрвіч у Навагрудскім ваяводстве. Ян — адзіны з нашчадкаў Альфонса Фаміча, які марнатравіў жыццё, разбазарваў спадчыну бацькі: карты, рулетка, дарыў каханкам маёнткі. Калі жыў у Пецярбургу, нават плаціў паліцэйскім, каб яго віталі пры сустрэчы на вуліцы. У час Першай сусветнай вайны выехаў у Кракаў.

Вернемся ў Быкаўшчыну. Удава Альфонса Фаміча Анжэліка двойчы (у 1893 і 1894 гадах) накіроўвала прашэнне на імя віцебскага генерал-губернатара аб пабудове мужу-нябожчыку фамільнага помніка ў выглядзе капліцы і склепа пад ёй для пахавання іншых памерлых членаў сям'і. Такі дазвол атрымала толькі ў канцы 1894 года. Завяршыў будаўніцтва касцёла-капліцы са склепам у 1900 годзе ўжо яе сын Альфонс Альфонсавіч і прасіў у губернатара дазвол на перанос у гэты склеп праху бацькі. У 1896 годзе ён на каталіцкіх могілках Шыстоўскіх зрабіў вялікую надмагільную пліту з шэрага граніту на магілу сваёй бабулі — заснавальніцы Быкаўшчыны, якая памерла ў 1856 годзе.

Як піша ў сваёй кнізе Альгерд Місуна, Козел-Паклеўскія адзін раз у год збіраліся ў сядзібе, каб памянуць старога гаспадара сядзібы.

Некалькі слоў пра касцёл-капліцу на 50 месцаў унутры і пад касцёлам склеп на 36 месцаў для памерлых. Вышыня гэтага прыгожага помніка архітэктуры крыху больш за 14 метраў, уздоўжкі — 11, шырынёй — 12 метраў.

Грабніца пад касцёлам мае памеры ў аршынах і вяршках, пераведзеныя ў метры рукой прыстава, як і запісы яго на плане фамільнай грабніцы. Надпіс злева: «Под лит. «а» погробена усопшая Анжелика Иосифовна Поклевская-Козела.

Под лит. «б» погробена О.С. Поклевская-Козела. Другое место в фронтальной гробнице рядом с «а» предназначено для праха покойного генерала А.О. Поклевского-Козел. Оставшиеся 35 мест свободны».

Знізу запіс: «Вход запирается железной дверью. Для спуска имеется 16 каменных ступеней».

У час інтэрвенцыі капліца была часткова разрабавана, а знешне некранутая захавалася да сярэдзіны 30-х гадоў мінулага стагоддзя. Яе разбурылі, калі будавалі школу для дзіцячага дома, які быў арганізаваны тут у 1924 годзе. Проста патрэбны былі камяні!

Як сведчаць дакументы Занальнага дзяржархіва ў горадзе Полацку, апошні гаспадар Быкаўшчыны Вікенцій Казела і трое яго дзяцей збеглі пры адступленні «белых».

Па звестках дакумента ад 1926 года гэтага ж архіва, у Быкаўшчыне знаходзіўся панскі дом — двухпавярховы, драўляны, на каменным фундаменце, крыты жалезам, з каменным падвалам. У доме паркетная падлога. Усяго ў доме 20 пакояў, 19 дзвярэй, 50 акон, 7 печаў. Памер дома — 33x25x12 аршын. Усяго ў сядзібе 12 дамоў, кавальня, каменная

двухпавярховая лядоўня, малочная. Побач яшчэ дом, у якім 12 пакояў. Пад каменнай прыбудовай — падвал.

Такая вось гісторыя панскай сядзібы Быкаўшчына і яе ўладальнікаў.

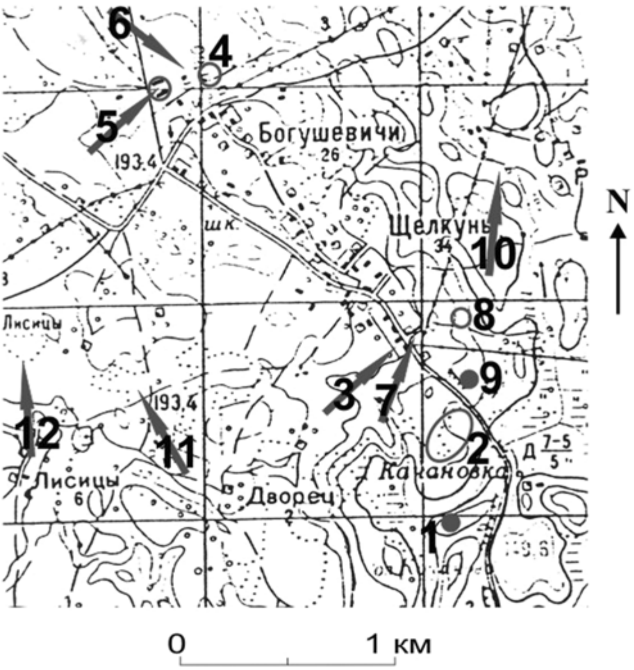
Час не шкадуе пабудовы былой сядзібы, некаторыя з якіх ужо даўно патрабуюць рэстаўрацыі. А можна было б з дапамогай шэфаў школы-інтэрната і ўладаў у падземнай частцы касцёла зрабіць музей гісторыі Быкаўшчыны, папоўніць яго копіямі матэрыялаў музея Козел-Паклеўскіх у Екацярынбургу, зрабіць для яго макет капліцы… Будзем спадзявацца, што такая прапанова знойдзе падтрымку.

Коц А.Л.

Гісторыя вёскі Шчаўкуны і ваколіц (паводле археалагічных і этнаграфічных даследаванняў)

Вёска Шчаўкуны знаходзіцца на тэрыторыі Празароцкага сельсавета Глыбоцкага раёна. Злучана дарогай з вв. Чарневічы, Замхава і Горкі. Паселішча размяшчаецца на так званай Шчаўкуноўскай гары (назва схіла да ракі Ауты), на перасечанай мясцовасці. Назва в. Шчаўкуны паходзіць ад прозвішча Шчаўкун, якое было шырока распаўсюджана ў дадзенай вёсцы да сярэдзіны XX ст.

Мэтай артыкула з’яўляецца агульная характарыстыка гістарычнага развіцця вёскі Шчаўкуны і прылягаючай тэрыторыі.

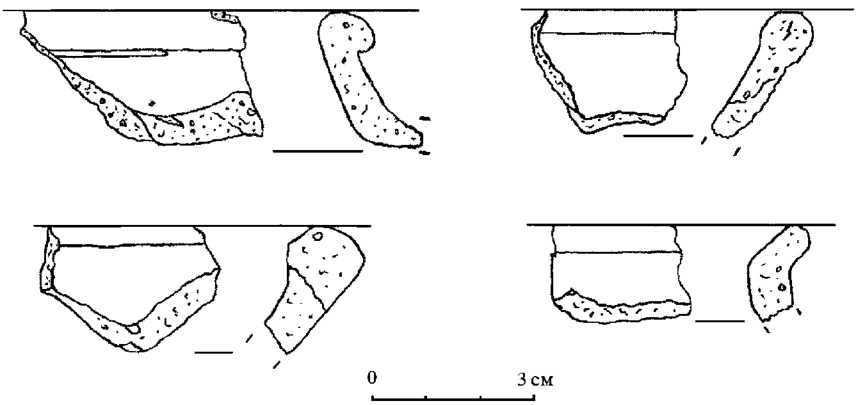
Мал. 1. Карта гістарычных помнікаў у ваколіцах в. Шчаўкуны і Багушэвічы: 1 — гарадзішча, 2 — ур. Курганіца, 3 — месца, дзе знойдзена кераміка, 4 — панскі дом, 5 — канюшні, 6 — месца, дзе знойдзена кераміка, 7 — ур. Царкавішча, 8 — старыя могілкі, 9 — могілкі, 10 — крыж у балоце, 11 — камень з «рыбамі», 12 — Напалеонаўскі камень.

У час абследавання тэрыторыі[1] выяўлены шэраг гістарычных (археалагічных і этнаграфічных) помнікаў (**мал. 1**) і некаторыя цікавыя факты з гісторыі вёскі і навакольных тэрыторый, якія не маюць пісьмовага пацверджання.

Першыя людзі ў акрэсленай мясцовасці з'явіліся ў жалезным веку. Каля в. Шчаўкуны знаходзіцца гарадзішча, якое датуецца 6 ст. да н.э. – 4 ст. н.э. Дадзенае ўмацаванае паселішча суадносяць з прадстаўнікамі днепра-дзвінскай культуры [**2**, с. 240]. Гарадзішча размяшчаецца на правым беразе р. Аута (**мал. 1**). Паселішча знаходзіцца на перасечанай мясцовасці на высокім (15 м) пагорку ў лесе. Пляцоўка гарадзішча авальнай формы. Гарадзішча мае складаную сістэму абарончых умацаванняў. Два дугападобныя валы размешчаны на пляцоўцы і два дугападобныя валы – на схілах. Паміж валамі і схіламі гарадзішча знаходзяцца глыбокія равы. Таксама на схіле знаходзіцца тэраса, якая, верагодна, была часткай абарончай сістэмы і ўзвозу.

Сярод мясцовага насельніцтва распаўсюджана назва ўрочышча (лес) Курганіца на паўднёвы ўсход ад вёскі[2] (**мал. 1**). У час абследавання ва ўрочышчы ніякіх археалагічных помнікаў (накшталт курганных насыпаў) не выяўлена.

На тэрыторыі вёскі (у паўднёва-заходняй частцы) сабраны пад'ёмны матэрыял (**мал. 1**). Ён прадстаўлены венцамі і сценкамі керамічных гаршкоў. Венцы датуюцца ў межах XVI–XVIII стст. (**мал. 2**).

Мал. 2. Венца гаршкоў з в. Шчаўкуны.

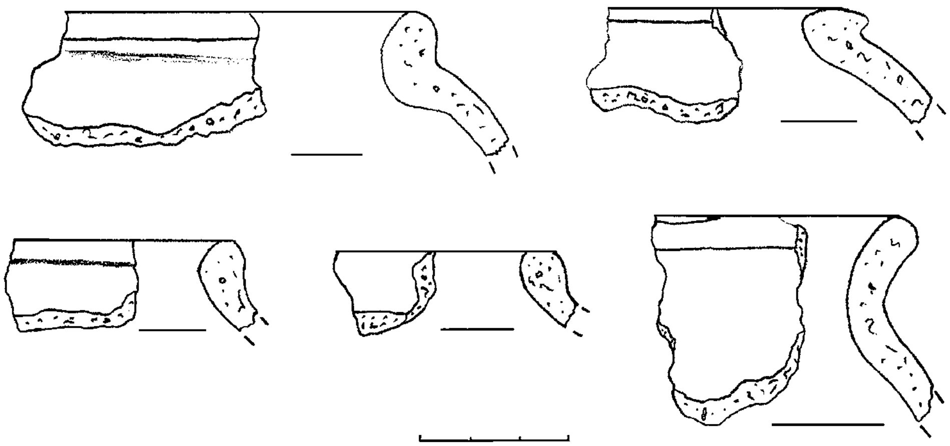
[1] Археалагічныя разведкі праводзіліся на падставе Дазвола № 2110, выдадзенага Інстытутам гісторыі НАН Беларусі на імя аўтара на 2010 г.

[2] Запісана аўтарам у 2010 г. ад Гарнастая Леаніда Антонавіча, 1929 г.н., у г. Наваполацк (нар. у в. Шчаўкуны Глыбоцкага раёна).

Адно венца XVII ст. з’яўляецца тыповым для полацкай керамікі. Сярод сценак гаршкоў сустракаюцца зробленыя на ручным ганчарным коле, якое выйшла з ужытку каля XVI ст. Прыблізна тым жа часам можна датаваць і сценкі гаршкоў.

На падставе аналізу пад’ёмнага матэрыялу можна выказаць меркаванне аб існаванні сельскага паселішча на тэрыторыі в. Шчаўкуны ўжо ў XVI ст. Знаходкі пазнейшага часу і магутны культурны слой сведчаць аб існаванні паселішча і ў больш позні перыяд.

Збор пад’ёмнага матэрыялу таксама праводзіўся на тэрыторыі суседняй в. Багушэвічы (**мал. 1**). Матэрыял быў сабраны на месцы панскай сядзібы, якая размяшчалася на паўночным ускрайку дадзенай вёскі. Паверхневы збор прадстаўлены пераважна сценкамі і венцамі керамічных гаршкоў. Найбольш інфарматыўнымі з’яўляюцца венцы (**мал. 3**). Яны датуюцца ў межах XV–XVIII стст., што сведчыць аб існаванні паселішча на дадзеным месцы ў названы адрэзак часу.

Мал. 3. Венца гаршкоў з в. Багушэвічы.

Паводле дадзеных XIX ст., в. Шчаўкуны належала Беганскім, у другой палове XIX ст. гаспадарамі ўзгаданай сядзібы былі Нарніцкія [**3**, с. 838]. Апошнія заставаліся яе ўласнікамі да 1939 г. Паводле звестак мясцовых жыхароў, апошні з роду Нарніцкіх — Ян — быў вельмі добразычлівым чалавекам, меў вялікую гаспадарку. Панскі дом называлі «пакоі» (**мал. 1**). У ім была вялікая колькасць памяшканняў. Дом быў накрыты керамічнай дахоўкай. У пасляваенны час там была арганізавана школа, але ў сярэдзіне XX ст. дом разабралі па прычыне аварыйнага стану. На

панскай сядзібе меліся дзве вялікія канюшні, якія працавалі як калгасныя да 1980-х гг.[3]

Развіццю в. Шчаўкуны спрыяла яе ўдалае геаграфічнае палажэнне. Вёска знаходзілася амаль на скрыжаванні шляхоў мясцовага значэння, якія злучалі мястэчка Лужкі і Полацка-Віленскі гасцінец і мястэчкі Чарневічы і Пліса. У 1865 г. у в. Шчаўкуны пражываў 41 жыхар, у канцы XIX ст. – 102 чалавекі [**3**, с. 838].

Паводле сведчанняў мясцовых жыхароў, у XIX ст. у в. Шчаўкуны была ўніяцкая царква. У 1860-ыя гг. яна ўжо знаходзілася ў занядбаным стане[4]. Пагорак, на якім знаходзіўся храм, да сённяшняга дня завецца Царкавішча[5] (**мал. 1, мал. 4**). У больш позні час, да 1970-х гг., на месцы

Мал. 4. Урочышча Царкавішча.

царквы стаяў прыдарожны крыж, які шанаваўся мясцовымі жыхарамі[6]. Цікавы факт, што ў першай палове XX ст. Шчаўкуны былі вёскай з выключна каталіцкім насельніцтвам (у XIX ст. тут знаходзілася ўніяцкая

[3] Запісана аўтарам у 2010 г. ад Гарнастая Мар'яна Антонавіча, 1932 г.н., у в. Багушэвічы Глыбоцкага раёна.

[4] Зафіксавана аўтарам у 2004 г. ад Барткевіча Пятра Віктаравіча ў в. Шчаўкуны, які ў 1960-ыя гг. пачуў дадзеную інфармацыю ад Пялінка Стася (нарадзіўся ў сяр. XIX ст. у в. Шчаўкуны).

[5] Запісана аўтарам у 2010 г. ад Гарнастая Леаніда Антонавіча, 1929 г.н., у г. Наваполацк (нар. у в. Шчаўкуны Глыбоцкага раёна).

[6] Запісана аўтарам у 2010 г. ад Гарнастая Леаніда Антонавіча, 1929 г.н., у г. Наваполацк (нар. у в. Шчаўкуны Глыбоцкага раёна).

царква!)[7]. Мясцовыя жыхары свечаць, што на ўзгаданым пагорку (на Царкавішчы) былі заўважныя яшчэ ў сярэдзіне XX ст. каменныя пліты (магчыма, надмагіллі) з надпісамі «па-руску»[8]. Такім чынам, цалкам верагодна, што тут магла існаваць царква, а вакол яе былі арганізаваны могілкі. Пісьмовымі крыніцамі дадзеныя звесткі не пацвярджаюцца.

Акрамя згаданага Царкавішча, у Шчаўкунах было яшчэ двое могілак. Адны размяшчаліся ва ўрочышчы Барок, на ўсход ад вёскі (мал. 1). Жыхары вёскі сведчаць аб надмагільных камянях на тых могілках[9]. Падчас распрацоўкі калгасных палёў каля ур. Барок трактарам былі выкапаны чалавечыя косткі[10].

Яшчэ адны могілкі знаходзяцца на паўднёвы ўсход ад вёскі (мал. 1). Яны перасталі дзейнічаць у пачатку XX ст. На дадзеных могілках хавалі жыхароў толькі з в. Шчаўкуны[11]. На помніку захавалася шмат надмагільных камянёў, у тым ліку і два каменыя крыжы (**мал. 5**).

Мал. 5. Могілкі з каменнымі надмагіллямі і каменныя крыжы.

[7] Запісана аўтарам у 2010 г. ад Гарнастая Леаніда Антонавіча, 1929 г.н., у г. Наваполацк (нар. у в. Шчаўкуны Глыбоцкага раёна).

[8] Запісана аўтарам у 2010 г. ад Гарнастая Леаніда Антонавіча, 1929 г.н., у г. Наваполацк (нар. у в. Шчаўкуны Глыбоцкага раёна).

[9] Запісана аўтарам у 2010 г. ад Гарнастая Леаніда Антонавіча, 1929 г.н., у г. Наваполацк (нар. у в. Шчаўкуны Глыбоцкага раёна).

[10] Зафіксавана аўтарам у 2004 г. ад Барткевіча Пятра Віктаравіча ў в. Шчаўкуны.

[11] Запісана аўтарам у 2007 г. ад Загорскай (Гарнастай) Соф'і Антонаўны, 1926 г.н., у в. Шчаўкуны.

Зафіксаваны звесткі, што тут раней стаялі і драўляныя крыжы. Выразна прасочваюцца рады пахаванняў.

Мясцовыя жыхары паведамілі аб існаванні яшчэ аднаго этнаграфічнага помніка. На ўсход ад вёскі ў балоце быў пастаўлены драўляны крыж (мал. 1). Урочышча, дзе знаходзіўся дадзены помнік, называлася «Пад крыжам». Людзі сведчаць, што ніколі не хадзілі маліцца да гэтага крыжа. Крыж у спецыфічным месцы (балота), магчыма, выконваў ролю абярэга вёскі [12].

Паміж в. Багушэвічы і Лісіцы (на поўнач ад в. Шчаўкуны) знаходзяцца два камяні, аб якіх бытуе легенда пра французскія скарбы (**мал. 1**).

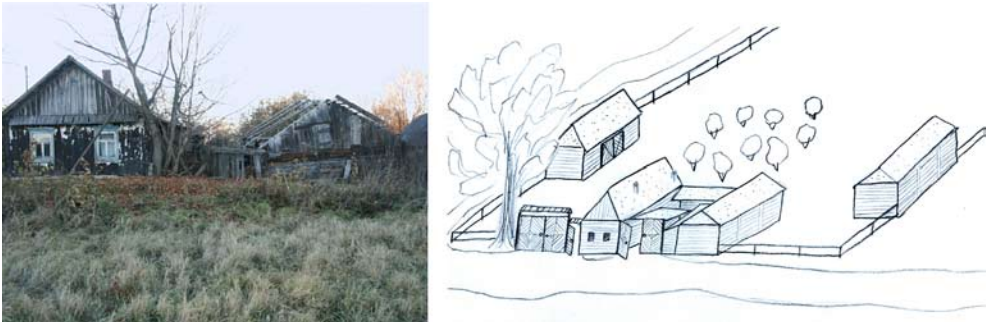
Мал. 6. Камень з «рыбкамі».

Адзін камень завецца «камень з рыбамі» (**мал. 6**). На яго паверхні нанесены два эліпсы, якія мясцовыя жыхары называюць рыбамі. Лічыцца, што гэтую выяву стварылі французы ў XIX ст. з мэтай пазначыць месца захавання скарбу. Паводле падання, большая з гэтых рыбак (эліпсаў) паказвае напрамак, дзе знаходзіцца тое месца, і адлегласць да яго, меншая – глыбіню, на якой закапаны скарб [**1**, с. 29].

Другі валун носіць назву «Напалеонаўскі камень». Легенда сцвярджае, што яго восі накіраваны на месца, дзе на глыбіні 30 футаў закапаны 6 бочак з каштоўнасцямі на сем мільёнаў франкаў. Гэтыя каштоўнасці быццам былі нарабаваны салдатамі французскай арміі ў час вайны 1812 г. Усяго бочак было сем, але адну салдаты разбілі і каштоўнасці распіхалі па кішэнях [**1**, с. 29].

У в. Шчаўкуны захавалася традыцыйная забудова пачатку XX ст. Адна сядзіба ўяўляе сабой размяшчэнне хаты і хлява з гаспадарчымі пабудовамі па абодва бакі дарогі (вуліцы). Падобная забудова фіксуецца на тэрыторыі Беларусі з XVI ст. Яшчэ адна сядзіба ўяўляе сабой двухрадную забудову, характэрную для Падзвіння і Падняпроўя. У дадзеным вы-

[12] Запісана аўтарам у 2010 г. ад Гарнастая Леаніда Антонавіча, 1929 г.н., у г. Наваполацк (нар. у в. Шчаўкуны Глыбоцкага раёна).

Мал. 7. Традыцыйная двухрадная забудова: сучасны стан і рэканструкцыя (перш. пал. XX ст.).

падку хата і хлеў стаяць тарцамі да вуліцы і злучаюцца брамай (**мал. 7**). Хата і хлеў (разабраны ў 2008 г.) былі аднолькавай даўжыні. Насупраць брамы (з іншага боку) была сцяна, якая выгароджвала закрыты двор — дзяннік, часткова накрыты страхой. На чысты двор вяла другая брама[13]. Дадзеная сядзіба з'яўляецца ўзорам традыцыйнай сялянскай забудовы XVIII–XIX стст. Акрамя таго, у вёсцы існуе шэраг дамоў, пабудаваных у пачатку XX ст.

В. Шчаўкуны вылучаецца яшчэ адной цікавай з'явай, не характэрнай для навакольных вёсак. Тут існавала традыцыя рассялення жыхароў з адным прозвішчам у пэўнай частцы вёскі. Прычым, не заўсёды гэта былі сваякі. Так, у Гарнастаяў была свая вуліца; Чаронкі і Шынкевічы жылі на адной вуліцы, але па розныя бакі. Жыхары з прозвішчам Шчаўкуны таксама жылі асобна. На ўскрайку вёскі жылі Барткевічы. Падобная з'ява фіксавалася да сяр. XX ст.[14]

Вёска Шчаўкуны амаль нічым не адрозніваецца ад іншых тыповых вёсак Падзвіння. Але яе зручнае геаграфічнае размяшчэнне, шэраг культавых аб'ектаў і даўняе існаванне сведчаць аб тым, што яна магла быць мясцовым цэнтрам пэўнага вясковага асароддзя. Падобных звестак у пісьмовых крыніцах не фіксуецца. Мінулае дадзенага населенага пункта і ваколіц багатае на гістарычныя падзеі мясцовага характару, якія вартыя далейшага вывучэння.

13 Запісана аўтарам у 2010 г. ад Гарнастая Леаніда Антонавіча, 1929 г.н., у г. Наваполацк (нар. у в. Шчаўкуны Глыбоцкага раёна).

14 Запісана аўтарам у 2010 г. ад Гарнастая Леаніда Антонавіча, 1929 г.н., у г. Наваполацк (нар. у в. Шчаўкуны Глыбоцкага раёна).

Спіс літаратуры

1. Вінакураў, В.Х. Культавыя камяні Глыбоччыны / В.Х. Вінакураў, Л.У. Дучыц, Э.А. Ляўкоў // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Глыбоцкага раёна / навук. рэд. Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1995. – С. 146–147.

2. Дучыц, Л.У. Шчаўкуны, Празароцкі сельсавет. Гарадзішча / Л.У. Дучыц // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1985. – С. 240.

3. Słownik geograficzny krolestwa Polskiego i innych krajow slowianskich: u 15 t. T. 11: Ad «Soc» da «Szl». / wydany pod redakcyą Bronisława Chlebowskiego. – Warszawa: Wieku, 1890. – 960 s.

Лабоха Г.М.

«Цёплая» царква ў планіровачнай структуры полацкага Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра ў рэтраспектыве часу

Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр у г. Полацку, прылічаны ў 1842 г. да першага класа, пачаў атрымліваць добрае штогадовае матэрыяльнае забеспячэнне агульным коштам у 3 370 руб. [**22**, с. 17]. Пад духоўнай і матэрыяльнай пратэкцыяй Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра знаходзіліся прыпісны Полацкі Барысаглебскі і Віцебскі Свята-Духаў манастыры. Факт прыпісвання манастыроў садзейнічаў павышэнню матэрыяльнага статусу і непасрэднаму ўмацаванню матэрыяльнай базы манастырскай гаспадаркі [**1**, с. 12]. Дзяржаўная падтрымка ў сукупнасці з іншымі крыніцамі даходу аднаўленага манастырскага комплексу спрыяла яго далейшаму станаўленню і актыўнай будаўнічай дзейнасці [**8**, с. 8].

У 1847 г. пры ігуменні Клаўдзіі (Шчасноўскай) (1842–1853) на сродкі жаночага Еўфрасіннеўскага манастыра і ахвяраванні паломнікаў у гонар прападобнай Еўфрасінні, княжны Полацкай, была ўзведзена «цёплая» царква. На думку даследчыка В.Г. Слюнчанкі, «цёплы» храм прападобнай Еўфрасінні быў узведзены ў 1842 г. [**23**, с. 37]. На нашу думку, калі дэтальна прааналізаваць наяўныя дакументальныя звесткі аб ранняй гісторыі Еўфрасінневай царквы, можна з упэўненасцю сцвярджаць аб памылковым змесце аўтарскай гіпотэзы. 1847 год з'яўляецца дакладнай кропкай пачатковага існавання храма ў часе.

Звернемся да кампазіцыйных адметнасцей і функцыянальнага прызначэння Еўфрасіннеўскага храма ў планіровачнай структуры манастыра Св. Спаса. Размешчаны з правага (паўднёвага) боку Спаса-Праабражэнскай царквы сакральны будынак прызначаўся для правядзення набажэнстваў у халодную пару года [**20**, с. 2].

У архітэктуры «цёплага» храма дамінуюць рысы класіцызму з адзнакамі эклектыкі. Першапачатковае архітэктурна-мастацкае вырашэнне мураванай, крытай жалезам царквы па сваёй прастаце і адсутнасці стылявых нюансаў нагадвала гаспадарчыя памяшканні ў

забудове манастырскага ансамбля. Бадай што толькі жалезны крыж з'яўляўся адметным знакам храма. Толькі пасля правядзення рамонтных работ у 1886 г. будынак набыў больш яўнае аблічча сакральнага помніка: да яго прыбудавалі прытвор і рызніцу [**17**, л. 2].

Прамавугольны ў плане, мураваны храм Еўфрасінні быў накрыты двухсхільным дахам, у цэнтры якога размяшчаўся невялікі купал з галоўкай на драўляным «сляпым» васьміграннным барабане. Уваход у «цёплую» царкву быў вырашаны пры дапамозе арачнага партала з шырокай лесвіцай. Сцены збудавання былі распісаны па тынку пад квадратную муроўку, паўцыркульныя аконныя праёмы аздоблены руставанымі ліштвамі [**16**, л. 41].

Капітальныя выпраўленні ў царкве прападобнай Еўфрасінні праходзілі таксама ў 1887 і 1898 гг. Падчас апошняга рамонту (1898 г.) быў дабудаваны алтар, пяцігранная апсіда (з усходу) вылучана шырокім арачным парталам і аднаярусным дубовым іканастасам [**14**, с. 37].

Унутраная прастора «цёплай» царквы была перакрыта корабавым драўляным скляпеннем і дапоўнена драўлянай галерэяй хораў. Адзіны прастол храма быў асвечаны ў гонар прападобнай Еўфрасінні, княжны Полацкай. Толькі напрыканцы XIX ст. інтэр'ер храма набывае канчатковую завершанасць і суладнасць форм.

Падчас кіравання ігуменні Еўфрасінні ў 1866 г. быў перакрыты дах «цёплага» храма, а непасрэдна ў 1870 г. на сродкі жаночага манастыра своечасова перапраўлены тынк знешніх фасадаў сакральнага будынка. Свята-Еўфрасіннеўскі храм сумесна з царквой Спаса Праабражэння атынкавалі і пабялілі, затраціўшы сродкі, выдаткаваныя ад галоўнага начальніка Паўночна-Заходняга краю агульным коштам 250 руб.

Нягледзячы на дасягнутыя поспехі, знешні выгляд архітэктурных помнікаў манастырскага ансамбля па-ранейшаму заставаўся непрывабным і заняпалым. Канчатковае станаўленне архітэктурна-планіровачнай структуры манастыра выпала на перыяд кіравання ігуменні Яўгеніі (1878–1900 гг.), якая здолела захаваць ранейшыя набыткі папярэдніх настаяцельніц і прывесці плошчу манастырскага комплексу да арганічнага адзінства.

Напрыканцы XIX ст. Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр пад кіраўніцтвам ігуменні Яўгеніі (Гаваровіч) дасягнуў асаблівага росквіту. На тэрыторыі манастырскага комплексу працягваецца актыўнае будаўніцтва новых гаспадарчых памяшканняў і ладзяцца рамонтна-

рэстаўрацыйныя работы старых будынкаў, у тым ліку і «цёплай» царквы (1886, 1887, 1898 гг.) [**13**, с. 25].

22 кастрычніка 1886 г. ігуменне Яўгенія самавольна здзейсніла перабудову «цёплай» царквы. Памяшканне будынка было пашырана, дах узняты, надбудаваны сцены, уладкаваны хоры, пераслана падлога, зроблены новы прастол, алтар, прытвор і рызніца. Сваё рашэнне настаяцельніца тлумачыла тым, што лік насельніц манастыра няўхільна павялічваецца і дадзеная царква не здольна змясціць усю «брацію» [**15**, л. 39].

Пасля правядзення цыкла будаўнічых работ аб'ёмна-прасторавая кампазіцыя вянчаючых мас «цёплага» храма і яго мастацкае аблічча былі значна зменены з моманту яго ўзвядзення (1847 г.). 12 снежня 1886 г. з дазволу Праасвяшчэннага Маркела царква была асвечана благачынным Полацкай акругі святаром А. Акімавым [**17**, а. 2].

У 1910 г. да свята пераносу мошчаў прападобнай Еўфрасінні з Кіева-Пячорскай лаўры Свята-Еўфрасіннеўская царква была ў апошні раз пабелена, падлога пафарбавана.

Пасля Кастрычніка 1917 г. палітыка дзяржавы ў адносінах да Царквы кардынальна мяняецца. Дэкрэтам СНК ад 20 студзеня 1918 г. Царква адмяжоўвалася ад Дзяржавы, а ўся царкоўная маёмасць абвяшчалася «народным достоянием» [**18**, с. 156]. Пачалася рэквізіцыя царкоўных каштоўнасцей, якая праводзілася, па афіцыйнай версіі, у мэтах арганізацыі дапамогі галадаючым Паволжа.

Згодна з інструкцыяй, для рэгістрацыі рэлігійнай абшчыны неабходна было скласці вопіс маёмасці і заключыць пагадненне аб арэндзе. У сувязі са стратай апошняга вопісу ў часы эвакуацыі ў Растоў Яраслаўскай губерні вопіс манастырскіх уладанняў быў паўторна складзены ў 1922 г. (замест вопісу 1915 г.) [**2**, л. 6]. Па дадзеным вопісе, агульнае становішча «цёплай» царквы на 1922 г. было *здавальняючым*. 11 вокнаў храма па прычыне адсутнасці шкла былі забіты дошкамі, драўляная падлога месцамі спарахнела і папсавалася, працягвалі дзейнічаць тры кафельныя печы і нават захаваліся знадворныя дзверы з прымыкаючым альтанкам. Сакральнае начынне храма складалі драўляны Святы Прастол, пакрыты тканінай з белага палатна (1 арш. $^{31/2}$ вярш. х 1 арш. 3 вярш.), прадалтарны іканастас у дапасаванні з аднаярусным разьбяным іканастасам. Пасля растоўскай эвакуацыі ў «цёплым» храме не захавалася абразоў. Так, з 1918 па 1925 г. царкоўны будынак, месцамі пасечаны снарадамі, выконваў функцыю сховішча царкоўных рэчаў [**6**, л. 16].

У 1925 г. Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр, за якім лічылася значная грашовая нядоімка, не здолеў застрахаваць будынкі. Два двухпавярховыя манастырскія карпусы па рашэнні рабочай тройкі прэзідыума Полацкага акрвыканкама ў чэрвені 1925 г. былі перададзены для размяшчэння раённага выканаўчага камітэта (РВК) і яго ўстаноў, крэдытнага таварыства, Народнага суда і фельчарскага пункта. У будынку «цёплай царквы», узведзенай у гонар прападобнай княжны Еўфрасінні, быў арганізаваны клуб РВК [**6**, л. 26].

З 1928 г. пасля правядзення нацыяналізацыі і закрыцця жаночага манастыра інакіні былі вымушаны пасяліцца на лясных высечках каля чыгуначнай станцыі Гараны. Там манашкі пабудавалі жыллё і малельню для правядзення набажэнстваў. Часам яны прыходзілі да Спаса-Праабражэнскага храма, які, нягледзячы на грамадска-палітычныя абставіны, працягваў сваю дзейнасць [**19**, с. 27].

Ваенвед атрымаў выключнае права «вытвараць» па свайму погляду капітальны рамонт і ўнутраную перабудову архітэктурных помнікаў манастырскага ансамбля альбо іх складаючых частак [**9**, л. 106]. Згодна з архіўнай крыніцай, будаўнічыя інавацыі грамадскай установы на тэрыторыі былога Спаскага манастыра не павінны перашкаджаць толькі *«нармальнай працы»* РВК. У астатнім істотных абмежаванняў вытворчай актыўнасці не існавала. Так, манастырскі будынак («цёплую» царкву) пачалі выкарыстоўваць пад «клюб палка».

Падчас нямецка-фашысцкай акупацыі частка тэрыторыі манастырскага комплексу, якая знаходзілася злева ад Свята-Крыжаўзвіжанскага сабора, уключаючы і сам сабор, і царкву прападобнай Еўфрасінні, была абнесена калючым дротам, за якім размяшчаўся лагер савецкіх ваеннапалонных [**7**, л. 18].

Калі ў 1944 г. з Полацка былі прагнаны нямецка-фашысцкія акупанты, на тэрыторыі манастыра па рашэнні мясцовага кіраўніцтва зноў аднаўлены ваенгарадок. Частка ацалелых манастырскіх збудаванняў — цагляны і драўляны двухпавярховыя будынкі — была па-ранейшаму занята воінскай часткай.

З моманту апошняга абнаўлення архітэктуры «цёплай» царквы (1910 г.) яе пасляваеннае становішча, натуральна, пагоршылася: былы «клюб палка» за часы вайны быў ператвораны ў гаспадарчы сметнік са збітым альтанкам і пустымі аканіцамі. Цагляная каробка будын-

ка некалі праваслаўнага храма, узведзенага па канонах класіцызму ў 1847 г., нават не была пакрыта дахам.

Вядома, што старшыня выканкама С. Партноў не з’яўляўся прыхільнікам аднаўлення храмавых помнікаў у межах Спаса-Еўфрасіннеўскага комплексу. Ад 17 кастрычніка 1951 г. выканкам Полацкага гарадскога Савета прыняў рашэнне аб разбурэнні цаглянай каробкі былой царквы. Партыйныя колы патлумачылі факт неабходнасці руйнавання «цёплай» царквы яе непасрэднай блізкасцю да архітэктурнага помніка ўсесаюзнага значэння — храма Спаса Праабражэння. Аднапавярховую каробку даручылі разабраць рамонтна-будаўнічай канторы Гаркамгаса, а пасля арганізавана вывезці будаўнічае смецце за межы ахоўнай зоны [**10**, л. 225]. Ад агульнага вынішчэння царкоўны помнік выратаваўся, бадай што, цудам: спачатку вынесенае рашэнне было адкладзена на неакрэслены тэрмін, а пасля і ўвогуле забыта гарадскімі ўладамі.

У сваю чаргу, ігуменне Елеўферыя не пакідала думкі аб аднаўленні і паступовай перадачы помнікаў храмавага дойлідства манастыру.

У 1955 г. ігуменне звярнулася да ўпаўнаважанага па справах РПЦ па Віцебскай вобласці тав. Сідарава з просьбай дазволіць адрамантаваць і надалей карыстацца «цёплай» царквой [**3**, л. 15; 5, л. 22]. Тагачасны выгляд царквы мала чым адрозніваўся ад яе былога становішча. Прамавугольная, не пакрытая дахам цагляная каробка з пустымі аканіцамі, асвечаная ў гонар полацкай княжны Еўфрасінні, на думку настаяцельніцы манастыра, не павінна згубіць свой матэрыяльны след у часе.

Паміж іншым, як пераканаўча даводзіла ў сваім прашэнні Елеўферыя, рамонт будынка каштаваў бы нашмат танней за пабудову новага [**4**, л. 14]. У межах адноўленага храма ігуменне планавала вызначыць неабходную плошчу для правядзення рэлігійнага абраду хрышчэння немаўлят у халодную пару года. [**5**, л. 22]. Другую частку храмавага будынка планавалася ператварыць у вартаўнічы пункт *для аховы манашкамі* Спаса-Праабражэнскай царквы і манастырскага жылога корпуса. На наш погляд, запланаванае выкарыстанне будынка царквы ў якасці старожкі з’яўлялася стратэгічным крокам з боку ігуменні для адраджэння помніка хоць на такіх і непрывабных, на першы погляд, умовах.

Паступовае супрацьстаянне Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра і мясцовых органаў выканаўчай улады, якое рабілася ўсё больш відавочным і адкрытым, перашкодзіла аднаўленню Свята-

Еўфрасіннеўскай царквы ў межах манастырскага комплексу нават пад выглядам сціплай старожкі. Дарэчы, тагачасныя межы комплексу былі даволі ўмоўнымі: на тэрыторыі манастыра побач з манашкамі пражывалі і грамадзянскія асобы, якія займалі большую частку жылых і гаспадарчых памяшканняў.

24 мая 1989 г. «цёплая» царква была перададзена з балансу Полацкага гісторыка-археалагічнага запаведніка на баланс Мінскага епархіяльнага ўпраўлення Рускай Праваслаўнай Царквы (РПЦ) [**21**, с. 65]. Са свайго боку, гарадскі выканаўчы камітэт прасіў вярнуць грошы Полацкаму гісторыка-археалагічнаму запаведніку за рамонт «цёплай» царквы агульнай сумай у 100 тыс. руб. і выдаткаваць сродкі у памерах 50 тыс. руб. для будаўніцтва жылля тым людзям, што яшчэ пражывалі на тэрыторыі манастырскага комплексу [**12**, л. 40]. Агульны аб’ём работ патрабаваў значных выдаткаў. Зазначым, што Беларускі Экзархат перавёў вялікую на той час суму грошай, каб выкупіць у дзяржавы аб’екты манастырскага комплексу, а паміж тым апошнія ў свой час будаваліся на народныя ахвяраванні і былі ўласнасцю манастыра.

Стан «цёплай» царквы з моманту яе аднаўлення (1989 г.) можна лічыць здавальняючым [**24**, с. 401; 11, л. 3]. З 1990 да пачатку сакавіка 2009 г. адрэстаўраваны храм выконваў функцыю манастырскай трапезнай. Не так даўно, 28 сакавіка 2009 г., у храме былі адноўлены богаслужэнні.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Борун, Е.Н. Православные монастыри города Полоцка (середина XIX – начало XX веков: дис. ... магистр ист. наук / Е.Н. Борун. – Новополоцк, 2009. – 61 с.

2. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (далей ДАВВ). – Ф. 1821. – Воп. 1. – Спр. 133.

3. ДАВВ. – Фонд 4131. – Воп. 1. – Спр. 4.

4. ДАВВ. – Фонд 4131. – Воп. 1. – Спр. 19.

5. ДАВВ. – Фонд 4131. – Воп. 2. – Спр. 10.

6. ДАВВ. – Фонд 10051. – Воп. 1. – Спр. 41.

7. ДАВВ. – Фонд 10061. – Воп. 1. – Спр. 41.

8. Дубровский, М. Полоцкая Спасо-Евфросиниевская женская обитель / М. Дубровский. – СПб., 1910. – 27 с.

9. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку (далей ЗДА у г. Полацку). – Фонд 129. – Воп. 1. – Спр. 60.

10. ЗДА у г. Полацку. – Фонд 658. – Воп. 1. – Спр. 91.

11. ЗДА у г. Полацку. – Фонд 658. – Воп. 11. – Спр. 334.

12. ЗДА у г. Полацку. – Фонд 658. – Воп. 6. – Спр. 935.

13. Матушка Евгения: памяти настоятельницы Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря игумении Евгении (Говорович). – Минск: Виноград, 2000. – 64 с.

14. Монастырь у церкви Спаса: Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь с древности до наших дней. – Минск: Орех, 2007. – 136 с.

15. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі г. Мінск (НГАБ). – Фонд 2503. – Воп. 1. – Спр. 23.

16. НГАБ. – Фонд 2563. – Воп. 1. – Спр. 6.

17. НГАБ. – Фонд 2563. – Воп. 1. – Спр. 20.

18. Пішчулёнак, М. Становішча праваслаўнай царквы на Віцебшчыне ў 1917–1990 гадах / М. Пішчулёнак / Беларускі горад у часе і прасторы: 500 год Полацкай магдэбургії: зб. навук. прац. – Наваполацк: ПДУ, 2001. – С. 156–167.

19. Пішчулёнак, М. Ціхі прытулак, або чацвёртае адраджэнне: аб гісторыі Полацкага Спаса-Еўфрасіннеўскага жаночага манастыра / М. Пішчулёнак // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 6. – С. 26–29.

20. Полоцкий Спасо-Евфросиниевский женский монастырь // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1999. – № 7. – С. 1–2.

21. Православные монастыри на Беларуси / С.Э. Сомов [и др.]. — Минск: Четыре четверти, 2003. — 200 с.

22. Путеводитель по городу Полоцку 1910 г. / ред. А.И. Судник. — Полоцк: Издатель А.И. Судник, 2006. — 44 с.

23. Слюнченко, В.Г. Архитектурные памятники Полоцка / В.Г. Слюнченко. — Минск: Полымя, 1988. — 44 с.

24. Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии / В.А. Чантурия. — Минск: Вышэйшая школа, 1985. — 295.

Левшун Л.В.

«Житие Евфросинии Полоцкой» о количестве насельниц в монастыре «Святого Спаса»: к вопросу о специфике художественной рефлексии в традиционалистской культуре

Древнейшее «Житие Евфросиньи Полоцкой» принадлежало к типу проложных (синаксарных) «памятей» и входило в состав церковной службы, от которой в пергаменном стихираре конца XII – начала XIII вв. сохранилась лишь стихира. Абсолютное большинство известных ныне текстов «Жития» Преподобной представляют собой поздние – XVI–XVIII вв. – переработки, в которых «Житие» предстаёт уже как полный четий биос, под которым местами достаточно чётко обнаруживается древний синаксарный текст [**6**, с. 34]. Возможно, наряду с синаксарием ещё в конце XII в. был создан также и биос, однако и он подвергся позднейшим редактурам книжниками сначала киприановского, а потом – макарьевского круга. В результате этих редактур «Житие», созданное первоначально как словесная икона Преподобной с целью показать основные этапы духовного преображения святой игумении, превратилось в биографию, цель которой – достоверное описание исторических фактов, то есть фактов земной, временн*о*й, конечной реальности. Без учёта этого принципиального различия в типах художественных рефлексий создателя «Жития» и его редакторов возникает «аберрация адекватности» образа изображённому: «метафизическая схема» отождествляется с историческим событием, что, естественно, приводит к серьёзным погрешностям в изображении как исторической, так и духовной реальностей.

Как заметил В.О. Ключевский, уже к XV в. многие агиобиографы отступили от агиографического канона и при написании и/или редактировании житий святых стали ставить «чисто историографическую цель», что было «переходом от жития к простой биографии» [**1**, с. 300]. Редакторы жития полоцкой игумении очевидно принадлежали к этим последним: взяв не дошедший до нас синаксарий Преподобной («ме-

тафизическую схему» её земного бытия), они постарались максимально наполнить его историческими и биографическими подробностями, подчас домысливая их по аналогии (то, что Творогов в своё время назвал «ситуативным топосом»), исказив тем самым и историческую, и духовную реальности. Однако «высший реализм» древнего синаксария всё же виден сквозь позднейшую редактуру, хотя все известные исследователи «Жития» по непонятным причинам игнорировали его «подсказки». Остановимся на одном примере.

На основании текста «Жития» полагается, что Преподобная, придя в Сельцо по повелению ангела, быстро собрала большое количество монахинь и, видя умножившихся насельниц, велела строить монастырский храм «Вседержителя Спаса». Ктиторами храма и монастыря являлись полоцкие князья, которые присутствовали на торжественном освящении храма, окружённые толпами ликующего полоцкого люда [см., напр. **2**, с. 68–74; **3**, с. 27–40 и др.].

Однако при внимательном прочтении сохранившихся списков «Жития» рисуется совершенно иная картина.

Прежде всего, несомненно, что преп. Евфросиния пришла в Сельцо, сопровождаемая лишь одной черницей, и некоторое время они жили там вдвоём [**4**, с. 31–32]. Вскоре в Сельцо приходят сестра Евдокия (Грядислава) и кузина, «княжна Борисовна» – Евпраксия (Звенислава). Причём обе, вопреки правилам, пострижены иереем, а не епископом [**4**, с. 32, 33], что позволяет датировать постриги 1126–1128/9 гг., когда благословивший Евфросинию епископ Илья уже, видимо, умер, а поставить нового епископа Полоцку было некому: в Киеве с 1126 по 1130 г. не было митрополита. Весьма примечательно сообщение о том, что Евдокия (Грядислава) после пострига «пребываше в манастыри, повинующися ***сестре своей***» [**4**, с. 33], между тем как сама Евфросиния жила у Романовой, «повинующися ***игумении и сестрам всем***» [**4**, с. 29]. А Евпраксия (Звенислава) и Евфросиния «начаста пребывати во едину мысль яже к Богу… яко едина душа в дву телесу» [**4**, с. 33] – то есть и здесь нет упоминания о послушании «игумении и сестрам»). Создаётся стойкое впечатление, что во всяком случае до самой постройки церкви Спаса в Сельце жило всего три княжны-монахини.

Если внимательно вчитаться в описание собственно строительства и освящения Спасского храма, то становится очевидно, что он возводится сразу после пострига Звениславы/Евпраксии: «и ***по том***», или «и

по сем... (а не через «неколико время») Еуфросиниа заложи церковь камену Святаго Спаса» [**4**, с. 33]. И поскольку в Сельце в это время, как показывает анализ текста, жило всего три княжны-монахини, то и средств на постройку у них было немного – «утварь златая и порты многоценны» каждой из них, а, возможно, – только Звениславы, потому что о принесении в Сельце «утвари» Евфросинией и Евдокией ничего не сказано; наоборот, Евфросиния, войдя в «ветхую церковку Спаса», констатирует: «за все имение имею книги сея... Лише же сих трех хлебов не имею ничтоже...».

Весьма показательны в этом смысле и чудеса, происшедшие при постройке. Первое – о призвании зодчего Иоанна. Почему-то не обращают внимание на тот факт, что Преподобная, к которой пришёл Иоанн получить задание, вовсе не думала строить храм. «Ни!» – был ответ Иоанну на вопрос, она ли призывает его работать «Вседержителю Спасу».

Чудо второе – о плинфе: «нечим бяше верха скончати». Не имея средств, чтобы купить недостающий стройматериал, Евфросиния просит помощи у Бога [**4**, с. 33–34]! Утром недостающие плинфы найдены в печи для обжига. Приведённая деталь (вся недостающая плинфа поместилась в одной печи и была уложена в течение нескольких часов, так что в тот же день накрыли купол «и крест возставиша» /там же/) показывает, насколько сильно была ограничена в средствах Преподобная! Поэтому следующее далее безликое описание освящения храма – «бысть ***тръжество велие*** и ***праздноваша дни многи***» [**4**, с. 34]! – не вызывает никакого доверия: откуда могли быть взяты средства на многодневное «велие» празднование, если их не нашлось на 3–4 десятка плинф?

Сообщается, что на освящении якобы присутствовали «князи и сильные мужи» [там же] Полоцка. Однако трудно поверить, чтобы правящий князь полоцкой династии мог допустить недостачу стройматериалов, а потом, «ничтоже сумняшеся», придти на торжество освящения. Столь сильная ограниченность в средствах могла случиться только в обстоятельствах, когда Полоцком правил князь не полоцкой династии – то есть между 1129 и 1132 гг.: время ссылки полоцких князей в Византию. Заметим, не назван ни один из полоцких князей; не сообщается и имя епископа, освятившего храм (между тем в эпизоде передачи Преподобной Сельца названы два князя – Борис и Святослав

Всеславичи — и епископ Илья [**4**, с. 31]). Всё это утверждает в мысли, что перед нами — не описание реальных событий, а «ситуативный топос»: полоцкие князья, как и полоцкий епископ, *не участвовали ни в постройке, ни в освящении Спасского храма*: князья находились в ссылке, а епископа некому было поставить из-за отсутствия в Киеве митрополита. Следовательно, храм мог быть построен и освящён под Преображение 1130 или 1131 года.

Таким образом, внимательное чтение текста «Жития» даёт непривычную, но, несомненно, более точную картину происходившего в Сельце: по переселении в «метохию Св. Софии» преп. Евфросиния некоторое время жила там с одной только черноризицей; потом — с родной сестрой Грядиславой-Евдокией; где-то в 1128 г. (после смерти Бориса Всеславича) к ним присоединилась их кузина Звенислава-Евпраксия. Оттого-то Преподобной и не приходило в голову строить для столь немногих насельниц и при отсутствии необходимых средств храм (и оттого-то столь небольшим он был построен)! Летом 1129 г. полоцкие князья отправляются в византийскую ссылку; а зимой 1130 г. к Преподобной приходит зодчий Иоанн, и Евфросиния, несмотря на тяжкие обстоятельства, решает «послушать прилежно, со тщанем», Того, «Кто възывает на таково дело» и начать строительство храма — маленького, поскольку большой храм для трёх насельниц не нужен и на его постройку нет средств. Вероятнее всего, и само упоминание о *монастыре* в Сельце — не более как «ситуативный топос»; и логика позднейшего редактора тут вполне ясна: если девушки принимают постриг, то конечно же в монастыре, а где же ещё?!

Подтверждение этой догадке обнаружилось в списке НРБ (Погод. 869, Сборник, XVI ст.), где, по-видимому, сохранились «реликтовые» написания древнего протографа «Жития»: в обращении Преподобной к насельницам мы видим остаточные формы двойственного числа, которые (видимо, по рассеянности) переписчик не заменил на формы множественного: «ни рана не престꙋпить к ***телесама н[а]шима***» (думается, было *вашима*, но *н* и *в* при плохой сохранности списка легко спутать); «***сестрѣ*** же ꙋчаше» (л. 326 б). Еще одно «реликтовое» двойственное читается в списке БАН, 17.13.22: «Се собрах вы..., яко ***овце*** паствины своея» (л. 193; 5:265). Значит, в изложении древнего синаксария Преподобная после освящения Спасского храма обращалась к двум своим сёстрам, а вовсе не ко «многим девам и женам, отрицающимся мира и въ иноче-

ство приходящим», как пишет о том св. Димитрий Ростовский [**5**, с. 639]. Вряд ли книжники конца XV–XVI вв. — причём, как показывает анализ текста, книжники, хорошо образованные, знающие свое дело — ошибочно поставили на месте множественного двойственное число…

Итак, древний автор «Жития» Преподобной весьма достоверно описал события, но достоверно с точки зрения «высшего реализма», то есть начертывая лишь их «метафизическую схему», где главное — акцентировать этапы духовного преображения Преподобной. Позднейший редактор отрефлектировал эти достоверные вехи духовного преображения как исторические факты, упуская из виду то, что художественная рефлексия «списателя» синаксария была направлена на иную реальность и преследовала при этом совершенно иные цели. В результате такого «насилия» достоверный образ вступил в противоречие с изображаемым им историческим фактом, а исторический факт — с его интерпретацией…

Список литературы

1. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В.О. Ключевский. — Москва: Астрель, 2003. — 395 [5] с.

2. Мельнікаў, А. А. Еўфрасіння Полацкая / А. А. Мельнікаў // З неапублікаванай спадчыны — Мінск: Чатыры чвэрці, 2005. — С. 14–315.

3. Мельников, А.А. Путь непечален: исторические свидетельства о святости Белой Руси / А.А. Мельников. — Минск: Изд-во Белорусской Православной Церкви Московского Патрирхата, 1992. — 241 с.

4. Житие преп. Евфросинии, игумении Полоцкой (по списку РГБ, Ф. 113 № 632, л. 206–226) // Кніга жыцій і хаджэнняў / уклад. прадмова. і камент. А.А. Мельнікава. — Мінск: Маст. літ., 1994. — С. 26–41. — (Літаратурныя помнікі Беларусі).

5. В тои же день, житие преподобныя матере нашея Еуфросинии девици, игумении обители Святого Спаса в Полотску // Книга житий святых (март, апрель, май). — Киев: Тип. Печерской Лавры, 1700. — Л. 638–642б.

6. Срезневский, И.И. Древние памятники Русского письма и языка / И.И. Срезневский. — Изд. 2. — СПб., 1882.

Магалінскі І.У.

Металічныя крыжы-цельнікі канца X – XVIII стст. з тэрыторыі Полацка (класіфікацыя, храналогія і тэхналогія вытворчасці)

Важным элементам матэрыяльнай культуры старажытнага Полацка з'яўляліся прадметы хрысціянскага культу. Яны не толькі маркіравалі прыналежнасць да той ці іншай хрысціянскай канфесіі, але з'яўляліся выдатнымі ўзорамі ювелірнага рамяства.

Да прадметаў хрысціянскага культу індывідуальнага выкарыстання адносяцца крыжы-цельнікі. Гэтая група артэфактаў служыць важнай крыніцай па гісторыі хрысціянізацыі беларускіх зямель, а таксама з'яўляецца сведчаннем культурных і гандлёвых кантактаў асобных рэгіёнаў у старажытнасці, адлюстроўвае высокі прафесійны ўзровень старажытных ювеліраў.

Класіфікацыя металічных крыжоў, якія былі знойдзены на тэрыторыі Полацка, праводзілася намі на аснове фармальна-тыпалагічнага і іканаграфічнага падыходаў, якія прадугледжваюць вылучэнне ўнутры пэўнай групы прадметаў асобных таксанамічных адзінак на падставе іх марфалагічных і іканаграфічных асаблівасцяў. У аснову сістэматызацыі прадметаў пакладзены тыпалагічныя схемы, распрацаваныя А.Е. Мусіным, Ю.А. Калпаковай, Э.П. Вінакуравай, Д.А. Беленькай і А.А. Башковым [**21**; **17**; **6**; **3**; **4**; **2**]. У асобныя тыпы будзем залічваць крыжы, якія прадстаўлены ў калекцыі не менш чым двума экзэмплярамі. Адзінкавыя крыжы будуць разгледжаны асобна.

Тып 1. *Крыжы «з грубай выявай Распяцця».* Сюды адносяцца аднабаковыя крыжы з пашыраным завяршэннем перакладзін з выявай Распяцця. Кісці рук Хрыста падкрэслена вялікія, на запясцях – спіралепадобны арнамент, на грудзях – крыжападобная перавязь, над яго галавой – роўнаканцовы крыж. Фігура Збаўцы апранута ў доўгі калобіум з рукавамі. Падобныя вырабы датуюцца канцом X – пачаткам XII стст. [**21**, с. 132].

Складаным застаецца пытанне аб паходжанні крыжоў з грубай выявай Распяцця. На думку А.Е. Мусіна і В.В. Сядова, першапачатковым

цэнтрам вытворчасці такіх вырабаў з'яўлялася Вялікая Маравія, праз якую крыжы трапілі ў Скандынавію і Фінляндыю, а адтуль на Русь [**24**]. Некаторыя даследчыкі не выключаюць магчымасці вытворчасці крыжоў у Ноўгарадзе, Кіеве і нават Полацку [**9**, с. 121; 21, с. 165].

На тэрыторыі Беларусі такія крыжы выяўлены на гарадзішчы Янова Быхаўскага раёна і могільніку Ходасавічы Рагачоўскага раёна [**2**, с. 35].

У Полацку знойдзены два крыжы гэтага тыпу. Адзін з іх паходзіць з матэрыялаў археалагічных даследаванняў 1989 г. на Ніжнім замку (**мал. 1: 1**). Прадмет выяўлены ў межах трэцяга ўмоўнага пласта, рэчы з якога датуюцца пераважна XI–XII стст. Між тым, разам з артэфактам знойдзены прадметы, якія датуюцца больш раннім часам (шыракагубы арнаментаваны пінцэт, раўнаплечныя вагі). Такім чынам, дадзены крыж мог адносіцца да адкрытай у раскопе ювелірнай майстэрні і належаць мясцоваму ювеліру. На думку аўтара раскопак С.В. Тарасава, майстэрня найбольш актыўна дзейнічала ў X–XI стст. [**28**; 29, с. 12].

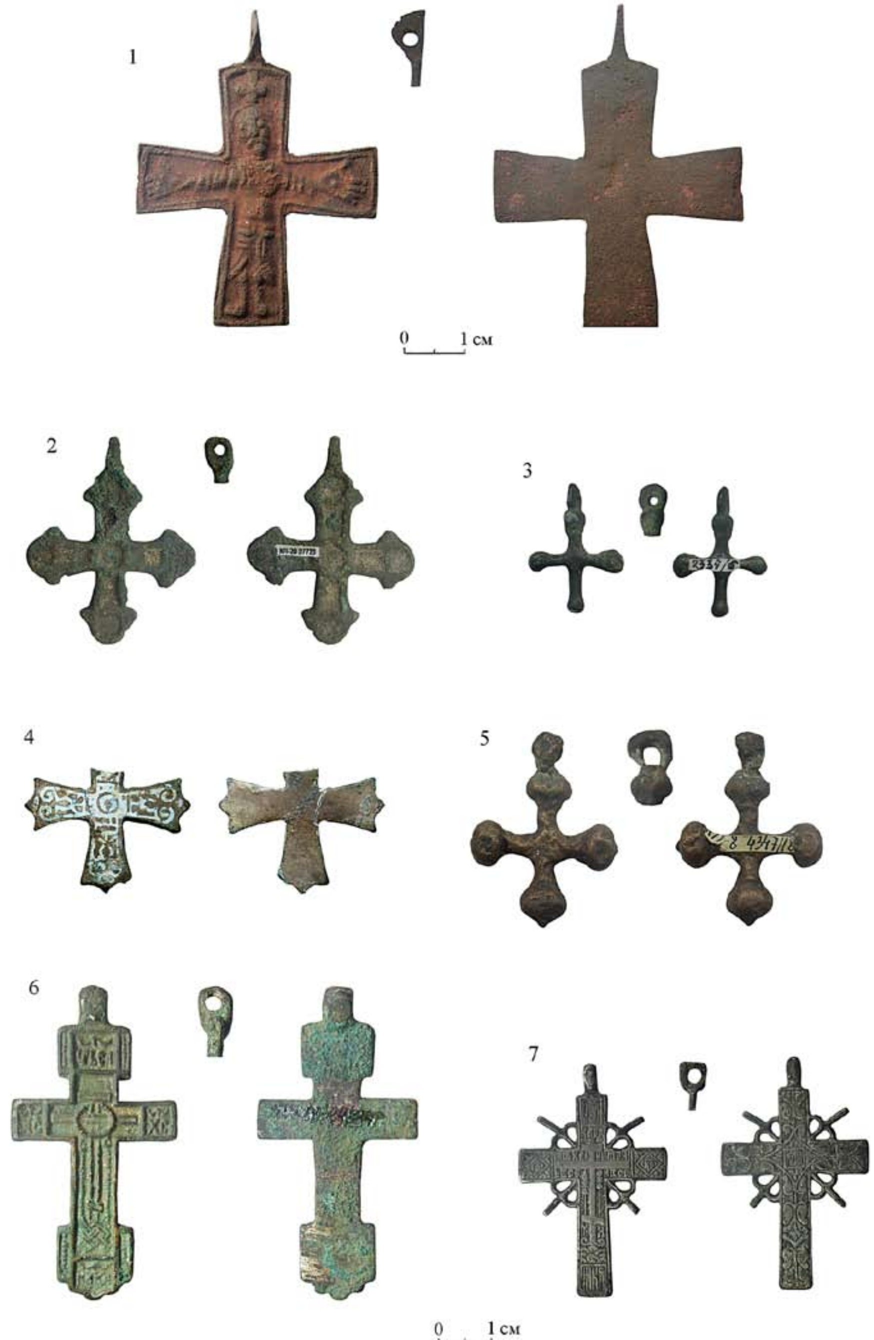
А.А. Башкоў лічыць, што крыж можна датаваць больш познім часам — XII — першай паловай XIII стст. [**2**, с. 35]. Аднак рэальных археалагічных доказаў гэтаму факту ў археалагічным матэрыяле, атрыманым з раскопу 1989–1990 гг., няма.

Яшчэ адзін крыж з грубай выявай Распяцця паходзіць з прыватных збораў і быў выяўлены ў вусці р. Палата. Прадмет мае добрую захаванасць і аналагічны папярэдняму вырабу [**9**, мал. 63].

Тып 2. *Крыжы з эмалямі.* У дадзены тып традыцыйна аб'ядноўваюцца крыжы, аздобленыя выемчатай эмаллю. Падобныя крыжы бытуюць на тэрыторыі Русі ў XII–XIII стст. [**19**; **21**]. Найбольш верагодна, што асноўным цэнтрам вытворчасці такіх прадметаў з'яўляўся Кіеў, дзе была выяўлена майстэрня па іх вырабе, якая датуецца канцом XI ст. Нельга выключаць магчымасці існавання і яшчэ аднаго цэнтра вытворчасці крыжоў з эмалямі ў Прыбалтыцы, дзе фіксуецца іх масавае з'яўленне з канца XII ст. [**21**, с. 180].

Падтып А. Крыжы двухбаковыя, з парнымі выступамі на канцах (трохлопасцеканечныя). На тэрыторыі Беларусі падобныя крыжы выяўлены на гарадзішчы Маскавічы Браслаўскага раёна, на гарадзішчы Міхалёва Бабруйскага раёна, курганным могільніку Глыбаў Рэчыцкага раёна. Прадметы датуюцца ў межах XII — першай паловы XIII стст. [**2**, с. 32].

У Полацку выяўлены адзін экзэмпляр такога крыжа. Ён быў знойдзены падчас археалагічных даследаванняў 2008 г. на Ніжнім замку

Металічныя крыжы-цельнікі з тэрыторыі Полацка (канец X — XVII стст.): 1 — Крыж «з грубай выявай Распяцця» (раскопкі С.В. Тарасава 1989 г.); 2 — Крыж з эмалямі (раскопкі Д.У. Дука 2008 г.); 3, 5 — Крыжы з шарыкамі на канцах (3 — раскопкі Г.В. Штыхава 1961 г.; 5 — раскопкі С.В. Тарасава 1987–1988 гг.); 4 — Крыж індывідуальнай формы (раскопкі Д.У. Дука 2011 г.); 6, 7 — Крыжы галгофскага тыпу (6 — выпадковая знаходка; 7 — раскопкі В.А. Булкіна 1978 г.)

(**мал. 1**: **2**). Стратыграфічна крыж датуецца XVI–XVII стст. [**12**, с. 20]. Між тым, тыпалагічнае датаванне прадмета старажытнарускім часам не выклікае сумнення.

Падтып Б. Крыжы аднабаковыя, з трохвугольным завяршэннем перакладзін. У полацкай калекцыі дадзены падтып прадстаўлены фрагментам толькі аднаго крыжа, які паходзіць з прыватнай калекцыі [**1**, с. 19]. Выраб трэба датаваць XII–XIII стст.

Падтып В. Крыжы аднабаковыя, з паўкруглымі канцамі. У Полацку быў знойдзены толькі адзін прадмет дадзенага падтыпу [**1**, с. 19]. Выраб з’яўляецца выпадковай знаходкай. Яго верагоднае датаванне – XII–XIII стст.

Тып 3. *Крыжы з трыма шарыкамі на канцах, у сяродкрыжжы якіх таксама шарыкі.* На тэрыторыі Ноўгарада, Наўгародскай зямлі і Падмаскоўя такія крыжы датуюцца XII–XIII стст. [**3**; **21**, с. 180; **26**, с. 52]. На Беларусі крыжы былі знойдзены ў сямі пунктах: на Замчышчы ў Мінску, на гарадзішчы Маскавічы, у Навагрудку, на замкавай гары ў Рагачове і інш. Прадметы датуюцца ў межах XII–XIII стст. [**2**, с. 27–28].

У Полацку выяўлены чатыры крыжы гэтага тыпу. Два прадметы паходзяць з матэрыялаў раскопак М.К. Каргера і Г.В. Штыхава на Верхнім замку. У сувязі з дэпашпартызацыяй крыжыкаў устанавіць дакладную стратыграфічную прывязку прадметаў не ўяўляецца магчымым. Найбольш верагодна, што вырабы датуюцца XII–XIII стст. Гэтым часам трэба датаваць крыжык з раскопак М.В. Клімава 2008 г. у Запалоцці [**16**, с. 12]. Яшчэ адзін прадмет гэтага тыпу паходзіць з прыватнай калекцыі [**1**, с. 23].

А.А. Башкоў, грунтуючыся на падабенстве крыжа з раскопак Г.В. Штыхава на Верхнім замку выяве на ліцейнай форме з Райкавецкага гарадзішча, лічыць полацкую знаходку прадукцыяй дадзенай майстэрні [**2**, с. 28; 7, табл. XVII: 7]. Між тым, вытворчасць падобных крыжоў археалагічна зафіксавана таксама ў Сярэнску і Старой Разані, дзе былі выяўлены адмысловыя ліцейныя формы і нарыхтоўкі [**8**; **23**, мал. 49: 6, 9].

Тып 4. *Крыжы з шарыкамі на канцах.* Крыжы дадзенага тыпу дастаткова шматлікія і шырока прадстаўлены на ўсёй старажытнарускай тэрыторыі [**21**, с. 180; 26, с. 52].

На Беларусі крыжы гэтага тыпу выяўлены ў Друцку, на гарадзішчы Маскавічы, на гарадзішчы Вішчын і інш. [**2**, с. 30].

Падтып А. Крыжы з патоўшчанымі шарападобнымі завяршэннямі перакладзін. На тэрыторыі Беларусі падобныя крыжы сустракаюцца ў культурных напластаваннях XII–XV стст. [**2**, с. 30].

У Полацку вырабы гэтага падтыпу прадстаўлены 9 знаходкамі. Адзін крыж быў знойдзены падчас даследаванняў Г.В. Штыхава 1961 г. на Верхнім замку (**мал. 1**: **3**). Прадмет датуецца XII–XIII стст. Другі экзэмпляр паходзіць з матэрыялаў археалагічных даследаванняў 2009 г. на тэрыторыі Вялікага пасада. Ён быў выяўлены ў перакапаным верхнім слоі, аднак датаванне яго старажытнарускім часам у аўтара раскопак Д.У. Дука не выклікае сумненняў [**11**, с. 10].

Яшчэ сем крыжоў паходзяць з прыватнай калекцыі. Адсутнасць стратыграфічнай прывязкі вымагае датаваць іх на аснове аналогій — XII–XIII стст.

Падтып Б. Крыжы з патоўшчанымі шарападобнымі завяршэннямі перакладзін, з шайбападобнымі перамычкамі паміж сяродкрыжжам і канцамі прамянёў. Аналагічныя крыжы на тэрыторыі Беларусі былі знойдзены на Замчышчы Заслаўя, у курганным могільніку каля Барысава, у кургане могільніка каля вёскі Караевічы Лепельскага раёна. Прадметы датуюцца XI–XII стст. [**2**, с. 30].

У Полацку адзін экзэмпляр крыжа дадзенага падтыпу быў выяўлены падчас археалагічных даследаванняў 1988 г. на Вялікім пасадзе (**мал. 1**: **5**). Прадмет датуецца XI–XII стст. [**27**, мал. 56: *4*].

Падтып В. Крыжы з патоўшчанымі шарападобнымі прафіляванымі завяршэннямі перакладзін, з рэльефнай выявай святога ў сяродкрыжжы.

У полацкай калекцыі захоўваецца толькі адзін экзэмпляр крыжа дадзенага падтыпу. Прадмет паходзіць з прыватнай калекцыі і не мае надзейнай стратыграфічнай і тэрытарыяльнай прывязкі. Аналагічныя крыжы на тэрыторыі Беларусі былі знойдзены ў пахаванні курганнага могільніка каля вёскі Дулебы Бярэзінскага раёна, а таксама ў курганным пахаванні каля вёскі Кардон Гомельскай вобласці [**2**, с. 31]. У Ноўгарадзе крыжы з выявай святога ў сяродкрыжжы сустракаюцца ў слаях XI–XII стст. [**26**, с. 52]. Гэтым часам трэба датаваць і полацкую знаходку.

Падтып Г. Крыжы з квадратам у сяродкрыжжы і шарападобным завяршэннем перакладзін. Такія крыжы на Беларусі былі выяўлены ў Віцебску, Гродна, Ваўкавыску, на гарадзішчы Маскавічы і інш. На тэрыторыі Старажытнай Русі крыжы дадзенага тыпу распаўсюджаны з дру-

гой паловы XIII ст. Асноўная маса беларускіх знаходак, зыходзячы з датавання комплексаў, датуецца XII – першай паловай XIII стст. [**2**, с. 28].

Чатыры экзэмпляры полацкіх крыжоў гэтага падтыпу з'яўляюцца выпадковымі знаходкамі, што не дае нам надзейнай храналагічнай і тэрытарыяльнай прывязкі. Паводле аналогій полацкія вырабы трэба датаваць у межах XII–XIII стст. [**1**, с. 22].

Тып 5. *Крыжы з прафіляванымі канцамі і блізкай да рамбічнай формай сяродкрыжжа.* Падобныя вырабы вядомыя на старажытнарускай тэрыторыі і ў Прыбалтыцы і датуюцца ў межах XI–XIII стст. На Беларусі чатыры вядомыя крыжы дадзенага тыпу паходзяць з Полацка (раскопкі Г.В. Штыхава, С.В. Тарасава, М.В. Клімава і выпадковая знаходка). На думку А.А. Башкова, падабенства формы крыжоў выяве на ліцейнай форме з полацкага Верхняга замка сведчыць аб вытворчасці дадзеных вырабаў на тэрыторыі горада ў XII – першай палове XIII стст. [**2**, с. 30, мал. 10: 9, 13].

Тып 6. *Крыжы з парнымі вострымі выступамі на канцах.* Асноўнай прыкметай крыжоў дадзенага тыпу з'яўляецца наяўнасць парных вострых выступаў з абодвух бакоў кожнага акруглага завяршэння перакладзін.

На тэрыторыі Ноўгарада і Суздаля такія прадметы датуюцца канцом XI – XII стст. [**21**, с. 182; *25*, мал. 73: *1*; *26*, с. 50]. У Беларусі крыжы з парнымі вострымі выступамі на канцах знойдзены на селішчы каля г. Чавусы, у в. Прудок Светлагорскага раёна, у пахаванні на могільніку каля в. Лісна Верхнядзвінскага раёна і інш. У цэлым датаванне прадметаў не выходзіць за межы XI–XII стст., аднак асобныя вырабы дажываюць да пачатку XIII ст. [**2**, с. 22].

Падчас археалагічных даследаванняў 2008 г. на тэрыторыі Запалоцця быў знойдзены крыжык дадзенага тыпу. Аўтар раскопак, М.В. Клімаў, датуе прадмет у межах XI–XIII стст. [**16**, с. 12].

Астатнія чатыры полацкія экзэмпляры крыжоў гэтага тыпу паходзяць з прыватных калекцый і з'яўляюцца выпадковымі знаходкамі. Датаваць прадметы трэба паводле аналогій XI–XIII стст.

Тып 7. *Крыжы з крынападобным завяршэннем перакладзін.* Гэтыя прадметы былі даволі шырока распаўсюджаны ў старажытнасцях Усходняй і Паўднёва-Заходняй Русі пачынаючы з XII–XIII стст. [**4**]. XIV–XV стст. датуюцца падобныя вырабы на тэрыторыі Ноўгарада і Прыбалтыкі [21, с. 182]. На Беларусі крыжы з крынападобным завяр-

шэннем перакладзін знойдзены на гарадзішчы Снядзін, а таксама на Вішчынскім гарадзішчы. Прадметы датуюцца XIII–XIV стст. [**2**, с. 25].

Два крыжы гэтага тыпу з Полацка прадстаўлены выпадковымі знаходкамі. Адметнасцю аднаго экзэмпляра з'яўляецца наяўнасць у сяродкрыжжы рэльефнай выявы крыжа з перакладчатымі канцамі [**1**, с. 16]. Прадметы варта датаваць XIII–XIV стст.

Тып 8. *Крыжы «галгофскага» тыпу («галгофскія» крыжыкі).* Дадзены тып аб'ядноўвае крыжы з галгофскай тэматыкай — вырабы з невялікім рэльефам і выявай на правым баку тыповага сямі-васьміканечнага крыжа на падножжы (Галгофа). У іканаграфіі падобных крыжоў могуць прысутнічаць такія элементы, як чэрап Адама ўнутры гары, прылады пакут па баках ад крыжа і тыповы набор надпісаў. Арнаментацыя адваротнага боку можа адсутнічаць, а можа ўтрымліваць малітву [**17**, с. 11].

Крыжы «галгофскага» тыпу з'яўляюцца на мяжы XIV–XV стст., аднак найбольшую папулярнасць атрымліваюць у XVI–XVII стст. [**4**]. Менавіта XVI ст. большасцю даследчыкаў лічыцца пераломным этапам у гісторыі металапластыкі, часам узнікнення новых форм і мастацкіх матываў [**6**].

Падтып А. Крыжы прамалінейныя, з прамымі канцамі.

Варыянт 1. Простая форма. Падобныя вырабы вылучаюцца прамымі канцамі і простым сяродкрыжжам [**1**, с. 47]. Крыжы адрозніваюцца паводле прапорцый і спосабу афармлення вушка. Усе прадметы ў полацкай калекцыі з'яўляюцца выпадковымі знаходкамі (11 экзэмпляраў). На аснове вядомых аналогій крыжы трэба датаваць XVII–XVIII стст. [**6**; **8**].

Варыянт 2. З дугамі ў сяродкрыжжы. У калекцыі захоўваецца два крыжы дадзенага варыянту. Адзін прадмет знойдзены падчас даследаванняў 1979 г. унутры Сафійскага сабора (заходняя апсіда) (**мал. 1**: 7). Выраб датуецца XVII ст. [**6**]. Другі крыж з'яўляецца выпадковай знаходкай. Паводле аналогій ён таксама датуецца XVII ст.

Падтып Б. Крыжы з ніжнім канцом у выглядзе лапатачкі (**мал. 1**: **6**). Дадзены падтып самы шматлікі ў полацкай калекцыі і прадстаўлены дваццаццю экзэмплярамі. На аснове іканаграфічных асаблівасцяў выяў на правым баку такіх крыжоў выразна вылучаюцца два варыянты.

Варыянт 1. З выявай Распяцця (4 экзэмпляры).

Варыянт 2. З выявай 7-канечнага крыжа з вянком у сяродкрыжжы (17 экзэмпляраў).

Самыя раннія вырабы гэтага падтыпу сустракаюцца ў старажытнасцях канца XIV ст. (Масква, Гродна). Аднак найбольшую папулярнасць падобныя крыжы атрымалі ў XV–XVI стст. [**4**]. Крыжы XVII–XVIII стст. выразна вылучаюцца большымі прапорцыямі і масіўнай ніжняй часткай (лапатачкай) [**6**].

З матэрыялаў археалагічных раскопак паходзіць толькі адзін крыж дадзенага падтыпу (раскопкі 2008 г. у Запалоцці). Аўтар раскопак, М.В. Клімаў, датуе прадмет XVII ст. [**16**, с. 12]. Аднак асноўную масу полацкіх крыжоў паводле вядомых аналогій трэба датаваць у межах XV–XVI стст. Гэтая пацвярджаецца практычна поўнай адсутнасцю падобных крыжоў на помніках, якія датуюцца часам не ранейшым за XVII ст. (Ілімскі астрог, Багародзіцкая крэпасць) [**5**; 20].

Падтып В. Крыжы лістападобнай (дзідападобнай) формы. В.А. Векленка прапаноўвае называць падобныя вырабы «барочнымі» [**5**, с. 46]. Крыжы гэтага падтыпу былі дастаткова шырока распаўсюджаны і сустракаюцца не толькі на тэрыторыі Беларусі, але і ва Украіне, і ў Сібіры. Датаванне крыжоў не выходзіць за межы канца XVII–XVIII стст. [**5**, с. 46; **6**; **14**; **20**, с. 60]. У Полацку выяўлены два экзэмпляры крыжоў гэтага падтыпу [**1**, с. 40]. Усе яны з’яўляюцца выпадковымі знаходкамі і паводле вядомых аналогій датуюцца XVII–XVIII стст.

Крыжы, прадстаўленыя ў адзінкавых экзэмплярах.

1) Крыж роўнаканечны, аднабаковы, з пашыранымі лопасцямі з трохчасткавым завяршэннем (**мал. 1:4**). Паверхня прадмета ўпрыгожана слабарэльефным раслінным арнаментам. Выраб быў знойдзены падчас даследаванняў 2011 г. на тэрыторыі Запалоцкага пасада ў ходзе зачысткі мацерыка. Блізкія аналогіі дадзенаму крыжу сустракаюцца ў Кіеве, дзе яны датуюцца XI–XII стст. [**18**, с. 76]. Полацкі крыж трэба лічыць паўднёварускім імпартам і датаваць XI–XII стст.

2) Крыж з простымі прамымі канцамі з рэльефнай выявай крыжа [**1**, с. 23]. Аналагічныя прадметы былі знойдзены на тэрыторыі Кіева, дзе датуюцца XI–XII стст. [**18**, с. 83]. У сувязі з адсутнасцю ў полацкай знаходкі стратыграфічнай і тэрытарыяльнай прывязкі (прадмет паходзіць з прыватнай калекцыі) яго трэба датаваць гэтым жа часам.

3) Крыж з перакладчатымі канцамі і цыркульным арнаментам. Прадмет выяўлены падчас археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Запалоцкага пасада ў 2006 г. разам з матэрыяламі XI–XII стст. [**10**]. Аналагічныя вырабы на старажытнарускай тэрыторыі датуюцца XII–

XIII стст. [**22**]. У сувязі з гэтым, датаванне дадзенага артэфакта трэба абмежаваць XII ст.

4) Крыж роўнаканечны, з пашыранымі акруглымі завяршэннямі перакладзін. У верхняй частцы вертыкальнай перакладзіны прадмета прабіта адтуліна для падвешвання. Крыж паходзіць з прыватнай калекцыі і з'яўляецца выпадковай знаходкай. Аналогій дадзенаму прадмету ў вядомых нам матэрыялах не выяўлена. Н.Г. Лугіна датуе прадмет XIII–XIV стст. [**1**, с. 24].

5) Крыж з падоўжанай вертыкальнай перакладзінай, трохчасткавым завяршэннем канцоў і антрапаморфнымі выявамі на абодвух баках (Распяцце і Божая Маці). На адным баку прадмета — лацінскі надпіс. Крыж быў знойдзены падчас археалагічных даследаванняў 2007 г. на тэрыторыі гарадзішча старажытнага горада ў межах пахавання № 7, якое датуецца XVII ст. [**13**, с. 22].

6) Фрагмент крыжа з круглымі завяршэннямі перакладзін і рэльефнымі выявамі на абодвух баках [**1**, с. 34]. Прадмет з'яўляецца выпадковай знаходкай. Аналагічныя артэфакты датуюцца ў межах XVI–XVII стст. [**8**].

7) Фрагмент крыжа з трохчасткавым акруглым завяршэннем перакладзін, з рэльефнымі выявамі на адным баку [**1**, с. 34]. Прадмет з'яўляецца выпадковай знаходкай. Аналагічныя вырабы на тэрыторыі Расіі і Украіны датуюцца XVII–XVIII стст. [**20**, с. 50].

8) Фрагмент крыжа з рэльефным сэрцападобным завяршэннем перакладзін і выявай Распяцця на правым баку [**1**, с. 35]. Прадмет паходзіць з прыватнай калекцыі і з'яўляецца выпадковай знаходкай. Аналогій крыжу намі не выяўлена. Паводле характару іканаграфічнай выявы і спосабу афармлення правага боку выраб можа быць датаваны ў межах XVII–XVIII стст.

Усе крыжы-цельнікі, знойдзеныя на тэрыторыі Полацка, літыя. Лазерны спектральны аналіз хімічнага складу металу 15 узораў[1] паказаў, што асноўнай сыравінай для вырабу крыжоў з'яўлялася алавяніста-свінцовая бронза (8 экзэмпляраў), свінцовая латунь (2 экзэпляры) і шматкампанентная бронза (3 экзэмпляры). Адзін прадмет зроблены з двухкампанентнага нізкапробнага серабра. Храналагічных адметнасцяў у хімічным складзе металу не выяўлена.

[1] Даследаванне хімічнага складу металу праводзілася ў Інстытуце фізікі НАН Беларусі пад кіраўніцтвам доктара фізіка-матэматычных навук С.М. Райкова па метаду лазернага спектральнага аналізу.

Алавяніста-свінцовыя бронзы прадстаўлены сплавамі з нізкімі канцэнтрацыямі волава. Падобныя сплавы ў цэлым характэрныя для Паўночна-Заходняй Русі. Пры гэтым, у Ноўгарадзе і Пскове найбольшую папулярнасць атрымалі сплавы з 1 % утрыманнем волава, у Сярэнску дадзены паказчык не выходзіць за межы 7,2 % [**30**, с. 140]. У крыжоў, знойдзеных на тэрыторыі Полацка, утрыманне волава вагаецца ў сярэднім у межах 4 % (максімум 5,1 %). З алавяніста-свінцовай бронзы зроблены крыжы з шарыкамі на канцах, з крынападобным завяршэннем перакладзін, з трыма шарыкамі на канцах, у сяродкрыжжы якіх таксама шарыкі, крыжы з квадратам у сяродкрыжжы і шарападобным завяршэннем перакладзін, а таксама галгофскі прамаканечны крыжык з лапатачкай унізе.

Тэрыторыя Паўночна-Заходняй Русі адносіцца да зоны распаўсюджвання вырабаў з латуні, сплаву на аснове медзі з дамешкамі цынку, а таксама свінцу ці волава. Латунныя вырабы X–XV стст. складаюць больш за 70 % ад агульнай колькасці прадметаў у выбарцы з дадзенай тэрыторыі [**30**, с. 131]. Са свінцовай латуні зроблены два полацкія крыжыкі: галгофскі дзідападобны XVII–XVIII стст., а таксама крыжападобная прывеска з перакладчатымі канцамі і цыркульным салярным арнаментам XII ст.

Са шматкампанентнай бронзы ў полацкай калекцыі зроблены тры крыжыкі: з грубай выявай Распяцця X–XI стст., галгофскі прамаканечны з дугамі ў сяродкрыжжы XVII ст. і галгофскі прамаканечны з лапатачкай унізе. Шматкампанентныя бронзы атрымалі найбольшае распаўсюджванне на поўдні Русі і практычна поўнасцю адсутнічаюць у матэрыялах Тарапца, Ноўгарада, Гарадка на Ловаці і інш. Гэтую акалічнасць звычайна тлумачаць абмежаваным доступам мясцовых ювеліраў да крыніц чыстага металу [**30**, с. 147].

Такім чынам, комплекснае даследаванне металічных крыжоў-цельнікаў з тэрыторыі Полацка дазваляе зрабіць некаторыя высновы:

1. На аснове тыпа-храналагічнага аналізу крыжоў-цельнікаў можна ўмоўна вылучыць некалькі этапаў у гісторыі дадзенай групы прадметаў хрысціянскага культу асабістага выкарыстання:

а) ***Канец X–XI стст.*** Дадзены этап звязаны з першапачатковым этапам хрысціянізацыі Полацка. Перыяд характарызуецца з'яўленнем на тэрыторыі горада крыжоў «з грубай выявай Распяцця».

б) ***XI/XII–XIII/XIV стст.*** Этап маркіруецца з'яўленнем і шырокім

распаўсюджваннем найбольш характэрных для старажытнарускай тэрыторыі тыпаў крыжоў-цельнікаў. Да гэтага часу адносіцца ўзнікненне мясцовай полацкай вытворчасці асобных тыпаў крыжоў.

в) ***XV–XVII/XVIII стст.*** У дадзены перыяд асноўнымі тыпамі цельнікаў становяцца вырабы з выявамі «галгофскай» тэматыкі. «Галгофскія» крыжыкі прадстаўлены вялікай колькасцю падтыпаў і варыянтаў. На тэрыторыі Полацка найбольшую папулярнасць атрымалі крыжы з ніжнім канцом у выглядзе лапатачкі.

2. Аналіз хімічнага складу і марфалагічных асаблівасцяў полацкіх крыжоў-цельнікаў дазваляе сцвярджаць, што асноўная іх колькасць паходзіць з тэрыторыі Паўночна-Заходняй Русі. Гэта не выключае магчымасці вырабу іх часткі ў самім горадзе мясцовымі ювелірамі. На карысць гэтага сведчыць знаходка на Верхнім замку ліцейнай формы для адліўкі крыжоў-цельнікаў. Між тым, відавочна, што пэўная колькасць крыжоў адносіцца да імпартных рэчаў. Гэта ў першую чаргу датычыцца вырабаў са шматкампанентнай бронзы (крыжы з грубай выявай Распяцця, крыжы з эмалямі і інш.).

Спіс літаратуры

1. Археалагічныя знаходкі з асабістай калекцыі С.Л. Міхейкі. Каталог / укладальнік Н.Г. Лугіна. – Віцебск: УПП «Віцебская абласная друкарня», 2010. – 175 с.

2. Башков, А.А. Христианские древности Беларуси конца X – XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования) / А.А. Башков. – Минск: И.П. Логвинов, 2011. – 194 с.

3. Беленькая, Д.А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья / Д.А. Беленькая // Советская археология. – 1976. – № 4. – С. 88–99.

4. Беленькая, Д.А. *Медная пластика городов Московской* Руси (XIII–XV вв.) / Д.А. Беленькая // КСИА. – 1993. – Вып. 208. – С. 11–19.

5. Векленко, В.А. Нательные кресты Самари – Богородицкой крепости / В.А. Векленко. – Днепропетровск: Издательство ДНУ, 2010. – 216 с.

6. Винокурова, Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. / Э.П. Винокурова // Культура средневековой Москвы: XVII в. – М.: Наука, 1999. – С. 326–360.

7. Гончаров, В.К. Райковецкое городище / В.К. Гончаров. – Киев: АК УССР, 1950. – 149 с.

8. Даркевич, В.П. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) / В.П. Даркевич, В.Г. Пуцко // Советская археология. – 1981. – № 3. – С. 218–233.

9. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк: ПДУ, 2010. – 180 с.

10. Дук, Д.У. Рэчавы комплекс з раскопак на Запалоцкім пасадзе старажытнага Полацка ў 2004 і 2006 гадах / Д.У. Дук // Acta archaeologica Albaruthenica; уклад. М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2009. – Vol. V (Вып. 5). – С. 19–45.

11. Дук, Д.У. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на аб'екце «Узвядзенне помніка героям вайны 1812 г. у г. Полацку» ў 2009 г.» / Д.У. Дук // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі» НАН Беларусі. – № 2647.

12. Дук, Д.У. Справаздача аб археалагічных раскопках на Ніжнім замку Полацка ў 2008 г. / Д.У. Дук // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі» НАН Беларусі. – № 2600.

13. Дук, Д.У. Справаздача аб археалагічных раскопках на полацкім гарадзішчы ў 2007 годзе: у 2-х ч. Ч. 1 / Д.У. Дук // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі» НАН Беларусі. – № 2537.

14. Зайцева, И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра / И.Е. Зайцева // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н.А. Макаров; Институт археологии РАН. – М.: Наука, 2007. – С. 57–142.

15. Звяруга, Я.Г. Рэчавы інвентар / Я.Г. Звяруга // Археалогія Беларусі: у 4 т. / Я.Г. Звяруга, Т.М. Каробушкіна, П.Ф. Лысенка, Г.В. Штыхаў; навук. рэд. П.Ф. Лысенка. – Мінск: Беларуская навука, 2000. – Т. 3: Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). – С. 370–423.

16. Клімаў, М.В. Справаздача пра археалагічныя даследаванні ў г. Полацку ў 2008 г. / М.В. Клімаў // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі» НАН Беларусі. – № 2596.

17. Колпакова, Ю.В. Христианские древности населения Пскова и Псковской земли. Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.06 / Ю.В. Колпакова. – М.: ГИМ, 2007. – 21 с.

18. Кутасов, С.Н. Нательные кресты, крестовключённые и крестовидные подвески X–XV вв. / С.Н Кутасов, А.Б. Селезнёв. – М.: Группа Искатели, 2010. – 281 с.

19. Мальм, В.А. Крестики с эмалью / В.А. Мальм // Славяне и Русь. – М.: Наука, 1968. – С. 113–117.

20. Молодин, В.И. Кресты-тельники Илимского острога / В.И. Молодин. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

21. Мусин, А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности / А.Е. Мусин. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002. – 272 с.

22. Николаева, Т.В. Предметы христианского культа / Т.В. Николаева, Н.Г. Недошивина // Древняя Русь. Быт и культура. – М.: Наука, 1997. – С. 166–179.

23. Никольская, Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. / Т.Н. Никольская. – М.: Наука, 1981. – 296 с.

24. Седов, В.В. Об одной группе древнерусских крестов / В.В. Седов // Древности славян и Руси. – М.: Наука, 1988. – С. 63–67.

25. Седова, М.В. Суздаль в X–XV веках / М.В. Седова. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. – 320 с.

26. Седова, М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) / М.В. Седова. – М.: Наука, 1981. – 194 с.

27. Тарасаў, С.В. Полацк IX–XVII стст.: гісторыя і тапаграфія / С.В. Тарасаў. — Мінск: Беларуская навука, 1998. — 183 с.

28. Тарасаў, С.В. Полацкая ювелірная вытворчасць / С.В. Тарасаў // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БелЭн, 2011. — Т. 2: Л–Я. — С. 205–206.

29. Тарасов, С.В. Отчёт о раскопках в Полоцке в 1989 г. / С.В. Тарасов // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі» НАН Беларусі. — № 1165.

30. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / А.А. Коновалов, Н.В. Ениосова, Р.А. Митоян, Т.Г. Сарачёва; Исторический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. — М.: Вост. лит., 2008. — 191 с.

31. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. / Г.В. Штыхов. — Минск: Наука и техника, 1975. — 136 с.

Мацук А.У.

Полацкія соймікі з 1717 па 1733 г.

Праблема вывучэння соймікаў Полацкага ваяводства з 1717 па 1733 г. знаходзілася паза ўвагай айчынных і замежных даследчыкаў. Адрывістая інфармацыя пра функцыянаванне полацкага сойміка ў другой палове панавання Аўгуста II утрымліваецца толькі ў некаторых працах польскіх даследчыкаў (Уршулі Касіньскай, Томаша Цясельскага) і маёй манаграфіі, прысвечанай барацьбе магнацкіх груповак у ВКЛ у 1717–1763 гг. [**1**; **2**; **3**]. Мэтай нашага артыкула з'яўляецца даследаванне соймікаў Полацкага ваяводства з 1717 па 1733 г. Для даследавання бярэцца перыяд ад «Нямога сойма» 1717 г. і да смерці Аўгуста II у 1733 г.

Храналагічныя рамкі абумоўлены наступнымі прычынамі. «Нямы сойм» 1717 г. стаў пэўнай мяжой у гісторыі Рэчы Паспалітай. Прынятыя на гэтым сойме пастановы сфарміравалі пэўную прававую базу, на якой функцыянавала Рэч Паспалітая, і праіснавалі да яе падзелаў паміж Расіяй, Прусіяй і Аўстрыяй у 1772, 1793 і 1795 гг. Сярод іншага, былі прыняты пастановы, што абмяжоўвалі кампетэнцыю павятовых соймікаў, якія былі пазбаўлены права вызначэння новых падаткаў. «Нямы сойм» 1717 г. вызначыў сталы тэрмін пачатку сойма Рэчы Паспалітай на першы панядзелак пасля дня Святога Міхала (29 верасня) у цотныя гады. Пасольскі соймік склікаўся каралеўскімі ўніверсаламі не пазней чым за 6 тыдняў перад соймам. Гэта вызначала тэрмін пасольскіх соймікаў на другую палову жніўня. Наступны за даследуемым перыядам час — гэта бескаралеўе 1733–1736 гг. Як вядома, бескаралеўе з'яўляецца часам функцыянавання на тэрыторыі Полацкага ваяводства шляхецкіх канфедэрацый, што цалкам адрознівае яго ад папярэдняга перыяду.

З 1717 па 1733 г. у Полацку адбываліся наступныя віды соймікаў: пасольскія (перадсоймавыя), рэляцыйныя, дэпутацкія (грамнічныя), гаспадарчыя, элекцыйныя.

На пасольскім (перадсоймавым) сойміку адбываўся выбар паслоў на сойм Рэчы Паспалітай. У разглядаемы перыяд адбылося 10 соймаў.

Аднак соймы 1719–1720 і 1726 гг. былі «лімітаванымі соймамі»[1] і адбываліся ў тым жа складзе, што і папярэднія соймы 1718 і 1724 гг. Гэта азначала, што павятовыя соймікі перад соймамі 1719–1720 і 1726 гг. Значыцца, адбылося толькі 8 пасольскіх соймікаў.

Дэпутацкі (грамнічны) соймік збіраўся ў першы панядзелак пасля свята Маці Божай Грамнічнай (2 лютага). На грамнічных сойміках адбываліся выбары дэпутатаў Галоўнага Трыбуналу ВКЛ. У разглядаемы перыяд адбылося 16 павятовых соймікаў. Яшчэ адзін соймік гаспадарчы збіраўся назаўтра пасля грамнічнага. Часам гэта размежаванне адсутнічае і абодва соймікі выступаюць пад агульнай назвай — «грамнічны». У Полацкім ваяводстве, як ва ўсім ВКЛ, гэтыя соймікі адбываліся штогод. На жаль, не па ўсіх грамнічных сойміках захаваліся дакументы.

Выбары некаторых земскіх павятовых ураднікаў адбываліся на элекцыйных сойміках. На іх у ВКЛ выбіралі падкаморыя, харужага, земскіх суддзю, падсудка і пісара. Асаблівасцю Полацкага ваяводства было тое, што тут на элекцыйным сойміку адбываўся выбар мясцовага ваяводы. Права склікання элекцыйнага сойміка належала ваяводу, акрамя выпадку склікання сойміка па выбары самога ваяводы, калі соймік склікаўся каралём. Акрамя таго, былі выпадкі, калі ў адсутнасць ваяводы элекцыйныя соймікі склікаў мясцовы кашталян [**4**, арк. 1]. У разглядаемы перыяд адбыліся выбары ўсіх вышэйпералічаных ураднікаў. Прычым выбары полацкага ваяводы адбываліся нават двойчы.

Першым храналагічна соймікам у вывучаемы перыяд быў полацкі грамнічны соймік 1718 г., на якім дэпутатамі былі абраны бяльскі староста Валяр'ян Антоні Жаба і полацкі харужыч Антоні Ян Корсак-Залескі [**5**, s. 106].

У тым жа 1718 г. быў і пасольскі соймік, на якім пад дырэкцыяй Гераніма Жабы пасламі былі абраны полацкі земскі суддзя Самуэль Пжысецкі і полацкі палкоўнік і полацкі гродскі сурагатар Антоні Зяновіч [**2**, s. 274; 6, арк. 14]. Як відаць, абодва паслы з'яўляліся прадстаўнікамі мясцовай эліты. Сойм 1718 г. быў лімітаваны, і гэтыя ж паслы былі абраны і на сойм 1719–1720 гг.

Дэпутатамі на грамнічным сойміку ў 1719 г. былі абраны полацкі войскі Сымон Корсак-Удзельскі і полацкі будаўнічы Францішак Рыпінь-

[1] Лімітаванне сойма — перапынак у паседжаннях сойма для ўзгаднення спрэчных пазіцый. Паседжанні сойма ў тым жа складзе пераносіліся на больш позні час.

скі [**5**, s. 109]. На гэтым жа грамнічным сойміку паслом да караля з просьбай аб правядзенні выбараў новага ваяводы быў абраны шнітаўскі староста Францішак Зяновіч [**7**, л. 842]. На наступным полацкім грамнічным сойміку, 1720 г., дэпутатамі былі абраны смаленскі падстолі Феліцыян Грабніцкі і браслаўскі стражніковіч Францішак Гласко [**5**, s. 112–113]. На жаль, нам нічога не вядома пра пасольскі соймік на сойм 1720 г.

Грамнічны соймік 1721 г. быў сарваны. Прычынай стаў канфлікт часткі шляхты на чале з полацкім падчашым і полацкім ротмістрам Янам Рагожам, полацкім гараднічым Траянам і інфлянцкім скарбнікам Томашам Гласкамі і шляхціцамі Карэйвамі з мясцовымі ўраднікамі: абозным Іязафатам Антоніем Сялявам, войскім Шымонам Корсакам-Удзельскім, пісарам гродскім Стэфанам Міхалам Корсакам, полацкім стражнікам Аляксандрам Корсакам і смаленскім падстоліем Геранімам Корсакам. Сляву ўвогуле абвінавацілі ў тым, што ён «падапальшчык». У выніку шляхта пратэставала і разышлася з сойміка. На наступны дзень Рагожа, Гласкі і Карэйвы «супраць права грамадзіцца пачалі» на дэпутацкі соймік. Супраць гэтага пратэставала 56 шляхціцаў на чале з полацкім войскім Сымонам Корсакам-Удзельскім, полацкім будаўнічым Канстанцінам Есманам, полацкім лоўчым Янам Баляславам Багатырам-Касажэцкім, смаленскім падстоліем Геранімам Корсакам, полацкім гродскім пісарам Стэфанам Міхалам Корсакам-Удзельскім, полацкім абозным Іязафатам Антоніем Сялявам і полацкім будаўнічым Міхалам Корсакам [**8**, арк. 93–94].

У 1721 г. адбыўся і элекцыйны соймік па выбарах полацкага ваяводы. 25 жніўня 1721 г. полацкая шляхта з’ехалася да замка на гэты элекцыйны соймік. Новым полацкім ваяводам на сойміку пад дырэкцыяй полацкага палкоўніка і полацкага гродскага сурагатара Антонія Зяновіча быў абраны Станіслаў Дэнгоф. Пасламі да караля па прывілей былі абраны рэчыцкі стольнік Траян Ласоўскі і полацкі лоўчы Юзаф Корсак [**8**, арк. 8–8 адв].

На грамнічным сойміку 1722 г. дэпутатамі былі абраны полацкі абозны Іязафат Антоні Сялява і лінаўскі староста Юзаф Падбіпента [**5**, s. 119]. Таксама вядома, што на сойміку была прынята пастанова полацкім базыльянам [**8**, арк. 247–247 адв]. Полацкі пасольскі соймік 1722 г. быў сарваны [**9**, s. 78]. На жаль, нам нічога не вядома пра абранных дэпутатаў на полацкім грамнічным сойміку 1723 г. Хутчэй за усё ён быў сарваны.

Супраць усіх пастаноў полацкага грамнічнага сойміка 1724 г. была пададзена пратэстацыя [**10**, арк. 248 адв]. Магчыма, гэтая пратэстацыя стала падставай да зрыву сойміка, бо нічога не вядома пра абранных дэпутатаў. На полацкім пасольскім сойміку 1724 г. пасламі былі абраны шнітаўскі староста Францішак Зяновіч і полацкі падчашы Антоні Буйніцкі. Шырока вядомы іх канфлікт падчас сойма 1724 г., калі Буйніцкі сцвярджаў, што Зяновіч быў абраны незаконна, бо супраць яго выбараў былі пададзены пратэстацыі [**11**, s. 283–285].

Сарваны быў полацкі грамнічны соймік 1725 г. [**5**, s. 131]. Ужо 23 мая 1725 г. у Полацку адбыўся элекцыйны соймік па выбары полацкага земскага пісара [**10**, арк. 273]. Напэўна, тады ж адбыліся і элекцыйныя соймікі па выбары падкаморыя, харужага, земскага суддзі і падсудка, бо ўжо 6 чэрвеня 1726 г. на ўсе вышэйпералічаныя ўрады былі выдадзены прывілеі [**12**, арк. 396–404; 13, l.1580–1583 v, 1602–1603 v].

На полацкім грамнічным сойміку 1726 г. дэпутатамі пад дырэкцыяй полацкага падваяводы Валяр'яна Жабы былі абраны дэпутатамі смаленскі стольнік і полацкі гродскі суддзя Аляксандр Рыпіньскі і полацкі земскі суддзіч Юзаф Антоні Пжысецкі [**14**, арк. 20–21 адв]. Акрамя таго, на сойміку былі абраны паслы да полацкага ваяводы – полацкі стражнік Вінцэнт Рыпіньскі і шунеліскі староста Дамінік Храпавіцкі. У іх інструкцыі мясцовая шляхта прасіла Станіслава Дэнгофа, каб пасля пераходу Аляксандра Корсака на ўрад харужага ўрад падстолія па ім атрымаў полацкі харужыч Антоні Ян Корсак. Акрамя таго, іншыя вакансы былі атрыманы згодна з абяцаннем полацкага ваяводы [**14**, арк. 12–14].

На наступны дзень пасля грамнічнага сойміка 4 лютага 1726 г. адбыўся рэляцыйны соймік. На ім пад дырэкцыяй полацкага харужага Аляксандра Канстанціна Корсака была вызначана кампенсацыя за два соймы (у Варшаве ў 1724 і Гродне 1726 гг.) былым паслам – шнітаўскаму старосце Францішку Зяновічу і полацкаму падчашаму Антонію Буйніцкаму – з дыму па аднаму шостаку бітаму кожнаму. Акрамя таго, Буйніцкаму за ранейшыя даўгі за пасольства шляхта вызначыла яшчэ па аднаму шостаку бітаму з дыму. Пастанову сойміка, акрамя дырэктара сойміка, падпісалі іншыя мясцовыя ўраднікі: падваявода Валяр'ян Жаба, гродскі суддзя Юзаф Падбіпента, войскі Сымон Корсак-Удзельскі, земскі суддзя Траян Гласко, падстолі Антоні Ян Корсак, земскі пісар Базылі Рыпіньскі, гараднічы Францішак Гласко, падчашы і ротмістр

Ян Рагожа, стражнік Эліяш Міхал Гласко, гродскі пісар Стэфан Міхал Корсак-Удзельскі, падчашы Міхал Рыпіньскі, мечнік Міхал Юзаф Жук, струкчашы Багдан Корсак, будаўнічы Францішак Рыпіньскі, скарбнік Караль Мікалай Рыпіньскі [**15**, арк. 14–16 адв].

Дэпутатамі на полацкім грамнічным сойміку 1727 г. былі абраны полацкі войскі Сымон Корсак-Удзельскі і полацкі падваявода Валяр'ян Жаба [5, s. 138]. На жаль, нам нічога не вядома пра полацкі грамнічны соймік 1728 г.

Наступным соймікам быў пасольскі. Пасламі на сойм 23 жніўня 1728 г. пад дырэкцыяй кушліцкага старосты Даніэля Антонія Шпакоўскага ў Полацку былі абраны бяльскі староста Валяр'ян Антоні Жаба і полацкі лоўчы Юзаф Корсак. Інструкцыю ім падпісала 76 шляхціцаў на чале з мясцовымі ўраднікамі: падсудкам Іязафатам Антоніем Сялявам, войскім Сымонам Корсакам-Удзельскім, стольнікам Юзафам Пакашам, земскім пісарам Базыліем Рыпіньскім, гродскім пісарам Стэфанам Міхалам Корсакам-Удзельскім, будаўнічым Францішкам Рыпіньскім, падчашым Міхалам Рыпіньскім, мечным Міхалам Юзафам Жуком, лоўчым Юрыем Кубліцкім, крайчым Міхалам Лянкевічам, скарбнікам Каралем Мікалаем Рыпіньскім, будаўнічым Міхалам Корсакам, падчашым Юзафам Кубліцкім [**16**, арк. 1–7 адв].

Акрамя таго, на пасольскім сойміку 23 жніўня 1728 г. была прынята пастанова. Згодна з ёй, атрымаўшыя земскія і гродскія ўрады шляхціцы абяцалі, што калі будуць сярод канкурэнтаў на выбар іх дэпутатамі, пасламі, контрагентамі падаткаў, то адмовяцца на карысць шляхціцаў, якія не атрымалі земскіх і гродскіх урадаў. Такі парадак павінен быў пачацца ад гэтага сойміка. Пастанову сваім подпісам зацвердзіў дырэктар сойміка, кушліцкі староста Даніэль Шпакоўскі [**16**, арк. 19–19 адв].

Інфармацыі пра полацкі грамнічны соймік 1729 г. мы не маем. На наступным полацкім грамнічным сойміку 1730 г. дэпутатамі былі абраны шунеліскі староста Дамінік Храпавіцкі і полацкі лоўчы і інфлянцкі ротмістр Юры Кубліцкі [**5**, s. 148]. Пра полацкі пасольскі соймік 1730 г. вядома толькі, што ён быў сарваны [**17**, s. 15]. Магчыма, на падставе пратэстацыі супраць яго, што захавалася [**18**, арк. 1–1 адв]. Вядома, што ў 1730 г. адбыўся і элекцыйны соймік па выбарах полацкага ваяводы. На ім ваяводам быў абраны Юрый Сапега. 20 кастрычніка 1730 г. кароль Аўгуст ІІ прапанаваў урад полацкага ваяводы Юрыю Сапегу, які пасля пэўных развагаў ад яго адмовіўся [**19**, k. 14–14 v; 20, s. 21].

Сарваны быў полацкі грамнічны соймік 1731 г. [**5**, s. 152]. У гэтым не было нічога дзіўнага, улічваючы барацьбу паміж Сапегамі і Радзівіламі за «нойбургскія ўладанні». Працягнулася гэтая барацьба і ў наступны год.

Радзівілаўскія прыхільнікі, сярод іншага, у 1732 г. пільнавалі выбары дэпутатаў у Полацку [**21**, k. 380]. Дапамагаць на іх, напэўна, павінен быў радзівілаўскі губернатар Невеля Пяскоўскі, які павінен быў у выпадку абрання «варожых слуцкім інтарэсам дэпутатаў» сарваць дэпутацкі соймік у Полацку [**22**, s. 125]. З гэтай мэтай ён вёў у Горках перамовы з брэсцкім кашталянам Валяр'янам Жабам і старадубскімі ўраднікамі [**22**, s. 125]. Валяр'ян Жаба абяцаў наглядаць за выбарамі ў Полацку. Дапамагчы яму ў гэтым павінны былі і мясцовыя прыхільнікі Радзівілаў – прадстаўнікі шляхецкага роду Войнаў [**21**, k. 390–391]. У такой сітуацыі лёс полацкага сойміка быў вызначыны — і ён быў сарваны.

Падчас полацкага грамнічнага сойміка 1732 г. полацкая шляхта спрабавала абраць паслоў па ўніверсал на элекцыйны соймік па выбарах полацкага ваяводы. Яны павінны былі накіравацца і да полацкага кашталяна па ўніверсал на правядзенне элекцыйнага сойміка па выбары полацкага падкаморыя. Кандыдатамі на выбар пасламі былі полацкі гараднічы Францішак Гласко, старадубскі гродскі пісар Базыль Корсак, ладаснянскі староста Ян Шчыт і полацкі падкаморыч Францішак Зяновіч. Іх кандыдатуры сустрэлі супраціў полацкага гродскага пісара Міхала Корсака-Удзельскага, які пратэставаў супраць сойміка [**23**, б.н.].

Магчыма, на гаспадарскім сойміку 1732 г. у справе полацкай эканоміі былі абраны пасламі да літоўскага падскарбія Яна Салагуба полацкі падстолі Антоні Ян Корсак і полацкі падчашы і полацкі гродскі сурагатар Антоні Буйніцкі [**24**, арк. 19].

15 снежня 1732 г. у полацкім замку на пасольскім сойміку пад дырэкцыяй полацкага войскага Сымона Корсака-Удзельскага пасламі на сойм 1733 г. «адзінагалосна» былі абраны полацкі земскі суддзя Траян Гласко і рэчыцкі стольнік Траян Ласоўскі. Была выдзелена ім і пасольшчына па аднаму тынфу з дыма. З мясцовых ураднікаў, акрамя дырэктара, на сойміку былі: падсудак Іязафат Антоні Сялява, стольнік Юзаф Пакаш, падчашы і гродскі сурагатар Антоні Буйніцкі, падстолі Антоні Ян Корсак, земскі пісар Базыль Рыпіньскі, скарбнік Казімір Буйніцкі, мастаўнічы Томаш Гласко [**24**, арк. 14–15 адв]. Іх інструкцыя складзена ў рэчышчы праграмы антыкаралеўскай апазіцыі. Галоўным

было патрабаванне, каб вольныя ўрады гетманаў і канцлераў раздаваліся толькі падчас сойма [**24**, арк. 8–10].

На жаль, нам не вядома, ці скончыўся выбарам дэпутатаў полацкі дэпутацкі соймік 1733 г. На полацкім гаспадарскім сойміку (10 лютага 1733 г.) пад дырэкцыяй полацкага харужага Аляксандра Канстанціна Корсака-Бабыніцкага былі абраны пасламі да караля Аўгуста II полацкі падкаморыч Францішак Зяновіч і старадубскі гродскі пісар Базылі Корсак-Бабыніцкі па прывілей на элекцыйны соймік для выбару полацкага ваяводы. Акт пастановы падпісалі вядучыя мясцовыя ўраднікі: харужы Аляксандр Канстанцін Корсак-Бабыніцкі, войскі Сымон Корсак-Удзельскі, стольнік Юзаф Пакаш, падсудак Юзаф Антоні Сялява, земскі пісар Базылі Рыпіньскі, абозны Юзаф Война [**25**, b.p.]. Аўгуст II памёр 1 лютага 1733 г., але гэтая інфармацыя яшчэ не дасягнула Полацка.

Такім чынам, на падставе выяўленых крыніц магчыма зрабіць наступныя высновы. З 8 пасольскіх соймікаў выбарамі дакладна скончыліся 4 соймікі (гэта значыць палова). Гэта быў даволі малы адсотак. З 16 грамнічных соймікаў выбарамі скончыліся 7 соймікаў (фактычна амаль палова), 6 соймікаў былі сарваны, як, падобна, і 2 соймікі, пра якія мы не маем інфармацыі. У перыяд з 1723 па 1725 г. зрываліся ўсе грамнічныя соймікі (3 соймікі). Адбыліся элекцыйныя соймікі па выбары мясцовых ураднікаў: ваяводы (два разы), падкаморыя, харужага, земскага суддзі і земскага пісара. Усе яны скончыліся паспяхова. Была спроба і трэці раз правесці выбары полацкага ваяводы і нават былі выбраны паслы да караля, але смерць Аўгуста II перашкодзіла іх рэалізацыі. У той жа час адразу кідаецца ў вочы, што элекцыйныя соймікі заканчваліся нашмат больш паспяхова, чым пасольскія і грамнічныя. Прычынай гэтага бачыцца зацікаўленасць мясцовай эліты ў выбары мясцовых ураднікаў.

На пасольскіх сойміках у Полацку з 1717 па 1733 г. пасламі выбіраліся выключна прадстаўнікі мясцовай эліты. Двойчы выбіраліся толькі прадстаўнікі роду Зяновічаў. Па аднаму разу выбіраліся пасламі прадстаўнікі родаў Жабаў, Пжысецкіх, Буйніцкіх, Корсакаў-Бабыніцкіх, Гласкаў і Ласоўскіх. Як бачна, у Полацкім ваяводстве не было ніводнага роду, які ў перыяд з 1717 па 1733 г. мог правесці абранне свайго прадстаўніка больш чым два разы. Пяць разоў пасламі выбіраліся мясцовыя ўраднікі: земскі суддзя — 2 разы (прычым гэты ўрад тады займалі розныя шляхціцы: 1718 г. — Самуэль Пжысецкі, 1732 г. — Траян Гласко), гродскі сурагатар, лоўчы, падчашы па 1 разу. Аднойчы, у 1718 г., абодва абраныя паслы

былі полацкімі ўраднікамі. Аднойчы паслом быў абраны ўраднік іншага павета (рэчыцкі – у 1732 г.). Два шляхціцы, абраныя пасламі, увогуле не мелі ніякага ўраду. Праўда, адзін з іх, Валяр'ян Жаба, у 1728 г. страціў свой урад падваяводства незадоўга да сойміка ў сувязі са смерцю полацкага ваяводы Станіслава Дэнгофа. Сярод вядомых шляхцічаў у ВКЛ, якія часта выбіраліся пасламі на сойм, у Полацку пасламі выбіраліся толькі Антоні Зяновіч (1718 г.) і Валяр'ян Жаба (1728 г.). Аднак і яны, нягледзячы на вядомасць ва ўсім ВКЛ, у першую чаргу былі выбраныя пасламі як прадстаўнікі мясцовай эліты. У той жа час у Полацку не выбіраліся пасламі маладыя магнаты з вядомых родаў Радзівілаў, Сапегаў, Агінскіх, Пацеяў, Пацаў і інш., што было ўласціва шмат для якіх соймікаў ВКЛ. Гэта сведчыць аб пэўнай ізаляванасці полацкага сойміка, на якім пасламі выбіраліся толькі прадстаўнікі мясцовай эліты.

Часцей за ўсё дэпутатамі выбіраліся прадстаўнікі родаў Корсакаў-Рыпіньскіх, Корсакаў-Удзельскіх і Жабаў (па 2 разы). Прычым з гэтых выбараў двойчы дэпутатамі станавіліся тыя самыя шляхціцы – бяльскі староста, а потым полацкі падваявода Валяр'ян Жаба і полацкі войскі Сымон Корсак-Удзельскі. Сярод іншага, гэта сведчыць аб папулярнасці гэтых шляхціцаў сярод мясцовай шляхты. Не адзін шляхціц у перыяд з 1717 па 1733 г. не выбіраўся дэпутатам тройчы. Па аднаму разу выбіраліся дэпутатамі прадстаўнікі наступных родаў: Корсакаў-Залескіх, Грабніцкіх, Гласкаў, Сяляваў, Падбіпентаў, Пжысецкіх, Храпавіцкіх і Кубліцкіх. Сем абраных дэпутатаў былі мясцовымі ўраднікамі: войскім (2 разы адзін і той жа Сымон Корсак-Удзельскі), гродскім суддзёй, абозным, падваяводам, лоўчым, будаўнічым (па 1 разу). Аднойчы дэпутатам у Полацку выбіраўся ўраднік іншага ваяводства (смаленскі – 1720 г.).

Аналіз спісу паслоў і дэпутатаў прыводзіць да цікавых назіранняў, што толькі адна асоба ў Полацкім ваяводстве з 1717 па 1733 г. абіралася як паслом, так і дэпутатам: Валяр'ян Жаба (дэпутат 1718 і 1727 гг., пасол 1728 г.). Прадстаўнікам роду Зяновічаў 2 разы ўдавалася быць абранымі пасламі, але ніводны раз – дэпутатам. Таксама прадстаўнікі родаў Корсакаў-Бабыніцкіх, Ласоўскіх і Буйніцкіх абіраліся пасламі, але ніколі ў гэты перыяд не выбіраліся дэпутатамі. Такім чынам, пасламі і дэпутатамі на полацкіх сойміках з 1717 па 1733 г. выбіраліся амаль выключна прадстаўнікі мясцовай павятовай эліты. Гэта ў чарговы раз пацвярджае думку аб пэўнай ізаляванасці полацкага сойміка, бо на ім пасламі і дэпутатамі выбіраліся толькі прадстаўнікі мясцовай эліты.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Ciesielski, T. Zabiegi hetmanów o rewizję uchwał sejmu niemiego i odzyskanie komendy nad autoramentem cudzoziemskim a sejmy w latach 1717–1724 (prolegomena) / T. Ciesielski // Rzeczpospolita w dobie wielkiej wojny północnej / Pod red. J. Muszyńskiej. – Kielce, 2001. – S. 61–85.

2. Kosińska, U. Sejm 1719–1720 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego / U. Kosińska. – Warszawa, 2003.

3. Мацук, А. Барацьба магнацкіх груповак у ВКЛ (1717–1763 гг.) / А. Мацук. – Мінск, 2010.

4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. – Фонд 1734. – Воп. 1. – Спр. 14.

5. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1697–1794): spis / pod red. Andrzeja Rachuby; oprac. Andrzej Rachuba i Przemysław P. Romaniuk przy współpr. Andreja Macuka i Jewgienija Aniszczenki; Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk. – Warszawa: DiG, 2004. – 448 s.

6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. – Фонд 1734. – Воп. 1. – Спр. 15.

7. Российский государственный архив древних актов. – Фонд 589. – Оп. 1. – Д. 581.

8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. – Фонд 1734. – Воп. 1. – Спр. 16.

9. Biblioteka Kornicka. Sygn. 1003.

10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. – Фонд 1734. – Воп. 1. – Спр. 17.

11. Archiwum Państwowy, odział na Wawelu. Archiwum Sanguszków. Teki rzymskie LVIII.

12. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. – КМФ-18 № 165.

13. Lietuvos valstybės istorijos archyvas. SA 81.

14. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. – Фонд 1734. – Воп. 1. – Спр. 18.

15. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. – Фонд 1734. – Воп. 1. – Спр. 19.

16. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. – Фонд 1734. – Воп. 1. – Спр. 20.

17. Teka Gabryela Junoszy Podoskiego arcybiskupa gnieźnieńskiego. — Poznań, 1846. — T. 4.

18. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. — Фонд 1734. — Воп. 1. — Спр. 21.

19. Biblioteka PAN PAU. Sygn. 328.

20. Rachuba, A. Sapieha Jerzy Stanisław // Polski Słównik Biograficzny. — T. XXXV / 1. Z. 144. — S. 18–22.

21. Archiwum główne akt dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. dz. V. Sygn. 18782.

22. Pamiętnik Felicyana Junoszy Piaskowskiego podstolego podlaskiego, majora J.K. Mości, poczawszy od roku 1690. — Lwów, 1865.

23. Российская Национальная библиотека. — Фонд 957. — Pol. F. IV, 258.

24. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. — Фонд 1734. — Воп. 1. — Спр. 23.

25. Biblioteka uniwersytetu Warszawskiego. Akc. 418.

Миролюбова И.В.

Полоцкий полицмейстер Бронюшиц-Гарасимович

Самуйло Лукин сын Бронюшиц-Гарасимович вступил в должность Полоцкого полицмейстера в феврале 1827 года. Можно сказать — не побоялся вступить, несмотря на царящие в городе беспорядки — «воровство, разбои, грабежи, зачастую заставлявшие иногородних торговцев объезжать Полоцк стороной» [**1**], на скандальное удаление от должности предыдущего полицмейстера подполковника Штерна [**2**], на противодействие генерал-губернатора витебского, могилёвского, смоленского и калужского князя Н.Н. Хованского. Мог ли побояться этих трудностей представитель древнего шляхетского рода, боевой офицер, кавалер, награждённый золотой шпагой с надписью «За храбрость»! К сожалению, он не представлял, в какую затяжную, ведущуюся не по правилам битву вступает.

Гарасимовичи — древний шляхетский род, происходящий от Гарасима, бывшего витебским городничим в 1480 г. [**3**]. Первое упоминание о Гарасиме относится к 1473 г.: в «делчем листе» наместника витебского пана Ивашки Ходкевича: «Прыехал на гдръский город пан Михайло и равновал детем своим имение, пани Гарасиму а Федку, а мы прытом были» [**4**]. Пан Михайло — это Михайло Хоминич Старосельский, дворянин и полковник Витольда; есть сведения, что он был женат на сестре Свидригайло [**5**]. Родоначальник фамилии Гарасимовичей — Гарасим Михайлович Старосельский — погиб при обороне Витебска. И в следующих поколениях фамилии Гарасимовичей было немало храбрых воинов, защищавших Витебскую землю: Роман Гарасимович — городничий и хорунжий витебский [**6**], его братья — Андрей и Ян, Балцер Гарасимович-Старосельский — королевский ротмистр, отбивший хоругвь, захваченную неприятелем, Миколай — хорунжий витебский, обманом уведённый в московский плен и там погибший [7], Богдан — хорунжий витебский в 1674 г. Были в роду и витебские земские судьи — Балцер и его сын Самуель [**8**]. Представители разных ветвей рода Гарасимовичей неоднократно подписывались на элекции польских королей [**9**].

На Полоцкой земле Гарасимовичи появляются позднее: в начале XVIII века Роман Романович Бронюшиц-Гарасимович, «поселившись в Полоцком повете, прижил сыновей Корнея (Kornaliusz), Луку (Lukasz) и Ивана (Jan)» [**10**]. Лука Романович, пожалованный ротмистром в 1789 г., имел 6 сыновей, одним из которых и был Самуель (Самуйло — в русской интерпретации). Род (вместе с Самуелем) был утверждён в дворянстве Витебским Дворянским Депутатским Собранием в 1806 году и записан в 6-ю часть «Дворянской Родословной Книги» [**11**].

Самуель Бронющиц-Гарасимович родился в 1788 г. Неизвестны причины, заставившие его вступить на военную службу, как написал впоследствии он сам, «не в пример прочих Белорусских дворян». Окончив в 1811 г. 2-й кадетский корпус, произведён прапорщиком в Орловский пехотный полк, где и прослужил до выхода в отставку в 1822 г. «За время службы находился в следующих походах и делах:

1812 г. в Российских пределах против французских войск

- в сражении 11 июля при Дашковке и Султановке;

- 4 августа при г. Смоленске, где ранен штыком в средний палец левой руки, отчего оный сведён;

- 24 и 26 августа при с. Бородине, где ранен в правый бок ружейною пулею;

- 12 октября при Малом Ярославце, за отличие при оном оказанное награждён орденом св. Анны 4 класса;

- 21 и 22 октября в преследовании неприятеля до г. Вязьмы и занятии оного, за отличие при том оказанное, награждён золотою шпагою с надписью «За храбрость»;

- 4, 5 и 6 ноября при г. Красном, за отличие при оном получил Высочайшее благоволение.

За участие в компании 1812 г. имеет серебряную медаль на голубой ленте.

1813 г.:

- с 23 генваря при блокаде кр. Модлина и в сражении при вылазках оттуда деланных;

- 26 майя при бомбардировании оной крепости;

- 27 сентября в Саксонии в сражении при м. Дона, где ранен в левую ногу;

- 1 октября при г. Дрезден;

- 6 и 7 октября при г. Лейбциг, за отличие, при оном оказанное, произведён в штабс-капитаны;

- с 27 октября по 28 ноября при блокаде кр. Магдебурга;

- с 15 декабря при блокаде кр. Гамбурга;

- 24 декабря там же в сражении при нападении неприятеля и прогнании оного, за отличие при том оказанное награждён орденом св. Владимира 4-й степени с бантом;

1814 г.

- 14 генваря в ночной экспедиции при Морфлете;

- 5–6 февраля на островах Морвердире и Вильгельмсборге;

- 23 февраля в сражении при д. Офере;

1815 г. в походе из Царства Польского вторично через Германию и Францию

- с 14 июля по 1-е августа в наблюдательном отряде при блокаде кр. Суасона;

- 13 окт. 1818 — получил благодарность от главнокомандующего1-ю армией генерала от инфантерии фон Остен-Сакена, объявленную в приказе по армии.

В отпуску был 1816-го года с 21 декабря на 2 месяца.

8-го марта 1822-го года по Высочайшему Его Императорского Величества приказу уволен от службы за ранами подполковником с мундиром и пенсионом полного жалования» [**12**].

Следуя примеру Самуеля, в военную службу вступили два его родных брата и пятеро племянников, двое из них погибли, получив тяжёлые ранения под крепостью Силистрией.

В июне 1825 г. Комитет, высочайше учреждённый в 18 день августа 1814 г. (далее — Комитет), рекомендовал министру внутренних дел Ланскому определить на «ваканцию Городничаго Витебской губернии в г. Режицу жительствующего той же губернии в г. Полоцке отставного из Орловского полка подполковника Герасимовича, с сохранением Всемилостивейше пожалованного ему пенсиона», вопреки ходатайству генерал-губернатора кн. Хованского, просившего Комитет назначить на эту должность подпоручика Феликса Корна [**13**]. В июле 1825 г. Самуил Лукич Бронюшиц-Гарасимович вступил в должность режицкого городничего.

В это время в Полоцке полицмейстером был подполковник Штерн. В апреле 1826 г. генерал-губернатор князь Хованский про-

сит министра внутренних дел удалить от должности полоцкого полицмейстера и рекомендует назначить на эту должность отставного майора Шмидта [**14**]. Узнав об открывшейся вакансии, Самуил Лукич Бронюшиц-Гарасимович просит Комитет перевести его с должности режицкого городничего в Полоцк «по жительству в уезде оного ближайших его родственников». Об удовлетворении его просьбы ходатайствует у министра Ланского генерал от кавалерии Александр Воинов. В декабре 1826 г. управляющий МВД приказал «Витебской губернии Режецкого городничего подполковника Герасимовича переместить полицмейстером в город Полоцк, на место удаленного от должности, по решению Правительствующего Сената подполковника Штерна, о чем уведомить г. Генерал-Губернатора Витебской и других губерний и Комитет 18 августа 1814 года и дать знать Герольдии» [**15**]. Комитет повторно отказал кн. Хованскому в назначении его протеже в пользу подполковника Гарасимовича. О назначении на должность Гарасимовича уведомил письмом лично граф Паскевич-Эриванский из Тифлиса, под чьим командованием он отважно сражался в 1812–1813 гг.

Служебные обязанности главы полицейского управления были сложны и многоплановы.

Одна из них – расквартирование воинских подразделений, проходящих через Полоцк. О том, что распоряжения полицмейстера «были деланы со всевозможною скоростию и в отличном порядке», свидетельствуют командиры полков и бригад (генерал-адъютанты Чичерин и Головин). Один из таких документов подписан лично командиром гвардейского экипажа контр-адмиралом Ф.Ф. Беллинсгаузеном в мае 1828 г. [**16**].

Вступив в должность, Самуель Лукич Бронюшиц-Гарасимович считал своей обязанностью «искоренить зло, требовал от всех жителей исполнения повеленного законом», чем, естественно, «взволновал противу себя нелюбящих покоя, корыстолюбцев и алчущих чуждого» [**17**].

В ноябре 1828 г. на стол генерал-адъютанта А.Х. Бенкендорфа легли одно за другим два анонимных письма с обвинениями против полоцкого полицмейстера Бронюшиц-Гарасимовича.

Началось разбирательство. Витебский гражданский губернатор Акинфий Иванович Сорокунский в ответ на требование генерал-губернатора кн. Хованского «удалить Герасимовича от должности, возложив оную на другого чиновника…», требует провести «изыскание, чтобы

непременно был открыт сочинитель анонимных записок», которые, «составляя набор одних слов, оказывают ясно лишь одну неосновательную клевету», т.к. «истинная честь и подозрением оскорбляется» [**18**].

Князь Хованский в письме министру внутренних дел Закревскому находит «излишним домогательство Витебского губернатора об открытии сочинителя записки и изыскании истины по всем изветам оной» [**19**]. В марте 1829 г. губернатора Сорокунского переводят в Бессарабию, где он, прослужив всего четыре года (скончался в апреле 1833 г.), оставил о себе добрую память. Во время его губернаторства был издан сборник молдавских законов, открыта публичная библиотека и 1-ая мужская гимназия. Витебским губернатором становится А.Н. Пещуров, в январе 1829 г. избранный губернским предводителем сроком на три года.

Несмотря на свидетельства, написанные в защиту Бронюшиц-Гарасимовича полоцким поветовым маршалом, поветовым судьёй, жителями Полоцка (в их числе – настоятель полоцкого Богоявленского монастыря, настоятель Софийско-Полоцкого монастыря иеромонах Иосиф Клосовский, ректор высшей школы ксендзов-пиаров Бартошевич – всего более 100 подписей), полицмейстер был отставлен от должности «до того времени, пока все начатые об нем дела не будут кончены производством». В конце 1830 г. генерал губернатор. кн. Хованский отказывается «сделать отзыв на отношение министра внутренних дел о полоцком полицмейстере подполковнике Бронюшиц-Гарасимовиче, т.к. все дела должны были уступить в предпочтительном рассмотрении уголовным делам большой важности, по коим содержится великое число арестантов» [**20**]. Рассмотрение дел затягивается.

23 сентября 1835 г. в указе Сената сообщается о прекращении дела Бронюшиц-Гарасимовича «за смертию его» [**21**].

В 1836 г. после скандального процесса о перемене вероисповедания был снят с должности белорусский генерал-губернатор кн. Хованский.

Список источников

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 1286. – Оп. 4. – Д. 430. – С. 33.
2. РГИА. – Фонд 1286. – Оп. 4. – Д. 457. – С. 44–57.
3. Литовская Метрика. – СПб, 1910. – Отдел 1. – Ч. 1 – Т. 1 – С. 373.
4. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск, 1903. – Вып. 31. – С. 65–69.
5. Koialowicz S.J. Herbarz rycerstwa W.X. Litewskiego. – Krakow, 1897. – С. 277.
6. Литовская Метрика. – Петроград, 1915. – Отдел 1. – Ч. 3. – С. 92, 196–197.
7. Koialowicz S.J. Herbarz rycerstwa W.X. Litewskiego. – Krakow, 1897. – С. 278.
8. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск, 1891. – Вып. 21. – С. 413.
9. РГИА. – Фонд 1343. – Оп. 19. – Д. 681. – С. 6, 7, 9.
10. РГИА. – Фонд 1343. – Оп. 19. – Д. 1302. – С. 6.
11. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2626. – Оп. 1. – Д. 574. – С. 18.
12. РГИА. – Фонд 1286. – Оп. 3. – Д. 221. – С. 6–7.
13. РГИА. – Фонд 1286. – Оп. 3. – Д. 221. – С. 4.
14. РГИА. – Фонд 1286. – Оп. 4. – Д. 457. – С. 5.
15. РГИА. – Фонд 1286. – Оп. 4. – Д. 457. – С. 15.
16. РГИА. – Фонд 1286. – Оп. 4. – Д. 430. – С. 42.
17. РГИА. – Фонд 1286. – Оп. 4. – Д. 430. – С. 34.
18. РГИА. – Фонд 1286. – Оп. 4. – Д. 506. – С. 35.
19. РГИА. – Фонд 1286. – Оп. 4. – Д. 506. – С. 55.
20. РГИА. – Фонд 1286. – Оп. 4. – Д. 430. – С. 49.
21. РГИА. – Фонд 1286. – Оп. 4. – Д. 430. – С. 50.

Никрашевич Л.Н.

Краеведение как источник духовно-нравственного и патриотического воспитания (опыт разработки и апробации инновационного проекта: от идеи до реализации)

Патриотическое воспитание подрастающего поколения всегда являлось одной из важнейших задач современной школы. Патриотизм — это отношение граждан к своей Родине, выражающееся в готовности служить ей и защищать её. Это отношение к необъятным просторам страны, её природным богатствам, героическому историческому прошлому и сегодняшним противоречивым реалиям.

Многие методисты считают, что главным методологическим принципом патриотического воспитания учащихся должно быть познание и осознание ими своей *Малой Родины*. В толковом словаре В.И. Даля читаем: «*Краеведение* — это совокупность знаний (исторических, географических и т.п.) об отдельных местностях или в целом страны, это всестороннее изучение своей местности — природы, хозяйства, истории, быта людей — преимущественно местными школами».

Воспитание краеведением подразумевает не только обучение и распространение знаний о прошлом и настоящем своего города, его особенностях и достопримечательностях, но и развитие потребности в действенной заботе о его будущем, о сохранении его культурного и природного наследия. Подлинное краеведение всегда и краелюбие.

Наша школа находится в удивительно красивом городе, богатом культурным наследием, которое передаётся из поколения в поколение. Полоцк — один из наиболее древних городов нашей Родины и имеет богатую, славную историю. Современный Полоцк — это город музеев и памятников, парков и скверов, фестивалей и праздников культуры, науки, спорта.

Город Полоцк обладает особым воспитательным потенциалом, который необходимо использовать в нравственном и духовном воспитании детей. Творческой инициативной группой учителей начальных

классов нашей школы была разработана краеведческая программа курса «Введение в полоцковедение», целью которой является воспитание личности ребёнка, его нравственной, эстетической и экологической культуры через организацию краеведческой работы по изучению малой родины. Учителями творческой группы были определены следующие задачи: формирование у учащихся начальных классов первичных представлений об истории малой родины; развитие устойчивого интереса к истории, к культурному наследию родного города и творческих способностей; совершенствование организации и содержания обучения и воспитания подрастающего поколения средствами краеведения; воспитание чувства сопричастности к прошлому и уважения к культуре и традициям предков; создание условий для активного включения учащихся в общественно значимую деятельность, способствующую воспитанию чувства сопричастности к жизни города.

Предлагаемая программа реализуется в рамках городской комплексно-целевой программы «Мы – полочане», приоритетным направлением которой является краеведение. Программа представляет собой ступенчатое приобретение знаний учащимися по краеведению. Занятия в каждом классе объединены общей тематикой: в 1-м классе – «Мы – полочане», во 2-м – «Мой зелёно-голубой край», в 3-м – «Мы гордимся тобою, Полоцк!» (Полоцк – культурный и промышленный центр), в 4-м – «Полоцк в моём сердце». Программа курса рассчитана на 40 часов, по 10 часов в каждой параллели с первого по четвёртый классы (1 раз в месяц на протяжении всего учебного года).

При проведении занятий участниками программы учитываются принципы: научности, последовательности, доступности, занимательности, единства группового и индивидуального подходов, систематичности, результативности. Разнообразные формы занятий привлекают учащихся своей новизной, вызывают интерес, поддерживают дух поиска, открытия, активного познания нового, способствуют созданию положительной эмоциональной обстановки.

Реализация данной программы должна внести значительный вклад в формирование личности каждого учащегося, способствовать развитию чувства гордости за свою малую родину, воспитание любви и чувства ответственности за судьбу своего края. Краеведческая программа «Введение в полоцковедение» (1–4 классы) имеет большую познавательную ценность, служит основой для культурного и морального

совершенствования учащихся, помогает гражданскому становлению младшего поколения.

В результате реализации программы педагоги получат возможность взаимного обогащения опытом, доступ к информационному образовательному ресурсу, повысят свою профессиональную компетентность в организации и проведении краеведческой работы; обучающиеся приобретут первоначальные представления и элементарные знания об истории, современности и культуре города Полоцка, получат возможность приобщаться к самостоятельной деятельности, творческому процессу, формированию интереса к познанию окружающего мира; разовьют информационно-коммуникативные умения, самостоятельного поиска, анализа и отбора необходимой информации; родители, принимая участие в подготовке и проведении занятий по курсу «Введение в полоцковедение», войдут в образовательное пространство школы и получат возможность иметь информацию о процессе обучения и развития своего ребёнка.

Реализация программы включает следующие этапы:

1. Организационно-подготовительный этап. Изучение актуальности темы краеведческой программы «Введение в Полоцковедение» с помощью опроса, наблюдения, бесед. Изучение научно-методической литературы по данной проблеме, опыта работы.

Изучение нормативно-правовой базы. Исследование инновационных технических возможностей образовательного учреждения по данной теме. Подбор материалов для вовлечения учащихся в инновационный образовательный процесс по теме программы (дидактический и наглядный материал, электронные пособия и т.д.).

Проведение диагностики и выявление представлений по данной проблеме среди учащихся и их родителей. Создание методических рекомендаций по теме программы. Промежуточный отчёт о выполнении организационно-подготовительного этапа на методическом совете школы.

2. Проектировочно-деятельностный этап. Составление плана работы творческой группы учителей, участников краеведческой программы. Планирование тематики занятий курса «Введение в полоцковедение» по классам. Разработка методических пособий и рекомендаций к занятиям. Создание рабочей тетради для учащихся по курсу «Введение в полоцковедение». Апробация подобранных материалов

программы на занятиях. Консультации для родителей и учащихся при подготовке к занятиям. Наработка дидактического и наглядного материалов для занятий. Промежуточный отчёт о ходе реализации программы на методическом совете школы (ежегодный).

3. Заключительно-рефлексивный этап. Создание банка педагогического опыта. Выпуск методических пособий для учителей и рабочей тетради для учащихся. Систематизация методического материала. Презентация результатов деятельности по данной проблеме. Внедрение в практику разработанного материала. Анализ выполнения цели и задач программы.

Определение причин «плюсов и минусов» программы. Проведение мониторинга. Отчёт о реализации программы на методическом совете школы. Программирование дальнейшей деятельности с учётом полученных результатов.

Работа над проектом начата в 2007 году, учителями творческой группы спланирована тематика занятий курса «Введение в полоцковедение» с 1-го по 4-й классы, разработаны методические пособия для учителей к занятиям в 1–3 классах, в которых подобран занимательный материал, познавательная информация, предлагаются нестандартные и инновационные формы проведения занятий, что помогает учителю успешно реализовывать задачи проекта. Для учащихся 1–3 классов разработаны рабочие тетради по курсу «Введение в полоцковедение», в которых предложенный материал занимателен, ярко оформлен, что способствует развитию интереса к родному городу. По тематике занятий для 1–3 классов создан информационный образовательный ресурс. Проведены диагностики и выявление представлений по данной проблеме среди учащихся и их родителей.

Апробация программы уже прошла в 1–2 классах и показала живой интерес родителей и детей к данной теме. Краеведческая работа представляет блестящую возможность реализовать идею межпредметных связей, органично связывать классные занятия с факультативными и внеклассными мероприятиями.

Участники творческой группы считают целесообразным продолжение краеведческой работы с детьми и в летнее время. Решению этой задачи способствует реализация творческо-игрового проекта тематической смены «Полоцкая карусель» оздоровительного лагеря дневного пребывания, разработанного учителями начальных классов

УО «Полоцкая государственная общеобразовательная средняя школа № 18 имени Евфросинии Полоцкой». Основной задачей педагогического коллектива лагеря стало воспитание уважения, преданности и любви к малой родине, отчему краю, родному городу.

Программа «Введение в полоцковедение» в 2010–2011 учебном году получила достойную оценку на Республиканской выставке методических разработок по гражданско-патриотическому воспитанию — диплом 1 степени.

Примерная тематика курса «Введение в полоцковедение»

1 класс

«Мы — полочане!»

1. Город, в котором мы живём.
2. Наш район, улицы.
3. Кем гордится Полоцк?
4. Чем гордится Полоцк?
5. Интересные места нашего города.
6. «Я по Полоцку иду…» (заочная экскурсия).
7. Мы рисуем Полоцк.
8. Экскурсия. Детский музей.
9. Урок-викторина «Наш город».
10. Литературно-музыкальная композиция «Мы — полочане!».

2 класс

«Мой зелёно-голубой край»

1. Мой зелёно-голубой город.
2. Язык парков, скверов, улиц. Старт исследовательской работы.
3. Осенняя мозаика нашего города.
4. Экскурсия в Экологический музей.
5. Зимний калейдоскоп. Операция «Кормушка».
6. Улицы нашего города. Итоги исследовательской работы.
7. Лёгкие крылья весны. Весна в нашем городе.
8. Природа — это дом, украшенный трудом.
9. Тропой Берендея. Экскурсия в экологический центр города.
10. Обобщающее занятие «Месяц за месяцем…».

3 класс

«Мы — гордимся тобою, Полоцк!»

(Полоцк — культурный и промышленный центр)

1. Полоцк — культурный и промышленный центр.
2. Полоцк — один из древних городов Беларуси.
3. Экскурсия в Краеведческий музей города.
4. Полоцк — географический центр Европы.
5. Промышленный Полоцк.
6. Основные предприятия города Полоцка.
7. Экскурсия «Полоцк промышленный».
8. Они защищали Родину.
9. Экскурсия в Музей боевой славы.
10. Обобщающее занятие ***«Мы гордимся тобою, Полоцк».***

4 класс

«Полоцк в моём сердце»

1. Там, где всё начиналось…
2. Знаменитые предки (Рогволод и Рогнеда. Всеслав Чародей).
3. Просветители земли Полоцкой (Евфросиния Полоцкая, Ф. Скорина, Симеон Полоцкий).
4. Святыни Полоцкой земли. Свято-Евфросиньевский монастырь (экскурсия).
5. Знаменитые современники Полоцка.
6. Полоцк — центр национальных культур и ремёсел.
7. Экскурсия в Центр национальных культур и ремёсел.
8. Полоцк культурный. Калейдоскоп творчества.
9. Полоцк музыкальный.
10. Обобщающее занятие. Полоцк — вчера, сегодня, завтра. Полоцк будущего: каким ему быть?

Список литературы

1. Ад Полацка пачаўся свет. – Мінск: Рыфтур, 2006. – 141 с.

2. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля. / Л.В. Алексеев. – Полоцк, 2007. – 35 с. – (Наследие Полоцкой земли, вып. 5).

3. Наддзвінне: альманах Полацкага народнага літаратурнага аб'яднання. – Віцебск: Віцебская абласная друкарня, 2004. – 158 с.

4. Арлоў, У.А. Таямніцы Полацкай гісторыі / У.А. Арлоў. – Мінск: Папуры, 2008. – 608 с.

5. Бесова, М.А. Воспитательная работа в начальной школе: теория, методика, технология / М.А. Бесова. – Мозырь: Белый ветер, 2006. – 190 с.

6. Городская комплексно-целевая программа «Мы – полочане». – Полоцк, 2009.

7. Котович, Н.К. Научно-методические основания инновационной работы по проекту «Внедрение авторской модели воспитания в краеведческой деятельности» / Н.К. Котович // Адукацыя і выхаванне. – 2009. – № 3.

8. Лукша, В.Э. Древний Полоцк: альбом / В.Э. Лукша – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 32.

9. Организация детского летнего отдыха / сост. Г.Л. Шереш. – Мозырь: Белый ветер, 2005. – 224 с.

10. Полоцк: ист. очерк / под ред. П.Т. Петрикова. – Минск, 1987. – 320 с.

11. Полацку: вершы / пад рэд. А.У. Сом. – Полацк, 2002. – 66 с.

12. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды / М. Ермаловіч – Мінск: Маст. літ., 2001. – 366 с.

13. Сувора, С.І. Краязнаўчая работа – шлях да выхавання школьнікаў у нацыянальных традыцыях / С.І. Сувора // Праблемы выхавання. – 2007. – № 6.

14. Трыгорлава, Л.Б. Віртуальная экскурсія «Горад над Дзвіной...» / Л.Б. Трыгорлава // Народная асвета. – 2010. – № 1.

Півавар М.В.

Музеі Полацка і Віцебска: гісторыя і перспектывы

У 2006 г. выйшла ў свет кніга «Полацк музейны». У ёй распавядалася пра 11 дзяржаўных музеяў, якія ўваходзяць у склад Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Усе яны, акрамя краязнаўчага (1926), паўсталі ў апошнія дзесяцігоддзі XX – пачатку XXI стст. Сітуацыя найцікавейшая – на працягу амаль паловы стагоддзя ў горадзе існуе толькі адзін музей, а на працягу невялікага перыяду паўстае дзесяць! Такая ж сітуацыя склалася і ў Віцебску, дзе на 1985 г. дзейнічаў толькі адзін музей. Прадстаўляецца цікавым разгледзець працэс музейнага будаўніцтва ў Полацку і Віцебску ў другой палове 1980-х – пачатку XXI ст., раскрыць яго асноўныя тэндэнцыі, асаблівасці, дасягненні, вызначыць, які пазітыўны досвед можна выкарыстаць на сучасным этапе ў развіцці музейнай прасторы гарадоў.

Сітуацыя ў Віцебску на пачатку 1980-х гг. была складаная. Віцебскі абласны краязнаўчы музей (ВАКМ) не працаваў. Адзіны музей, у які можна было схадзіць у абласным цэнтры, быў музей Героя Савецкага Саюза М.П. Шмырова. На хвалі нацыянальнага адраджэння другой паловы 1980-х – 1990-х гг. сітуацыя з музейным будаўніцтвам змяняецца ў корані. Адбываецца адраджэнне краязнаўчага руху ў краіне. У Віцебску галоўную ролю адыграў ВАКМ. Нягледзячы на тое, што музей ужо больш за 10 гадоў быў на рэканструкцыі, на яго базе былі праведзены першыя краязнаўчыя канферэнцыі, створана Віцебскае аддзяленне Беларускага краязнаўчага таварыства (БКТ). Кіраўніцтва музея і супрацоўнікі бралі актыўны ўдзел у арганізацыі і правядзенні даследаванняў Віцебшчыны. У выніку дыскусіі з удзелам зацікаўленых колаў грамадскасці была выпрацавана доўгатэрміновая праграма па стварэнні новых музеяў у горадзе і вобласці. У «Прапановах па развіццю музеяў у гарадах і раёнах Віцебскай вобласці на перыяд да 2000 г.», прынятай Віцебскім аблвыканкамам у 1990 г., планавалася адкрыццё 18 музеяў у горадзе і 2-х у раёне. У табліцы № 1 прыводзім тыя музеі, галерэі і час іх стварэння, якія дзейнічаюць на цяперашні момант.

Музейнае будаўніцтва Віцебска 1988–2010 гг.

Н/п	**Назва музея**	Час стварэння
1.	Віцебскі абласны краязнаўчы музей	1918, новая экспазіцыя з 1994 г.
2.	Віцебскі абласны музей Героя Савецкага Саюза М.П. Шмырова	1969
3.	Літаратурны музей	1988
4.	Музей-сядзіба І. Рэпіна «Здраўнёва»	1988
5.	Выставачная зала віцебскага абласнога метадычнага цэнтра народнай творчасці	1991
6.	Мастацкі музей	1992
7.	Віцебскі гарадскі музей воінаў-інтэрнацыяналістаў	1992
8.	Музей прыватных калекцый	1993
9.	Выставачная зала Культурна-гістарычнага комплексу «Залаты пярсцёнак горада Віцебска «Дзвіна»	1994
	Музей М. Шагала ў Віцебску	
10.	Арт-цэнтр Марка Шагала	1992
11.	Дом-музей Марка Шагала	1997
12.	Музей памяці патрыётаў Віцебшчыны	2003
13.	Музей «Віцебскі цэнтр сучаснага мастацтва»: выставачная зала выяўленчага мастацтва і «Музычная гасціная»	2005
14.	«Духаўскі круглік». Выставачная зала Цэнтра культуры «Віцебск»	2007

План быў змешчаны ў газеце «Віцебскі рабочы» ад 7 красавіка і выклікаў грамадскую дыскусію адносна месца размяшчэння, колькасці, зместу будучых музеў. У мэты артыкула не ўваходзіць аналіз дзейнасці і абставін утварэння кожнага музея. Спынімся толькі на працы ВАКМ. У 1994 г., пасля 18-гадовага рамонту ён нарэшце быў адчынены. Праўда, даступнай для наведвальнікаў была толькі адна стацыянарная выстава, прысвечаная Вялікай Айчыннай вайне, якая дзейнічае і на цяперашні момант. Толькі праз 4 гады, у 1998 г., была адкрыта другая стацыянарная выстава – «Старажытны Віцебск», якая распавядае пра заснаванне горада і жыццё на Віцебшчыне ў гады сярэднявечча. У 2003 г. адкрыта трэ-

цяя пастаянная экспазіцыя, тэма якой — прырода Беларускага Паазер'я. У 2004 г. адноўлена дзейнасць Музея памяці патрыётаў Віцебшчыны (былая турма СД). На жаль, гэтымі тэмамі абмяжоўваецца тэматыка прадстаўленая ў ВАКМ. Для комплекснай характарыстыкі краю не хапае шэрагу раздзелаў, у тым ліку і тых, якія тычацца XIV–XX стст.

Разгледзеўшы ў асноўных рысах працэс фарміравання музеяў у Віцебску, у табліцы № 2 прыводзім назвы і час стварэння музеяў у г. Полацк.

Музейнае будаўніцтва Полацка 1985– 2010 гг.

Н/п	**Назва музея**	Час стварэння
1.	Краязнаўчы музей	1926, новая экспазіцыя з 1986 г.
2.	Музей гісторыі архітэктуры Сафійскага сабора	1985–1987
3.	Музей баявой славы	1985
4.	Музей-кватэра Героя Савецкага Саюза З.М. Тусналобавай-Марчанка	1987
5.	Музей беларускага кнігадрукавання	1990
6.	Музей-бібліятэка Сімяона Полацкага	1994
7.	Музей традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я	1998
8.	Стацыянарная выстава «Прагулка па Ніжне-Пакроўскай»	1998
9.	Мастацкая галерэя	2002
10.	Дзіцячы музей	2004
11.	Прыродна-экалагічны музей	2005

На самой справе гэта не ўсе музеі горада. Выставачныя залы маюцца ў Цэнтры нацыянальных культур. У горадзе ёсць ведамасныя музеі, музеі устаноў адукацыі, а таксама прыватныя музеі — «Эпоха Леніна» і «Музей рыцарства».

Прыгадаўшы галоўныя дасягненні ў музейным будаўніцтве гарадоў, вызначым асноўныя тэндэнцыі і асаблівасці, уласцівыя гэтаму перыяду.

1. У Полацку і Віцебску на працягу апошняй чвэрці XX — пачатку XXI стст. адбывалася актыўнае музейнае будаўніцтва. Калі на 1985 г. у гарадах фактычна працавала толькі па аднаму музею, то к 2010 г. у склад НГКПМЗ уваходзяць 11 музеяў, а ў Віцебску дзейнічае 15 дзяржаўных музеяў і выставачных залаў рознай падначаленасці.

2. Стварэнне музеяў пачалося на хвалі нацыянальнага адраджэння другой паловы 1980-х – 1990-х гг. і працягвалася ва ўмовах станаўлення культуры незалежнай Беларусі.

3. Пэўную ролю ў фарміраванні планаў музейнага будаўніцтва і выгляду горада адыгралі грамадскія аб'яднанні «Узгор'е» ў Віцебску і «Вытокі» ў Полацку.

4. З аднаго боку, стварэнне музейнай прасторы гарадоў адпавядае асаблівасцям іх гісторыка-культурнага развіцця (М. Шагал, І. Рэпін, М. Шмыроў, 103-я ПДД, Цэнтр сучаснага мастацтва (ЦСМ) – Віцебск; Ф. Скарына, Сімяон Полацкі, З. Тусналобава-Марчанка – Полацк). З другога боку, фарміраванне музейнага аблічча гарадоў мае шмат агульнага (увага да вайны, мастацкія галерэі, афармленне краязнаўчай экспазіцыі).

5. У выніку шэрагу прычын Полацк выглядае больш прывабна. Па-першае, горад у разы меншы па памерах, а мае амаль столькі ж музеяў. Палітра музеяў выглядае больш разнапланава, ёсць унікальныя музеі, якія не маюць аналагаў у краіне (Дзіцячы, Традыцыйнага ткацтва Паазерья, Музей-бібліятэка Сімяона Полацкага, Прыродна-экалагічны).

Такім чынам, выглядае, што Віцебск і Полацк маюць амаль аднолькавую колькасць музеяў. Аднак заўважым, што Полацк непараўнальна меншы горад. Віцебск мае насельніцтва каля 350 тыс. чалавек, калі Полацк не больш за 80 тысяч. У адрозненне ад Віцебска, Полацк практычна не мае буйных прамысловых прадпрыемстваў, што давала б значную фінансавую падтрымку культурным пачынанням. Прычыны «полацкага феномену» бачацца нам у ягоным асаблівым статусе як найстаражытнейшага горада Беларусі, гістарычнай сталіцы, горада-музея. Значнай прычынай уяўляецца паразуменне кіраўніцтва запаведніка і ўладаў. Аднак найважнейшым чыннікам унікальнай сітуацыі ў галіне музейнага будаўніцтва, якая склалася ў горадзе ў канцы XX – пачатку XXI стст., з'яўляюцца людзі – адміністрацыя, радавыя работнікі запаведніка, якія ў комплексе ствараюць важную патрэбную справу.

На прыканцы прывядзём пералік музеяў, якія планавалася ўтварыць у Віцебску, але па шэрагу прычын яны так і не былі адчынены. Улічваючы, што стварэнне музеяў – гэта працэс бясконцы, такая інфармацыя будзе цікавай і для палачан. Спадзяёмся, што з часам і гэтае пытанне будзе вырашана.

Перспектыўныя для стварэння ў Віцебску:

1. Музей заснавальнікаў віцебскай мастацкай школы.
2. Музей гісторыі горадабудаўніцтва.
3. Музей тэатра.
4. Музей «Віцебская кафля».
5. Экспазіцыя «Кераміка і шкло».
6. Экспазіцыя «Старажытная зброя».
7. Музей «Жалезных спраў майстры».
8. Экспазіцыя «Віцебская модніца».
9. Музей гісторыі медыцыны.
10. Аддзел нумізматыкі.
11. Музей этнаграфіі і дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва.
12. Музей сельскай гаспадаркі (земляробства).
13. Музей гісторыі Віцебскага трамвая (перавод у цэнтр горада і змена экспазіцыі і статусу).
14. Музей імя У.І. Леніна / «Эпоха Леніна».
15. Музей археалогіі «Старажытны Віцебск / «Верхні замак» (на ўзор «Старажытнае Бярэсце»).

Поляков С.И.

Отечественная война 1812 года в истории Полоцкого кадетского корпуса и биографиях его выпускников

В начале 30-х годов XIX века Россия активно готовилась к 25-летию победы русского оружия в Отечественной войне 1812 года. 1 февраля 1830 года Николай I утвердил «Положение о губернских кадетских корпусах», которое предписывало открыть кадетский корпус и в Полоцке, хотя наш город к губернским центрам тогда не относился. При всей противоречивости оценок личности императора, следует отдать ему должное в том, что он умело использовал патриотический подъём россиян для совершенствования дела военного образования. Выбор Полоцка, как места расположения корпуса, не был случайным. Главная причина такого выбора – наличие в городе большого здания иезуитского коллегиума. На решение императора, надо полагать, не в последнюю очередь повлияло и то обстоятельство, что Полоцкая земля была пропитана духом недавних сражений. Для нового военно-учебного заведения передавались: бывший Полоцкий иезуитский монастырь, десять прилегающих зданий и шесть казённых домов [**2**, с. 36]. В период оккупации Полоцка в июле – октябре 1812 года французскими войсками в монастыре находился штаб корпусов сначала Удино, а затем Сен-Сира и французский госпиталь.

Кадетскому корпусу были оставлены все научные приборы, находившиеся в музее иезуитского коллегиума, среди которых и «земной телескоп Доллонда», с помощью которого французы в 1812 году с колокольни костёла следили за перемещениями русских войск [**2**, с. 46].

Непросто решался вопрос с передачей католического костёла православной церкви. Белорусские губернские маршалы ходатайствовали об оставлении храма католикам и кадетам католического вероисповедания, но Высочайшего соизволения не получили, и 5 февраля 1833 года костёл был освящён православным духовенством, получив наименование Св. Николая. Храм также имел непосредственное отно-

Рис. 1. Телескоп Доллонда.

шение к событиям 1812 года: 8 октября на его колокольне находился наблюдательный пункт Петра Христиановича Витгенштейна. 9 октября в костёле состоялось богослужение в честь победы в сражении, а 10 октября на площади перед собором в присутствии всех войск проведена панихида по погибшим.

В наследство от иезуитов полоцким кадетам досталось засевшее в стене здания корпуса ядро, которым, по преданию, был ранен маршал Удино. Под ядром была сделана табличка с именем Петра Христиановича Витгенштейна. С этим ядром у полоцких кадет были связаны интересные традиции. Бывший кадет Леонид Буйневич вспоминает, что уже на первом ротном построении тревожное любопытство вызывало распоряжение старших кадет «*всем новичкам 1-го класса при прохождении по коридору в столовую и обратно держать «смирно – равнение на бомбу!» Что за бомба? и почему такое строгое приказание? Конечно, по выходе строем роты из помещения в коридор взволнованные взоры устремлялись по стенкам, пока с левой стороны не обнаруживали на высоте приблизительно чуть выше одного метра от пола до половины засевшего в стенку ядра своих 12 сантиметров в диаметре и наполовину окружённого блестящей медной дощечкой вверху, на которой выгравирована надпись: «7-го октября 1812 года». Сразу же, без команды, руки были пришиты по швам, а голова повёрнута налево. Ещё больше разгоралось любопытство, когда в столовой было обнаружено, что каждая ложка, нож, вилка, супник и блюдо имеют рельефное изображение этой бомбы, окружённой красивой виньеткой с выгравированными буквами П. К... Всё это новое вызывало чувство гордого сознания, что ты теперь являешься нераздельной частицей всего этого. Это чувство росло и укреплялось ещё больше после знакомства с историей самой бомбы...*». Ежегодно 7 октября у «бомбы» происходил парад, когда по словам бывшего кадета П. Стефановского «*...первая рота выходила на прогулку с ружьями и оркестром, майор выпуска, приняв маленький парад, обтирал бомбу ватой, смоченной в водке, артиллеристы ромом,*

а кавалеристы коньяком и все целовали бомбу, так же и все кадеты, в тот день, проходя мимо целовали ядро...» [**5**].

Рис. 2. Хвощинский П.К.

Первым директором корпуса стал Павел Кесаревич Хвощинский, возглавлявший новое военно-учебное заведение до 1842 года. Немногочисленные источники, рассказывая об этом человеке, ограничиваются очень краткими сведениями. Вместе с тем в биографии П.К. Хвощинского есть много интересных деталей. В составе Петербургского народного ополчения он принимал участие в сражениях под Полоцком, Чашниками и Борисовом. Героизм, проявленный им в полоцком сражении и в сражении при Чашниках, отмечен орденом Св. Анны 4-й ст.; за доблесть в боях под Борисовом подпоручик Хвощинский удостоен ордена Св. Владимира 4-й ст. В составе Могилёвского полка принимал участие в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Был участником Персидской кампании 1828 года, за которую награждён орденом Св. Владимира 3-й ст. [**11**, с. 304]. С высокой степенью уверенности можно утверждать, что биография Павла Кесаревича легла в основу образа одного из главных действующих лиц первого исторического романа Валентина Пикуля «Баязет» — полковника Хвощинского.

Участником Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии был и второй директор корпуса — Фёдор Максимович Ореус.

Уже с 1838 года в двух верстах от Витебской заставы (нынешний район железнодорожной больницы) был оборудован летний кадетский лагерь, где воспитанники приобретали практические навыки по военным дисциплинам, совершали пешие прогулки по окрестностям, купались в Двине. У многих полоцких кадет время, проведённое в лагере, надолго сохранилось в памяти. Место расположения лагеря — бывшее имение католического епископа — также было близко связано с событиями 1812 года. Именно отсюда начинала наступление на Полоцк 7 октя-

Рис. 3. Крестовоздвиженская церковь в Струнье.

Рис. 4. Памятник в честь событий 1812 года в Полоцке.

бря бригада (в составе Митавского и Финляндского полков) генерала Ильи Ивановича Алексеева. Неподалёку от кадетского лагеря располагалась живописная Крестовоздвиженская церковь, при которой в 1812 году действовала больница, где оказывали помощь раненым русским воинам. Примечательно, что после освобождения Полоцка священником в этой больнице служил Пётр Песоцкий, который состоял при Петербургском и Новгородском народном ополчении благочинным. После возвращения в Санкт-Петербург Песоцкий был награждён протоиерейским саном и золотым наперстным крестом. [**3**, с. 430]. В 1837 году, будучи настоятелем знаменитого храма Спаса Нерукотворного образа, Пётр Песоцкий дважды исповедовал Александра Сергеевича Пушкина и причащал его перед смертью.

26 августа 1850 года кадетский корпус принимал участие в торжестве открытия памятника «В воспоминание битвы под Полоцком 5–6 августа и взятия города приступом 7 октября 1812 года». В связи с этим событием император Николай I повелел: «сооруженный в Полоцке памятник… передать начальству Полоцкого кадетского корпуса для содержания памятника в порядке и сокращения издержек на наем инвалидов по уходу за оным…» [**2**, с. 188]. Решение императора не было случайным. Во-первых, памятник располагался непосредственно у Николаевского собора. Во-вторых, Николай I, надо полагать, дальновидно думал о воспитании будущих защитников престола на славных боевых традициях русской армии.

В 1835 году руководство военно-учебных заведений приняло решение о создании специального журнала для кадет, и в 1836 году «Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений» стал доступен полоцким кадетам. Издание выдавали по одному экземпляру на 5 человек, и один из кадет должен был его аккуратно хранить. Журнал содержал массу полезной информации, и все кадеты читали его с большим интересом. Особая гордость полоцких кадет — 496-й и 510-й номера журнала за 1857 год, где были опубликованы очерки о боях корпуса Витгенштейна с войсками Удино и Сен-Сира на Полоцкой земле. Помимо упомянутого уже «витгенштейновского ядра», с войной 1812 года у полоцких кадет, по воспоминанию Б.Г. Вержболовича, длительное время был связан ещё один обычай: *«Каждый день на наш плац к воротам корпуса подходил маленький, худенький, совершенно лысый, сгорбленный старичок с седенькой, редкой бородкой и таки-*

ми же усами, в рваном пальтишке и в опорках с намотанными на ноги портянками.

Все мы кадеты знали, что он помнит, как французы занимали Полоцк и как наши русские войска ворвались в город через мост на Полоте и вышибли французов из Полоцка. Сам он тогда был мальчишкой и прятался во время этих боев в подвалах большого костёла. Все в городе называли этого старика Наполеоном. На другое имя он и не откликался. Мы, как могли, помогали Наполеону. Каждое утро один из нас по очереди отдавал ему свой завтрак (котлету, вложенную в трёхкопеечную французскую булку). Остальные девять кадет, сидящих за одним столом, отдавали оставшемуся без завтрака каждый по одной десятой своей котлеты и булки. Ничем другим мы не могли помочь нищему Наполеону. Денег на руках у нас не было — их сдавали на хранение классному офицеру-воспитателю. А помочь ему нужно было обязательно, ведь он был очевидцем таких замечательных событий, как война с французами! В 1906 году, вернувшись с каникул в Полоцк, мы не нашли нашего Наполеона. Скорее всего, старик умер, ведь он прожил не менее ста лет» [**1**, с. 42].

Таков только короткий перечень фактов из истории Полоцкого кадетского корпуса, которые не могли не повлиять на интерес к Отечественной войне 1812 года у его воспитанников и выпускников.

Среди многочисленных источников, посвящённых событиям 1812 года, одно из центральных мест занимает фундаментальное семитомное издание «Отечественная война и русское общество», выпущенное в 1912 году. В подготовке издания принимали участие несколько полочан. Одним из них был выпускник Полоцкой военной гимназии 1878 года, а впоследствии генерал-лейтенант императорской армии, Александр Николаевич Апухтин (1862–1928). Заслуженный генерал в качестве командира полка был участником русско-японской войны, где его военные заслуги были отмечены Георгиевским оружием, а в ходе Первой мировой войны командовал дивизией

Рис. 5. Апухтин А.Н.

Рис. 6. Семевский В.И.

и отдельным корпусом. Александр Николаевич является автором статьи «Березинская операция» (т. 4) [7, с. 238]. В плеяду блестящих российских историков — авторов издания — входит и уроженец Полоцка, начинавший своё образование в кадетском корпусе, Василий Иванович Семевский (1848–1916), который подготовил статью «Волнения крестьян в 1812 году и связанные с Отечественной войной» (т. 5) [7, с. 74]. Брат Василия Ивановича Михаил — известный российский общественный деятель и писатель, основатель и редактор журнала «Русская старина» — был выпускником Полоцкого кадетского корпуса 1852 года. Тем, кто читал журнал, известно, как много публикаций в нём посвящено 1812 году.

Рис. 7. Дубровин Н.Ф.

Российским военным историком Николаем Фёдоровичем Дубровиным (выпускник Полоцкого кадетского корпуса 1853 года) была подготовлена монография «Отечественная война в письмах современников» и обширное исследование «Русская жизнь в начале XIX века». Николай Фёдорович был талантливым военным историком, с 1893 года являлся секретарём Российской Академии наук, а с 1896 года и до своей смерти (1904) редактировал журнал «Русская старина», в котором часто выступал ещё и в роли автора.

В подготовке и проведении 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года активное участие приняло Императорское Русское военно-историческое общество (ИРВИО) — довольно влиятельная и многочисленная организация, объединявшая в 1909 году около двух

Рис. 8. Ростковский Ф.Я.

тысяч любителей истории. Подготовка к юбилею была начата в 1910 году созданием особой комиссии, в задачи которой, помимо всего прочего, входили издание первоисточников и составление библиографии эпохи 1812 года.

На заседании Совета общества один из его членов, генерал от инфантерии Ф.Я. Ростковский (выпускник кадетского корпуса 1856 года), выступил с предложением об организации сбора «всех сведений о чествовании юбилея Отечественной войны войсками и населением империи». Совет одобрил эту инициативу, обратившись ко всем членам ИРВИО с просьбой присылать сведения в редакцию журнала. В решении по этому вопросу говорилось: «Приведение в систему и порядок тех данных, которые будут получаться, а также составление соответствующего описания Совет Общества возложил на члена своего, генерала от инфантерии Ф.Я. Ростковского» [**4**, с. 66–67, 71].

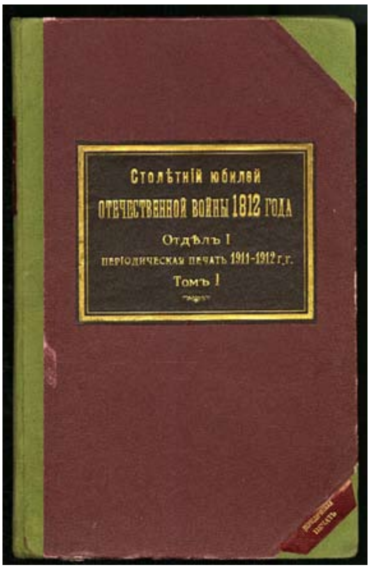

Рис. 9. Переплёт коллекции материалов Ф.Я. Ростковского к 100-летниму юбилею Отечественной войны 1812 г.

В Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки хранятся многочисленные материалы, собранные к 100-летнему юбилею Отечественной войны 1812 года генералом Феликсом Яковлевичем Ростковским. В пяти больших томах собраны документы, газетные и журнальные вырезки. Всё это скрупулёзно систематизировано и представляет несомненную ценность. Судя по штампам на титульных листах, указанные материалы поступили в Российскую Национальную библиотеку из Центральной педагогической библиотеки в 30-е годы прошлого века.

Первый том открывается обращением автора коллекции к читателю, озаглавленным «Вместо предисловия», где

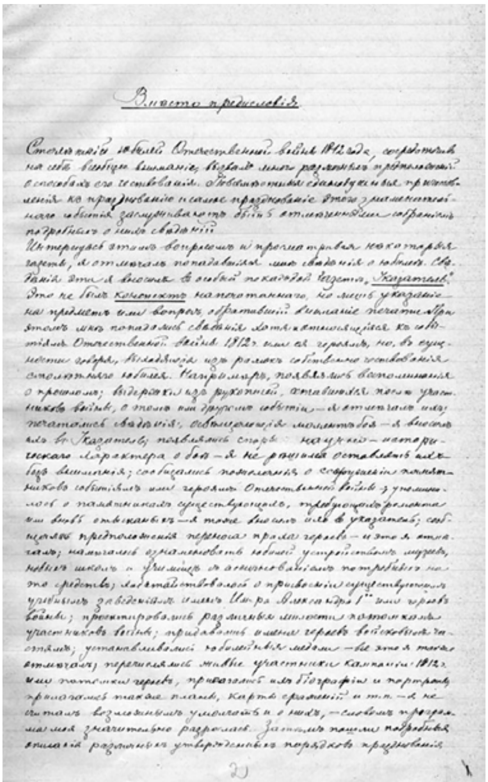

Вмѣсто предисловія

Рис. 10. Рукописное предисловие к материалам Ф.Я. Ростковского.

говорится: «Столетний юбилей Отечественной войны 1812 года, сосредоточив на себе всеобщее внимание, вызвал много различных предположений о способах его чествования. Повсеместные единодушные приготовления к празднованию и самое празднование этого знаменательного события заслуживают быть отмеченными собранием подробных о них сведений…

В заключении я считаю себя обязанным присовокупить, что в работах моих помогал мне товарищ моего детства отставной генерал-майор К.Ф. Сташевич (*Сташевич Ксаверий Францевич – выпускник Полоцкого кадетского корпуса 1859 г.)*» [**8**].

Уникальность коллекции придают два её последних отдела с корреспонденцией с мест. Опытный в бюрократических делах Ростковский задействовал для сбора сведений, благодаря поддержке ИРВИО, военно-административный ресурс. Об этом свидетельствуют копии циркуляров, разосланных по всей России из Главного штаба, сохранившиеся в коллекции. В одном из них в частности говорится: «Императорское Русское военно-историческое Общество, задавшись целью увековечить память о праздновании 100-летней годовщины Отечественной войны, обратилось к военному министру с просьбой оказать содействие к собиранию и доставлению Совету Общества различных сведений и документов, касающихся происходивших в частях войск и учреждениях военного ведомства торжеств по случаю указанного события. Военный министр, согласившись на удовлетворение изложенного ходатайства и одобрив прилагаемую при сём инструкцию для доставления просимых сведений, приказал разослать её для руководства во все Главные управления военного ведомства и штабы военных округов» [**9**].

В 2001 году издательство «РОССПЭН» решило начать серию *«XX век от первого лица. Изо дня в день»*. И первой книгой в этой серии оказалось сокращённое издание «Дневника для записывания» Ф.Я. Ростковского с подзаголовком «1917-й: революция глазами отставного генерала». Десять рукописных тетрадей Ростковского в 1928 году каким-то образом попали в архив (теперь они находятся в ГАРФе); из них шесть тетрадей составили упомянутую книгу.

Таким образом, среди известных людей, оставивших заметный след в изучении истории Отечественной войны 1812 года, её сохранении для потомков, были и выпускники Полоцкого кадетского корпуса. И это не может не быть предметом гордости сегодняшних полочан.

Список литературы и источников

1. Вержболович, Б.Г. Вторая Отечественная или Первая мировая (1914–1918) / Б.Г. Вержболович – М.: Закон и Порядок, 2004.

2. Викентьев, В.П. Полоцкий кадетский корпус: исторический очерк 75-летия его существования / В.П. Викентьев. – Полоцк, 1910.

3. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. – № 496. – 15 февраля 1857 г.

4. Журнал Императорского Русского Военно-исторического общества. – СПб., 1912. – Кн. 3.

5. Кадетская перекличка – 1976. – № 17.

6. Материалы научной историко-краеведческой конференции к 75-летию Полоцкого краеведческого музея 18–19 мая 2001 г. – Полоцк: НПИКМЗ, 2002.

7. Отечественная война и русское общество. – М.: издание товарищества И.Д. Сытина, 1912.

8. ОР РНБ. – Фонд 1070. – Отд. I. – Т. 1. – Л. 2–3.

9. ОР РНБ. – Фонд 1070. – Отд. IV. – Т. 7. – Л. 13.

10. Русская старина, 1910. – Вып. 4.

11. Русский биографический словарь: в 25 т. / под ред. А.А. Половцева – СПб.: тип. В. Безобразова и К, 1901. – Т. 21.

Соловьёв А.А.

Архитектурно-археологическое исследование дома № 33 по ул. Нижне-Покровской в ходе ремонтно-реставрационных работ 2010 г.

Введение

Исследуемое здание было построено в 1692 г. и является сегодня древнейшей гражданской постройкой г. Полоцка. Натурное обследование здания показало, что оно имеет сложную строительную историю и почти полностью утратило свой первоначальный облик и планировку. В ходе ремонтно-реставрационных работ 2010 г. велось архитектурно-археологическое изучение как самого здания, так и окружающей его территории при проведении строительно-земляных работ. Вся изучаемая территория была разбита на условные квадраты со стороной 2 м. Исследования при углублении помещений подвала, срытии засыпки над сводами и частичного снятия штукатурки позволило получить неизвестные ранее сведения по планировке, интерьерам и перестройкам самого здания и территории, занимаемой им (**рис. 1**).

Материк, в который врезаны фундаменты здания, представлен пластами песка и глины, поэтому вышележащий культурный слой практически не сохраняет органические остатки. Уклон поверхности материка в сторону ул. Нижне-Покровской незначителен, около 0,1–0,3 м. Наиболее близкое расположение материковых пород к дневной поверхности прослежено при разработке смотрового шурфа в 2009 г. Перепад уровня с дневной поверхности у подножия северной и южной стен здания на начало строительных работ составлял 0,4–0,6 м.

Культурный слой вокруг здания к 2010 г., с учётом траншей под фундаменты стен, достигал мощности от 0,7 до 3 м. Наиболее хорошо он сохранился с южной и юго-западной стороны здания.

Пятно застройки до возведения здания

Самые ранние материалы, обнаруженные в траншеях, прорытых по периметру стен здания, относятся к XI–XIII вв. Они представлены редкими фрагментами горшков и пряслицем из розового шифера. По

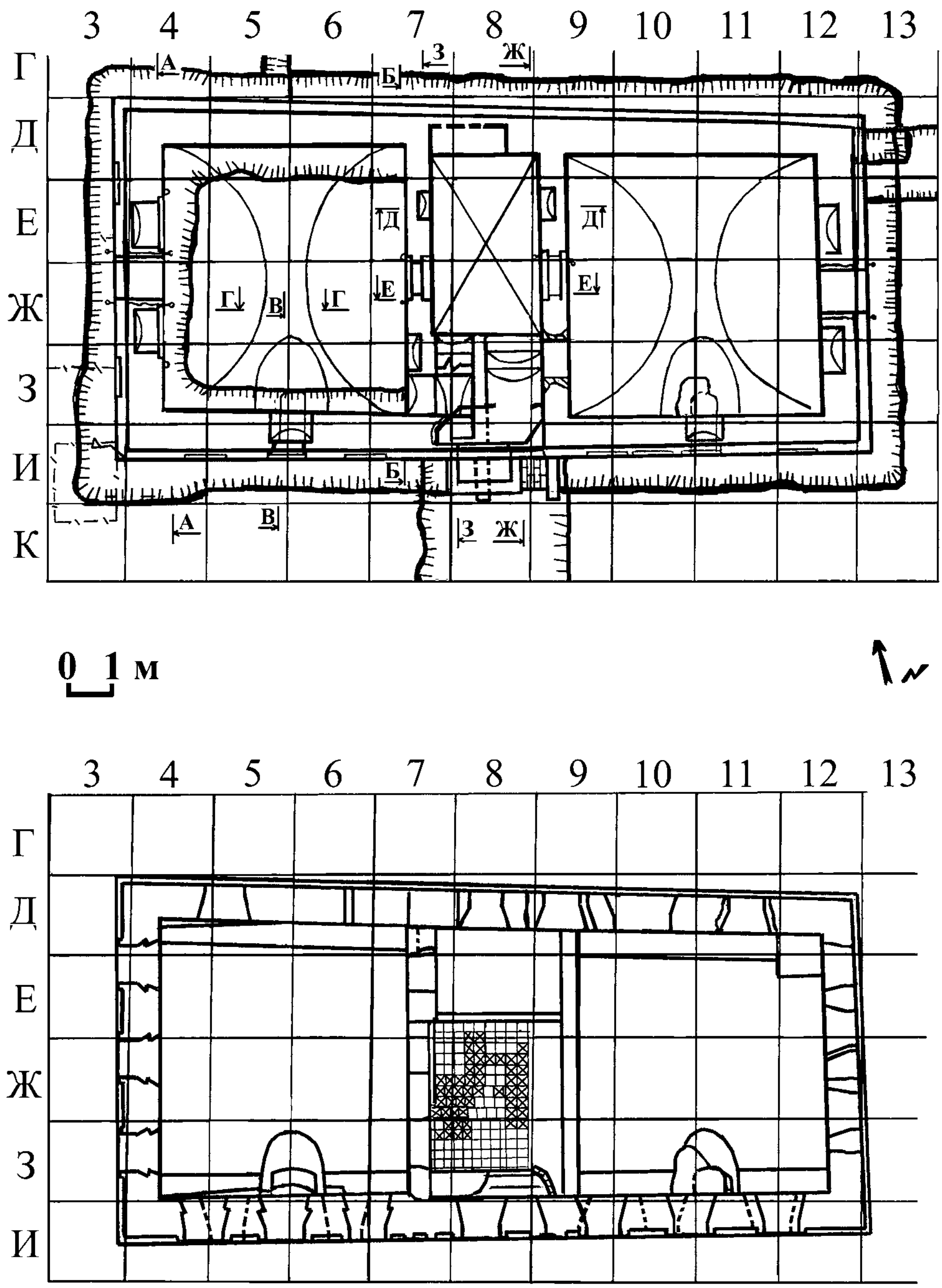

Рис. 1. План здания на уровне подвала и этажа с сеткой квадратов.

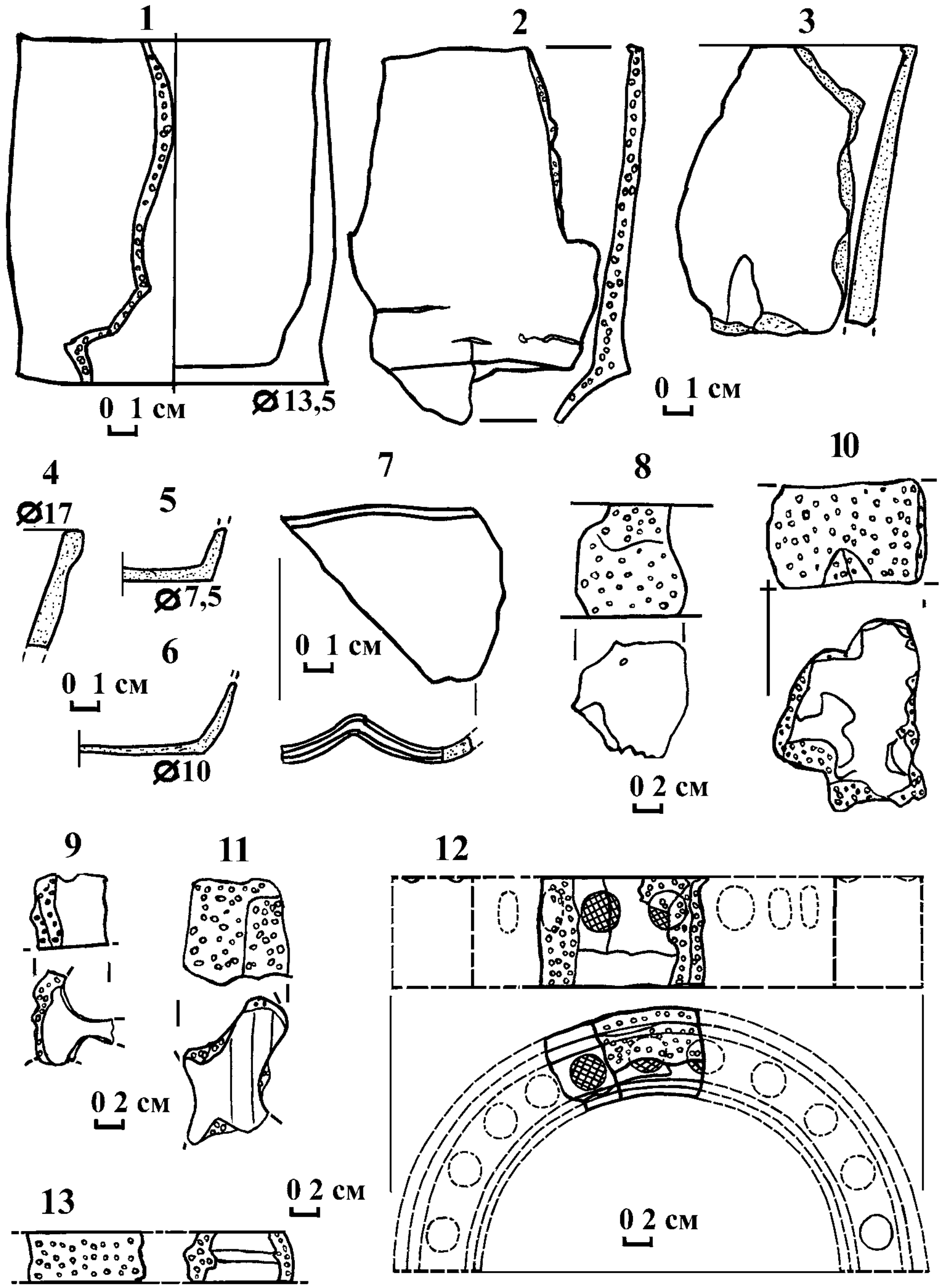

Рис. 2. Элементы печи XV–XVI вв.:
1–3 – толстостенные изразцы; 4 – венчик круглого изразца; 5–7 – тонкостенные изразцы; 8, 10 – фрагменты шатра печи; 9, 11 – фрагменты стенок печи с отпечатками изразцов; 12 – фрагмент печной дуги и её реконструкция; 13 – фрагмент печной перемычки (или опоры).

наблюдениям Н.И. Зданович, проводившей раскопки возле дома № 35, данная территория в XVI–XVII вв. подвергалась нивелировке. Поэтому более ранние пласты культурного слоя были смещены в сторону реки и сохранились только в материковых ямах [**4**, с. 131].

В связи с этим довольно неожиданной находкой стал развал изразцовой печи XV в., сложенной из горшковых изразцов. Данный развал представлял собой слой тёмно-серой земли толщиной 0,35–0,5 м, насыщенной вкраплениями обожжённой глины. В районе квадратов 7К–7Л концентрировались основные находки. Длина данного участка около 1,5 м. Среди находок оказались обломки стенок печи, горшковых изразцов, печной дуги и кирпича-перемычки (**рис. 2**). В нижней части слоя найдены угли, хотя признаков самих очертаний стенок печи выявить не удалось, поскольку развал был перекопан и перемешан при выборке уцелевших изразцов, камней и кирпичей (**рис. 3: 3**).

Выявленные Д.В. Дуком и М.В. Климовым остатки сохранившихся подобных печей и проведённые их реконструкции позволяют на основе обнаруженных находок произвести реконструкцию убранства обнаруженной нами печи. Обычно это были небольшие квадратные или слегка вытянутые в плане сооружения со сторонами 0,8–1 и 1–1,2 м, невысокими стенками и завершавшиеся невысоким коническим шатром или полукруглым куполком с отверстием для выхода дыма [**2**, с. 68; 6 с. 148–154]. Для устройства подобных печей мог делаться деревянный или плетёный из лозы каркас, который выгорал при топке. Иногда на ещё сыром поде могли складывать дрова (в основном обрубки досок и брёвен), которые сверху обмазывали глиной, вставляя изразцы. Когда печь подсыхала их либо аккуратно вынимали, либо выжигали [**10**, с. 135] (**рис. 4**).

Среди обнаруженных нами артефактов были встречены изразцы трёх видов, обломки печных стенок с отпечатками изразцов и фрагменты на всю толщину, часть печной дуги и кирпича (перемычки?).

Найденные изразцы с квадрифольным устьем полного профиля были высотой 13,5–1,4 м и представляли собой довольно грубые толстостенные изделия с примесью крупной дресвы в тесте, обжиг у них слабый. Устье имело стороны 1,2–1,25 см и бортик с внутренней стороны. Донце расширялось к низу, диаметр его был близок к устью. Среди найденных фрагментов некоторые вспенены и деформированы. Таким образом, они располагались на нижнем уровне стенок топки в наиболее нагреваемой огнём её части (**рис. 2: 1–3**).

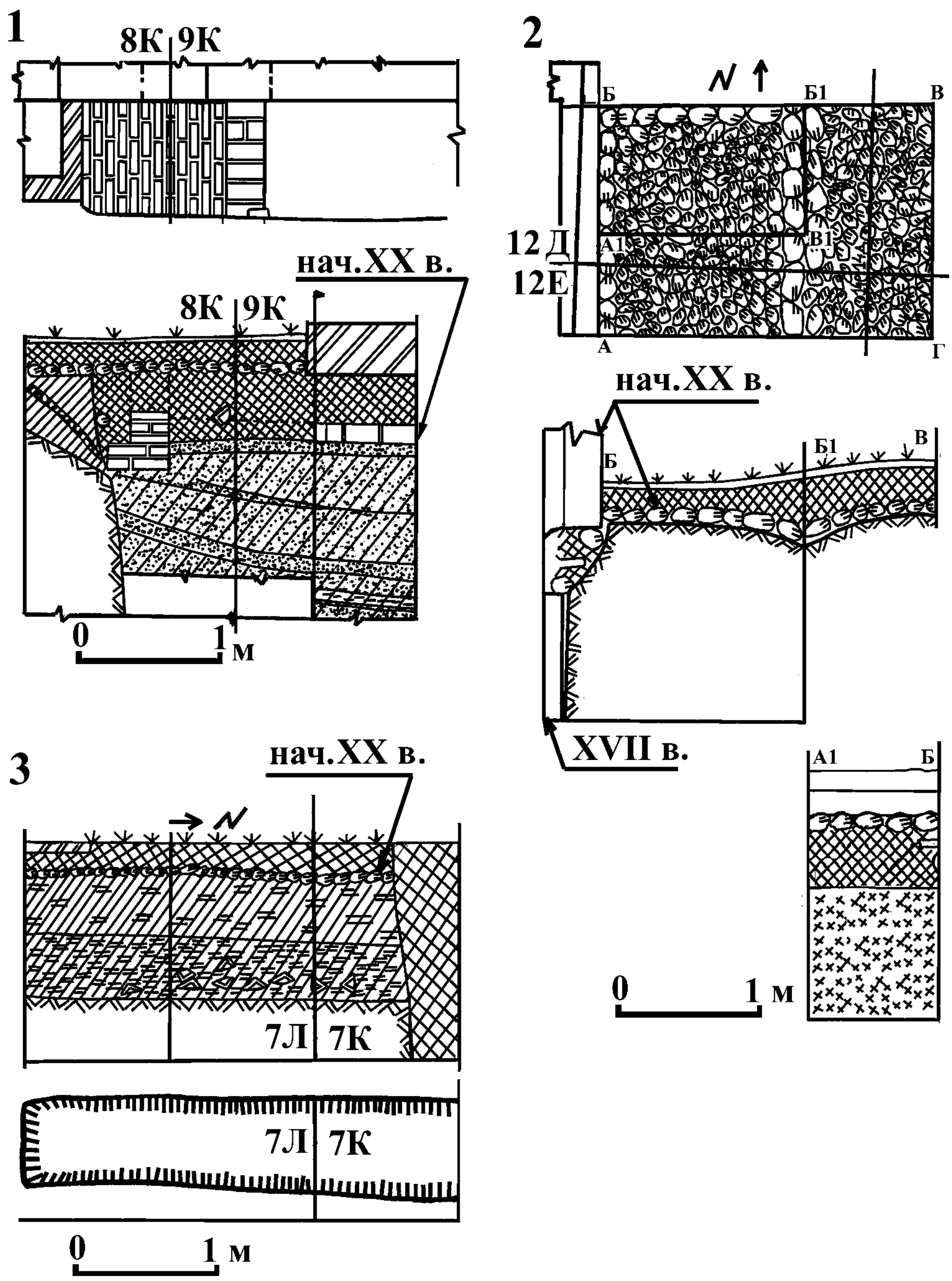

Рис. 3. Участки стратиграфии культурного слоя вокруг здания:
1 — стратиграфия южной стенки траншеи и кирпичное крыльцо начала XX в. возле входа в подвал; 2 — траншея под западную стенку под новое крыльцо подвала; 3 — смотровой шурф 2009 г. с мостовой начала XX в.

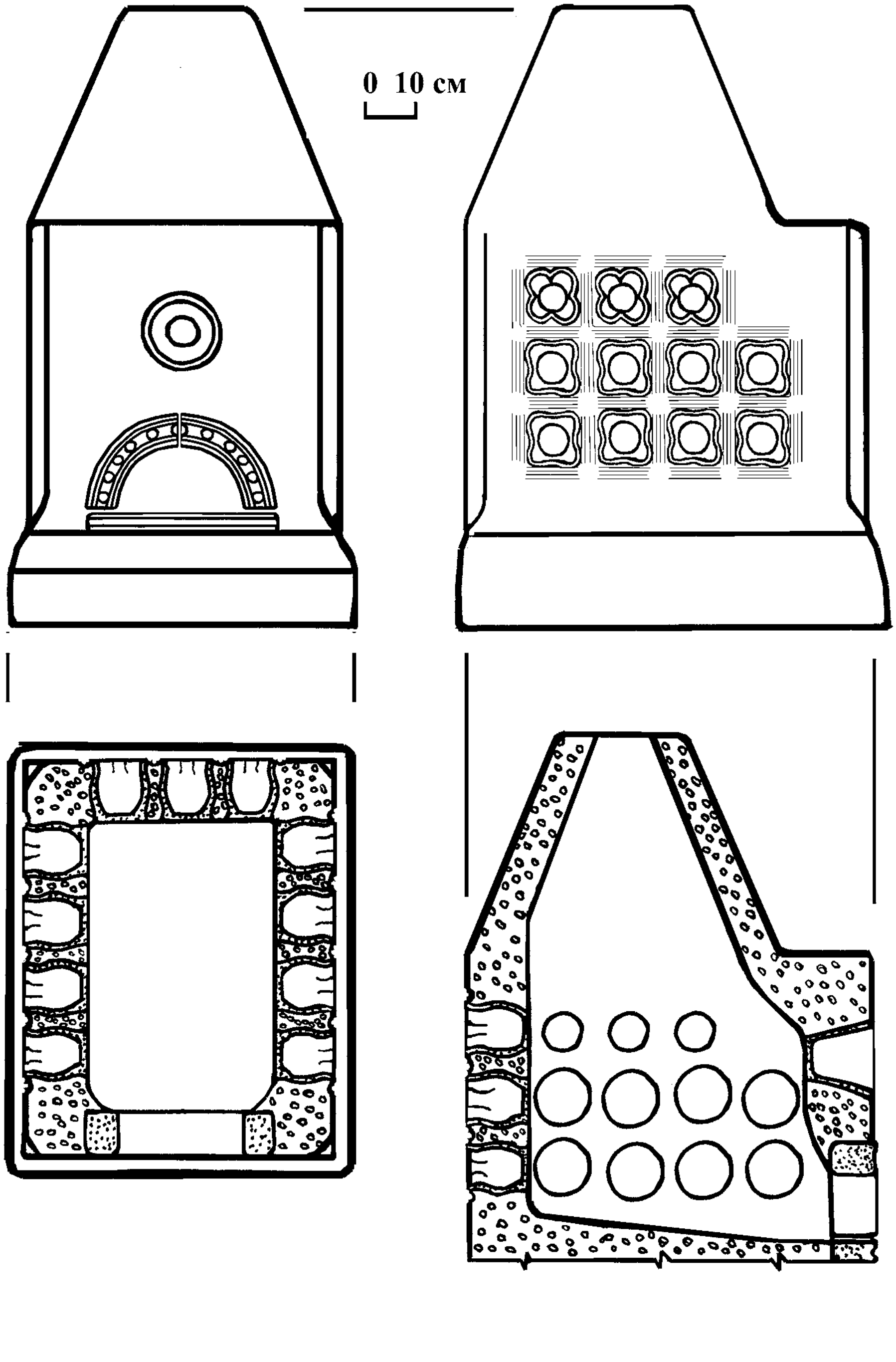

Рис. 4. Реконструкция возможного облика печи XV–XVI вв.

Изразцы с четырёхлепестковым устьем по габаритам были близки к квадрифольным. Но они были тонкостенными, в придонной части на внешней поверхности есть следы обточки поверхности. Отсутствие повреждений огнём свидетельствует об их расположении в верхней части топки (**рис. 2: 5–7**).

Фрагмент с круглым устьем диаметром 17 см представлен единичным экземпляром. Высота изделия, возможно, была аналогичной описанным выше изделиям. Он мог располагаться над устьем печи (**рис. 2: 4**).

Стенки печи представлены фрагментами двух видов. Обломки с отпечатками изразцов позволяют полагать, что изразцы были составлены вплотную друг к другу на расстоянии около 3 см, на внешней стороне была декоративная промазка пальцами в виде продольных борозд. Промазка хорошо прожжена. Исходя из высоты изразцов, толщина стенок была около 13,5 см (**рис. 2: 9, 11**).

Найдены также обломки печных стенок, сохранившиеся на всю толщину, около 8,5–9 см, поверхность их была прямая. Судя по толщине, они принадлежали шатровому гранёному завершению печи (**рис. 2: 8, 10**).

Найденный фрагмент печной дуги – сечением 7х9 см, внутренний диаметр устья – 28 см, внешний – 41 см, на лицевой и внутренней поверхности дуги имелись штампованные розетки с сетчатым орнаментом. Обрамление устья могло состоять из двух частей в четверть круга. В тесте дуги крупная дресва, обжиг слабый (**рис. 2: 12**).

Ещё один фрагмент кирпича принадлежал плоскому изделию с бороздой на лицевой кромке. Это был кирпич-перемычка или опорный кирпич, положенный в нижнюю часть устья для жёсткой установки его дуг (**рис. 2: 13**).

Таким образом, на основе имеющихся материалов стала возможной реконструкция минимальных размеров печи. Внешний диаметр дуг и высота изразцов (толщина стенок) составляют около 0,7 м (её ширина), по длине она для увеличения тяги могла быть немного вытянута до 0,9–1 м, как и печь, найденная Д.В. Дуком [**2**, с. 68]. За счёт этого лицевая стенка печи могла быть различной толщины из-за разницы ширины обрамления устья и высоты изразца с круглым устьем. Таким образом, печь могла иметь в плане форму квадрата или прямоугольника. С учётом необходимости устройства наклонного пода (для увеличения тяги), необходимости укладки трёх рядов изразцов, высоты устья и толщины стенок, минимальная высота топки (без учёта шатра) достигала 0,7–0,8 м,

высота шатра была меньше (**рис. 4**). Исходя из незначительной высоты изразцов, наличия их нескольких видов (вероятно, от более ранних печей), обнаруженную нами печь можно датировать концом XV в.

Материалы XVI–XVII вв. представлены более богато. При изучении территории вокруг здания были обнаружены ямы от 5 жилых построек, три из них найдены непосредственно у самых стен здания. Они были частично повреждены при разработке котлована под него. Расположение и содержащиеся находки свидетельствовали о наличии плотной застройки, предшествовавшей возведению так называемого Домика Петра I.

Так, в юго-восточном углу траншей обнаружен неглубокий склеп от жилой постройки, вплотную примыкавший к фундаменту Домика Петра (квадраты 3З–5К). Были зачищены как участок культурного слоя, так и часть стены здания. Дневная поверхность имеет незначительный уклон в южном и юго-западном направлении. Он занимает часть южной и часть западной стенки траншеи (**рис. 5**).

В квадрате 3К в ходе разработки материка была прослежена материковая яма. Позднее обнаружена её восточная и северная стенки. Относительно фундамента дома она располагалась параллельно. Заполнение — земля с вкраплениями угля, золы, обожжённой глины; в ней найдены кости домашних животных, подкова и много фрагментов столовой и кухонной керамики начала — первой половины XVII в., находившиеся у дна ямы. Были собраны крупные фрагменты горшков, мисок, рукомойников, чашек, сковороды, куфля и бабочницы (**рис. 6: 1–14**). Дальнейшая разработка ямы позволила полностью её выбрать. Найденные керамические формы, кроме куфля, хорошо известны по материалам других археологических исследований [**1**, с. 122, 116]. Куфель был двуручным, украшенным штампованными розетками на выпуклых участках стенок (**рис. 6: 3**). Найденная бабочница — цилиндрической, с ручкой, бороздки имели вмятины от пальцев. Там же найдены фрагмент кирпича-перемычки(?) от устья печи, обломок штофа и плоская обувная подковка с тремя шипами [**1**, с. 156]. Под керамикой прослежена прослойка обожжённой глины толщиной 8 см (**рис. 6: 15–17**). Зачистка ямы показала, что обнаруженные её восточная и северная стенка слегки отклонены наружу. Они, как и дно, были ровные. Вместе с тем, из-за постоянной угрозы обвала насыпанной сверху земли полная зачистка всей ямы была невозможна. Удалось определить, что её мини-

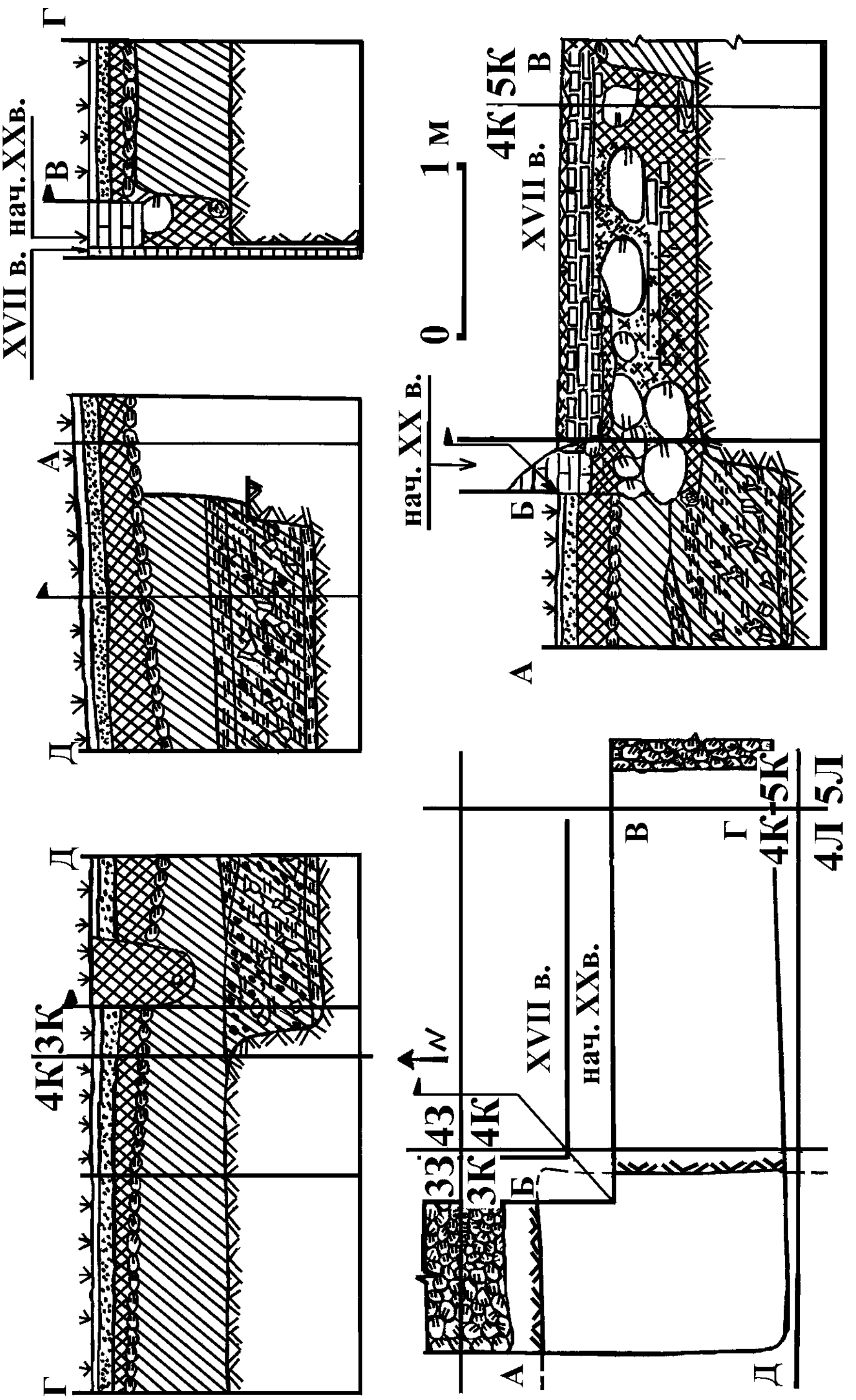

Рис. 5. Стратиграфия и план юго-западного участка траншеи под фундамент вокруг здания с остатками склепа.

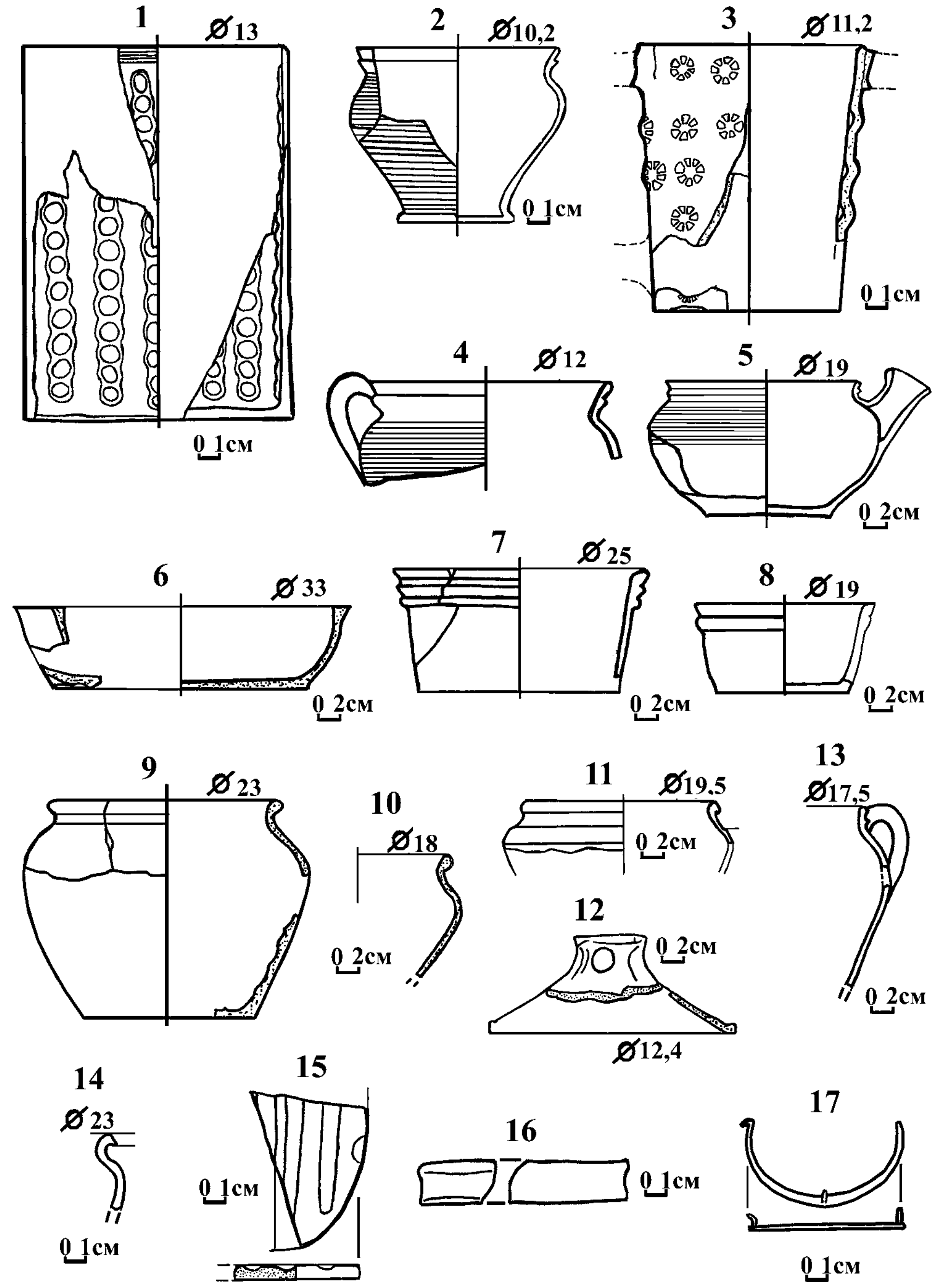

Рис. 6. Находки со склепа с юго-западного участка траншеи под фундамент вокруг здания с остатками склепа:
1 – бабочница; 2 – чарка; 3 – куфель; 4 – горшок с ручкой; 5 – рукомойник; 6–8 – миски; 9–11, 23, 14 – горшки; 13 – крышка горшка; 15 – фрагмент плоской черепицы; 16 – кирпич-перемычка (?) от топки печи; 17 – обувная подковка.

мальные длина и ширина составляли около 1,8х2,0 м. Обнаруженные позднее южная и западная стенки были неровными.

На время возведения так называемого Дома Петра I уровень дневной поверхности южной и западной части участка находился на глубине 1 м от современного. Это была земля с вкраплениями угля, золы, обожжённой глины. Позднее его перекрыла прослойка земли с обожжённой глиной, вероятно, выбранной из котлована под фундамент. В северной и восточной части здания на дневной поверхности в XVI–XVII вв. имелось возвышение, материк находился практически под дёрном на глубине 0,3–0,4 м от современной дневной поверхности. Таким образом, к моменту строительства Домика Петра территория имела уклон в юго-западном направлении около 0,6–0,8 м. Всего же в строительной истории здания можно выделить пять этапов.

Этап 1. Возведение цокольного этажа здания и деревянного верха в середине XVII в.

Котлован здания примыкает к нему вплотную и имеет вертикальные стенки. Зачистки внешней и внутренней поверхности стен подвала показала, что камни образуют ряды, в которых они чередуются со стопками кирпича или отдельными кирпичами, поставленными на кромку. Кладка торцевых стен на уровне подвала в месте расположения ниш казематов равнослойная, неровная, вставок камней не содержит. Подошвы фундамента представляли собой слой бута из камней 0,3–0,5 м и, как показала их расчистка в подвале, они были врезаны в материковую глину. Подошвы фундаментов внутренних стен выполнены из булыжного камня (1 ряд) диаметром 15–30 см и опираются на плотную красную материковую глину. Между камнями – известковый раствор и кирпичные клинья.

Подвал разделён сенями на два обширных помещения (каземата), названные нами Восточным и Западным. Они имеют массивные своды толщиной в кирпич (28–30 см). Обнаруженное в ходе строительных работ новое помещение (камеру) возле входа мы назовём Потайным (**рис. 1**; 7; **8**: **1**, **3**).

Кирпич, из которого сложены стены и своды подвала, разноформатный, имеет продольные штампованные борозды. Цвета обжига от ярко-красного до вишнёвого оттенка. Было замечено, что вишнёвый и синий обжиг более характерен для малоформатного кирпича, который уложен преимущественно в нижние части стен подвала, из него так-

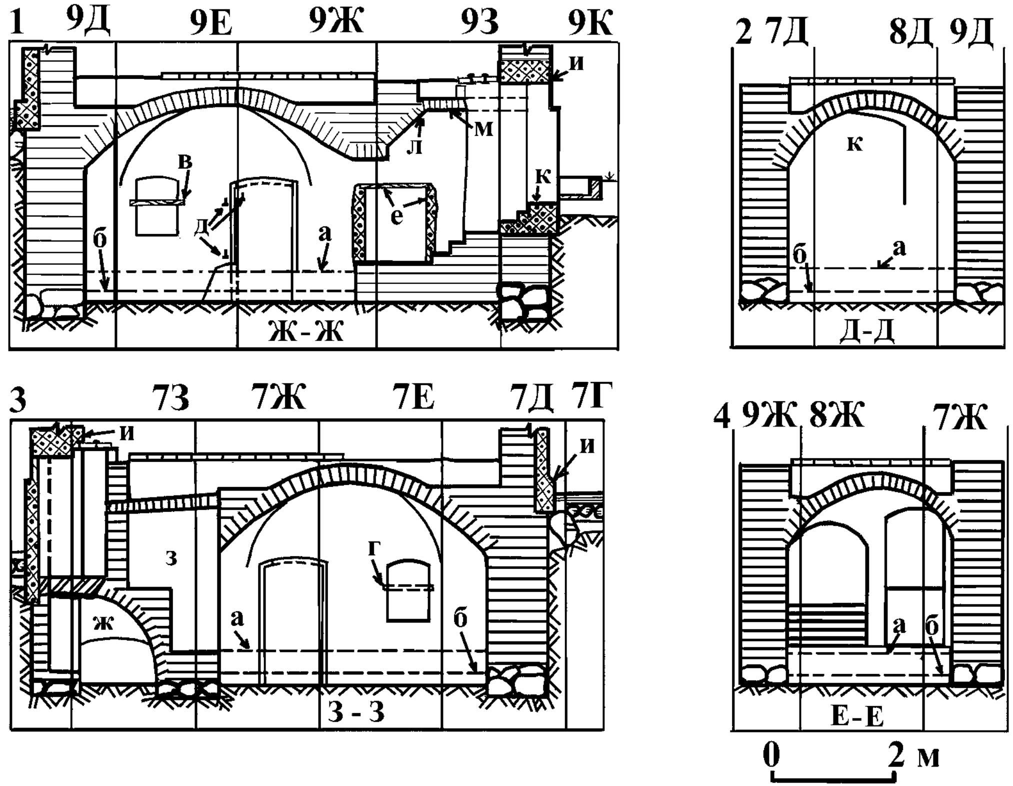

Рис. 7. Разрезы сеней:
1 – восточная стена (а – уровень пола подвала до 2010 г.; б – первоначальный уровень материка; в – сохранившаяся полка в нише; д – разновременные крючья от дверных завес; е – кирпичная обкладка и деревянная перемычка прорубленного дверного проёма XIX – начала XX вв.; и – кирпичная прикладка начала XX в.; к – кладка стены и лестницы XIX – начала XX вв.; л – первоначальный свод прохода; м – переложенный свод); 2 – северная стена (н – остатки проёма или ниши); 3 – западная стена (г – место выломанной полки; ж – потайная камера; з – глубокая ниша); 4 – южная стена.

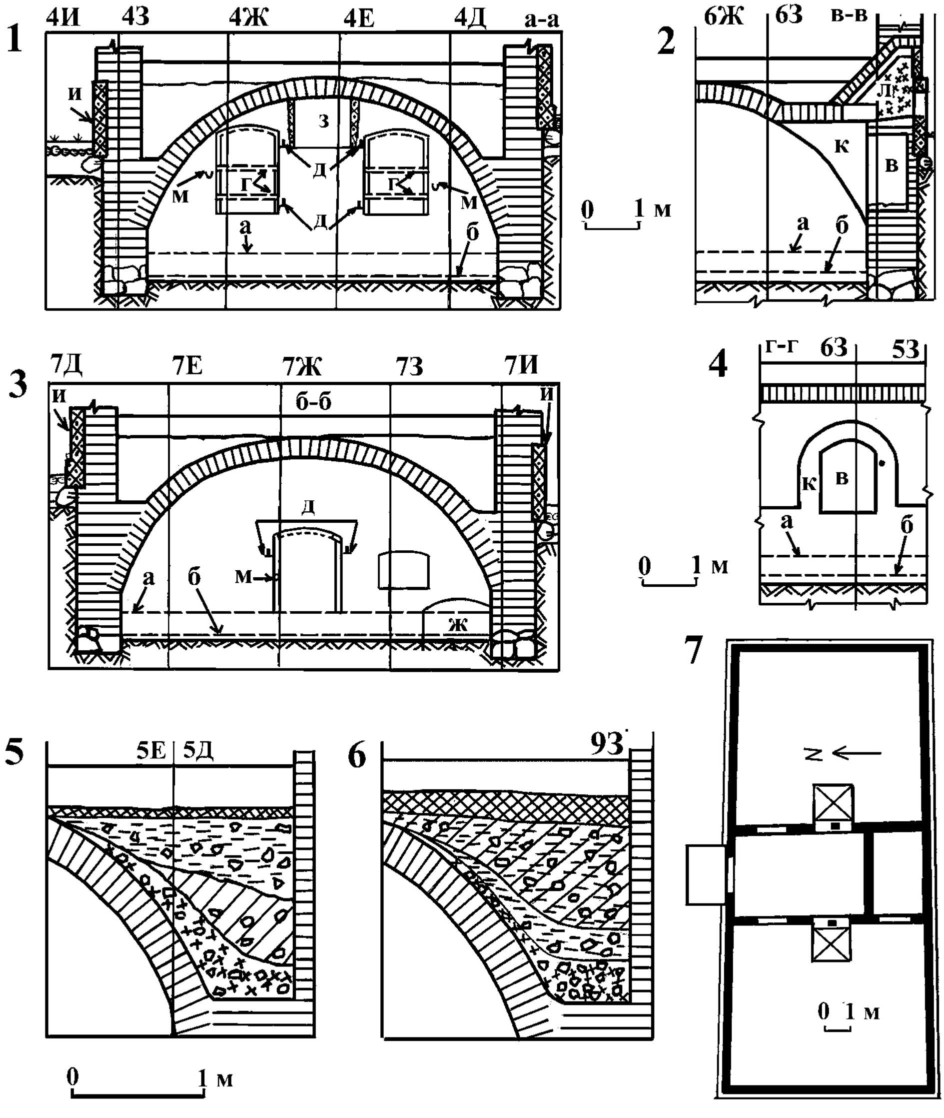

Рис. 8. Помещения подвала, засыпка свода над ним и реконструкция деревянного здания середины – конца XVII в.:

1 – западная стена Западного помещения подвала (а – уровень пола подвала до 2010 г; б – первоначальный уровень материка; г – места выломанных полок; д – разновременные крючья от завес дверей; м – разновременные ушки для навесных замков; з – прорубленное окно начала XX в.; и – кирпичная прикладка начала XX в.;); 2 – разрез окна воздуховода Западного помещения подвала (в – ниша; к – распалубка; л – окно-воздуховод); 3 – восточная стена Западного помещения подвала (ж – арка-лаз в потайную камеру); 4 – расплубка под окно-воздуховод Западного помещения подвала; 5 – стратиграфия культурного слоя засыпки свода Западного помещения подвала; 6 – стратиграфия культурного слоя засыпки свода Восточного помещения подвала; 7 – реконструция возможной планировки деревянного верха здания (до конца XVII в.).

же выполнены почти все арки и своды (кирпич свода восточного помещения – 13,5х5х(?), 13,5х6х(?), (?)х6,5х28, (?)х6,5х29, (?)х6х28 см; кирпич свода западного помещения – 13,5х6х(?), 13х6 (?) см; свод камеры – (?)х 6,5х28; (?)х6,5х29; арки входа западной стены – 12,5х5,5х(?), (?)х6х27,5 см). Крупноформатный кирпич, ярко-красный или тёмно-красный, уложен в основном в торцевых стенах подвала (их верхней части), он более слабый, нередко крошится (кирпич восточной внутренней стены – (?)х 8х29,14,5х8х(?) см, 13х6,5х(?), 14х6,5х(?), (?)х6,5х29 см). Он использован во внешней кладке стен, нередко для сохранения от сырости её поверхность обмазывали раствором (**рис. 1**; 7; **8**: **1–6**; **9**: **1**, **2**, **4**, **5**).

Над нишами в распалубках сводов находились небольшие люки. Их край был обложен кирпичом (кирпич западного светового люка – 13х5,5х(?); 13х6; 13,5х5,5х(?)см).

Способы кладки, использованные при строительстве, следующие. Подошва фундамента внешних стен на более глубоком уровне и врезана в материковую глину. Кладка стен со стороны казематов имеет черты бессистемной и смешанной. Камни представлены как отдельными вставками (торцевые стены обоих помещений подвала), так и цельными рядами (в основном на внешней стороне наружных стен). Своды помещений подвала выложены тычковой кладкой. Свод сеней сложен продольными рядами вдоль центральных осей помещения. Между рядами камней были по 1–3 ряда кирпича. Подобное сочетание кладок хорошо известно по материалам исследования полоцкого иезуитского коллегиума, в составе которого обнаружены части стен и сводов построек середины XVII в. [**9**, с. 73] Оконные распалубки, устроенные в сводах, первоначальные, но световые люки, вероятно, прорублены позднее; более позднего происхождения также и косые своды окон. В пользу этого свидетельствует несоответствие размеров распалубок свода и ширины косых окон (**рис. 1**; **8**: **2**, **4**).

Первоначальный проём входа имел лучковую арку и был смещён на восток [**7**, с. 2, 24; Рис. 7]. Он зафиксирован на фотографии начала XX в. Позднее, в середине XX в., вход в подвал был перебит и устроен по центральной оси фасада. Для этого была сделана металлическая перемычка. Зондами обнаружена восточная часть его арки.

Далее находилась лестница, представлявшая собой сводчатый проход. Ступени лестницы выложены кирпичом, поставленным на ребро, таким же образом обработан и край нижней лестничной площадки.

Свод прохода толщиной в полкирпича выложен в «ёлку». Завершался проход полуциркульной аркой, ведущей в сени (**рис. 1**; 7: **1**, **4**).

Сени представляли собой прямоугольное помещение с земляным полом. В его боковых длинных стенах симметрично расположены входы в помещения подвала и ниши (**рис. 7: 1, 3**). В правой нише сохранилась деревянная полка, вероятно, первоначальная. Это тёсанная доска толщиной 3 см. Дверные проёмы имеют разновременные крюки от дверных петель, среди которых, возможно, есть и первоначальные. Двери (или решётки) первоначально открывались во внутрь казематов. В противоположной от входа в сени стене видна арка проёма (или ниши?) (**рис. 7: 2**), приспособленного для пропуска труб теплотрассы. Рядом с входом в подвал в южной стене помещения была устроена глубокая ниша с лучковой аркой и ступенчатым дном. Свод сеней крестовый, на нём частично сохранилась старая штукатурка (**рис.** 7: **3**, **4**).

Боковые помещения подвала имели практически симметричную планировку. Они также были с земляными полами. В обоих казематах в противоположных входам торцевых стенах располагались по две ниши. В Западном (левом от входа) помещении ниши имеют вырубленные в кладке четверти. Там же в кладке прослежены пазы от вмурованных некогда деревянных полок (по две в каждой нише). Возле этих ниш сохранились дверные крюки петель и ушки от навесных замков. Там же, в Западном помещении, слева от входа обнаружены две арки. Одна из них была небольшой, но глубокой нишей, другая находилась у самого пола и была наглухо замурована (**рис. 8, 1, 3**). В южной стене обоих казематов располагались глубокие ниши. Вероятно, это были первоначальные окна подвала. Своды обоих помещений цилиндрические, толщиной в кирпич (28–30 см), в южной части они имели распалубки над нишами. Выше начинался косой свод, выложенный в «ёлку», который завершался замурованным окном (**рис. 8: 2, 4; 10: 1**). Такое устройство оконного проёма хорошо известно на примере полоцкого иезуитского коллегиума конца XVII – середины XVIII вв. [**9**, с. 73].

В ходе углубления Западного помещения замурованная арка была вскрыта. Закладка толщиной в полкирпича доходила только до уровня земляного пола. За ней оказалась камера, забитая землёй (далее Потайная камера или помещение). В ходе её расчистки выяснилось, что двери она не имела и её перекрывал свод в четверть круга. Он выполнен в полкирпича горизонтальными рядами и опирался верхним концом

на южную стену здания. В толще южной стены найдены остатки канала (?), ведущего наверх – 0,65х0,85 м. Верх свода и канала были разрушены и со стороны входа в подвал залиты бетоном (**рис. 1**; **7**: **3**). Под завалом земли (культурным слоем Потайной камеры) найдены остатки булыжного пола на песчаной подсыпке. Камера могла быть мусоросборником или выгребной ямой туалета, её вычищали через арку в Западном каземате.

В ходе углубления помещений подвала было выяснено, что образованный к началу строительных работ 2010 г. культурный слой толщиной 0,4–0,5 м представлен прослойками земли, угля, песка и глины. Он содержал артефакты в основном второй половины XVIII – середины XX вв. Находки середины XVII – начала XVIII вв. представлены мелкими фрагментами расписной марганцем по ангобу кружки (?), аналоги ей известны по материалам раскопок в других частях Великого посада [**1**, с. 126]. Также найдены фрагменты плоской черепицы с обломанным шипом, аналоги которой выявлены в корпусах полоцкого иезуитского коллегиума, и терракотовых плиток пола 5х19х(?) см (**рис. 9**: **7**, **8**), а также изразца с синей росписью.

Расчистка сводов показала, что внутренние стены подвала первоначально не имели продолжения, их верх имел гладкий срез, обмазанный известковым раствором. Существующая ныне внутренняя стена верхнего этажа более позднего происхождения.

Нижняя часть наружных стен (на уровне пазух свода подвала) имеет в своей структуре различные по характеру участки кладки. Часть из них по способу кладки аналогична кладке внешней поверхности фундамента на уровне подвала – ряды небольших камней разделяли 3 ряда кирпича. Они наиболее выразительны в западной части здания и представляют собой выступы 10–15 см. На южной стене в западной части прослежены выступы участков кирпичной кладки, расположенные под углом плоскости основной стены. Там же хорошо видно смещение рядов кирпича и толстые слои раствора. Именно на этих участках косой свод окна примыкает к стене (**рис. 1**; **10**: **1**). Изучение кладок арок показало, что вся кладка окон-воздуховодов одновременного происхождения. Подобные участки ранней кладки прослежены на западной и противоположной северной стене здания над Западным казематом подвала. При этом замечено, что на этих фрагментах, как и на верхней части внутренних стен подвала, преобладает крупноформатный кир-

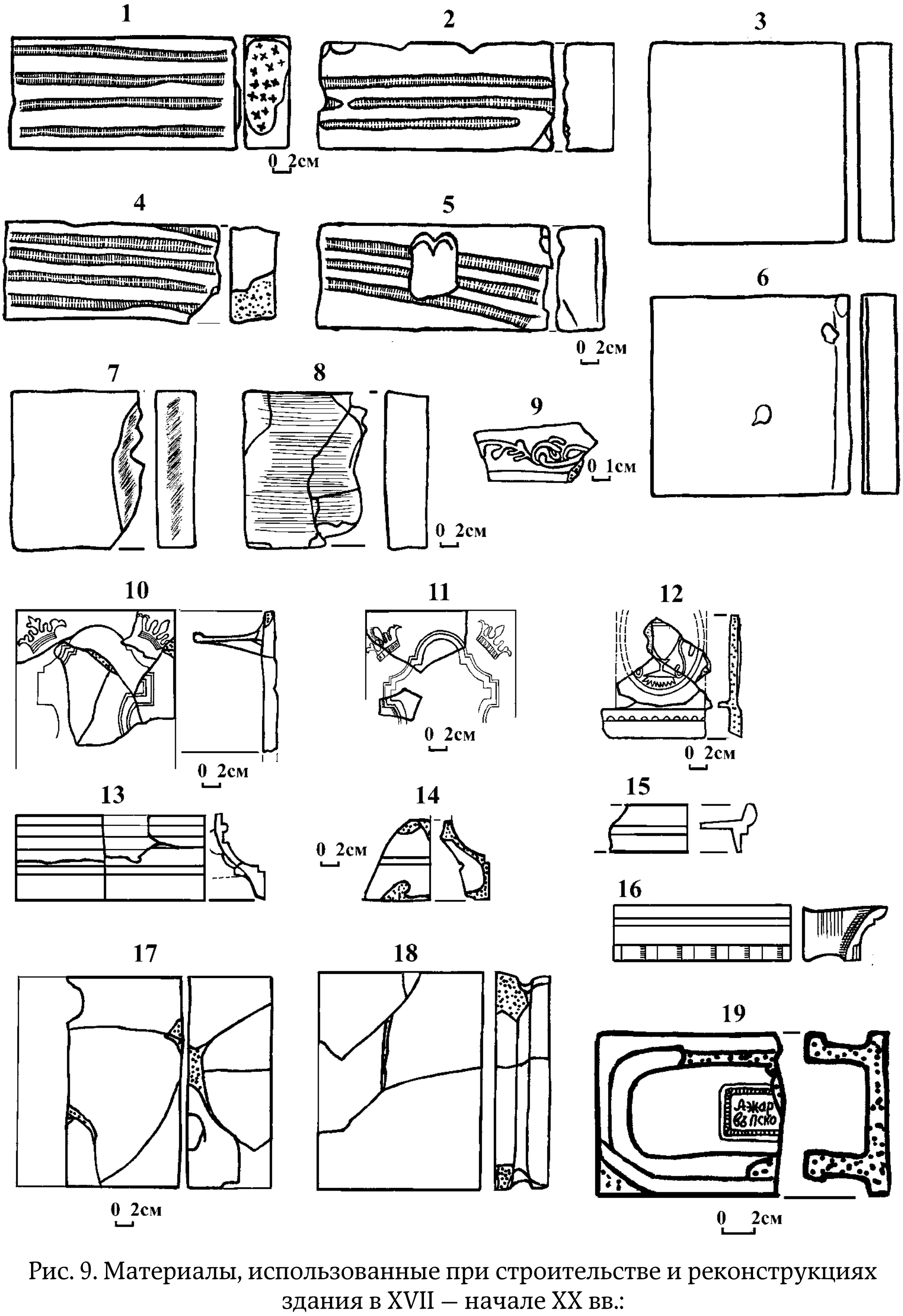

Рис. 9. Материалы, использованные при строительстве и реконструкциях здания в XVII – начале XX вв.:
1–2, 4–5 – кирпичи со стен здания; 3, 6 – половые плитки с пола сеней на этаже; 7, 8 – половые плитки из Потайной камеры; 9 –фрагмент изразца XVII в.; 10–14 – фрагменты карнизных и стенных изразцов XVIII в.; 15–18 – карнизные и стенные изразцы XIX в.; 19 – изразец начала XX в. с клеймом.

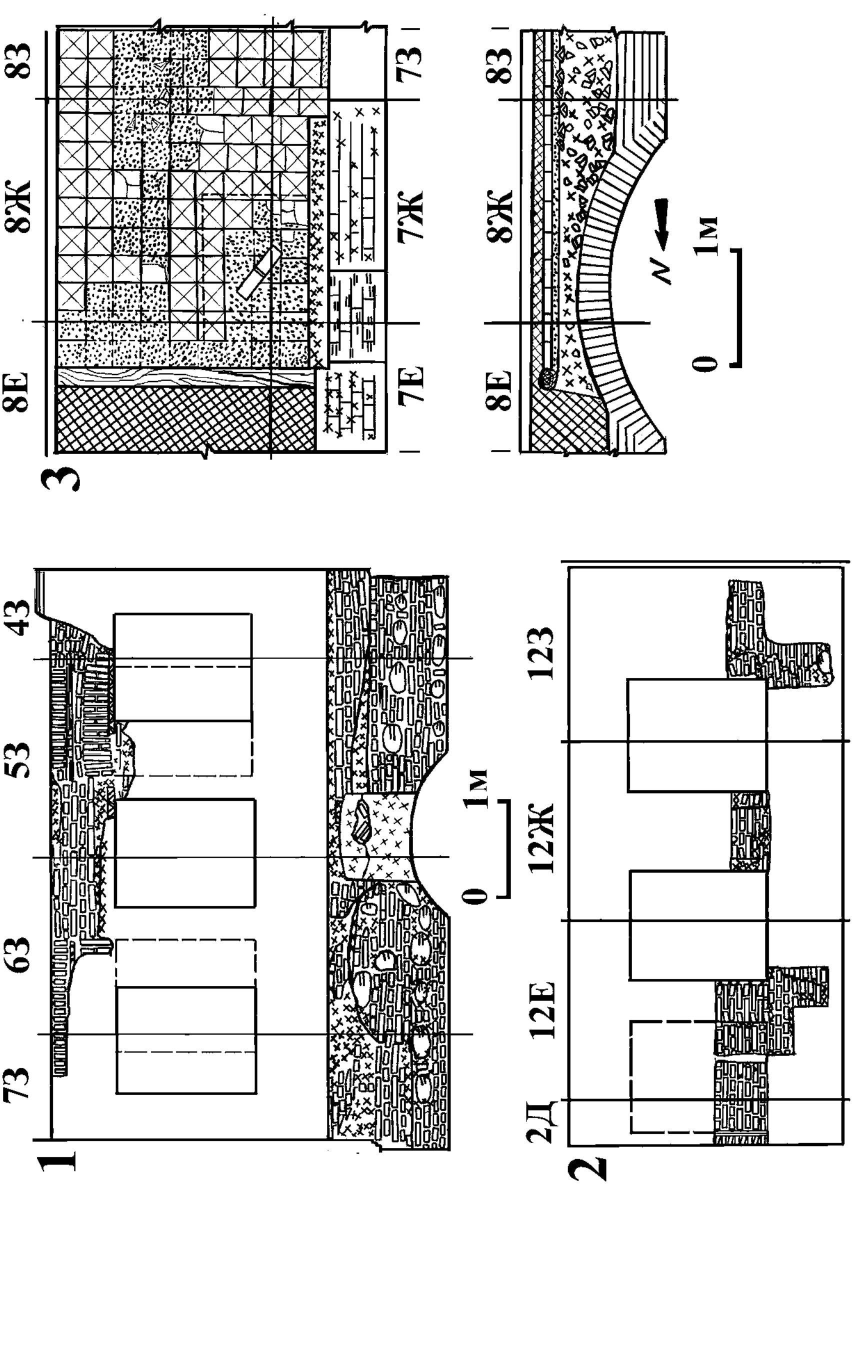

Рис. 10. Зондажи восточной и южной стены здания и остатки плиточного пола XVII–XVIII вв. в сенях этажа:
1 – развёртка западной части южной стены здания с первоначальными оконными перемычками и фрагментами цоколя на уровне свода подвала; 2 – восточная стена здания с перебитыми окнами; 3 – частично сохранившийся пол сеней.

пич: (?)х7,5х28,5; (?)х7х29,5; (?)х7х29; 14,5х8х(?); 15х7х(?) см. В остальных более поздних кладках вкраплений камней не обнаружено, и кирпич преобладает более мелкий (13,5х5,5х(?); 13,5х6,5х(?) см. В районе существующего входа, на уровне подполья, в составе кладки встречены кирпичи с жёлтой поливой (?)х6х28 и (?)х6х28,5 см. Там же, возле входа, была обнаружена переделка внутренней западной стены (следы ниши?), внешняя стена при этом имела специально выполненную кирпичную штрабу. Причём уровни рядов кладки внешней и внутренней стен не совпадают.

Таким образом, исследование показало, что первоначальное здание было деревянным. Оно предшествовало каменному. Сруб был поставлен на высокий кирпичный цоколь и внутренней планировкой повторял подвал – обширные сени разделяли два жилых помещения. Такая планировка жилых зданий широко известна по этнографическим и археологическим исследованиям, а также по описаниям Инвентарей начала – середины XVII в. [**1**, с. 203]. Исследуемая нами постройка была трёхкамерной и близкой к схеме типа изба+сени+изба или изба+сени+комора [**11**, с. 16–17]. В качестве дополнительного планировочного элемента в камере, занимаемой сенями, была отделена комора с туалетом, расположенном в южной части сеней, там, где в толще стены находится шахта в Потайную камеру. Отапливались такие постройки обычно двумя печами, выходившими устьем в коридор (сени) и располагавшимися на центральных осях здания. Нередко сени использовались в качестве кухни. Это же подтверждает наличие плиточного пола (правда, более позднего). Главным (парадными) жильём, вероятно, являлась западная часть дома, выходившая фасадом на улицу, проходившую с западной стороны. Она же, вероятно, имела и небольшую дверцу, ведущую в туалет. Как показало изучение остатков построек полоцкого иезуитского коллегиума XVII – начала XVIII вв., при наличии подвала печи старались располагать на центральных осях свода [**9**, с. 76]. На основе вышеизложенного возможная планировка деревянного здания была следующей: два жилых помещения разделяли обширные сени, куда выходили топки печей. Южная часть сеней была отгорожена для устройства туалета (?), соединённого с главным жилым помещением, расположенном в западной части здания (**рис. 8**: **7**).

Использованные форматы кирпича, способы кладки, их распределение такие же, как у построек полоцкого иезуитского коллегиума

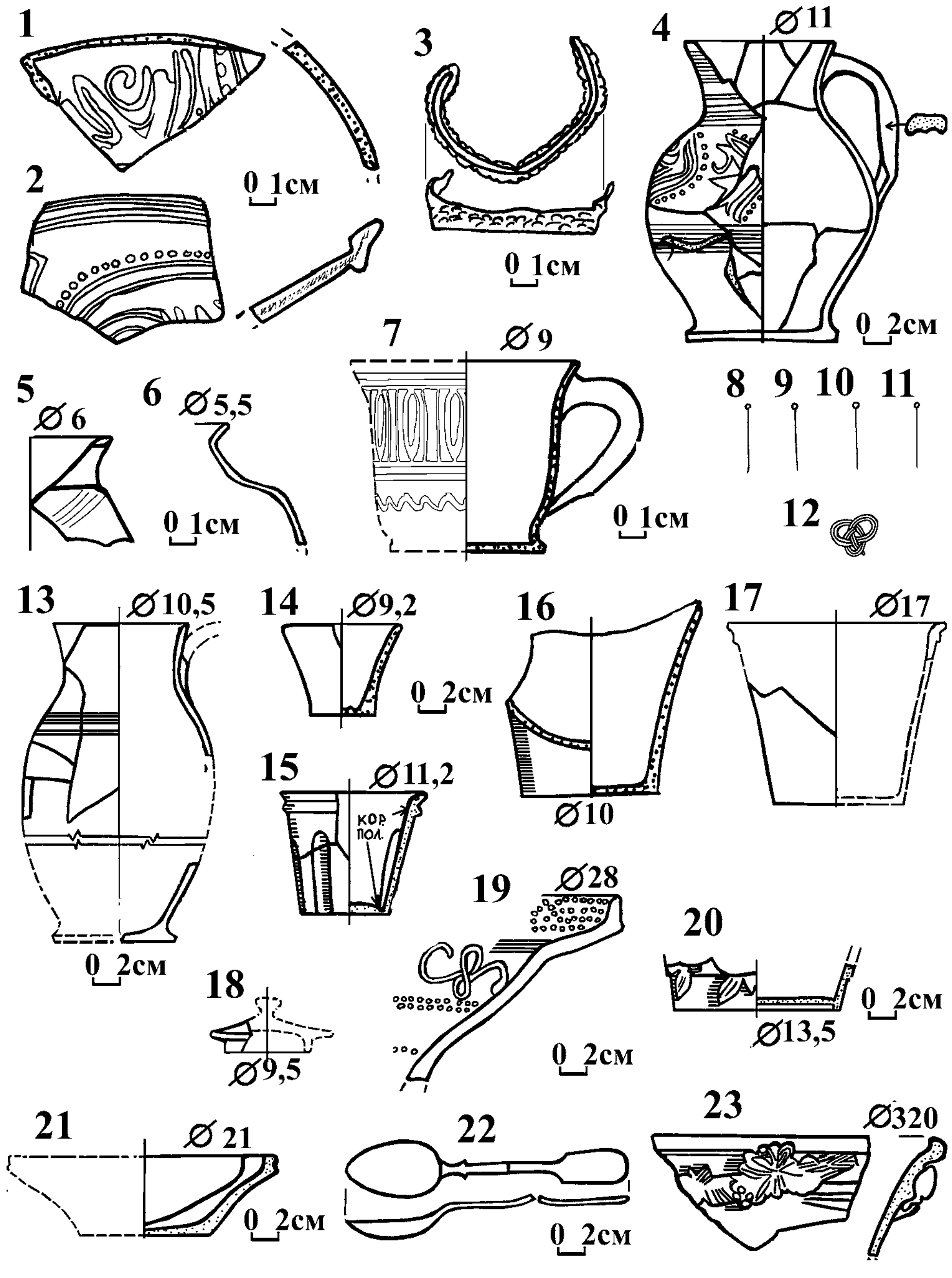

Рис. 11. Находки с подвала и этажа здания:
1–12 — артефакты XVII в. с нижнего слоя засыпки сводов подвала (1, 2 , 4 — расписная ангобом керамика; 3 — обувная подковка; 5, 6 — стеклянные кварты (?); 7 — чашка, расписная марганцем; 8–11 — булавки; 12 — накладная декоративная роза); 13, 14, 18–20, 23 — артефакты XVIII — начала XX вв. из Западного помещения подвала (14 — из потайной камеры); 15, 21, 22 — из Восточного помещения подвала; 16 — из сеней этажа; 17 — из сеней подвала.

середины XVII в. Таким образом, подвал исследуемого здания можно также датировать серединой XVII в.

Данную датировку подтверждает и изучение засыпки над сводами сеней, Восточного и Западного казематов подвала. Слои засыпки, образованные при строительстве и перестройке цоколя, начинались на глубине 0,4 м от уровня «чистого пола». Они имели наибольшую толщину возле стен, к которым плотно примыкали. К центру свода толщина уменьшалась (**рис. 8: 5, 6**). Верхние слои над казематами представлены серой землёй, обожжённой и сырой глиной. Над сводом Восточного каземата, на глубине 0,8 м от «чистого пола», возле стены обнаружен кирпич без следов раствора и часть расписного майоликового кубка XVI – середины XVII вв. (**рис. 11: 7**) При раскопках слоя возле восточной стены помещения была найдена бахрома с медными блёстками, плетёные розочки (?) и булавки типа «пус эйпи» (**рис. 11: 8–12**). Они были найдены рабочими в одном вместе. Особый интерес представлял собой нижний слой, непосредственно перекрывавший поверхность сводов всех помещений подвала. Он представлял собой строительный мусор, известь, кирпичный бой. Над Западным казематом в нём были найдены повреждённые огнём обломки кварты, трёхшипная обувная подкова, поставленная на ребро, и расписанная ангобом керамика (**рис. 11: 1–12**) [**1**, с. 156]. Непосредственно в нижнем слое засыпки свода Сеней был собран жбан с аналогичной росписью ангобом (**рис. 11: 4**). Таким образом, данные находки из слоёв засыпки, перекрывающих поверхность свода, также позволяют датировать время возведения подвала серединой XVII в.

Этап 2. Возведение каменного первого этажа в последней трети XVII – начале XVIII вв.

Позднее происхождение стен верхнего этажа подтверждает обнаружение под выступами его стен на уровне пола монет «боратинок» 166... г. (их забрали рабочие), они были найдены сверху на описанной выше засыпке свода. Это же подтвердила и полная несогласованность расположения его первоначальных окон относительно стен и проёмов подвала. Там же был найден и обломок плоской черепицы с полукруглым торцом.

Частичное снятие штукатурки внутри первого этажа показало, что первоначальное расположение оконных и дверных проёмов полностью утрачено, выявлены прорубленные дымоходы и разновременные пере-

кладки бывшим в употреблении кирпичом (**рис. 1, 10: 1, 2**). Зондами на уровне подоконников и оконных перемычек было выяснено, что первоначально на западной стороне южного фасада были два окна с лучковыми перемычками вместо трёх, существующие ныне простенки — более поздние. Оконные перемычки, которые сохранились от первоначальных окон, имеют необычную конструкцию. Непосредственно над проёмами располагалась кирпичная кладка лучковой арки толщиной в кирпич, выше была вмурована деревянная сосновая доска толщиной 4 см и над ней располагалась кладка толщиной в полкирпича, поставленного на кромку (**рис. 10: 1**). Откос и подоконник третьего окна обнаружены в центральной части здания. Это окно располагалось над восточной внутренней стеной подвала. Дальнейшее его обследование показало, что следы дверного проёма в центральной части здания полностью отсутствуют. Далее удалось обнаружить сохранившийся откос крайнего первоначального окна и разгрузочную арку над окном подвала, выявленную в зондах и на фасаде. Расположение откоса окна над аркой позволяет предполагать наличие рядом ещё одного окна, следов откосов которого не сохранилось. Именно близкое расположение окон и наличие арки окна подвалов привело к необходимости устройства разгрузочной арки. Всего же на южной стене первоначально было пять окон.

Изучение восточной стены здания показало, что она имела два окна, смещённых на север. Существующее окно в центре стены первоначальное, но угол его южного откоса изменён намётом штукатурки толщиной 12 см. Севернее его обнаружено замурованное другое окно. Простенок между ними около 0,45 см. На северном откосе замурованного окна уцелела штукатурка со следами побелки и сильным нагаром (**рис. 10: 2**).

Изучение внутренней поверхности северной стены показало также следы больших переделок. Первоначально, вероятно, она имела два окна и вход. Особенность последнего — направление устья не вовнутрь помещения, а на улицу. Данный проём находился в восточной части стены. При обрушении поздней закладки стены была обнаружена её смешанная кладка: ряды булыжника, разделённого стопками кирпича и кирпичами, поставленными на кромку, чередовались с 3–4 рядами кирпича. Но в отличие от фундамента, камни не выступали наружу, а были спрятаны в толще стены. Традиция вмуровывать камни в толщу стены сохранялась и в следующем столетии.

Наименее повреждённой переделками оказалась западная стена здания, оконные проёмы здесь сохранили свои первоначальные очертания и расположение. Характер расположения здания свидетельствует, что главный фасад здания был обращён на запад, на ул. Сакко и Ванцетти (на плане 1910 г. ул. Вознесенская).

Обследование внутренней поверхности стен следов перегородок не обнаружило, вероятно, они были деревянными. С учётом расположения выявленных первоначальных окон можно предположить вероятную внутреннюю планировку здания. Она состояла из четырёх-пяти помещений и не была согласована с расположением стен подвала, окна верхнего этажа располагались над стенами подвала. В западной части дома располагался огромный зал. На его центральной оси находилась печь и вход; вероятно, для последнего и предназначались двухстворчатые резные двери в «сарматском стиле», которые позднее перенесут на наружный фасад [7, с. 10–11]. Над сенями подвала располагалась кухня. Возле южной стены был мусоросборник или туалет, шахта которого проходила в толще стены и могла завершаться вентиляционной трубой. Над Восточным казематом, вероятно, была прихожая и две комнаты. Печи, возможно, также располагались на центральной оси сводов. Возле первоначального входа в дом к северной стене могла примыкать деревянная пристройка или крыльцо, от которого не сохранилось никаких следов, кроме обращённого на улицу устья дверного проёма (**рис. 12: 1**).

Возле углов фасада южной стены обнаружена кладка кирпичом. Она неровная, в виде неглубокой штрабы и повреждена. Там, возможно, были лепные украшения (**рис. 12: 2**). На торцах здания были треугольные фронтоны. О них упоминается в исторической справке. Устройство черепичной кровли и стилистические особенности барочной архитектуры требовали устраивать стропила большой высоты, с наклоном скатов более 30°. Обычно соотношение их основания и высоты фронтонов составляло 1:2 или 1:1 [**11**, с. 122 и 128]. Таким образом, их большая площадь поверхности позволяла размещать лепнину (**рис. 12: 3, 4**). Согласно исторической справке, на западном фронтоне к приезду Екатерины II в 1780 г. иезуитами была установлена алебастровая лента с двумя гениями (ангелами) по бокам, извещавшая о пребывании здесь в 1705 г. Петра I [7, с. 12]. В то же время І. П. Дэйнис со ссылкой на донесение полицмейстера витебскому губернатору в 1837 г. указывает на на-

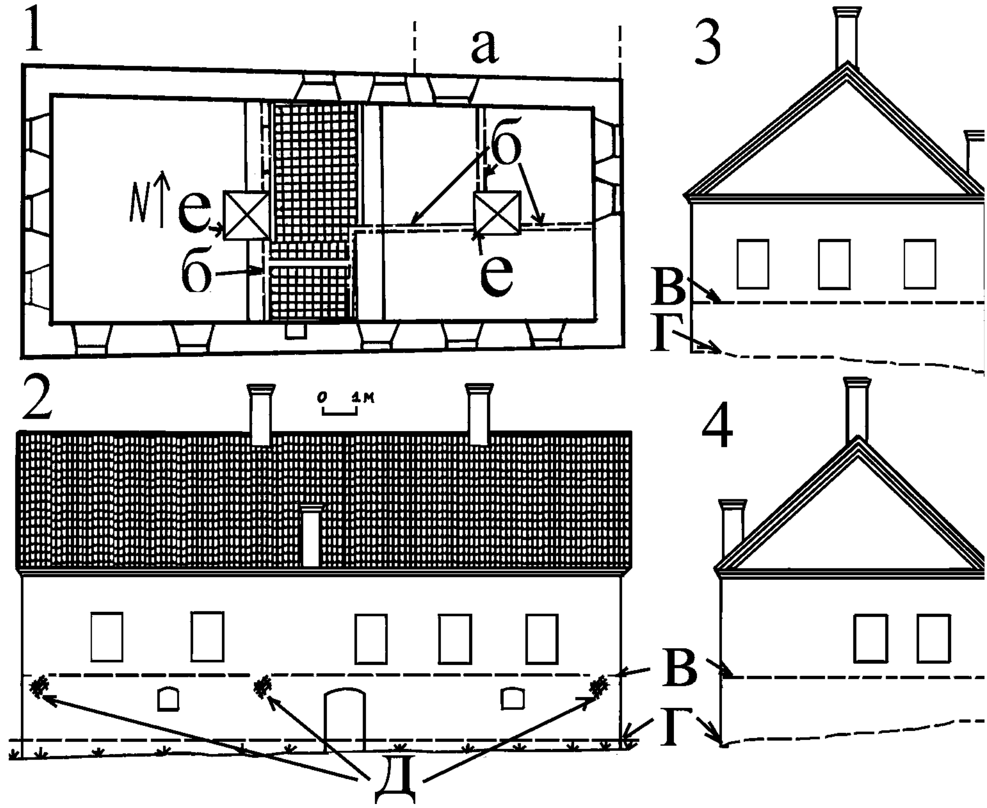

Рис. 12. Частичная реконструкциия фасадов и планировки здания после возведения каменного этажа в конце XVII в.:
1 – планировка здания (а – предполагаемая деревянная пристройка или крыльцо; б – предполагаемые деревянные перегородки; е – места предполагаемого расположения печей); 2 – первоначальный южный фасад (д – места штрабы и возможного крепления лепных украшений или привязки стен);
3 – первоначальный западный фасад (в – уровень цоколя середины XVII в.; г – дневная поверхность до 2010 г., места штрабы и возможного крепления лепных украшений или привязки стен, места предполагаемого расположения печей);
4 – первоначальный восточный фасад.

личие надписи: «Anno 1692, menses octobri die 4» [3, с. 100]. Данная дата и принята сегодня за официальную дату постройки здания. На основе исследований 2010 г. можно полагать, что это дата перестройки верхнего этажа и замены его кирпичным. Возможно, что обе надписи могли уместиться на одном фронтоне.

В ежегоднике «Иллюстрация. Всемирное обозрение» в очерке «Полоцк и его достопримечательности» указано, что дом Петра был «голландской архитектуры», которая выделяла его среди рядовой уличной застройки.

Изучение верхних слоёв засыпки свода показало, что слои с материалами XVII – начала XVIII вв. полностью уничтожены. Только в ходе расчистки свода над сенями на глубине 0,2 м от современного уровня чистого пола был обнаружен плиточный пол (7Е–8Ж). Керамическая плитка 24х24х5 см уложена бессистемно. Большинство изделий выщерблено или треснуто (**рис. 9: 3, 6; 10: 3**). Южная и северная часть пола были уничтожены при переделке входа в подвал и одном из многочисленых ремонтов. Далее под ним был слой строительного мусора. Плитки пола XVII – начала XVIII вв. (5х19х(?) см), сброшенные сверху, были найдены в Потайной камере подвала (**рис. 9: 7, 8**). Они имеют аналоги с плитками иезуитского коллегиума XVII – начала XVIII вв.

Этап 3. Перестройки, проведённые в последней четверти XVIII в. к приезду Екатерины II в 1780 г.

Следующая перестройка Домика Петра связана с его подготовкой к приезду в 1780 г. Екатерины II. Это не только установка мемориальной надписи на фронтоне, но и внутренние работы. К этому времени можно отнести появление печей из изразцов второй половины XVIII в., которые были найдены в культурном слое подвала и на участках разрушенного плиточного пола над сенями. Карнизные изделия были профильные. Стенные пластины имели медальоны с коронками по углам. Найдена часть изразца с изображением вазы в глубокой нише; его, как и некоторые пластины изразцов с медальонами, покрывала тёмно-коричневая, почти чёрная полива. Обломки карнизных и медальонных изразцов также найдены вокруг стен здания в верхних слоях земли. Там же найден и фрагмент углового зелёнополивного изделия. Подобные изразцы хорошо известны по материалам изучения зданий полоцкого иезуитского коллегиума (**рис. 9: 10–14**) [**8**, с. 83, 84, 92, мал. 5]. Планировка помещений при этом могла не меняться.

Также было найдено много фрагментов стеклянной и керамической посуды второй половины XVIII – начала XIX вв. Среди них обломки бутылок, лампадки, оконного стекла, миски (**рис. 11: 14, 17, 18, 21; 13: 4, 8, 9**).

Этап 4. Перестройки здания в XIX в. Формирование современного облика

Следующие незначительные ремонты могут быть связаны с событиями войны 1812 г. и пожаром 1837 г. Последняя дата приведена И.П. Дэйнисом в донесении полицмейстера витебскому губернатору,

где указано, что «Каковой дом во время ... пожара обгорел [3, с. 101]. Тогда же, вероятно, появились и новые печи. Их обложили гладкими стенными и профильными карнизными изразцами (**рис. 9: 15, 16**).

С этого же времени появляются сведения про его владельцев. Так, в 1818 г. гражданка Синебута продала его Людвигу Ивановичу Штересу (также упоминается и Иван Штерес), который позднее продал его Василию Андреевичу Соболевскому [7, с. 5, 6].

В 1835 г. уже Соболевским дом был продан Андрею Васильевичу и Александре Ивановне Камионковой (Каменковой) [3, с. 100; 7, с. 5]. При составлении Маршрутов в 1858 г. вдова Каменкова указана как его владелица. В конце 50-х гг. того же столетия он уже принадлежит Виттенбергам. Позднее там находилось пятиклассное женское училище госпожи Фульков [7, с. 5, 6].

Пожар 1871 г. привёл к масштабным ремонтам здания. Были разрушены фронтоны, изменены фасады и планировка [7, с. 6]. Переделан свод прохода подвала, тогда же, вероятно, прорублен новый вход в Восточный каземат. На стены подвала были поставлены поперечные каменные стены, одна из которых частично сохранилась и поныне. В доме по-прежнему было пять комнат. Тогда же было устроено существующее ныне убранство фасадов. Возможно, что на южном фасаде были повторены элементы прежнего убранства. Венчающий здание карниз был надстроен на три ряда кирпича. Тогда же, вероятно, резная дверь переносится на северный фасад [7, с. 10–11].

После пожара дом был вновь продан и до 1917 г. им владел Бениамин Лазаревич Баркан [7, с. 7].

В подвале было собрано много обломков стеклянной и керамической посуды: бутылок, мисок, кувшинов, стаканов, бабочницы (**рис. 11: 15, 17, 19; 13: 1-3, 5, 7, 10**).

Во время одного из этих ремонтов с правой стороны лестницы подвала был прорублен прямоугольный проём. Верх его укреплён тёсанной деревянной перемычкой — широкими досками толщиной 3 см (**рис. 7: 1**).

Этап 5. Перестройки начала — первой половины XX в.

В 1902 г. начался очередной масштабный ремонт. Он зафиксирован на фотографии фасада начала XX в. [7, с. 24–25]. В ходе работ был устроен существующий ныне кирпичный цоколь. Он представляет собой обкладку стены толщиной в кирпич (25 см), которая опирается на булыжную, высотой до 0,5 м. Кирпичная кладка прослежена на 0,35 м

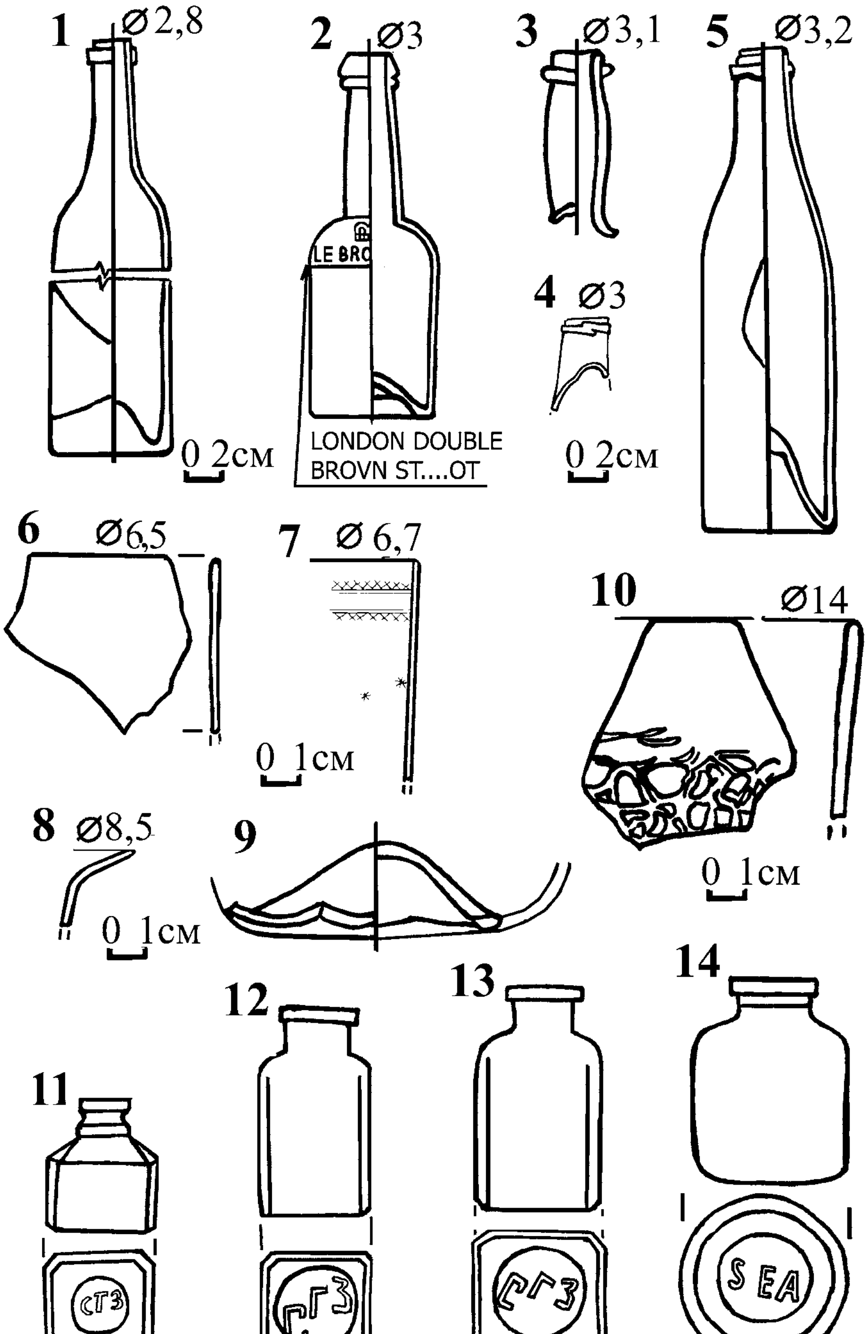

Рис. 13. Стеклянная посуда второй половины XVIII — первой половины XX вв.: 1–5 — бутылки из подвала; 6, 7 — стаканы с этажа; 8 — венчик лампады; 9 – дно бутылки (гасиор); 10 — стакан (?) из Восточного помещения подвала; 11–14 — аптечные пузырьки первой пол. XX в. из Западного помещения подвала.

в глубину от современной дневной поверхности. Камни диаметром 15–30 см уложены «на сухо» и пересыпаны землёй — выбранным при строительстве цоколя культурным слоем. С внешней стороны каменная кладка цоколя была подпёрта у основания лежащими вдоль брёвнами (трухлявыми) диаметром около 12 см (**рис. 5**).

При устройстве окон на его южной стороне старые окна подвала были растёсаны и сильно повреждены. На фотографии фасада начала XX в. на месте подвальных окон в закладке расположены отдушины. Также были прорублены окна под самыми сводами, между нишами обоих торцевых стен. Их откосы были обложены малоформатным кирпичом; они имели ставни и приямки.

Тогда же было проведено замощение двора булыжником. Оно зафиксировано на фотографии начала XX в., где здание изображено во время ремонта. Покрытие двора было выполнено из мелкого камня диаметром 10–20 см и укреплено рядами больших камней диаметром 20–30 см. Вдоль восточной стены здания на расстоянии 1,4–1,5 м прослежен каменный жёлоб для отведения воды, образованный двумя смежными каменными мостовыми, перепад поверхностей которых составляет 15 см. Он выполнен из булыжников диаметром 15–30 см (**рис. 3: 1, 2**).

Тогда же было выполнено кирпичное крыльцо, ведущее в подвал [7, с. 24–25]. Оно также зафиксировано на фотографии начала XX в. Его остатки прослежены с глубины 0,55–0,6 м. В ходе обкопки фундаментов была прослежена его восточная подпорная стенка и площадка из маломерного кирпича, уложенного поперечными рядами с перевязкой швов. Западная подпорная стенка осталась под существующим ныне бетонным крыльцом. После его разборки выяснилось, что основой для кирпичной выстилки служила жёлтая песчаная подушка толщиной около 10 см (**рис. 3: 1**). В ходе ремонта печи были обложены штампованным кафелем с белой эмалью — гладкими стенными пластинами и профильными карнизами (**рис. 9: 19**).

В ходе ремонтов первой половины XX в. проведены ремонтные работы по фасадам и перепланировке здания [7, с. 7]. Перемычки проёмов окон и дверей укрепили железными уголками фабричного производства. Одна из каменных перегородок была выломана. Тогда же были разобраны печи и деревянные перегородки. Новые печи обложили гладкими изразцами и гранёными углами. При ремонте фасадов окна подвала были замурованы, вход смещён по центру и вся стена под окном пере-

ложена, при этом шахта от Потайной камеры была выломана, вход в подвал подняли, перед ним была устроена полукруглая ступень.

В ходе ремонтных работ большую часть строительного мусора сбросили в Потайную камеру подвала. При этом его выгребали и разравнивали по всему подвалу. Таким образом, там оказались обломки цветочных горшков и кашпо с накладным растительным орнаментом. Позднее в казематах устроили деревянный пол, отпечатки лаг которого были хорошо видны в Западном каземате перед началом работ в 2010 г. К находкам первой половины XX в. относятся многочисленные аптечные пузырьки, обломки гладких изразцов с гранями на лицевой стороне, бутылки из-под одеколона «Синяя чайка» (**рис. 11**: ***20, 22, 23***; **13**: ***11–14***).

Изучение Домика Петра I показало, что здание сооружено намного раньше 1692 г. и пережило значительные перестройки, которые привели к полной утрате его первоначальной планировки. Было также выяснено, что главный фасад был ориентирован на запад (на ул. Вознесенскую по плану 1910 г.), появлению каменной постройки предшествовала плотная деревянная застройка, зафиксированная благодаря наличию материковых ям от погребов и склепов.

Список литературы

1. Дук, Д.У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д.У. Дук. — Наваполацк: ПДУ, 2007. — 268 с.: іл.

2. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д.У. Дук. — Наваполацк: ПДУ, 2010. — 180 с., [22] арк. іл.

3. Дэйніс, І.П. Полацкая даўніна / І.П. Дэйніс; уклад, і камент. М. Баўтовіча; пер. з рускай мовы М. Ермалаева. — Мінск: Медисонт, 2007. — 330 с.: іл.

4. Здановіч, Н.І. Да пытання рэканструкцыі старажытнай забудовы Полацка / Н.І. Здановіч // ГАПЗ // Матэрыялы IV міжнароднай канферэнцыі. — Полацк: НПГКМЗ, 2003. — С. 131–137.

5. Здановіч, Н.І. Кафлярства ў Беларусі (на матэрыяле калекцыі полацкай кафлі): метад. дапам. / Н.І. Здановіч. — Мінск.: БДПУ, 2005. — 102 с.

6. Клімаў, М.В. Матэрыялы да рэканструкцыі печаў з посудападобнай кафлі / М. В. Клімаў // МАБ, Мінск: Інстытут гісторыі. — 2003. — № 7. — С. 418–154.

7. Реставрация с реконструкцией историко-культурной ценности 2-ой категории (Домик Петра I) в г. Полоцке: ист. справка / Коммунальное унитарное предприятие «Витебскпроэктреставрация». — Витебск, 2008.

8. Салаўёў, А.А. Археалагічнае вывучэнне паддашша корпусаў «А» і «Г» / А.А. Салаўёў // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2007 г.). — Полацк: НПГКМЗ, 2008. — С. 79–100.

9. Салаўёў, А.А. Каменныя будынкі Полацкага езуіцкага калегіума апошняй чвэрці XVII — першай паловы XVIII стст. (па выніках натурных даследаванняў корпуса «В») // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку): зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20–21 лістап. 2008 г. / пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача. — Наваполацк: ПДУ, 2009. — С. 70–79.

10. Трусов, О.А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI– XVII вв.: архитект.-археологический анализ / О. А. Трусов. — Минск: Наука и техника, 1988. — 160 с. ил.

11. Якимович, Ю.А. Зодчество Белорусии XVI — середины XVII вв.: справочное пособие. Минск, 1991. — 366 с.

Сопікава В.В.

Вайніслаў Савіч-Заблоцкі: вяртанне з нябыту

Імя празаіка, паэта, публіцыста Вайніслава Савіча-Заблоцкага (Вайніслава-Казіміра Канстанцінавіча Сулімы-Савіч-Заблоцкага) вернута з нябыту нядаўна, у другой палове мінулага стагоддзя, а пад пільную ўвагу літаратуразнаўцаў яно трапіла толькі ў XXI ст.

Гэты неардынарны пісьменнік другой паловы XIX ст., ураджэнец Полаччыны, сёння трывала ўвайшоў у гісторыю беларускай літаратуры дзякуючы працы сучасных даследчыкаў.

Частка 1

Упершыню яго беларускія вершы «З чужбіны», «У роднай зямлі», «Да перапёлкі» і пісьмо да рэдактара часопіса «Вестник Европы» Стасюлевіча, знойдзеныя ў архіве Інстытута літаратуры Акадэміі навук СССР, з'явіліся ў друку ў 1946 г., у 4-м нумары часопіса «Беларусь». Прадмову да гэтай публікацыі напісаў Лукаш Бэндэ — той самы Бэндэ, які адыграў нядобрую ролю ў лёсе Янкі Купалы і многіх другіх беларускіх пісьменнікаў, так званых «нацдэмаўцаў». Але ў адносінах да Савіча-Заблоцкага ён выступіў як «хросны бацька», бо напісаў, што імя Савіч-Заблоцкага заслугоўвае таго, каб нашы гісторыкі літаратуры заняліся пошукамі другіх твораў яго [**6**, с. 24–25].

Мэтанакіраваных пошукаў не было. Спадчынай В. Савіча-Заблоцкага заняліся толькі ў 1970-я гг., і, можна сказаць, выпадкова.

Адным з першых у сучасным літаратуразнаўстве жыццё і творчасць В. Савіча-Заблоцкага пачаў вывучаць Адам Мальдзіс. У кастрычніку — снежні 1971 г. ён працаваў у архівах Варшавы, у Курніку, у Ягелонскай бібліятэцы ў Кракаве і свае пошукавыя знаходкі «афармляў» у выглядзе дзённіка. Некалькі дзён прысвечана Вайніславу Савіч-Заблоцкаму: «30 кастрычніка, або Чырвоны граф Суліма з Белай Русі», «3 снежня, або Зноў таямнічы граф» і «30 снежня, або Яшчэ раз граф Суліма». Гэтыя запісы ўвайшлі ў яго кнігу «І ажываюць спадчыны старонкі» [**16**, с. 63, 85 112]. У першай нататцы даследчык паведамляе, што ў Нацыянальнай бібліятэцы ў Варшаве захоўваецца паэма «графа

Сулімы з Белай Русі» – «Аповесць пра мае часы», напісаная у 1876 г. у г. Празе. Дзеянне паэмы адбываецца ў беларускай вёсцы напярэдадні 1863 г. У другім дзённікавым запісе А. Мальдзіс прааналізаваў лісты В. Савіча-Заблоцкага да Юзафа Крашэўскага і Агатона Гілера, якія ўтрымліваюць многа звестак з яго біяграфіі. У трэцім запісе А. Мальдзіс паведамляе пра значны рукапісны след – зборнік вершаў пад назвай «Вязанка эпіграмаў», які В. Савіч-Заблоцкі пакінуў у Курніку, месцы каля Познані, дзе Тытус Дзяблоўскі ў палацы арганізаваў вялікую бібліятэку. З гэтага зборніка аб нашым земляку можна атрымаць шмат цікавых звестак. «Вязанка эпіграмаў» была падаравана польскаму вучонаму-мовазнаўцу Л. Нядзвецкаму 6 лістапада 1883 г. у Парыжы. Эпіграмы напісаны на польскай мове, але іх аўтар часта звяртаецца да краіны свайго маленства – Беларусі. Аўтар «Вязанкі» піша: «Мой верш не грэчаскі, толькі наш уласны, дзвінскі. Дзвінскі… таму што на Дзвіне, гэтаму Дунаю маёй Айчыны… самай дарагой рэчцы ў свеце, я абавязаны рытмам маіх песень». Усяго ў зборніку 210 эпіграм, напісаных у Швецыі, Егіпце, на Корсіцы. Гэта знаходка пашырыла ўяўленні аб жыццёвым шляху паэта і светапоглядзе Савіча-Заблоцкага як апалагета беларускай нацыянальнай ідэі.

Другі даследчык творчасці В. Савіча-Заблоцкага, Язэп Янушкевіч, таксама свае знаходкі запісваў у выглядзе дзённіка. Ён першым адшукаў звесткі пра верш «Беларуская пея» ў «Інвентары рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі» ў аддзеле рэдкай кнігі Беларускай дзяржаўнай бібліятэкі імя У.І. Леніна (зараз НББ) [**30**, с. 328.]. Потым ён пазнаёміўся з гэтым вершам, працуючы ў аддзеле мікрафільмаў Нацыянальнай бібліятэкі Варшавы, дзе знаходзяцца копіі твораў з усіх рукапісных сховаў Польшчы. А ў зборах Ягелонскай бібліятэкі г. Кракава Язэп Янушкевіч выявіў яшчэ 10 лістоў Сулімы-Савіч-Заблоцкага да сучаснікаў і нататкі з польскіх газет пра яго. Дзённікавыя запісы пра нашага земляка Я. Янушкевіч назваў так: «30 сакавіка. Спасцігаючы Вайніслава Суліму-Савіча-Заблоцкага» і «23 красавіка. Прыгоды Сулімы-Савіча-Заблоцкага» – і ўключыў у сваю кнігу «За архіўным парогам» [**30**].

Вельмі значнай аказалася львоўская знаходка. У Цэнтральным гістарычным архіве Украіны былі выяўлены лісты Вайніслава Савіча-Заблоцкага да ўкраінскага грамадскага дзеяча П. Драгаманава [**13**, с. 120]. Лісты, як зазначыў Рагойша, «адзін з самых ранніх узораў эпісталярыя на беларускай мове». Яны яскрава характарызуюць дэмакратычны све-

тапогляд Савіч-Заблоцкага, высвятляюць асобныя старонкі і факты яго надзвычай багатай і цікавай біяграфіі.

Шмат зрабіў для вяртання асобы Вайніслава Савіча-Заблоцкага ў беларускую літаратуру літаратуразнаўца Генадзь Кісялёў. Апублікаваныя ім літаратурныя матэрыялы ў зборніку «Пачынальнікі» (1977, 2003) дазволілі з дакументальнай дакладнасцю прасачыць жыццёвы і творчы шлях В. Савіча-Заблоцкага. А ў кнізе «Ад Чачота да Багушэвіча» Г. Кісялёў прааналізаваў усе вядомыя дакументальныя крыніцы, важныя для ўзнаўлення біяграфіі пісьменніка.

У падручнік для ВНУ па гісторыі беларускай літаратуры дакастрычніцкага перыяду імя В. Сулімы-Савіч-Заблоцкага першым увёў Алег Лойка. Ён заўважыў, што творчасць выхадца са шляхецкай інтэлігенцыі развівалася ў агульнадэмакратычным рэчышчы. «Я паднімаў сцяг бунту на… народнай мове», — гэтымі яго словамі беларуская нацыянальная дэмакратычная ідэя заяўляла аб сабе ўжо у 1873 г. [**17**, с. 454].

Вялікі артыкул «Граф Сулима»-Дисненский», прысвечаны жыццю і творчасці В. Савіча-Заблоцкага, уключылі ў сваю манаграфію «Художественная культура Витебщины» А. і Ю. Русецкія [**20**].

Ванда Бароўка ў навуковым артыкуле «Вайніслаў Савіч-Заблоцкі» паказвае, што жыццё і творчасць галоўнага героя з'яўляецца яркай экземпліфікацыяй асаблівасцей эстэтычнай і нацыянальнай індэнтыфікацыі аўтараў XIX ст. [**2**], у якасці доказу прыводзячы цытату з яго пісьма да ўпраўляючага канцылярыяй віленскага генерал-губернатара М.С. Галалобава ад 25 верасня 1891 г.: «Хоць дваранін і народжаны ў каталіцызме, я лічу сябе беларусам, а таму рускім» [**2**, с. 63].

Шэраг артыкулаў у рэспубліканскіх газетах пра жыццё і творчасць Вайніслава Савіча-Заблоцкага ў пачатку 2000-х гг. апублікаваў літаратуразнавец Ігар Запрудскі. Асноўная тэматыка яго даследаванняў — «Асоба В. Савіча-Заблоцкага і нацыянальнае пытанне ў другой палове XIX ст.» [**9**].

Акрамя таго, пра Вайніслава Савіча-Заблоцкага ў апошні час апублікавана многа артыкулаў як у мясцовым, так і ў рэспубліканскім друку [**19**].

Несумненна, самае значнае адкрыццё ў сучасным беларускім літаратуразнаўстве адносна лёсу В. Савіча-Заблоцкага зрабіла даследчыца Жана Некрашэвіч-Кароткая. Працуючы ў Польскай Нацыянальнай

бібліятэцы ў Варшаве, яна выпадкова знайшла твор Сулімы-Савіч-Заблоцкага «Арлалёты і Падканвойны, або Полацкая шляхта. Жаніцьба Ягамосці Шатана Старэйшага» (у сучасным літаратуразнаўстве гэты твор называюць найчасцей «Полацкая шляхта») [**5**, с. 470]. Гэты твор Вайніслава Савіча-Заблоцкага быў надрукаваны ў познанскай газеце «Варта» ў 1885 г.

Менавіта дзякуючы гэтай знаходцы і публікацыі твора асоба В. Савіча-Заблоцкага стала такой папулярнай у навукоўцаў-філолагаў.

Частка 2

БіяграфіяВ.Савіча-Заблоцкагавядоматолькіфрагментарна,крыніцай для яе рэканструкцыі паслужыла аўтабіяграфічная нататка і яго лісты да сучаснікаў і ў афіцыйныя ўстановы. Гэта перш за ўсё «Аўтабіяграфічны запіс у альбоме Міхаіла Сямеўскага «Знаёмыя» [**17**, с. 452], дзе ён піша аб сабе ў трэцяй асобе: «Войслаў-Казимир Константинович Сулима-Савич-Заблоцкий (Comte Soulima (граф Сулима) во Франции) родился 1850 [г] дня 3-го марта в имении своих родителей, Константина-Станислава Викентьевича Сулимы-Савич-Заблоцкого и Станиславы Ивановны княжны Святополк-Мирской, называемом Пончаны, в Дисненском уезде Виленской губернии» [**17**, с. 452]. Гэты год, 1850 г., як год яго нараджэння ўвайшоў у энцыклапедыі, даведнікі, падручнікі з пазначэннем «паводле іншых звестках 1849». З апасродкаваных крыніц вядома і трэцяя дата нараджэння — 1846 г. [**30**, с. 363]. Даследчыкі сутыкнуліся таксама з праблемай індэнтыфікацыі асобы, асабліва з пытаннем устанаўлення дакладных прозвішчаў і імёнаў і правільнага іх напісання. Для беларускай шляхты XIX ст. былі характэрныя падвойныя прозвішчы (прозвішча плюс «прыдомак»). В. Савіч-Заблоцкі ўжываў трайное прозвішча: Суліма-Савіч-Заблоцкі, прычым у адных выпадках, як у жыццёвых сітуацыях, так і ў подпісах пад творамі, «прыдомак» выкарыстоўваўся больш актыўна (нават без прозвішча, але з указаннем тытула «граф»), у другіх выпадках — менш, ці нават аўтар допісу зусім абыходзіўся без яго. Цікава, што гербам «Суліма» карысталіся і шляхецкія роды: Заблоцкія, Савічы, Суліма. [**15**, с. 124]. У энцыклапедыях, даведніках і слоўніках яго поўнае імя пазначана ў дужках, у падручніках па гісторыі беларускай літаратуры, амаль ва ўсіх літаратуразнаўчых артыкулах прыдомак апускаецца.

Ёсць пэўныя разыходжанні і ў напісанні яго імя: сам Савіч-Заблоцкі пісаў то «Войслаў», то нават «Войцлаў» і «Вайніслаў» — гэта і ёсць афіцыйная версія, прынятая ў беларускім літаратуразнаўстве. Па нека-

торых крыніцах, імя яго пісалася «Вайніслаў-Казімір-Цэзар». Новае імя паэта — Цэзарый — адкрыў у Кракаве Язэп Янушкевіч [**30**, с. 363]. Здаралася, што падпісваючы свае лісты, карэспандэнт дадаваў да прозвішча тытул «граф», і самахарактарыстыку — «самашчыры беларусін».

Са сведчанняў самога В. Савіча-Заблоцкага мы даведваемся пра яго сям'ю, дзіцячыя гады і адукацыю. Бацька, Канстанцін-Станіслаў Вікенцьевіч, паходзіў са знакамітага, але збяднелага роду. Ён быў высокаадукаваным чалавекам, вылучаўся сваім нарадалюбствам і праектамі вызвалення сялян ад прыгону, вызваліў іх ад аброку, за што быў абвешчаны вар'ятам, у выніку чаго дзед Вайніслава забраў маёнткі сабе. Памёр бацька Вайніслава ў 1855 г., калі хлопчыку было 6 гадоў.

З маці, відаць, у Вайніслава цёплых адносін не было. Хлопчык з дзяцінства выхоўваўся побач з простымі сялянамі, спачатку на Дісненшчыне, потым у маёнтку Мікалаева ў дзеда Вікенція Забалоцкага (з 1772 г. вёска ўваходзіла ў Полацкі павет). «Простая» ці «мужыцкая» мова, бадай, тады ўжо была засвоена падлеткам, які захаваў сімпатыі да простых людзей на ўсё жыццё. Пасля смерці сына дзед застаўся апекуном Войслава. Паміж дзедам і маці ішла з переменным поспехам упартая барацьба за Войслава, звязаная з пэўнымі маёмаснымі інтарэсамі. У 1861 г. апекуном Войслава стаў генерал І. Лабынцаў, камандзір 1-га армейскага корпуса, які «вальнадумным памеж маскалей сваіх слыў, а «чарналюду не любіў» [**5**, с. 314].

Вучыўся Вайніслаў у Віленскай гімназіі, пасля ў Пецярбургу вывучаў усходнія мовы, а затым працягваў вучобу ў замежных універсітэтах Прагі, Лейпцыга, Страсбурга — (пэўная храналогія невядома, гэта было, відаць, кароткачасовае навучанне са статусам вольнага слухача). Тым не менш, Савіч-Заблоцкі атрымаў шырокія веды ў сацыяльных і філалагічных навуках. Ён рана пранікся ідэямі вызвалення краіны ад замежнага ўціску і нацыянальнага абуджэння беларускага народа.

Паводле прызнання самога Савіча-Заблоцкага, ён быў ініцыятарам стварэння ў Пецярбургу суполкі «Крывіцкі вязок» (саюз, гурток) [**5**, с. 314–315]. Члены гуртка, дзеці тытулаваных і высокапастаўленых асобаў, высакародна хацелі «хадзіць у народ», сабраўшы грошы, збіраліся друкаваць кнігі і літаратурна апрацаваць беларускую мову.

Пра гэта В. Савіч-Заблоцкі пісаў так: «Сталі падгатаўляць мы беларускую слаўніцу, сабіраць песні чарналюда, капіць матэрыял да гісторыі нашага руства — я пісаць меў з Полацку...» [**6**, С 315].

Бадай, гэта быў першы беларускі народніцкі гурток (дзейнічаў у 1868–1870 гг.), праграма якога вызначалася нацыянальна-асветніцкай скіраванасцю. Суполку забаранілі, яе ўдзельнікаў абвінавацілі ў сацыялізме і прапольскіх сімпатыях. В. Савіч-Заблоцкі апынуўся пад наглядам паліцыі ў Варшаве, дзе польская эміграцыя палічыла іх агентамі маскоўскага ўрада.

У Варшаве ён упершыню паспрабаваў свае сілы ў літаратурнай творчасці – апублікаваў на польскай мове аповесць «Каракозаў» (1870), сатырычную паэму «Праўдападобная гісторыя» (1871) і гістарычныя творы пра Каперніка (1873), таксама на польскай мове. Адначасова яго вабіла беларуская паэзія, і ён зрабіў спробу надрукаваць свае вершы на беларускай мове. Трэба было мець грамадзянскую мужнасць, каб у 1873 г. прапанаваць да друку беларускія вершы, добра ведаючы, што указам царскага урада, выдадзеным у 1867 г., забаранялася друкаванне кніг на беларускай мове і нават ўжыванне яе ў богаслужэнні каталіцкага касцёла. Савіч-Заблоцкі даслаў у пецярбургскі часопіс «Вестник Европы» тры свае лірычныя вершы разам з пісьмом да рэдактара, дзе абгрунтоўваў мэтазгоднасць апублікавання беларускіх вершаў, успамінаў значнасць беларускай мовы ў былыя часы.

Усё жыццё В. Савіч-Заблоцкі спрабаваў зарабляць літаратурнай справай. Матэрыяльнае становішча яго было надзвычай цяжкім. У яго не засталося маёнткаў, а калісьці ён валодаў, акрамя сядзібы ў Панчанах, і маёнткам у в. Труды Гарадоцкага павета (зараз – Полацкі раён) [**17**, с. 457]. У лісце да Дзялынскага ад 3 снежня 1879 г. ён, жадаючы ўладкавацца на пасаду бібліятэкара ў Курніцкую бібліятэку, паведамляў: «Я быў уладальнікам зямлі ў Літве і чалавекам амаль што багатым, меў уласную і маіх продкаў бібліятэку, адну з найбагацейшых у Белай Русі (нарадзіўся я ў былым Полацкім ваяводстве), і мая сям’я традыцыйна была апекуном навукі і мастацтва і сама займалася адным і другім… на 25 годзе жыцця я апынуўся ў выгнанні. А мая маёмасць была канфіскавана» [**13**, с. 365].

За мяжой Савіч-Заблоцкі прабыў з 1875 па 1888 г. Паводле архіўных матэрыялаў і іншых крыніц вядома, што ў 1875–1876 гг. ён жыў у Галіцыі, супрацоўнічаў з рознымі перыядычнымі выданнямі, рэдагаваў польскую газету «Gwiazda» («Гвязда») у Тарнове. У 1879 г., «за сацыялістычныя прошукі» высланы з Кракава ў Познань. Савіч-Заблоцкі шмат вандраваў. Ён быў блізка знаёмы з грамадскім дзеячам Францыі, яе прэм’ер-міністрам Ляонам Гелебертай, італьянскім рэвалюцыянерам Джузэпе Гары-

бальдзі, французскім паэтам Вікторам Рышарам, іспанскім пісьменнікам і гісторыкам Э. Кастэларам, вучоным астраномам Віларам.

У 80-х гадах Савіч-Заблоцкі жыў у Парыжы, спрабаваў выдаваць там газету на французскай мове, чытаць лекцыі на рускай мове з характарыстыкай славянства ў цэлым. Пад псеўданімам Павел Завіша дасылае сваё апавяданне «Не тыя часы, не тыя людзі» вядомаму пісьменніку Ю. Крашэўскаму. У 1885–1886 гг. супрацоўнічаў з варшаўскай газетай «Chwila» («Хвіля»). У той жа час выдаў у Парыжы брашуру «Яшчэ Польшча не загінула, пакуль існуе Расія», чым выклікаў вялікую незадаволенасць польскай эміграцыі. Менавіта тут хавалася адна з прычын жыццёвай драмы Савіча-Заблоцкага. З-за беларускага патрыятызму, незразумелага для палякаў і рускіх, да яго пераважна варожа ставіліся як адны, так і другія. Гэты вялікі ідэаліст-пакутнік часта не знаходзіў паразумення і з землякамі.

Летам 1887 г. В. Савіч-Заблоцкі, які жыў у вялікай беднасці ў Бруселі, папрасіў дазволу царскага ўрада вярнуцца з эміграцыі. І ў канцы снежня ён прыехаў на радзіму, дзе за ім быў устаноўлены нагляд. Але і тут Савіча-Заблоцкага напаткала бяда: у пажары ў Дзісне згарэлі ўсе дакументы. Зноў прашэнні з просьбай іх узнавіць…[**17**].

Потым Савіч-Заблоцкі едзе ў сталіцу краю і з 1 кастрычніка па май 1889 г. працуе ў рэдакцыі газеты «Віленскі веснік». Потым, у 1889–1891 гг. ён жыве ў цёткі ў маёнтку Губіна Лепельскага павета, які ў асобныя часы ўваходзіў у склад Полацкай губерні і Полацкага ваяводства.

У гэтым жа 1891 г. Савіч-Заблоцкі нейкі час жыў у Мінску.

У лістападзе 1891 г. ён вярнуўся ў Пецярбург з намерам далучыцца да праваслаўнай царквы, веравызнання яго беларускіх продкаў. У часопісе «Благовест» быў надрукаваны нарыс В. Савіча-Заблоцкага «Шчаслівейшая Марыся» з серыі «Беларускія нарысы», у якім утрымліваецца шмат беларускамоўнага і этнаграфічнага матэрыялу. Апошні вядомы дакумент, які звязаны з Вайніславам Савічам-Заблоцкім, – адрасаванае яму пісьмо рэдактара «Биржевых ведомостей» М. Коншына ад 3.2.1893 г. Больш звестак пра яго жыццё не выяўлена.

Частка 3

Вайніслаў Савіч-Заблоцкі пісаў на польскай, рускай, нямецкай, французскай і беларускай мовах. Ён карыстаўся псеўданімамі: «Грамадзянін з Белай Русі», «Граф Суліма з Белай Русі», «Полоцкий Гаврило», «Comte Cailima», «Павел Завіша» і інш.

Зрэдку выкарыстоўваў прозвішчы «барона Розена» і «г[рафа] Сабалеўскага Знайдоўскага» [**30**, с. 363].

Многія яго польскамоўныя творы напісаны на беларускіх рэаліях. Спынімся на беларускамоўнай творчасці пісьменніка. Сёння апублікаваны ўсе нешматлікія выяўленыя беларускія творы Савіча-Заблоцкага, пісьмы, прашэнні на рускай мове і адзіны празаічны твор, перакладзены з польскай мовы.

У «Хрэстаматыю беларускай літаратуры ХІХ стагоддзя» (выданні 1977, 1988), якую рэцэнзент Язэп Янушкевіч назваў «Кодэксам грамадзянскасці», увайшлі вершы Вайніслава Савіча-Заблоцкага «З чужбіны», «У роднай зямлі», «Да перапёлкі» і яго лісты на беларускай мове да П. Драгаманава [**5**, с. 470]. Яшчэ да 140-х угодкаў з дня нараджэння часопіс «Роднае слова» змясціў яго кароткую біяграфію і верш «У роднай зямлі» [**22**, с. 74].

Спробу аналізу вышэйназваных вершаў зрабіў літаразнаўца Ігар Запрудскі. Ён слушна заўважыў, што ацэнка гістарычных адносін паміж Беларуссю і Польшчай у вершах, іх процівапастаўленне ў алегарычнай форме здзіўляе маштабнасцю тэмы, з’яўляецца, без перабольшвання, адзінкавай у тагачаснай літаратуры.

«З пункту гледжання паэтычнай тэхнікі, — лічыць І. Запрудскі, — гэта не шэдэўры, але яны з’яўляюцца найбольш раннімі па часе ўзорамі пейзажнай і медыятыўнай лірыкі ў беларускай паэзіі ХІХ стагоддзя» [**10**].

Верш «Беларуская пея» быў надрукаваны ў зборніку тэкстаў «Беларуская літаратура XVIII–XIX стагоддзяў» (с. 220) і займае паводле рэйтынгу у Інтэрнэце 45 пазіцыю са 100 самых чытаемых твораў.

Гэты верш — сведчанне сапраўднага дэмакратызму таямнічага «чырвонага графа» з Белай Русі. Вольнае беларускае слова ад прадстаўніка Белай Русі прагучала ў Парыжы сярод віншаванняў з Украіны, Францыі, Польшчы, Германіі, Швейцарыі, Англіі, ЗША як верш-вітанне выдатнага польскага паэта-рамантыка, ураджэнца Украіны Юзафа Багдана Залесскага з 80-гадовым юбілеем. У вершы, прасякнутым патрыятызмам, кожны радок нясе вялікую сэнсавую нагрузку, раскрывае стан беларускай мовы і беларускага «люду» ў гістарычным рэчышчы і праслаўляе юбіляра.

Паэзія і эпісталярная спадчына В. Савіча-Заблоцкага падрабязна разглядаецца ў 2-м томе акадэмічнага выдання «Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў» (2008, 2010).

Гістарычная аповесць Вайніслава-Казіміра Суліма-Савіч-Заблоцкага «Арлалёты і Падканвойны, або Полацкая шляхта» была апублікавана ў часопісе «Полымя» (2004, №№ 1, 3, 4, 6).

Гэты цікавы, займальны і пазнавальны твор выявіла і пераклала з польскай на беларускую мову даследчыца Ж. Некрашэвіч-Кароткая. Перакладчыца перадала ўсе моваэнаўчыя даследаванні пісьменніка, захавала спецыфічныя для Віцебшчыны асаблівасці гаворкі той пары [**5**, с. 470].

Цікава, што дзеля захавання каларыту эпохі ў творы ўзноўлены этыкетныя формы шляхецкіх зваротаў, што ўжываліся на Беларусі: «Ямць», «Ямці» («Ягамосць», «Ягамосці») і інш. Паводле жанру гэты твор адносіцца да гістарычна-прыгодніцкай прозы. Авантурны элемент робіць твор даволі займальным. Пачынаецца аповесць з характарыстыкі Беларусі тых часоў: «Вядома цэламу свету, дзе ёсць Белая Русь. Зрэшты, аспаньству казаць не трэба, якія толькі дзівосы і цуды ў рускай той зямлі крыюцца, бо якімі ўласцівасцямі адарыў яе Стваральнік. Яе глеба не занадта плодная, лясоў і ўсялякіх вод незлічонае ў ёй мноства, а кожны лес поўны звера і птушкі, кожны вадаём – рыбы» [**26**; С. 124].

З гонарам апісвае аўтар Заходнюю Дзвіну, Полацкае ваяводства. Асабліва ён засяродзіўся на годнасці беларусаў гэтага краю, як шляхты, так і сялянства: «А той славуты польскі анімуш (дух, нораў, характар) у той правінцыі, на шляхецкіх дварах, а нярэдка нават і ў сялянскай хаце жыве, поўнымі грудзямі дыхаючы» [**26**, с. 125]. Менавіта жыццю розных слаёў полацкай шляхты і прысвечаны твор.

У даўнішнім ваяводстве Полацкім пражываюць нашчадкі трох родаў – галоўныя героі твора: па-над Дзвіною ў старасвецкім замку жывуць тры браты, дагэтуль нежанатыя Стараставы сыны. Просты люд іх заве Шатанамі, ці па назве іх рэзідэнцыі – Арлалёты. У бок Обалі-ракі ў пасёлку Шчарота, у лістоўнічным доме жыве стары Мечнік (Падканвойны) і яго дачка Зоф'я. Пад Сіроцінам, амаль у вытанчаным палацы, у сваім маёнтку Бельмонт, жыве сын Кашталяна – Гажагорскі. Вакол гэтых трох радоў і будуецца сюжэт.

Захавальнікам лепшых традыцый шляхты з'яўляецца стары Мечнік-Падканвойны. Сыны яго палеглі пры Касцюшку, засталася толькі прыгожая маладзенькая дачка Зоф'я, якая выхоўвалася ў Вільні. Разам з ёю ў сям'і Мечніка жыве яе сяброўка Гануся.

Стараставы сыны ўвасабляюць сабою высакародны пласт шляхты, што заўсёды карыстаўся павагай, вызначаўся свавольнасцю, выступаў за незалежнасць сваёй краіны. Яны гарачыя і задзірыстыя, дзёрзкія ў душы.

А вось носьбітам адмоўных якасцей з'яўляецца граф Ульрых Крыстын Гажагорскі.

Спаборніцтва за Зоф'ю, якая ўвасабляе сабою ідэал маладой шляхцянкі, няўдалае выкраданне яе графам Гажагорскім і выратаванне Шатанам Арлалётам Старэйшым перадае ідэю твора: перамагае ўсё станоўчае, звязанае з роднаю зямлёю.

Аповесць яскрава малюе норавы шляхецкага асяроддзя Полаччыны канца XVIII – пачатку XIX стагоддзяў. У ёй моцна гучаць і фальклорныя матывы: гэта «Дума пра Арлалётаў», вясельныя песні, паданне пра Гарыславу (Рагнеду); жудасная і прыгожая легенда пра Жэраўскае возера, казка пра вужынага караля, ярка намаляваная карціна Купальскага свята, «празніка Вазнясення» – усё гэта, а таксама мноства побытавых падрабязнасцей надае твору жыццёвасць і ўзнаўляе карціны мінулага Полаччыны [**27**, с. 73–75].

У творы паказана, што амаль уся шляхта чакала прыходу Напалеона як вызваліцеля народаў (а да таго часу, калі Напалеон паказаў, чаго варты яго «свабоды», было яшчэ далёка) і ненавідзела кацапаў (рускіх). Уладзімір Арлоў у «Таямніцы Полацкай гісторыі» таксама піша пра гэта [**1**]. Аднак ў аповесці вуснамі мудрага Янука Сялявы выказваецца думка: «Найгоршае няшчасце для народа – дазволіць ашчаслівіць сябе іншаму народу».

Твор Вайніслава Савіча-Заблоцкага «Полацкая шляхта» – унікальны, шматпланавы, прасякнуты глыбокім патрыятычным пачуццём. Апублікаванне яго выклікала вялікую цікавасць чытачоў і шырокі рэзананс у асяроддзі літаратуразнаўцаў. З'явіліся рэцэнзіі інфармацыйна-рэкамендацыйнага характару [**24**, *25*] і даклады, артыкулы ў навуковых зборніках, якія дакладна асвятляюць канкрэтныя праблемы твора, разглядаюць яго мастацкія вартасці. Усе даследчыкі, якія аналізавалі гэты твор з розных пунктаў гледжання, высока ацанілі яго.

Сама перакладчыца аповесці, Жана Некрашэвіч-Кароткая, назвала гэты твор адным з лепшых помнікаў айчыннага пісьменства і апублікавала некалькі артыкулаў у навуковых зборніках. У артыкуле «Энцыклапедыя шляхецкага жыцця: аповесць В. Савіча-Заблоцкага» яна зрабіла глыбокі аналіз з пункту гледжання перакладчыка-лінгвіста.

Ж. Некрашэвіч-Кароткая называе Савіча-Заблоцкага пісьменнікам-лінгвістам і лічыць найпершым яго дасягненнем тое, што ён намагаецца ўзнавіць элементы жывой гутаркі жыхароў Полаччыны – як шляхты, так і простага люду [**16**]. Шляхта, якая жыве патрэбамі і турботамі свайго народа – ідэал для аўтара твора.

Літаратуразнавец Марына Дварэцкая разглядае аповесць «Полацкая шляхта» ў кантэксце еўрапейкага літаратурнага працэсу. У артыкуле «Шляхцічы і месцічы ў «Полацкай шляхце» Вайніслава Савіча-Заблоцкага» яна падрабязна прааналізавала тыпалогію створаных вобразаў як прадстаўнікоў розных саслоўяў Полаччыны тых часоў. «Асноўную задачу, – лічыць аўтар артыкула, – В. Савіч-Заблоцкі бачыў у рэпрэзентацыі сваёй Радзімы. Менавіта Беларусь, з яе гісторыяй, з яе краявідамі і паданнямі, з яе зямлёй і людзьмі з'яўляецца адным з галоўных персанажаў твора. В. Савіч-Заблоцкі пісаў твор, знаходзячыся ў Заходняй Еўропе, што абумовіла панарамнасць бачання роднай зямлі і роднага народа» [**8**]. У творы перад намі паўстаюць прадстаўнікі розных слаёў грамадства, і кожны з характараў твора можа быць абагульнены да пэўнага тыпу. Даследчыца робіць выснову: «... мы маем права казаць ужо пра пэўныя літаратурныя тыпы, некаторыя з якіх можам назваць нацыянальнымі» [**8**].

У працы Алены Плешкуновай «Сінтэз узвышанага і камічнага ў мастацкім творы (на матэрыяле аповесці Вайніслава Савіча-Заблоцкага «Полацкая шляхта»)» разглядаецца названы аспект твора.

Наталля Бахановіч выступіла ў зборніку «Актуальныя праблемы паланістыкі 2006» з артыкулам «В. Савіч-Заблоцкі як майстра апавядання (на матэрыяле «Полацкай шляхты»)», у якім зрабіла поўны літаратуразнаўчы аналіз твора. Даследчыца зазначыла, што «Полацкая шляхта» адносіцца да тых твораў, якія задавальняюць духоўныя патрэбы беларускага народа, але былі вымушаны самавыяўляцца на мове суседніх народаў. Праз увесь тэкст праведзены лейтматыў «залатой свабоды», пра якую забыліся жыхары былой Рэчы Паспалітай» [**4**]. Гэта было вельмі актуальным на той час, калі з'явіўся твор: роздум над паняццем свабоды, незалежнасці асобы і народа. У артыкуле даследчыца прыводзіць пераканаўчыя доказы, што твор не закончаны, хаця «сам аповед, канешне, мае цэласнасць, завершанасць [**4**].

Параўнальны аналіз вобразаў шляхты і іх жыцця зрабіла вучоны-філолаг Ванда Бароўка ў артыкуле «Шляхецкі свет у паэме «Пан

Тадэвуш» Адама Міцкевіча і аповесці «Полацкая шляхта» Войслава Савіча-Заблоцкага» [3]. В. Бароўка адзначыла, што ў абодвух творах шмат агульнага ў раскрыцці правінцыйнага шляхецкага жыцця, і па гістарычным часе дзеяння ў творах яны таксама блізкія: канец XVIII – пачатак XIX стст. Прасочваецца рэалістычная тэндэнцыя ў адлюстраванні рэчаіснасці з элементамі рамантызму, тое ж і ў абмалёўцы патрыятычна настроеных асобаў. Яна спынілася на падрабязнай характарыстыцы твораў, іх мастацкіх асаблівасцях. Але ў адносінах да твора «Полацкая шляхта» зноў жа, як і ў артыкуле «Вайніслаў Савіч-Заблоцкі» [3], В. Бароўка дапускае тую ж блытаніну з прозвішчамі: прозішча Кашталяніча Гажагорскага прысвоіла Мечніку і яго дачцэ Зоф'і, а яго самога называе проста «Граф Ульрых Крыстын ці Кашталяніч» [**4**]. У цэлым аўтарка артыкула абгрунтавана паказала значнасць твора і яго месца ў гісторыі беларускай літаратуры.

Гістарычная аповесць Вайніслава Казіміра Суліма-Савіч-Заблоцкага «Полацкая шляхта» – невычэрпная крыніца ведаў пра жыццё на Полаччыне ў канцы XVIII ст. Гэты твор – неацэнны сродак патрыятычнага выхавання, таму павінна быць выдадзена асобнай кнігай. Мэтазгодна было б ўключыць яе ў адпаведныя навучальныя праграмы. У полацкім рэгіёне гэты твор павінен вывучацца абавязкова, хаця б на ўзроўні факультатыва.

Нягледзячы на тое, што дакладных дакументальных крыніц пра Савіча-Заблоцкага не выяўлена, даследчыкам удалося ўзнавіць многія факты з яго біяграфіі. Адшуканы, апублікаваны, прааналізаваны беларускамоўныя творы пісьменніка і яго эпісталярная спадчына. Знойдзена, вядома, не ўсё; творы В. Савіча-Заблоцкага чакаюць сваіх перакладчыкаў, даследчыкаў, кампаратывістаў і біёграфаў. Але можна зрабіць выснову: у сучасным літаратуразнаўстве імя пісьменніка – выразніка беларускай нацыянальнай ідэі – заняло належнае месца. А апублікаванне ўнікальнага, таленавітага твора «Полацкая шляхта» паставіла Вайніслава Савіча-Заблоцкага ў шэраг цікавейшых пісьменікаў XIX ст.

Спіс літаратуры

1. Арлоў, У. Таямніцы полацкай гісторыі / У. Арлоў. – Мінск: Папуры, 2008. – 608 с.

2. Бароўка, В. Вайніслаў Савіч Заблоцкі / Ванда Бароўка // Літаратурныя постаці Віцебшчыны: гісторыя і сучаснасць: зборнік навуковых артыкулаў. – Віцебск, 2008. – С. 62–78.

3. Бароўка, В. Шляхецкі свет у паэме «Пан Тадэвуш» Адама Міцкевіча і аповесці «Полацкая шляхта» Войслава Савіч-Заблоцкага / Ванда Бароўка // Мелодии, краски, запахи «малой родины» Адама Мицкевича: сборник научных работ / ГрГУ имени Я. Купалы, – Гродно, 2008. – С. 150–160.

4. Бахановіч, Н.В. Савіч-Заблоцкі як майстра апавядання (па матэрыялах «Полацкай шляхты») / Наталля Бахановіч // Актуальныя праблемы паланістыкі 2006 / рэд. С. Важнік, А. Копынава – Мінск, 2006. – С. 15–22.

5. Беларуская літаратура XIX стагоддзя: хрэстаматыя: вучэб. дапаможнік для студэнтаў філал. спец. ВНУ / склад. і аўт. камент. А.А. Лойка, В.П. Рагойша – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: Вышэйшая школа. 1988. – 487с.

6. Бэндэ, Л. Новыя архіўныя матэрыялы па гісторыі беларускай літаратуры: [прадмова да публікацыі]; Савіч-Заблоцкі Вайніслаў. [Пісьмо, напісанае ім 22 кастрычніка 1873 г. з. Варшавы да рэдактара часопіса «Вестника Европы» Стасюлевіча]. З чужбіны. У роднай зямлі. Да перапёлкі: вершы // Беларусь. – 1946. – № 4. – С. 24–25.

7. Гісторыя беларускай літаратаруры XI–XIX стагоддзяў: у 2 т. / Нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; навук. рэд. тома У.І. Мархель, В.А. Чамярыцкі. – 2-е выд. – Мінск: Беларуская навука, 2010. – Т. 2. Новая літаратура: другая палова XVIII – XIX.– 582 с.

8. Дварэцкая, М. Шляхцічы і месцічы ў «Полацкай шляхце» Вайніслава Савіча-Заблоцкага // Працы кафедры гісторыі беларускай літаратуры Беларускага дзяржаўнага універсітэта. – Мінск: Права і эканоміка, 2008. – Вып. 9. – С. 94–97.

9. Запрудскі, І. Асоба В. Савіча-Заблоцкага і нацыянальнае пытанне ў другой палове XIX ст. / І. Запрудскі // Acta albaruthenika. – 2003. – № 3.

10. Запрудскі, І. «Чырвоны граф», «самашчыры беларусін» і адзін з першых нашых «нігілістаў» Войслаў Савіч-Заблоцкі (1850 – пасля 1893) / І. Запрудскі // Настаўніцкая газета. – 2003. – 12 красавіка – С. 7.

11. Запрудскі, І. Шукальнік імя свайго: Войслаў (Вайніслаў)-Казімір Суліма-Савіч-Заблоцкі / І. Запрудскі, Ж. Некрашэвіч-Кароткая // Літаратура і мастацтва. — 2005. — 29 красав. — С. 12.

12. Кісялёў, Г.В. Ад Чачота да Багушэвіча: праблемы крыніцазнаўства і атрыбуцыі беларускай літаратуры XIX ст. / Г.В. Кісялёў. — 2-е выд. — Мінск: Беларуская навука, 2003. — 239 с.

13. Лойка, А.А. Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд: у 2-х ч. / падручнік для філфакаў ВНУ — 2-е выд., дапрац. і дап. / А.А. Лойка — Мінск: Вышэйшая школа, 1989. — Ч. 1. — 319 с.

14. Крукоўскі, У. Срэбная страла ў чырвоным полі: з гісторыі беларускіх прыватных гербаў / У. Крукоўскі. — Мінск, 2010. — С. 124.

15. Мальдзіс, А. І ажываюць спадчыны старонкі: выбранае / А. Мальдзіс; прадм. Г.В. Кісялёва. — Мінск: Маст. літ., 1994. — 495 с.

16. Некрашэвіч-Кароткая, Ж. Энцыклапедыя шляхецкага жыцця: аповесць В. Савіч-Заблоцкага «Полацкая шляхта» / Ж. Некрашэвіч-Кароткая // Паланістыка=Полонистика=Polonistyka 2002/2003 / рэд. А. Кіклевіч, С. Важнік. — Мінск, 2004. — С. 249–259.

17. Пачынальнікі: з гіст.-літар. матэрыялаў XIX ст. / уклад. Г.В. Кісялёў; рэд. В.В. Барысенка, А.І. Мальдзіс — 2-е выд. — Мінск: Беларуская навука, 2003. — 549 с.

18. Плешкунова, А. Сінтэз узвышанага і камічнага ў мастацкім творы (на матэрыяле аповесці Вайніслава Савіча-Заблоцкага «Полацкая шляхта») / А. Плешкунова // Працы кафедры гісторыі беларускай літаратуры Беларускага дзяржаўнага універсітэта.— Мінск: Права і эканоміка, 2008. — Вып. 9. — С. 151–156.

19. Рублевская, Л. Странствующий нигилист / Л. Рублевская // Советская Белоруссия. — 2010. — 24 марта. — С. 18.

20. Русецкий, А.В. «Граф Сулима»-Дисненский / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий // Художественная культура Витебщины: Поозерье, Подвинье, Верхнее Поднепровье / А.В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. — Витебск, 2008. — С. 331–333.

21. Савіч-Заблоцкі, Вайніслаў Казімір. Беларуская пея: верш // Беларускі дзяржаўны універсітэт. Філалагічны факультэт. Кафедра гісторыі беларускай літаратуры. — Мінск, 2000. — С. 220.

22. Савіч-Заблоцкі, Вайніслаў: біяграфічная даведка; У роднай зямлі: верш // Роднае слова. — 1990. — № 3. — С. 74.

23. Савіч-Заблоцкі, Вайніслаў. У роднай зямлі. Да перапёлкі: вершы.

Пісьмы да Міхайлы Драгаманава // Заняпад і адраджэнне: беларуская літаратура XIX ст. / уклад., прадм., і заўвага У. Казберука. – Мінск, 2001. – С. 542–556.

24. Сопікава, В. Каханне па-полацку напрыканцы XVIII стагоддзя / В. Сопікава // Краязнаўчая газета. – 2005. – № 9.

25. Сопікава, В. Каханне па-полацку напрыканцы XVIII стагоддзя / В. Сопікава // Літаратура і мастацтва. – 2005. – 1 красав.

26. Суліма-Савіч-Заблоцкі, Вайніслаў Казімір. Арлалёты і Падканвойны, або Полацкая шляхта. Жаніцьба Ягамосці пана Шатана Старэйшага: аповесць // Полымя. – 2004. – № 1.

27. Суліма-Савіч-Заблоцкі, Вайніслаў Казімір. Арлалёты і Падканвойны, або Полацкая шляхта. Жаніцьба Ягамосці пана Шатана Старэйшага: аповесць // Полымя. – 2004. – № 3.

28. Суліма-Савіч-Заблоцкі, Вайніслаў Казімір. Арлалёты і Падканвойны, або Полацкая шляхта. Жаніцьба Ягамосці пана Шатана Старэйшага: аповесць // Полымя. – 2004. – № 4.

29. Суліма-Савіч-Заблоцкі, Вайніслаў Казімір. Арлалёты і Падканвойны, або Полацкая шляхта. Жаніцьба Ягамосці пана Шатана Старэйшага: аповесць // Полымя. – 2004. – № 6.

30. Янушкевіч, Я. [В.К. Суліма-Савіч-Заблоцкі] / Я. Янушкевіч // За архіўным парогам / Я. Янушкевіч – Мінск, 2002. – С. 329–333, 361–364.

Третьяк И.Д.

Полоцк в зеркале архивных документов (1918–2007)

Интерес всякого цивилизованного общества к своему прошлому — непременный закон развития. Общество, которое забывает этот закон, не остаётся безнаказанным. Оно утрачивает возможность осознать себя во времени, видеть своё место в общем развитии человечества. И рано или поздно возвращается к необходимости изучения прошлого своей страны, своего народа. Главным источником такой ретроспективной информации являются архивы — хранители документальной памяти.

В учреждении «Зональный госархив в г. Полоцке» на государственном хранении находится 2156 архивных фондов, которые насчитывают 366 872 единицы хранения за 1918–1941, 1943–2007 гг. В госархиве имеются документы учреждений и организаций Дриссенского и Лепельского уездов, Полоцкого уезда, округа и области, Верхнедвинского (до 25 декабря 1962 г. Дриссенского), Лепельского, Полоцкого, Россонского, Ушачского и ликвидированных Ветринского и Освейского районов, городов Лепеля, Новополоцка и Полоцка.

Документы госархива раскрывают малоизвестные страницы истории Полоцкого региона и г. Полоцка.

Хотелось бы вкратце остановиться на некоторых фактах из жизни нашего города, а начнём с общенациональной реликвии — Креста Евфросинии Полоцкой.

В первом номере журнала «Архивы и делопроизводство» за 2006 г. в рубрике «Архивалии» опубликована статья главного редактора журнала Святослава Асиновского «Таямніца крыжа Ефрасінні Полацкай», в которой он пишет, что в 1921 г. большевистские власти реквизировали святыню и поместили в один из сейфов местного финансового отдела, а в 1928 г. в Полоцк выехал директор Белорусского государственного музея Вацлав Ластовский, и именно он привёз крест в Минск.

В документах фонда Полоцкого окружного отдела Центрального госархива БССР имеются 2 документа, уточняющие местонахождение

креста в период между 1921 и 1928 гг. В письме директора Белорусского государственного музея от 19 мая 1925 г. заведующему Полоцким окрархивом Я.Т. Дадону говорится: «... я слышал, что Вам известно местонахождение креста Евфросинии. Крайне был бы Вам обязан, если бы Вы сообщили мне сведения: у кого он находится, где и при каких условиях можно было бы получить его для музея...». В ответе Я.Т. Дадона сообщалось, что крест хранится в древней церкви бывшего Спасского монастыря под охраной общины. Актом от 2 июня 1925 г. крест взят на учёт как памятник древнего белорусского искусства. Институт белорусской культуры назначил Полоцкий окружной исполнительный комитет ответственным за охрану креста. Заведующий окрархивом писал, что охрану креста, в тех условиях, можно было считать обеспеченной. В случае ликвидации общины, по его мнению, крест должен был быть передан Государственному музею.

Следует отметить, что в 20-е годы прошлого века в г. Полоцке большое внимание уделялось краеведческой работе: были созданы Полоцкая уездная комиссия по охране памятников старины и искусства, краеведческие общества в педагогическом и лесном техникумах, открыты Полоцкий краеведческий музей, окружной отдел Центрального архива БССР, в котором было сконцентрировано много документов по истории г. Полоцка.

В архивном фонде Полоцкого уездного отдела народного образования находятся документы уездной комиссии по охране памятников старины и искусства, созданной 23 июля 1920 г. Комиссия занималась обследованием, описанием и консервацией сохранившихся к тому времени архитектурных памятников. А в те далёкие 1920-е годы в Полоцке были ещё и развалины Борисо-Глебского монастыря, и Николаевский собор, Покровская, Иоанно-Богословская, кладбищенская Михайловская, Единоверческая церкви, римско-католический костёл.

При обследовании Покровской церкви был найден ценный для истории г. Полоцка церковный архив, а в Единоверческой церкви, находившейся на Нижнем базаре, хранились дела Строительного комитета по ремонту Софийского собора, которые содержали много интересных исторических справок по сооружению и устройству древнего Софийского храма. Эти дела, а также 2 книги описей имущества Софийского собора члены комиссии, осматривавшие церковь, взяли во временное пользование.

Наш город с каждым годом становится привлекательнее. Благоустраиваются его кварталы, скверы, парки, площади и улицы, восстанавливаются архитектурные ансамбли, устанавливаются новые памятники. Меняется внешний вид древнего города. Местные власти всегда уделяли большое внимание облику города. Это отражено в архивных документах, которые, несмотря на все перипетии, сохранились до наших дней и передают неповторимый колорит ушедшего в историю Полоцка.

Ещё в далёком 1924 г. Полоцким уездным исполнительным комитетом было принято обязательное постановление, в котором определён ряд мероприятий, направленных на благоустройство города. Всем учреждениям и организациям, арендаторам и домовладельцам предписывалось починить асфальтовые и деревянные тротуары, обветшавшие ворота и заборы, крыши домов и водосточные трубы. Все спуски и лестницы в подвалы с тротуаров рекомендовалось оградить прочными перилами, исправить подмытую кладку цокольных этажей зданий, обвалившуюся и непрочную штукатурку фасадов и карнизов; на магазинах и административных зданиях промышленных предприятий установить вывески с указанием вида торговли или названия предприятия, а также фамилию владельца.

Домовладельцы, арендаторы как частных, так и коммунальных зданий должны были установить возле своих домов фонари с керосиновыми лампами мощностью не менее 10 свечей, обслуживание которых возлагалось на граждан, проживавших в домах. Отдел коммунального хозяйства за счёт домовладельцев устанавливал фонари с электрическими лампочками мощностью 25 свечей на улицах Ленина, Троцкого, К. Маркса, Советской, Коммунистической, Невельской, Пролетарской и пересекавших их улицах в пределах от Стрелецкой до Старовокзальной. В случае невыполнения постановления с частных лиц предусматривалось взимание штрафа в размере 300 рублей или принудительные работы в течение 3-х месяцев, а должностные лица привлекались к судебной ответственности.

Большое внимание уделялось санитарному состоянию города. Уборка улиц и тротуаров в весеннее и летнее время начиналась не раньше 11-ти часов вечера и заканчивалась не позже 8-ми часов утра, а в зимнее время – не позже 9-ти часов утра. Тротуары во время гололедицы посыпали песком или золой. Снег вывозили из города в тече-

ние суток на реку Двину напротив улиц Л. Толстого и Старовокзальной (ныне улица Пушкина). С 15 по 25 марта 1924 г. в Полоцке объявили десятидневник по очистке улиц, дворов и крыш домов от снега. Мусор из города вывозили на свалки, располагавшиеся на 358 километре Орлово-Витебской железной дороги и на территории бывшего кирпичного завода у имения Погирщина.

Торговцам предписывалось содержать свои рабочие места в чистоте, после окончания торговли ежедневно убирать рыночные площади не позднее 10 часов вечера в летнее время и 5 часов вечера в зимнее.

Особые требования предъявлялись к колодцам, так как они были источниками питьевой воды для жителей города. Их ежегодно чистили и дезинфицировали.

Населению Полоцка запрещалось вывешивать на улицах бельё и одежду, выпускать домашних животных, кроме их прогона на пастбище.

16 мая 1924 г. Полоцкий уисполком принял постановление, касавшееся площади Свободы, которая «предназначалась для спортивных целей». На площади разрешалось гулять до 11 часов вечера, но строго запрещалось сорить и ездить на велосипедах и лошадях.

В фонде Полоцкого окружного исполнительного комитета имеются протоколы пленумов и заседаний президиума Полоцкого городского Совета за 1937 г. Знакомясь с документами, можно узнать, чем жил город 74 года тому назад.

На пленумах и заседаниях президиума рассматривались самые разные вопросы, касавшиеся как хозяйственной и культурной жизни города, так и отдельных граждан: о работе артелей, электростанции, городского водопровода, банно-прачечного комбината, конторы зелёного хозяйства и других предприятий; строительстве школ, детских садов и яслей, нового деревянного моста через реку Полота по ул. Фрунзе, жилых домов; ликвидации неграмотности и малограмотности среди городского населения; обследовании жилищно-бытовых условий многодетных матерей; праздничной и предпраздничной торговле в дни 1-го Мая; подведении итогов 1936/1937 учебного года и подготовке к новому учебному году; оказании материальной помощи гражданам; установлении права собственности на домовладения; выделении земельных участков для строительства социально-культурных объектов и индивидуальных жилых домов. И этот перечень можно продолжить.

На заседании президиума Полоцкого горсовета 19 марта 1937 г. слушали заявление Управления военно-строительных работ № 51 об отводе земельного участка для строительства Дома Красной Армии. Президиум горсовета постановил утвердить для строительства участок, расположенный в квартале улиц Войкова, Пролетарской, Льва Толстого и Воровского. Учитывая, что строительство потребует дополнительных площадей, прилегающий к строительству участок с выходом на реку Полоту, где размещался сад Максима Горького и частный сектор, до границы ул. Воровского, решено было передать Управлению № 51. Снос частного сектора запрещался до полного окончания строительства Дома Красной Армии в 1939 г. Таким образом, известному всем полочанам Дому офицеров в этом году исполнилось 72 года.

За годы Великой Отечественной войны древний Полоцк был превращён в груды развалин, а его центральная часть почти полностью уничтожена. В городе были разрушены промышленные предприятия, водонапорная станция, выведен из строя водопровод, городская телефонная станция, почта, телеграф, разграблен Полоцкий краеведческий музей с его уникальными историческими ценностями и богатейшими коллекциями, сожжён весь книжный фонд городских библиотек, пострадали исторические памятники, школы города, педагогическое училище, строительный техникум, кинотеатр, городской театр, Дом Красной Армии и другие здания культурного и бытового назначения, 2328 жилых домов.

На первом после освобождения города заседании исполкома Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся 29 июля 1944 г. рассматривался вопрос о восстановлении коммунальных объектов, а именно водопровода и бани, имевших жизненно важное значение для горожан. В августе — сентябре 1944 г. на заседаниях исполкома заслушивались вопросы о мобилизации рабочей силы для восстановления города, восстановлении промышленных предприятий, школ, детских садов, библиотек, педагогического училища.

Газета «Большевицкий шлях» 21 октября 1944 г. опубликовала решение Пленума Полоцкого горсовета депутатов трудящихся о возрождении Полоцка и участии населения в его восстановлении. Всё трудоспособное население города привлекалось на работы по разбору завалов, приведению в порядок тротуаров и дорожного покрытия, посадке деревьев. Для рабочих и служащих с восьмичасовым рабочим днём нужно

было отработать 30 часов в месяц; студентам — 15 часов; для граждан, которые не работали на предприятиях, в учреждениях и организациях, — 60 часов.

Воскресенье 22 октября 1944 г. было объявлено первым днём массового выхода трудящихся на восстановительные работы. В этот день в работах по восстановлению Полоцка приняли участие 1090 человек.

В послевоенный период началась работа по увековечиванию памяти погибших в годы Великой Отечественной войны воинов Советской Армии, партизан, мирного населения: сооружались памятники, благоустраивались братские могилы, производились перезахоронения. Исполком Полоцкого областного Совета депутатов трудящихся 18 октября 1949 г. принял решение «Об увековечивании памяти погибших воинов Советской армии», в котором шла речь об урочище Пески Громовского сельсовета Полоцкого района. В октябре 1948 г. урочище Пески было передано в пользование колхозу им. Калинина и впервые запахано под озимую рожь в 1949 г. Всего было посеяно около 5 гектаров ржи, в том числе около 2 гектаров на месте захоронения расстрелянных фашистами советских граждан. По данным Государственной Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов, в урочище Пески находились 42–43 братские могилы, в которых захоронено 35–36 тысяч военнопленных и мирных граждан, женщин, детей. Из этого числа осталось только 7–8 могил, в которых захоронено 10 тысяч человек, а остальные были распаханы. Комиссия в составе представителей Полоцкого облисполкома, облвоенкомата и райвоенкомата в присутствии председателя колхоза и счетовода, депутата Громовского сельсовета, 1 октября 1949 г. обследовала этот участок и обнаружила на поверхности человеческие кости. В связи с этим облисполком решил: «Для увековечивания памяти 35 тысяч советских воинов и мирного советского гражданского населения, павших от рук фашистских извергов, поставить на месте совершения злодеяний памятник воинам, павшим за Советскую Родину, и жертвам фашизма. ...Просить Совет Министров Белоруской ССР ассигновать для сооружения памятника 150 тыс. рублей». Полоцкий райисполком должен был огородить и благоустроить всю территорию, где находились могилы погибших.

В документах архивного фонда Полоцкого горисполкома за послевоенный период имеются сведения о создании парка в районе улиц

Ленинградской и Громовской на месте бывшего кладбища, ремонте Софийского собора, строительстве здания УМГБ по Полоцкой области (в настоящее время в нём находится Полоцкий райисполком), педучилища, городского водопровода, восстановлении кинотеатра «Родина», отводе земельных участков для строительства зданий пединститута (теперь гимназия № 2), Полоцкой средней сельскохозяйственной школы (теперь Полоцкое городское объединение по внешкольной работе с детьми и подростками), водонапорной башни (теперь Природно-экологический музей), о ходе строительства здания библиотеки (теперь центральная городская библиотека им. Ф. Скорины) и Дома культуры, приёмке в эксплуатацию вновь построенной гостиницы (теперь гостиница «Двина»), наименовании и переименовании улиц города, праздновании 1100-летнего юбилея г. Полоцка в 1962 г., утверждении перечня объектов и границ исторического центра и охранных зон города в 2002 г., проведении открытого городского конкурса на лучший проект парковой скульптуры князя Всеслава Чародея в 2005 г. и много других.

Для того, чтобы быстро ориентироваться в большом объёме документальной информации, составляются путеводители.

В издательстве «Медисонт» готовится к печати путеводитель по фондам госархива в г. Полоцке за 1943–2007 гг. Тираж издания 25 экземпляров.

Путеводитель состоит из 25 разделов и содержит описательные статьи на 1405 фондов послевоенного периода, имеющих большое научное и практическое значение, документы которых являются неопубликованными первоисточниками. Ещё 162 малообъемных фонда включены в список не аннотированных фондов, содержащих однотипные виды документов за 1943–1997 гг.

Важным источником информации для исследователей станет список фондов, включённых в путеводитель, и «Краткие сведения об истории административно-территориального деления», где отражены изменения, произошедшие в Дриссенском и Лепельском уездах; Полоцком уезде, округе и области; районах, входящих в зону обслуживания госархива в г. Полоцке.

Чараўко В.У.

Праблема датавання познесярэднявечных грунтовых пахаванняў на курганна-жальнічным могільніку каля в. Бірулі Докшыцкага раёна (па матэрыялах даследаванняў 2011 г.)

Пахавальны помнік – складанае паняцце, якое можа разглядацца на некалькіх узроўнях. Астанкі памерлага разам з пахавальным збудаваннем утвараюць пахаванне. У якасці структурнага элемента пахаванне можа ўключаць пахавальны інвентар. Пахаванне разам з намагільным збудаваннем і рэшткамі рытуальных дзеянняў утварае пахавальны комплекс або магілу. Сукупнасць пахавальных комплексаў і звязаных з імі дадатковых аб'ектаў называецца пахавальнай групай (могільнікам). Пахавальныя помнікі вышэйшага ўзроўню ўключаюць у свой склад пахавальныя помнікі сярэдняга і ніжэйшага ўзроўняў у якасці структурных элементаў. Кожны структурны ўзровень і элемент пахавальнага помніка валодае адметнымі характарыстыкамі [**1**, с. 19–20; **2**, с. 88–90; **3**, с. 218, 223–224].

Сістэматычныя раскопкі пахаванняў у Заходняй Еўропе і ЗША пачаліся ў канцы XVIII – пачатку XIX стст. Да канца XVIII ст. адносяцца і звесткі аб першых аматарскіх раскопках пахавальнага помніка на Беларускім Падзвінні. Увага спецыялістаў у асноўным скіроўвалася на вывучэнне тых пахаванняў, якія выразна бачны на паверхні зямлі – курганоў [**4**, с. 16; **5**, с. 6]. Прыярытэт аддаваўся даследаванню пахаванняў больш ранніх, чым тыя, якія адносяцца да XIV і тым больш да XVIII ст. Таму пахавальныя помнікі XIV–XVIII стст. застаюцца недастаткова даследаванай катэгорыяй археалагічных крыніц. Іх вывучэнне да апошняга часу было пераважна вынікам выпадковага выяўлення, а самі яны не з'яўляліся прадметам спецыяльнага даследавання. Археалагічнымі раскопкамі, археалагічнымназіраннем і археалагічнымі разведкамі з ускрыццём культурнага слоя ахоплена толькі 39 пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння, з іх 20 адносяцца да гарадскіх [**6**]. Між тым, мяркуючы па намагільных канструкцыях, можна казаць больш чым пра сотню пахавальных помнікаў XIV–XVIII стст., якія захаваліся да нашага часу [**6**].

Адметнай катэгорыяй пахавальных помнікаў XIV–XVIII стст. з’яўляюцца курганна-жальнічныя могільнікі — пахавальныя групы, што ўключаюць земляныя і каменныя курганы, грунтовыя магілы з каменнымі абкладкамі, вялікімі валунамі ў галавах і нагах [**7**, с. 125–126]. Значная канцэнтрацыя курганна-жальнічных могільнікаў назіраецца ў паўднёвай частцы Беларускага Падзвіння, у тым ліку на тэрыторыі Докшыцкага раёна. У 2011 г. археалагічны атрад Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта праводзіў даследаванні на тэрыторыі курганна-жальнічнага могільніка каля в. Бірулі Докшыцкага раёна. Могільнік пачаў існаванне ў Х ст. і ўяўляе сабой комплекс розначасовых пахаванняў [**8**, с. 218]. Курганныя пахаванні могільніка на працягу шэрагу гадоў вывучаюцца А.В. Вайцяховічам [**8**, с. 218]. Прадметам нашага даследавання сталі грунтовыя магілы, пазначаныя каменнымі канструкцыямі.

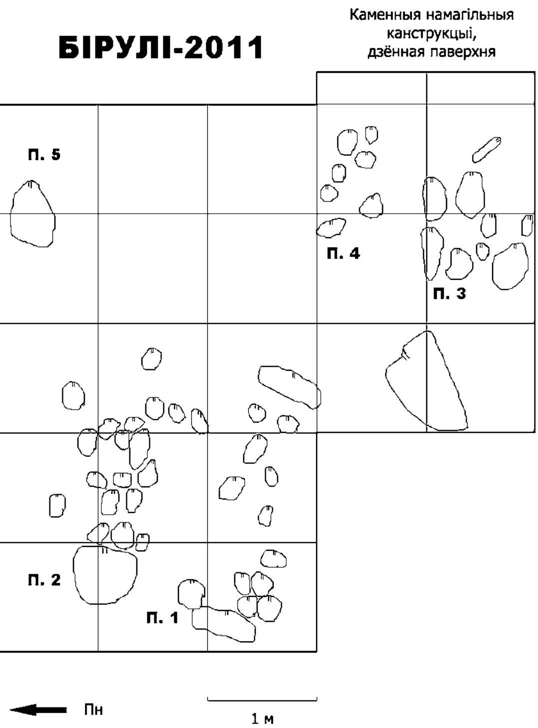
На могільніку быў закладзены шурф плошчай 21,8 м^2, арыентаваны па баках свету. З паўночна-ўсходняга і паўднёва-заходняга бакоў ад шурфа знаходзіліся курганы. Размяшчэнне камянёў намагільных канструкцый дазваляла меркаваць аб наяўнасці ў межах шурфа чатырох пахавальных комплексаў. У ходзе раскопак было выяўлена і ўскрыта пяць пахаванняў.

Пахаванне 1 размяшчалася ў паўднёва-заходнім куце шурфа. Намагільны насып адсутнічаў. Каменная канструкцыя складалася з 33 камянёў, у тым ліку 14 — на дзённай паверхні і 19 — у запаўненні магілы. Звонку магіла маркіравалася двума вялікімі валунамі, адзін з якіх быў змешчаны ў галавах, а другі — на адлегласці 0,5 м ад ног пахаванага. Паміж імі размяшчаліся камяні меншых памераў. Намагільную канструкцыю можна аднесці хутчэй да абкладкі магілы па перыметры, чым да вымасткі. У запаўненні магілы камяні ўтваралі суцэльную вымастку. Глыбіня залягання касцяка складала 0,82–0,96 м. Арыентацыя шкілета блізкая да паўночна-заходняй, з адхіленнем на захад. Рукі складзены на жываце, правая пакладзена на левую. Рэшткаў труны не выяўлена, пахавальны інвентар адсутнічаў.

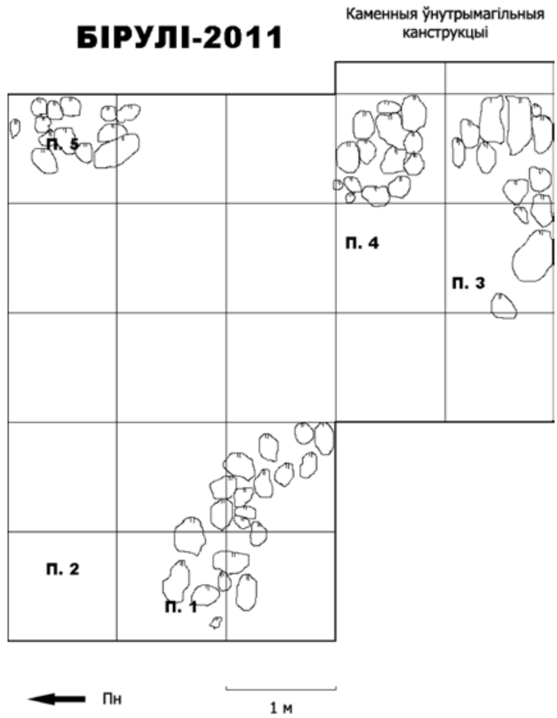
Пахаванне 2 размяшчалася каля паўночна-заходняга кута шурфа на адлегласці 0,75 м ад пахавання 1. Намагільны насып адсутнічаў. Пахаванне маркіравалася вымасткай, што складалася з 20 камянёў. У галавах пахавання размяшчаўся вялікі валун, астатнія камяні канструкцыі былі меншых памераў. У запаўненні магілы валуны не

сустракаліся. Глыбіня залягання касцяка складала 0,88–0,93 м. Шкілет арыентаваны амаль аналагічна шкілету пахавання 1 — на паўночны захад з невялікім адхіленнем на захад (большым, чым у пахаванні 1). Рукі складзены на грудзях, левая пакладзена на правую. Рэшткаў труны і пахавальнага інвентара не выяўлена.

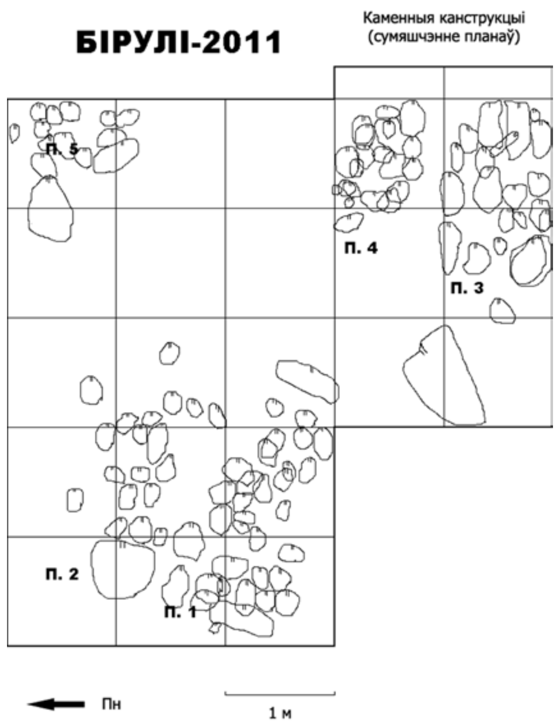
Пахаванне 3 размяшчалася ў паўднёва-ўсходнім куце шурфа. Намагільны насып адсутнічаў. Пахаванне маркіравалася вымасткай з 9 камянёў, якая пакрывала заходнюю палову пахавання. Акрамя таго, на адлегласці 0,75 м на паўночны захад ад магілы знаходзіўся вялікі валунны камень, які мог таксама належаць да пахавання 3 і размяшчацца ў галавах. У запаўненні магілы было выяўлена яшчэ 13 валуноў, сканцэнтраваных пераважна ва ўсходняй палове пахавання. Глыбіня залягання касцяка складала 0,74–0,9 м. Шкілет арыентаваны на захад з нязначным адхіленнем на поўдзень. Рукі складзены на жываце, левая пакладзена на правую. Рэшткаў труны не выяўлена. Пахавальны інвентар адсутнічаў.

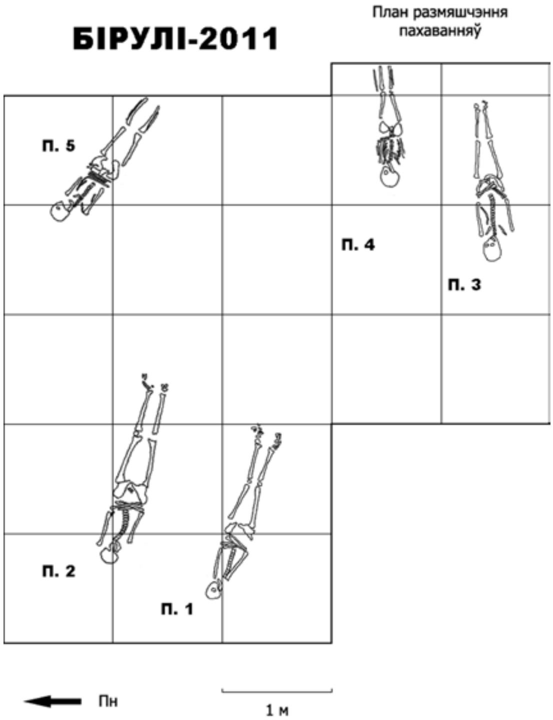
Мал. 1. Каменныя намагільныя канструкцыі.

Мал. 2. Каменныя ўнутрымагільныя канструкцыі.

Мал. 3. Каменныя канструкцыі (сумяшчэнне планаў).

Мал. 4. План размяшчэння пахаванняў.

Пахаванне 4 было размешчана каля паўднёва-ўсходняга кута шурфа на адлегласці 0,6 м ад пахавання 3. Намагільны насып адсутнічаў. Пахаванне маркіравалася па перыметры абкладкай з 7 камянёў, сканцэнтраваных у заходняй палове пахавання. У запаўненні магілы знаходзілася яшчэ 9 камянёў, што ўтваралі вымастку. Камяні таксама былі сканцэнтраваны ў заходняй палове пахавання. Глыбіня залягання касцяка складала 0,76–0,9 м. Шкілет арыентаваны на захад з нязначным адхіленнем на поўдзень аналагічна шкілету пахавання 3. Рукі складзены на грудзях, левая пакладзена на правую. Рэшткі труны адсутнічалі, пахавальны інветар таксама не выяўлены.

Пахаванне 5 было размешчана ў паўночна-ўсходнім куце шурфа. Намагільны насып адсутнічаў. Пахаванне маркіравалася вялікім валунным камянём, пастаўленым у галавах. У запаўненні магілы выяўлена вымастка з 13 камянёў, часткова размешчаных над касцяком, часткова пакладзеных збоку ад яго. Глыбіня залягання касцяка складае 0,74–0,82 м. Шкілет арыентаваны на паўночны захад. Рукі складзены на грудзях, левая

пакладзена на правую. Рэшткі труны адсутнічалі. Пахаванне мела інвентар, прадстаўлены двюма завушніцамі з меднага сплаву (бронзы). Завушніцы кольцападобныя, з трыма стрыжнямі-прывескамі на кожнай. Да падвесак мацаваліся дадатковыя касцяныя і металічныя дэталі. Завушніцы маюць аналогіі ў прыбалтыйскіх матэрыялах і датуюцца XIV — пачаткам XVI стст. [**9**, с. 79–80]. Акрамя таго, адна костка фалангі пальца рукі мае адбітак зялёнага колеру — след карозіі меднага сплаву. Гэта ўказвае на тое, што ў складзе пахавальнага інвентара меўся пярсцёнак, які не захаваўся.

Такім чынам, чатыры з пяці даследаваных пахаванняў аказаліся безынвентарнымі, што тыпова для пахавальных помнікаў позняга сярэднявечча і ранняга новага часу. Пахаванне 5 датуецца XIV — пачаткам XVI стст.

У гэты ж час А.В. Вайцяховіч праводзіў раскопкі кургана з познесярэднявечнымі ўпускнымі пахаваннямі, які прымыкаў да шурфа з паўночнага ўсходу. У адной з магіл была выяўлена манета XVII ст. Датаванне на падставе нумізматычнай знаходкі дае больш дакладную дату. Паўстае пытанне, да якога часу адносяцца недатаваныя грунтовыя пахаванні з шурфа. Пэўную інфармацыю аб гэтым могуць даць каменныя канструкцыі.

У межах шурфа можна назіраць адразу некалькі традыцый іх вырабу. Пахаванне 2 мае толькі намагільную канструкцыю, валуны ў запаўненні магілы адсутнічаюць. Каменныя канструкцыі ў пахаваннях 1, 3 і 4 размешчаны як на дзённай паверхні, так і ў запаўненні магілы. У пахаванні 2 вялікія валуны маркіруюць галаву і ногі нябожчыка, у пахаваннях 2, 3 і 5 — толькі галаву. Каменная канструкцыя пахавання 4 зроблена з камянёў прыблізна аднолькавых, адносна невялікіх памераў; у складзе канструкцый пахаванняў 1–3 і 5 сустракаюцца і значна большыя камяні. Адрозненні ў тэхніцы вырабу каменных канструкцый могуць сведчыць аб розным пахавальным абрадзе, што ўказвае на яго змены, значыць — на розначасовасць пахаванняў.

Пахаванне 5 размешчана практычна ў раўчуку прымыкаючага да шурфа кургана. Гэтым можа быць патлумачана неглыбокае, параўнальна з астатнімі пахаваннямі, заляганне касцяка. Размяшчэнне пахавання ў раўчуку кургана, магчыма, выклікана практычным разлікам: трэба было капаць яму меншай глыбіні. Гэтае пахаванне датуецца XIV — пачаткам XVI стст. на падставе знаходкі завушніц. Можна выказаць меркаванне, што для ажыццяўлення грунтовых пахаванняў у першую

чаргу выкарыстоўвалася міжкурганная прастора. Таму пахаванні 1–4 маглі быць зроблены пасля пэўнага прамежку, улічваючы арыентацыю касцякоў, адрозную ад арыентацыі шкілета пахавання 5. У далейшым, па меры запаўнення міжкурганнай прасторы, пахаванні пачынаюць упускацца ў насыпы курганоў.

Спіс літаратуры

1. Леонова, Н.Б. Погребение как объект формального анализа / Н.Б. Леонова, Ю.А. Смирнов // Краткие сообщения института археологии. – 1977. – Вып. 148. – С. 16–23.

2. Ольховский, В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) / В.С. Ольховский // Российская археология. – 1993. – № 1. – С. 78–93.

3. Смирнов, Ю.А. Морфология погребения (Опыт создания базовой модели) / Ю.А. Смирнов // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – Москва: Наука, 1990. – С. 216–224.

4. Алексеев, Л.В. Археология и краеведение Беларуси: XVI в. – 30-е годы XX в. / Л.В. Алексеев; под ред. Б.А. Рыбакова. – Мінск: Беларуская навука, 1996. – 206 с.

5. Гуляев, В.И. Изучение погребального обряда в зарубежной археологии / В.И. Гуляев // Краткие сообщения института археологии РАН. – 2010. – Вып. 224. – С. 5–19.

6. Чараўко, В.У. Матэрыялы да карты пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стст. / В.У. Чараўко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2010. – № 7. – С. 14–20.

7. Археалогія Беларусі: у 4 т. – Мінск: Беларуская навука, 1998–2001. – Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. / В.М. Ляўко [і інш.]; пад рэд. В.М. Ляўко [і інш.]. – 2001. – 597 с.; іл.

8. Вайцяховіч, А.В. Асаблівасці пахавальнага абрада курганнага могільніка Бірулі (Парэчча) Докшыцкага раёна Віцебскай вобл. / А.В. Вайцяховіч // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2008. – Вып. 15. – С. 218–235.

9. Шаблюк, В.У. Сельскія паселішчы Верхняга Панямоння, XIV–XVIII стст. / В.У. Шаблюк. – Мінск: Беларуская навука, 1996. – 119 с.; іл.

Ярмоленка Э.В.

«Жыціе Еўфрасінні Полацкай» (спіс РНБ, збор Пагодзіна, № 869, арк. 318б–332): лінгвістычны аспект

«Жыціе Еўфрасінні Полацкай», створанае ў канцы XII ст., да нашых дзён дайшло ў спісах XV–XVIII стст. Аднак усе яны захоўваюцца па-за межамі Беларусі, у кнігасховішчах Расіі, Літвы, Украіны, што значна ўскладняе работу з імі. У цяперашні час у выдавецтве Беларускай Праваслаўнай Царквы вядзецца падрыхтоўка да друку аднаго са спісаў жыція Прападобнай. Змешчаны ён у зборніку XVI ст., што захоўваецца ў Расійскай Нацыянальнай бібліятэцы ў Санкт-Пецярбургу (збор Пагодзіна, № 869). Зборнік напісаны паўставам, «**Житїє бл҃женыї҄ѧ Єꙋѳросиніи игꙋменїи вседръжителѧ свѧтаго сп҃са во градᵈ в полоᵈсцѣ**» займае ў ім арк. 318б–332.

Названы спіс даволі цікавы па сваіх лінгвістычных асаблівасцях. У тэксце маюць месца апіскі і памылкі, што, на нашу думку, выклікана рознымі прычынамі. Сярод іх можна бачыць не проста няўважлівасць перапісчыка, а значную састарэласць, зацёртасць рукапісу-пратографа, якім карыстаўся стваральнік Пагодзінскага спіса. Так, напрыклад, у рукапісе чытаем: **іаоне**[1] (325б) — павінна быць: **іоане**; **просто рищѣ** (331б) — павінна быць: **просто рѣщи**; **на се ли ва сѧ родих · и ли на се ли ва сѧ мл҃ти воспитала** (324б–325) — павінна быць: **на се ли ваю родих · и ли на се ли ваю мт҃и воспитала** (324б–325); у пачатку радка **ѡже женыї не прїимати никоеѧже** (331) і праз радок зноў у пачатку радка **ѡжены ст҃ыѧ** – павінна быць: **жены ст҃ыѧ**; **ѡна же ꙋбо ꙋдившисѧ и дивлѧшесѧ** (322, у рукапісе прабел паміж **ꙋбо** і **ꙋдившисѧ**) — павінна быць: **ѡ҃на же ꙋбоꙋдившисѧ и дивлѧшесѧ** і інш. Памылковыя напісанні маглі быць і проста механічна перанесены перапісчыкам са спіса-пратографа. Так, А. Мельнікаў ужо ўказваў на цесную ўзаемасувязь гэтага спіса са спісам

[1] Ілюстрацыйны матэрыял падаецца па алічбаванай копіі арыгінала спіса «Жыція Еўфрасінні Полацкай» (РНБ, збор Пагодзіна, № 869, арк. 318б–332). У дужках указваецца нумар старонкі.

жыція, які захоўваецца ў зборніку-ўрыўку ў РНБ, F.I. 270, адзначыўшы наяўнасць у іх аднолькавых памылак [**1**, с. 134–135].

У дадзеным даследаванні мы засяродзілі ўвагу на некаторых арфаграфічных і марфалагічных асаблівасцях Пагодзінскага спіса «Жыція Еўфрасінні Полацкай», у прыватнасці на ступені рэалізацыі ў тэксце царкоўнаславянскіх, агульнаўсходнеславянскіх і лакальных моўных асаблівасцей.

Сярод арфаграфічных асаблівасцей рукапісу адзначым тыя, якія пашыраліся ў пісьмовых помніках пад другім паўднёваславянскім уплывам.

У колькасных адносінах тут значна пераважаюць напісанні з літарай **а** ў поствакальным становішчы, напрыклад: **сїа** (318б, 326), **крⷭ҇щенїа** (320), **плⷭ҇скїа** (320), **прїати** (320б), **игꙋменїа** (321), **сїаетъ** (322б), **братїа** (323, 329), **гор҆кїа** (325), **издыⷯанїа** (326б), **своа** (327б), **сп҃нїа** (330б), **ѡблїаса** (330б) і інш. Напісанні з літарамі **ѧ**, **ꙗ** ў гэтай пазіцыі таксама частотныя, параўн.: **бл҃женыїѧ** (318б), **брачныїѧ** (325), **повеленїѧ** (331б), **ст҃ыїѧ** (332); **єꙗ** (328), **своꙗ** (319), **твоꙗ** (319б), **дрꙋгыꙗ** (320), **ни с҆ боꙗрином** (328), **ст҃аꙗ** (328б), **ѿчаꙗвъ** (330б).

Па-рознаму перадаюцца ў рукапісе спалучэнні **tъrt, *tьrt*. Побач з усходнеславянскімі напісаннямі з **ор**, **ер** пад другім паўднёваславянскім уплывам шырока ўжываюцца архаічныя напісанні з **ръ**, параўн.: **гортань** (318б), **ꙋтвер҆дити** (320б), **терзаше** (321б), **привер҆гоⷯсѧ** (322б), **ѿбдержим** (322б), **кор҆мителѧ** (324), **совер҆шисѧ** (326), **в жерноваⷯ** (326б), **тер҆зашесѧ** (329), **дер҆зости** (331), **во ѿверьⷤнїи** (331б) – **вседръжителѧ** (318б), **тръпѣнїє** (322б), **ѿвръз҆** (323), **дръжа** (324б), **совръшенꙋю** (326), **тръпѣнїю** (327б), **скръбѧщиⷨ** (331б).

Імкненнем перапісчыка рукапісу адлюстроўваць архаічныя напісанні тлумачым з'яўленне гіпернармалізма: **стлъ** 'стол' (329), параўн.: **стоⷧ** (322).

У пачатку пэўных слоў аддаецца перавага ўжыванню літары **ю**: **юнїи** (318б), **юна** (321), **юнїи** (329), **юность** (329б), **юности** (329б) – **ꙋность** (320б – 2 разы). Такое напісанне як нарматыўнае замацоўвалася ў царкоўнаславянскіх тэкстах пад другім паўднёваславянскім уплывам.

Пачатковае спалучэнне **je* перадаецца выключна традыцыйна літарай **є**: **єлени** (318б), **єдин҆** (319б), **єдинꙋ** (324), **єдиного** (325). Заўважым, што і ў іншых вядомых нам спісах «Жыція Еўфрасінні Полацкай» не выяўлена ніводнага напісання з літарай **ѥ** ў гэтай пазіцыі.

Пасля заднеязычных **г**, **к** па традыцыі ўжываецца **ы** (**ьї**): **на по^{д}вигы** (318б), **погьїбе** (320), **дрꙋгыа** (320), **бл҃гьїѧ** (322), **книгьї** (322), **ꙋбгы^{м}** (324), **многьї^{м}** (325), **бл҃гыи** (326), **бл҃гы^{м}** (326); **из рꙋкы** (318б), **во вѣкы** (326б). Напісанні з **и** пасля заднеязычных **г**, **к**, якія пашыраліся пад уплывам жывога маўлення, у рукапісе нечастотныя: **кнѧгинѣ** (319б), **книги** (324), **наги^{м}** (324), **в҄ вѣки** (318б), **ки^{х}** (318б), **ки^{м}** (331б).

Адметнай рысай мовы рукапісу з'яўляецца вакалізацыя ераў у прыстаўках: **возрасте** (319), **вослѣ^{д}** (319), **воскорѣ** (321), **возлещи** (322), **восхотѣ** (322б), **восходитъ** (322б), **возвеселисѧ** (323), **возрѣвши** (323б), **воста^{в}ши** (323б), **востани** (325б), **собирающи** (322), **собираютсѧ** (323), **сотвори** (323б), **совер҄шисѧ** (326) і інш. Выключэнне складаюць напісанні **възрѣвши** (320б), **въставъ** (322б), **въскорѣ** (322б), у якіх таксама гіпатэтычна магло быць ужыта **о** ў прыстаўцы **въ**.

Імкненне да вакалізацыі ераў назіраем і ў прыназоўніках. Так, па нашых падліках, у рукапісе формы прыназоўнікаў **во** і **со** пераважаюць над формамі **въ**, **в҄** і **съ**, **с҄**, параўн.:

прыназоўнік	**во**	**въ**	**в҄**	**со**	**съ**	**с҄**
колькасць фіксацый	36	3	19	13	–	7

Напрыклад: **во цр҃игра^{де}** (327), **въ мл҃тва^{х}** (322), **в҄ монастьїри** (322), **со агг҃льї** (320), **со прилѣжаніє^{м}** (324б), **с҄ дарьї** (327).

Відавочна, напісанне **о̆** ў гэтай пазіцыі падтрымлівалася спецыфікай царкоўнага вымаўлення [гл.: **2**, с. 139–148].

У рукапісе прадстаўлены традыцыйныя няпоўнагалосныя формы: **гра^{д}** (318б), **вражїе** (321б), **гражане** (329), **странѣ** (329б), **врата** (329б). Па назіраннях даследчыкаў, поўнагалосныя формы дапускаліся ў царкоўнаславянскіх тэкстах пры пераносе слова з радка на радок, а таксама пры перадачы на пісьме ўсходнеславянскіх уласных імёнаў [гл.: **2**, с. 194–195]. У Пагодзінскім спісе поўнагалоссе перадаецца толькі ў дзвюх лексемах – гэта свецкае імя сястры Прападобнай **Городислава** і ўласная назва населенага пункта **Вышегородъ**: **горо^{ди}славꙋ** (324), **городиславꙋ** (324б), **вышегоро^{д}** (331б). Заўважым, што няпоўнагалосны варыянт **Градислава** выяўлена намі толькі ў спісах «Жыцця Еўфрасінні Полацкай» рэдакцыі Вялікіх Чэцціх-Міней, рэдакцыі «Кнігі жыццяў Святых» Дзімітрыя Растоўскага, а таксама ў спісе БАН Літвы (F. 19/98) Пролажнай I рэдакцыі.

Звяртае на сябе ўвагу той факт, што спалучэнне **dj* паслядоўна перадаецца ў рукапісе праз **ж**, хоць пад другім паўднёваславянскім уплывам старажытныя кніжнікі імкнуліся замяняць **ж** на **жд**: **наслажають** (318б), **преже** (320), **рожество** (332), **прихожаше** (325б), **понꙋжаеши** (325б), **возбꙋжаю** (325б). Цікава, што ў іншых спісах «Жыція Еўфрасінні Полацкай» напісанні **жд** на месцы **dj* частотныя. Захаванне старой нормы царкоўнаславянскай мовы ў дадзеным спісе звязваем з уплывам мясцовай пісьмовай традыцыі, з моўнымі асаблівасцямі пратографа.

Звернем увагу на некаторыя асаблівасці на марфалагічным узроўні.

У тэксце зафіксаваны 2 выпадкі ўжывання флексіі **-еви** ў назоўніках м.р. у форме *Datsg* былога скланення на **ŏ/*jŏ*: **причтати мга мꙋжеви** (320), **предаша ... гл҃вӹ своꙗ̈ мечеви** (320). Параўн.: **к бг҃ꙋ** (319), **ко ѿц҃ꙋ** (319б), **гл҃а еп҃пꙋ** (323) і інш. Верагодна, ужыванне флексіі **-еви** абумоўлена стылёвымі мэтамі, але не сведчыць пра пашырэнне такой формы ў дадзенай пазіцыі.

Зваротны займеннік **себѣ** ў формах *Dat* і *Abl* выступае толькі ў архаічным варыянце **себѣ**: **в себѣ** (320 – 3 разы), **в себѣ** (322), **в себѣ** (324), **положиⷯ себѣ** (325), **в себѣ** (327).

У форме *Dat* займеннік **ты** зафіксаваны ў варыянтах **тебѣ** і **тобѣ**, прычым больш частотным з'яўляецца архаічны варыянт **тебѣ**, параўн.: **слава тебѣ бж҃е** (322б), **тебѣ млю҃** (330б) – **сл҃ва тобѣ влⷣко** (327). Выяўленая на с. 327б фраза **и рече сл҃ва ти г҃и сл҃ва тебѣ еще рекꙋ сл҃ва тобѣ влⷣко** дазваляе меркаваць, што формы **тебѣ** і **тобѣ** ўспрымаліся перапісчыкам як аднолькава магчымыя. Займенік **ты** ў форме *Abl* прадстаўлены толькі ў варыянце **т҃ебѣ**: **бл҃жени людїе живꙋщїи в тебѣ** (332).

Дзеясловы абвеснага ладу цяперашняга і будучага часу і загаднага ладу (утвораныя пры дапамозе часціцы **да**) 3-й асобы адзіночнага і множнага ліку ўжываюцца па традыцыі з канцавым **-ть**: **наслажають** (318б), **хощеть** (319б), **славѧть** (320б), **лежить** (326б), **кто нашю юность восхластить** (329б); **да ни единъ ѿ ниⷯ не бꙋдеть восхищенъ** (326б), **да не прїидеть нань зло ни рана не престꙋпить к телесама нш҃има** (326б). Значна ў меншай колькасці ўжываюцца ў тэксце новыя формы з канцавым **-тъ**: **не вжадаетъ** (318б), **пог҃ыбаетъ** (320б), **ꙋвѣдаетъ** (321), **подобаетъ** (322), **восходитъ** (322б), **сїаетъ** (322б – 2 разы), **в҄зываетъ** (325б); **да пребываетъ** (322), **да бл҃витъ** (322б), **да ми поспѣшитъ** (323).

Паказальным для мовы рукапісу з'яўляецца традыцыйнае

ўжыванне парнага ліку: **роⷣꙵтелѧ же еѧ возрадовастасѧ ѡ ржⷭ҇твѣ еѧ** (319), **нама ѹже лѣпо дати за преⷣꙵслава кн҃ѕꙗ** (319б), **часто изливаꙗ ѿ очїю своею** (324б), **что раⷣꙵ печалѹешисѧ нама · имаевѣ бо печалника и помощника единого бг҃а** (325), **ꙗко едина дш҃а во двою телѣсѹ** (325б). Спарадычныя адхіленні ва ўжыванні парнага ліку тлумачым уплывам пратографа і ўздзеяннем жывога вымаўлення: **и нача книгӹ писати своими рѹками** (322), **бл҃жни родители твои** (332).

Лакальныя моўныя асаблівасці ў Пагодзінскім спісе нешматлікія. Выяўлены спарадычныя выпадкі адлюстравання на пісьме асіміляцыі па звонкасці: **з безаконїи н҃шими** (326б), **з ⷣетьⷨꙵ** (328); зацвярдзення **ц**: **в҄ срⷣцы** (320б), **во срⷣцы** (320б); гука *г* фрыкатыўнага: **кнѧини** (320б); пераходу *иа* > *ja*: **еоуфросиньѧ** (321б), **крⷭ҇тьꙗноⷨ** (326); пераходу *о* > *и*: **пѹидѹть вослѣⷣ тебѣ** (326) і некаторыя іншыя.

Праведзенае даследаванне лінгвістычных асаблівасцей Пагодзінскага спіса «Жыцця Еўфрасінні Полацкай» паказала, што моўная аснова дадзенага тэксту царкоўнаславянская. Лакальныя моўныя асаблівасці сустракаюцца ў рукапісе спарадычна і агульнага моўнага малюнка не парушаюць. Варыянтныя напісанні, зафіксаваныя ў тэксце, абумоўлены інтра- і экстралінгвістычнымі фактарамі (ступень залежнасці ад пратографа, другі паўднёваславянскі ўплыў, адукаванасць перапісчыка).

Спіс літаратуры

1. Мельнікаў, А.А. Еўфрасіння Полацкая / А.А. Мельнікаў // З неапублікаванай спадчыны. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2005. – 592 с.

2. Успенский, Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). – Москва: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.

МАТЭРЫЯЛЫ СЕМІНАРА «ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Бакан О.Д.

Экологический проект «Нам засталася спадчына…»

Одна из основных задач государственной молодёжной политики — воспитание гражданина-патриота, одухотворённого идеалами добра и социальной справедливости, профессионала, способного творить и созидать во имя своего Отечества. Время не стоит на месте. И мы тоже движемся вперёд. Переняв опыт педагогов Новополоцкого лицея нефтехимии по использованию проектной деятельности, руководствуясь методическими материалами «Современные технологии в воспитательном процессе», на данном этапе педагоги нашего колледжа определили для себя приоритетной технологию метода проектов. Термин «проект» происходит от латинского слова projectus, что в переводе означает «брошенный вперёд», «выступающий», «выдающийся вперёд» или «замысел», «план», «разработанный образ «желаемого будущего».

В процессе работы над проектом группа учащихся создавала программу изучения того, что до сих пор не было известно для них; по сути, они занимались собственным «будущетворением» [**1**], в котором переплелись педагогические, социальные, культурные и экологические аспекты.

Рис. 1. Выступление О.Д. Бакан на семинаре.

Всё большее число учёных и специалистов склоняются к мнению, что преодоление экологического кризиса возможно лишь на основе экологической культуры, центральная идея которой — совместное гармоническое развитие природы и человека и отношение к природе не только как к материальной, но и как к духовной ценности [**4**]. Экологическое воспитание и образование — самое эффективное средство улучшения экологической обстановки

и призвано формировать активную природоохранную позицию.

Экологически культурная личность должна иметь не только экологические знания по основным разделам экологии, но хорошо знать природу своего родного края, а именно:

- местные природные условия;
- природные особенности, реки и водоёмы, ландшафты, типичные растения, животных;
- местные охраняемые природные объекты;
- памятники природы, культуры и искусства местного и республиканского значения.

Результатом использования природных охраняемых территорий в учебно-воспитательном процессе становится исследовательский уровень восприятия информации учащимися, желание увидеть гармонические связи между явлениями и фактами, а Природу — как единое целое. Реальное участие учеников колледжа в природоохранной работе приводит к желанному для педагогов результату, который чётко выражен в древнекитайской пословице: «Расскажи мне, и я забуду. Покажи мне, и я запомню. Дай мне попробовать, и я научусь».

Поэтому в рамках проектной деятельности учащимися нашего колледжа совместно с Природно-экологическим музеем был разработан проект «Нам засталася спадчына...», посвящённый природоохранным территориям Полоцкого региона и году биологического разнообразия.

Материал проекта используется на уроках «Экологии» и для проведения внеклассных часов.

Цели проекта:

1) воспитывать у учащихся любовь к Родине через бережное отношение к природе, гордость за национальное природное наследие;

2) формировать интерес у учащихся к природе Поозерья и стремление сохранить уникальные природные объекты Полоцкого региона;

3) расширить кругозор учащихся и повысить уровень экологической образованности и культуры.

Задачи проекта:

1) познакомить учащихся с природоохранными объектами Полоцкого региона, конвенцией ООН о биологическом разнообразии;

2) раскрыть особенности, показать важность и значение природоохранных территорий и биологического разнообразия в природе и жизни человека.

В проекте рассмотрены основные этапы развития заповедного дела в Витебской области, современное состояние заповедного фонда Витебской области, заказники и памятники природы республиканского и местного значения, находящиеся в Полоцком регионе.

Полотчина богата на самые разнообразные шедевры природы и культуры, полна легенд и преданий, не зря, наверное, следы гиперборейской цивилизации ищут и на севере Беларуси. Красавица Западная Двина, у которой, по выражению Иоанна Грозного, «берега серебряные, а дно золотое», оставила след в поэзии классической, средневековой, а также в народной поэзии белорусов и латышей, много говорится о ней и в сагах норманнских викингов. У греков и римлян было много сказаний о янтарной реке Эридане (Эридан — в греческой мифологии река в стране гипербореев, на севере Европы). В Эридан упал сражённый молнией Зевса Фаэтон, слёзы оплакивавших его сестёр Гелиад превратились в водах реки в янтарь. Интересные факты истории и культуры Полотчины, её природного наследия вдохновляли учащихся на работу, ведь перед ними открылся ранее им не известный, почти сказочный мир легенд, преданий и исторических событий.

На подготовку проекта ушло более 5-ти месяцев, в течение которых учащиеся с большим интересом занимались изучением и систематизацией материала о памятниках природы и охранных территориях Полоцкого района, подготовкой к презентации собранного материала. С удовольствием проводили информационно-просветительскую работу, направленную на повышение уровня осведомлённости полочан о значимости сохранения уникальных природных комплексов и биологического разнообразия. Участники проекта с увлечением разрабатывали экологические туристические маршруты для проведения экскурсий и походов. Полученные результаты изучения биологического и ландшафтного разнообразия позволят обогатить уже существующие туристические маршруты для школ и колледжей города. Считаю эту работу перспективной для развития экотуризма в Полоцком регионе.

В процессе работы после каждого этапа проводилась оценка промежуточных результатов, соотношение их с желаемым будущим, при необходимости процесс работы корректировался. Создаваемый проект основывался на принципе адаптивности к личности учащихся и, обладая вариативностью, создавал условия для личностного самоопределения учащихся и построения индивидуальной образовательной траекто-

рии [**2**]. В результате участники проекта смогли проявить свои лучшие качества и раскрыться в новом свете для своих педагогов. Презентация результатов проекта прошла на базе Природно-экологического музея для учащихся профессионально-технического и лесного колледжей, открыв для учащихся и преподавателей удивительные охранные природные объекты Полоцкого региона.

Таким образом, значение и роль природных охраняемых территорий для перспективного развития общества через приобщения учащихся к экологическим знаниям и культуре, основанных на гуманизме и патриотизме, более глобальны, чем утилитарная составляющая этих заказников и памятников природы.

В заключение отмечу, что качественная работа над проектом была бы невозможна без должного научного руководства и методического обеспечения, поэтому хочу выразить огромную благодарность сотрудникам музея за оказание помощи в подготовке проекта и его презентации. И надеюсь, что наше сотрудничество с Природно-экологическим музеем продолжится.

Список литературы

1. Запрудский, Н.И. Современные школьные технологии – 2 / Н.И. Запрудский. – Минск: Сэр-Вит, 2010.

2. Лохницкий, И.А. Основы социальной экологии / И.А. Лохницкий. – 2-е изд. – Минск: Беларусь, 2010.

3. Маврищев, В.В. Экскурсии в природу / В.В. Маврищев. – Минск: Вышэйшая школа, 2009.

4. Криволап, Н.С. Экологическое воспитание / Н.С. Криволап. – Минск: Красико-принт, 2005.

5. Биоразнообразие региона – основа развития экотуризма // Охраняемые природные территории и объекты Белорусского Поозерья: материалы III Междунар. научной конф., Витебск, 16–17 декабря 2009 г. / Витебск, ВГУ; под ред. А.М. Дорофеева [и др.]. – 2009. – С. 46.

6. Практико-ориенторованный подход к естественнонаучному образованию в школе и вузе // О храняемые природные территории и объекты Белорусского Поозерья: материалы III Междунар. научная конф., Витебск, 16–17 декабря 2009 г. / Витебск, ВГУ; под ред. А.М. Дорофеева [и др.]. – 2009. – С. 145.

Рис. 2. Презентация проекта «Нам засталася Спадчына…» в Природно-экологическом музее.

Рис. 3. Участницы проекта: Сударь Елена, Давыдёнок Анна, Серебрякова Дина, Банникова Наталья, Фролёнок Алеся.

Березина О.В.

О важности экологического просвещения для формирования профессиональных качеств учащихся

И лес является мне храмом,
Шум листьев – гимном торжества,
Смолистый запах – фимиамом,
А сумрак – тайной божества.
В. Бенедиктов

В середине XIX в. великий русский педагог К.Д. Ушинский писал: «Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога, что день, проведённый ребёнком посреди рощи и полей, когда его головой овладевает какой-то упоительный туман, в тёплой влаге которого раскрывается всё его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, что такой день стоит многих недель, проведённых на учебной скамье».

Сегодня экологические проблемы превалируют над всеми другими проблемами современности, а экологическое образование является мировой проблемой. Сейчас просто «экологического мышления» недостаточно. Насущная задача – сформировать экологическое мировоззрение. Для этого необходим экологический всеобуч – образование на экологической основе, экологизация знания [**1**].

Экологическое воспитание должно начинаться с раннего детства. Именно тогда закладываются такие качества, как любовь ко всему живому, забота о природе, понимание значимости каждого человека для будущего Земли. Ведь всё начинается с малого, и мы в состоянии воспитать в наших детях гуманное отношение к окружающему миру. Конечно, необходимо, чтобы не только учителя, но и родители в этом помогали.

Рис. 1. Выступление О.В. Березиной на семинаре.

В нашем городе, начиная с детского сада, школ и продолжая экологическим центром внешкольной работы, экологическому воспитанию уделяется должное внимание.

Когда учащиеся приходят в средние или высшие учебные учреждения, нам, преподавателям, необходимо не потерять важность экологического воспитания. Много информации берётся из Интернета, но далеко не всё можно познать, листая электронные страницы. В детстве мы всё хотели потрогать своими руками – так лучше запоминалось. Но и теперь, спустя годы, лучше запоминаются и осознаются именно те события, участниками которых мы стали.

Учащиеся лесного колледжа всегда едины с природой, и не только потому, что выбрали эту профессию.

Ежегодно мы сажаем более 20 га леса в Полоцком и учебно-опытном лесхозах. Но прежде, чем приступить к посадке саженцев, учащиеся под руководством опытных преподавателей проходят соответствующую теоретическую подготовку.

Принимают участие в лесопосадке и желающие преподаватели, чтобы на территориях рубок и пожарищ из этих небольших саженцев вырастали могучие высокие деревья.

Но для того, чтобы посадить, необходимо сначала вырастить, и учащиеся лесного колледжа ухаживают за саженцами, работая в питомнике.

Также мы участвуем в городских мероприятиях и культурно-экологических акциях. Ярким примером является закладка аллеи Дружбы в районе Аэродром вместе с представителями города-побратима Фридрихсхафена. Организатором данной акции был отдел молодёжи горисполкома, а помогали наши ребята.

Мы участвовали в благоустройстве дворика Музея ткачества, оказывали шефскую помощь Спас-Евфросиниевскому монастырю по озеленению прилегающей территории, принимали участие в мероприятии «Экодесант — чистый лес» (уборка придорожных полос Полоцкого района).

На научной основе мы создали экологическую тропу (в районе пивзавода), на станциях которой можно соприкоснуться с природой; есть сооружённые места для отдыха.

Большое внимание экологическому воспитанию учащихся уделяется во время прохождения практики:

- изучаются болезни и вредители растений (дисциплина «Защита и охрана леса»);
- ограждаются муравейники,
- убираются несанкционированные места отдыха.

Также принимаем участие в культурно-экологических акциях: «Помогите птице», «Судьба Двины в твоих руках», «Сбережём зелёную ель», «Первоцветы» и др.

В рамках колледжа проводятся воспитательные мероприятия, приуроченные к Дню воды, Земли, окружающей среды, «Заочное путешествие по заказникам мира», конкурс профессионального мастерства «Лучший по профессии».

На базе лесного колледжа в этом учебном году проходил республиканский семинар-практикум «Использование инновационных технологий в развитии творческого потенциала личности». На одной из площадок под руководством Татьяны Викторовны Лазаренко прошла презентация фильма «Лес — богатство нашей страны». Помогали создавать данный фильм учащиеся колледжа.

Публикуются статьи на экологическую тематику в газете «Ведомости лесного колледжа», выпускаемой внутри колледжа, и городской газете «Полоцкий вестник».

В колледже проходят конкурсы экологических плакатов, посвящённые Дню работника леса; организовано распространение буклетов и листовок по пропаганде энергосбережения; проводятся тематические и книжные выставки в библиотеке. Систематически организуются фотовыставки, посвящённые природе. Работает кружок «Эколог», руководителем которого я являюсь.

В рамках колледжа проводятся декады специальных дисциплин, которые включают следующие мероприятия:

- открытие декады «Лес – национальное богатство Беларуси», на котором показывался фильм Игоря Ивановича Бышнёва «Великий лес», любезно предоставленный нам Природно-экологическим музем;
- экологические программы «Дорога в жизнь» и «Эти удивительные растения»;
- активное участие в общереспубликанских добровольных акциях «Неделя леса» (это ежегодное мероприятие по посадке леса).

Ведь так необходимо осознать важность своей профессии и свою ответственность перед будущим, а Дерево, древесина сопровождали и сопровождают человека с рождения до самой смерти в прямом и переносном смысле.

Лес, деревья – это пища и топливо, жилище и посуда, источник тепла и тепловой энергии. Из древесины наших лесов производится огромное количество бумаги, которая превращается в миллионы книг, газет и журналов. Деревья очищают и оздоравливают воздух, положительно влияют на настроение человека. Поэтому так важно сохранить для будущих поколений зелень наших рощ, аромат хвойных лесов, красоту белорусских перелесков. Охрана богатства белорусских лесов – наша прямая обязанность.

Формируя экологическую культуру, колледж активно сотрудничает с Природно-экологическим музеем.

С первого курса наши учащиеся посещают обзорные и тематические экскурсии, кинолектории. На мероприятии «Война, природа, человек», приуроченном ко Дню музеев, ребята нашего колледжа были ведущими.

Мы присутствовали на встрече с Георгием Козулько, посвящённой 600-летию Беловежской пущи.

При изучении дисциплины «Биология» проводятся экскурсии, во время которых учащиеся могут:

- познакомиться с различными биоценозами и их представителями,
- посмотреть коллекции экзотических насекомых,
- поближе изучить экологические проблемы.

Не оставляет равнодушным в последнем зале музея так называемый мост через пропасть, благодаря которому мы задумываемся о своём отношении к окружающему миру и выбираем бережное отношение к природе.

Верно, нельзя быть равнодушным. Нельзя проходить спокойно мимо торговцев родной природой, нельзя мерить деньгами бесценную красоту наших лесов. Нужно всегда помнить, что природа – незаменимый и вечно живой источник бесконечных открытий, родник здоровья и духовного богатства человечества во все времена. И поэтому можно понять слова В.А. Солоухина о том, что наш век должен быть не только веком пластмассы и алюминия, но, прежде всего, веком зелёных трав, ярких цветов, чистых рек и лесов...

Своё выступление хочу закончить небольшим стихотворением:

Человек берёт взаймы
У природы слишком много,
Но никак он не поймёт,
Что отдаёт пока немного.
В этот мир приходим мы,
Имея цель свою по жизни.
Но что способен сделать ты,
Чтобы планета стала чище?!
Если с детства приучить
Любить вокруг себя живое,
То не стыдно будет нам
За поколенье молодое!

Список литературы

1. Маврищев, В.В. Основы экологии / В.В. Маврищев. – 3-е изд. – Минск: Вышэйшая школа, 2007.

2. Маврищев, В.В. Экскурсии в природу. Лес / В.В. Маврищев. – Минск: Вышэйшая школа, 2009.

Рис. 2. На экскурсии в Природно-экологическом музее.

Рис. 3. На мероприятии в Природно-экологическом музее.

Беспрозванная Н.З.

Современный музей и его роль в процессе формирования экологической культуры

Музейный силуэт современной культуры необычайно многолик и чутко фиксирует в себе все особенности социокультурной ситуации современного общества.

История становления и развития музея знаменовалась неуклонным освоением им новых областей социальной практики, причём каждый случай освоения новой области социальной жизни порождал новый его тип или вид, обогащая историческую типологию музеев. Кроме того, появление новых видов музеев способствовало периодическому пересмотру сложившихся представлений об этом социокультурном институте. Нередко существенной корректировке подвергались базовые для данной науки понятия: памятник, наследие, музейный предмет, музейный фонд и др. Для большинства случаев была характерна тенденция к более широкой трактовке этих категорий. Эволюция музея вносила изменения и в приёмы музеефикации, а также в характер музейной коммуникации. В целом новации в социальной миссии музея и программах её реализации способствовали обогащению инструментария музейной науки, постепенному изменению её структуры и состава, а также места музееведения в познании [**2**].

История бытования музея, назначение, облик, направления деятельности свидетельствуют о тесной связи общей концепции музея с культурной парадигмой эпохи.

Очередной вклад в изменение статуса и структуры музейной науки внесли проблемы современной эпохи, связанные с надвигающимся экологическим кризисом и необходимостью его разрешения. В этих условиях музеи взяли на свои плечи ещё одну социальную миссию — формирование основ экологической культуры. В практической реализации этой миссии возникает система новых учреждений музейного типа, в которой проявляются существенно иные представления о наследии, способах его сохранения, музеефикации и использования в

Рис. 1. Семинар «Экологическое образование — неотъемлимая часть общечеловеческой культуры».

Рис. 2. Выступление Н.З. Беспрозванной на семинаре.

экологическом воспитании. Основой функционирования музеев в данном контексте является междисциплинарный подход, реализуемый в интеграции инструментария гуманитарных и естественных наук [**1**].

С начала 70-х гг. прошлого столетия разворачиваются междисциплинарные исследования по различным аспектам взаимоотношения общества и окружающей среды. Методологической их основой и итогом в гуманитарном знании явилось формирование системных представлений о человеке и природе, получивших известность как биосферный тип мышления. Его основу составило учение В.И. Вернадского о биосфере (биосферно-ноосферная концепция), получившее в условиях надвигающегося экологического кризиса мировоззренческий статус. Биосферные представления легли в основу разработки учёными модели «экоустойчивого» развития мирового сообщества, предполагающей гармонизацию отношений человека и природы. В исторической науке биосферные представления получили отражение в пересмотре роли природы в историческом процессе, трактуемой ныне как формирующий, а нередко и контролирующий фактор. В биосферном контексте даётся иная интерпретация некоторых тем и проблем социальной, хозяйственной и культурной жизни. В исторической литературе появляется представление о социоестественных системах как главном объекте исторического исследования с попыткой формулирования положений социоестественной истории (СЕИ) как раздела исторической науки [**2**].

В музеологии меняется представление о наследии, включившее, наряду с феноменами культуры и истории, природу в двух её ипостасях: как самостоятельный феномен и как исторический ландшафт, среда бытования памятника. В её музеефикации начинают активно использоваться «мягкие» методы. В типологии музеев возникают два вида музейных учреждений:

1. Музеефикация чисто природных памятников реализуется в так называемых «особо охраняемых природных территориях» (ООПТ). Под ними понимаются заповедники, национальные парки и памятники природы. Сотрудничество ООТП с музеями широко используется и даёт хорошие результаты в процессе формирования экологической культуры. Примером такого сотрудничества является проект Природно-экологического музея «Нам засталася Спадчына...», который сочетает в себе природоохранные функции с экологическим воспитанием; здесь междисциплинарный подход получил максимальную реализацию. В

проекте структура музейного фонда, музейное пространство, музейный предмет — все эти главные категории музейной науки — получают более широкое толкование. Природа представляется естественными и культурными ландшафтами, отдельными памятниками природы, а также коллекционными собраниями, что характерно для традиционного музея.

2. Музеефикация природы как среды бытования памятников культуры (прилегающий исторический ландшафт) привела к формированию широкой сети учреждений музейного типа, получившей известность как «уникальные историко-культурные территории» (УИКТ). Например, комплексные историко-архитектурные и природные заповедники, монастырские комплексы, малые исторические города и пр. (Полоцк — действительно уникальная историко-культурная территория). Если в традиционном музееведении сохранность ассоциировалась исключительно с консервацией и реставрацией памятника, то в УИКТе она обеспечивается и определённым режимом бытования памятника, в частности, с воссозданием среды его бытования (исторического ландшафта) [**3**].

В городе Полоцке Национальным Полоцким историко-культурным музеем-заповедником реализуется новая модель музея как социокультурного института. Модель, которая представит собой воссоздание многоаспектного невербального образа прошлых и современных феноменов жизни и культуры общества с помощью системы различных музеев и памятников, представленных в широком хронологическом и содержательном диапазоне. Создание и использование такой модели направлено на развитие человека на основе культурной самоидентификации и благодаря своей зрелищности широко используется современным обществом в решении социальных проблем.

Одну из таких проблем и решают музеи, выполняя социальную миссию — формирование основ экологической культуры.

Одним из важнейших элементов экологической культуры являются основные показатели экологической образованности, которые складываются в процессе общего образования. Под экологическим образованием традиционно понимается непрерывный процесс обучения, воспитания и развития личности, направленный на формирование системы научных и практических знаний, ценностных ориентаций, поведения и деятельности, обеспечивающих ответственное отношение к социально-природной среде.

Экологическое образование становится неотъемлемой частью общечеловеческой культуры.

В контексте непрерывного экологического воспитания и образования, ориентированного прежде всего на формирование и развитие культуры личности, учреждения образования и музеи принимают достаточно высокий статус, так как именно они конструируют меру развития индивидуальности человека – рост и развитие его сущностных сил, потребностей, способностей, ценностных ориентаций, что, собственно, и составляет фундамент его культуры. При тесном взаимодействии музеев и учреждений образования возникает единое образовательное пространство как система материальных и духовных ценностей, которая на основе музеефикации реальности объединяет пространство музеев и учреждений образования в единое целое. Примеры такого взаимодействия у Природно-экологического музея сложились с учителем географии СШ № 6 Светланой Александровной Сверж и учителем начальных классов СШ № 10 Ларисой Михайловной Сухановой. Светлана Александровна широко использует тематические экскурсии с просмотром фильмов и регулярно проводит уроки в экспозиции музея. Учащиеся 10-й школы под руководством Ларисы Михайловны с удовольствием посещают музейные занятия (один раз в месяц). В своих выступлениях учителя подробнее расскажут о своём опыте сотрудничества с музеем.

Таким образом, одним из путей создания единого образовательного пространства «учреждения образования – музей» является перенесение музейного подхода в образовательный процесс на основе музеефикации, которая подразумевает изменение отношений к себе, к другим, к окружающей среде.

Второй путь создания такого пространства, который должен быть объединён в единую систему с первым – использование различных форм взаимодействия в образовательном процессе школ, колледжей и музея. Разработка подобных форм взаимодействия представляет собой систему из уже привычных и разработанных, а также инновационных, которые возникли сравнительно недавно и связаны с изменением подхода к самому музею как институту культуры, опираясь на открытость, интерактивность в его деятельности.

Хотелось бы отметить, что все формы взаимодействия учреждений образования и музея должны происходить не в момент, когда обязы-

вают посетить музей, а целенаправленно, по теме урока, факультатива, кружка, классного часа. Посещение музея не должно быть просто беглым осмотром экспозиции, а событием, которое доставит удовольствие всем: и взрослым, и детям. Следует иметь ввиду, что в музее много интересного, поэтому целесообразно заранее продумывать, что и в каком объёме вы хотите показать учащимся. Разнообразную информацию многоплановой экспозиции невозможно осмыслить сразу, поэтому так необходимо целенаправленное посещение музея и изучение отдельных тем и разделов в экспозиции. Давайте способствовать приобщению учащихся к сложному и прекрасному миру природы через воспитание экологической культуры, используя самые разнообразные формы и методы работы.

Формы взаимодействия Природно-экологического музея, школ и колледжей в образовательном процессе нижеследующие:

1. Экскурсии – самая распространённая форма взаимодействия музея с посетителями. Обзорные, тематические, учебные – их за пять лет работы проведено около 1 500. Оставленные отзывы и благодарности говорят о том, что экскурсоводам в большинстве случаев удаётся подобрать правильный стиль проведения экскурсии для каждой группы посетителей. Кроме того, музей оснащён аппаратурой, позволяющей разнообразить проведение экскурсии просмотром видеороликов, соответствующих тематике экскурсии.

2. Кинолекции. На данный момент музей располагает достаточно большой видеотекой, чтобы предложить разнообразные по тематике кинолекции. Наиболее востребованными оказались фильмы Игоря Бышнёва: «Чернобыльские джунгли», «Лесные прятки», «Великий лес» и другие. Отмечу, что в отличие от школ, колледжи города активно используют эту форму сотрудничества с музеем. 2011 год – год леса, а текущее десятилетие посвящено сохранению биологического разнообразия. Значимость этих тем очевидна, и музей предоставляет возможность рассмотреть данные проблемы как на территории Беларуси, так и в глобальном масштабе. Тем более что посетить кинолекцию можно по стоимости входных билетов.

3. Музейные занятия. Проводятся на темы о природе, экологии, валеологии, культуре и даже астрономии для разных возрастных групп: для дошкольников, младших школьников, среднего и старшего школьного звена. Сотрудники музея стараются провести занятия так,

чтобы учителя и воспитатели остались не разочарованными, а детям не пришлось скучать. На занятиях в музее дети не являются пассивными слушателями, их активно вовлекают в работу, задавая вопросы или предлагая высказать своё мнение. На магнитных досках решают кроссворды, складывая букву к букве, или размещают пластиковых животных на фотографии той среды обитания, где они живут. Старшие ребята составляют цепи питания в различных биоценозах, принимают участие в интерактивных играх. С удовольствием дети смотрят короткометражные фильмы по теме занятий. И, наверное, немаловажно, что дошкольники и младшие школьники уходят с занятий с каким-нибудь небольшим подарком, например, с закладками для книг по темам биоразнообразия или энергосбережения. Сотрудники музея проводят в зимнее время выездные занятия для школ, удалённых от музея. Организуются такие занятия не для одного класса, а для параллели, для них требуется отдельное помещение, где размещается аппаратура и куда по очереди приходят классы. Отмечу, что музейные занятия – важная часть работы с детьми, т.к. они не только расширяют и углубляют экологические знания, воспитывают экологическую культуру, но и вовлекают ребёнка в мир культуры музея – мир взаимоотношений с музейным предметом, причём более конкретно и более тесно, чем на экскурсиях. Музейная программа «Добро пожаловать в экологию», над которой работает музей, будет основана на музейных занятиях, темы которых, мы надеемся, вы подскажете нам, заполнив предложенные вам анкеты.

4. Выставки. За пять лет работы в музее проведено 30 выставок, очень разных по технике и настроению, но их объединяют отчётливо звучащие ностальгические нотки по уходящим первозданным уголкам живой природы. Живописные и фотоработы дают возможность испытать пронзительное чувство потери той природной гармонии, которая является единственным лекарством от чрезмерной урбанизации, учат видеть и ценить прекрасное, формируют более содержательное отношение к природе, воспитывают эстетическую зоркость и заинтересованность. На таких выставках, как: «Рождённые летать» (АПБ), «Птицы Поозерья» (Виталия Кощеева), «Бацькаўшчына» и «Жизнь Поозерья» (И.И. Бышнева), «Всё, что нам дорого» (преподавателей ВГУ) – проводились занятия, т.к. на фотоработах известных орнитологов можно было увидеть уникальные моменты из жизни птиц, рассмотреть виды, занесённые в Красную книгу Беларуси, услышать голоса птиц. На вы-

ставках великолепно проходят классные часы, на которых учат видеть и ценить красоту не только природы, но и человеческой души, взаимоотношений. У картин художников ребят можно учить выражать свои чувства литературным языком, развивая их эмоциональную сферу, учить слушать и общаться. Кстати, как тут не вспомнить русского поэта Я. Полонского, писавшего, что «любви к природе нет без чувства красоты». По мнению известного английского культуролога и экофилософа Джона Рёскина, любовь к природе — самое здоровое чувство, несовместимое со злыми страстями: «Отсутствие любви к природе не является несомненным недостатком, но наличие этого чувства — обязательный признак доброго сердца и справедливого нравственного чувства…».

5. **Проекты**. Экологический проект «Нам засталася Спадчына…». Участниками проекта проведена кропотливая работа по подборке материала об охранных территориях, подготовлены описания заказников и памятников природы, продуманы краеведческие туристические маршруты к памятникам природы. Особое внимание уделено Полоцкому району, богатому на самые разнообразные шедевры природы и культуры, полному легенд и преданий. Работа по проекту будет продолжена в летний период: выезды к ООТП, изучение биоразнообразия, составление туристических маршрутов и внесение координат в систему GPS. Более подробно о проекте расскажет преподаватель профессионально-технического колледжа Ольга Дмитриевна Бакан. Замечательный проект «Поозерье. Красная книга. Животные» совместно с музеем выполнили учащиеся 4 «А» класса 10-й школы. Ребята с удовольствием представляли его и в школе, и в музее, рассказывая о редких птицах и млекопитающих, которые обитают на территории Полоцкого района. Начатый в прошлом году проект «Война. Человек. Природа» тоже имеет своё продолжение с аграрно-экономическим колледжем. Великая Отечественная война — не просто хроника событий и летопись сражений. Она сложена из судеб конкретных людей. Проект рассказывает о людях, о знаниях в области биологии, которые помогли выжить и победить. Учащиеся лесного колледжа в прошедший День музеев рассказали об удивительных крылатых и четвероногих бойцах, о природе, которая укрывала, кормила и помогала выжить в тяжелейших условиях войны.

6. Тематические вечера-встречи с интересными людьми. Незаурядные личности, будь-то художник, поэт, учёный или педагог, всегда очень сильно влияют на формирование культуры подрастающе-

го поколения. Музей уделяет большое внимание организации встреч учащихся с увлечёнными целостными личностями, способными раздвинуть рамки восприятия мира, задуматься над извечной проблемой: для чего мы живём, что же останется после нас? Для студентов лесного колледжа прочел интерактивную лекцию кандидат биологических наук Г.А. Козулько – «Что способно сохранить человеческую цивилизацию в гармонии с планетой Земля»: «Мы не смогли и не в состоянии через язык интеллекта донести людям идею сохранения природы. Нужен другой путь – путь сердца, нужен другой язык – язык любви. А интеллект и наука должны стать дополнением, своего рода посохом на этом пути. Только так мы сможем достучаться к сердцам людей, чтобы открыть их души и повернуть движение вспять от экологической катастрофы». Вторая часть лекции была посвящена Беловежской пуще – всемирному наследию человечества, имеющему высочайшую экологическую и гуманитарную ценность.

Была проведена встреча преподавателей ВГУ с учащимися школ и колледжей. 100-летие университета – важная дата в жизни вуза, который богат традициями и в то же время является современным учебным заведением, готовящим высококвалифицированные кадры. Вместе с университетом юбилей отмечает и факультет биологии. Встреча с Леонардом Михайловичем Мержвинским и Владимиром Валентиновичем Ивановским, носителями высоких интеллектуальных и волевых умений, эмоционально богатых и творческих людей, знакомство с выставкой «Всё, что нам дорого» оставили неизгладимое впечатление у педагогов и учащихся.

1 апреля 2010 г. на базе музея прошли встречи с Русланом Шайкиным – членом совета АПБ, ответственным за экологическое образование и просвещение. Мероприятие проведено в рамках европейской акции «Живая весна». Учащиеся школ и колледжей познакомились с общественной организацией АПБ и её деятельностью. Были представлены презентация «Птица 2010 года» и фильм И. Бышнёва «Тропою волка», открыта выставка фоторабот членов АПБ «Рождённые летать».

С большим интересом слушали ребята рассказ увлечённого человека, орнитолога Виталия Кощеева о птицах Поозерья. Встреча проходила в музее в сопровождении его фоторабот. И, конечно же, первые встречи любителей природы с учёными, первые фотовыставки и первые фильмы в фильмотеке музея появились благодаря Игорю Ивановичу

Бышнёву, он поддержал только что открывшийся музей и продолжает поддерживать, присутствуя на сегодняшнем семинаре.

7. Мероприятия и конкурсы. Например, по экологическим датам: День воды – с участием экотеатра 2-й гимназии и посещением Полоцкого водоканала; «Встречаем птиц» – практическое занятие, проведённое музеем и Русланом Шайкиным, членом совета АПБ, ответственным за экологическое образование и просвещение, посвящённое правилам учёта и определения птиц в парках и садах города (для преподавателей, учащихся и их родителей); мероприятие, посвящённое Всемирному дню охраны окружающей среды, проведённое совместно с художественной школой им. И.Ф. Хруцкого и горрайинспекцией. Совместно с лесным колледжем проведено мероприятие, посвящённое трагическому событию в Чернобыле, которое состояло из мультимедийной лекции (история, народ, природа) и просмотра фильма Игоря Бышнёва из серии «Чернобыльские джунгли».

В этом году в июне месяце совместно с экологической инспекцией музей будет проводить мероприятие, посвящённое Всемирному дню охраны окружающей среды. Ребятам, которые увлекаются созданием видеоклипов или флэш-анимацией, предлагается поучаствовать в этом мероприятии со своими творческими работами. Все работы, юмористические и серьёзные, а также их авторы будут отмечены и награждены подарками.

Вышеперечисленные формы работы выполняют следующие функции:

Социально-культурная функция – заключающаяся в участии посетителей в процессах социализации личности, её адаптации к существующим моральным нормам и правилам, формировании социально направленного поведения, в использовании ранее накопленных культурных ценностей и навыков в целях социализации отдельного человека, формирования его творческих способностей.

Образовательная функция – основной фактор, влияющий на поведение личности. В формировании экологического образования первостепенное значение имеет усвоение принципов ответственности перед природой и обществом, принципов охраны природы и рационального природопользования. Для этого на современном этапе музею приходится преодолевать стереотипы потребительского мышления и поведения, сложившиеся в прошлом. Это, прежде всего, убеждённость в том,

что планета обладает несметными природными богатствами, которые существуют только для удовлетворения потребностей и сверхпотребностей человека; уверенность в своём превосходстве и могуществе, своей безнаказанности по отношению к природе; откладывание на будущее возмещения причинённого биосфере ущерба в связи с необходимостью постоянного ускорения прогресса и т.д. Такое представление наложило отпечаток всеобщего экологического мародёрства, приведшего к необратимым трансформациям среды обитания человека.

Экономическая функция вышеперечисленных форм взаимодействия музея и учреждений образования состоит в формировании социально-профессиональной структуры и подготовке работника, владеющего необходимыми экологическими знаниями и навыками. Ярким примером такого сотрудничества является взаимодействие музея и лесного колледжа. Преподаватели и учащиеся колледжа – постоянные посетители и участники практически всех мероприятий, проводимых в музее. О важности экологического просвещения для формирования профессиональных качеств учащихся расскажет преподаватель лесного колледжа Ольга Валерьевна Березина.

Ещё одно направление, над которым работает музей, это создание программы «Добро пожаловать в экологию».

Программа ставит своей целью формирование ответственного отношения молодого поколения к окружающей среде, воспитание активной гражданской позиции по отношению к сохранению среды обитания. Процесс формирования экологического образования затрагивает все формы сознания: научное, моральное, правовое, эстетическое. Высшим уровнем сформированности ответственного отношения к окружающей среде является реальный вклад каждого учащегося в улучшение окружающей среды местности, где он живёт и учится.

Сложность и многоплановость формирования экологической ответственности подрастающего поколения определяет совокупность и взаимосвязь следующих задач, поставленных программой:

- *обучение* – формирование знаний о единстве живой и неживой природы, закономерности природных явлений; о взаимодействии природы, общества и человека; об экологических проблемах и путях их решения; развитие системы интеллектуальных и практических умений и навыков по изучению, оценке и улучшению состояния окружающей среды места своего проживания;

- *воспитание* ценностных ориентаций экологического характера, мотивов и потребностей, привычек экологически целесообразного поведения и действий, воли, настойчивости в достижении экологических целей; способности к интеллектуальным, эстетическим, нравственным, правовым суждениям по экологическим вопросам, стремления к активной позиции и практической деятельности по охране окружающей среды;
- *развитие – в интеллектуальной сфере*: способности к целевому, причинному и вероятностному анализу экологических ситуаций, альтернативному мышлению в выборе способов решения экологических проблем;

- *в эмоциональной сфере*: восприятия прекрасного и безобразного, удовлетворения и неудовлетворения (негодования) от поведения и поступков людей по отношению к природной среде, здоровью и социокультурной среде;

- *в волевой сфере*: убеждённости в необходимости и возможности решения экологических проблем, уверенности в правоте своих взглядов, стремления к активной пропаганде экологических идей и личному участию в практических делах по защите окружающей среды.

Цели и задачи программы основываются на ряде принципов, которые согласуются с общими принципами дидактики и отражают специфику экологического образования.

Принцип научности предполагает предоставление достоверной информации об условиях среды жизни человека и её качестве. Это требует раскрытия объективных законов и закономерностей развития природных и социальных явлений в их взаимодействии.

Методологической основой принципа научности в экологическом образовании являются понятия о единстве природы и человеческого общества в широком, космическом понимании их эволюции, развитие учения В.И. Вернадского о био- , техно- и ноосфере. Решение экологических проблем опирается на научные знания о математической, физической, химической, биологической и географической организованности биосферы.

Принцип гуманизации – этот основополагающий принцип экологического воспитания исходит из права человека на благоприятную среду жизни. Он выражает идею формирования человека с новым типом мышления, способного к экологически целесообразному способу суще-

ствования, с установкой на то, что любая жизнь — это главная ценность во Вселенной и никому не дано право решать, кто нужен, а кто — лишний.

Гуманизация отношений к природе неразрывно связана с гуманизацией социальных отношений. Человеческое вносится в природу, а природное вводится в человеческое общество. Приходится учитывать, что социальный антагонизм напрямую переносится сознанием ребёнка на весь окружающий мир и создаёт значительные трудности в раскрытии нравственно-гуманитарной ценности природы.

Принцип непрерывности направлен на организацию обучения, воспитания и развития учащихся по вопросам охраны окружающей среды на всех этапах дошкольного, школьного и послешкольного образования, их преемственности. Каждый из этапов экологического образования имеет свои специфические особенности.

Например, при работе с дошкольниками, прежде всего требуется развивать у детей чувственно-эмоциональное восприятие природы, воспитывать гуманные чувства доброты, сострадания ко всему живому, бережное и заботливое отношение к нему.

Со школьниками начальных классов следует опираться на дошкольный опыт, углубляя при этом чувственно-эмоциональное восприятие природы, а также предоставлять элементарные знания об окружающей среде. В этой связи усваиваются правила поведения в природе, воспитывается радостное ощущение жизни и красоты окружающего мира, его непреходящей ценности для человека.

На средней и старшей ступенях обучения учащиеся овладевают знаниями о закономерностях природных и социальных систем, которые обеспечивают безопасную жизнедеятельность в окружающей среде. Характерной особенностью послешкольного экологического образования является дальнейшее развитие общетеоретических знаний в сочетании с практическими умениями и навыками, необходимыми будущим специалистам хозяйственного комплекса в их производственной деятельности.

Непрерывность процесса экологического образования является основной гарантией формирования нового глобального экологического мышления.

Принцип системности предполагает, прежде всего, разработку системы содержания, методов и форм организации учебно-воспитательного процесса на всех этапах непрерывного экологического образования и

воспитания молодёжи. Этот принцип позволяет повысить его эффективность, определить структурные, временные и содержательные компоненты для каждого этапа экологической подготовки. Система экологического образования предусматривает определение ведущих (приоритетных) идей и понятий, установление их взаимосвязи и развития, преемственности распределения в логике общечеловеческой деятельности.

На основе вышесказанного, Природно-экологический музей считает целесообразным создать в городе эколого-просветительский комплекс, который бы стал координатором экологического воспитания жителей города Полоцка. В этот комплекс могут входить школы, колледжи, музеи, детский экологический центр, лесничество, экологическая милиция, региональная экоинспекция, общество охраны природы и т.д. Общее руководство многоплановой работой может осуществлять ***совет,*** в который будут входить представители вышеперечисленных организаций. Своеобразной штаб-квартирой может стать музей.

При таком подходе будут успешно реализованы вышеперечисленные принципы, требующие реализации ряда педагогических усилий, важнейшими из которых являются:

- чёткое определение задач и условий их реализации;
- творческое содружество разных поколений, обеспечивающее непрерывность, системность и последовательность действий;
- совместная деятельность семьи, школы, общественных организаций;
- широкая пропаганда результатов деятельности.

Формы деятельности комплекса могут быть весьма разнообразными. В зависимости от уровня нравственно-экологической воспитанности, хода процесса экологического воспитания, наличия материально-технической базы, выделенных приоритетов. Всё должно работать на оказание помощи учителям и преподавателям в процессе экологического образования и воспитания, определяя направления, формы и методы работы.

В заключение отмечу, что активная социальная миссия современных музеев, ориентированных на развитие человека, привела к исключительному расширению типового и видового их разнообразия от классических музеев коллекционного типа до музеефикации целых территорий. В музеях широко задействован инструментарий есте-

ственных, гуманитарных и точных наук, что позволяет рассматривать музеологию как междисциплинарное направление в современном познании [**2**], а музеи – как важные структуры в процессе формирования личности с высоким уровнем культуры и ноосферным типом мышления, сформировать которые возможно только при высоком уровне экологического образования и экологической культуры.

Список литературы

1. Сотникова, С.И. Идеи коэволюции общества и природы в современной музеологии и музейном строительстве / С.И Сотникова. –1996.

2. Сотникова, С.И. Современный музей и его роль в научно-образовательном процессе / С.И Сотникова. – М.: Вестник РГГУ, 1998.

3. Шульгин, П.М. Возрождение и развитие памятников истории, культуры и природы по принципу уникальной исторической территории / П.М. Шульгин // Тез. докладов II Международной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. – М., 1992.

4. Милашевская, Л.В. Музеи как новая ступень эколого-нравственного образования и воспитания населения в современных условиях / Л.В. Миилашевская // Музей на рубеже веков: опыт прошлого, взгляд в будущее: тез. докладов III Всеросийской науч.-практической конференции Ассоциации естественно-исторических музеев России (9–13 окт. 2000 г.). – М.: Гос. Дарвиновский музей, 2000. – 109 с.

Рис. 3. Награждение победителей конкурса «Зелёная планета».

Рис. 4. Преподаватели ВГУ на встрече с абитуриентами в Природно-экологическом музее.

Рис. 5. Руслан Шайкин на встрече с учителями и школьниками города Полоцка в Природно-экологическом музее.

Рис. 6. Руслан Шайкин проводит занятие по весеннему учёту птиц.

Рис. 7. На выставке Виталия Кощеева.

Рис. 8. Музейные занятия.

Рис. 9. Музейные занятия.

Рис. 10. Открытие выставки И.И. Бышнёва в Природно-экологическом музее.

Бышнёв И.И.

Заповедник будущего?..

Основная причина создания Полесского государственного радиационно-экологического заповедника (ПГРЭЗ) — охрана территории, загрязннённой радиоактивными веществами. Создан он в 1988 году в белорусском секторе 30-километровой зоны Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС) через два года после всемирно известной катастрофы. Сначала — на площади 131,1 тысячи га, потом, в 1993 году, его площадь была увеличена до 216,1 тысячи гектаров. Заповедник был создан вынужденно. Данный статус позволил организовать здесь охрану и научные исследования. Подчиняется этот заповедник, в отличие от Березинского и национальных парков, Министерству по чрезвычайным ситуациям. Люди отдали природе территорию, которая им больше не нужна. Если создавать особо охраняемые природные территории (ООПТ) по такому принципу, то можно было бы объявить заповедниками все закрытые свалки и другие ненужные нам, испорченные человеческой деятельностью, территории. Это фактически радиацион-

Рис. 1. Выступление И.И. Бышнёва на семинаре.

ный полигон, где изучают воздействие радиации на природную среду и человека, отрабатывают меры по дезактивации различных объектов. Давайте лучше называть его Зоной. Вот почему в цикле фильмов о Чернобыльской зоне этот фильм называется «Заповедник будущего?..» — с вопросительным знаком. Не такой ли мир мы готовим будущему? Какие заповедники увидят наши потомки?

Чтобы предупредить случайное попадание на загрязнённую радиацией территорию людей, Зона обнесена колючей проволокой. Продолжительное пребывание в ней без специальных средств защиты опасно для жизни. Нельзя допустить также, чтобы радиоактивные предметы, материалы, продукты покидали Зону с желающими таким образом подзаработать. Зона формально делится на три участка: Хойникский, Комаринский, Наровлянский — и включает 16 лесничеств. Административный центр заповедника размещён в городе Хойники, научная часть и исследовательско-экспериментальная база — в выселенной деревне Бабчин, а отдел радиационно-экологического мониторинга — на исследовательской станции Масаны на границе с Украиной, в десяти километрах от ЧАЭС.

Более половины Чернобыльской зоны занято природными комплексами — лесами, лугами, водоёмами. Поля и луга Зоны зарастают кустарником и лесом, осушенные земли заболачиваются. Природа возвращает себе всё, что когда-то отнял у неё человек. Обитающие здесь живые организмы постоянно подвергаются воздействию повышенных уровней радиации, однако радиация, похоже, не сильная помеха животному и растительному миру.

Туристов здесь не бывает — чтобы попасть в Полесский радиационно-экологический заповедник, нужны специальные разрешения. Здесь работают учёные со всей Беларуси, приезжают и их зарубежные коллеги. Ведь это место в силу трагического стечения обстоятельств стало уникальным в Европе, где можно изучить многие естественные процессы, происходящие совершенно без хозяйственной деятельности человека. Конечно, при этом обязательно сопровождение работника заповедника. Радиация!

Чтобы не допустить пожаров, на вышках дежурят люди вахтовым методом, сменяя друг друга, круглосуточно. Потому что пожар в Зоне — это не только сгоревший лес, это радиоактивная зола, чёрная смерть, которая может быть перенесена ветром куда угодно. А это значит, спи-

сок жертв катастрофы станет больше. Кроме вышек, здесь сооружено более 60 противопожарных водоёмов и тысячи километров противопожарных полос.

Радиация, безусловно, убивает не только людей, но и животных. Но в Зоне без вмешательства людей у животных сильнее выражен естественный отбор, когда больные и слабые особи погибают, а выживают сильные и здоровые. Именно они дают потомство. Просто удивительно, как расцвёл животный и растительный мир без участия человека. Увеличилась численность многих видов животных, в том числе и исчезающих в Европе. Если забыть на мгновение о радиации, можно подумать, что находишься в раю. Фильмы, снятые мной за 25 лет существования Чернобыльской зоны, объединены под общим названием «Чернобыль — ад и рай для животных».

В Зоне животные редко видят людей. Их никто не преследует. Разве что браконьеры проникнут или изредка производятся отстрелы для изучения влияния радиации. Большинство животных почти не боится людей. Особенно это относится к оседлым видам — лосям, волкам, тетеревам и многим другим. Меняются биологические ритмы животных. Тех, которые за пределами Зоны ведут сумеречный и ночной образ жизни, здесь можно встретить днём! Это и барсуки, и бобры. Активны днём и копытные, часто встречаются и хищники. Даже совы иногда охотятся днём. Конечно, это повлияла не радиация, а отсутствие человека.

В 1996 году сюда завезли первых 16 зубров, чтобы создать в Беларуси ещё одно вольное стадо. Теперь зубров в Зоне уже более сорока. И ведут они себя здесь как настоящие цари — никого не боятся: ни человека, ни волка. За 10 лет здесь у зубров родилось более 30 телят.

Когда люди покинули навсегда свои дома и деревни, белые аисты лишились защиты человека. Пернатые хищники — орланы-белохвосты — в обезлюдевших деревнях нападают на аистов, как взрослых, так и молодых.

При этом чёрных аистов, редких и осторожных, в Зоне становится всё больше и больше. Часто их можно встретить даже в заброшенных деревнях.

За 25 лет существования Зоны здесь образовались крупнейшие в Европе зимовки орланов-белохвостов и беркутов. Десятки птиц собираются у полыней на льду Припяти. Многие кормятся на остатках волчьих трапез.

Хищники – вершина природной пирамиды. Там, где есть они, есть и все остальные. В Зоне много насекомых, лягушек, рыбы, грызунов и птиц. Хищников здесь также относительно много. На гнездовании появился очень уязвимый вид – большой подорлик. Увеличилась численность «краснокнижных» видов – змееяда, чеглока, пустельги. А уж что говорить о таком виде, как болотный лунь! Много и енотовидных собак.

Самый заметный из хищников (особенно по следам жизнедеятельности) – волк. Умный и экологически пластичный зверь, он даже в условиях беспощадной войны, объявленной ему охотниками, находил себе место в белорусских лесах. Что уж говорить о Зоне! До Чернобыльской катастрофы на этой территории обитало 7 волчьих семей. Сейчас зимой зоологи учитывают здесь от 12 до 20 волчьих стай общей численностью до 200 зверей. Это, кстати, не мешает лосям и кабанам поддерживать здесь такую численность, которая и не снилась охотникам в «правильных» охотохозяйствах, где уничтожают волка.

200 волков ежегодно могут добыть более 1 500 особей копытных. Но численность копытных не уменьшается, а в среднем стабильна и даже в некоторые годы растёт. Хищники выполняют здесь, как и везде, свою экологическую функцию регулирования и оздоровления популяций копытных. Здесь только нет человека. Волк мешает не косулям и лосям, а человеку.

К сожалению, в волков стреляют в нацпарках только в Беларуси. Американцы, истребив волка, специально завезли из Канады несколько семей в Йеллоустонский нацпарк – для контроля численности оленей и показа туристам. А олень ведь для природы – не ценнее волка, который за ним охотится. В принципе сейчас, когда зубру не угрожает уничтожение, зубр тоже не ценнее волка.

Каждая волчья семья имеет территорию, с которой прогоняет чужих волков. Численность копытных высокая – размер территории будет меньше, низкая – больше. Волки – естественные регуляторы численности копытных, созданные природой. Они-то, в отличие от человека, не истребили ни одного вида животных. Когда численность копытных становится низкой – им трудно поймать оставшихся. Волки бегают дальше, дерутся с соседями, голодают, переходят на падаль, грызунов и т.д.

Ни один охотник не сможет определить слабое животное так хорошо, как это делает волк. У волка от этой ошибки зависит жизнь, а у охотника – нет. Потом охотнику нужны трофеи – череп с рогами наи-

лучшего самца, а самок ему стрелять неинтересно. А лучшие самцы оставляют лучшее потомство. Волки никогда не нападают на сильных здоровых зверей, которых в одно мгновение может остановить любая пуля. Охотников нельзя пускать на охраняемую территорию — даже если, в крайнем случае, численность зверей надо уменьшить. Это должны делать специалисты — профессионалы, а не охотники-любители. Например, такие любители в Беловежской пуще по ошибке вместо кабанов застрелили двух зубров. Территория нацпарков и заповедников принадлежит природе, и мы не будем лезть туда с калькулятором для расчёта прибыли. Даже от охот. Но если не вмешиваться в лесную жизнь, то лишних зверей, которых надо отстреливать, там не будет. Кто-то умрёт от голода, а кто-то — от волков. Это законы природы.

Мы предприняли киноэкспедицию в Зону, чтобы снять удивительный мир природы, четверть века существующий без человека, своеобразные «джунгли» в центре Европы, не имеющие аналогов в мире, чтобы рассказать об удивительном животном и растительном мире, существующем в условиях беспрецедентного эксперимента, о месте, ставшем адом и раем для животных.

Рис. 2. Открытие выставки И.И. Бышнёва «25 лет Чернобылю».

Рис. 3. Беседа учеников с автором выставки.

Рис. 4. Презентация фильма «Заповедник будущего?..» в лесном колледже.

Рис. 5. Фото на память с преподавателями и учениками лесного колледжа.

Куксёнок В.Д.

Экологическая ситуация и мониторинг природной среды в Полоцком регионе

Экологическая ситуация в Полоцком регионе оценивается как стабильно хорошая. За прошедший 2010 год на 5-ти стационарных постах мониторинга атмосферного воздуха городов Полоцк и Новополоцк было зафиксировано 40 превышений по единичным ингредиентам:

по формальдегиду – 9,

по H_2S – 1,

по диоксиду азота – 24,

по фенолу – 5,

по твёрдым частицам – 1.

Высоких и экстремально высоких превышений (т.е. в 5 и 10 раз) ПДК вредных веществ в атмосферном воздухе не фиксировалось уже более 10 лет.

Валовый выброс вредных веществ от стационарных источников по региону составляет 53,7 тыс. тонн, что на 26 % меньше прошлогоднего. Снижение выбросов происходит благодаря внедрению природоохранных мероприятий предприятиями региона. Основная доля выбросов приходится на ОАО «Нафтан». Кроме этого, от передвижных источников в регионе выбрасывается около 11 тыс. тонн. Данный показатель последние годы остаётся стабильным.

Не менее важным показателем качества жизни является вода. Жители городов снабжаются водой из артезианских источников водозаборов «Окунёво» и «Заозерье» с дополнительной очисткой на станциях обезжелезивания.

Стоки промышленных предприятий и селитебной зоны городов проходят очистку на очистных сооружениях ОАО «Нафтан» и заводе «Полимир». Очистка стоков производится качественная, осуществляется природоохранный и государственный контроль, превышения установленных нормативов вредных веществ на сбросе очистных сооруже-

ний в р. Западная Двина в 2010 г. не фиксировалось.

Город Полоцк осуществляет строительство очистных сооружений. Ввод запланирован на 2013 г., проходит плановая модернизация существующих канализационных насосных станций, строится вторая нитка канализационного коллектора от г. Новополоцка до сооружений очистки воды на заводе «Полимир».

Важнейшим аспектом природоохранной деятельности крупных населённых пунктов является обращение с отходами.

Рис. 1. Выступление В.Д. Куксёнка на семинаре.

В год образуется 100 тыс. тонн коммунальных отходов, идущих на захоронение на полигон ТКО Новополоцкого КУП ЖКХ. В городах начала работать система раздельного сбора отходов от населения через приёмные пункты вторичных материальных ресурсов и контейнерные площадки для раздельного сбора с досортировкой на Полоцкой сортировочной станции (1100 тонн в 2010 году) и извлечением вторресурсов из коммунальных отходов на Новополоцком биомехзаводе вторичных материальных ресурсов. К слову, Полоцкая станция была признана лучшей в республике в 2010 году, а в Новополоцке предприятие было построено одним из первых в стране и пока является единственным в области.

В регионе проводится большая работа по сохранению биологического разнообразия, у нас обитают 14 видов птиц и животных, занесённых в Красную книгу Республики Беларусь, произрастает 4 вида «краснокнижных» растений.

Немало внимания уделяется недопущению незаконного воздействия на среду обитания человека: незаконных рубок, незаконной добычи общераспространенных полезных ископаемых.

В сельской местности проводятся мероприятия, направленные против распространения инвазивного растения борщевика Сосновского.

Развивается агроэкотуризм.

Рис. 2. Контроль за распространением борщевика Сосновского.

Природа Витебской области очень живописна. Вековые хвойные леса занимают почти 60 % всей лесопокрытой территории. Наибольшее количество лесов сконцентрировано в Россонском, Полоцком, Лепельском, Докшицком, Городокском районах.

Территорией области ограничивается распространение в Беларуси бурого медведя, численность которого составляет около 100 особей.

Целый ряд охраняемых природных территорий Витебщины имеет международную известность и значимость, является памятниками ЮНЕСКО.

Витебская область расположена в среднем течении Западной Двины и верховьях Днепра. Здесь сконцентрировано самое большое в Беларуси богатство естественных водных ресурсов: по территории региона протекает 240 малых рек плюс более 2 тысяч озёр. По Белорусскому Поозерью проходит водораздел Чёрного и Балтийского морей. Область славится на всю Европу своими богатейшими лесными, озёрно-болотными и болотными комплексами. Обитает свыше 6 тысяч видов флоры и фауны, включая редкие. Значительная часть территории находится под особой охраной.

Полоцкая низина, физико-географический район Белорусского

Поозерья, на севере Беларуси, занимает значительную часть Витебской области, заходит на территорию Литвы и Латвии. Юго-западная часть вдоль реки Дисна известна как Дисненская низина. Протяжённость с юго-запада на северо-восток до 200 км, с севера на юг от 40 до 80 км. Высоты 130–140 м, в краевых частях до 160 м. Поверхность слабо расчленена речными долинами и ложбинами, стоками талых ледниковых вод. В отдельных местах сильно расчленена Западной Двиной и нижними участками её притоков (Полота, Витьба и другие). Часто встречаются заболоченные котловины с остаточными озёрами. Для западной части, сложенной глинами и суглинками, характерен плоско- и пологоволнистый рельеф, осложнённый остатками моренной равнины, камовыми и моренными холмами, озами. Восточная часть, в строении которой преобладают пески, отличается плоскобугристой и плоской поверхностью с дюнами, эоловыми грядами, котловинами. Крупнейшие реки — Западная Двина с притоками Ужица, Росица, Свольна, Дрисса, Полота, Оболь (справа), Дисна (слева). Наиболее крупные озёра — Лисно, Ельно, Червятка, Илово, Мёрское. Почвы дерново-подзолистые, средне- и слабоподзоленные (от песчаных до глинистых), в разной степени заболоченные, в котловинах торфяно-болотные, по долинам рек пойменные, дерновые, заболоченные. Лесистость — 34 %. Преобладают сосновые и елово-сосновые леса. В междуречье (верх течения Дриссы и Полоты), на южной окраине озера Лисно боры чередуются с верховыми болотами, покрытыми низкорослой сосной, ельником, березняком, ольхой. Вокруг Полоцка, вдоль рек Нища, Сарьянка, Волта, Мёрица, в низовье Дисны — еловые леса. Участки дубрав сохранились на правом берегу Дисны, в верховьях Половицы, Берёзовки. Коренные сосновые и еловые леса в значительной мере сменились мелколиственными бородавчатоберёзовыми и осиновыми. Незначительные площади (опушки леса, куртины среди сельскохозяйственных угодий) заняты сероольшаниками, бородавчатоберёзовыми и осиновыми рощами, осоково-сфагновыми и сфагновыми ассоциациями. На низинных площадях — участки березняков и ольшаников, открытых осоково-травяных ассоциаций. Крупнейшие массивы верховых болот — Ельня, Оболь-2, Стречно, низинных — Добеевский Мох, Сосница-Дрожбитка, Судино. Распространены суходольные мелкозлаковые, душистоколосковые и разнотравные луга. Распахано около 35 % территории. В пределах Полоцкой низины заказники — Козьянский, Ельня, клюквенники — Великое Болото, Заболотье,

Лонно.

Совершенствование и развитие сети особо охраняемых природных территорий Полоцкого района особенно актуально для сохранения биологического разнообразия растительного и животного мира и уникальных ландшафтов северного региона Беларуси. На территории района создано 26 особо охраняемых природных территорий общей площадью 10,4 тыс. га или 3,3 % площади района. В их числе 4 заказника республиканского и 3 местного значения, а также 3 памятника природы республиканского и 16 памятников местного значения.

В числе памятников природы преобладают геологические, среди которых доминируют крупные валуны и их скопления. Большой интерес представляет скопление валунов на берегу оз. Яново, которое отнесено к памятникам природы республиканского значения. Это древнее языческое святилище, имевшее культовое значение.

Рис. 3. Изучение состояния памятников природы.

В целом, Полоцкий район обладает высоким рекреационным и природоохранным ресурсом. Средоформирующий каркас территории – лесопокрытые земли, естественные луговые земли, земли под болотами и водными объектами – составляет 81,1 % территории и является одним из наиболее ресурсоёмких в Беларуси, он обеспечивает высокую устойчивость природного комплекса и создаёт предпосылки для формирования естественного экологического равновесия, способного противостоять антропогенным воздействиям.

Взаимодействие с учреждениями образования и культуры.

Практика показывает, что экологическое воспитание и образование имеют решающее значение в деятельности по сохранению природной среды и очень важно их дальнейшее совершенствование и развитие. Опыт, наработанный учебными заведениями региона, достоин широкого распространения и более активного применения.

Базовыми учреждениями по экологическому образованию среди

детей и молодёжи в Полоцком регионе являются:

- УО «Новополоцкая государственная общеобразовательная средняя школа № 12 г. Новополоцка»;
- УО «Полоцкая государственная общеобразовательная средняя школа № 1»;
- УО «Новополоцкие государственные ясли-сад № 28»;
- УО «Полоцкое государственное объединение внешкольной работы»;
- УО «Государственный центр внешкольной работы г. Новополоцка»;
- «Природно-экологический музей г. Полоцка»;
- «Библиотека-филиал № 3 им. С. Маршака г. Новополоцка»;
- Библиотека УО «Полоцкий государственный университет».

При финансировании из местного фонда охраны природы Новополоцкой детской художественной школой им. И.Ф. Хруцкого был проведён конкурс рисунка на экологическую тематику с выставкой лучших работ в Полоцком природно-экологическом музее, мероприятие было приурочено ко Дню экологии.

Я благодарю участников сегодняшнего семинара за активную работу по сбережению природной среды для будущих поколений.

Список литературы и источников

1. Состояние природной среды Беларуси: экологический бюллетень за 2009 год / Национальная академия наук Беларуси, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды; под общ. редакцией академика НАН Беларуси В.Ф. Логинова. – Минск, 2010.

2. Проведение корректировки территориальной схемы охраны окружающей среды г. Полоцка, г. Новополоцка и прилегающего района: отчёт о НИР (заключ.) / Республиканское науч.-исслед. унитарное предприятие «БелНИЦ «Экология»; рук. темы А.А. Голденков. – Минск, 2010.

Мержвинский Л.М.

Трансграничные охраняемые территории и водно-болотные угодья – основа экологической сети Белорусского Поозерья

Человечество в процессе освоения окружающей среды разделило (фрагментировало) на относительно изолированные участки живую природу. Это очень отрицательно сказалось на климате, гидросфере и особенно на биосфере. Уничтожены целые природные комплексы, стало сокращаться биологическое разнообразие. Сейчас уже никто не отрицает глобального отрицательного влияния экономики на экологию. И, как результат, пагубное влияние изменённой природы на самого человека, его самочувствие, здоровье и наследственность. Осознание этого заставляет искать пути решения этих проблем. До недавнего времени одним из главных способов сохранения биологического и ландшафтного разнообразия было создание особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Но этого оказалось недостаточно. Самой перспективной на сегодня является стратегия устойчивого развития, принятая большинством государств нашей планеты на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Суть её сводится к тому, чтобы удовлетворение потребностей современного поколения людей не угрожало последующим поколениям и не ухудшало состояние окружающей среды. Все государства должны строить стратегию своего развития на основе согласования экономических, экологических и социальных факторов. Для претворения в жизнь этих идей в 1995 году в Софии

Рис. 2. Выступление Л.М. Мержвинского.

была принята всеевропейская стратегия сохранения биологического и ландшафтного разнообразия. Она базируется на принципах, которым должны следовать все отрасли хозяйства, влияющие прямо или косвенно на природные ресурсы. Устойчивое развитие должно достигаться на основе уменьшения угрозы биологическому и ландшафтному разнообразию и обеспечении их возобновления, укрепления экологической целостности Европы. Эта цель может быть достигнута в результате создания и устойчивого функционирования общеевропейской экологической сети. В соответствии со стратегией, к 2015 г. должна быть создана всеевропейская экологическая сеть. Она должна системой экологических коридоров объединить ценные в экологическом отношении участки с сохранившейся естественной или слабо нарушенной растительностью, чтобы обеспечить возможность расселения и миграции видов, восстановление популяций, сохранение и защиту среды их обитания. Поэтому, несмотря на важное значение особо охраняемых природных территорий, эффективная охрана биологического и ландшафтного разнообразия в долгосрочной перспективе может быть достигнута только посредством их объединения в единую экологическую сеть.

В этой связи приобретает особое значение разработка проектов интеграции экосетей отдельных государств в общую экосеть и *особенно важны здесь трансграничные территории.*

В соответствии с терминологией общеевропейской стратегии, территориальными элементами всеевропейской и национальной экосети являются:

Природные ядра – территории, состоящие из отдельных экосистем, группы смежных экосистем, местообитаний или экотопов, ландшафтов, представляющих особую ценность.

Экологические коридоры – сплошные или архипелагоподобные линейно вытянутые структуры, обеспечивающие расселение, миграцию видов и обмен генетической информацией между природными ядрами.

Буферные зоны – территории, предназначенные для защиты экосети от внешних влияний и хозяйственной деятельности вблизи неё.

Зоны потенциальной ренатурализации – территории, которые потенциально могут быть включены в экосеть, т.е. преобразованы в природные ядра или экологические коридоры.

В Северной Америке и Средней Европе в качестве территориальных элементов экосети рассматриваются биоцентры, экологические коридоры и интерактивные элементы.

Ю.Р. Шеляг-Сосонко и др. [1] унифицировали эти подходы и внесли некоторые коррективы в терминологию, предложенную в общеевропейской стратегии и используемую в Северной Америке и Средней Европе:

Биоцентр – это территориально замкнутый участок с природной либо близкой к ней растительностью, который имеет значение для сохранения генофонда ландшафта и оказывает оптимизирующее влияние на прилегающие территории.

Природное ядро понимается в более широком смысле, поэтому они предложили следующую интерпретацию:

Биоцентр – природное ядро локальной экосети. **Региональный центр биоразнообразия** – природное ядро региональной экосети.

Природное ядро – природное ядро межрегиональной (всеевропейской, национальной, общебассейновой) экосети.

Экологический коридор – это участок удлинённой формы с природной или близкой к ней растительностью, вдоль которого возможны расселение, миграция видов, обмен генетическим материалом и иные связи между биоцентрами.

М.Е. Никифоров и Н.А. Юргенсон [2] предложили алгоритм планирования экологической сети:

- определение основных объектов охраны на уровне ландшафтов, экосистем и видов; определение оптимальных пространственных параметров и структуры ядер и коридоров на основе требований к жизненному пространству и условий для успешной миграции видов;
- выявление территорий, которые могут рассматриваться в качестве основы для формирования экологической сети; анализ территориальных ограничений формирования экологической сети;
- определение месторасположения, конфигурации и типологии основных структурных компонентов;
- выявление территорий, в пределах которых возникают конфликтные ситуации между формированием экологической сети и развитием урбанизированного каркаса и выделение на этой основе буферных зон и восстановительных элементов;
- разработка экологически оптимального режима природопользования, охраны и управления для компонентов экологической сети.

По их мнению, ключевое значение в процессе определения составляющих территориальных компонентов экологической сети имеет выделение ядер, или центров биологического разнообразия. Ядра международного значения рассматриваются как центры формирования и поддержания биоразнообразия и экологического равновесия, значимые не только для Беларуси, но и Европы в целом. Важность территории ядра для сохранения биологического разнообразия должна быть признана на международном уровне (территория имеет статус биосферного резервата, объекта всемирного природного наследия, ключевой орнитологической или ботанической территории). На территории Витебской области — это Березинский биосферный заповедник, а также одни из самых крупных верховых болотных массивов Европы — Ельня (гидрологический заказник республиканского значения, имеет также статус Рамсарских угодий и ключевой ботанической и орнитологической территории) и участок Городокской возвышенности с уникальными водно-болотными угодьями, обширными лесными массивами с богатым биологическим разнообразием. Критериям ключевых ботанических и орнитологических территорий соответствуют и уникальные природные комплексы Белорусского Поозерья.

Ядра национального значения рассматриваются как центры биоразнообразия на территории Беларуси. Они играют важную роль в формировании благоприятной экологической среды, борьбе с процессами опустынивания и деградации экосистем. Этим условиям в наибольшей степени отвечает статус национального парка или заказника республиканского значения. На территории Витебской области это большинство из 22-х заказников республиканского значения, из них:

11 гидрологических (наиболее обширные по площади: «Болото мох» — Миорский район, Корытинский мох» — Городокский район);

4 биологических;

7 ландшафтных (самые крупные: «Красный Бор» — площадь 34231 га, «Освейский» — 27754 га).

Основу большинства заказников составляют водно-болотные угодья.

Основной задачей ядер регионального значения (биоцентров) является обеспечение дополнительного жизненного пространства для ключевых видов, а также возможности для остановок отдельных ключевых или редких видов в процессе их миграции. Как правило, биоцентры находятся в составе коридоров международного или национального зна-

чения. Этим условиям в наибольшей степени отвечает статус заказника республиканского или местного значения. Ряд водно-болотных угодий объявлен заказниками местного значения.

Бассейны крупных рек, границы которых определены водоразделами, являются относительно целостными и замкнутыми естественными природными территориями. Река Западная Двина протекает по территории России, Беларуси и Латвии, поэтому её бассейн с разнообразными ландшафтами и экосистемами является важнейшей частью формируемой национальной и всеевропейской экологической сети. Особенно ценными компонентами экосети в бассейне Западной Двины являются ещё хорошо сохранившиеся крупные лесные массивы и водно-болотные угодья.

Экологическими коридорами в Белорусском Поозерье являются в первую очередь долины рек, притоков Западной Двины, и сама Западная Двина, а также малые реки, часто соединяющие группы озёр в единые природные комплексы. Роль экологических коридоров выполняют также шоссейные и железные дороги, на грунтовых выемках и насыпях которых находят убежище редкие и охраняемые виды растений. Следует отметить, что только на небольшом отрезке железной дороги от Витебска до Старого Села нашли себе убежище и расселяются более 10-ти видов редких и охраняемых растений.

Работа по оптимизации системы ООПТ республиканского и местного значения в Витебской области продолжается с учётом социально-экономического развития региона, интересов землепользователей, а также в рамках формирования национальной экологической сети. Функционирование национальной экологической сети обеспечит оптимальное соотношение интересов государства в экологической и экономической сферах при наиболее полном сохранении в естественном состоянии экологических систем, биологического и ландшафтного разнообразия.

Формируемая общеевропейская экологическая сеть не ограничивается административными границами государств, а строится на основе природно-территориальных комплексов. Поэтому международное сотрудничество учёных и экологов Витебщины с коллегами из России и Латвии в последние годы активизировалось. В конечном итоге будут созданы трансграничные ООПТ, которые станут основой экологической сети Белорусского Поозерья как части республиканской и общеевропейской сети.

В 2003–2006 гг. выполнялся совместный белорусско-российский проект «Флора бассейна Западной Двины в пределах Беларуси и России». С белорусской стороны в нём участвовали учёные Института экспериментальной ботаники НАН Беларуси, кафедра ботаники Белорусского государственного университета, кафедра ботаники ВГУ им. П.М. Машерова и старший преподаватель Витебской академии ветеринарной медицины И.И. Шимко. С Российской стороны – Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН.

Сложность и специфика геологического развития и палеогеографической обстановки, своеобразие геоморфологических, гидрологических, климатических и почвенно-растительных условий позволяет рассматривать бассейн Западной Двины в качестве особого естественноисторического региона Беларуси с присущими ему ботанико-географическими особенностями и флорой. Относительно слабая его флористическая изученность и сравнительно молодой позднеплейстоцен-голоценовый возраст его природных комплексов, подвергшихся на современном этапе их развития мощным антропогенным воздействиям, богатство и разнообразие его растительного покрова, постоянно возникающие проблемы сохранения и устойчивого использования биоразнообразия и биоресурсов этого региона вызывают острую необходимость дать на основе тщательного изучения и анализа его флоры принципиальную оценку её таксономического состава, структуры, современного состояния, разработать принципы её рационального использования и охраны. Главной задачей исследований было составление аннотированного списка высших сосудистых растений бассейна р. Западная Двина в пределах Беларуси. У российской стороны стояла аналогичная задача.

Работа выполнена на основе всестороннего анализа литературных данных и результатов полевых исследований. Проведён предварительный анализ полученных данных, гербарные материалы, собранные в процессе полевых исследований, переданы для обработки в Национальный гербарий ИЭБ НАНБ, материалы по сложным в систематическом отношении таксонам обрабатываются специалистами России и Беларуси. Подготовлен аннотированный список видов высших сосудистых растений бассейна Западной Двины в пределах Беларуси, составивший 1784 таксона нативных, заносных и культивируемых в открытом грунте высших сосудистых растений. По итогам данного про-

екта планируется издание монографии, посвящённой флоре бассейна Западной Двины в пределах Беларуси и России, и, возможно, с включением латвийской территории.

Материалы, полученные в процессе реализации проекта, вошли в ряд республиканских программ, в том числе в Национальный Атлас Республики Беларусь, новое издание Красной книги Республики Беларусь. Составлен список 165 видов сосудистых растений бассейна Западной Двины, нуждающихся в особых мерах охраны.

Некоторые природные территории, обладающие довольно высоким биоразнообразием и уникальностью флоры, предложены в ранге ООПТ различного уровня. Среди таких уникальных участков в первую очередь следует отметить:

- Болотный массив «Сервечь» на границе Глубокского и Докшицкого районов, для которого до сих пор приводился лишь один интересный и редкий вид – берёза приземистая. На сегодняшний день здесь выявлен целый комплекс созологически значимых видов растений, в том числе и занесённых в Красную книгу Республики Беларусь. Среди них новый вид для флоры Беларуси – *Пальчатокоренник бледно-жёлтый*, а также *Липарис Лозеля*, *Ирис сибирский*, *Пухонос альпийский*, *Болотница малоцветковая* и др. Данный болотный массив уже является биологическим заказником, в настоящее время он считается потенциальным Рамсарским угодьем.

- Лесо-озёрный массив в окрестностях оз. Мыличино Глубокского района. В результате комплексных флористических исследований здесь выявлено около 600 видов высших сосудистых растений, в том числе 12 видов из Красной книги РБ (*Баранец обыкновенный*, *Сиелла прямостоячая*, *Липарис Лезеля*, *Мякотница однолистная*, *Подмаренник трёхцветковый*, *Тайник яйцевидный*, *Ирис сибирский*, *Кострец Бенекена*, *Хаммарбия болотная*, *Пухонос альпийский* и др.). Некоторые виды впервые приводятся для флоры бассейна Западной Двины или республики в целом (*Подмаренник трёхцветный*, *Ястребинка шаровидная* и др.). Сильно пересечённый рельеф, система озёр, река Шоша, малые водотоки, родники, высоковозрастные леса, богатый флористический состав дают основание считать эту территорию уникальной.

- Лесо-озёрный комплекс в окрестностях д. Сурмино Городокского района. Отличается высокими показателями биоразнообразия, редкими и уникальными ландшафтными комплексами, сочетающими в себе

озёрные котловины с чистыми водами, участки низинных и переходных болот, высоковозрастные леса. На данной территории зарегистрировано более 500 видов высших сосудистых растений, в том числе 10 из Красной книги РБ. Это *Полушник озёрный, Гидрилла мутовчатая, Линнея северная, Баранец обыкновенный, Осока заливная, Хаммарбия болотная* и др.

- Лесной массив в окрестностях д. Головск Сенненского района. Этот массив привлёк внимание единственными в республике гербарными сборами *Надбородника безлистного,* собранными 20 июля 1926 г. О.С. Полянской («опушка елово-берёзового леса, близ д. Головск»). К сожалению, широкомасштабные мелиоративные работы на окружающих землях совершенно преобразили здешние места. Единственный сохранившийся лесной массив близ деревни находится в 4 км к Ю-ЮВ от деревни. Он представлен чаще всего высоковозрастными ельниками кисличными, перемежающимися с зеленчуковыми, в понижениях развиты березняки с осиной. После довольно тщательных поисков вид не был найден, хотя впервые для этого района здесь отмечен *Венерин башмачок* настоящий и *Баранец обыкновенный* (в довольно значительном количестве).

- Лесо-озёрно-болотный комплекс «Дретунь». Отличается значительными по площади болотными массивами (верховыми, переходными, реже низинными) среди которых вкраплены низкие и довольно высокие минеральные острова с песчаными почвами и развитыми на них редкими для региона сосняками лишайниковыми и лишайниково-мшистыми. На данной территории насчитывается свыше 70-ти озёр различной степени трофности, некоторые из них связаны реками, ручьями и временными водотоками. Здесь отмечен ряд редких и даже новых для бассейна Западной Двины и флоры республики видов. Это *Сиелла прямая, Ива филиколистная,* Линнея северная, *Баранец обыкновенный, Осока заливная, Тайник яйцевидный.* Ряд редких видов: *Берёза приземистая, Тростянка овсяницевидная, Болотница овальная* и др.

- Лесо-озёрно-болотный комплекс в окрестностях дд. Орлея и Малое Ситно Полоцкого района. Здесь выявлены крупнейшие в республике популяции реликтового вида полушника озёрного, который произрастает в комплексе с другими редкими и ареальными видами во флоре республики – *Ежеголовником злаковидным, Березой карликовой, Баранцом обыкновенным, Гнездовкой настоящей, Качимом пучковатым* и др.

- Уникальный озёрно-болотный комплекс в окрестностях д. Стрелки Верхнедвинского района в озере Стрелки и на прилегающем к нему болотном массиве. Здесь отмечены довольно крупные популяции *Кубышки малой*, а также её гибриды с *Кубышкой жёлтой* (*Кубышка промежуточная*), *Хаммарбия болотная*, *Мякотница однолистная*, *Осока двудомная*, *Осока плетевидная*, *Берёза низкая*, *Пузырчатка малая*, *Пальчатокоренник балтийский*, *Камыш укореняющийся*, и ряд других. Не менее интересно озеро Святое, в 6 км к В-СВ от д. Стрелки, где произрастает *Кубышка малая*, *Ежеголовник злаковидный*, *Качим пучковатый* и некоторые другие редкие виды.

Вышеперечисленные редкие и уникальные флоротопологические комплексы, наряду с уже существующими охраняемыми территориями, особенно приграничными (заказники – «Освейский», «Красный Бор», «Синьша», «Фомино», «Юховичский»), вытянуты в виде практически непрерывной цепи (наряду с другими слабоосвоенными территориями) вдоль границы Беларуси и Псковской области России. В целях оптимизации природоохранных мероприятий подбираются аналогичные территории с высоким биологическим разнообразием на смежных территориях России, которые также отличаются высоким процентом лесистости и слабой освоенностью, что позволит сохранить уникальные лесо-озёрно-болотные комплексы в центре Европы, которые имеют важное значение для всего континента в поддержании экологического баланса и сохранении биологического разнообразия.

В процессе выполнения ещё одного совместного российско-белорусского проекта «Хорология флоры Белорусско-Валдайского Поозерья в пределах Псковской, Смоленской и Витебской областей» были изучены фитогеографические особенности распространения видов сосудистых растений, находящихся в данном регионе на естественных границах распространения. На основе изучения литературных материалов, различных ведомственных материалов, данных флористов лаборатории флоры и систематики растений ИЭБ им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси и Национального гербария, флористов БГУ, гербария кафедры ботаники ВГУ им. П.М Машерова, личного гербария преподавателя ВГАВМ И.И. Шимко, и полевых исследований Белорусского Поозерья совместно подготовлен список видов сосудистых растений Витебской области, которые находятся в регионе на естественных границах ареала, включающий около 200 таксонов. На все виды составлены ориги-

нальные карты их распространения в рассматриваемом регионе. Дана информация по фитохорологии видов в регионе, для большинства таксонов уточнены современные границы ареала или установлены впервые. Выявлена группа адвентивных видов с прогрессирующими ареалами, которые считались до последнего времени аборигенным компонентом флоры республики. В результате выполнения проекта выявлено несколько таксонов, являющихся новыми для флоры республики.

Материалы, полученные в процессе реализации проекта, вошли в ряд республиканских программ, использованы для подготовки капитального издания «Флора Беларуси» и международного паневропейского издания «Atlas Florae Europaea».

Изучение современного фитогеографического распространения растений представляет большой как теоретический, так и практический интерес, поскольку в результате анализа распространения отдельных видов выясняются важные исторические особенности формирования не только региональных флор, но и более крупных флористических выделов (флористических районов, областей и т.д.). Точная картографическая документация по распространению растений необходима для освоения и рационального использования растительных ресурсов, охраны природы и для разрешения других практических вопросов народного хозяйства республики. Эти сведения являются важной составляющей при разработке флористического и геоботанического районирования Беларуси.

Совместные исследования учёных Витебщины и россиян осуществляются в рамках договоров о сотрудничестве. Например, подписан и действует договор о научно-техническом сотрудничестве между национальным парком (НП) «Себежский» Федеральной службы лесного хозяйства России и учреждением образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова» Республики Беларусь. Целью настоящего договора является совместное комплексное ботанико-зоологическое изучение Белорусско-Валдайского Поозерья в пределах Республики Беларусь и Псковской области России, включая территорию НП «Себежский», с привлечением для этого профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов кафедр ботаники, зоологии, экологии и охраны природы университета и научных сотрудников нацпарка. Основные направления работ — альгологические, ботанические, зоологические, лихенологические, микологические, фау-

нистические исследования, инвентаризация и мониторинг состояния на территории Белорусско-Валдайского Поозерья и НП редких и подлежащих охране видов растений и животных, обмен специальной литературой, неопубликованной информацией, консультации, участие в научных конференциях и т. п.. Аналогичный договор готовится к подписанию с национальным парком «Смоленское Поозерье».

Список литературы

1. Шеляг-Сосонко, Ю.Р. Концепция, методы и критерии создания экосети Украины. / Ю.Р. Шеляг-Сосонко, М.Д. Гродзинский, В.Д. Романенко. — Киев: Фитосо-циоцентр, 2004. — 144 с.

2. Никофоров, М.Е. Методические подходы к формированию национальной экологической сети / М.Е. Никофоров, Н.А. Юргенсон // Охраняемые природные территории и объекты Белорусского Поозерья: современное состояние, перспективы развития: материалы III Международной научной конференции, Витебск, 16–17 декабря 2009 г. / Вит. гос. ун-т.; ред-кол.: А.М. Дорофеев (отв. ред.), В.Я. Кузьменко Л.М. Мержвинский, И.М. Морозова. — Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. — С. 3–5.

Сликская Л.И.

Воспитание экологической культуры как способ преодоления экологического кризиса

«Природа не признаёт шуток; она всегда правдива, всегда серьёзна, всегда строга; она всегда права; ошибки же и заблуждения исходят от людей».

И. Гёте

Экологическое воспитание и образование становятся стержнем современного образования и приоритетным направлением в педагогической теории и практике, служат ключом к перестройке его современных систем и общества в целом. Это связано с тяжёлой экологической ситуацией на нашей планете. Только в конце XX века человечество осознало всю пагубность своего бездумного «хозяйствования» на Земле. Одной из важнейших причин такого положения дел является экологическая неграмотность населения, отсутствие элементарной экологической культуры, неумение предвидеть последствия своего вмешательства в природу.

Рис. 1. Выступление Л.И. Сликской.

По мнению учёных, «экологический кризис на планете в конце концов «победит» не деятельность специалистов по охране окружающей среды, а специальная система экологического образования». Важным принципом этой системы является непрерывность экологического образования, что означает взаимосвязанный процесс обучения, воспи-

тания и развития человека на протяжении всей его жизни: детский сад — школа — вуз (колледж, техникум, училище) — послевузовское образование. В системе непрерывного экологического образования большое значение имеет второе звено — школа, а в школе — начальные классы.

Это объясняется тем, что дети младшего школьного возраста очень любознательны, отзывчивы, восприимчивы, легко откликаются на тревоги и радости, искренне сочувствуют и сопереживают.

Экологическое образование должно начинаться с самого раннего детства. Именно в эту пору следует закладывать нравственные основы, развивать чувство прекрасного, умение видеть красоту природы. Очень важно, чтобы в этом возрасте рядом с ребёнком находился умный, грамотный наставник, способный развить в нём начала экологической культуры.

Экологическая культура рассматривается как культура единения человека с природой, гармонического слияния социальных нужд и потребностей людей с нормальным существованием и развитием самой природы.

В Полоцком колледже сложилась система работы по экологическому воспитанию и образованию, формированию экологической культуры будущих специалистов по специальностям: «Начальное образование», «Дошкольное образование», «Музыкальное образование», «Иностранные языки», «Туризм и гостеприимство».

С целью формирования экологической культуры организованы различные виды деятельности:

- учебная практика «По основам начального миропознания»;
- разработка экологической тропы по станциям;
- международные экологические акции: «Сбережём зелёную ель», «День защиты животных», «День птиц», «День воды», «День Земли», «Биологическое разнообразие»;
- разработка проекта «Я люблю свой город»;
- лаборатория-сотрудничество «Завтра начинается сегодня»;
- внеклассные мероприятия, посвящённые международным экологическим акциям.

Учебная практика «По основам начального миропознания» является основной частью подготовки учителя начальных классов:

- способствует всестороннему развитию;

- способствует воспитанию экологической грамотности, экологической культуры учащихся – будущих учителей.

Программа учебной практики предусматривает изучение объектов, предметов, природных явлений, наблюдения в разных природных сообществах.

В качестве базы для прохождения практики могут быть использованы биоценозы местности (луг, поле, лес, водоём, парк и др.), экологические центры г. Полоцка и г. Новополоцка, экологические тропы, цветники города.

В теме «Ботаника» преподаватель обращает внимание на биологические особенности тех растений, которые изучаются в курсе «Человек и мир»:

- растительные сообщества леса;
- растительные сообщества луга;
- растительные сообщества водоёмов;
- культурная растительность.

В теме «Зоология» преподаватель знакомит учащихся с биологическими особенностями животных и их взаимосвязями с растениями и окружающей средой. По данному виду учебной практики преподаватель обращает внимание на темы:

- животный мир лесов;
- животный мир открытых пространств;
- животный мир водоёмов.

В теме «Антропогенный фактор и природа» учащиеся изучают:

- растения и животных Красной книги Республики Беларусь;
- разрабатывают экологическую тропу района практики по станциям: станция «Луг», станция «Водоём», станция «Лес», станция «Муравейник»;

Проводят экскурсию по экологической тропе.

Экологическая тропа – одна из форм экологического воспитания и образования младших школьников. Это маршрут в парке, лесопарке, который прокладывается так, чтобы на нём были места и естественной природы, и антропогенный ландшафт. Это позволяет сравнивать естественную среду и преобразованную, учить детей оценивать характер деятельности человека в природе.

«Экологическая тропа» разрабатывается по станциям.

Станция «Лес» – на этой станции учащиеся изучают растения и

животных леса, взаимосвязь между ними, знакомятся с растениями и животными, занесёнными в Красную книгу Республики Беларусь, с правилами поведения в лесу.

Станция «Луг» – на этой станции учащиеся изучают основные виды дикорастущих и культурных растений, животных, приспособление организмов к условиям обитания, знакомятся с легендами о растениях и животных местной флоры и фауны.

Станция «Водоём» – на этой станции учащиеся изучают растения и животных водоёма, их взаимосвязь, обосновывают единство органического мира, проводят наблюдения за животными водоёма, изучают приспособления животных и растений к данной среде обитания.

Станция «Муравейник» – на этой станции учащиеся изучают строение муравейника, огораживают муравейники, проводят наблюдения.

Международная экологическая акция «Сбережём зелёную ель».

Цель: содействовать превращению экологической проблематики в неотъемлемую часть общего образования и культуры.

Девиз акции: «В самый любимый праздник устроим подарок красавице-ёлке – подарим ей жизнь!». Время проведения – декабрь.

Этот творческий конкурс рисунков, поделок, плакатов, листовок, рассказов, телеграмм проходил с 20 декабря 2009 г. по 8 января 2010 г. в рамках акции «Сбережём зелёную ель». Выполняя свою работу, участники старались привлечь внимание учащихся колледжа и взрослых к проблеме сохранения лесов в Витебской области, прежде всего, елей.

Во всех представленных работах воспевается удивительная красота лесов родного края; каждый рисунок или поделка наполнены любовью к окружающей природе, способствуют экологическому воспитанию, формированию экологической культуры, во всём слышен призыв к бережному отношению к лесным богатствам. Каждый год, начиная с 1998 г., проводятся разнообразные выставки в рамках акции. С года основания число соискателей наград и предоставляемых творений стало намного больше. Жюри при подведении итогов отметило появление новых оригинальных идей в творческом воплощении.

Конкурс проходил по четырём номинациям:

- «Лучшая новогодняя ёлка»;
- «Льняная ель»;
- «Игрушка для ёлки своими руками»;
- «Творческий калейдоскоп».

Международная экологическая акция «День Земли».

Цель: содействовать формированию основ экологической культуры, в основе которой лежит естественное отношение к окружающей среде.

Девиз акции: «Дай Земле чистого дыхания, процветания и спокойствия». Время проведения — 22 апреля.

Международная экологическая акция «День Земли» проходила по следующему плану:

1. Выступление лекторской группы.
2. Информационная почта (конкурс телеграмм).
3. Выставка-конкурс плакатов, рисунков, листовок, памяток «Давайте Землю сохраним, чтоб была чистая она…».
4. Литературно-музыкальный экологический вечер «Кто сказал, что Земля не поёт, что она замолчала навеки?!».
5. Фотоконкурс «Не будем строить волшебные замки, нам нужно лишь только природу сберечь!».
6. Экологический субботник «Давайте докажем, что не зря на нас надеется Земля».
7. Лаборатория-сотрудничество «Завтра начинается сегодня».

Цель:

1) способствовать формированию знаний о единстве природы, её значении для жизни человека, о взаимодействии в системе человек — природа — общество;

2) содействовать формированию основ экологической культуры, в основе которой лежит естественное отношение к окружающей среде.

План проведения:

- Театрализованное представление.
- Презентация команд.
- Разнообразные конкурсы («Представь себя на их месте», «Одежда будущего»).

Данная работа представляет собой результат совместной практической деятельности по охране окружающей среды преподавателей и учащихся колледжа, а также учителей начальных классов СШ № 10.

Проект «Я люблю свой город».

Цель:

1) изучить состояние экологической обстановки в городах Полоцке и Новополоцке на основе анализа результатов мониторинга;

2) рассмотреть пути ликвидации негативных последствий хозяйственной деятельности человека на окружающую среду.

Проект является результатом исследовательской деятельности учащихся колледжа. Проект направлен на формирование таких ценностей, как экологическое сознание, мышление, культура и на ликвидацию негативных последствий хозяйственной деятельности человека на окружающую среду.

Учащиеся изучали источники загрязнения литосферы, гидросферы и атмосферы г. Полоцка и г. Новополоцка. Был проведён мониторинг.

Человек, овладевший экологической культурой, подчиняет все виды своей деятельности требованиям рационального природопользования, заботится об улучшении окружающей среды, не допускает её разрушения и загрязнения. Поэтому ему необходимо овладеть научными знаниями, усвоить моральные ценностные ориентации по отношению к природе, а также выработать практические умения и навыки по сохранению благоприятных условий природной среды.

Список литературы

1. Аствацатуров, Г. Педагогический дизайн мультимедийного урока / Г. Аствацатуров // Учитель. – 2006. – № 6.

2. Родькин, О.И. Охрана окружающей среды: учеб. пособие / О.И. Родькин, В.Н. Копицъ – 2-е изд. – Минск: Беларусь, 2010.

3. Маврищев, В.В. Основы экологии / В.В. Маврищев. – 3-е изд. – Минск: Вышэйшая школа, 2007.

4. Кашлев, С.С. Интерактивные методы развития экологической культуры учащихся: пособие для педагогов / С.С. Кашлев. – Минск: Зорны верасень, 2007.

5. Конюшко, В.С. Экологические прогулки: учеб. пособие / В.С. Конюшко, С.В. Чубаро. – Минск: Белорусская наука, 2005.

6. Запрудский, Н.И. Моделирование и проектирование авторских дидактических систем / Н.И. Запрудский. – Минск: Сэр-Вит, 2008.

7. Осипенко, Л.Е. Научное творчество в учебном процессе / Л.Е. Осипенко // Адукацыя і выхаванне. – 2006.

8. Подласый, И.П. Продуктивная педагогика / И.П. Подласый. – М.: Народное образование, 2003.

Рис. 2. Конкурс «Одежда будущего».

Рис. 3. Турнир Знатоков.

Рис. 4. Мероприятие «Завтра начинается сегодня».

Рис. 5. Мероприятие «Завтра начинается сегодня».

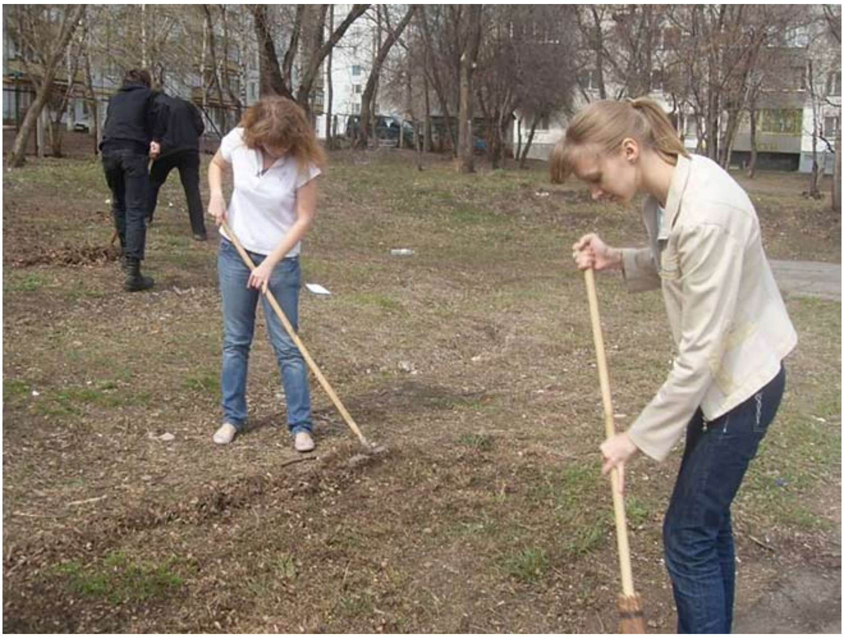

Рис. 6. Экологический субботник.

Рис. 7. Экологический субботник.

Рис. 8. Театрализованное представление.

Суханова Л.М.

Оптимизация работы кружка начальной школы по формированию экологической культуры

Жизнь стремительно меняется. Перемены происходят во всём: в промышленности, бизнесе, политике, науке, сознании. В последнее время все и всюду говорят о кризисе финансовом. Но куда более страшен кризис экологический. Он обусловлен в большей степени кризисом нравственности личности, когда происходит подмена духовных ценностных ориентиров материальными потребностями. Преодоление экологического кризиса требует изменения традиционных норм и ценностей человека по отношению к природе и самому себе: изменения в содержании и сущности самого экологического образования.

Рис. 1. Выступление Л.М. Сухановой на семинаре.

Ещё вчера самым страшным словом считалось слово «война», сегодня — «экологическая катастрофа». Хотя перед человечеством стоит множество нерешённых проблем, экология — одна из важнейших. Ежедневно мы слышим призывы и предостережения: «Образумьтесь, люди!», «Будущее Земли в опасности!» — но все они так и останутся призывами, если мы не осознаем главного: человечество стоит на пороге экологической катастрофы, оно нуждается в безопасной среде обитания.

Родная природа — могущественный источник, из которого ребёнок черпает многие знания и впечатления. Интерес к окружающим объектам неживой и особенно живой природы проявляется очень рано. Дети замечают всё: трудолюбивого муравья на лесной тропинке, подвижного жучка на зеркальной глади воды, крохотного паучка в густой траве. Внимание детей привлекают сезонные изменения в природе, яркость красок, многообразие звуков и запахов. Они открывают для себя новый мир: стараются всё потрогать руками, рассмотреть, понюхать, если возможно, попробовать на вкус.

Но в то же время, проводя экскурсии в природу, наблюдая за детьми во время природоведческой прогулки, замечала, что дети могут сорвать и почти сразу выбросить ветку дерева, цветок, бросить под куст фантик от конфеты или упаковку от выпитого сока. «А что я такого сделал?» — отвечают они на мой вопрос: «Зачем?» — «Так делают все и ничего страшного здесь не произойдёт». Да, конечно, от одного брошенного фантика или сорванного цветка не случится экологическая катастрофа, но если так будет вести себя каждый ребёнок и вырастающий из такого ребёнка взрослый, то тогда и будет терять плодородие земля, будут исчезать звери и птицы, мы потеряем главные богатства планеты — воздух, воду, землю. А тогда уже встанет вопрос и о выживании самого человека.

Поэтому, чтобы в будущем не чувствовать угрызений совести за то, что не привила своим ученикам, если так можно выразиться, природоведческую сознательность, природоведческую совесть, я решила, что в моей работе приоритетным направлением должно стать воспитание у детей бережного и ответственного отношения к природе, которое так необходимо будущим хозяевам земли, ведь сложившаяся в настоящее время тяжёлая экологическая ситуация на земле — это результат экологической неграмотности большей части населения и неумения предвидеть последствия вмешательства человека в природу.

В связи с этим необходимо выделить следующие противоречия, с которыми мы сталкиваемся в ходе работы, и которые требуют немедленного разрешения:

- между стремительным развитием индустрии и низкими темпами развития средств экологической защиты от побочных явлений этой индустрии;
- между желанием жить в экологически чистом мире и экологической безграмотностью населения;
- между желанием взрослых привить ребёнку любовь к природе и отрицательным примером отношения этих же взрослых к окружающей среде;
- между желанием использовать как можно больше природных ресурсов и неумением сохранить их для будущих поколений;
- созданием комфортных условий для жителей и уничтожением среды обитания.

Проанализировав все вышеобозначенные противоречия, приходишь к выводу, что важной проблемой современного общества и школы в частности является проблема повышения экологической культуры у школьников. Поэтому как никогда актуальна работа по формированию экологической грамотности уже начиная с младшего школьного возраста.

Конечная цель экологического воспитания — формирование у человека готовности к рациональной деятельности в природе, при которой сохраняется существующее природное равновесие или создаются возможности для его восстановления.

Основными видами кружковых занятий являются: учебные занятия, игры, занятия с использованием видеоматериалов, экскурсии в природу, тематические занятия в Экологическом музее и библиотеке им. Л. Толстого, наблюдения, сотрудничество с экологическими организациями, участие в экологических конкурсах различного уровня.

Например, работа с Природно-экологическим музеем города спланирована на учебный год в соответствии с учебной программой и программой работы кружка. В музее ежемесячно проводятся познавательные занятия, которые не только воспитывают экологическую культуру, но и развивают эмоциональную и речевую сферы ребёнка.

За учебный год в Природно-экологическом музее проведено:

4 музейных занятия: «Путешествие по лесной тропинке», «Школа Берегоши», «Наш общий дом», «Охранные территории Беларуси»;

2 тематические экскурсии: «Красная книга Беларуси», «Природное сообщество Болото»;

1 мероприятие «Радиационная безопасность» (с посещением радиологической лаборатории города Полоцка).

Создаются условия для вовлечения детей и родителей в совместную деятельность путём применения разнообразных форм познавательной деятельности: фронтальной, групповой, коллективной, индивидуальной.

Процесс формирования экологической культуры не исчерпывается экологическим образованием. Экологическое воспитание и экологическое образование — два взаимосвязанных, самоценных, но не самодостаточных процесса. Если стержнем образовательных программ является определённый круг знаний, умений и навыков учащихся, то стержнем программ экологического воспитания — становление нравственно-экологической позиции личности, её взаимодействие с окружающей средой.

В программе экологического воспитания выделяются следующие направления работы:

- познавательное направление (дидактические игры, беседы, заочные путешествия, викторины);
- познавательно-развлекательное направление (праздники, утренники, устные журналы, экологические игры, игры-путешествия);
- практическое направление работы (посадка деревьев и кустарников, озеленение класса, подкормка птиц);
- исследовательское направление (экскурсии, наблюдения, опыты).

Формирование экологической культуры у младших школьников на этапе обучения в начальной школе будет характеризоваться следующими показателями:

1) повышение уровня информированности;
2) повышение интереса к природе родного края;
3) потребность выразить свой интерес в творческих работах;
4) соблюдение правил поведения в окружающей среде вошло в привычку; ребёнок контролирует свои действия, соотнося их с окружающей обстановкой и возможными последствиями для тех или иных объектов окружающей среды;
5) выражена потребность в заботе о тех или иных представителях животного и растительного мира;

6) ребёнок способен самостоятельно выбирать объекты своей экологической деятельности;

7) доброта, отзывчивость и внимание к окружающим людям, природе сопровождается готовностью ребёнка оказать помощь нуждающимся в ней.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что воспитание экологической культуры реализуется не через эпизодические мероприятия, а через систему занятий, внеклассных мероприятий, коллективных творческих дел и индивидуальной работы. Система достаточно технологична, легко применима в условиях любого образовательного учреждения. Особая её ценность состоит в том, что она охватывает большинство учащихся. Причём достигается не только пассивное участие школьников в различных мероприятиях, но и активная творческая работа, направленная на достижение пусть и небольшого, но конкретного и значимого результата.

Младший школьный возраст является наиболее благоприятным периодом для формирования у детей основ экологической культуры, так как в этот период развития ребёнка, характеризующийся преобладанием у него эмоционально-чувственного способа освоения окружающего мира, активно формируются свойства и качества личности, которые определяют её сущность в будущем. В этом возрасте у учащихся в сознании происходит первоначальное формирование наглядно-образной картины мира и нравственно-экологической позиции личности, которая определяет устойчивое отношение ребёнка к природному и социальному окружению и к самому себе. Яркость и чистота эмоциональных реакций обеспечивает глубину и устойчивость впечатлений, получаемых ребёнком извне.

Детям младшего школьного возраста свойственно уникальное единство знаний и переживаний, которые позволяют говорить о возможности формирования у них надёжных основ ответственного отношения к природе. Большое наследие в области воспитания детей образами-картинами окружающей среды оставил нам выдающийся педагог В.А. Сухомлинский. Он придавал особое значение влиянию природы на эмоциональное и нравственное развитие ребёнка. По его мнению, природа лежит в основе детского мышления, чувств, творчества. Он неоднократно отмечал, что сама природа не воспитывает, а только активно влияет на взаимодействие с ней. Но, чтобы ребёнок

научился понимать природу, чувствовать её красоту, нужно прививать ему это качество с раннего детства. Поэтому одна из задач современной школы, как и общества в целом, воспитание гармонично развитой личности, для которой жизнь — высшая ценность.

Высокие темпы развития научно-технического прогресса, к сожалению, усиливают отчуждённость человека от природы.

Необходим комплекс специальных мер, направленных на формирование нового экологического мышления у детей. К числу таких мер относится пробуждение у детей познавательного интереса к жизни животных и растений, воспитание на этой основе позитивного отношения к окружающей природе.

Однако любовь к природе у ребёнка не может быть абстрактной. Она конкретна и возникает лишь в результате его непосредственного эмоционально положительного контакта с природными объектами и их активного исследования. А для этого и существуют экскурсии в природу, библиотеки и музеи, сотрудничество с которыми оптимизирует работу кружка по формированию экологической культуры.

Список литературы

1. Иванова, А.И. Живая экология / А.И. Иванова. — М.: Творческий центр, 2006.

2. Молодова, Л.П. Методика работы с детьми по экологическому воспитанию / Л.П. Молодова. — Минск: Асар, 2004.

3. Николаева, С.Н. Комплексные занятия по экологии / С.Н. Николаева. — М.: Педагогическое общество России, 2005.

4. Юный эколог / Деятельность классного руководителя; сост. Т.Е. Заводова. — Минск: Красико-принт, 2006.

Рис. 2. Занятие «По лесной тропинке».

Рис. 3. «Юные экологи».

Рис. 4. Занятие «Красная книга».

Рис. 5. Занятие «Сообщество болото».

Рис. 6. Занятие «Уроки Берегоши».

Сверж С.А.

Из опыта сотрудничества учителя географии с Природно-экологическим музеем по расширению сферы экологических знаний школьников

Единое образовательное пространство «школа — музей» — это система материальных и духовных ценностей, которая на основе музеефикации реальности объединяет пространство школы и музея в единое целое. Музеефикация реальности — это переосмысление назначения существующих предметов, оценка их ценности для соотечественников и проекция их значимости для будущих поколений. Музеефикация основана на изменении отношений личности к себе, к другим, к окружающей среде.

Изменение отношений к себе самому подразумевает:

- осмысление ценности своей жизни, уникальности и неповторимости своего жизненного пути;
- осознание принадлежности к определённому генеалогическому роду, понимание связи со своими предками;
- осознание значения ценностей рода, которые потом будут принадлежать преемникам.

Это отношение к себе должно стать составной частью самосознания личности и его мировоззрения. Изменение отношений к другим людям основывается на следующих тезисах:

1. Окружающие меня люди ценны уже сами по себе, своим внутренним миром, уникальной судьбой.
2. Ощущать эстетическое удовлетворение от взаимоотношений с людьми, так как передавать духовное достояние — значит становиться духовно богаче самому, осознавая значение своей деятельности на сегодняшний день и весомость её для будущего.

В результате чего любой предмет, который попадает в поле отношений, приобретает ценность для сегодняшнего, завтрашнего и прошедшего дня, а значит, музеефицируется.

Рис. 1. Выступление С.А. Сверж.

Изменение отношений к окружающей среде основано на ряде положений:

1. Всё окружающее является ценным (место рождения, проживания, место учёбы). Поэтому всё, что происходит здесь и сейчас, является ценным, так как любое наше действие и материальное созидание является ценным, поскольку оно неповторимо.

2. Мои собственные ценности — это ценности моей среды, ценное в социуме важно для меня. Отсюда взаимопроникновение окружающего мира и своей личности.

Таким образом, одним из путей создания единого образовательного пространства «школа — музей» является перенесение музейного подхода в образовательный процесс на основе музеефикации, которая подразумевает изменение отношений к себе, к другим, к окружающей среде.

О необходимости любви к природе на уроках школьного естествознания ещё в XIX веке писали русские педагоги И.М. Ястребцов, Ф.И. Симашко. Известный педагог-естествоиспытатель и наш соотечественник Д.Н. Кайгородов неоднократно заявлял: «Нужно культивировать в школе не мёртвую науку о природе, а живую любовь к природе и Божьим творениям». К такому же мнению в начале XX века пришёл и известный педагог Стенли Холл.

Можно ли «научить» любить природу?

Известный российский деятель охраны природы, московский географ Ю.К. Ефремов даже стихотворно обосновал развитие чувства любви к природе:

Люблю и знаю,
Знаю и люблю,
И тем полней люблю,
Чем глубже знаю...

Однако, как справедливо пишет В.П. Чижова, «далеко не всегда и не у всех знания предшествуют любви или играют существенную роль в её возникновении и укреплении». Обратимся на этот раз к другому литературному авторитету — М. Пришвину: «Разве я не понимаю незабудку: ведь я и весь мир чувствую иногда при встрече с незабудкой, а скажи — сколько в ней лепестков, не скажу. Неужели вы меня пошлёте изучать незабудку?». А уж в том, что Пришвин не только понимал природу, но и любил её, и знал — и не с позиции ученья, а через восприятие сердцем, — я думаю, никто не сомневается.

Таким образом, ответственное, гуманное отношение к природе можно формировать при взаимодействии как чувственного (восхищение, сострадание и т.п.), так и интеллектуального (экологические и эти-

Рис. 2. В музее с детьми.

ческие знания) воспитания. Что же касается любви к природе, то она всегда будет оставаться неподвластным человеку сопутствующим природоохранным мотивом.

Природа должна быть защищена вне зависимости от наших чувств, вне зависимости от того, любим ли мы её или нет. Природа должна быть защищена по той простой причине, что наше будущее имеет право на существование.

Своё знакомство с музеем я начала как мама, у которой дети хотят узнать как можно больше о природе родного края, о нашей Беларуси. Так мы впервые посетили полоцкий Природно-экологический музей. Приятных впечатлений было много. Но помимо этого, я отметила для себя, что здесь очень большой потенциал для сотрудничества с целью расширения экологических знаний учащихся, с которыми я работаю.

Первыми были экскурсии-знакомства, когда ребята расширяли свой кругозор, узнавали животных родного края, нашего Белорусского Поозерья.

Но за 1 час экскурсии невозможно было узнать и посмотреть всё, что хотелось, что заинтересовало. И тогда мы решили прийти сюда ещё. Совместно с научными сотрудниками было принято решение проводить в музее занятия с целью расширения сферы экологических знаний школьников.

Очень успешно мы проводим занятия в 6-х классах при изучении темы «Сообщества». В музее представлены сообщества пресноводных водоёмов: реки, озера, болота, сообщества леса и антропогенных ландшафтов. И ребятам легко представить флору и фауну этих сообществ, а о взаимосвязи компонентов им расскажут опытные экскурсоводы.

Также при выполнении задания «Показать пищевые цепи искусственно созданного сообщества» ребята могут внимательно рассмотреть прекрасные аквариумы, так понравившиеся им при первом же посещении музея.

В среднем и старшем звене на уроках географии мы выполняем практические работы по описанию природы своей местности. И вновь нам на помощь приходят научные сотрудники музея. Тематические экскурсии и кинолекции являются большим подспорьем для расширения и закрепления знаний ребят.

Научный материал музея в значительной мере меняет мышление не только учащихся среднего звена, но и 11-классников, наших завтрашних

выпускников, которые выходят во взрослую самостоятельную жизнь. Кем выйдут они, зависит и от нас, от тех знаний, которые мы сможем дать им в процессе обучения. Очень полезной становится тематическая экскурсия «Глобальные проблемы человечества. Экологическая проблема» или «Валеологические проблемы. Экология жилья». Ребята видят экспозицию «Городская свалка», размышляют об экологии жилища, узнают реальные факты последствий весенних палов травы и т.д.

Отдельным пунктом хотелось бы отметить сотрудничество с музеем во внеклассной работе со школьниками. Это выставки и встречи с учёными. Ведь именно благодаря этому сотрудничеству мы вступили в общественную организацию «Ахова птушак Бацькаўшчыны». Познакомились с деятельностью этой организации, с орнитологами, которые заботятся о сохранении биоразнообразия нашей природы.

В музее ребята также знакомятся с новинками литературы о природе нашего края, видеоматериалами и т.д. С удовольствием посещают выставки фоторабот, картин, посвящённых природе. Прекрасное служит опорой для души. Без прекрасного нет душевного подъёма. Учеников надо поднимать над обычным уровнем повседневной жизни и учить видеть и беречь красоту. Так, мы с удовольствием посетили выставку натюрмортов Виктора Каземировича Любовицкого, жителя нашего города, ветерана Великой Отечественной войны. А потом в нашей школе была организована встреча с ним накануне Дня Победы.

Философия единения с природой, как изначальная гармония жизни, сегодня признаётся всеми грамотными людьми. Экология сегодня — это и мораль, и знания. Отсюда следует, что людей надо учить общению с природой, т.к. знание основ экологии без их нравственного подкрепления результата не даст, надо больше внимания уделять психологии поведения человека в природе. Рамки учебного процесса не позволяют во время уроков дать полное экологическое образование, поэтому восполнять его надо во внеурочной, внеклассной, внешкольной работе, где больше возможностей для дополнительного нетрадиционного обучения и воспитания. Примером является сотрудничество с Природно-экологическим музеем.

В заключение хотелось бы сказать слова благодарности сотрудникам музея за их трудолюбие, терпение и огромную методическую и информационную помощь, которую они оказывают педагогам нашего города и мне лично по расширению сферы экологических знаний школьников.

Список литературы

1. Запрудский, Н.И. Современные школьные технологии / Н.И. Запрудский. – Минск: Сэр-Вит, 2004.

2. Запрудский, Н.И. Современные школьные технологии – 2 / Н.И. Запрудский. – Минск: Сэр-Вит, 2010.

3. Соловьева, Н.В. / Педагогические возможности музея, как элемента социокультурной среды / Соловьева Н.В. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 1996.

4. Сотникова, С.И. От фактологии науки к формированию основ экологической культуры // Музеи Москвы и музеология XX века: тез. науч. конф. – М., 1997.

5. Экологическое воспитание школьников во внеклассной работе: учебно-методическое пособие для учителей / С.С. Маглыш [и др.]; под общ. ред. С.С. Маглыш – Минск: ТетраСистемс, 2008.

6. Сіпакоў, Я. Зялёны лісток на планеце Зямля: Партрэт Беларусі / Янка Сіпакоў. – Мінск: БелЭн, 2010.

7. Воспитание экологической культуры у детей и подростков / Н.С. Дежникова, Л.Ю. Иванова, Е.М. Клемяшова, И.В. Снитко, И.В. Цветкова. – М., 2000.

8. Черняк, Л.В. Экологическое образование и воспитание на уроках биологии: метод. пособие / Л.В. Черняк. – Минск, 1999.

Рис. 4. На встрече с орнитологом Виталием Кощеевым.

Рис. 5. 11-й класс на экскурсии.

Рис. 6. 6-й класс на экскурсии.

Рис. 7. Фото на память с орнитологом В. Кощеевым.

АРТЫКУЛЫ

Ладисов О.И.

Русский авангард в пространстве белорусских музеев

Цель выставочного проекта «Салон русского авангарда» — знакомство широкой общественности с культурным наследием, имеющим прямое отношение к истории нашей страны. Его актуальность и востребованность объясняются тем вниманием, которое в последнее время уделяется вопросам возвращения в Беларусь историко-культурных ценностей. В данном случае речь идёт скорее о так называемой «мягкой реституции» — временном нахождении культурных ценностей на территории страны в рамках реализации международных выставочных проектов.

В 2002 г. в Национальном музее истории и культуры Беларуси (сейчас Национальный исторический музей Республики Беларусь) прошла первая выставка проекта, познакомившая любителей искусства с работами А. Экстер (эскизы костюмов к спектаклю «Соломея» О. Уайльда в постановке А. Таирова, 1917 г.), коллажами В. Татлина, книжной графикой С. Чехонина.[1] Произведения были представлены коллекционером Л. Заксом. В 2004 г. состоялась вторая выставка проекта, представившая другие произведения из той же коллекции: «Кубистическую композицию» А. Экстер, «Композицию с тремя фигурами» Н. Удальцовой. Третья выставка проекта была целиком посвящена графике, экспозицию составили пейзажные наброски И. Клюна 1920–1930-х гг., эскизы костюмов четырёх рыцарей к балету Кёльнской оперы «Дон Жуан в аду» А. Экстер (1928–1929).

Содержательная сторона коллекции Л. Закса, представленная выдающимися именами художников начала XX в., стилистическая направленность собрания позволили продолжить проект, придав ему новое звучание. В 2009 г. в Литературном музее Максима Богдановича открылась выставка графических работ художников серебряного века: И. Клюна, А. Архипенко, П. Львова, В. Татлина. Двадцать две работы

[1] Куратор проекта «Салон русского авангарда» — Пётр Хотько.

были переданы в дар музею. Во вступительной статье к каталогу выставки искусствовед Л. Михневич писала: «Щедрый подарок коллекционера Леонида Закса идет от его желания восстановить разрушенное эстетическое равновесие. В начале прошлого века Беларусь ворвалась в мировую культуру, став на какое-то мгновение центром едва ли не самых дерзких поисков в искусстве, но, к сожалению, потеряно чуть не все, созданное в то время» [**4**, с. 1].

Говоря о «разрушенном эстетическом равновесии», нельзя оставить без внимания уникальную в своём роде художественную жизнь Витебска начала XX в., которая по праву является неотъемлемой частью истории культуры Беларуси. Достаточно вспомнить такие знаменательные события, как приезд в Витебск К. Малевича, деятельность М. Шагала в должности уполномоченного по делам искусств и отдела ИЗО, создание объединения Уновис, спектакли театра революционной сатиры «Теревсат», постановку супрематических оперы и балета «Победа над солнцем».

Не будет преувеличением отнести факт создания Витебского художественного училища к разряду центральных культурных событий. В результате реорганизации Академии художеств и высших художественных училищ в 1918 г. в ряде российских городов были созданы свободные художественно-учебные мастерские. Поиски новых методов преподавания привели к созданию индивидуальных программ. Разработанные художниками-педагогами, они позволили формировать мастерские, представляющие собой «автономную структуру» [**1**, с. 4–5]. Именно такая система преподавания изобразительного искусства была взята за основу в художественном училище Витебска. Открытое 12 сентября 1918 г. (торжественное открытие состоялось позже — 28 января 1919 г.), учебное заведение объединило в своих стенах художников-новаторов, приглашённых Марком Шагалом посредством петроградской газеты «Искусство коммуны».

Среди преподавателей Витебского художественного училища одной из ярчайших творческих личностей был Л.М. Лисицкий (1890–1941), вошедший в историю мирового искусства как Эль Лисицкий. 3 мая 1919 г. он по приглашению Марка Шагала приехал в Витебск. С осени 1919 г. художник руководил мастерской архитектуры и графики. Творческая судьба этого представителя авангарда также тесно связана с именем К.С. Малевича, приехавшего в Витебск по инициативе Лисицкого и

Веры Ермолаевой. Благодаря типографии и графической мастерской, руководимой Эль Лисицким, Малевич мог издавать свои теоретические труды, посвящённые искусству супрематизма. Следует отметить, что Л.М. Лисицкий всегда оставался приверженцем К. Малевича, последовательным архитектором-супрематистом.

Возвращаясь к вопросу создания в 1920 г. Уновиса, необходимо отметить, что в его функции входила организация выставок, лекций, а также публикация теоретических трудов К. Малевича, издание альманаха. Сюда же следует отнести праздничное оформление городов в стиле супрематизма. В Государственном архиве Витебской области сохранилось командировочное удостоверение Л.М. Лисицкого от 17 октября 1919 г. Документ подтверждает факт командирования художника Витебским высшим народным художественным училищем в Москву в Бюро художественных коммун по делам артели художественного труда для получения инструкций и материала по заказам комиссариата по национальным делам к годовщине Октябрьской революции [**1**, с. 40]. Фамилия Лисицкого значится в списке из 30-ти художников, которые принимали участие в оформлении Витебска к октябрьским праздникам. Эль Лисицкий участвовал в постановках Теревсата, созданного в феврале 1919 г. Одноактные пьесы, сатирические представления, пародии знакомили зрителей с политическими событиями, снабжая их комментариями.

Среди первых художников, откликнувшихся на приглашение М. Шагала приехать преподавать в Витебск, был И. Пуни.[2] Его фамилия упоминается в «Известиях Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов» за 5.02.1919 г. в связи с проведением 1-го художественного митинга-диспута об искусстве, на котором должен был выступить М. Шагал, а в дискуссии — «…художники Ив. Пуни, Богуславская, Ромм, Шпиро и все желающие» [**3**, с. 54]. В тех же «Известиях» за 12 марта 1919 г. сообщается о подготовке к печати художественного сборника подотдела изобразительных искусств. Среди авторов сборника, посвящённого вопросам нового искусства, значится фамилия И. Пуни [**3**, с. 69]. Художник, называвший футуризм революци-

[2] Теоретик и практик супрематизма, Иван Пуни родился в 1894 г. в семье выходцев из Италии. Его дедушка по отцовской линии — известный композитор Цезарь Пуни, автор музыки к балетам, отец — виолончелист Мариинского театра. Самой судьбой И. Пуни было уготовано родиться в посёлке Куоккала на Карельском перешейке, где располагалась дача И.Е. Репина.

ей духа, вызвал в своё время полемику на страницах газеты «Известия Витебского губернского и городского исполкомов Совета ученических депутатов». В частности, его оппонент Ю. Я. Вайнкоп оспаривает высказывание Пуни: «Искусство умрет в мастерских индивидуалистов или оно будет народным» [**3**, с. 78–80].

Не менее известно в истории мирового искусства имя И.Г. Чашника, одного из самых верных и последовательных учеников К. Малевича.[3] В «Витебском листке» за 1919 г. в статье, посвящённой Витебскому народному художественному училищу, куда молодой художник поступил в 1918 г., говорится об организации школьного музея [**3**, с. 105]. Среди работ, принятых в фонды музея, называется также работа Чашника. Но уже через три года он начинает вести курс живописной конструкции в Витебском высшем художественно-практическом институте. Будучи членом комитета Уновиса, художник отвечал за издание листовок.

Пребывание в Витебске Эль Лисицкого, И. Чашника, И. Пуни в начале XX в. совпало с началом их активной творческой деятельности. Испытав сильное влияние М. Шагала и К. Малевича, получив сильный интеллектуальный заряд от художников, ставших со временем мастерами мирового уровня, они на протяжении всей дальнейшей жизни сохранили верность искусству, идя по пути эксперимента.

Произведения Эль Лисицкого, И. Чашника, И. Пуни экспонировались на выставке русского авангарда начала XX в. — самой представительной как по количеству произведений, так и по значимости имён представленных на ней художников. В экспозицию, открывшуюся в 2011 г. в Музее истории города Минска, также вошли работы Н. Хлебниковой, Л. Поповой, И. Пуни, Г. Клуциса, И. Клюна, Н. Удальцовой, П. Львова, В. Татлина. Особенностью данного показа явилось экспонирование наряду с произведениями из коллекции Л. Закса работ, которые сегодня принадлежат собранию Литератур-

[3] Пребывание И.Г. Чашника в Витебске довольно кратковременное: в 1913 г. Чашник поступает в школу Пэна, где берёт уроки живописи и рисунка, параллельно работая подмастерьем часовщика. С 1918 г. он обучается в Народной художественной школе М. Шагала, с 1922 г. ведёт курс живописной конструкции в Витебском высшем художественно-практическом институте, но уже в 1923 г. уезжает в Петроград, следуя за К. Малевичем. Именно здесь он приобретает особую известность благодаря созданию супрематической посуды, работая живописцем на Государственном фарфоровом заводе.

ного музея Максима Богдановича, а также желание устроителей выставки объединить в залах работы, представляющие как супрематические поиски художников, так и их наброски с натуры, многочисленные этюды, зарисовки. Определённая доля риска в показе разностилевых произведений была устранена экспозиционными возможностями музея. Система расположения экспонатов в трёх автономных залах дала возможность прочувствовать стилевые особенности каждого из представленных авторов. Кроме того, экспозиция убедительно проиллюстрировала идею необходимости для каждого художника постоянно находиться в движении, развитии, возвращаясь иногда к испытанным, традиционным приёмам работы и средствам выражения, придавая им абсолютно новое звучание.

По мнению исследователя Клера Ле Фоль, глубокий кризис в русском академическом искусстве, вызванный появлением новых художественных течений в начале века, «можно сравнить лишь с появлением импрессионистов, поставивших в свое время под сомнение основы западной культуры, наследницы европейского возрождения» [**2**, с. 88].

Ярким представителем супрематизма, заложившим совместно с К. Малевичем основы этого направления, был Эль Лисицкий[4]. В отличие от сторонника традиционного еврейского искусства М. Шагала, Эль Лисицкий, под влиянием К. Малевича, пришёл к пониманию супрематизма как искусства космического масштаба. Лисицкий развивал собственную концепцию трёхмерного супрематизма в виде «проунов» — геометрических структур в пространстве, своеобразных «пересадочных станций от живописи к архитектуре» [**2**, с. 89]. На выставке в Музее истории города Минска экспонировались два произведения Лисицкого. «Проун» 1920–1921 гг. представляет собой динамичную композицию, в основу которой положен мотив соединения посредством диагонали фрагментов белого и красного кругов. Благодаря насыщенному красному и плотному белому золотисто-серый фон в работе воспринимается космическим пространством, где разворачивается движение разномасштабных, напоминающих архитектурные элементы структур.

[4] Лазарь Мордухович Лисицкий родился в с. Починок Смоленской губернии в 1890 г. Примечателен факт, что в 1916 г. он принял участие в этнографической поездке по городам и местечкам белорусского Поднепровья и Литвы с целью фиксации памятников еврейской старины.

Рис. 1. Эль Лисицкий. Проун.
1920–1921 гг. Из коллекции Л. Закса (1444).

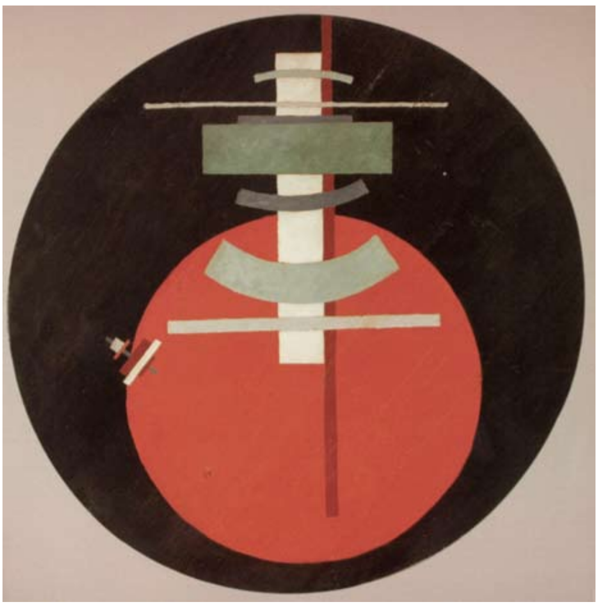

Рис. 2. Эль Лисицкий. Проун.
1923 г. Из коллекции Л. Закса (1438).

Ощущение пространства усиливается приближённостью к зрителю ярко окрашенных плоскостей. Работа «Проун» 1923 г. демонстрирует несколько иную сторону супрематического творчества Лисицкого. Статичная композиция с подчёркнутым центром (стилизованный крест, круг в круге, вертикаль) выполнена в изысканном охристом колорите. Звучание больших окрашенных плоскостей уравновешивают изящные вертикальные и горизонтальные плоскости. В данном случае не ставилась задача создания пространственной композиции, используя традиционные для супрематизма элементы: круг, прямоугольник, крест.

Рис. 3. И. Чашник. Композиция.
1920–1921 гг. Из коллекции Л. Закса (1441).

Тема супрематических поисков художников начала XX в. была продолжена на выставке работой И. Чашника «Композиция» (1920–1921). Будучи в Петрограде, помогая Малевичу в работе над «архитектонами» — пространственными супрематическими композициями — художник занимался супрематической живописью, создавал супрематическую посуду, выполнял проекты для Института прикладного и декоративного искусства. Цветовое решение произведения И. Чашника «Композиция» — традиционное для супрематической живописи: открытый красный, глубокий чёрный, благодаря которому достигается ощущение доисторического пространства. Оттеняют глубину различные оттенки светло-зёленого цвета. Резкое противопоставление красного

и чёрного придаёт композиции динамику, которую, с другой стороны, сдерживает линейная вертикальная конструкция из холодных оттенков зелёного. В работе достигается ощущение безграничного космоса, прочувствованное человеком индустриальной эпохи.

Рис. 4. И. Пуни. Натюрморт с ножом. 1910 г. Из коллекции Л. Закса (1433).

Произведение И. Пуни «Натюрморт с ножом» (1910) из коллекции Л. Закса представляет собой яркий пример синтетического кубизма, вобравшего в себя элементы итальянского футуризма. Созданная Пуни до его вступления в союз художников-авангардистов «Супремус», в 1915 г., работа иллюстрирует основные принципы кубофутуризма: показ невидимых сторон предмета (внутренние стенки бокала), использование коллажа (фрагменты газет), введение в композицию подчёркнуто геометризированных форм предметов путём дробления их на простейшие составляющие.

Выставочный проект, заявленный изначально как «Салон русского авангарда», приобретает новые формы музейного показа. Расширяются его жанровые рамки, принципы показа в пространстве музеев различного профиля, растёт круг музейных специалистов, искусствоведов, вовлечённых в его реализацию. Без преувеличения, проект можно назвать уникальным, дающим возможность познакомиться с одной из интереснейших страниц истории мировой художественной культуры.

Список литературы

1. Витебск: Классика и Авангард. История Витебского художественного училища в документах Государственного архива Витебской области (1918–1923) / сост. М.В. Пищуленок, Т.М. Свистунова, Т.В. Буевич и др. — Витебск: УПП «Витебская областная типография». 2004. — 336 с.

2. Ле Фоль, К. Витебская художественная школа (1897–1923): зарождение и расцвет в эпоху Ю. Пэна, М. Шагала и К. Малевича / Клер Ле Фоль; пер. с фр. И. Г. Стальной. — Минск: Пропилеи, 2007. — 239 с., [6] л. ил.

3. Изобразительное искусство Витебска 1918–1923 гг. в местной периодической печати: библиогр. указ. и тексты публ. / сост. В.А. Шишанов. — Минск: Медисонт, 2010. — 264 с.

4. Беларусі з любоўю. Падарунак Леаніда Закса. Графіка А. Архіпенкі, І. Клюна, П. Львова, У. Татліна. Каталог выстаўкі ў Літаратурным музеі Максіма Багдановіча. — Мінск, 2009.

5. Шатских, А.С. Витебск. Жизнь искусства, 1917–1922 / А.С. Шатских. — М.: Языки рус. культуры, 2001. — 255 с.

Звесткі аб аўтарах

Баргановіч Алена Сяргееўна,
метадыст аддзела турызму, краязнаўства і экскурсій Цэнтра дзяцей і моладзі г. Полацка.

Бакан Вольга Дзмітрыеўна,
выкладчык спец. дысцыплін Полацкага дзяржаўнага прафесійна-тэхнічнага каледжа.

Бараненка Віктар Віктаравіч,
студэнт 5-га курса гісторыка-філалагічнага факультэта Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Баўтовіч Міхаіл Мікалаевіч,
краязнаўца.

Борун Алена Мікалаеўна,
старшы выкладчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, магістр гістарычных навук, аспірантка Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Будзько Ірына Уладзіміраўна,
старшы навуковы супрацоўнік Інстытута мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі.

Бышнёў Ігар Іванавіч,
кандыдат біялагічных навук, навуковы супрацоўнік Бярэзінскага біясфернага запаведніка, рэдактар студыі тэлебачання телерадыёкампаніі «Мир».

Бярэзіна Вольга Валер'еўна,
выкладчык спец. дысцыплін, кіраўнік гуртка «Эколаг» Полацкага дзяржаўнага ляснога каледжа.

Бяспрозванная Надзея Зіноўеўна,
загадчык Прыродна-экалагічнага музея – філіяла НПГКМЗ.

Воднева Ірына Пятроўна,
загадчык Краязнаўчага музея – філіяла НПГКМЗ.

Галубовіч Віталь Уладзіміравіч,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры грамадскіх навук Гродзенскага дзяржаўнага аграрнага ўніверсітэта.

Гаўрылава Славіна Вячаславаўна,
вядучы навуковы супрацоўнік Краязнаўчага музея – філіяла НПГКМЗ.

Грамакова Галіна Пятроўна,
настаўнік пачатковых класаў Сярэдняй школы № 18 імя Еўфрасінні Полацкай г. Полацка.

Густава Ларыса Аляксандраўна,
кандыдат мастацтвазнаўства, дацэнт, дактарант Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі, дацэнт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў.

Дзядзюліна Людміла Барысаўна,
загадчыца аддзела маркетынгу Полацкай гарадской цэнтралізаванай бібліятэчнай сістэмы.

Дожына Наталля Іванаўна,
дацэнт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў.

Езавітава Варвара Аляксееўна,
студэнтка 5-га курса гісторыка-філалагічнага факультэта Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Захарава Кацярына Леанідаўна,
бібліятэкар Полацкага дзяржаўнага аграрна-эканамічнага каледжа.

Зуева Галіна Паўлаўна,
вядучы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання – філіяла НПГКМЗ.

Карасёў Віктар Раманавіч,
краязнаўца.

Копыл Сяргей Пятровіч,
старшы навуковы супрацоўнік Музея баявой славы – філіяла НПГКМЗ.

Коц Аляксей Леанідавіч,
студэнт 5-га курса гісторыка-філалагічнага факультэта Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Куксёнак Уладзімір Дзмітрыевіч,
начальнік Наваполацкай гарадской і раённай інспекцыі прыродных рэсурсаў і аховы акаляючага асяроддзя.

Ладзісаў Алег Іванавіч,
вучоны сакратар Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь.

Лабоха Галіна Міхайлаўна,
выкладчык Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Ляўшун Любоў Віктараўна,
кандыдат філалагічных навук, загадчык сектара гісторыі беларускай літаратуры Інстытута мовы і літаратуры імя Янкі Купалы і Якуба Коласа НАН Беларусі.

Магалінскі Ігар Уладзіміравіч,
старшы навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НПГКМЗ.

Мацук Андрэй Уладзіміравіч,
старшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі.

Міралюбава Ірына Усеваладаўна,
краязнаўца.

Мяржвінскі Леанард Міхайлавіч,
кандыдат біялагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры батанікі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Нікрашэвіч Людміла Мікалаеўна,
настаўнік пачатковых класаў Сярэдняй школы № 18 імя Еўфрасінні Полацкай г. Полацка.

Палякоў Сяргей Ільіч,
загадчык Музея баявой славы – філіяла НПГКМЗ.

Півавар Мікалай Васільевіч,
краязнаўца.

Салаўёў Аляксандр Аляксандравіч,
навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НПГКМЗ.

Сверж Святлана Аляксандраўна,
настаўнік геаграфіі Сярэдняй школы № 6 г. Полацка.

Сліская Леанора Іосіфаўна,
выкладчык біялогіі і хіміі вышэйшай катэгорыі Полацкага каледжа УА «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава».

Смірнова Таццяна Рафаілаўна,
старшы навуковы супрацоўнік Дзіцячага музея — філіяла НПГКМЗ.

Сопікава Валянціна Віктараўна,
бібліёграф бібліятэкі-філіяла № 1 імя Якуба Коласа Наваполацкай цэнтралізаванай бібліятэчнай сістэмы.

Сырэвіч Ірына Вікенцьеўна,
старшы навуковы супрацоўнік Музея баявой славы – філіяла НПГКМЗ.

Трацця́к Іна Дзмітрыеўна,
архівіст Занальнага дзяржаўнага архіва г. Полацка.

Чараўко Віктар Уладзіміравіч,
выкладчык кафедры айчыннай і ўсеагульнай гісторыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Ярмоленка Эльвіра Валер’еўна,
старшы навуковы супрацоўнік Інстытута мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі.

Полацкі музейны штогоднік
(зборнік навуковых артыкулаў за 2011 г.)

Укладальнікі:

Джумантаева Тамара Аляксандраўна,
намеснік дырэктара па навуковай рабоце

Воднева Ірына Пятроўна,
загадчык Краязнаўчага музея

Нікалаева Святлана Валянцінаўна,
вядучы навуковы супрацоўнік Прыродна-экалагічнага музея

Адказны за выпуск *В.У. Гаўрылаў*
Карэктар *В.Я. Ашуева*
Камп'ютарная вёрстка і дызайн вокладкі *С.Г. Урбан*

Падпісана да друку 30.03.2012 г.
Фармат 60x84 $^1/_8$. Папера офісная
Гарнітура «Mirandolina»
Друк лазерны. Тыраж 100 экз.

Надрукавана на абсталяванні
навукова-інфармацыйнага аддзела НПГКМЗ
211400, г. Полацк, вул. Ніжне-Пакроўская, 22